

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

РАНЕСЛАВЯНСКИЙ МИР
АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Выпуск 19

Серия основана в 1990 г.
С.А. Плетнёвой и И.П. Русановой

Редакционная коллегия серии:
И.О. Гавритухин, Н.В. Лопатин, А.М. Обломский

Москва 2017

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Европа от Латена до Средневековья:

варварский мир
и рождение
славянских культур

К 60-летию А.М. Обломского

Москва 2017

УДК 902/904
ББК 63.4
Е24

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственные редакторы:
кандидат исторических наук В.Е. Родинкова
кандидат исторических наук О.С. Румянцева

Рецензенты:
доктор исторических наук А.Е. Леонтьев
кандидат исторических наук О.А. Щеглова

Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур:
К 60-летию А.М. Обломского (Раннеславянский мир. Выпуск 19). – М.: ИА РАН, 2017.– 336 с.:
илл., цв. вкл.

В сборник, посвященный юбилею А.М. Обломского, вошли статьи публикационного и аналитического характера, имеющие широкий хронологический и территориальный охват: от эпохи Латена до раннего Средневековья и от Нижней Эльбы и Прибалтики до Средней Волги, Крыма и Подунавья. Авторы, представляющие научные центры России, Украины, Белоруссии, Польши, Сербии, Германии, рассматривают проблемы происхождения и развития ряда археологических культур Восточной и Центральной Европы, особенности их памятников и вещевого комплекса. В научный оборот вводятся новые материалы, расширяющие источниковую базу изучения культурно-исторических процессов в Европе в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Europe from the La Tène period to the Middle Ages: The barbarian world and the birth of the Slavic cultures. On the occasion of the 60th anniversary of A.M. Oblomsky (Early Slavic world, Issue 19). Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2017.

This book dedicated to the 60th anniversary of Andrey M. Oblomsky comprises publications and analytical papers. It covers a wide chronological and geographical range from the La Tène period to the early Middle Ages and from the Lower Elbe River and the Baltics to the Middle Volga, the Crimea and the Danube Valley. The authors represent scientific centers of Russia, Ukraine, Belorussia, Poland, Serbia, and Germany. They dwell upon the topical issues concerning the origins and development of a number of archaeological cultures in Eastern and Central Europe, distinctive features of their sites and assemblages of artifacts. New materials which expand significantly the source base used in studies of the cultural and historical processes in Europe at the end of I millennium BC – I millennium AD are introduced in scientific discourse.

ISBN 978-5-94375-227-8

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2017
© Авторы статей (см. содержание), 2017

Bob Eden

От редакторов

Настоящий сборник представляет собой издание-посвящение. Этой книгой мы, подготовивший ее авторский, редакторский, издательский коллектив, поздравляем с 60-летним юбилеем Андрея Михайловича Обломского – ученого, коллегу, друга, наставника. Решение выпустить сборник в серии "Раннеславянский мир" не случайно – своим существованием она во многом обязана усилиям Андрея Михайловича.

А.М. Обломский – ведущий специалист в области изучения этнокультурных процессов конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. в Восточной Европе, работы которого имеют широкую известность и вызывают неизменный интерес не только в нашей стране, но и за рубежом. Его исследовательский подход, основанный на скрупулезном анализе конкретного археологического материала и умении делать масштабные обобщения, эрудиция и компетентность заслужили несомненное признание в научной среде, а человеческие качества снискали расположение коллег и друзей. Одним из проявлений такого отношения стал настоящий сборник, среди авторов которого – ученые из России, Украины, Белоруссии, Польши, Сербии, Германии. Отражая широкий спектр интересов юбиляра, издание включает статьи, посвященные изучению проблем археологии от эпохи Латена до раннего Средневековья на пространстве от Нижней Эльбы и Прибалтики до Дуная, Крыма и Среднего Поволжья. Они объединены в четыре тематических блока, которые в значительной степени соответствуют основным направлениям, «жанрам» научной деятельности А.М. Обломского.

Первый раздел состоит из статей, в которых рассматриваются происхождение и развитие ряда археологических общностей и групп памятников, их взаимосвязи и место в общеевропейской системе взаимодействий. Формирование заруби-

нецкой культуры и роль в этом процессе носителей ясторфских традиций обсуждает А.И. Дробушевский. Р.В. Терпиловский и Г.В. Жаров еще раз обращаются к древностям типа Харьевки и материалам Мутинского могильника, акцентируя внимание на параллелях, которые прослеживаются для последних в пшеворской и оксывской культурах. М.В. Любичев аргументирует выделение на поселении Боромля 2 и ряде других черняховских памятников Днепровского Левобережья и Днепро-Донецкой Лесостепи двух хронологических горизонтов позднеимского времени. В центре внимания И.О. Гавритухина – раннеславянские поселения Южного Побужья, которые он определяет как принадлежащие пражской культуре, прослеживая на них одновременно и пеньковские компоненты. Вопрос о разделении культур Тушемли и Колочина в Верхнем Поднепровье и необходимости привлечения для этого керамических материалов поднимает Н.В. Лопатин. В статье В.В. Приймака подводятся некоторые итоги дискуссии об этнокультурном переломе третьей четверти VII в. на Днепровском Левобережье, активное участие в которой принимал А.М. Обломский. И.В. Исланова рассматривает древности третьей четверти – конца I тыс. н.э. на Северо-Западе, прослеживая преемственность между так называемыми предсочными памятниками и материалами культуры сопок. Правомерность этнических определений и возможность использования лепной керамики как маркера идентичности для эпохи раннего Средневековья обсуждается Й. Шневайссом.

В раздел 2 включены статьи, реконструирующие различные аспекты этнокультурной истории народов Восточной и Центральной Европы по данным археологии. Одним из наиболее информативных источников для подобных иссле-

дований традиционно выступает погребальный обряд. Его выразительным элементом у жителей древней Самбии посвящена статья В.И. Кулакова. А.Г. Фурасев обращается к материалам элитного захоронения в Концешти, особенности которого позволяют говорить о происхождении, статусе и политической ориентации похороненного здесь варварского вождя. А.П. Медведев на основании анализа комплекса письменных, археологических и лингвистических источников оспаривает правомерность применения термина «культура лимигантов» к поселениям оседлого населения бассейна Среднего Дуная эпохи поздней античности и обосновывает связь понятия «лимиганты» с кочевниками-сарматами. Д.В. Акимов реконструирует структуру заселения, систему хозяйственно-культурного освоения и обороны Верхнего Подонья в гуннское время.

Третий раздел объединяет статьи, посвященные анализу вещевого и керамического комплекса населения Восточной и Центральной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Хронология, происхождение и распространение одного из типов бус изучены А. Кокковским. Проблемы формирования стилей и локальных традиций производства украшений на территории Балтии затронуты О.А. Хомяковой. В исследованиях И.В. Белоцерковской и А. Битнер-Врублевской некоторые типы принадлежностей женского убора рассматриваются как маркер связей, вероятно, матримониальных. Систематизированные О.А. Макушниковым и О.А. Радюшем находки из Гомельского Поднепровья пополняют исследовательскую базу изделий с выемчатыми эмальями. К этому же хронологическому горизонту относится публикуемый Е.Ю. Тавлинцевой и Н.А. Кренке клад украшений III в., позволяющий по-новому оценить масштабы бронзолитейного производства у дьяковского населения. Сквозь призму организации некоторых видов производства в ареале черняховской культуры рассматривается керамика со штампованным орнаментом в статье Э. Шультце и формы для выдувания рифленого стекла в работе О.С. Румянцевой. С. Трифунович фокусирует внимание на посуде, изготовленной на ручном гончарном круге, с позднеантичных поселений Сербского

Подунавья: уточняется ее хронология, определяются ареал и культурный контекст. И.Р. Ахмедов и Н.А. Биркина публикуют уникальные находки импортных шлемов из Среднего Поочья и обсуждают возможные обстоятельства их попадания в местную среду.

Статьи четвертого раздела вводят в научный оборот новые результаты полевых исследований. В.Г. Белевец характеризует материалы поселения Мерчицы 2, ранние горизонты которого относятся к одному из наименее изученных периодов истории Белорусского Полесья – от рубежа эр до эпохи Великого переселения народов. А.М. Воронцовым и Е.В. Столяровым начато изучение первого на Верхней Оке поселения типа Чертовичское-Замятино конца IV – V в., на 150–200 км отдаленного от основного ареала памятников данной группы. Значительный интерес представляют остатки фортификационных сооружений гуннского времени, выявленные на многослойном городище Мухино, результаты раскопок которого публикуют Г.Л. Земцов, Ю.Д. Разуваев и С.В. Уваркин. Авторы ряда статей анализируют материалы неординарных погребальных комплексов, предоставляющих новую информацию об этнокультурной и социальной истории, контактах и возможных миграциях населения, которому они принадлежали. Это детское захоронение на черняховском могильнике Легедзине в Черкасской области Украины, рассмотренное Б.В. Магомедовым и А.С. Милашевским, и одно из погребений позднеримского времени на могильнике Нейзац в предгорьях Крыма, публикуемое И.Н. Храпуновым. К хазарскому периоду относится кремация Жигулевского II могильника, относящегося к новому типу памятников на Самарской Луке Волги, о которой идет речь в статье Д.А. Стащенко и Н.П. Салугиной.

Завершая вступительный раздел, мы от лица всех, принявших участие в создании сборника, еще раз поздравляем Андрея Михайловича с юбилеем и желаем ему долгой и успешной научной деятельности, здоровья, сил, энергии и новых открытий как на исследовательском поприще, так и за его пределами!

В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева

К 60-летию Андрея Михайловича Обломского

Р.В. Терпиловский (Киев)

60-летний юбилей Андрея Михайловича Обломского – подходящий повод, чтобы поздравить его не просто как друга и коллегу, но и как ученого, внесшего значительный вклад в исследование проблем происхождения и ранней истории славян.

Как известно, тема эта практически неисчерпаема, она охватывает широкий круг вопросов, рассматриваемых историками, лингвистами, археологами. В свою очередь, сфера археологии ранних славян включает изучение целого ряда культур Центральной и Восточной Европы от Латена до Средневековья. И в исследовании археологических явлений каждого из этих периодов юбиляр внес существенный вклад.

Мои первые встречи тогда еще просто с Андреем (или Стивой, как его называли друзья) произошли, кажется, на рубеже 1970-х – 1980-х годов. В это время он закончил учебу на кафедре археологии МГУ и поступил в аспирантуру Института археологии АН СССР, где его научным руководителем стала известная исследовательница пражско-корчакских древностей И.П. Русанова. Собирая материал для будущей диссертации, А.М. Обломский объездил ряд музеев Белоруссии, часто бывал в Ленинграде и Киеве.

При этом, естественно, устанавливались товарищеские отношения с молодыми коллегами, в частности, из отдела археологии ранних славян Института археологии АН УССР (в числе которых был и я) и Киевского педагогического института. В последнем научную школу возглавляла Н.М. Кравченко, среди воспитанников которой можно назвать Н.С. Абашину, Е.Л. Гороховского, Е.Н. Кухарскую, О.В. Петраускаса, Р.Г. Шишкина

и многих других. Участвуя в экспедициях Надежды Михайловны, Андрей познакомился и с Верой Нестеренко, ставшей вскоре его женой.

Конец 1970-х – начало 1980-х годов – время, когда после острых дискуссий археологов-славистов наметилась смена исследовательской парадигмы. Стало ясно, что основная линия славянского этно- и культурогенеза связана с наследием зарубинецкой культуры. Эту точку зрения отстаивали киевский ученый В.Н. Даниленко и присоединившийся позднее к его концепции ленинградец П.Н. Третьяков. Ее дальнейшее развитие позволило наметить основные культурные группы, связанные с процессами формирования и развития исторического славянства: 1) зарубинецкая культура (рубеж III/II вв. до н.э. – I в. н.э.); 2) позднезарубинецкие памятники (I–II вв.); 3) киевская культура (III–V вв.); 4) раннесредневековые славянские культуры – пеньковская и колочинская (V–VII вв.). Разрабатывая некоторые аспекты этой концепции с привлечением новых археологических источников в своей кандидатской диссертации, Андрей показал особенности верхнеднепровских зарубинецких памятников, выделив среди них две культурные группы: Горошков-Чаплин и Кистени-Чечерск (Обломский, 1983).

В составе совместной украинско-российской экспедиции, проводившей исследования в районе Новгорода-Северского, А.М. Обломский как начальник отряда охватил разведками ряд участков в среднем течении Десны, осуществил небольшие раскопки нескольких памятников, среди которых особенно интересным оказалось поселение киевской культуры верхнеднепровской

Глеваха, 1984 г.

Слева направо: И.Б. Зеленецкая, Р.В. Терпиловский, А.М. Обломский, И.А. Ремех.

традиции Мена 5. Он не прерывал активной полевой работы и после защиты в 1983 г. кандидатской диссертации, одним из оппонентов которой был мой учитель в археологии Е.В. Максимов. Летом того же года состоялась наша первая совместная разведка по Десне и Сейму в рамках подготовки Свода археологических памятников Черниговской области. С тех пор почти 20 лет наши исследования довольно часто проводились совместно или при участии одного из нас в экспедиции друга. Наше общение не прерывалось и «вне поля», в Москве или Киеве, во время командировок или конференций в других городах. Несколько забегаю вперед, отмечу, что первые совместные публикации были посвящены проблемам кризиса зарубинецкой культуры вследствие эколого-климатических изменений и формирования позднезарубинецких памятников как особой культурной группы (Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990).

Назову хотя бы основные достижения Андрея Михайловича как археолога-«полевика». В 1984–1989 гг. он сосредоточил свое внимание на малоисследованной территории водораздела Днестра и Дона. Его предшественниками, Э.А. Сымоновичем и Е.А. Горюновым, был поставлен

вопрос о чересполосном существовании на Днепро-вском Левобережье памятников киевского и черняховского типов, установлено генетическое родство колочинской и пеньковской культур, намечена граница между ними, проходившая по средним течениям левых притоков Днестра. Продолжая поиск в этом направлении, возглавляемая А.М. Обломским Раннеславянская экспедиция Института археологии АН СССР охватила разведочными работами, а потом и стационарными раскопками верховья Оскола и Северского Донца в пределах Белгородской области. В этом относительно небольшом регионе удалось зафиксировать десятки памятников первой половины I тыс. н.э.

Особый интерес представляют широкомащтабные исследования позднезарубинецких поселений Терновка и Приоскольское, а также поселений и могильников Шишино 5 (киевская культура) и Головино (черняховская культура). Эти материалы легли в основу монографии, опубликованной в г. Сумы (Обломский, 1991). Кроме того, материалы из Головино 1 позволили выдвинуть гипотезу о раннем появлении черняховских древностей на востоке Днепро-вского Левобережья (Обломский, 1999; 2001–2002).

В 1989–1994 гг. зона наших научных интересов переместилась несколько западнее, в пределы Сумской области Украины и Курской области России. Это было вызвано желанием заполнить хиатус между относительно хорошо исследованными Киевской и Черниговской областями, с одной стороны, и Курской и Белгородской, с другой. Разведки нашей украино-российской экспедиции в бассейнах Ворсклы, Псла и Сейма, предпринятые с участием сумских археологов В.В. Приймака и Л.И. Билинской, позволили выявить около сотни памятников разных эпох. На некоторых из них были проведены раскопки различного масштаба. Весьма перспективными оказались результаты исследований многослойного поселения и небольшого кочевнического могильника Рябовка 3, поселения Литвиновичи 3, содержавшего комплексы от Латена до раннего Средневековья, и поселения Попово-Лежачи 4 (ранний этап киевской культуры). В частности, удалось показать своеобразие латенизированных памятников типа Харьевка, сочетающих классические зарубинецкие и западные элементы (Обломский, Терпиловский, 1994; 1998а).

При этом А.М. Обломский стремился к тщательному исследованию микролокальных групп, включающих раннеславянские памятники различных периодов. Для территории Днепрового Левобережья была усовершенствована методика поиска поселений, разработанная в свое время Е.А. Горюновым, установлены критерии анализа керамических материалов, позволяющие выделить различные культурно-хронологические группы и этнокультурные традиции.

К сожалению, последовавший затем коллапс «бюджетной» археологии не позволил продолжить совместные полевые исследования этих интереснейших культурных общностей. Тем не менее А.М. Обломскому удалось преодолеть господствующую тенденцию и в новых, тяжелейших условиях продолжить работу. В значительной мере этому способствовала Вера Михайловна Обломская. Она была не только «хранительницей домашнего очага», но и стержнем, вокруг которого вращались «камералка», кухня, День археолога и многое-многое другое. Кроме того, для участия в экспедиции активно привлекались московские старшеклассники и друзья-учителя. Многие из

Обухов, конец 1970-х годов.

В.М. Обломская (Нестеренко) и А.М. Обломский.

них год за годом выезжали «в поле», приобретая опыт и становясь настоящими «экспедиционными кадрами». Определенной компенсацией за затраченные усилия стала находка в 1994 г. рядом с памятником позднегерманского времени 10-й Октябрь, на котором работала экспедиция, клада украшений круга «древностей антов» на колочинском поселении Гапоново. Научная обработка этих материалов, привлечение к их анализу ряда специалистов, изыскание средств на издание коллективной монографии увенчались полным успехом (Гавритухин, Обломский и др., 1996).

Позднее материалы археологических памятников позднегерманского и гуннского времени, распространенных в лесостепи Днепровского Левобережья, составили основу докторской диссертации, успешно защищенной в 2001 г., и монографии на ее основе (Обломский, 2002).

Подготовка публикаций не помешала разработке юбилейных новых планов полевых исследований. А.М. Обломский задумал «бросок на восток»: его внимание привлекает малоизученная территория – Верхнее Подонье, где воронежскими и липецкими археологами намечены контуры новых культурных групп, имеющих заметные «западные» черты. И вот уже свыше 20 лет экспедиция Андрея Михайловича ведет активный поиск в этом регионе. Раскопан ряд поселений позднегерманского и гуннского времени: Каширка, Седелки и др., а также поселения, производственные центры и могильники в районе Острой Луки Дона у г. Задонска. Результаты этих исследований настолько значительны, что им посвящено множество статей и несколько коллективных монографий, последняя из которых, объединившая авторов России, Украины, Чехии, вышла из печати совсем недавно (Обломский, Терпиловский, 1998б; Острая Лука Дона в древности, 2004; 2015).

Наряду с раскопками на Дону в последние годы А.М. Обломский время от времени возвращается и на Десну, где начинал свою самостоятельную экспедиционную деятельность. Работа с уникальным Брянским кладом украшений круга выемчатых эмалей, переданным в Государственный Исторический музей, обследование места его находки «черными копателями» привели к впечатляющим результатам. В полевом сезоне 2015 г. начато изучение двух поселений киевской культуры с выразительными датированными находками.

«Крутые девяностые» как в России, так и в Украине ознаменовались существенным сокра-

щением финансирования «академической» науки, в том числе археологических исследований. В этих условиях работа в новостроечных экспедициях, где можно было найти некоторое применение профессиональным навыкам, воспринималась как большая удача. Весьма полезный опыт нашей группе, включавшей А.М. Обломского и двух киевлян – О.В. Петраускаса и меня, удалось получить во время охранных изысканий и за границей – в Белостокском воеводстве Польши в 1997 г. Позднее пришлось поработать и на Смоленщине в составе Деснинской экспедиции отдела охранных раскопок Института археологии РАН.

В такой ситуации получение, пусть и небольших, исследовательских грантов международного фонда «Возрождение» и Российского гуманитарного научного фонда в начале 2000-х годов помогло отчасти компенсировать сужение контактов между учеными разных стран путем командировок в археологические учреждения Польши, России, Белоруссии, Украины. Осуществление этих проектов (участники с российской стороны – А.М. Обломский, И.Е. Бирюков, Г.Л. Земцов и др., с украинской – Р.В. Терпиловский, Ю.Ю. Башкатов, О.В. Петраускас) позволило, в частности, подготовить к изданию два тома из серии «Раннеславянский мир», посвященные позднезарубинецким памятникам и киевской культуре (Памятники киевской культуры..., 2007; Позднезарубинецкие памятники..., 2010).

Может показаться, что А.М. Обломский – необычайно везучий «полевик». Еще бы: при том, что материальная культура ранних славян довольно бедна, ему в ходе раскопок посчастливилось найти несколько кладов. Это украшения круга выемчатых эмалей (Шишино 5, 1985 г.), «древности антов» (Гапоново, 1994 г.), два клада железных изделий (Замятино), а кроме того, стеклянный кубок и замечательные вещи из поселений и могильников у с. Ксизово. Однако за такой «везучестью» стоят не только (да и не столько) развитая интуиция и огромный опыт, но и колоссальный труд, вложенный в подготовку и проведение экспедиций. В этом, как уже было сказано, Андрей Михайлович постоянно опирается на помощь Веры Михайловны, активно привлекающей для участия в полевых исследованиях московских школьников, а также многочисленных друзей семьи Обломских. Творческая атмосфера экспедиции позволила приобрести бесценный полевой опыт нашим молодым коллегам Ю.Ю. Башкатову, В.Е. Родинковой, О.А. Радюшу.

А вообще, сбереглось немало воспоминаний о различных ситуациях, связанных с романтикой археологического поиска, иногда волнующих и драматических, а порой и смешных, о том, как в экспедициях вырастали наши сыновья и дети друзей, о песнях у костра, о радостных встречах в начале полевого сезона и расставаниях в конце.

Вклад А.М. Обломского в археологическую науку отнюдь не исчерпывается полевыми исследованиями. Значительные усилия им были затрачены на введение в научный оборот обширных музейных коллекций, остававшихся неопубликованными на протяжении долгих лет. Например, хранящихся в фондах Государственного Исторического музея в Москве материалов масштабных раскопок поселения Журавка Ольшанская, проведенных в 1960-х годах Э.А. Сымоновичем (Обломский, 1998; 2010а). Другим достижением такого рода можно считать обработку, а затем и публикацию А.М. Обломским и Ю.Ю. Башкатовым материалов позднезарубинецких памятников Марьяновка, Рахны и др. (раскопки П.И. Хавлюка), хранящихся в Винницком краеведческом музее (Обломский, 2010б).

Безусловно, необходимо отметить и деятельность А.М. Обломского как организатора науки. Она проявляется, например, в руководстве вначале группой, а затем отделом археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН, объединяющим ученых различных научных интересов, возрастов, взглядов и характеров. Их исследования охватывают период в тысячу лет и огромную территорию, простирающуюся от Балтики на западе до Приуралья на востоке. В результате работы отдела оказалась значительно расширена зона, в пределах которой происходило формирование славянства, уточнен характер контактов славян с другими этнокультурными группами как оседлого, так и кочевого населения. Велики заслуги юбиляра и в издательской деятельности Института археологии. Серия «Раннеславянский мир» была основана С.А. Плетневой и И.П. Русановой в 1990 г. С 1996 г. в ней вышло полтора десятка сборников, индивидуальных и коллективных монографий, и львиная доля труда в их подготовку вложена именно А.М. Обломским.

Ксизово, 2005 г.

Нельзя обойти вниманием и желание юбиляра поделиться знаниями и опытом с «младшим поколением». Общение со студентами, аспирантами и молодыми коллегами, которым необходимы консультация или совет, происходит не только в кабинетах или дома у Андрея Михайловича, но и просто в экспедиционных палатках или на раскопе.

Разнообразные собственные экспедиционные работы, знакомство с археологическими коллекциями латенского, римского и раннесредневекового периодов не только Поднепровья, Побужья и Подонья, но и бассейнов Вислы и Дуная, многочисленными отечественными и зарубежными изданиями, активное участие в конференциях различного уровня поставили нашего юбиляра в ряд выдающихся археологов-славистов. Ученый колоссальной трудоспособности, А.М. Обломский своими открытиями развил и конкретизировал целый ряд гипотез, выдвинутых предшественниками, наполнил их конкретным археологическим содержанием. Его идеи неизменно привлекают внимание коллег, хотя поначалу и вызывают острые дискуссии. Исследования А.М. Обломского отличает высокий процент «попадания в яблочко» – новые находки подтвердили жизнеспособность многих из разработанных им положений. Это сюжеты о финале зарубинецкой культуры и формировании позднезарубинецких памятников, послуживших, в свою очередь, основой для сложения киевской культуры; проблема сосуществования киевских и черняховских древностей на Днепровском Левобережье; их место в культуро-

генезе ранних славян. Он впервые ярко показал своеобразие донских памятников гуннского времени, вобравших славянские, германские, финно-угорские, позднескифские и тюркские черты. Вместе с тем «сухому» археологическому материалу А.М. Обломский всегда стремится придать историческое звучание. Безусловно, заслуживают внимания очерки о венетах Тацита, походах готов Германариха на восток, анклав гуннской «империи» на Дону и многие другие. Все они построены на скрупулезном анализе обширных археологических данных.

В заключение не могу не отметить и широкого круга не только научных, но и культурных интересов Андрея Михайловича. Он живо интересуется новыми художественными выставками, театральными постановками, новостями культуры и проч. Благодаря ему мне удалось познакомиться с замечательными местами Москвы, Новгорода, Пскова, Суздаля, Владимира и других российских городов.

Можно еще долго говорить о разнообразных достоинствах юбиляра, с которым меня связывают не только профессиональные отношения, но и многолетняя дружба семьями. Нимало не сомневаюсь, что 60 лет – это лишь очередная ступенька, за которой последует еще много новых открытий. От имени украинских друзей и коллег желаю Андрею Михайловичу крепкого здоровья и вдохновения, успешного претворения в жизнь всех творческих планов!

Литература

Гавригун И.О., Обломский А.М. и др., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (Раннеславянский мир. Вып. 3). М. 296 с.

Обломский А.М., 1983. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 20 с.

Обломский А.М., 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. М.; Сумы. 287 с.

Обломский А.М., 1998. Поселение Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье (опыт культурно-хронологического анализа материалов) // ГАЗ. Вып. 13. С. 59–87.

Обломский А.М., 1999. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // 100 лет черняховской культуре / Ред. М.И. Гладких. Киев. С. 26–38.

Обломский А.М., 2001–2002. Новый черняховский памятник на территории России // Stratum plus. № 5. С. 27–52.

Обломский А.М., 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 5). М.: ИА РАН. 255 с.

Обломский А.М., 2010а. Материалы поселения Журавка Ольшанская // Археология Вос-

точной Европы в I тысячелетии н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 13) / Ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 144–260.

Обломский А.М., 2010б. Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга // Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 12) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 16–35.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1994. О связях населения Центральной Европы и востока Днепровского Левобережья в латенское и раннеримское время // *Kultura przeworska*. Т. 1 / Red. J. Gurba, A. Kokowski. Lublin: UMCS. С. 159–181.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1998а. Поселение Попово-Лежачи 4 и его место среди памятников киевской культуры // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia archaeologica*. № 32. Łódź. С. 53–89.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1998б. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины

I тыс. н.э. (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12) / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ. С. 124–156.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петрускас О.В., 1990. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины (препринт). Киев: ИА АН УССР. 48 с.

Острая Лука Дона в древности. Замытинский археологический комплекс гуннского времени, 2004. (Раннеславянский мир. Вып. 6.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 230 с.

Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.), 2015. (Раннеславянский мир. Вып. 16.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 660 с.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.), 2007. (Раннеславянский мир. Вып. 10.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 318 с.

Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н.э.), 2010. (Раннеславянский мир. Вып. 12.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 332 с.

Археологические общности и этнокультурные процессы

Зарубинецкая культура и культура Ясторф

А.И. Дробушевский (Санкт-Петербург)

Ключевые слова: зарубинецкая культура, культура Ясторф, германцы, латенская культура, латенизация, Латен, предримский период, фибулы, гривны-короны.

Тема зарубинецко-ясторфских связей актуальна в связи с решением вопроса о происхождении зарубинецкой культуры, этносе ее носителей, а также при изучении контактов последних с внешним миром. Интерес к ней заметно возрос после выдвижения тезиса о возникновении культуры Поянешти–Лукашевка в результате продвижения племен ясторфской культуры (бастарнов и скиров) в Пруто-Днестровское междуречье во второй половине III в. до н.э. через территорию Польши (Woźniak, 1974; Niewęłowski, 1986, s. 203–216; Babeş, 1993), где в последние десятилетия ведется активное изучение ясторфских памятников (Woźniak et al., 2013).

За более чем столетний период изучения зарубинецких древностей сложилось три основных направления, в рамках которых рассматриваются зарубинецко-ясторфские связи.

Представители первого направления отрицают участие культуры Ясторф как в формировании, так и развитии зарубинецких традиций. О ясторфском компоненте в зарубинецкой культуре практически не упоминали Ю.В. Кухаренко (1964), П.Н. Третьяков (1966), Е.В. Максимов – в ранних работах (1972), Л.Д. Поболь (1971), К. Годловский (Godłowski, 1977), А.М. Обломский (1983), Л.Е. Скиба (2001) и другие исследователи. Большинство сторонников этой точки зрения связывали зарубинцев с древними славянами.

Второе направление, напротив, представляют авторы, которые считают носителей зарубинецкой культуры пришлым древнегерманским населением. Главная роль в процессе ее сложения и

латенизации отводится именно ясторфским племенам (Kossinna, 1914, S. 147–157; Tackenberg, 1929, S. 232–244; Еременко, 1997).

И, наконец, представители третьего направления признают существование ясторфских элементов в зарубинецкой культуре, но в формировании последней отводят им второстепенную роль одного из компонентов (Каспарова, 1969; 1981; Максимов, 1982; 2000; Niewęłowski, 1986; Babeş, 1993; Шукин, 1994; Пачкова, 2006).

Чем же объясняются эти различия во взглядах на соотношение зарубинецкой и ясторфской культур? Можно было бы предположить, что дело в идеологии, но если до конца прошлого столетия археологические публикации и несли на себе какой-то идеологический налет, то современные исследования базируются исключительно на анализе конкретных источников. А единства мнений не существует до сих пор. Причины, на наш взгляд, кроются в следующем.

Во-первых, как зарубинецкая, так и ясторфская культуры представляют собой довольно сложные явления конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. Обе они относятся к кругу так называемых латенизированных культур предримского периода, и ряд общих элементов у них мог появиться в результате влияния кельтов. В свое время П.Н. Третьяков отметил, что «основной ошибкой поисков истоков зарубинецких племен в среде древнего населения Средней Европы было то, что исследователи уделяли особое внимание тем элементам культуры, которые у зарубинецких и средневропейских племен появились в результате одного и

того же кельтского влияния. Так, например, существуют представления, что зарубинецкие племена являются ответвлением племен ясторфской культуры, распространенной на Средней Эльбе. Основным аргументом служат здесь близкие черты некоторых групп керамического материала, появившихся в культуре тех и других племен в результате контактов с кельтским миром» (Третьяков, 1969, с. 9).

Во-вторых, ясторфская культура возникла значительно раньше зарубинецкой, еще в VI в. до н.э., т.е. в гальштатский период (Morgenrot, 1976, S. 83). Начало зарубинецкой культуры определяется в рамках конца III – начала II в. до н.э., т.е. в пределах латенского периода (Пачкова, 2006, с. 106, 112–113). Естественно, материалы ранних фаз ясторфской культуры не могут привлекаться при рассмотрении зарубинецко-ясторфских связей. Кроме того, до сих пор не существует единой хронологической схемы как для всей зарубинецкой (Пачкова, 2006, с. 105–134), так и ясторфской общностей (Keiling, 1997, p. 35–43).

В-третьих, термин «ясторфская культура» используется как собирательное название для нескольких групп археологических памятников на севере Центральной Европы в конце гальштатского и латенского периодов. Есть „engerer Jastorfkreis“, „Jastorkultur im eigentlichen Sinne“ (Morgenrot, 1976, S. 87) или ядро и периферия ясторфской культуры, которые, в свою очередь, распадаются на целый ряд локальных групп и подгрупп (Brandt, 2001, S. 26). В связи с этим понятие «ясторфский элемент» значительно усложняется.

Аналогичным образом может рассматриваться и зарубинецкая культура. В археологической литературе встречается понятие «классические зарубинецкие древности» (Третьяков, Шмидт, 1963, с. 24; Третьяков, 1969, с. 13; Максимов, 1982, с. 25, 78, 161; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 10, 13, 20; Пачкова, 2006, с. 47, 129–130). Под «классической» (или «в узком смысле») зарубинецкой культурой следует понимать памятники трех ее основных локальных вариантов (групп): полесского, верхне- и среднеднепровского (Кухаренко, 1964, с. 9). В «широком» смысле в нее могут быть включены памятники предримского периода в верховьях Южного Буга (Хавлюк, 1971; 1975) и типа Харьевки в Посеймье (Березовец, 1955; Обломский, Терпиловский, 1994; Обломский, 2000) на Украине. Имеются данные о существовании зарубинецких материалов и в восточной Польше (Dąbrowska, 2004). Возмож-

но, в будущем в состав зарубинецкой культуры в «широком» смысле будут также включены синхронные среднетуземлинские древности Верхнего Поднепровья и типа верхнего слоя городища Полужье в Брянском Подесенье на территории России (Дробушевский, 2011).

И, наконец, следует помнить об общих стилистических тенденциях в развитии ясторфской и поморской керамики. Предполагается, что волна миграции ясторфских племен в юго-восточном направлении впитала в себя и часть «поморского» населения (Czorek, 1992, s. 84, 122). Не случайно К.В. Каспарова отмечала, что почти все типы зарубинецких сосудов, находящие аналогии в поморско-клешевых материалах, известны также в культурах ясторфского круга (1992, с. 297). К сожалению, памятники предримского времени верхнего течения Днестра и Западного Буга, несмотря на определенные успехи (Козак и др., 2004), до сих пор слабо изучены (рис. 1).

В данной статье ставится задача рассмотреть «ясторфские» элементы в зарубинецкой культуре в плане их достоверности, хронологии и путей проникновения. Сразу отметим, что на территории Южной Беларуси и Северной Украины не выявлены достоверные ясторфские памятники как предзарубинецкого, так и зарубинецкого времени.

Еще в конце 60-х годов прошлого века К.В. Каспарова указала (наряду с кельто-иллирийскими) ясторфские параллели поясному крючку из погребения 31 могильника Отвержичи (Каспарова, 1969, с. 156–157). Ясторфские аналогии, по ее мнению, имеют поясные крючки (скрепы) из погребений 125 и 236 могильника Чаплин в Гомельском Поднепровье и погребений 45 и 75 могильника Велемичи II в Белорусском Полесье (Каспарова, 1981, рис. 6: 2, 3, 13), а также фибула среднелатенской схемы с шариками (Kugelfibel) и лепной горшок с иксовидной ручкой из погребения 108 могильника Велемичи I (Каспарова, 1981, с. 67–68). Среди лепной зарубинецкой посуды, с точки зрения исследовательницы, типичны для ясторфского круга несколько горшков с двумя–четырьмя ручками-ушками и сосуды «трехчастной» формы. В ясторфских материалах встречаются округлобокие горшки с почти прямой шейкой, близкие найденным в полесских зарубинецких могильниках. Миски с загнутым внутрь краем венчика, в небольшом количестве представленные во всех группах зарубинецких памятников, по К.В. Каспаровой, также находят аналогии в древностях ясторфского круга. Однако, учитывая, что параллели этим формам мисок есть в поморско-под-

клетшевой культуре, среди кельтской керамики, на нижнеднепровских городищах и в Крыму в слоях рубежа эр, исследовательница не настаивала на их северо-западном происхождении (Каспарова, 1981, с. 71–72). Наконец, для зарубинецкой, и еще более для ясторфской традиции, по ее мнению, характерна орнаментация сосудов рельефными «подковками» (Каспарова, 1981, с. 71, рис. 7: 1–14; 8: 1–7). Осознавая, что северо-западные элементы в зарубинецкой культуре крайне редки, К.В. Каспарова пишет лишь об участии в ее формировании ясторфского населения (1981, с. 76).

С продвижением германских (ясторфских) племен Е.В. Максимов связывает нарушение стабильности в Припятском Полесье и даже на левобережье Днепра в I в. до н.э. – I в. н.э., о чем, с его точки зрения, свидетельствуют погребения на р. Сейм у с. Пересыпки, находки бронзовых короновидных гривен в Черниговском Подесенье, а также материалы поселения Харьевка и Басовского городища. По мнению исследователя, роль носителей ясторфских традиций в генезисе зарубинецкой культуры не прослеживается (Максимов, 1982, с. 80–81, 163).

Иначе видел соотношение ясторфской и зарубинецкой культур В.Е. Еременко. В поисках «исходного пункта» процесса латенизации он пришел к выводу, что именно проникновение латенских импортов на юго-восточную окраину ясторфской культуры и сложение там переходной латенско-ясторфской подмогельской группы создало предпосылки для широкого распространения данного процесса, резко активизировавшегося с началом передвижения восточной ясторфской культуры и приведшего в LT C1b (225–190 гг. до н.э.) к формированию латенизированных культур. Основных причин столь быстрой латенизации исследователь видел две: отсутствие постоянного оседлого населения к востоку от Одера и образование зоны археологической непрерывности, дугой тянущейся вокруг центральноевропейских кельтских земель и через них замыкающейся в кольцо.

Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры складывается, по В.Е. Еременко, позднее балканских походов бастарнов в результате нового импульса с ясторфской периферии, зародившегося, судя по вещам ясторфского происхождения, в северной Ютландии (Еременко, 1990, с. 14–16). В Чаплинском могильнике ясторфский компонент представлен поясными крючками, топорами-кельтами и керамикой, сравнимой с керамикой Дании периодов II (III–II вв. до н.э.) и, в особенности, IIIa (II в. до н.э. – рубеж эр), по К. Беккеру (Еремен-

ко 1997, с. 165, рис. 60: 20, 25–31, 34, 37). И далее более категорично: «Ясторфская подоснова зарубинецкой культуры... и их принадлежность бастарнам больше не вызывает принципиальных возражений» (Еременко, 2000, с. 14).

Подробный анализ ясторфских элементов в зарубинецкой культуре произвела С.П. Пачкова (2006, с. 224–251). Она пришла к выводу, что на зарубинецких могильниках можно найти отдельные захоронения, по обряду полностью совпадающие с ясторфскими. К ним она отнесла по два комплекса на могильниках Пирогов (6 и 286), Вишенки (4 и 6) и одно в Корчеватом (3). Чаще встречаются погребения, в которых сочетаются зарубинецкие и ясторфские черты. Большинство же зарубинецких захоронений значительно отличаются по обряду от ясторфских (Пачкова, 2006, с. 230–233). По мнению исследовательницы, встречающиеся на могильниках «кучки кальцинированных костей» связаны с характерным для носителей ясторфских традиций типом урновых захоронений в органических контейнерах. Она также отметила, что набор фибул зарубинецкой культуры значительно отличается от ясторфского. Застежки среднелатенской схемы с треугольным щитком (зарубинецкого типа) для ясторфского населения не характерны. И наоборот, фибулы с шариками на спинке и ножке — распространенное явление в ясторфской культуре и чрезвычайно редкое у зарубинцев. Среди ясторфских материалов часто встречаются фибулы типа D/E и G/H по схеме Й. Костжевского (Kostrzewski, 1919, S. 15–41), среди зарубинецких они зафиксированы в единичных случаях (Пачкова, 2006, с. 233–234, рис. 97; 98). Исследовательница охарактеризовала также черты сходства и различия в керамическом комплексе.

В результате С.П. Пачкова пришла к следующим выводам. Она отрицает появление верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры в результате импульса из северной Ютландии. В процессе становления зарубинецких традиций на них оказывали воздействие различные локальные варианты ясторфской общности. Последняя явилась источником ясторфского типа латенизации зарубинецкой культуры. Результаты сравнения материалов позволяют сделать вывод о взаимовлиянии, а не об одностороннем воздействии ясторфской культуры на зарубинецкую (Пачкова, 2006, с. 248, 251).

Говоря о вкладе ясторфского населения в формирование зарубинецкой культуры, прежде всего, необходимо исходить не из разного рода предпо-

ложений общеисторического характера (переселение бастарнов, скиров, кимвров и тевтонов и т.п.), а из анализа конкретных археологических материалов.

Отсутствие на территории зарубинецкой культуры ясторфских объектов предзарубинецкого времени (ЛТ В2–С1а) исключает возможность миграции с северо-запада в указанный период. Нет достоверных ясторфских элементов и в самых ранних зарубинецких комплексах.

Теперь рассмотрим те немногочисленные находки, которые исследователи считали отражением ясторфского влияния на зарубинецкую культурную общность.

Погребение 108 могильника Велемичи I в Полесье (рис. 2: 1–5) интерпретируется по-разному. Происходящий из него большой чернолощенный горшок в нижней части орнаментирован полосами глубоких расчесов, идущими снизу вверх, где они слегка загибаются в сторону (рис. 2: 1). Этот сосуд Ю.В. Кухаренко связал с подклешевыми традициями (1960, с. 292, рис. 4). По Т. Домбровской, комплекс погребения датируется позднелатенским временем и отражает связи зарубинецкого населения с кельто-даками Молдавии и Закарпатья, а также с культурой Поянешти–Лукашевка (Dąbrowska, 1973, s. 198, 205). А. Невежловский, не отрицая юго-западных и поморских параллелей рассматриваемого велемичского захоронения, считает, что орнамент в виде расчесов – ясторфский (Niewełowski, 1986, s. 206–207). Единственная в зарубинецкой культуре железная фибула среднелатенской схемы с двумя шариками на спинке (рис. 2: 3) относится к типу Kugelfibeln схемы А2 по А. Бигер (Bieger, 2002, s. 55–58). Подобные застежки широко представлены в ясторфской культуре, но велемичский экземпляр мог происходить и из Подунавья, где они также хорошо известны (Bieger, 2002, Abb. 2). Не позднее середины III в. до н.э. фибулы с шариками получают распространение у нижнеднепровских скифов (Тельнов и др., 2016, с. 957).

Юго-западное направление связей подтверждает и комплекс погребения 115 могильника Велемичи I (рис. 2: 6, 7), в котором был чернолощенный горшок, близкий по форме и орнаменту горшку из погребения 108. Рядом с ним обнаружен обломок венчика гончарного сосуда, поверхность которого покрыта графитом (Кухаренко, 1961 с. 42, табл. 22: 27). Последняя находка, бесспорно, является кельтским импортом.

Все приводимые в качестве ясторфских аналогии элементам зарубинецкого керамического

комплекса (горшки с выделенной шейкой, трехчастность сосудов, ручки-ушки, фасетирование венчика, хрупчатость поверхности, «подковки» и т.д.) в предримское время имеют в Европе межрегиональный характер. Зато в зарубинецких материалах совершенно отсутствуют глиняные сосуды со сложными прорезными узорами, с чередующимися лощеными и хрупчатыми вертикальными полями и т.п., характерные именно для культуры Ясторф. Ничего, указывающего на специфическое ясторфское влияние, в глиняной посуде Чаплинского могильника верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры не обнаружил и Дж. Мартенс (Kaul, Martens, 1995, p. 146). Горшок из погребения 6 могильника Пирогов с прочерченными по сырой глине нерегулярными знаками С.П. Пачкова сравнивает с сосудом из погребения 3 ясторфского некрополя Грэфенхайниген в Германии (рис. 3) (Пачкова, 2006, с. 237, рис. 104). Однако в последнем комплексе обнаружена железная фибула позднелатенской схемы варианта К по Й. Костжевскому (Gustavs G., Gustavs S., 1976, S. 57, Abb. 3), что не позволяет говорить о раннем характере данного захоронения. Погребение 286 Пироговского могильника тоже позднее. Здесь кроме скопления пережженных костей найдена бронзовая фибула позднелатенской схемы варианта N1 (Скиба, 2001, с. 91, рис. 34: 8). Захоронения 4 и 6 могильника Вишенки (Пачкова, 2008, рис. 64; 66) и 3 могильника Корчеватое (Самойловский, 1959, с. 74, табл. II: 47–49), вопреки С.П. Пачковой, ничего специфически ясторфского в себе не содержат. Даже отдельные находки керамики «северо-западногерманского» характера в Восточной Европе как бы огибают зарубинецкий ареал (Kaul, Martens, 1995, fig. 31).

К числу урновых С.П. Пачковой отнесены и захоронения с компактным скоплением кальцинированных костей – в Пироговском могильнике их более 30%, а в Вишенках 18% от общего числа комплексов. По мнению исследовательницы, вполне возможно, что и на других зарубинецких могильниках, в том числе на Чаплинском, большое количество погребений относится к урновым, в которых урнами служили емкости из органического материала (Пачкова, 2006, с. 55–59). К сожалению, это интересное предположение не было подкреплено конкретными примерами. Компактное скопление пережженных костей в могильной яме могло образоваться и в результате простого аккуратного выкладывания праха. В Чаплине нет ни одного случая, когда скопление костей воспроизводило бы форму предполагаемых

емкостей из органического материала, которые быстро подверглись разложению и не сохранились (Дробушевский, 2016, с. 54).

Не выявлены следы урновых погребений на зарубинецком могильнике в д. Горошков Речицкого района Гомельской области Республики Беларусь, на котором в 2014–2016 гг. проводила работы Южно-Белорусская экспедиция (Воротинская, Дробушевский, 2016, с. 16). Урновые трупосожжения, помещенные в емкости из органического материала, не могут считаться специфически ясторфскими, так как этот обряд захоронения известен в Европе достаточно широко (Maas, 2010, p. 315).

Полностью отсутствуют на зарубинецких могильниках урновые захоронения в каменных кругах, круглых каменных вымостках или низких насыпях, широко известные в культуре Ясторф (Могильников, 1974, с. 171; Morgenrot, 1976, s. 89, 91).

Нет среди зарубинецких древностей глиняных очажных подставок (Feuerböcke) и ложек (Löffel), известных в ясторфской культуре, Польше и на памятниках типа Поянешти–Лукашевка (Dąbrowska, 1988, s. 183–188; Babeş, 1993, S. 27, 76–79; Woźniak, 2013, p. 13, fig. 6).

Среди металлических изделий зарубинецкой культуры ясторфские образцы отсутствуют полностью. На зарубинецких памятниках до сих пор не известны булавки типа Flügelnadeln и др., фибулы вариантов F, I, K по схеме Й. Костжевского и Kugelfibeln, шарики которых украшены крестами (Kaul, Martens, 1995, fig. 22, 23, 25, 26), двух- и трехсоставные металлические скрепы. Два железных поясных крючка (скрепы) из погребений 125 и 236 Чаплинского могильника (Поболь, 1973, рис. 40: 21; 65: 3) также не являются сугубо ясторфскими. Аналогии им известны, например, в кельто-иллирийском Подунавье (Арсенијевич, 2013, табл. XX: 13, 20).

Огибают зарубинецкий ареал и широко известные короновидные гривны (Kronenhalsringe). Обычно это случайные находки, часто сделанные при осушении болот. Характерно, что на территории знаменитых Полесских болот, мелиорация которых ведется уже более ста лет, до сих пор не известно ни одной такой вещи. Семь гривенок происходят из Черниговского Подесенья (Shchukin et al., 1992). Компактный район, где они обнаружены, расположен между зарубинецкими поселениями верхнеднепровского варианта типа Чаплин (Титова Речка, Еловщина) и памятниками типа Харьевки (Обломский, 2000, рис. 16). Скорее всего, они связаны с памятниками типа Харьевки, для которых характерно наличие двух этнокуль-

турных компонентов: среднеднепровского зарубинецкого и ясторфского (центральноевропейского) круга (Обломский, 2000, с. 153–154). Обращает на себя внимание тот факт, что черниговские гривны-короны относятся к поздним разновидностям (типы Dvikozy и Włoni по Б. Раухфуссу¹ или II/III–IV по Й. Костжевскому (Kostrzewski, 1919, S. 106–108, Taf. 85)). Подобные образцы практически не известны на территории современной Дании и в Поэльбье. Датируются они LT D1 (Woźniak, 2013, p. 17–18). В этом же контексте следует рассматривать дружинный могильник у с. Мутиг на Сейме, также датируемый концом предримского периода (Терпиловський, Жаров, 2014, с. 45–60).

Таким образом, «ясторфские» элементы в зарубинецкой культуре присутствуют в значительно меньшей степени, чем в других латенизированных общностях (пшеворской, оксывской и Поянешти–Лукашевка). Большинство их являются межрегиональными или принадлежат к позднелатенскому периоду. Отсутствие достоверно ясторфского компонента в ранних зарубинецких комплексах исключает непосредственное участие древнегерманского (ясторфского) населения в формировании зарубинецких традиций. Неудивительно, что в археологической литературе Германии, Дании и Скандинавии гипотеза о германской принадлежности носителей зарубинецкой культуры не вызвала сколь-нибудь заметного энтузиазма.

Конкретные механизмы процесса латенизации культур Центральной и Восточной Европы все еще остаются объектом дискуссии. Оснований говорить о каком-то особом «ясторфском пути» латенизации зарубинецкой общности нет оснований, так как население Поэльбья, Дании, Южной Скандинавии и Поднепровья во второй половине I тыс. до н.э. находилось примерно на одном уровне социально-экономического развития. Этот процесс в Поднепровье шел иначе, чем в Повисленье и Поэльбье, и был инициирован не с территории культуры Ясторф, а, вероятно, с юго-запада, через Восточные Карпаты (Кухаренко, 1959, с. 42; Woźniak, 1974, s. 136–165). Второй путь намечается через Нижнее Подунавье, о чем свидетельствуют новейшие исследования скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье, где выявлены многочисленные латенские материалы (Тельнов и др., 2016).

¹ Приношу искреннюю благодарность Бьёрну Раухфуссу за возможность ознакомиться с его неопубликованной магистерской работой (Rauchfuß B. Die Kronenhalsringe der vorrömischen Eisenzeit in Nord- und Osteuropa. Berlin, 2002).

Литература

Арсенијевић С., 2013. Појасне копче из млађег гвозденог доба на тлу западног и централног Балкана. Бања Лука: Музеј Републике Српске. 220 с.

Березовець Д.Т., 1955. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949–1950 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 5 / Відп. ред. С.М. Бібіков. Київ: АН УРСР. С. 49–66.

Воротинская Л.С., Дробушевский А.И., 2016. Археологические исследования Горошковского могильника в 2014 году // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 27 / Гал. рэд. В.М. Ляўко. Мінск: «Беларуская навука». С. 5–19.

Дробушевский А., 2011. Этнокультурные изменения в междуречье Днепра и Десны на рубеже нашей эры // ГАЗ. Вып. 26 / Гл. ред. А.А. Коваленя. Мінск: «Беларуская навука». С. 76–83.

Дробушевский А.И., 2016. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 1 / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: «Беларуская навука». С. 38–136.

Еременко В.Е., 1990. Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л. 18 с.

Еременко В.Е., 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III–I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. СПб.: СПбГУ. 232 с.

Еременко В.Е., 2000. Нас много, и мы везде... Памяти К.В. Каспаровой // Stratum plus. № 4. С. 14–16.

Каспарова К.В., 1969. Могильник и поселение у дер. Отвержичи // МИА. Вып. 160 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. Л.: Наука. С. 131–168.

Каспарова К.В., 1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. № 2. С. 57–79.

Каспарова К.В., 1992. О хронологии и связи зарубинецкой культуры // Ziemia polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami: materiały z konferencji / Red. S. Czopek. Rzeszów. S. 289–302.

Козак Д.Н., Прищепя Б.А., Шкоропад В.В., 2004. Давні землероби Волині (пам'ятки археології на Хрінницькому водоймищі) / Відп. ред. Н.С. Абашина. Київ: ІА НАНУ. 300 с.

Кухаренко Ю.В., 1959. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. № 1. С. 31–51.

Кухаренко Ю.В., 1960. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // СА. № 1. С. 289–300.

Кухаренко Ю.В., 1961. Памятники железного века на территории Полесья (САИ. Вып. Д1–29). М.: АН СССР. 70 с.

Кухаренко Ю.В., 1964. Зарубинецкая культура (САИ. Вып. Д1–19). М.: Наука. 68 с.

Максимов Е.В., 1972. Среднее Поднепровье на рубеже н.э. Киев: Наукова думка. 184 с.

Максимов Е.В., 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наукова думка. 184 с.

Максимов Е.В., 2000. О контактах населения Центральной Европы с зарубинецкими племенами Среднего Приднепровья // Stratum plus. № 4. 2000. С. 53–65.

Могильников В.А., 1974. Погребальный обряд культур III в. до н.э. – III в. н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. / Ред. В.В. Седов. М.: Наука. С. 133–225.

Обломский А.М., 1983. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 20 с.

Обломский А.М., 2000. Материалы зарубинецкого периода на поселении Литвиновичи-3 в Среднем Посеймье // Stratum plus. № 4. С. 141–155.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I–II вв. н.э. М.: ИА АН СССР. 176 с.

Обломський А.М., Терпиловський Р.В., 1994. Посейм'я у латенський час // Археологія. № 3. С. 41–51.

Пачкова С.П., 2006. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев: ИА НАНУ. 372 с.

Пачкова С.П., 2008. Могильник зарубинецкой культуры Вишеньки біля Києва. Київ: ІА НАНУ. 166 с.

Поболь Л.Д., 1971. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника. 232 с.

Поболь Л.Д., 1973. Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника. 280 с.

- Самойловский И.М., 1959.** Корчеватовский могильник // Памятники зарубинецкой культуры (МИА. № 70) / Ред. П.Н. Третьяков. М.; Л.: АН СССР. С. 61–93.
- Скиба Л.С., 2001.** Пирогівський могильник зарубинецької культури. Київ: ІА НАНУ. 182 с.
- Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С., 2016.** Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное (Археологические памятники Приднестровья. III). Тирасполь: Stratum plus. 1096 с.
- Терпиловський Р.В., Жаров Г.В., 2014.** Проблеми дослідження пам'яток типу Харівка // Від венеців до Русі / Відп. ред. Г.Ю. Івакін. Київ; Харків: Майдан. С. 45–60.
- Третьяков П.Н., 1966.** Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука. 308 с.
- Третьяков П.Н., 1969.** Основные итоги и задачи изучения зарубинецких древностей // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье (МИА. Вып. 160) / Отв. ред. П.Н. Третьяков. Л.: Наука. С. 7–16.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963.** Древние городища Смоленщины. М.; Л.: АН СССР. 194 с.
- Хавлюк П.І., 1971.** Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія. Вип. 4. С. 86–96.
- Хавлюк П.І., 1975.** Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. Вип. 18. С. 7–19.
- Щукин М.Б., 1994.** На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: «Фарн». 324 с.
- Babeş M., 1993.** Die Poienişti-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den Jahrhunderten vor Christi Geburt. Bonn. 306 s.
- Bieger A., 2002.** Kugelfibeln – Fibeln mit Kugeln – Fibeln mit Kugelzier? Klassifizierung von Kugelfibeln der mittleren Latène – bzw. jüngeren vorrömischen Eisenzeit // Acta Praehistorica et Archaeologica. 34. Rahden/Westf. S. 55–58.
- Brandt J., 2001.** Jastorf und Latène. Kultureller Austausch und seine Auswirkungen auf soziopolitische Entwicklungen in der vorrömischen Eisenzeit. Rahden/Westf.: Leidorf. 432 s.
- Czopek S., 1992.** Południowo-wschodnia strefa kultury pomorskiej / Red. S. Czopek et al. Rzeszów: Muzeum Okręgowe w Rzeszowie. 220 s.
- Dąbrowska T., 1973.** Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. T. 2. Warszawa. S. 127–254.
- Dąbrowska T., 1988.** Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia – zasięg – powiązania. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe. 339 s.
- Dąbrowska T., 2004.** Materiały kultury zarubinieckiej z ziem polskich // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski / Red. A. Koško, A. Kalecyc. Warszawa: Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego. S. 209–225.
- Godłowski K., 1977.** Okres lateński w Europie (Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna. Część IV). Kraków: Uniwersytet Jagielloński. 292 s.
- Gustavs G., Gustavs S., 1976.** Das Urnengräberfeld der Spätlatènezeit von Gräfenheinichen, Kreis Gräfenheinichen // Jahresschrift für die Vorgeschichte der Sächsisch-Türingischen Länder Jahresschrift mitteldeutsche Vorgeschichte. Bd. 59. Berlin. S. 26–171.
- Kaul F., Martens J., 1995.** Southeast European Influences in the Early Iron Age of Southern Scandinavia. Gundestrup and the Cimbri // Acta Archaeologica. Vol. 66. P. 111–161.
- Keiling H., 1997.** Chronologische Probleme am Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit im Raum südlich der Ostsee // Chronological Problems of the Pre-Roman Iron Age in Northern Europe (Arkæologiske Studier. Vol. 7) / Ed. J. Martens. Copenhagen: Danish University Press. P. 35–43.
- Kossinna G., 1914.** Die deutsche Vorgeschichte eine hervorragend nationale Wissenschaft (Mannus-Bibliothek. Nr. 9). Würzburg: Kabitzsch. 253 S.
- Kostrzewski J., 1919.** Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit (Mannus-Bibliothek. Nr. 18–19). Leipzig; Würzburg. 255 S.
- Mays S., 2010.** The Archaeology of Human Bones. London; New York: Routledge. 432 p.
- Morgenrot W., 1976.** Die Herausbildung der germanischen Stämme (ab etwa 6. Jahrhundert vor unserer Zeitrechnung) // Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa / Hrsg. J. Herrmann, B. Krüger. Berlin: Akademie-Verlag. S. 79–95.
- Nieweglowski A., 1986.** Uwagi o chronologii i genezie kultur zarubinieckiej i przeworskiej // Archeologia Polski. T. XXXI. Z. 1. S. 203–216.
- Shchukin M.B., Val'kova T.V., Shevchenko Y.Z., 1992.** New finds of “Kronenhalsringe” in the Chernigov region, Ukraine and some problems of their interpretation // Acta Archaeologica. Vol. 63. P. 39–56.
- Tackenberg K., 1929.** Bastarnen // Volk und Rasse. № 4. S. 232–244.

Woźniak Z., 1974. Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 227 s.

Woźniak Z., 2013. The Middle of the 1st Millennium. The Role of Celts and Jastorf Culture in Cultural and Ethnic Changes in the Lands of Poland in the Latter Half of the 1st Millennium BC // Woźniak Z.,

Grygiel M., Machajewski H., Michałowski A. The Jastorf Culture in Poland. (BAR International Series. 2579). Oxford. P. 5–22.

Woźniak Z., Grygiel M., Machajewski H., Michałowski A. 2013. The Jastorf Culture in Poland (BAR International Series. 2579). Oxford. 103 p.

The Zarubintsy culture and the Jastorf culture

A.I. Drobushevskiy (Saint-Petersburg)

Key words: Zarubintsy culture, Jastorf culture, Germans, laténised cultures, latènesation, La Tène, pre-Roman period, fibulae, torques-crowns.

The article discusses the relations between the Zarubintsy culture and the Jastorf culture. There are three different opinions on this matter among the researches. The representatives of the first one deny the participation of the Jastorf population in forming as well as in developing of the Zarubintsy culture. The authors who present the second opinion believe the bearers of the Zarubintsy culture to be the foreign ancient German population. The main part in the process of its development and latènesation is assigned exactly to the Jastorf tribes. The representatives of the third opinion recognize the existence of the Jastorf elements in the Zarubintsy culture. However, the Jastorf contribution into developing of this culture is little or the Jastorf elements are considered to be one of the components of it.

It is established that the Jastorf elements presented in the Zarubintsy culture is of considerably less amount than in other laténised cultures. The most of them are transregional or belong to the late La Tène period. The absence of the reliable Jastorf component in the early Zarubintsy type complexes excludes the direct participation of the ancient German (Jastorf) population in developing of the Zarubintsy culture.

Translated by I. Grigoryan

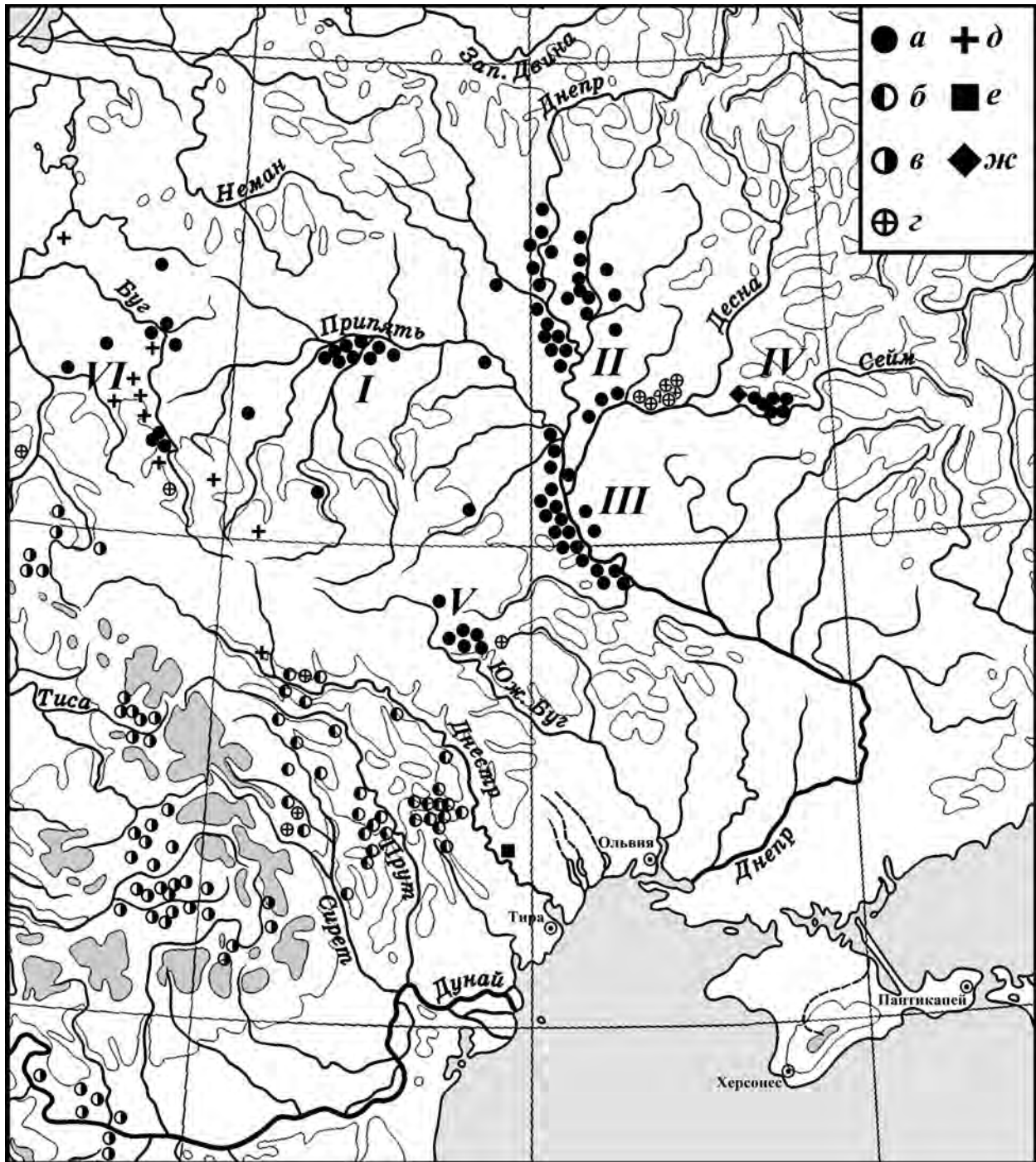

Рис. 1. Карта памятников зарубинецкой культуры и сопредельных территорий предримского периода.
 а – памятники зарубинецкой культуры (I – полесский вариант; II – верхнеднепровский; III – среднеднепровский; IV – памятники типа Харьевки; V – южнобугский; VI – зарубинецкие памятники на территории Польши);
 б – памятники типа Поянешти–Лукашевка; в – латенские памятники; г – находки гривен-корон;
 д – памятники с ясторфскими материалами; е – Глиное; ж – Мутин.

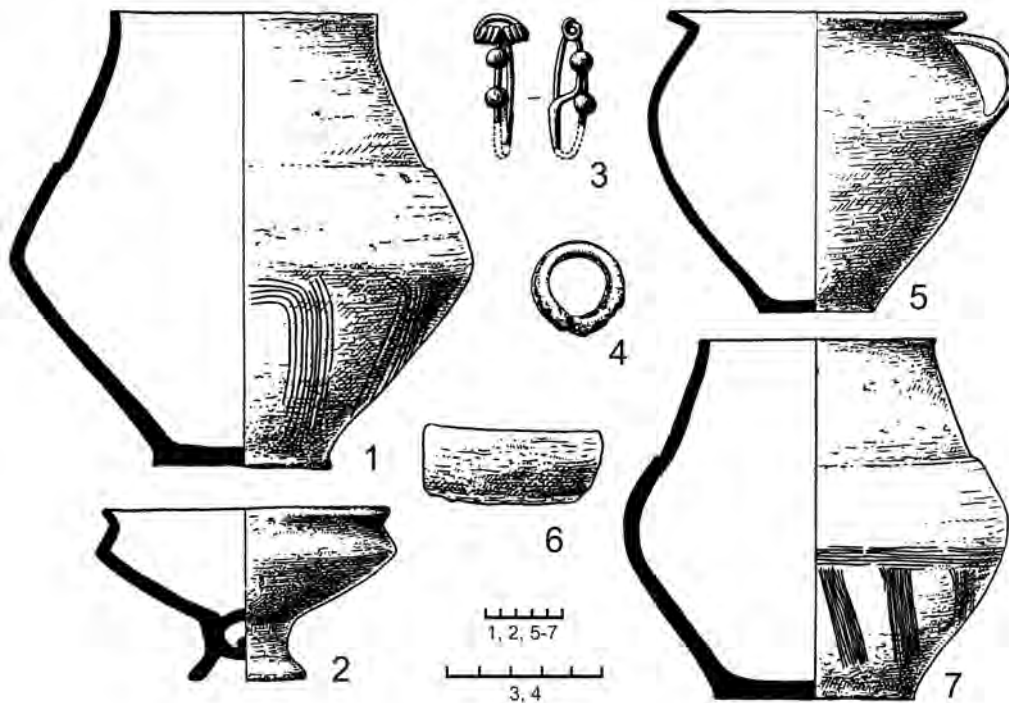

Рис. 2. Инвентарь погребений 108 (1–5) и 115 (6, 7) могильника Велемичи I
(по: Кухаренко, 1961, табл. 22: 11, 15, 20, 24, 26, 27).

1, 2, 5, 7 – глиняные сосуды; 3 – железная фибула; 4 – железное кольцо;
6 – обломок венчика гончарного сосуда.

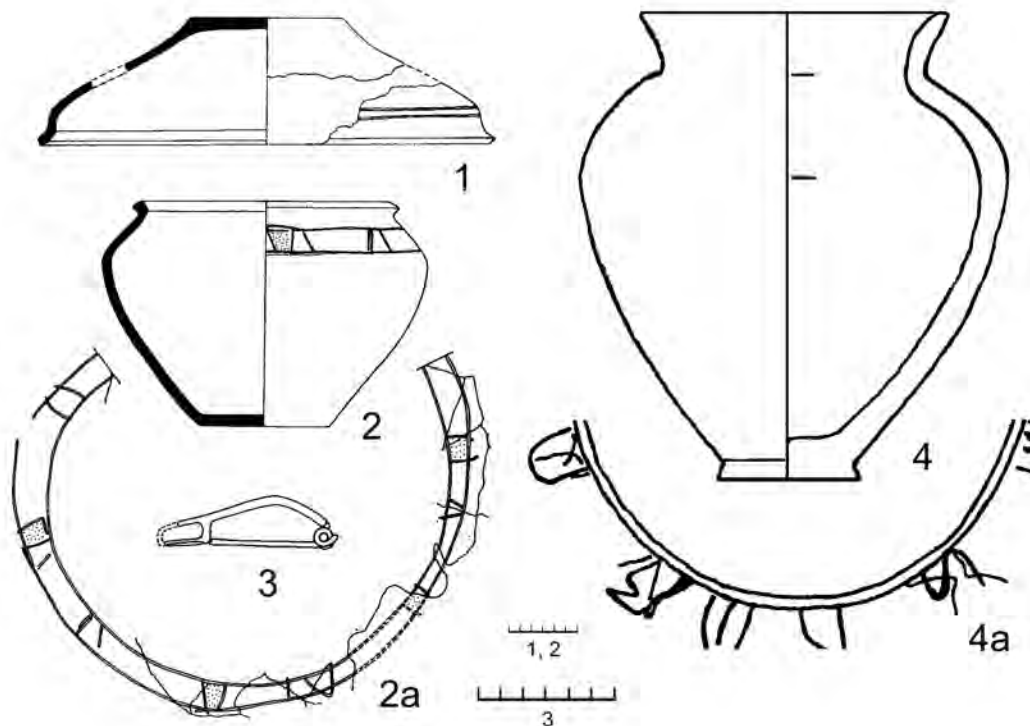

Рис. 3. Инвентарь погребения 3 могильника Грэфенхайнихен (1–3, 3а)
и погребения 6 могильника Пирогов (4, 4а).

1–3, 3а – по: Gustavs G., Gustavs S., 1976, Abb. 3.; 4, 4а – по: Пачкова, 2006, рис. 104.

Проблемы исследования памятников типа Харьевка

Р.В. Терпиловский (Киев), Г.В. Жаров (Чернигов)

Ключевые слова: памятники типа Харьевка, дружинный могильник, зарубинецкая культура, латенизированные культуры, поздний латенский (предримский) период.

Памятники типа Харьевка принадлежат к наиболее «молодым» латенизированным культурным группам, изучение которых началось сравнительно недавно. Первые свидетельства о древностях зарубинецкого круга, расположенных в среднем течении Сейма, появились в конце 1940-х годов в результате разведок Д.Т. Березовца и И.И. Ляпушкина. На поселении Харьевка под Путивлем Д.Т. Березовец провел небольшие раскопки, выявившие два наземных жилища с глинобитными стенами и пять печей вне построек. Полученные керамические материалы позволили Е.В. Максимову включить Харьевку в свод зарубинецких памятников лесостепного Поднепровья (Максимов, 1972, с. 54–55). Вместе с тем исследователь отмечал наличие здесь некоторых форм, подобных пшеворским сосудам.

Позднее работами И.И. Артеменко и местных краеведов в этом регионе были обнаружены еще около десятка пунктов с аналогичными находками. В начале 1990-х годов А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский в течение трех полевых сезонов проводили целенаправленные исследования, в результате которых долина Сейма и его притоков оказалась обследована сплошными разведками. Это позволило составить карту памятников зарубинецкого периода Среднего Посеймья. Всего (с учетом исследований предшественников) было зафиксировано 19 памятников «типа Харьевка», расположенных в пределах Глуховского, Кролевецкого и Путивльского районов Сумской области (Обломский, Терпиловский, 1994, с. 159–160, рис. 1).

Очевидно, в их число можно включить также небольшие материалы, полученные во время охранных работ на многослойном поселении Октябрьское 2 на левом берегу Сейма напротив Путивля в 1993 г. (Обломский, Терпиловский, 2010, с. 311–312, рис. 20) и собранные на территории г. Глухова (рис. 1).

На четырех поселениях (Красное 4, Чаплищи 3, Пересыпки 1, Литвиновичи 3) в 1991–1992 гг. были проведены стационарные раскопки. Все памятники оказались многослойными. На поселении Пересыпки 1 (исследовано 116 кв. м) материалы зарубинецкого времени происходят из культурного слоя. В Чаплищах 3 (исследовано 204 кв. м) выявлены хозяйственная яма и ритуальный комплекс, содержащий два человеческих черепа. На поселении Красное 4 (исследовано 564 кв. м) зарубинецкому периоду принадлежат 11 ям и хозяйственная постройка. В Литвиновичах 3 (исследовано 524 кв. м) подобные находки происходят из культурного слоя, хозяйственной постройки и удлиненной западины естественного происхождения, заполненной мусором (обломками керамики и костями животных) около рубежа эр.

К сожалению, коллапс «бюджетной» археологии не позволил продолжить исследования этого интересного круга древностей. Впрочем, основные результаты работ в среднем Посеймье введены в научный оборот (Обломский, Терпиловский, 1994; Обломский, Терпиловский, 1994; Обломский, 2000). Полученные данные позволили выделить памятники типа Харьевка в отдельную культурную группу, предложив пред-

варительную характеристику их материального комплекса.

Безусловно, важной задачей будущих исследований является в первую очередь расширение источниковой базы путем раскопок новых археологических объектов для надежной проверки ряда предположений, выдвинутых А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским в начале 1990-х годов. Тем не менее уже сейчас можно отметить, что на фоне зарубинецкой культуры памятники типа Харьевка выглядят очень своеобразно. Будучи наиболее восточным из ее локальных вариантов, они обладают весьма многочисленными и выразительными западными элементами. Своеобразие памятников типа Харьевка определяется прежде всего характером керамического комплекса, который по происхождению можно разделить на две основных группы.

Часть форм кухонных и столовых сосудов характерна для зарубинецкой культуры, в первую очередь для ее среднеднепровского варианта. Это кухонные горшки с округлым плечом и высоким венчиком с защипами по краю, полусферические крышки и плоские диски. Комплекс столовой посуды образуют лощеные миски с валикообразными бочками и раструбообразными венчиками, а также с зигзагообразным профилем. Венчики, как правило, утолщены и имеют несколько граней с внутренней стороны. К этой же группе принадлежат кружки с петельчатой ручкой (рис. 2).

Особый интерес представляет посуда второй группы, связанная по происхождению с центральноевропейским культурным кругом, прежде всего с ясторфским. Это горшки и корчаги с заглаженными верхом и низом, корпус которых имеет специально ошершавленную (хророватую) поверхность или покрыт вертикальными расчесами гребнем, вазообразные лощеные сосуды с подтреугольными утолщенными венчиками, а также ряд других форм (рис. 3). Иногда они имеют икс-образные ручки, налепные шишечки, каннелюры или врезной орнамент (Обломский, Терпиловский, 1994, с. 160–161).

Соотношение между этими двумя группами может быть разным. В Красном 4, например, центральноевропейская керамика разнообразнее, чем в Литвиновичах 3, а зарубинецкая представлена меньшим количеством типов. Чем определяется отмеченная разница – хронологией или составом населения конкретных общин – пока сказать трудно (Обломский, 2000, с. 153–154).

Датировка памятников типа Харьевка определяется в хронологических рамках всей зару-

бинецкой культуры (от рубежа III/II вв. до н.э. до начала н.э.) по фрагментам косских, родосских и синопских амфор, а также по железной фибуле позднелатенской схемы с рамчатым приемником, найденной на поселении Литвиновичи 3. Фибула, как и фрагменты лощеных ребристых мисок с прямыми венчиками, указывает на возможность существования рассматриваемой культурной группы или по крайней мере ее отдельных памятников до финала предримского периода.

Наличие двух компонентов в материальной культуре населения Среднего Посеймья зарубинецкого времени свидетельствует о сложности этнических процессов в этом регионе (Обломский, Терпиловский, 1994; Обломский, 2000, с. 152–154). Можно предположить, что в состав местных жителей в разных пропорциях входили представители как зарубинецких племен, прежде всего Среднего Поднепровья, так и ясторфских групп Средней Европы. Последние осуществили далекое путешествие, пройдя с запада на восток через территорию латенизованных пшеворской и зарубинецкой культур, но тем не менее сохранили основные присущие им этнографические черты. Именно выразительные центральноевропейские элементы отличают памятники типа Харьевка на фоне других локальных вариантов зарубинецких древностей.

В этой связи стоит остановиться на проблеме происхождения зарубинецкой культуры. Наиболее широко принята ныне «синтезирующая» гипотеза, разработанная К.В. Каспаровой, Е.В. Максимовым, А.М. Обломским, С.П. Пачковой, М.Б. Щукиным и другими исследователями. Согласно этой концепции, зарубинецкая общность является результатом сложной интеграции местных и центральноевропейских этнокультурных компонентов. Черты латенского стиля, заметные в погребальном обряде, украшениях, типах фибул и столовой посуды, попали в нее при посредничестве кельтизированных германских племен (носителей ясторфских традиций). Однако не менее весомым был и вклад местных субстратных культур (лесостепной скифской в Среднем Поднепровье и милоградской на юге Верхнего Поднепровья, а также восточной части поморско-клевшевой культуры Припятского Полесья). Именно этот вклад определяет не только культурную специфику отдельных локальных вариантов зарубинецких древностей, но и выделяет их среди других археологических культур латенизированного круга.

В отличие от указанных локальных вариантов, в сравнительно немногочисленных материалах

памятников типа Харьевка не ощущается какой-то местной подосновы. Следовательно, можно допустить, что две группы мигрантов, прибывших из Среднего Поднепровья и Центральной Европы, не застали в среднем течении Сейма более или менее плотного населения. Теоретически эта территория в позднелатенское время должна была находиться между позднеюхновскими племенами Верхнего Подесенья и носителями позднескифских традиций лесостепного Левобережья. Впрочем, вопрос о возможности контактов местного населения позднескифского времени и представителей латенизированных культурных групп пока остается открытым.

Отметим также, что до последнего времени к памятникам типа Харьевка относились лишь поселения, материалы которых представляют собой, как правило, «негативную выборку». Единственным погребальным комплексом было трупосожжение около с. Пересыпки, случайно обнаруженное на правом берегу Сейма неподалеку от Путивля еще в 1936 г. и опубликованное Ю.В. Кухаренко (Кухаренко, 1970). Погребение включало небольшой вазообразный горшок-урну с кальцинированными костями, пряжку и нож (рис. 4: 1). Исследователь в качестве аналогий урне привел ряд находок, принадлежащих таким культурам позднелатенского времени, как оксывская, ясторфская и пшеворская, допуская, что подобные по форме сосуды встречаются и позже. В конечном итоге, пытаясь сузить круг поисков, Ю.В. Кухаренко определил комплекс как памятник типа Брест–Тришин и датировал концом I – II в. н. э. (Кухаренко, 1970, с. 34). С ним согласился М.Б. Шукин, который отнес трупосожжение из Пересыпок к вельбарской культуре периода B2/C1a (Szczukin, 1981, s. 136). Этой точки зрения он придерживался и в дальнейшем (Шукин, 1994, с. 247; 2005, с. 105–106). Его поддержала К.В. Каспарова, приведя ряд аналогий форме и системе орнамента горшка из Пересыпок, не вполне, правда, близких (Каспарова, 1989, с. 278–280).

После работ на упомянутых выше поселениях возникло твердое убеждение о связи с ними погребения из Пересыпок. Действительно, найденная в этом комплексе урна по стилю оформления (трехчастные венчики, орнамент в виде меандра, прямоугольные налепы-шишечки, вертикальные мелкие расчески, нанесенные гребнем по лощеной поверхности) явно принадлежит ко второй группе керамики Среднего Посеймья (Обломский, Терпиловский, 1994, с. 162, рис. 6–8). Фрагменты

подобных сосудов есть, в частности, среди материалов поселения Литвиновичи 3 (Обломский, 2000, рис. 9: 2; 10: 4).

Ярким подтверждением этой мысли стала находка в конце 2009 г. А. Лебедем между сс. Мутин и Камень Кролевецкого района Сумской области (приблизительно в 10 км западнее поселения Литвиновичи 3) воинского погребения с богатым инвентарем (Терпиловский, Білінська, 2010, с. 87). Сосуд-урна, содержащий остатки кремации в бронзовой ситуле и другие вещи, очень близок урне из Пересыпок по форме и орнаментации (рис. 4: 2).

Весной в 2010 г. с помощью А. Лебеда и директора Кролевецкого краеведческого музея А.В. Карася место находки было обследовано Левобережной экспедицией Института археологии НАН Украины (начальник Г.В. Жаров, научный руководитель Р.В. Терпиловский). Как выяснилось, открытое погребение принадлежало компактному могильнику, расположенному на краю высокого поросшего деревьями правого берега р. Сейм. Коренной берег здесь образует ряд мысов, расчлененных глубокими оврагами. На одном из мысов выявлено небольшое городище, отделенное с напольной стороны высоким крутым валом. В шурфах на его территории зафиксированы находки скифского периода и роменской культуры. Ниже городища, в верхней части крутого склона, на высоте около 20 м над поймой преимущественно в пределах небольшой площадки и располагался могильник.

В ходе раскопок кроме упомянутого погребения 1 (2009 г.) на площади около 360 кв. м выявлено еще 13 трупосожжений (среди которых одно парное и одно разрушенное). Не исключено, что какая-то часть захоронений могла пострадать при посадке деревьев около полувека тому назад. Впрочем, вне комплексов индивидуальные находки практически отсутствовали, следовательно, число разрушенных погребений вряд ли превышало одно-два (Terpilovskiy, Zharov, 2013, p. 409).

Мутинский могильник во многих отношениях представляет собой уникальное явление не только для Восточной, но и для Центральной Европы. Его специфика в первую очередь определяется тем, что все погребения – урновые кремации – очевидно, принадлежали воинам-профессионалам высокого ранга. Каждое захоронение сопровождалось набором оружия, включавшим, как правило, согнутые меч и наконечник копья, а также умбон (или его часть). Все категории вооружения находят достаточно близкие аналогии

среди материалов богатых оружием пшеворской и оксывской культур на территории Польши. Часть вещей подобна ряду находок из более отдаленных регионов – Западной Европы, Скандинавии и Подунавья (Bochnak, 2005; 2015; Łuczkiwicz, 2006). В целом в погребениях Мутина выявлен 21 наконечник копий и дротиков разных типов и размеров, а также 14 обоюдоострых длинных мечей латенского типа. В большинстве случаев сохранились части пластинчатых железных ножен, согнутых вместе с мечами. Очень интересна находка нескольких ножен, украшенных в стиле *opus interrasile* (в виде «пчелиных сот» или «решеток»). Единственный однолезвийный меч зафиксирован в погребении 8А, однако железные детали от принадлежавших ему ножен обнаружены в соседнем погребении 8Б.

Защитное вооружение представлено деталями щитов – умбонами разных типов или их частями, а также ручкой от щита из погребения 3. Уникальны не только для Восточной, но и для Центральной Европы находки в погребениях 4, 5, 8А, 12 и 13 железных шлемов. В погребениях 8А и 12 они вставлены в керамические сосуды и использованы в качестве урн для пережженных костей и мелких вещей. В целом шлемы принадлежат к позднему восточнокельтскому типу *Novo Mesto*, распространенному прежде всего в Подунавье (Mihaļjević, Dizdar, 2007, s. 123–128), хотя и отличаются рядом деталей.

В большинстве случаев комплекс военного снаряжения дополнялся шпорами и боевыми ножками. Прочий железный инвентарь представлен втулками копий, частями поясов или портупей (кольцами и застежками), фибулами и др.

Престижный характер захоронений подчеркивают разнообразные сосуды, служившие урнами. В погребениях 9, 12 и, возможно, 14 остатки кремации содержались в чернолощенных сосудах, подобных керамике второй группы памятников типа Харьевка (рис. 4: 2–4). Металлические сосуды служили урнами в 11 погребениях: в этом качестве выступали 8 бронзовых ситул (погребения 1, 2, 4, 5, 8Б, 10, 11, 13), 2 таза (погребения 3 и 6) и котел (погребение 7).

Можно допустить, что набор металлической посуды из Мутина по происхождению разделяется на две группы. Кельтскими ремесленниками, очевидно, сделаны большинство ситул с железными петлями и дужками, а также котел с железной верхней частью и двумя кольцеобразными ручками. Из римских мастерских, вероятно, вышли две изысканные ситулы с бронзовыми атташами и

дужками, а также тазы с выпуклым дном (Жаров, Терпиловский, 2013). Последние встречаются, в частности, на территории *Germania libera* в позднелатенское и раннеримское время (Eggers, 1951, S. 41, Taf. 8: 67).

Погребальный обряд Мутина находит ближайшие соответствия среди таких латенизированных культур северо-западного круга, как пшеворская и оксывская. Именно для них характерны урновые кремации, сопровождающиеся ритуально погнутыми или поломанными предметами вооружения (прежде всего наконечниками копий и мечами). По данным П. Лучкевича, отдельные экземпляры и наборы разнообразного оружия зафиксированы приблизительно в 200 пшеворских и 100 оксывских погребениях предримского времени, причем импортные бронзовые сосуды использованы как урны для пережженных костей в 10 подобных комплексах (Łuczkiwicz, Terpilovskij, 2012, s. 165–166).

Вместе с тем следует заметить, что погребения воинов в пшеворских и оксывских могильниках сопровождаются захоронениями рядового населения, которые составляют большинство. Лишь отдельные комплексы содержат полный набор вооружения: меч, копье, щит и др. (Łuczkiwicz, 2006, s. 226–240). Напомним, что каждое из мутинских погребений сопровождалось именно таким набором. Кроме того, наличие в инвентаре шпор, по мнению польских исследователей, свидетельствует об особенно высоком, «офицерском» статусе погребенных в воинской иерархии. Интересно отметить, что парные шпоры на территории Польши в это время встречаются сравнительно редко – в семи пшеворских и четырех оксывских захоронениях (Łuczkiwicz, 2006, s. 146), тогда как в Мутине они найдены в восьми комплексах.

Многочисленный инвентарь позволяет достаточно надежно датировать погребения Мутинского могильника. Наиболее четкими хронологическими индикаторами служат фибулы позднелатенской схемы типа N-a по Ю. Костшевскому (Kostrzewski, 1919, Abb. 24; Völling, 1994, S. 199–200), 13 экземпляров которых найдены на памятнике. По мнению Т. Домбровской, фибулы типа N показательны для пшеворской культуры второго горизонта фазы А3, причем самыми поздними являются экземпляры значительных размеров с ажурными ножками (как ряд образцов из Мутина). Этот горизонт датируется предпоследним десятилетием I в. до н.э. – началом второго десятилетия I в. н.э. (Dąbrowska, 1988, s. 61–62; 2008, s. 29–32).

Типологически более ранняя фибула средне-латенской схемы из погребения 7 характерна для фазы А2. Из того же комплекса происходят два меча и биметаллический котел типа Е.5, типичные для фазы А2 пшеворской культуры (Dąbrowska, 1988, s. 29, tabl. III). Следует отметить близость рассматриваемой застежки так называемым «лангобардским» фибулам, распространенным главным образом в нижнем течении Эльбы (Völling, 1994, S. 172–178). Впрочем, аналогичные украшения встречаются также в могильнике Долиняны (Смирнова, Мегей, 2000, рис. 2: 4; 3: 16; 8: 4).

Вероятно, погребения Мутинского могильника в целом синхронны в рамках предримского периода А3 и были совершены в диапазоне от середины I в. до н.э. до начала I в. н.э., тяготея, скорее всего, к рубежу эр.

Правда, следует учитывать, что в указанное время происходит археологизация погребального инвентаря, то есть вещи становятся частью «мертвой» культуры. Очевидно, однако, что к этому моменту ряд предметов использовали достаточно долго и интенсивно, о чем, например, свидетельствуют следы ремонта на ведерках из погребений 1, 4, 5, 8Б, 10, а также сильно сработанные петли ситутлы из погребения 2. Таким образом, вполне возможно, что бронзовая утварь из Мутина была произведена несколько ранее узко датированных фибул, около середины I в. до н.э.

В отличие от металлических предметов, близкие аналогии керамическим урнам Мутинского могильника среди латенизированных культур нам неизвестны. В то же время сходство лощеных мутинских сосудов и столовой керамики западной традиции поселений типа Харьевка не вызывает сомнений – их сближают общие формы, пропорции, граненые венчики, орнамент в виде вертикальных расчесов, шишечки, икс-образные ручки.

Безусловно, бронзовые и парадные керамические сосуды, использованные в качестве урн, а также комплекс оружия и военного снаряжения, включавший мечи, копья, щиты, шлемы и, в большинстве случаев, шпоры, свидетельствуют о высоком социальном статусе умерших. Сравнительно небольшое число погребений с престижным инвентарем и изолированный характер могильника, очевидно, свидетельствуют, что здесь захоронены представители военной дружины. Кто же были эти «викинги до викингов»? На «западное» происхождение дружинников, прибывших на Сейм, в первую очередь указывает комплекс вооружения, типичный для ряда общностей поздне-латенского круга. Однолезвийный меч из погре-

бения 8, характерный для оксывской и, в меньшей мере, пшеворской культур, позволяет допустить германское происхождение данного формирования или, по крайней мере, отдельных его членов (Жаров, Терпиловский, 2012, с. 309). В качестве рабочей гипотезы можно предположить появление на Сейме одного из отрядов бастарнов (кельто-германцев?), известных, в частности, по событиям 29 г. до н.э. на Нижнем Дунае.

Синхронность погребений, возможно, свидетельствует, что дружинники погибли в бою. Пока нет никаких намеков, которые помогли бы ответить на вопрос, с кем они воевали. В то же время победу, вероятно, одержали они – их похоронили с соблюдением всех деталей ритуала, не считаясь с расходами, на отдельном могильнике.

Металлические сосуды, ставшие впоследствии урнами, очевидно, принадлежали погибшим воинам. Такой дружинный «сервиз» для коллективных трапез включал котел, два таза и парадную большую ситутлу, а также ряд ведерок. Керамические же вазы, использованные для остатков кремаций в ряде погребений, скорее всего, были предоставлены местным населением. Их наличие может свидетельствовать о включении мигрантов в структуру местных племен. Это вполне вероятно, учитывая контакты населения, оставшегося памятники типа Харьевка, с племенами Центральной Европы со времени возникновения указанных памятников. Но какой характер имели взаимоотношения воинов-мигрантов с местным населением?

Хотя кремации в импортных металлических сосудах, сопровождаемые комплексом разнообразного оружия, встречаются в пшеворской и оксывской культурах, отдельные пшеворские и оксывские дружинные некрополи неизвестны. Определенной аналогией Мутинскому могильнику могут служить погребения воинов горизонта (или культуры) Гроссромштедт рубежа эр в Средней Германии и Чехии (Droberjar, 2006). Однако уникальность Мутина – в том, что он является исключительно дружинным могильником финала предримского времени, расположенным, кроме того, на восточной окраине ареала латенизированных культур.

Этот могильник, принадлежавший военной элите, резко выделяется на фоне погребений Среднего и Верхнего Поднепровья и Припятского Полесья, характерных для сравнительно эгалитарного общества носителей зарубинецких традиций. В отличие, например, от пшеворской и оксывской культур, на зарубинецких некрополях

практически отсутствуют захоронения воинов со специализированным оружием типа мечей и щитов. Лишь 14 комплексов большого Чаплинского могильника содержали наконечники копий и дротиков (Поболь, 1971, с. 100–105). Таким образом, мы пока не знаем, как выглядели погребения рядового населения Посеймья предримского времени. Определенную информацию об этом может дать упомянутая выше урновая кремация из Пересыпок, информация о которой, к сожалению, очень отрывочна. Вместе с тем и захоронение из Пересыпок, и Мутинский могильник датируются лишь в пределах заключительного этапа предримского периода, совпадающего с финалом существования на Сейме памятников типа Харьевка. Комплексы погребений более раннего времени здесь пока не известны.

По современным представлениям, памятники типа Харьевка исчезают, не оставив после себя выразительных следов в позднезарубинецких древностях Днепроовского Левобережья, – памятниках типа Почеп в Верхнем и Среднем Подесенье и типа Картамышево 2 в лесостепи. Определенным продолжением последних является восточнолевобережный вариант киевской культуры. В том числе стоит вспомнить поселения конца II – III в. н.э. Картамышево 2 и Гочево 1 в верховьях р. Псел, Попово-Лежачи 4 на Сейме и Шишино 5 в верховьях р. Северский Донец. Каждое из них содержит лощеную керамику, которая находит определенные аналогии среди столовой посуды пшеворской культуры раннеримского периода. Это высокие мискообразные сосуды с

зигзаговидным профилем, иногда орнаментированные врезными композициями из свастик, меандров и др. (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 88–89; Терпиловский, 2004, рис. 15; 33; 36; 38).

С пшеворской средой связан и ряд случайных находок на территории Днепроовского Левобережья таких металлических изделий, как пряжки, фибулы, шпоры и др. (Обломский, Малашев, 2002; Радюш, 2013). Скорее всего, эти материалы могут свидетельствовать о проникновении в рассматриваемый регион сравнительно небольших групп носителей пшеворской культуры, вошедших в состав позднезарубинецких и раннекиевских общин (Обломский, Терпиловский, 1994, с. 163–164).

С другой стороны, основной керамический комплекс и приемы домостроительства памятников типа Картамышево 2 не связаны с традициями таких поселений зарубинецкого времени востока Днепроовского Левобережья, как Харьевка и Басовка. Здесь, как и на поселениях почепского типа, прослеживаются, скорее, среднеднепровские влияния (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 87).

Таким образом, пребывание на Левобережье Днепра групп центральноевропейского населения вместе с позднезарубинецкими и раннекиевскими племенами имело место и в первые века нашей эры, до появления в регионе носителей черняховской культуры. Впрочем, по нашему мнению, это была уже следующая волна миграций, непосредственно не связанная с памятниками типа Харьевка рубежа эр.

Литература

Жаров Г.В., Терпиловский Р.В., 2013. Металлические сосуды Мутинского могильника на Сейме // *Stratum plus*. № 4. С. 35–41.

Каспарова К.В., 1989. Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур в Припятском Полесье // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. Т. II / Red. J. Gurba, A. Kokowski. Lublin: UMCS. С. 263–282.

Кухаренко Ю.В., 1970. Погребение у с. Пересыпки // *МИА*. № 176. С. 33–35.

Максимов Е.В., 1972. Среднее Поднепровье на рубеже н.э. Киев: Наукова думка. 184 с.

Обломский А.М., 2000. Материалы зарубинецкого периода на поселении Литвиновичи 3 в Среднем Посеймье // *Stratum plus*. № 4. С. 141–155.

Обломский А.М., Малашев В.Ю., 2002. Поясная центрально-европейская гарнитура римского времени на территории Днепроовского Левобережья // *РА*. № 4. С. 113–124.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991. Среднее Поднепровье и Днепроовское Левобережье в первые века нашей эры. М.: ИА АН СССР. 176 с.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1994. О связях населения Центральной Европы и востока Днепроовского Левобережья в латенское и раннеримское время // *Kultura przeworska*. Т. 1 / Red. J. Gurba, A. Kokowski. Lublin: UMCS. С. 159–181.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2010. Новые памятники киевской культуры на террито-

рии Украины (каталог) // Археология Восточной Европы в I тыс. н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 13) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 301–374.

Обломський А.М., Терпиловський Р.В., 1994. Посейм'я у латенський час // Археологія. № 3. С. 41–51.

Поболь Л.Д., 1971. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника. 232 с.

Радюш О.А., 2013. Элементы всаднической и дружинной культуры II–III вв. в Поднепровье // *Stratum plus*. № 4. С. 51–73.

Смирнова Г.И., Мегей В.Ф., 2000. Могильник типа Поянешть-Лукашевка у с. Долиняны (раскопки 1985, 1987, 1988 гг.) // *Stratum plus*. № 4. С. 156–171.

Терпиловский Р.В., 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. (*Monumenta studia Gothica*. III). Lublin: UMCS. 232 с.

Терпиловський Р.В., Білинська Л.І., 2010. Тілоспалення знатного воїна рубежу ер на Сеймі // Археологія. № 3. С. 81–88.

Щукин М.Б., 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. СПб.: Фант. 324 с.

Щукин М.Б., 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 576 с.

Bochnak T., 2005. Uzbrojenie ludności kultury przeworskiej w młodszym okresie przedrzymskim. Rzeszów: UR. 290 s.

Bochnak T., 2015. Importy celtyckie w kulturze przeworskiej i oksywskiej na ziemiach Polskich w młodszym okresie przedrzymskim. Zróżnicowanie – drogi napływu – kontekst kulturowy. Rzeszów: UR. 392 s.

Dąbrowska T., 1988. Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia – zasięg – powiązania. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 339 s.

Dąbrowska T., 2008. Młodszy okres przedrzymski na Mazowszu i zachodnim Podlasiu. Zarys

kulturowo-chronologiczny. Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. T. VII. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne 215 s.

Droberjar E., 2006. Planaňská skupina grossromstedtské kultury. K chronologii germánských nálezů a lokalit v Čechách na sklonku doby laténské a počátkach doby římské // *Archeologie Barbarů 2005*. Sbornik příspěvků z I. protohistorické konference «Pozdně keltické, germánské a časně slovanské osídlení» / Red. E. Droberjar, M. Lutovsky, Praha: ÚAPPSC. S. 11–90.

Eggers H.J., 1951. Das römische Import im freien Germanien. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte. 306 S.

Łuczkiwicz P., 2006. Uzbrojenie ludności ziem Polskich w młodszym okresie przedrzymskim (*Archaeologia Militaria II*). Lublin: UMCS. 361 s.

Łuczkiwicz P., Terpilovskij R., 2012. Grób wojownika z młodszego okresu przedrzymskiego z miejscowości Mutyn na północno-wschodnie Ukrainie // *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*. T. XXXIII. Rzeszów. S. 155–174.

Mihaljević M., Dizdar M., 2007. Late La Tene Bronze Helmet from the River Sava near Stara Gradiška // *VAMZ*. 3. XL. S. 117–146.

Kostrzewski J., 1919. Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit. Teil I (*Mannus-Bibliothek*). Leipzig; Würzburg. T. 18. 255 S.

Terpilovskiy R., Zharov G., 2013. A Warrior Cemetery remation from the Turn of Eras on the River Seym // *Inter ambo maria*. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. / Red. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar, Kristiansand; Simferopol: Dolya. P. 409–419.

Szczukin M.B., 1981. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk. S. 143–160.

Völling T., 1994. Studien zu Fibelformen der jüngeren vorrömischen Eisenzeit und ältesten römischen Kaiserzeit // *Bericht der Romisch-Germanischen Kommission*. Bd. 75. S. 147–282.

Problems of studying the sites of Kharyevka type

R.V. Terpilovskiy (Kiev), G.V. Zharov (Chernigov)

Key words: sites of Kharyevka type, warrior cemetery, Zarubintsy culture, latènised cultures, late La Tène (pre-Roman) period.

Pottery complex of Kharyevka type sites (Sumy reg., Ukraine) combines the features of the Zarubintsy culture of the Middle Dnieper region and La Tène antiquities of Central Europe. Besides a range of settlements, four of which were excavated at the beginning of 1990-s, an urn cremation near the village Peresycki (1936) and the unique warrior cemetery near the village Mutin on the river Seim investigated by the authors in 2010 belong to the sites of Kharyevka type. All fourteen burials of the Mutin cemetery are dated back to the final part of the La Tène (pre-Roman) period. The cemetery belonging to military elite differs significantly from the burial sites of the Zarubintsy culture. At the same time the funeral ceremony and a part of funeral goods (weapon, fibulae etc.) have parallels in the Przeworsk and Oksywie cultures on the territory of Poland. It might be predicted that the sites of Kharyevka type disappeared at the turn of the era without leaving any notable traces in the following late Zarubintsy antiquities of the 1st–2nd cc.

Translated by I. Grigoryan

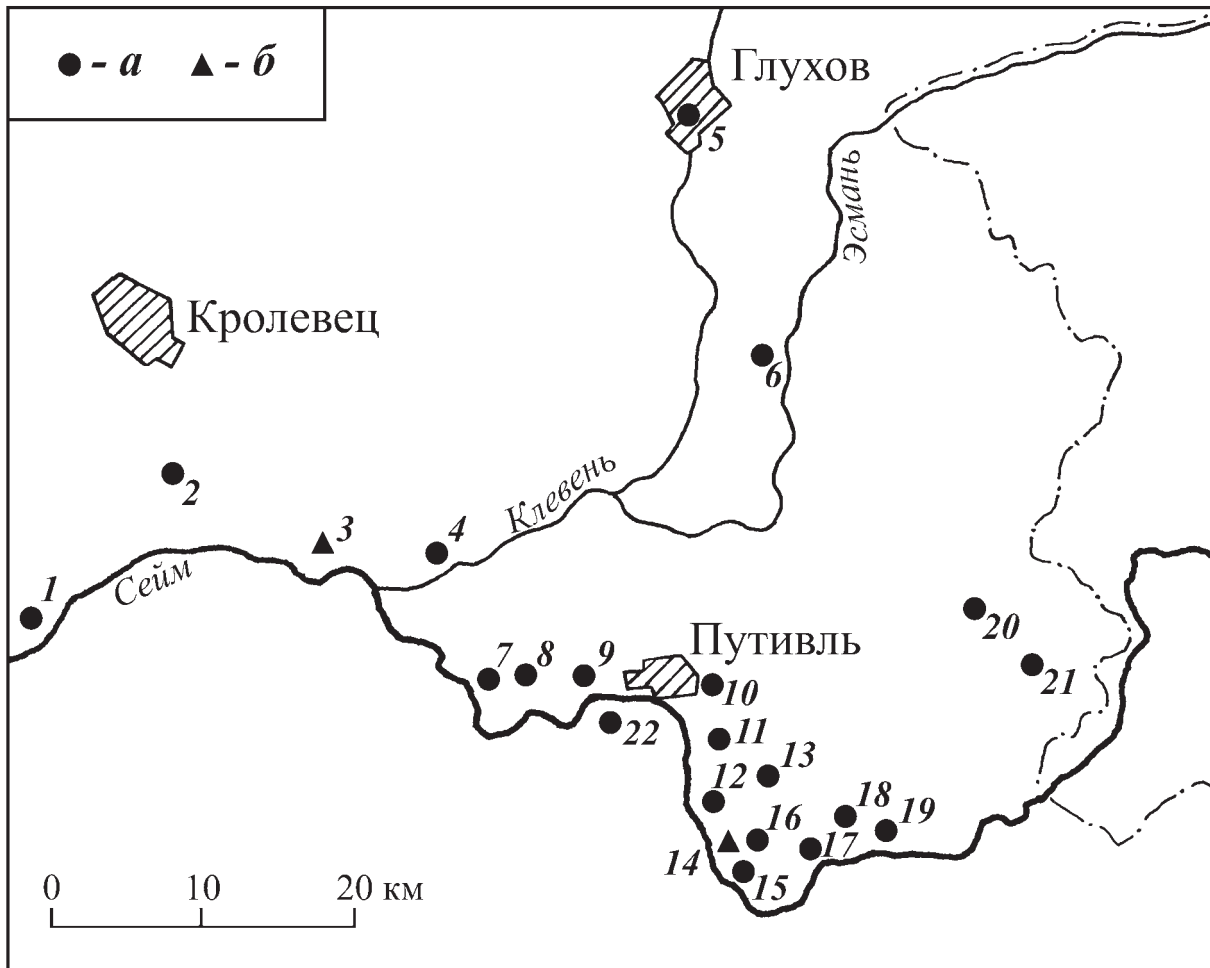

Рис. 1. Памятники типа Харьевка.

а – поселения, б – погребальные комплексы.

- 1 – Любитово 2; 2 – Червоный Ранок; 3 – Мутин; 4 – Литвиновичи 3; 5 – Глухов; 6 – Банычи 3;
 7 – Красное 4; 8 – Красное 2; 9 – Пруды; 10 – Путивль; 11 – Пешков; 12 – Харьевка; 13 – Калище;
 14 – Пересыпки; 15 – Пересыпки 1; 16 – Пересыпки 2; 17 – Чаплици 3; 18 – Волинцево;
 19 – Ивановка 1; 20 – Новая Слобода; 21 – Марьяновка; 22 – Октябрьское 2.

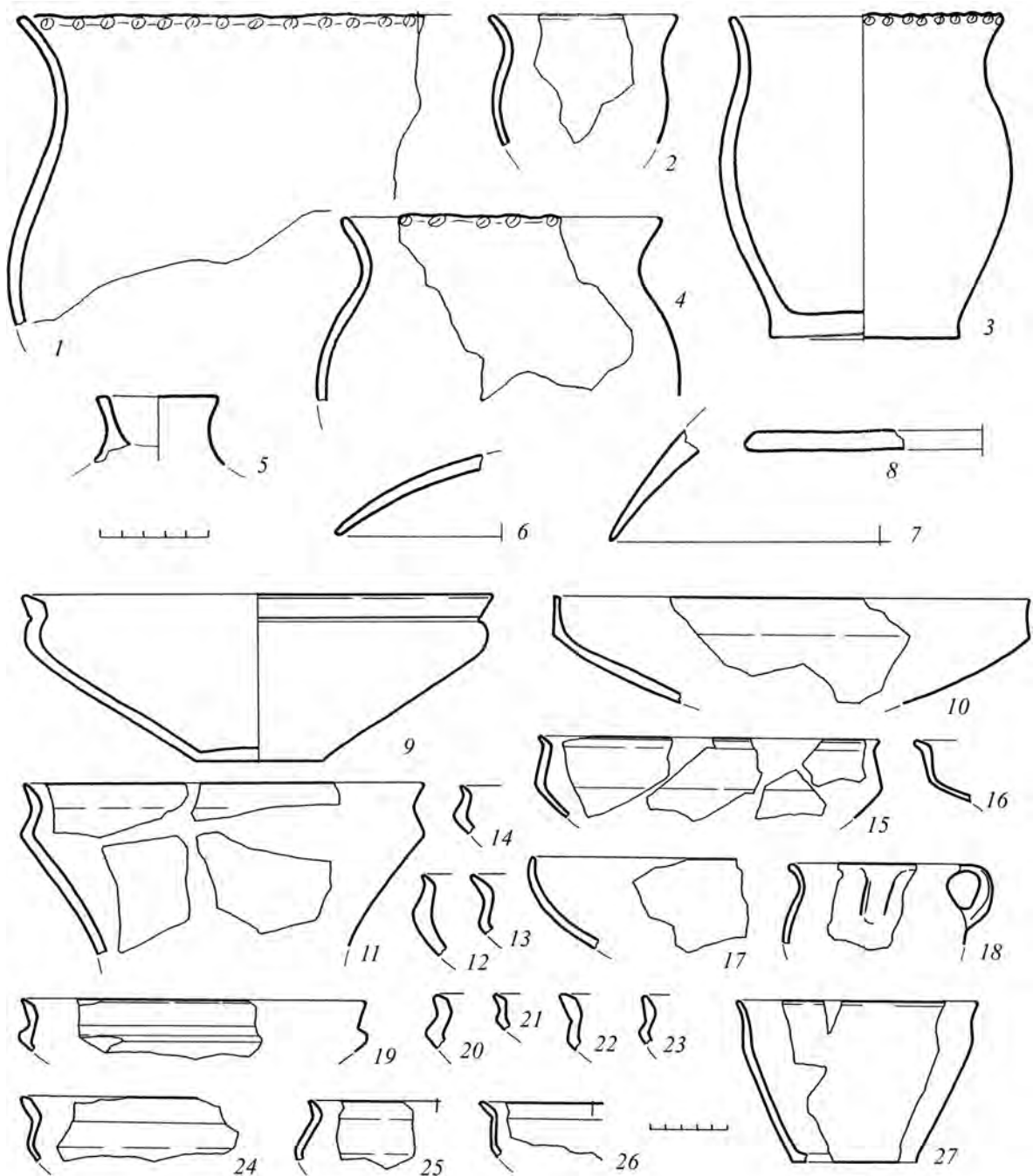

Рис. 2. Образцы груболепной и столовой керамики первой группы (зарубинецкого происхождения) памятников типа Харьевка. 1–8, 10, 15–26 – Литвиновичи 3; 9, 13 – Пересыпки 1; 11 – Чаплищи 3; 12, 14, 27 – Красное 4. Рисунки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского.

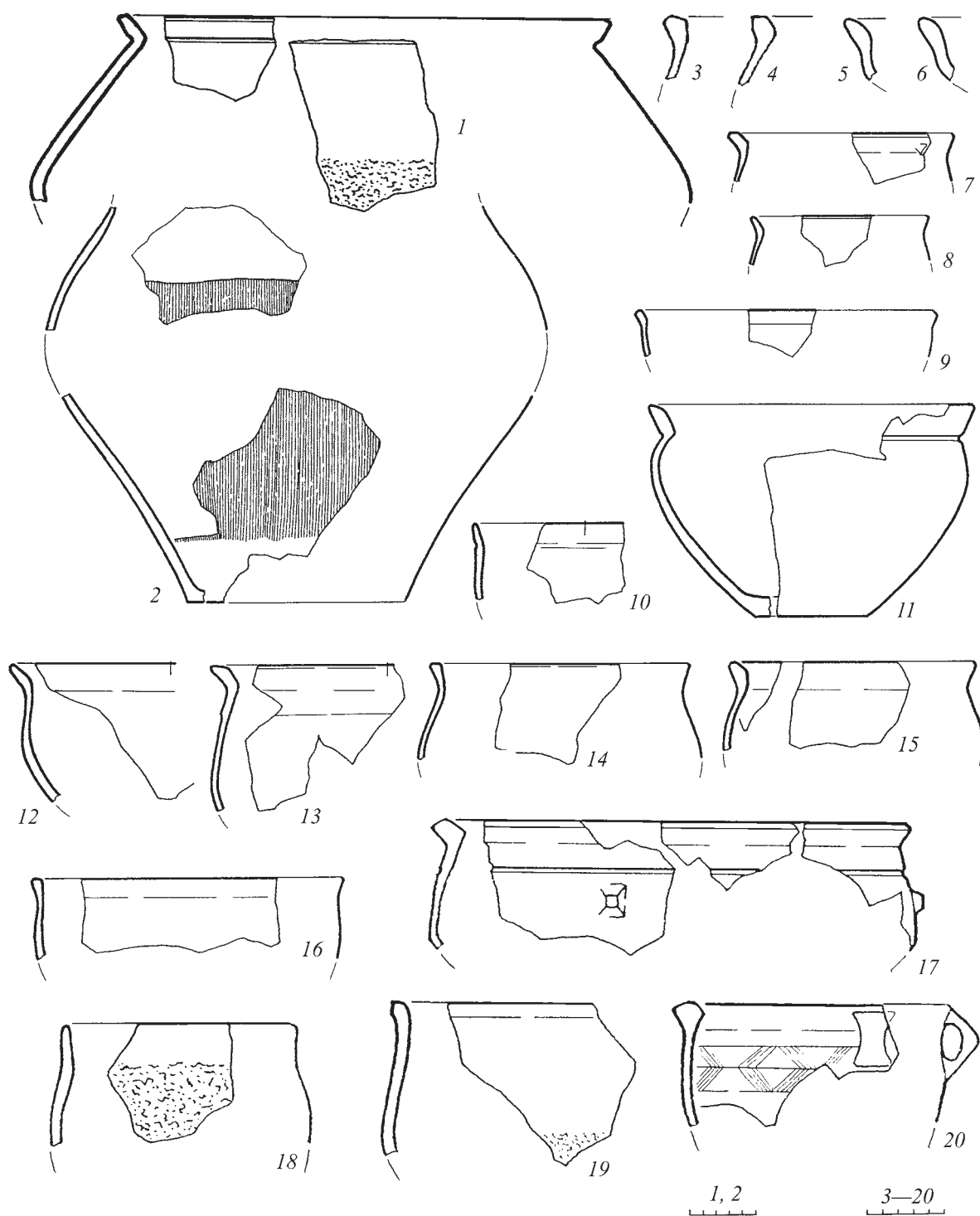

Рис. 3. Образцы керамики второй группы (северо-западного происхождения) памятников типа Харьевка.
 1, 3–6, 10–15, 17–20 – Красное 4; 2, 7–9, 16 – Литвиновичи 3.
 Рисунки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского.

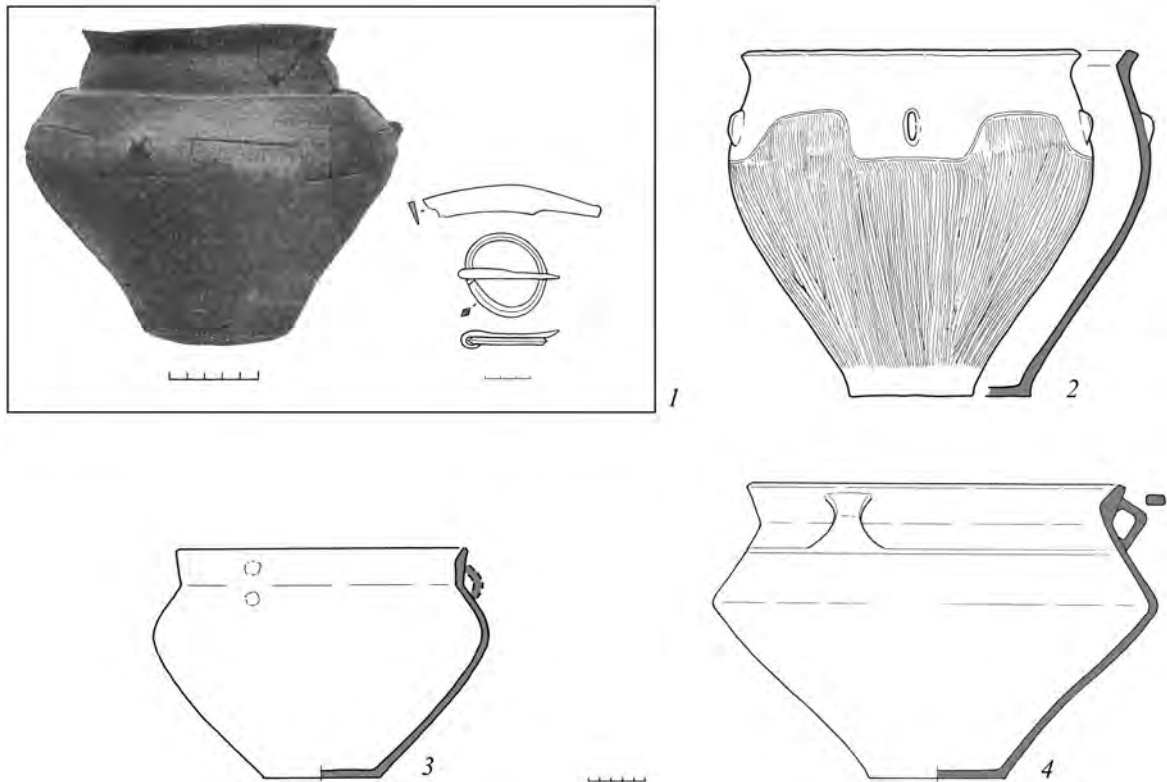

Рис. 4. Материалы погребальных памятников.

1 – комплекс погребения из Пересыпок; 2–4 – образцы керамики Мутинского могильника (2 – погребение 1; 3 – погребение 14, 4 – погребение 9).

1 – по: Кухаренко, 1970; 2–4 – рисунки Р.В. Терпиловского.

Поселение Боромля 2 и культурно-хронологические горизонты позднеримского времени в Днепро-Донецкой лесостепи

М.В. Любичев (Харьков)

Ключевые слова: горизонт Боромля, горизонт «классической» черняховской культуры, Днепр-Донецкая лесостепь, позднеримское время.

Выделение горизонтов (периодов) на поселении Боромля 2. Комплекс археологических памятников позднеримского времени возле с. Боромля (Тростянецкий район, Сумская область, Украина, р. Боромля – р. Ворскла – р. Днепр), открытый в 1986 г. В.В. Приймаком, состоит из могильника Боромля 1 и селищ Боромля 2 и 3. В 1987–1991 гг. он изучался А.Н. Некрасовой и Р.В. Терпиловским (Некрасова, Терпиловский, 1987; 1990; 1991; 1992; Терпиловский, Некрасова, 1988) (рис. 1; 2: 1). Материалы полностью опубликованы (Некрасова, 2006).

Еще до начала раскопок широкими площадями исследователи предположили наличие на памятнике горизонта, предшествовавшего черняховскому и связанного с киевской культурой. Основанием послужили находки фибул с высоким приемником и накладными кольцами¹ и щитковой со сплошным приемником (рис. 3: 1, 2) (Некрасова, 2006, рис. 19: 1, 2), а также круговой и лепной керамики (Некрасова, Терпиловский, 1987, с. 19).

В 1989 г. был сделан вывод о наличии на поселении двух хронологических горизонтов. К первому (вторая половина – конец III в.) отнесены объекты с лепной и небольшой долей круговой керамики (преимущественно лощеной) и фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типа Шелов D (Шелов, 1978). В комплексах второго (IV в.) преобладала круговая, преимущественно кухонная керамика при наличии отдельных фрагментов лепной. Он связывался с появлением нового населения, широко использовавшего посуду,

¹ Подобные фибулы происходят также из Григоровки (Гороховский, Гопкало, 2004, рис. 6: 9) и Петровского (Сибилев, 1926, рис. 31: 7).

изготовленную на гончарном круге (Некрасова, Терпиловский, 1990, с. 19, 24, 27).

По результатам раскопок 1990–1991 гг. на поселении выделяется уже три хронологических горизонта. К первому отнесены сооружения 1, 3², 6, 10, очаг 2; ко второму – сооружения 5, 7, 8 и, возможно, «наземная постройка» 1 с очагом (на могильнике этому периоду соответствуют «сарматоидные» подбойные захоронения 33 и 46); к третьему – сооружения 2, 4, 9, горны 1, 2, ямы 1–10, следы «рабочих площадок» (Некрасова,

² Из постройки 3 происходит фибула с высоким приемником (Некрасова, 2006, рис. 24: 9; 26: 14–17) (рис. 3: 6), по терминологии Т. Кольника, «мотыльковая фибула» (Schmetterlingsfibel), которую невозможно отнести ни к одному из вариантов классификации Е.Л. Гороховского и О.В. Гопкало (2004). Аналогией ей видят в изделии из «княжеского» погребения II в Страже (Некрасова, 2006, с. 95). Однако фибула с треугольными щитками с поселения Боромля 2 лишь весьма отдаленно напоминает три отделанные зернью и филигранью серебряные застёжки из Страже конца II – первой половины III в., имеющие полукруглые щитки-пластинки на ножке и головке, широкую спинку сегментовидного сечения с гребешком, высокий приемник, двупружинный узел и кнопки на концах пружины (Kolnik, 1964, S. 418–419, Obr. 2). Вероятно, ей ближе другие находки. В погребении-ингумации 387 могильника Прущ Гданьский (Pruszcz Gdański) центральноевропейской фазы C1 (здесь и далее даты фаз см.: Lund Hansen, 1987, S. 30) содержалась фибула с высоким приемником, треугольным щитком на ножке и нижней тетивой (Pietrzak, 1997, S. 57, Taf. CXXI: Grab 387: 2), которую можно считать переходной формой к экземпляру из Боромли. Подобное изделие происходит из погребения 137 Оксывского (Oksywie) могильника (Andrzejowski, 2005, Fig. 13: с, d). Близки экземпляру из Боромли фибулы из Тыргшора (Tirgşor) и Дарманешт (Dărmăneşti) (Diaconu, 1973, S. 273, Taf. II: 1), которые сочетают в себе признаки пластинчатых фибул групп Амброз 21 и Альмгрен VII (высокий приемник, кнопка на головке, двупружинный узел).

Терпиловский, 1992, с. 16–17). Второй горизонт начала – второй/третьей четвертей IV в. характеризовался наличием 34–60% лепной керамики киевской и северо-западных традиций, шероховатой и лощеной круговой посуды, двучленной подвязной фасетированной фибулы типа Гороховский Б2 (рис. 3: 7). В третьем, датированном второй половиной IV в., преобладала (до 90–100%) круговая керамика (Некрасова, Терпиловский, 1991, с. 19–21). В публикации 2006 г. А.Н. Некрасовой ко второму периоду с определенной долей вероятности отнесены очаги 2 (ранее он относился к периоду 1), 3, 4 (2006, с. 94–95). Р.В. Терпиловский отказался от причисления ко второму периоду «наземной постройки» 1 с очагом (2004, S. 469, 470). А.М. Обломский³ к первому горизонту отнес постройку 8, характер материала из которой различался в зависимости от глубины залегания (в нижней части заполнения преобладала лепная керамика – 60%), а также глинобитные очаги 3 и 4, перекрывающие сооружение 10, поды которых были вымощены лепной керамикой. Сооружение 2 и «рабочая площадка» в верхней части заполнения сооружения 6 были отнесены им ко второму горизонту, а к третьему – верхние слои заполнения более ранних построек 2, 3, 5, 8 и наземная постройка, изученная в 1991 г. (Обломский, 2002, с. 36).

Два хронологических горизонта, выделенные на поселении Боромля 2, а также материалы поселений Беседовка (Махно, 1955), Букреевка 2 (Сымонович, 1990), Мамрой 2 (Петренко, 1983), Родной Край 3 (Башкатов и др., 1997) легли в основу концепции культурного развития Днепро-Донецкой лесостепи позднеримского времени, предложенной А.Н. Некрасовой. Согласно ее точке зрения, во второй половине III – на рубеже III/IV вв. элементы черняховской культуры, связанные с группами славян из Поднестровья, появляются в среде местного киевского населения. Классические черняховские древности знаменуют вторую волну, или этап заселения Левобережья с рубежа III–IV вв., выразившийся в его массовой колонизации носителями данной культуры (Некрасова, 1990а; 1990б).

За истекшие более чем двадцать лет наметились две точки зрения на культурную принадлежность первого (нижнего) горизонта поселения Боромля 2. А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский относят его к сейминско-донецкому (восточно-

левобережному) варианту киевской культуры, к группе Букреевка 2 – Газово, генетически связанной, по их мнению, с предшествующими киевскими памятниками типа Шишино 5 – Шмырево (Обломский, 2002, с. 57; Терпиловский, 2004, S. 470). Данный вывод базируется на результатах применения «керамического метода». Он основан на пропуске всей фрагментированной керамики поселений через «фильтр» классификации и получении таким образом «структуры керамического комплекса» каждого поселения с последующей группировкой родственных комплексов (Обломский, 2002, с. 7, 8; Любичев, 2016, с. 235, 236). Отнесение нижних горизонтов как селища Боромля 2, так поселений Гочево 3, 4, Букреевка 2 и Родной Край 3 к киевской культуре, признание черняховского влияния на население, оставившее эти памятники, совершенно логично привело к постановке вопроса не только о киевско-черняховских контактах, но и о так называемой киевско-черняховской чересполосице на ступенях С1b и С2 в период существования первого горизонта селища Боромля 2 (Обломский, 1991, с. 86–89; 1997, с. 68; Терпиловский, 2004, S. 471).

Как считал М.Б. Шукин, для серии поселений, существующих на Днепро-Левобережье на ступени С2, объединяющим признаком являются фибулы с высоким приемником группы Альмгрен VII (Almgren, 1923). Данный признак позволяет говорить об особом хронологическом горизонте, названном исследователем «горизонтом Боромля» по эпонимному памятнику (Шукин, 2005, с. 132, 133). Помимо указанных фибул, для него характерно также наличие лепной керамики, похожей на посуду памятников типа Черепин. Возможно, формирование этого горизонта является следствием переселения на данную территорию населения из Верхнего и Среднего Поднестровья под «давлением вельбаркцев и пшеворцев» (Шукин, 2005, с. 133).

Развитием этой точки зрения представляется определение М.В. Любичевым горизонта Боромля как группы поселений, существующих в Днепро-Донецкой лесостепи на ступенях С1b и С2 и появившихся вследствие миграции части населения, оставившего памятники типа Демьянов – Черепин, из Верхнего Поднестровья. Последним присущи некоторые элементы черняховской культуры, однако черняховскими они не являются (Любичев, 2008а, с. 51). Неправомерность отнесения древностей горизонта Боромля к черняховской культуре обусловлена существенными различиями между ними и «классическими» черняховскими памят-

³ В 1988 г. А.М. Обломский принимал участие в исследовании могильника в качестве младшего научного сотрудника сектора славяно-русской археологии Института археологии АН СССР.

никами типов Косаново (Магомедов, 2001, с. 116) и Снагость 2 – Хохлово (Кропоткин, Обломский, 1991, с. 78–88) с биритуальными могильниками, поселениями, на которых присутствуют наземные каркасно-глинобитные и углубленные сооружения, с существенным преобладанием или полным господством керамики, изготовленной на гончарном круге.

Накопление новых материалов в результате исследования поселений Гочево 3 и 4 (Горюнова, 1988; 1989), Головино 1 (Обломский, 2001–2002), Песчаное (Журко, 1994, с. 215–217), 10-й Октябрь (Обломский, 2002, с. 37–38), Огульцы (Мызгин, 2011), Войтенки 1 (Любичев, 2008б) заставило меня критически осмыслить вопрос о количестве хронологических горизонтов на поселении Боромля 2 и проанализировать ситуацию на других памятниках позднеримского времени, известных в регионе.

К вопросу о количестве культурно-хронологических горизонтов в Боромле. На поверхности селища были встречены фрагменты круговых сосудов и отдельные обломки лепной керамики, куски глиняной обмазки⁴. В культурном слое также присутствуют куски обмазки – свидетельство наличия здесь наземных каркасно-глинобитных сооружений – лепная (около 4%) и круговая (около 95,5%) керамика, а также упомянутые ранее хроноиндикаторы различных ступеней: фибула группы Альмгрен VII (Некрасова, 2006, с. 94, рис. 19: 3) и щитковая фибула типа I по О.В. Петраускасу и Е.В. Синице (рис. 3: 1, 2) (Некрасова, 2006, рис. 19: 1; Петраускас, Синица, 2010, с. 118, рис. 1: 12).

Из нижней части заполнения сооружения 1 происходят две фибулы группы Альмгрен VII и роговой гребень типа Никитина I, 1 (рис. 3: 3–5). Керамика из заполнения сооружения представлена преимущественно лепной посудой, встречены также фрагменты круговых сосудов и амфор типа Шелов D.

На полу сооружения 2 под горелым слоем находились фрагмент лепного горшка, железная ведерковидная подвеска, два пряслица, обломки грузил, выше залегали фрагменты лепных сосудов, в том числе эпохи бронзы.

На полу и в нижней части заполнения сооружения 3 преобладала лепная керамика, находились фрагменты светлоглиняных амфор, своеобразная бронзовая фибула с высоким приемником

⁴ Здесь и далее опубликованные данные об исследованных комплексах, находках и керамике поселения Боромля 2 дополнены информацией из отчетов (Некрасова, Терпиловский, 1987; 1990; 1991; 1992).

(рис. 3: 6). Выше залегали фрагменты круговых и лепных сосудов, глиняные грузила и пряслица.

Сооружение 4 было почти полностью разрушено современными перекопами, но заполнено исключительно фрагментами круговых сосудов.

В сооружении 5 (перекрывало край сооружения 6) выделены три «стратиграфических горизонта заполнения». В верхнем абсолютно преобладала керамика, изготовленная на гончарном круге, там же были найдены несколько фрагментов лепных сосудов «северо-западной традиции» (имеющих аналогии в вельбаркской и пшеворской культурах) (Некрасова, 2006, рис. 27: 7, 9, 12) и горизонта Боромля (Некрасова, 2006, рис. 27: 8, 10, 11). Из него происходит и бронзовая двухчленная подвижная фасетированная фибула типа Гороховский Б2д (рис. 3: 7). В среднем и нижнем горизонтах заполнения находились фрагменты как лепных, так и круговых сосудов (Некрасова, 2006, рис. 27: 1, 3–36; 28: 1–21).

Три «стратиграфических горизонта заполнения» выделены и в сооружении 6. В первом из них преобладают фрагменты круговой керамики, в нижнем горизонте лепная керамика составляет 77% (Некрасова, 2006, рис. 27: 2; 28: 22–27).

В верхней части заполнения сооружения 7 фрагменты круговой керамики составляют 88%, в нижней и на полу доля лепной керамики достигает 34% (Некрасова, Терпиловский, 1991, с. 11). Среди последней – несколько фрагментов сосудов северо-западной традиции (Некрасова, 2006, рис. 30: 4, 6, 7, 10, 11, 16, 17) и горизонта Боромля (Некрасова, 2006, рис. 30: 5, 8, 9, 12, 13, 14).

В сооружении 8 выделены два горизонта заполнения: в верхнем круговая керамика составляет 80%, доля лепной в нижнем – 60%. Отмечается, что в «лепной керамике отсутствуют ярко выраженные северо-западные формы, но ряд фрагментов не имеет аналогов в киевской керамике» (Некрасова, 2006, рис. 34: 3, 6, 12). Остальная лепная керамика относится к горизонту Боромля (Некрасова, 2006, рис. 34: 1, 2, 4, 5, 7, 8).

В заполнении сооружения 9 находились исключительно фрагменты круговых сосудов (Некрасова, 2006, рис. 35).

В заполнении сооружения 10 встречены преимущественно фрагменты лепной керамики горизонта Боромля (Некрасова, 2006, рис. 36: 9–13, 18–24), а также круговой посуды (Некрасова, 2006, рис. 36: 2–6, 14–17) и несколько фрагментов амфор типа Шелов D (Некрасова, 2006, рис. 36: 7, 8).

Отмечу, что все углубленные сооружения (1–10) на поселении относятся к выделенному

мною типу II построек горизонта Боромля. Они прямоугольные в плане, углы в различной степени закруглены; некоторые из них имеют не совсем правильные прямоугольные очертания, расположение столбовых ям сильно варьирует (Любичев, 2008в). В нижней части заполнения сооружения 1 хроноиндикаторы горизонта Боромля (фибулы с высоким приемником (рис. 3: 3, 4), фрагменты амфор типа Шелов D, роговой гребень с низкой округлой спинкой (рис. 3: 5) сочетаются со своеобразной лепной керамикой (округлые или ребристые горшки и конические миски). В сооружении 3 специфическая фибула с высоким приемником (рис. 3: 6) также обнаружена в комплексе с подобным керамическим набором. Аналогичная лепная керамика встречена в разном количестве в нижних уровнях заполнения сооружений 2, 5, 6, 7, 8, 10. В верхней части их заполнения везде преобладает круговая керамика, что легко объяснить. После того, как прекратило существование поселение горизонта Боромля, на его месте появился поселок горизонта «классической» черняховской культуры, жители которого использовали котлованы заброшенных жилищ и хозяйственных сооружений для сброса мусора. Спорна культурно-хронологическая атрибуция сооружений 4 и 9, в заполнении которых находились исключительно фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном круге.

Правомерно ли отнесение сооружений 5, 7 и 8 ко второму горизонту поселения, занимающему позицию между горизонтами Боромля и классической черняховской культуры? Основанием для этого стало наличие крайне немногочисленных фрагментов лепных сосудов северо-западной традиции. Но они найдены здесь вместе с лепной керамикой горизонта Боромля и круговой черняховской посудой. Сами сооружения не образуют на поселении отдельной группы. Следовательно, основания для выделения горизонта по элементам, показательным для определенных культурных традиций, отсутствуют. Но, возможно, есть основания хронологические? Подвязная фибула типа Гороховский Б2д из верхнего слоя заполнения является, к сожалению, единственным индикатором, маркирующим период после горизонта Боромля, характерным для «классической» черняховской культуры. Подобные застежки были распространены на фазах 3–5 развития черняховских могильников украинской лесостепи (Гороховский, 1988, с. 44, 45). Как видим, для выделения отдельного периода между горизонтом Боромля (первым) и горизонтом «классической»

черняховской культуры нет ни культурных, ни хронологических оснований.

С горизонтом черняховского поселения связаны остатки наземных каркасно-глинобитных сооружений в слое чернозема: очаги (на уровне 0,3–0,4 м), «рабочая площадка». В очагах 3 и 4, локализованных над заполнением сооружения 10, поды были вымощены лепной и круговой керамикой, в очаге 2 – лепной (Некрасова, Терпиловский, 1992, с. 14, 15; Некрасова, 2006, с. 98). «Рабочая площадка» (в отчете – «наземная постройка») возле ямы 10 представляла собой углистое пятно, заполненное исключительно фрагментами круговых сосудов на уровне 0,4–0,5 м (Некрасова, Терпиловский, 1992, с. 13; Некрасова, 2006, с. 99). Также к этому горизонту, вероятнее всего, относятся ямы 1–10, в заполнении которых либо встречена только круговая керамика, либо она абсолютно преобладает (Некрасова, 2006, с. 98).

Итак, я выделяю на поселении два культурно-хронологических горизонта: 1) горизонт Боромля (сооружения 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 10); 2) горизонт «классической» черняховской культуры (вероятно, сооружения 4, 9, ямы 1–10, очаги и «рабочие площадки», гончарные горны). Стоит учитывать, что на селище исследован в основном участок вдоль склона мокрой балки, занятый поселком горизонта Боромля. При этом в слое и объектах к востоку от изученного участка встречена почти исключительно круговая керамика (Некрасова, Терпиловский, 1991, с. 9), следовательно, там продолжается селище с большим числом объектов именно горизонта «классической» черняховской культуры. Авторы раскопок предположили, что, поскольку на поселении Боромля 2 не обнаружены жилые постройки третьего периода, то, возможно, на территории селища располагались так называемые производственные выселки, связанные с селищем Боромля 3 на противоположной стороне балки (Некрасова, Терпиловский, 1992, с. 17).

Культурно-хронологические горизонты на других поселениях Днепро-Донецкой лесостепи позднееримского времени. Поселение *Войтенки 1* с участками А, Б, В занимает подобное Боромле 2 топографическое положение на склоне балки (рис. 1: А: 2; 2: III). На ее противоположном склоне (берегу малой реки, ныне пруда) также находится поселение позднееримского времени, где, исходя из данных шурфовки и сбора подъемного материала, присутствуют горизонты Боромля и «классической» черняховской культуры. Фибулы группы Альмгрен VII (хроноиндикатор горизонта

Боромля) найдены на поверхности исключительно участка А, и лишь там обнаружена наряду с круговой лепная керамика. Именно на участке А поселения Войтенки 1 углубленные сооружения 2/2 и 4 горизонта Боромля перекрыты в первом случае слабо углубленным сооружением 1/1 (Любичев, 2008б, рис. 13, 19), во втором – двухкамерным наземным каркасно-глинобитным сооружением 3 (Любичев, 2011а, рис. 4). В пережженном, оранжевого цвета заполнении перекрытых сооружений содержалась бронзовая двучленная подвязная лучковая фибула типа Амброз 15, III, 1 (1966, с. 52, 53) (рис. 3: 8) (сооружение 2/2), лепная керамика, характерная для горизонта Боромля, фрагменты амфор типа Шелов D.

Ситуация на селище Боромля 2 аналогична той, что наблюдается на участке А поселения Войтенки 1: ближе к краю балки (и, соответственно, краю селища) находились углубленные сооружения горизонта Боромля со следами пожара, которые были перекрыты слабо углубленными или наземными каркасно-глинобитными постройками горизонта «классической» черняховской культуры. Дальше от края поселения обнаружены лишь остатки наземных каркасно-глинобитных сооружений и почти исключительно круговая керамика. В Войтенках остатки таких сооружений сохранились лучше, к ним относятся и глинобитные очаги с прослеживаемой рядом дисперсией кусков глиняной обмазки – следы остатков стен. Но в Войтенках в заполнении полуземлянок горизонта Боромля среди характерной лепной керамики отсутствуют фрагменты сосудов северо-западной традиции.

На участках Б и В поселения были открыты материалы исключительно позднего горизонта – черняховская керамика и хроноиндикаторы горизонта «классической» черняховской культуры (фазы 3–5 в системе Е.Л. Гороховского), что подтвердилось в ходе раскопок (Любичев, 2006, с. 266, 267; Любичев и др., 2012, с. 5–55). Погребения на близлежащих могильниках в Боромле и Войтенках принадлежат только носителям «классической» черняховской культуры.

На селище *Песчаное* (рис. 1: А: 3) исследованы остатки двух углубленных (2, 5) и трех наземных каркасно-глинобитных (1, 3, 4) сооружений (Журко, 1990). Одна полуземлянка (5), в заполнении которой содержалась керамика, характерная для горизонта Боромля, была перекрыта остатками каркасно-глинобитного сооружения. Последние не могут считаться условно-закрытыми комплексами: они не имеют котлованов, и в «заполнение»

их разрушенных распашкой остатков, находящихся в слое чернозема, попадают находки из разных слоев. Так, по наличию части амфоры, отнесенной к типу Шелов D (Журко, 1990, с. 11, рис. 49; Обломский, 2002, с. 42), наземное каркасно-глинобитное жилище 1 датировано III в., что позволило исследователям прийти к выводу о ранней дате этого черняховского поселения (Обломский, 2002, с. 42). Однако амфора принадлежит, вероятно, к другому типу, переходному от Шелов D к Шелов F, который относится к более позднему времени. С учетом данного обстоятельства наряду с особенностями «заполнения» рассматриваемого объекта указанная датировка жилища 1 представляется спорной (Любичев, 2011б, с. 9).

Гочево 3 и 4 (рис. 1: А: 5, 6). На поселении Гочево 3 в котловане полуземлянки 7 предчерняховского горизонта была устроена свалка мусора, перекрытая затем очагом, являвшимся, очевидно, частью наземного сооружения (Обломский, 2002, с. 33). В Гочево 4 полуземлянка 2 и яма 5 были перекрыты наземной постройкой 1а, а полуземлянка 3 – постройкой 1 (Обломский, 2002, с. 34).

Головино 1 (рис. 1: А: 4)⁵. На поселении имеются хроноиндикаторы горизонта Боромля: фибула группы Альмгрен VII и поясная пряжка подгруппы 1/1 солтановской серии по Е.Л. Гороховскому (рис. 3: 9, 10), фрагменты амфор типа Шелов D (Обломский, 2001–2002, рис. 12: 11–13). В качестве хроноиндикатора горизонта «классической» черняховской культуры выступает фрагмент ножки светлоглиняной амфоры типа Шелов F (Обломский, 2001–2002, рис. 22: 15). Набор лепных сосудов (Обломский, 2001–2002, рис. 9: 12, 19, 20, 22) абсолютно идентичен керамике с селищ, относящихся к горизонту Боромля: Родной Край 3 (Башкатов и др., 1997, табл. II–V), Гочево 3 и 4 (Обломский, 2002, рис. 27, 29), Букреевка 2 (Сымонович, 1990, рис. 2–8), Боромля 2 (Некрасова,

⁵ Поселение названо черняховской «базой колонизации» в Днепро-Донецкой лесостепи. Этот вывод опирается прежде всего на данные о высокой доле черняховской гончарной керамики (50%, 2/3–3/4 всей найденной) по сравнению с другими поселениями горизонта Боромля или памятниками типа Букреевка 2 – Тазово, где круговые сосуды составляют от 4 до 41%. Однако большая часть этой гончарной керамики представлена кухонной посудой – фрагментами горшков с шероховатой поверхностью (Обломский, 1999, с. 26–29; 2001–2002, с. 40, 56–57, 89, рис. 7, 9–15, 17, 18, 19, 22; 2002, с. 39). Венчики горшков очень разнообразны, от простых каплевидных до сложной конфигурации. Набор столовой круговой керамики выглядит более развитым, чем в черняховских погребениях ступеней C1b–C2, он более характерен для черняховской культуры фаз 3–5 по Е.Л. Гороховскому или периодов 3–5 по системе О.А. Гей и И.А. Бажана (1997, табл. 68, 69; Любичев, 2008а, с. 46).

2006, рис. 21, 28, 36). Топографическое положение памятника очень близко положению поселков Боромля 2 и Войтенки, а выше него находится могильник горизонта «классической» черняховской культуры. В заполнении углубленных сооружений 2, 4, 5 на всех уровнях в различном количественном соотношении имеется круговая и лепная керамика. В постройке 4 круговая посуда составляет 53%, в постройке 5 соотношение круговой и лепной керамики одинаково по всем уровням заполнения (Обломский, 2001–2002, с. 30–32, рис. 9, 13, 14, 15). Наличие наземной каркасно-столбовой постройки зафиксировано по столбовым ямам (Обломский, 2001–2002, с. 32, рис. 3).

Огульцы (рис. 1: А: 7). На поверхности и в слое поселения встречены как хроноиндикаторы горизонта Боромля (фибулы группы Альмгрен VII, фрагменты амфор типа Шелов D), так и горизонта «классической» черняховской культуры (фибулы типа Гороховский Б2, Б3, со сплошным приемником, лепная керамика, характерная для горизонта Боромля, и круговая черняховская посуда). Сооружения 1 и 2 являлись остатками наземных каркасно-глинобитных построек, сооружение 3 – углубленной постройкой со ступенями по периметру стен, с лепной и круговой керамикой и фрагментами амфор типа Шелов D в заполнении (Мызгин, 2011, с. 27, 28).

Известны поселения горизонта Боромля, не перекрытые напластованиями «классической» черняховской культуры. К ним я отношу селища

Букреевка 2 и Родной Край 3 (рис. 1Б), которые размещались на песчаных останках в поймах рек (рис. 2: II, IV), – в топографических условиях, не характерных ни для памятников горизонта «классической» черняховской культуры, ни для селищ горизонта Боромля. На некоторых поселениях в слое и в заполнении сооружений обнаружены фрагменты лепной керамики, характерной для горизонта Боромля, и амфор типа Шелов D. Речь идет о поселениях 10-й Октябрь (Обломский, 2002, рис. 37, 39–41) и Мамрои 2 (рис. 1: В: 2, 3), где в заполнении углубленного сооружения вместе с круговой керамикой находились фрагменты лепных горшков и конических мисок (Петренко, 1983, с. 13–17, табл. XIV, XV).

Косвенно о наличии двух культурно-хронологических горизонтов на достаточно большом числе поселений поздне римского времени в регионе свидетельствует факт нахождения на их поверхности вещей-хроноиндикаторов обоих периодов. В связи с этим представляет интерес картографирование находок фибул группы Альмгрен VII (рис. 1), которые обнаружены как в ходе раскопок, в заполнении сооружений и в культурном слое (рис. 1: А), так и при разведках на поверхности селищ (рис. 1: Г). Зона распространения подобных фибул накладывается на ареал поселений горизонта Боромля в лесостепи к востоку от Днепра (рис. 1). Вопрос о связи горизонта Боромля с горизонтом «классической» черняховской культуры требует дополнительного рассмотрения.

Литература

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР (САИ. Вып. Д 1–30). М.: Наука. 111 с.

Бакуменко К.И., Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н., Дидык В.В., 2006. Фибулы римского времени верховьев Ворсклы и Северского Донца // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков: Курсор. С. 6–109.

Башкатов Ю.Ю., Дегтярь А.К., Любичев М.В., 1997. Селище поздне римского времени Родной Край 3 в бассейне Северского Донца // Древности 1996. Харьков: АО Бизнес-Информ. С. 111–121.

Гей О.А., Бажан И.А., 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа) М.: ОНТИ ПНЦ РАН. 144 с.

Гейко А.В., 1998. Фібула черняхівської культури з Нижнього Поворскля // АЛЛУ. № 1/2. С. 170.

Гороховский Е.Л., 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V МКАС. Т. 4: Древние славяне / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка. С. 34–46.

Гороховский Е.Л., Гопкало О.В., 2004. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры // Археологія давніх слов'ян / Ред. Д.Н. Козак. Київ. С. 103–130.

Горюнова В.М., 1988. Отчет о работе Днепропетровского Левобережного археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12506.

Горюнова В.М., 1989. Отчет о работе Днепропетровской левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР летом 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13365.

Григорьянц М.Н., Бейдин Г.В., 2005. Германские индикаторы культурной принадлежно-

сти памятников римского времени ворсклинско-донецкого междуречья // Культурна спадщина Слобожанщини. Історія та краєзнавство. Вып. 4. Харків: Курсор. С. 120–131.

Жаров Г.В., Терпиловський Р.В., 2006. Дослідження пам'яток скифського типу римського часу у Верхньому Посуллі // АЛЛУ. № 1. С. 89–99.

Журко А.И., 1990. Отчет об археологических исследованиях поселения черняховской культуры у с. Песчаное Сумского района Сумской области в 1990 г. // Архив СГКМ.

Журко А.И., 1994. Памятники черняховской культуры в лесостепном Днепро-Днепровском Левобережье // РА. № 4. С. 207–218.

Зайцев Б.П., 1964. Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла // МИА. № 116. М.: Наука. С. 44–52.

Коваленко О.В., Луговий Р.С., 2008. Пізньосарматські поховання Сторожівського курганного могильника // АЛЛУ. № 1/2. С. 34–44.

Кропоткін А.В., Обломський А.М., 1991. Протектокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III–V ст. н.е. // Археологія. № 1. С. 75–89.

Любичев М.В., 2006. О постройках на селище черняховской культуры Войтенки 1 (по раскопкам 2004–2005 годов) // АЛЛУ. № 2. С. 79–89.

Любичев М.В., 2008а. Киево-черняховские контакты ступеней С1b–С2 на территории днепро-донецкой лесостепи в свете выделения «горизонта Боромля» // Germania–Sarmatia II. Сборник научных статей по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М.Б. Щукина / Ред. О. Щеглова, М. Казанский, В. Новаковский. Сост. О.А. Радюш, К.Н. Скворцов. Калининград; Курск. С. 44–67.

Любичев М.В., 2008б. Об этнокультурных процессах позднеимского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследований археологического комплекса Войтенки) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 257–290.

Любичев М.В., 2008в. Домостроительство на памятниках горизонта Боромля // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. № 816: Історія. Вип. 40. С. 38–49.

Любичев М.В., 2011а. Наземные сооружения на поселении черняховской культуры Войтенки (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) // Археологія і давня історія України. Вип. 6. Стежками археології / Ред. Л.Л. Залізняк. Київ: ІА НАНУ. С. 111–120.

Любичев М.В., 2011б. Хронологія поселень черняхівської культури в лісостепу між Дніпром та Сіверським Дінцем // Археологія. № 4. С. 7–20.

Любичев М.В., 2016. О двух методах построения культурной истории днепро-донецкой лесостепи римского времени // Профессор доктор Борис Д. Борисов – ученици и приятели. Велико Търново: Ивис. С. 235–245.

Любичев М.В., Дидык В.В., 2001–2002. Об одной группе фибул позднеимского времени в днепро-донецкой лесостепи // Stratum plus. № 4. С. 335–342.

Любичев М.В., Мызгин К.В., Варачева К.Г., 2012. Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2011 г. // Архив ИА НАНУ. Б/н.

Магомедов Б., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta studia Gothica. I). Lublin: UMCS. 290 с.

Махно Є.В., 1955. Розкопки на поселеннях першої половини I тис. н.е. в верхній течії Сули // АП УРСР. Т. 5. Київ: АН УРСР. С. 77–85.

Мызгин К.В., 2011. Итоги исследований памятника позднеимского времени возле с. Огульцы // Доистория Восточной Европы позднеимского времени – начала эпохи Великого переселения народов (материалы полевых семинаров у с. Войтенки 2009, 2010 гг.) (Ostrogothica–Serie. (Heft) Вып. 1) / Ред. К. Мызгин. Харьков. С. 26–29.

Некрасова А.Н., 1990а. К вопросу о начальном этапе распространения черняховских древностей в Днепро-Днепровском лесостепном Левобережье // Охорона і дослідження пам'яток Полтавщини. Полтава. С. 150–151.

Некрасова А.Н., 1990б. Хронология распространения черняховской культуры в Днепро-Днепровском лесостепном Левобережье // Археологические исследования в Центральном Черноземье. Белгород. С. 59–61.

Некрасова А.Н., 2006. Памятники черняховской культуры Днепро-Днепровского Левобережья // Готы и Рим / Ред. М.Е. Левада, Л.Г. Самойленко. Киев: ИД СтилоС. С. 87–200.

Некрасова А.Н., Терпиловский Р.В., 1987. Отчет о работе Сумского отряда Славянской экспедиции на могильнике и поселении черняховской культуры у с. Боромля Тростянецкого р-на Сумской обл. в 1987 г. // Архив ИА НАНУ. № 1987/3в.

Некрасова А.Н., Терпиловский Р.В., 1990. Отчет о раскопках на поселении и могильнике черняховской культуры у с. Боромля Тростянец-

кого района Сумской обл. в 1989 г. // Архив ИА НАНУ. № 1989/38а.

Некрасова Н.А., Терпиловский Р.В., 1991. Отчет о работах Левобережного раннеславянского отряда ИА АН УССР на поселении и могильнике у с. Боромля Тростянецкого р-на Сумской обл. в 1990 г. // Архив ИА НАНУ. № 1990/26г.

Некрасова Н.А., Терпиловский Р.В., 1992. Отчет о раскопках памятников у с. Боромля Тростянецкого р-на Сумской обл. в 1991 г. // Архив ИА НАНУ. № 1991/136.

Никитина Г.Ф., 1969. Гребни черняховской культуры // СА. № 1. С. 147–159.

Обломский А.М., 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. Москва; Сумы. 287 с.

Обломский А.М., 1997. О взаимоотношении киевского и черняховского населения на водоразделе Днепра и Дона // Проблемы походження та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів: РАС. С. 63–72.

Обломский А.М., 1999. О времени появления черняховского населения на территории Днепро-вского Левобережья // Сто лет черняховской культуре / Ред. М.Е. Левада. Киев: Товариство Археології та Антропології. С. 26–38.

Обломский А.М., 2001–2002. Новый черняховский памятник на территории России // Stratum plus. № 5. С. 27–52.

Обломский А.М., 2002. Днепро-вское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 5). М.: Наука. 254 с.

Петраускас О.В., Саница Е.В., 2010. Фибулы «щиткового типа» черняховской культуры // Germania–Sarmatia II. Сборник научных статей по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М.Б. Шукина / Ред. О. Щеглова, М. Казанский, В. Новаковский. Сост. О.А. Радюш, К.Н. Скворцов. Калининград; Курск. С. 243–263.

Петренко Е.Н., 1983. Отчет об исследованиях Черняховской экспедиции в 1982 г. // Архив ИА НАНУ. № 1982/113.

Радюш О.А., 2008. Новые памятники III–V вв. в Курском Посеймье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Ред.

А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 181–208.

Сибилев Н.В., 1926. Древности Изюмщины. Вып. I–II. Изюм. 24 с.

Сымонович Э.А., 1990. Букреевка 2 – селище второй четверти I тыс. н.э. возле Курска // Материалы и исследования по археологии Днепро-вского Левобережья / Ред. Р.В. Терпиловский. Курск. С. 78–110.

Терпиловский Р.В., 2004. Глеваха и Боромля (к вопросу о характере контактов между киевской и черняховской культурами на раннем этапе) // Europa Barbarica (Monumenta studia Gothica. IV) / Red. P. Łuczkiewicz. Lublin: UMCS. S. 465–475.

Шелов Д.Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156. С. 16–21.

Щербань А.Л., 2000. Знахідки старожитностей I тис. н.е. на поселенні поблизу Диканьки // АЛЛУ. № 1/2. С. 80.

Шукин М.Б., 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 576 с.

Almgren O., 1923. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen (Mannus-Bibliothek. Bd. 32). Leipzig. 254 S.

Andrzejowski J., 2005. Liwiec River as axis of local settlement structures of the Przeworsk and Wielbark Cultures // Wasserwege: Lebensadern–Trennungslinien / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Neumünster: Wachholtz Verlag. S. 231–252.

Diaconu Gh., 1973. Über die Fibel mit Halbkreisförmiger Kopfplatte und rautenförmigen Fuss aus Dazien // Dacia. № XVII. S. 258–275.

Kolník T., 1964. Honosné spony mladšej doby rímskej vosvetle nálezov z juhozápadného Slovensku // Slowenská Archeológia. № 12. S. 404–438.

Lund Hansen U., 1987. Römischer Import im Norden: Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien während der Kaiserzeit unter besonderer Berücksichtigung Nordeuropas (Nordiske Fortidsminder. Serie B. Bd. 10). København: Kongelige nordiske Oldskriftselskab. 489 S.

Pietrzak M., 1997. Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie– und Wielbark–Kultur in Ostpommern (Monumenta Archaeologica Barbarica. T. IV). Kraków: IAE PAN; MAG. 268 S.

The settlement of Boromlya 2 and cultural-chronological horizons of the late Roman time in Dnieper-Donetsk forest-steppe

M.V. Lyubichev (Kharkov)

Key words: horizon of Boromlya, horizon of the “classical” Chernyakhov culture, Dnieper-Donetsk forest-steppe, late Roman period.

The research of the settlement Boromlya 2 by A.N. Nekrasova and R.V. Terpilovski in 1987–1991 signaled a new era of studying the antiquities of the late Roman time in Dnieper-Donetsk forest-steppe related to the emphasizing cultural-chronological horizons. According to the results of the final excavation season the constructions 1, 3, 6, 10 and the hearth 2 belong to the first period. Constructions 5, 7, 8 and probably “above-ground structure” with the hearth 1 were dated to the second period (“Sarmatian type graves with side-chambers 33 and 46” correspond to them in the cemetery). Constructions 2, 4, 9 and furnaces 1, 2, pits 1–10 and the traces of “working grounds” belong to the third period.

Chronological horizons emphasized in the settlement of Boromlya 2 have become the basis for the conception of cultural development of Dnieper-Donetsk forest-steppe of the late Roman period suggested by A.N. Nekrasova. However, it is referred only to two horizons: 1) the appearance of the elements of the Chernyakhov culture in the second half of the 3rd – at the turn of the 4th cc.; 2) the classical Chernyakhov culture – from the turn of the 3rd – 4th cc. The analysis of the materials of the late Roman settlements made me turn to the problem of amount of the chronological horizons in the settlement Boromlya 2 and other settlements of the late Roman period in that area with a critical eye. I emphasize two cultural-chronological horizons: 1) the horizon Boromlya (constructions 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 10); 2) the horizon of the “classical” Chernyakhov culture (probably the constructions 4, 9, pits 1–10, hearths and “working grounds” and furnaces).

Two horizons have been traced in other settlements of the late Roman time: Voytenki 1 (sector A), Peschanoye, Gochevo 3, Gochevo 4, Golovino 1, Ogultsy.

Translated by I. Grigoryan

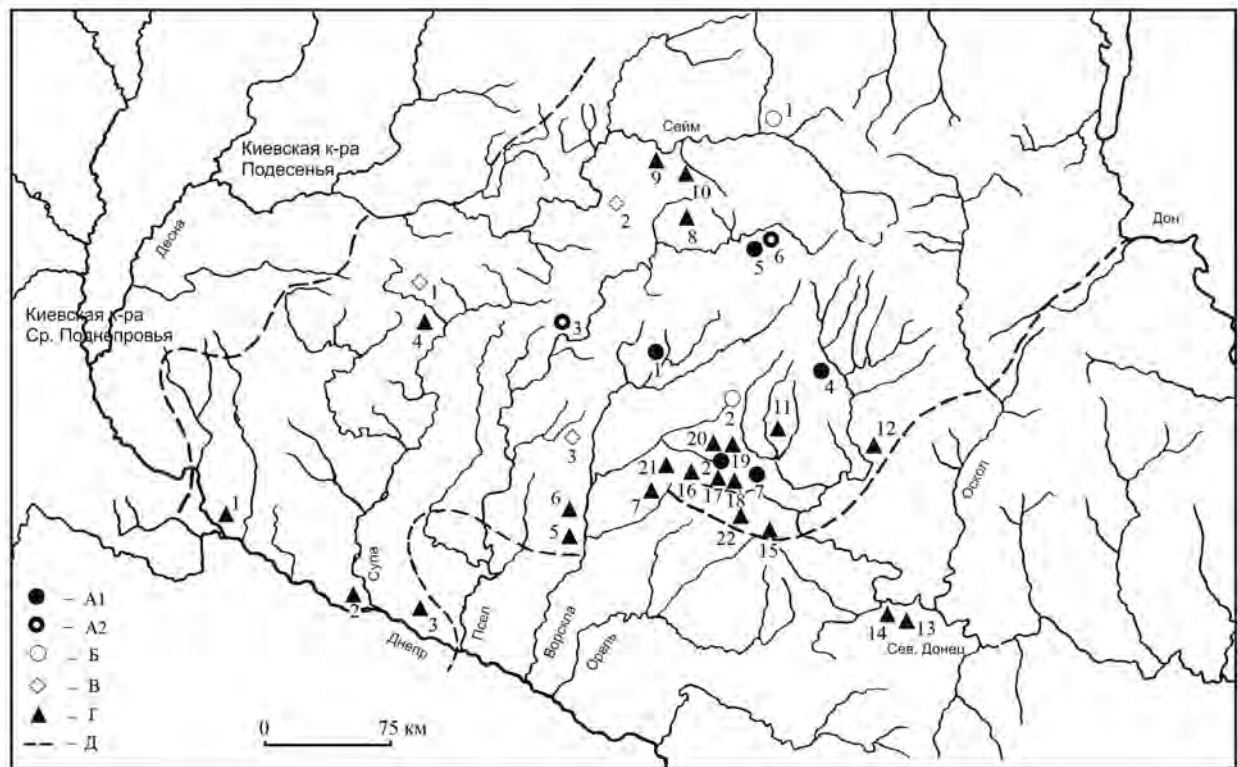

Рис. 1. Культурная ситуация позднееримского времени и начала эпохи Великого переселения народов в Днепро-Донецкой лесостепи.

A1, A2 – поселения с двумя горизонтами позднееримского времени: горизонтом Боромля (C1b, C2) и горизонтом «классической» черняховской культуры (C3, D1)

(A1 – с находками фибул группы Альмгрен VII; A2 – без находок фибул группы Альмгрен VII).

1 – Боромля 2; 2 – Войтенки 1 (участок А); 3 – Песчаное;
4 – Головино 1; 5 – Гочево 3; 6 – Гочево 4; 7 – Огульцы.

Б – поселения горизонта Боромля (с находками фибул группы Альмгрен VII).
1 – Букреевка 2; 2 – Родной Край 3.

В – поселения с находками лепной керамики горизонта Боромля и амфор типа Шелов D.
1 – Беседовка; 2 – 10-й Октябрь; 3 – Мамрои 2.

Г – находки фибул группы Альмгрен VII на поселениях.

1 – Лепляво; 2 – Коврай; 3 – Градижск; 4 – Матяшев Яр 3; 5 – Шевченки 5;
6 – Васильевка 3; 7 – Сторожевое; 8 – Новоселовка; 9 – Пены; 10 – Рязаново;
11 – Большая Даниловка; 12 – Мартовая; 13 – Петровское; 14 – Завгороднее;
15 – Пасеки; 16 – Старые Валки; 17 – Халимоновка; 18 – Бараново;
19 – Старый Мерчик; 20 – Хрущевая Никитовка; 21 – Водяное; 22 – Рябухино
(по: Бакуменко и др., 2006; Гейко, 1998; Гороховский, Гопкало, 2004;
Григорьянц, Бейдин, 2005; Жаров, Терпиловский, 2006; Зайцев, 1964;
Коваленко, Луговий, 2008; Любичев, Дидык, 2001–2002; Обломский, 2002;
Радюш, 2008; Сибилев, 1926; Щербань, 2000).

Д – граница лесостепи и степи.

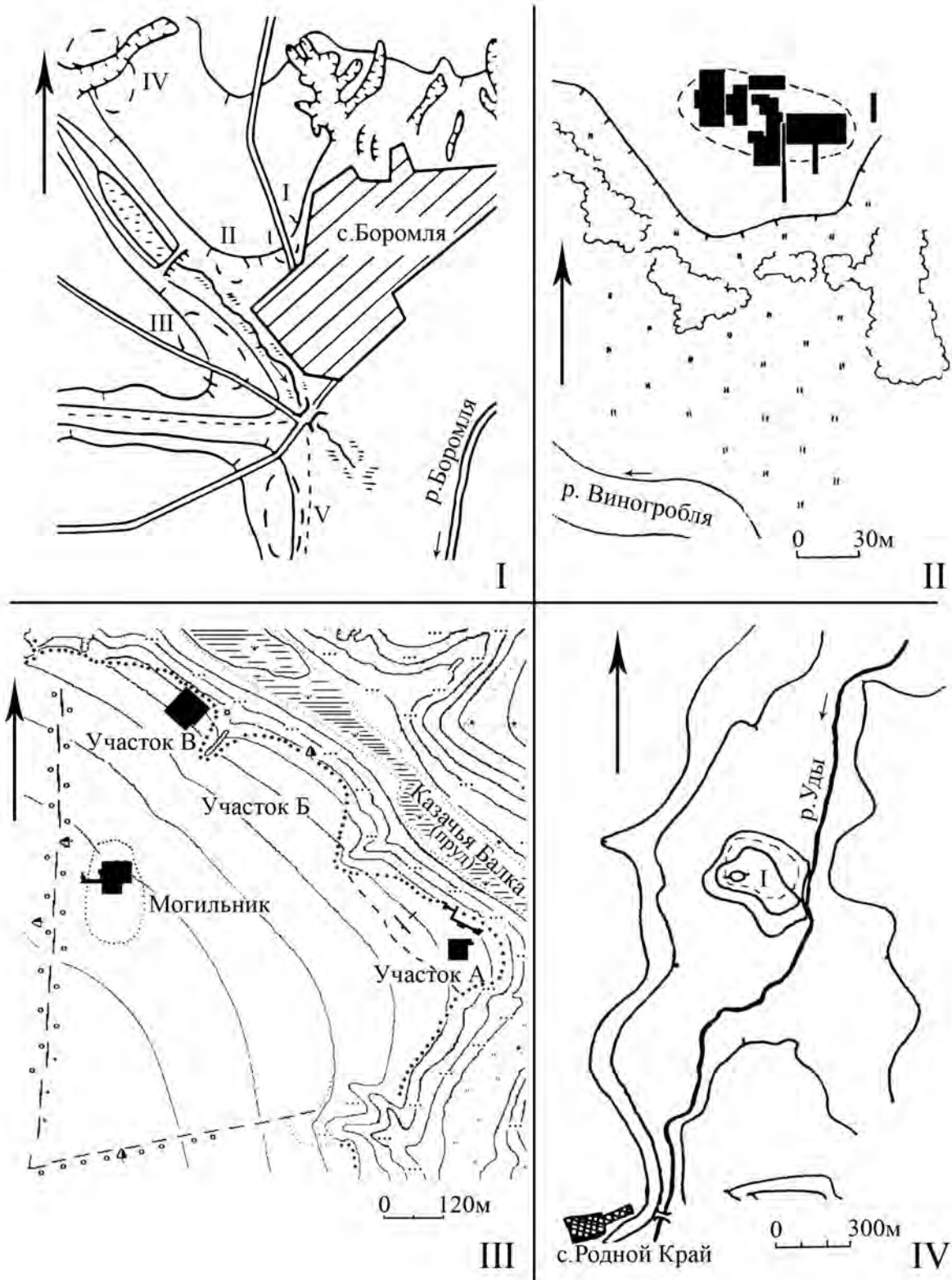

Рис. 2. Топография археологических памятников позднеримского времени Днепро-Донецкой лесостепи.

I – археологический комплекс у с. Боромля: поселение Боромля 2 (II), другие поселения (III, IV, V) и могильник (I) (Некрасова, 2006, рис. 1); II – поселение Букреевка 2 (Сымонович, 1990, рис. 1); III – археологический комплекс у с. Войтенки: поселение Войтенки 1 с участками А, Б, В. Пунктиром на участке А показаны границы поселения горизонта Боромля (Любичев, 2006, рис. 1); IV – поселение Родной Край 3 (I) (Башкатов и др., 1997, табл. I).

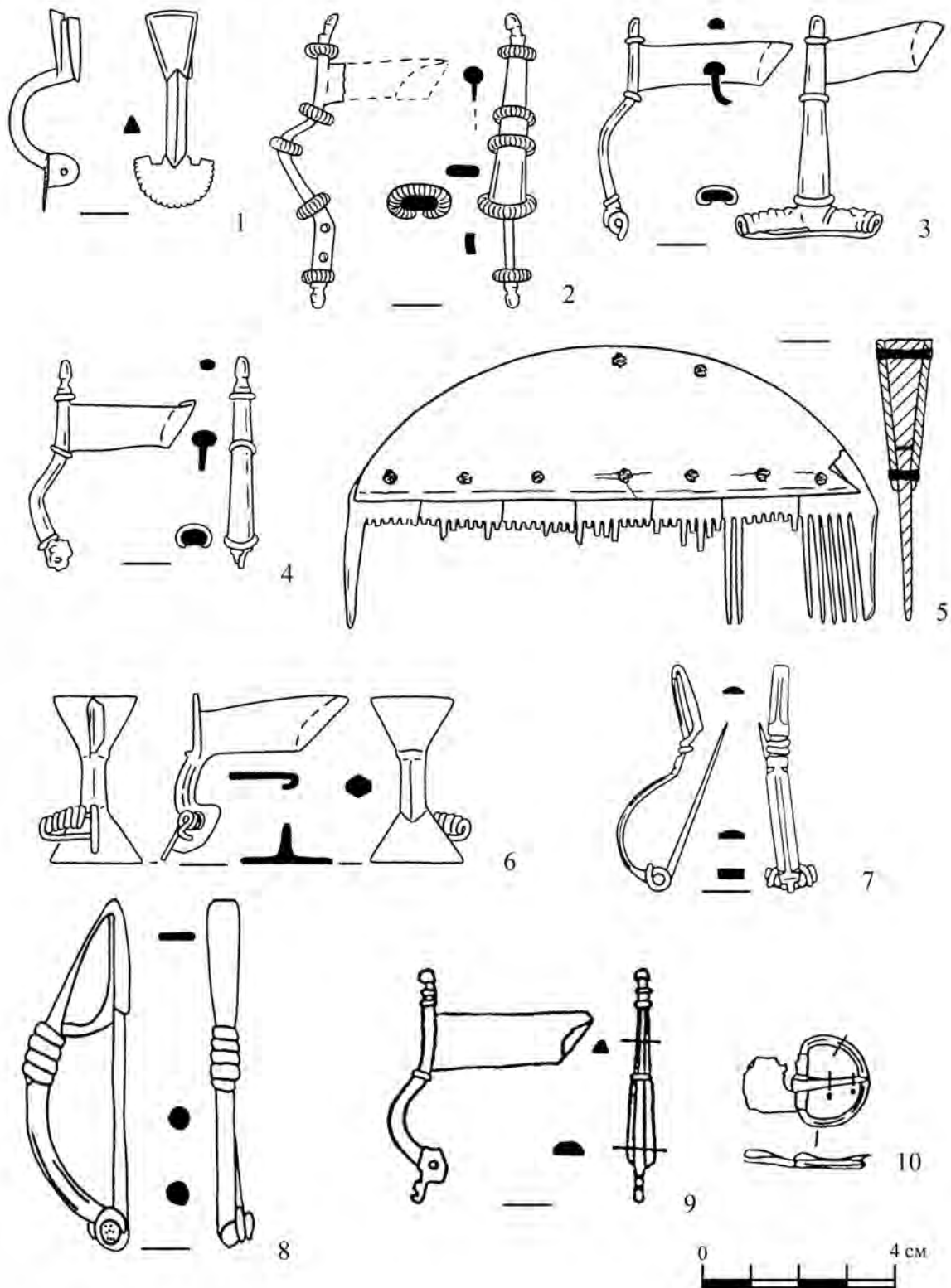

Рис. 3. Хронологические индикаторы с некоторых памятников позднеримского времени Днепро-Донецкой лесостепи.

1–7 – поселение Боромля 2 (1, 2 – культурный слой (Некрасова, 2006, рис. 19: 1–3);
 3–5 – постройка 1 (Некрасова, 2006, рис. 20: 2, 3, 6); 6 – постройка 3 (Некрасова, 2006, рис. 24: 9);
 7 – постройка 5 (Некрасова, 2006, рис. 27: 3); 8 – поселение Войтенки 1, участок А,
 сооружение 1/2 (Любичев, 2008б, рис. 16: 4); 9, 10 – поселение Головино 1, слой
 (Обломский, 2001–2002, рис. 16: 1, 17).

К атрибуции славянских памятников V–VII веков на Южном Буге

И.О. Гавритухин (Москва)

Ключевые слова: пражская культура, пеньковская культура, Южный Буг, расселение славян, V–VII вв.

Информацией о подавляющем большинстве славянских памятников в бассейне Южного Буга мы обязаны трудам замечательного исследователя – Павла Ивановича Хавлюка (1925–2001). Для древностей V–VIII вв. им была подготовлена базовая карта, где учтены 76 пунктов (Хавлюк, 1974, с. 210–215, рис. 1 на с. 182), проведены раскопки опорных памятников – поселений Семенки, Самчинцы, Скибинцы (о. Мытковский), итоги которых, дополненные его же материалами с селищ Щуровцы, Голики, Кочуров 3 (Омелькин клин), Куня и некоторых других, были введены в научный оборот (Хавлюк, 1961; 1963; 1974). Позднее этот список пополнила Пархомовка (см. ниже). В результате была сформулирована концепция, согласно которой лесостепная зона Южного Побужья входила в «сплошной массив» раннеславянских памятников от Среднего Поднестровья до Среднего Поднепровья, соотносимых с антами. Они появились в середине I тыс., сменив черняховские, а генетически связаны с сохранившимися в Верхнем Поднепровье зарубинецкими традициями, представленными там киевской и колочинской культурами (Хавлюк, 1974, с. 209, 210).

Была намечена и периодизация этих древностей (Хавлюк, 1974, с. 181–183 и др.). К наиболее ранним отнесены памятники с керамикой биконических и «удлиненных» форм, углубленными постройками с очагами, иногда с центральным столбом. Комплексы «с большим разнообразием» керамических форм при преобладании «плечистых», нередко с круговой керамикой, аналогичной находкам на Пастырском городище, датированы VI–VII вв. С конца VII в. биконическая

посуда представлена единичными находками, на сосудах появляются пальчатые вдавления по венчику и другие черты, характерные для культуры Луки Райковецкой.

Эти материалы и их интерпретация не оказали заметного влияния на взгляды научного руководителя П.И. Хавлюка – Михаила Илларионовича Артамонова, рассматривавшего схожие лесостепные памятники юга Восточной Европы в рамках так называемой пастырской культуры, соотносимой с кутригурами (см.: Комар, 2007). Зато выводы молодого ученого оказались близки концепции главного оппонента М.И. Артамонова, другого ленинградского исследователя, не менее известного славистам – Петра Николаевича Третьякова, привлечшего материалы из Южного Побужья для обоснования своих выводов (Третьяков, 1982, с. 111–113, 119, 120). Высказывались и другие точки зрения.

Ириной Петровной Русановой большинство этих памятников отнесено к пеньковской культуре с элементами культуры кочевников; в их основе – некоторые традиции черняховской культуры, проявляющиеся не только в лепной керамике, но и отчасти в сравнительно высокоразвитом ремесле (Русанова, 1976, с. 87, 89, 90, 92, 95–98, 107, 110, рис. 29: 3, 30; 33: 3; 34: 16, 17, 19, 22; 35: 3). Для памятников, где зафиксированы печикаменки и в некоторых случаях пастырская круговая керамика, ею было отмечено присутствие керамики пражского типа или культуры Луки Райковецкой (Русанова, 1976, с. 90, 97, 100, 102, рис. 31: 5; 35: 2). Вектор культурно-исторических процессов в Южном Побужье, как и на соседних

лесостепных территориях, был реконструирован как «славянизация антов» – ассимиляция в VI–VII вв. пришельцами с севера местного населения.

С точки зрения Валентина Васильевича Седова практически все памятники V–VII вв. в Южном Побужье полностью соответствуют пеньковкой культуре¹, с которой он соотносил украшения «мартыновского типа», серьги «пастырского типа», многие пальчатые фибулы и другие культурные индикаторы (Седов, 1982, с. 26, 27, рис. 6; 7; карты 1–5; 1995, с. 8, 9, 70, 71, 83–90, рис. 3; 14). Все это однозначно связывалось с антами, славянская принадлежность которых снимает вопросы о соотношении с позднейшими бесспорно славянскими культурами: как постепенная эволюция рассматривались изменения в керамике, смена в рамках «славянского интерьера» очагов печами-каменками и другие отличия комплексов.

К похожему, но более детализированным выводам пришел крупнейший специалист по пеньковской культуре Олег Михайлович Приходнюк, в основном поддержанный по рассматриваемым здесь вопросам другим известным украинским славистом – Владимиром Даниловичем Бараном. Согласно этой концепции, лесостепные памятники V–VII вв. в бассейне Южного Буга относятся к пеньковской культуре, на севере расположена зона ее смешения с пражской культурой. Это объясняет наличие пражских компонентов на пеньковских памятниках и специфику их локального варианта в лесостепи Южного Побужья и правобережья Среднего Днепра южнее Стугны, особенно с учетом динамики развития этих древностей. В аналитической части и выводах широко использованы материалы из раскопок П.И. Хавлюка (Этнокультурная карта..., 1985, с. 90, 91; рис. 13: 40–53; 14; 16; Славяне..., 1990, с. 251, 344–346; рис. 38; 45: 5, 9, 10, 20; 47: 11; 48: 15–16, 19, 22, 23; 49: 28, 29; 51: 28–30, 35²; Приходнюк, 1998, с. 21, 25, 35, 39, 42, 45, 57, 63, 64, 65, 85; рис. 1; 3; 10; 11; 48–50; 62; 70). Существенное отличие от концепций двух упомянутых выше московских коллег состоит в том, что лесостепные древности Южного Побужья V–VII вв. рассматривались украинскими исследователями как оставленные населением, пришедшим с территорий, расположенных к востоку от этого региона.

¹ В ряде работ он использовал термины «пражско-пеньковская культура» в паре с «пражско-корчакской» (пражской, по современной терминологии), но позднее отказался от них, нередко называя пеньковскую культуру «антской», пражскую – «склавинской», признавая только их славянскими в Восточной Европе V–VII вв.

² К сожалению, некоторые подписи к изображениям вещей из Южного Побужья и ссылки в этих изданиях неточны.

К сожалению, как было принято в те годы, материалы из раскопок П.И. Хавлюка были опубликованы лишь выборочно (почти тот же объем информации содержится и в его отчетах, особенно ранних), что затрудняет проверку культурной и хронологической атрибуции комплексов в соответствии с современными требованиями. Поэтому для решения спорных вопросов необходима работа непосредственно с коллекциями и их новая публикация.

Коллекции из раскопок в 1959–1960 гг. трех опорных памятников хранятся в Государственном Эрмитаже (ГЭ), куда они были переданы П.И. Хавлюком во время его учебы в аспирантуре. Работа с ними дала следующие результаты³.

В жилищах⁴ 6, 11–13 из *Самчинец* представлены формы, типичные для фазы 3 пражской культуры (например, рис. 1: 19–25)⁵. Существование этих построек во второй четверти VII в. или позднее подтверждает находка около жилища 13 сильно затертого обломка византийской пряжки типа Гатер (рис. 1: 8) (Гавритухин, 1995; 2001, с. 117–119, там литература). Сочетание сильно и слабо отогнутых венчиков, в том числе с внешним срезом, позволяет отнести керамику из жилищ 7 и 10 к фазе 2 пражской культуры. В жилищах 4 и 5 находок мало, но все они имеют аналогии в указанных выше комплексах. Схожие сосуды есть и в жилище 3, но они сочетаются здесь с более архаичными для пражской культуры формами (с короткими прямыми горизонтально срезанными венчиками) и сосудами с прямым плечиком, более характерными для пеньковской, но встречающимися и на памятниках пражской культуры (см. ниже). У сковород из жилища 3 бортик более низкий, чем у тех, что происходят из упомянутых выше комплексов VII в. В жилище 2 представлены два горшка, ближайшие аналогии которым известны в жилище 36 в Бернашовке, относящемся к пражской культуре и

³ С удовольствием вспоминаю не только помощь в работе, но и живой интерес хранителя этих коллекций Марка Борисовича Щукина, проявленный к обсуждению рассматриваемых материалов. Он и бывший тогда в Санкт-Петербурге видный польский славист Михал Парчевский, ознакомившийся с частью находок и моими рисунками, согласились с моим заключением об отнесении выразительных комплексов к пражской культуре и отсутствию несомненных пеньковских.

⁴ В терминологии П.И. Хавлюка (1963; 1974) «жилища» – это полуземлянки с печами-каменками; прочие сооружения, не считая ям, – «постройки».

⁵ О выделении фаз пражской культуры и их датировке (фазы 0 и 0/1 – IV (не позднее середины) – первая половина V в., фаза 1 – середина V – первая половина VI в., фаза 2 – середина VI – начало VII в., фаза 3 – VII в.) см.: Гавритухин, 1997; 2005; 2009.

датированном рубежом VI и VII вв. или несколько шире (Гавритухин, 2005, с. 415).

У меня нет данных о коллекциях из жилищ 1, 8, 9, 14. Однако из жилища 8 опубликован горшок с прямым венчиком, обычный для пражской культуры, а из жилища 1 – обломок сосуда без выделенного венчика, аналогии которому встречаются и в сравнительно ранних пражских, и в пеньковских комплексах (Хавлюк, 1963, рис. 9: 3; 21: 6).

На этом фоне явно выделяются наборы керамики из построек 1 и 2, в которых найдены венчики, которые могут относиться к сосудам пражской культуры, но более типичны для пеньковской. Кроме того, из постройки 2 происходит целый биконический горшок, характерный для пеньковского керамического набора. Среди находок из культурного слоя следует отметить лепной тюльпановидный сосуд и фрагменты черняховской керамики.

В *Семенках*, судя по коллекциям ГЭ, жилища 3, 8, 10, 11 относятся к фазе 3 пражской культуры, а жилище 12 – к начальному этапу культуры Луки Райковецкой, о чем свидетельствует находка в нем венчика с пальцевыми вдавлениями (Хавлюк, 1963, рис. 8: 10). Пражская керамика фазы 2 или 3 встречена в жилище 9, постройке 2, яме 1. Единственный венчик сосуда из жилища 5 имеет аналогии в перечисленных комплексах. Отметим, что жилища 9 и 11 перекрыты постройками 6 и 7, содержащими пражскую керамику, характерную для фазы 3. При этом в постройке 7, керамика из которой была мною опубликована, найдена «серьга», наиболее близкая экземплярам, связанным с Пастырским городищем, что указывает на дату около последних десятилетий VII – первых десятилетий VIII в. (Гавритухин, 2005, с. 434, рис. 20: 8; 25; 32–34). Керамика из построек 3 и 4 относится к фазе 2 пражской культуры⁶, из жилища 1 (рис. 1: 9–18) – к фазе 1⁷, из жилища 7 – к фазе 1 или 2.

У меня нет данных о коллекциях из жилищ 2, 4, 6, построек 1 и 5. Однако из постройки 5 опубликованы некоторые формы, характерные для пражской культуры (Хавлюк, 1963, рис. 8: 3, 4; 9: 1), а из жилища 6 и постройки 1 – для пеньковской (Хавлюк, 1963, рис. 5: 2, 5; 9: 5, 6). Из жилища 4 в публикации приведен асимметричный горшок, одна сторона которого более напоминает пражские, а другая – пеньковские сосуды (Хавлюк, 1963, рис. 9: 4).

⁶ Небольшого округлобокого сосуда из постройки 3 и типичного раннего пражского из постройки 4 (Хавлюк, 1963, рис. 5: 1, 3) в коллекции я не видел.

⁷ Набор, опубликованный О.М. Приходнюком (1998, рис. 49: 1–9), явно отличается от того, что я видел. Возможно, в ГЭ была передана не вся коллекция, или произошел сбой в нумерации.

О комплексах из раскопок 1961–1962 гг. можно судить по публикации. Находки круговой керамики пастырского и/или канцерского круга отмечены в жилищах 18–22, 29. Из лепной посуды этих комплексов опубликованы характерные для фазы 3 пражской культуры целые формы, происходящие из жилищ 18, 19, 21 (Хавлюк, 1974, рис. 12: 1–7, 9). Поздняя пражская керамика приведена и из жилищ 17, 23, 26 (Хавлюк, 1974, рис. 10: 4, 6; 12: 8). Из жилища 15 известен лишь асимметричный горшок, одна сторона которого напоминает пражские, другая – пеньковские сосуды (Хавлюк, 1974, рис. 10: 5). При этом жилище 17 перекрывала постройка 8, в которой были найдены подвеска со спиралевидным окончанием, обломок пальчатой фибулы VII в. (Хавлюк, 1974, с. 207, рис. 11: 1, 2), круговая керамика пастырского типа и лепная посуда, к сожалению, не охарактеризованная. В подпечи жилища 28 были вмазаны черепки, из которых склеивается биконический сосуд (Хавлюк, 1974, рис. 10: 3). Однако нельзя исключать, что они не синхронны жилищу, а были собраны на поселении⁸, в слое которого встречены развалы биконических горшков (Хавлюк, 1974, рис. 10: 1, 2).

В *Скибинцах* из жилища 1 происходит выразительный набор венчиков, типичных для фазы 3 пражской культуры, в том числе со сглаженным ребром в верхней трети высоты, а также несколько сосудов без венчиков⁹. Из жилища 2 в коллекции представлен лишь сосуд, у которого собран полный профиль, близкий как пражским, так и колочинско-пеньковским формам¹⁰. П.И. Хавлюком из этого жилища опубликованы три венчика, типичные для фазы 3 пражской культуры, и браслет с расширенными гранеными концами (Хавлюк, 1974, рис. 5: 1, 3, 5, 6), а О.М. Приходнюком (1998, рис. 50: 14–24) – совсем другой набор: с двумя целыми биконическими горшками и крупным фрагментом аналогичного сосуда, свидетельствующими в пользу атрибуции комплекса как пеньковского, а также фрагментом черняховской миски, о чем в публикации П.И. Хавлюка не сказано. Набор из жилища 3, представленный только в публикации О.М. Приходнюка (1998, рис. 51: 1–6), близок, скорее, комплексу из жилища 1.

⁸ Например, во время моих раскопок в Зимно были зафиксированы поды печей IX в., укрепленные керамикой, в основном близкой по времени, но иногда – пшеворской и померанской культуры, многочисленной в культурном слое.

⁹ Публикация О.М. Приходнюка (1998, рис. 50: 1–13) соответствует коллекции ГЭ, но выборочна: не приведены некоторые формы, типичные для пражской культуры.

¹⁰ Этот сосуд очень близок тому, что опубликован как находка из постройки 2 (Хавлюк, 1974, рис. 5: 2). Возможно, и здесь произошел сбой в нумерации (см. примечание 7).

В постройке 1 П.И. Хавлюк выделяет два горизонта. В верхнем были найдены литейные формы, близкие тем, что известны на памятниках пражской культуры (Хавлюк, 1974, рис. 5: 8, 9), а также не чуждые ей сосуды с валиками. С нижним слоем связаны яма для центрального столба в полу, два опубликованных сосуда, характерных для пеньковской культуры (Хавлюк, 1974, рис. 6: 1; 5: 2, 4), фигурка льва (рис. 1: 7; см. о нем ниже). Керамика из постройки 2, также имеющей центральный столб, в публикации охарактеризована очень обобщенно. О.М. Приходнюком (1998, рис. 51: 7–25) приведена посуда из «сооружений» 1 и 2¹¹, сопоставляемая как с пражскими, так и с пеньковскими формами.

Итак, работа с коллекциями ГЭ, дополненная данными из публикаций, показала, что представительные комплексы керамики из жилищ опорных памятников Южного Побужья относятся к пражской культуре, иногда дополняясь специфичными формами (Гавритухин, 2005, с. 447; 2009, с. 12). Важно, что в них представлены наборы, датированные фазами 1, 2, 3 (последних много).

Судя по публикациям, несомненно присутствие здесь и выразительной пеньковской керамики, правда, в доступных коллекциях «чистых» пеньковских комплексов я не встретил. Однако моя выборка не так уж велика и не включает многие памятники с явными пеньковскими элементами, известные по публикациям. Особый интерес вызывают комплексы с датированными находками, позволившими включить Южное Побужье в зону славянских памятников V в., но охарактеризованные очень скупо (Славяне..., 1990, с. 344–346). Прояснить многие вопросы помогла бы работа с другими коллекциями из раскопок П.И. Хавлюка, которые хранились в Виннице.

Андрей Михайлович Обломский обработал и опубликовал замечательные позднезарубинецкие материалы из раскопок П.И. Хавлюка, хранящиеся в Винницком областном краеведческом музее (ВОКМ) (Обломский, 2010). В 2013 г. и мне удалось добраться до Винницы, но относительно коллекций с рассматриваемых в этой статье памятников меня ждало разочарование. До передачи в ВОКМ¹² они хранились в другом месте, и часть из них пострадала во время пожара. Судя по всему, материал был сгруппирован по эпохам, и погибли в основном именно интересующие меня находки.

¹¹ Неясно, как они соотносятся с «постройками» в терминологии П.И. Хавлюка.

¹² Благодарю за всестороннюю помощь в работе Михаила Валентиновича Потупчика и сотрудников ВОКМ, в том числе и при обработке других коллекций, хранящихся образцово.

Памятники V века с датированными вещами из Южного Побужья особенно важны, тем более, что в коллекции ГЭ они не представлены, да и для других регионов славянского мира единичны.

К опорным относится многослойное поселение *Пархомовка*, которое П.И. Хавлюк исследовал в 1977, 1978 и 1985 гг., но интересующие нас материалы опубликовать не успел. К счастью, его отчеты за эти годы более подробны, чем о раскопках вышеупомянутых памятников (Хавлюк, 1977; 1978; 1985)¹³. Находки рассматриваемого времени происходят из четырех жилищ, по меньшей мере одной ямы¹⁴ и культурного слоя. Все эти жилища – полуземлянки, в плане близкие квадрату, со стороной от 2,8 до 4 м (рис. 2: 1, 14; 3: 15, 16). В жилище 4 великолепно сохранилась печь-каменка (рис. 3: 15)¹⁵, в жилищах 1 (рис. 2: 1; 3: 16) и 2 (судя по описанию) печи разрушены. Под и несколько камней из жилища 3 (рис. 2: 14) П.И. Хавлюк считал очагом, но, скорее всего, это также печь-каменка, камни из которой забрали (ср., например: Русанова, Тимошук, 1984, с. 34). Почти у всех сосудов, для которых понятно расположение наибольшего расширения тулова, оно приходится на верхнюю треть их высоты (рис. 1: 1–4; 2: 2, 7–9, 17, 20–22; 3: 6, 8, 10, 13, 14) или эта возможность не исключена. Преобладание таких форм – показатель керамического комплекса пражской культуры.

Жилища 1 и 3 расположены близко друг к другу, что П.И. Хавлюк справедливо посчитал признаком их одновременности. Более ранним он считал жилище 3, однако по керамике получается иначе. Керамический набор из жилищ 1 и 2 представлен сосудами с короткими почти прямыми (рис. 2: 2, 7, 9, 13) и длинными почти неотгнутыми (рис. 2: 3, 8, 10, 12) венчиками, а также слабопрофилированными формами (рис. 2: 4, 11). Такое сочетание показательное для фаз 0 или 0/1 пражской культуры. Фибула черняховской традиции из жилища 1 (рис. 2: 6), имеющая крупные

¹³ На важность этих отчетов первым мне указал А.М. Обломский; их фотокопии я получил от него и М.В. Потупчика, позднее они были дополнены Ярославом Владимировичем Володарцем-Урбановичем. Всем им я приношу за это благодарность.

¹⁴ П.И. Хавлюк дал отдельную нумерацию постройкам разных периодов. Так как здесь рассматривается только один из них, нумерация приводится без уточнений «раннеславянская», «V–VI вв.» и тому подобных, сопровождавших в отчетах номера построек.

¹⁵ Еще в одной полуземлянке из Пархомовки с хорошо сохранившейся печью-каменкой выразительный материал не найден, т.е. не исключена ее принадлежность культуре Луки Райковецкой, также представленной на памятнике.

размеры, что характерно для гуннской эпохи, подтверждает датировку комплексов, полученную на основе анализа керамики. В жилище 3 и яме 6 (рис. 2: 15–22; 1: 3, 4) преобладают сосуды со сравнительно короткими отогнутыми венчиками, что обычно¹⁶ для комплексов фазы 2. Набор из жилища 4 (рис. 3: 4–14) близок им по времени или чуть более ранний. Фибула, найденная в 2 м от жилища 4, судя по доступному рисунку (рис. 3: 3), ближе всего типу Виминациум, распространенному в основном в середине V – начале VI в. главным образом в Подунавье (Ivanišević et al., 2006., p. 17, там же литература). Похожие застежки на юге Восточной Европы известны и в салтовское время, но в данном случае ее контекст явно иной.

На поселении *Куня* раскопана только задетая строителями полуземлянка с печью-каменкой, около которой на полу лежала фибула (Хавлюк, 1974, с. 211–212, № 19, рис. 2: 2). На юге Восточной Европы такие фибулы (рис. 1: 6) относятся к постчерняховскому кругу. Многократно предлагавшаяся датировка этой и похожих вещей пятым веком вполне вероятна, но строго не доказана, поэтому вопрос об их верхней хронологической границе остается открытым. Кроме данной находки в Винницком музее с биркой «Куня жітло» хранится булава с S-видным навершием (рис. 1: 5). В восточноевропейской лесостепи и лесном Поднепровье такие вещи позднее начала IV в. неизвестны, но они были намного дольше распространены на территории Литвы, а в гуннское время становятся одним из элементов убора, характерного для мощинской культуры (Воронцов, 2016, с. 227)¹⁷. В первом случае булаву следует связывать с пражской культурой, имевшей контакты с Юго-Восточной Прибалтикой, во втором – предпочтительнее пеньковский контекст, точнее, связь с мощинской традицией, учитывая, что характерная для нее керамика известна на памятниках колочинской и пеньковской культур периода их формирования, на что обратил внимание А.М. Обломский (2003, с. 75). Вопрос остается открытым, так как данных о формах керамики из Куни у меня нет, лишь наличие печи-каменки свидетельствует о присутствии на памятнике пражского компонента.

¹⁶ Для отнесения комплекса именно к фазам 1 или 2 пражской культуры необходима работа с оригиналами или надежными детальными прорисовками, что позволило бы уточнить особенности профилировки и среза венчика. В идеале же – нужна локальная хронологическая шкала, построенная с учетом всех значимых признаков.

¹⁷ Благодарю за любезные консультации Алексея Михайловича Воронцова и Алексея Лухтана.

Итоговая картина развития славянских древностей V–VII вв. в Южном Побужье с учетом рассмотренных материалов такова.

Освоение славянами данного региона относится к гуннской эпохе¹⁸. Едва ли это было в самом ее начале, когда на рассматриваемой территории функционировал ряд кладбищ носителей черняховской культуры, в том числе могильники Косаново, Курники, Данилова Балка (Petrauskas, 2003; Gavritukhin, 2003, p. 133, 142, № 109; in print, fig. 4: 28; 8: 2), причем без славянского компонента, отмеченного в некоторых других черняховских зонах (Магомедов, 2001). Среди первых славянских переселенцев, несомненно, были носители пражской культуры (о чем свидетельствуют материалы из Пархомовки), то есть Южное Побужье относится к зоне их первых миграций – фазы 0 или 0/1 (Гавритухин, 2009, с. 11–13). Местный субстрат не прослеживается, а фибулу из Пархомовки нет нужды связывать именно с ним. Ее могли получить из регионов, где черняховские традиции сохранились дольше (Гавритухин, 2000; 2015, с. 234).

Нет сомнений в присутствии в рассматриваемом регионе носителей пеньковских традиций, связываемых с антами. Правда, неясно, когда они появились. Мелкий фрагмент черняховской миски из жилища 2 в Скибинцах (по О.М. Приходнюку) – единственный аргумент в пользу ранней даты, который, конечно, нуждается в подтверждении. При рассмотрении пеньковских материалов следует иметь в виду, что интересующих нас хорошо документированных комплексов немного, а единичные формы, характерные для пражской культуры, являются частью колочинско-пеньковских традиций, восходящих к киевской, что отмечается практически всеми современными специалистами.

Многочисленны данные о сосуществовании в Южном Побужье пеньковских и пражских компонентов. Причем последний неправильно сводить лишь к традиции возведения печей-каменок и горшкам с расширением в верхней трети их высоты. Даже по сравнительно небольшой выборке с территории Польши, очень далекой от пеньковско-колочинского ареала, можно указать на наличие сосудов с максимальным расширением около середины их высоты, ребристых или просто с прямым плечиком, открытых, с валиком под венчиком (Parczewski, 1988, tabl. XI: 4, 12,

¹⁸ С традициями раннеславянского круга здесь связаны и позднезарубинецкие памятники, однако как показал А.М. Обломский (2003), их существование было сравнительно кратковременным. О сохранении в рассматриваемом регионе этих традиций данных нет.

13; XIII: 9; XVI: 1; XIX: 11; XXVII: 7; XXXII: 1; XXXIII: 1; XXXVIII: 7; XXXIX: 8; XLII: 10; XLV: 3, 5; XLVIII: 5, 10; XLIX: 5; LI: 1; LIII: 6; LIX: 4; LX: 11; LXII: 14; LXV: 1, 3, 5; LXVI: 1, 4; LXVII: 2; LXVIII: 1, 4, 5; LXIX: 1, 2; LXX: 3, 9; LXXI: 6, 7, 10, 11, 15, 17; LXXII: 4; LXXVIII: 1; LXXXV: 5, 12, 13; LXXIII: 2), которые рядом исследователей считаются показательными для пеньковской и/или колочинской культур.

Традиции пражской культуры в регионе не прерывались: поздние комплексы из Пархомовки по хронологии «накладываются» на ранние из Семенков. К VII в. именно они определяли облик местной культуры, и на этой основе формируется локальный вариант культуры Луки Райковецкой. На селище Скибинцы в нижнем слое постройки 1 вместе с пеньковской керамикой найдена фигурка льва (рис. 1: 7), которая многократно привлекалась исследователями и как показатель принадлежности к «мартыновскому» (то есть пеньковскому) кругу древностей, и как хроноиндикатор пеньковской культуры, в том числе ее позднего этапа. Однако такие фигурки распространены весьма широко, а вне комплекса узко не датируются (Щеглова, 2010). Тем не менее о долгом сохранении пеньковских традиций в Южном Побужье свидетельствуют находки биконического сосуда на поселении VIII–IX вв. в Коржевке (Хавлюк, 1963, с. 347) и фибул VII в., типичных для кладов круга Мартыновки (Родинкова, 2010).

Специфика рассматриваемого региона, связанная с «впитыванием» носителями пражской культуры пеньковских традиций, хорошо видна в сравнении с материалами из Среднего Поднепровья (Гавритухин, 2009, с. 12; 2010). Там пражские памятники распространены до бассейна Стугны на юге, но никаких пеньковских элементов на них не прослеживается, нет там и пальчатых фибул днепровской подгруппы, и других вещей, показательных для «мартыновских» уборов. Зато южнее, в ареале пеньковской культуры, таких фибул найдено много, а в бассейне Роси фиксируется одна из зон концентрации кладов круга Мартыновки (Гавритухин, Обломский и др., 1996, рис. 1). Выпадение этих кладов на значительной части территории пеньковской и колочинской культур, по теории, выдвинутой А.М. Обломским и мною, связано с продвижением на восток «далеких родственников» пеньковского и колочинского населения – носителей традиций пражской культуры, что отражает появление

памятников типа Сахновки¹⁹ (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 146–148).

Еще одна черта славянских памятников Южного Побужья, выделяющая его на фоне других регионов пражской культуры, – наличие в ряде комплексов круговой пастырской/канцирской керамики. С Пастырским городищем связаны и вещи, в том числе клады, относящиеся ко второй группе днепровских раннесредневековых (по О.А. Щегловой, см. о них: Гавритухин, Щеглова, 1996а, с. 53–55; 1996б, с. 133, 134, 136; Родинкова, 2011, с. 242–247, 252, 253, 262), представляющие уборы, сменяющие характерные для кладов первой группы (круга Мартыновки).

Перемены, произошедшие весьма быстро (судя по большому сходству некоторых вещей из разных кладов первой группы) на огромном пространстве, конечно, связаны с переселением значительных массивов людей. Среди них были, вероятно, носители пражской культуры с территории Киевщины (ближайшей, откуда на Днепровское Левобережье могли распространиться глинобитные печи) и из Южного Побужья. Эти земли являются частью основного ареала вещей, представленных в кладах второй группы, распространенных главным образом в зоне памятников типа Сахновки. Правда, в отличие от Поднепровья, на Буге кладов второй группы нет, что объяснимо. Имеются основания связывать их выпадение с хазарской экспансией в Поднепровье в первой половине VIII в. (Гавритухин, Щеглова, 1996а; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 147, 148), похоже, не дошедшей до Южного Буга. В пользу миграций, затронувших Южное Побужье, свидетельствует и то, что материалы четвертой четверти I тыс. связаны здесь в основном с новыми памятниками²⁰, которые заслуживают особого рассмотрения.

¹⁹ Алексей Викторович Комар резко выступает против этого термина, введенного О.М. Приходнюком, указывая на то, что эпонимные комплексы были опубликованы выборочно, в частности, без раннекруговой керамики (например: Комар, 2012, с. 304–306). Однако реальность в Поросье, Потясминье, на Днепровском Левобережье горизонта, представленного полуземлянками с печами в углу, господством в керамическом наборе лепных горшков с расширением в верхней трети их высоты, часто украшенных по венчику пальцевыми вдавлениями, зафиксирована, например, образцовыми раскопками и публикацией комплексов из Шоссейного (Обломский и др., 1987). Я за публикацию на уровне современных требований комплексов из Сахновки и не против переименования обозначенного горизонта в честь Шоссейного или иначе. Однако нужно ли менять термин или относиться к нему как к ярлыку – покажет время.

²⁰ Не исключение и Пархомовка, где есть комплексы V–VI и VIII–IX вв., но не VII в.

Литература

- Воронцов А.М., 2016.** Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э. // Ранне-средневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) (Раннеславянский мир. Вып. 17) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 221–260.
- Гавритухин И.О., 1995.** Пряжки с коробчатой петлей // МАИЭТ. Вып. IV / Ред.-сост. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Симферополь: Таврия. С. 201–214.
- Гавритухин И.О., 1997.** Хронология пражской культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: НПБО «Фонд археологии». С. 39–52.
- Гавритухин И.О., 2000.** Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa* / Hrsg. M. Maćczyńska, T. Grabarczyk. Łódź: Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego. S. 261–320.
- Гавритухин И.О., 2001.** Хронология «среднеаварского» периода // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 2 / Ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонГУ. С. 45–162.
- Гавритухин И.О., 2005.** Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // *Archeologia o początkach Słowian* / Red. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków: Księgarnia akademicka. S. 401–461.
- Гавритухин И.О., 2009.** Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте ранне-средневековой истории Старого Света (Труды ГЭ. Т. 49) / Ред. кол. В.С. Короткевич и др. СПб.: ГЭ. С. 7–25.
- Гавритухин И.О., 2010.** Поздне- и постчерняховские традиции в «Большом Киевском треугольнике» // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень / Ред. кол. Г.І. Волинка и др. Київ: НПУ ім. М.П. Драгоманова. С. 28–32.
- Гавритухин И.О., 2015.** Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 212–240.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996.** Днепро-левобережское Левобережье на заре средневековья: динамика историко-культурных процессов и клады // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (Раннеславянский мир. Вып. 3). М. С. 140–148.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др., 1996.** Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (Раннеславянский мир. Вып. 3). М. С. 298 с.
- Гавритухин И.О., Щеглова О.А., 1996а.** Группы днепровских ранне-средневековых кладов // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (Раннеславянский мир. Вып. 3). М. С. 53–57.
- Гавритухин И.О., Щеглова О.А., 1996б.** Хронология начальных фаз памятников волинцевского круга // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (Раннеславянский мир. Вып. 3). М. С. 133–136.
- Комар А.В., 2007.** Что такое «пастырская культура»? // Проблемы на прабългарската история и култура. 4–1. С. 35–52.
- Комар А.В., 2012.** Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 300–333.
- Магомедов Б., 2001.** Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta studia Gothica. I). Lublin: UMCS. 290 с.
- Обломский А.М., 2003.** Днепро-левобережское Левобережье в позднеримское и гуннское время (Раннеславянский мир. Вып. 5). М.: Наука. 255 с.
- Обломский А.М., 2010.** Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга // Позднезарубинецкие древности на территории Украины (Раннеславянский мир. Вып. 12) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 16–35.
- Обломский А.М., Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1987.** Материалы I тысячелетия н.э. на поселении Шоссейное (Белгородская обл.) // СА. № 4. С. 174–186.
- Приходнюк О.М., 1998.** Пеньковская культура. Воронеж: Воронежский университет. 170 с.
- Родинкова В.Е., 2010.** Пальчатые фибулы из Южного Побужья // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы (Раннеславянский мир. Вып. 13) / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 261–276.

Родинкова В.Е., 2011. Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии / Ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 239–265.

Русанова И.П., 1976. Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука. 216 с.

Русанова И.П., Тимошук Б.А., 1984. Кодын – славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. М.: Наука. 88 с.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М.: Наука. 328 с.

Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.: НПБО «Фонд археологии». 416 с.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период, 1990. Киев: Наукова думка. 488 с.

Третьяков П.Н., 1982. По следам древних славянских племен. Л.: Наука. 144 с.

Хавлюк П.И., 1961. Раннеславянские памятники в средней части Южного Побужья // СА. № 3. С. 187–201.

Хавлюк П.И., 1963. Раннеславянские поселения в среднем течении Южного Буга // Славяне накануне образования Киевской Руси (МИА. № 108) / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР. С. 320–350.

Хавлюк П.И., 1974. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности / Ред. П.Н. Третьяков. Л.: Наука. С. 181–215.

Хавлюк П.И., 1977. Науковий звіт про дослідження археологічних пам'яток на території Південного Побужжя експедицією Вінницького Педінституту в 1977 р. // Архив ИА НАНУ. № 1977/76.

Хавлюк П.И., 1978. Науковий звіт про дослідження археологічних пам'яток на території

Південного Побужжя експедицією Вінницького Педінституту в 1978 р. // Архив ИА НАНУ. № 1978/54.

Хавлюк П.И., 1985. Науковий звіт про дослідження археологічних пам'яток на території Південного Побужжя експедицією Вінницького Педінституту в 1985 р. // Архив ИА НАНУ. № 1985/139.

Щеглова О.А., 2010. Тайна «пляшущих человечков» и «следы невиданных зверей» // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки / Ред. А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.Е. Мусин. СПб.: Нестор-История. С. 146–171.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э., 1985. Киев: Наукова думка. 184 с.

Gavritukhin I., 2003. Double-plate fibels of subgroup I // A nyíregyházi Jóna András Múzeum Évkönyve. Vol. XLIV. P. 113–184.

Gavritukhin I., 2017. Glass vessels of the final of the Chernyakhov culture // Na hranicích impéria – Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. narozeninám. Brno : Masarykova univerzita; Archeologický ústav Akademie věd, ČR, Brno, v.v.i.: Munipress. P. 83–109.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A., 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. 352 p.

Parczewski M., 1988. Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych. Wrocław: PAN. 300 s.

Petrauskas O.V., 2003. Die Gräberfelder der Černjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka – eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 83. S. 223–351.

On the attribution of the Slavic sites of the 5th–7th centuries in the Southern Bug region

I.O. Gavritukhin (Moscow)

Key words: Prague culture, Pen'kovka culture, Southern Bug, Slavic migration, 5th–7th cc.

The article considers disputable questions of studying the early Slavic sites in the basin of Southern Bug. The data of the collections from the excavations of their principal investigator P.I. Khavlyuk including some finds kept in the State Hermitage Museum and Vinnitsa Region Museum are presented. The data about his excavations in Parkhomovka since this collection has not been conserved (as well as a lot of them) has been published based on his field investigation reports. This material and the one from the earlier publications allow including the region under discussion in the zone of the Prague culture appeared soon after the bearers of the Chernyakhov culture left in the late 4th or early 5th century. The components of the Pen'kovka culture associated with the *Antes* can be also traced. Their gradual assimilation by the related Slavs (*Sklavini* in the Greek-Latin vowel marking), the bearers of the Prague culture has determined the specifics of cultural and historical processes of the region. The relations with the culture presented in the Pastyrskoye hillfort and other data allow suggesting that local population took part into moving to the east which led to the burial of Martynovka circle hoards circa the third quarter of the 7th century, and the collapse of the Pen'kovka and Kolochin cultures in the Dnieper Region.

Translated by I. Grigoryan

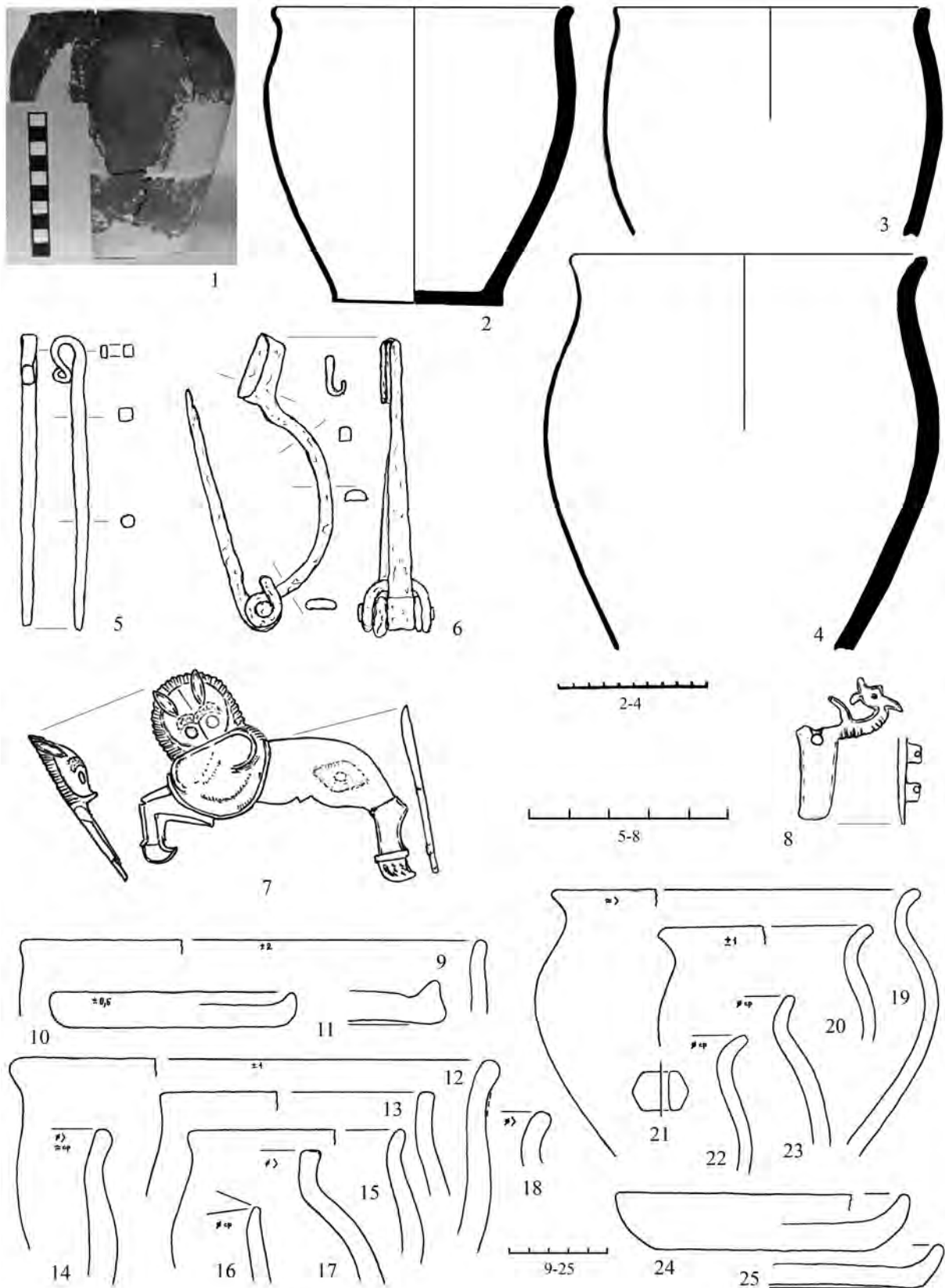

Рис. 1. Находки из Южного Побужья.

1-4 – Пархомовка (1, 2 – слой; 3, 4 – яма 6); 5, 6 – Куня, жилище; 7 – Скибинцы, постройка 1;
 8, 19-25 – Самчинцы (8 – около жилища 13; 19-25 – жилище 13); 9-18 – Семенки, жилище 1.
 1 – по: Хавлюк, 1977, рис. 56: 1; 2-4 – по: Хавлюк, 1978, рис. 11; 5, 6 – фонды ВОКМ; 7-25 – фонды ГЭ.

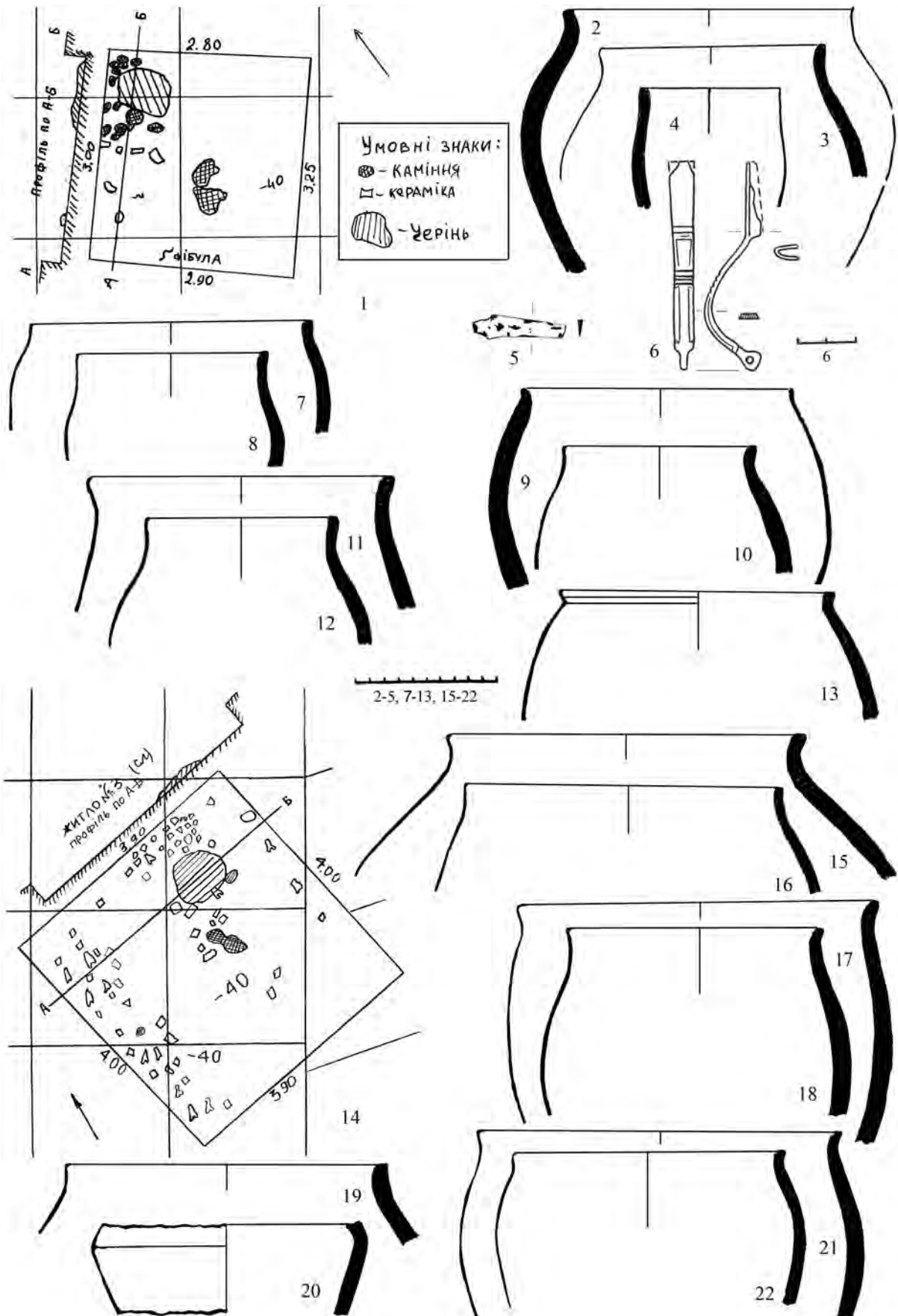

Рис. 2. Плани жилищ и находки из Пархомовки.

1-6 – жилище 1; 7-13 – жилище 2; 14-22 – жилище 3.

1-5, 7-22 – по: Хавлюк, 1977, рис. 48; 50; 54; 2-8; 57; 58; 6 – по: Славяне..., 1990, рис. 75: 5.

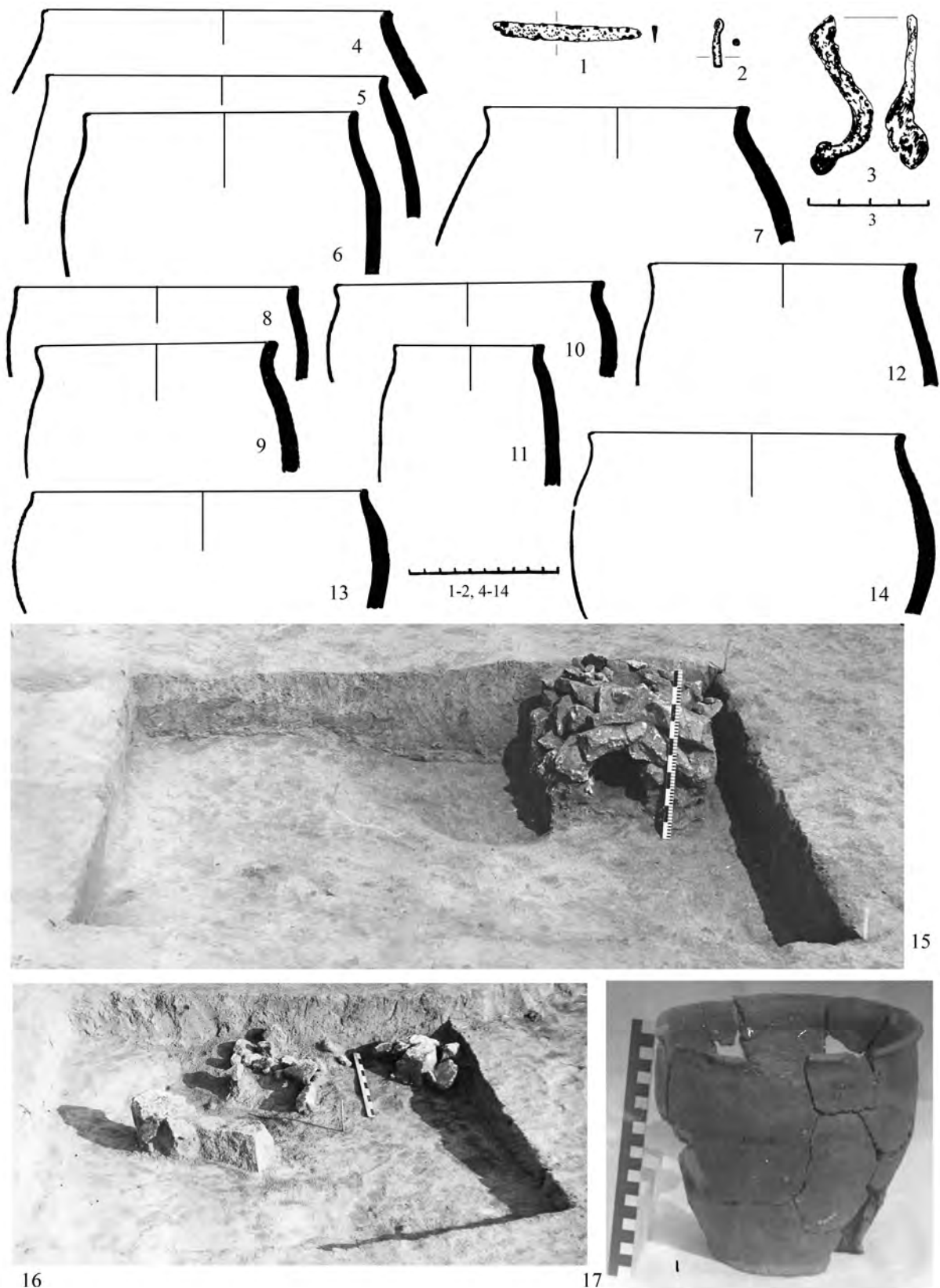

Рис. 3. Фото жилищ и находки из Пархомовки.

1, 2, 4-15 – жилище 4; 3 – около жилища 4; 16 – жилище 1; 17 – слой.

1-16 – по: Хавлюк, 1977, рис. 49; 52: 2-4; 55; 65; 17 – по: Хавлюк, 1978, рис. 10: 1.

О тушемлинской и колочинской культурах

Н.В. Лопатин (Москва)

Ключевые слова: Тушемля, Колочин, археологическая культура, городище, лепная керамика.

Начало разработки понятий тушемлинской и колочинской культур имеет одну и ту же отправную точку во времени. В 1963 г. вышли в свет итоговые публикации материалов раскопок городищ Тушемля и Колочин (Третьяков, 1963; Сымонович, 1963). Параллель «Тушемля – Банцеровщина» тогда же отмечена П.Н. Третьяковым (1963, с. 30). За прошедшие полвека к проблеме определения и подразделения археологических культур третьей четверти I тыс. н.э. в Верхнем Поднепровье обращались многие исследователи, указавшие как черты сходства древностей данной эпохи на больших территориях, так и локальные особенности. Историография этой проблематики неоднократно рассматривалась (напр.: Лопатин, 1989; Обломский, 1996, с. 96–104; Шмидт, 2003, с. 162–165). К настоящему времени преобладающей научной парадигмой является разделение колочинской и тушемлинской (или тушемлинско-банцеровской) культур (Горюнов, 1981, с. 44–46; Седов, 1982, карта 1; Шмидт, 2003, рис. 17; Терпиловский, 2004, с. 59, рис. 93; Шадыра, 2006, карта 6).

В новейшем обобщении материалов колочинской культуры А.М. Обломский расширяет ее ареал, в частности, на север, в области Верхнего Поднепровья и Подвинья (Обломский, 2016). Такому ее пониманию противостоит концепция Е.А. Шмидта, включающего все памятники смоленского Поднепровья и Днепро-Двинского междуречья в состав культуры тушемлинской (Шмидт, 2003). Поскольку очерка о последней в издании 2016 г. нет, А.М. Обломский фактически

избавлен от необходимости полномасштабного сопоставления двух групп древностей, ограничившись замечанием: «по всей видимости, верховья Днепра и, вероятно, Западной Двины были территориями, где колочинские памятники распространены наряду с древностями типа верхнего слоя Тушемли» (Обломский, 2016, с. 16). В этом выводе автор опирается на публикации П.Н. Третьякова и Н.В. Лопатина. На археологической карте колочинская культура сомкнулась с территорией псковских длинных курганов, а для тушемлинской собственного ареала не осталось (Раннесредневековые древности..., 2016, задняя обложка). Примерно такая же картина нарисована М.М. Казанским, у которого тушемлинская (Тушемля-Банцеровщина) культура вытеснена на территорию Белоруссии (Казанский, 2016, рис. 2, с. 207, со ссылкой на публикации Н.В. Лопатина). Городища оршанского Поднепровья считают колочинскими также О.Н. Левко и Ю.В. Колосовский (Левко, Колосовский, 2003, с. 186–187), находя в этом районе признаки контакта культур колочинской и псковских длинных курганов (Левко, 2016а, с. 304; 2016б, с. 381).

Обратимся к основаниям данной концепции ареала колочинских древностей. В 1966 г. П.Н. Третьяков указывал среди «балтской» культуры Смоленщины три памятника «со славянскими элементами» – городища Демидовка и Лахтеево, могильник Акатово (1966, с. 245, рис. 70, также с. 270 и далее). В книге «По следам древних славянских племен», изданной посмертно в 1982 г., он лишь вскользь касается ситуации на

Смоленщине и с большими оговорками проводит параллель между городищами Колочин и Демидовка (Третьяков, 1982, с. 71). Однако здесь представлена более красноречивая карта (Третьяков, 1982, рис. 15 на с. 93, повернута в публикации неверно), на которой показано распространение культуры из ареала памятников типа Колочина и Пеньковки по Днепру на север (на Смоленщину), причем бассейн Сожа не затронут этим движением (рис. 1). Иллюстрации к книге готовил Е.А. Горюнов, используя материалы архива автора (см.: Третьяков, 1982, предисловие Б.А. Рыбакова и Э.А. Сымоновича, с. 4). Рассматриваемая карта, скорее всего, составлена самим П.Н. Третьяковым, поскольку по стилю оформления она сходна с некоторыми картами из других его публикаций (напр., Третьяков, 1970, с. 51, рис. 5, воспроизведена в: Третьяков, 1982, с. 10, рис. 1).

Мне привелось более подробно, вслед за П.Н. Третьяковым, аргументировать параллели в керамике между Колочином I и Демидовкой (Лопатин, 1987; 1989), присоединившись к его выводу о проникновении культуры Колочина в северные земли. При этом за пределами работы оставалась необходимость обобщения второго, противостоящего, эталона – культуры Тушемли, которую не удавалось выстроить вокруг единственного эпонимного памятника. Это не очень получается и теперь: в работах Е.А. Шмидта, основного исследователя тушемлинской культуры, она представлена просто как сумма всех древностей Смоленщины рассматриваемой эпохи. Однако, если мысленно из книги Е.А. Шмидта (2003) изъять, с одной стороны, материалы, которые другие специалисты считают колочинскими, а с другой – раннюю группу, выделенную нами в круг Заозерье-Узмень (Лопатин, Фурасьев, 2007), то остается слишком мало материалов для построения собственно тушемлинской культуры.

На карте памятников колочинской культуры, опубликованной А.М. Обломским, приращение ее территории в Верхнем Поднепровье обеспечено в основном материалами городищ (Обломский, 2016, рис. 1), которые Е.А. Шмидт и его последователи считают тушемлинскими. Признаку наличия городищ в тушемлинско-банцеровском ареале придавали диагностическое значение П.Н. Третьяков (1982, с. 89), Р.В. Терпиловский (2004, с. 63). Поэтому обратим внимание на распространение памятников данного типа. Проявляя формальную строгость, А.М. Обломский относит к колочинской культуре только те городища, где раскопками зафиксированы укрепления

колочинского времени (2016, с. 21). В результате получается картина, на которой городища выстроились в цепочку как бы по протяженной северо-западной границе культуры (рис. 2: б). Однако видеть здесь линию обороны от соседей, скорее всего, неуместно. Во-первых, городища неодновременны. Во-вторых, конкретных следов натиска с северо-запада мы также не наблюдаем. Разновременность одних городищ и неопределенность датировок других не дают и возможности усмотреть в этой линии траекторию миграционного движения на север, показанного на карте П.Н. Третьякова (рис. 1).

Очевидно, всю указанную группу памятников следует рассматривать в контексте общей картины распространения городищ с древностями типов Тушемли, Колочина, Банцеровщины и псковских длинных курганов. Обзор их, а также городищ ряда соседних культур, с уклоном в исследование приемов фортификации сделан И.И. Еремеевым. Выявлены две традиции строительства укреплений, но они не делят исследуемый ареал на локальные зоны, а скорее работают на прояснение истории этой большой группы древностей в целом (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 123–158). Ведущую объединительную роль здесь сыграли, очевидно, общие для всей территории социальные или политические факторы. Не будем углубляться в их изучение, тем более что и материалов для этого не очень много. Можно только констатировать, что жизнь в открытых поселках у воды (селища) совмещалась с устройством укрепленных убежищ (городища). Возможно, прав О.А. Макушников, предположивший, что городища-убежища характерны для всего ареала колочинской культуры, хотя и не изучены равномерно (Макушникаў, 1999, с. 350–351). В разных частях этого ареала колочинские материалы найдены на целом ряде городищ (рис. 2: в). Несмотря на то, что время строительства их укреплений не выяснено, трудно представить какое-либо другое объяснение присутствию на них находок кроме как использование подобных мест в качестве убежищ.

Таким образом, городища-убежища распространяются не только к северу и западу от течения Днепра, но и, вполне вероятно, к юго-востоку (рис. 2: б, в, г). Кроме наличия городищ для разделения ареалов тушемлинской и колочинской культур привлекаются традиции домостроительства (Третьяков, 1970, с. 62; 1982, с. 89; Седов, 1982, с. 34; 2005, с. 18–19; Терпиловский, 1984, с. 74). Однако Е.А. Горюнов, хотя и использовал этот аргумент, справедливо оговаривался, что

картина распространения типов жилищ не является однозначной, к тому же их углубленность значительно зависит от географического фактора, что проявилось и в древнерусскую эпоху (Горюнов, 1981, с. 46; Раппопорт и др., 1985, с. 138, табл. 43). А.М. Обломский также призывал не абсолютизировать этот показатель при выделении культурно-хронологических групп в колочинском и тушемлинском ареалах (1996, с. 104).

Мне представляется, что основным источником, который может быть использован для выявления локальных вариантов материальной культуры в большом массиве древностей типов Колочин-Тушемля-Банцеровщина, по-прежнему остается керамика. По сути дела, такой вывод вытекает и из нового очерка А.М. Обломского, поскольку характерность городищ и отсутствие колочинских полуземлянок не стали в нем препятствием присоединению региона Смоленского Поднепровья к ареалу колочинской культуры. Однако до сих пор этот источник (керамика) совершенно недостаточно анализировался в данном аспекте. Ведущие исследователи обсуждаемого круга древностей – Э.А. Сымонович (1966; 1975), И.П. Русанова (1976), П.Н. Третьяков (1982), В.В. Седов (1982), Е.А. Шмидт (2003), – несмотря на разницу этнокультурных концепций, не признавали за керамикой существенной роли в подразделении обсуждаемой общности на варианты. Лишь некоторые замечания о различиях в керамическом материале делались Е.А. Горюновым (1981), В.В. Седовым (1982, с. 32), Р.В. Терпиловским (1984, с. 74).

Наиболее подробно соотношение наборов посуды северной и южной культур Верхнего Поднепровья рассмотрено Е.А. Горюновым, который попытался наметить различия отдельно для реберчатых, баночных и тюльпановидных форм (Горюнов, 1981, с. 45–46). Однако, упрекая И.П. Русанову за построение типологии на основе недостаточной источниковой базы, ограниченной «крайне малой выборкой лишь целых сосудов, известных по публикациям» (Горюнов, 1981, с. 9), сам он в данном сюжете вынужденно повторил ту же ошибку, и некоторые его выводы о различиях керамических наборов оказались неверными.

Основываясь на современном объеме источников, отраженных в публикациях, приведем комментарии к наблюдениям Е.А. Горюнова. Комментировать его текст легко, поскольку каждое утверждение снабжено конкретной ссылкой на иллюстрацию в той или иной публикации. 1) Правильно отмечена малочисленность в северной (тушемлинской) группе реберчатых сосудов

(за исключением памятников типа Демидовки), хотя на селище Узмень, вопреки Е.А. Горюнову, такие экземпляры есть (Лопатин, Фурасев, 2007, рис. 127: 3; 128: 4, 5; 129: 2, 4, 5, 7 и др.). 2) Попытка наметить различия в составе вариантов реберчатых форм между северной и южной группами, при отнесении Демидовки к северной, а Колочина I – к южной, в целом неудачна: набор вариантов в материалах этих памятников одинаков (Лопатин, 1989, рис. 1). 3) «Нерасчлененность» керамических форм на севере по сравнению с большей акцентированностью профилировки многих южных образцов, по-видимому, отмечена верно, однако это интуитивное наблюдение нуждается в более подробном описании и анализе. 4) Отличие «баночных» сосудов колочинского круга, сужающихся к горлу, от таковых же северных экземпляров с прямыми стенками указано неверно на основе отрывочных публикаций того времени. В тушемлинско-банцеровском ареале есть памятники с представительными сериями сужающихся к горлу сосудов, например, городище Банцеровщина (Лопатин, 1993), что, конечно, не исключает выявления вариантов этих форм, характерных для севера или юга. 5) «Тюльпановидные» колочинские сосуды некорректно сравнивались с особыми разновидностями посуды городища Тушемля, имеющими загнутый внутрь край или венчик с уступом.

В целом следует признать, что в серьезном сопоставлении массовых керамических материалов тушемлинской и колочинской культур сделаны лишь первые шаги. Фактически большинством исследователей главное внимание обращалось на один наиболее заметный признак: присутствие или отсутствие в наборах крупных сосудов с ребром. Признак этот, конечно, весьма существен. Однако имеет ли он решающее значение для разграничения двух культур, еще неясно. Сосуды с ребром известны в «банцеровском» ареале, хотя и в небольшом количестве (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 451; Лопатин, 1993). Но ведь и в пределах собственно колочинской культуры намечены разные варианты наборов керамики, для одних из которых ребристая посуда характерна, а для других – нет (Обломский, 1996, с. 102–103; Терпиловский, 2004, с. 62).

Итак, в современной литературе наблюдаются два подхода к пониманию тушемлинской культуры. 1) Тушемлинская культура – территориальное подразделение большой группы древностей типа Тушемля-Банцеровщина-Колочин. В нее включаются все разнообразные варианты этих древно-

стей, известные на Смоленщине, в том числе подобные городищу Колочин. Данное направление разрабатывается в трудах Е.А. Шмидта. В таком понимании тушемлинская культура имеет право на существование в той же мере, как банцеровская и колочинская, но становится равнозначной понятию «древности Смоленского Поднепровья и Подвинья середины – третьей четверти I тыс. н.э.» Сходную позицию занимают многие белорусские исследователи банцеровской и тушемлинской культур: А.Г. Митрофанов (1978), В.И. Шадыра (Шадыра, 1999; 2006), Я.Г. Зверуга (Звяруга, 2005), А.М. Медведев (2011), А.А. Седин (1995).

2) Второе направление исходит из того, что археологические культуры, в том числе тушемлинская и колочинская, должны обладать внутренним единством и отличаться от соседних синхронных. При этом допустимо чересполосное существование памятников разных культурных групп (традиций). Еще 20 лет назад А.М. Обломский предполагал, что после изучения структуры керамических наборов памятников Смоленщины и Белоруссии «тушемлинская, банцеровская и колочинская культуры распадутся на серию групп..., в той или иной степени сходных или различающихся между собой» (Обломский, 1996, с. 103–104). Позднее попытки такого деления предпринимались (Лопатин, 2005; Лопатин, Фурсасев, 2007, с. 92–103), хотя в плане детализации картины остались не очень результативными. Работа Д.В. Середы планировалась как уточнение и расширение исследования А.М. Обломским колочинской культуры, но первые результаты были изложены тезисно (Серода, 2003) и продолжения не получили. Замечания о вариантах колочинской культуры высказаны Р.В. Терпиловским (2004, с. 62). Однако и теперь А.М. Обломский призна-

ет, что на этом пути остается много нерешенных проблем: «не изучены традиции и локальные варианты колочинской культуры. Некоторые идеи в этом отношении высказывались только для самых ранних памятников» (Обломский, 2016, с. 61).

Как видится разграничение тушемлинской и колочинской культур в свете вышесказанного? Получается, что оно базируется главным образом на отсутствии полномасштабного параллельного анализа древностей обеих территорий, при рассмотрении их в любом ракурсе – как со стороны колочинской культуры, так и со стороны тушемлинской. Вывод о наличии в общности Колочин-Тушемля-Банцеровщина нескольких культур, скорее всего, правомерен. Однако аналитические исследования выглядят отставшими от данного вывода. В большинстве концепций первостепенное внимание уделяется, как правило, вопросам этнической истории. Не отрицая важности этих вопросов и не сомневаясь в возможностях археологии давать на них ответы, следует все же признать неоправданным столь гипертрофированное внимание к ним исследователей в условиях недостаточной изученности признаков собственно материальной культуры. Этнический аспект зачастую уводит в сторону от анализа культурных различий, поэтому в представленном здесь обзоре он намеренно обойден стороной.

Приходится констатировать, что разделение колочинской и тушемлинской культур – это устоявшийся со временем баланс концепций исследователей разных регионов. Обобщение колочинской культуры А.М. Обломским (2016) показывает, что баланс этот неустойчив, и требует углубления наших знаний об особенностях обсуждаемых групп древностей.

Литература

Горюнов Е.А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука. 136 с.

Еремеев И.И., Дзюба О.Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История. 670 с.

Звяруга Я.Г., 2005. Беларускае Павілле у жалезным веку і раннім сярэднявякоўі (Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 10). Мінск. 174 с.

Казанский М.М., 2016. Водные пути из Балтики к Черному морю в позднеримское время и

в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. № 4. С. 191–241.

Левко О.Н., 2016а. Культурные трансформации в I тысячелетии н.э. на территории Витебского Подвинья и восточной части Днепровско-Двинского междуречья // *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л.Д. Поболя*. Кн. 2. Минск: Беларуская навука. С. 271–320.

Левко О.Н., 2016б. Заключение // *Славяне на территории Беларуси в догосударственный пе-*

риод: к 90-летию со дня рождения Л.Д. Поболя. Кн. 2. Минск: Беларуская навука. С. 378–387.

Левко О.Н., Колосовский Ю.В., 2003. Раскопки городищ у д. Кисели (Дымокуры) Толочинского района и у д. Черкасово Оршанского района Витебской области // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья (МАБ. № 8). С. 182–208.

Лопатин Н.В., 1987. К соотношению керамики верхних слоев Тушемли, Демидовки и Колочина (опыт привлечения некоторых данных о технологии) // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. Сборник статей молодых ученых / Отв. ред. В.С. Ольховский. М.: ИА АН СССР. С. 85–91.

Лопатин Н.В., 1989. Тушемля, Демидовка, Колочин. О соотношении керамики верхних слоев // КСИА. Вып. 195. С. 9–15.

Лопатин Н.В., 1993. Керамический комплекс верхнего слоя городища Банцеровщина // *Archaeoslavica-2*. Kraków. С. 87–97.

Лопатин Н.В., 2005. Группы древностей V–VIII вв. н.э. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России (по керамическим материалам) // *Archeologia o początkach Słowian: Materiały z konferencji* (Kraków, 19–21 listopada 2001) / Red. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków: IAUI. S. 463–478.

Лопатин Н.В., Фурасев А.Г., 2007. Северные рубежи раннеславянского мира (Раннеславянский мир. Вып. 8). М.: ИА РАН. 252 с.

Макушнікаў О.А., 1999. Калочынская культура // *Археалогія Беларусі*. Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча / Навук. рэд. В.І. Шадыра, В.С. Вяргей. Мінск: Беларуская навука. С. 348–359.

Медведев А.М., 2011. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск: Беларуская навука. 350 с.

Митрофанов А.Г., 1978. Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н.э. – VIII в. н.э.). Минск. 160 с.

Обломский А.М., 1996. Колочинская культура // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (Раннеславянский мир. Вып. 3). М. С. 96–108.

Обломский А.М., 2016. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) (Раннеславянский мир. Вып. 17) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016. С. 10–113.

Раппопорт П.А., Колчин Б.А., Борисевич Г.В., 1985. Жилище // Древняя Русь. Город, замок, село (Археология СССР) / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука. С. 136–154.

Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.), 2016. (Раннеславянский мир. Вып. 17.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН. 456 с.

Русанова И.П., 1976. Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука. 216 с.

Седин А.А., 1995. Памятники третьей четверти I тысячелетия н.э. в междуречье Верхнего Сожа и Днепра // *Гістарычныя лёсы Верхняга Подняпроўя*. Ч.1 (Археалогія). Магілёў. С. 131–152.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М.: Наука. 328 с.

Седов В.В., 2005. Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем Средневековье (предыстория северновеликорусов) // КСИА. Вып. 218. С. 12–24.

Середа Д.В., 2003. Классификация керамики колочинской культуры (по материалам памятников Днепровского Левобережья) // КСИА. Вып. 215. С. 20–29.

Сымонович Э.А., 1963. Городище Колочин I на Гомельщине // Славяне накануне образования Киевской Руси (МИА. № 108). М.: Изд-во АН СССР. С. 97–137.

Сымонович Э.А., 1966. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья // СА. № 3. С. 38–51.

Сымонович Э.А., 1975. Раннесредневековая культура лесной полосы Поднепровья (типа Колочин–Акатово) и ее место в славянском этногенезе // *Slavia Antiqua*. Т. 22. С. 17–28.

Терпиловский Р.В., 1984. Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев. 124 с.

Терпиловский Р.В., 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. (*Monumenta studia Gothica*. III). Lublin: UMCS. 232 с.

Третьяков П.Н., 1963. Древние городища Смоленщины // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины М.; Л. С. 3–140.

Третьяков П.Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука. 310 с.

Третьяков П.Н., 1970. У истоков древнерусской народности. Л. 156 с.

Третьяков П.Н., 1982. По следам древних славянских племен. Л. 144 с.

Шадыра В.І., 1999. Банцараўская культура // Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча / Навук. рэд. В.І. Шадыра, В.С. Вяргей. Мінск: Беларуская навука. С. 359–375.

Шадыра В.І., 2006. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.). Мінск: ІГ НАНБ. 150 с.

Шмидт Е.А., 2003. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск. 296 с.

On the Tushemlya and Kolochin cultures

N.V. Lopatin (Moscow)

Key words: Tushemlya, Kolochin, archaeological culture, hillfort, hand-made pottery.

For the last 50 years a lot of scholars turned to the problem of determining and classification of archaeological cultures in the Upper Dnieper Region of the third quarter of the 1st millennium AD. They pointed out similar features of the antiquities of this period on large territories as well as local peculiarities. The hillforts of Smolensk Dnieper and Dvina Regions (Demidovka, Akatovo, Nikodimovo, Cherkasovo, etc.) are “questionable”. Some scholars refer them to the Tushemlya culture; others to the Kolochin one. In the author’s opinion, the main source which might be used for revealing of local culture variants in a large array of Kolochin-Tushemlya-Bantserovshchina antiquities remain pottery. Till nowadays only the first steps have been made in comparison of mass ceramic materials of the Tushemlya and Kolochin cultures.

Translated by I. Grigoryan

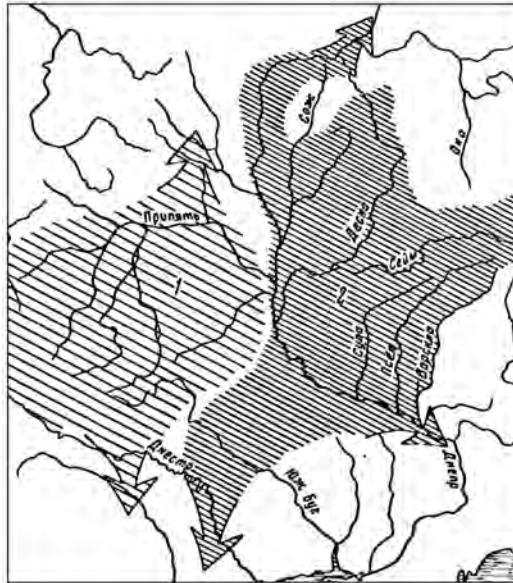

Рис. 1. Область распространения раннеславянских древностей в Поднепровье (по: Третьяков, 1982, рис. 15, с поправками).
1 – культура Корчак (пражский тип); 2 – памятники типа Колочина и Пеньковки.

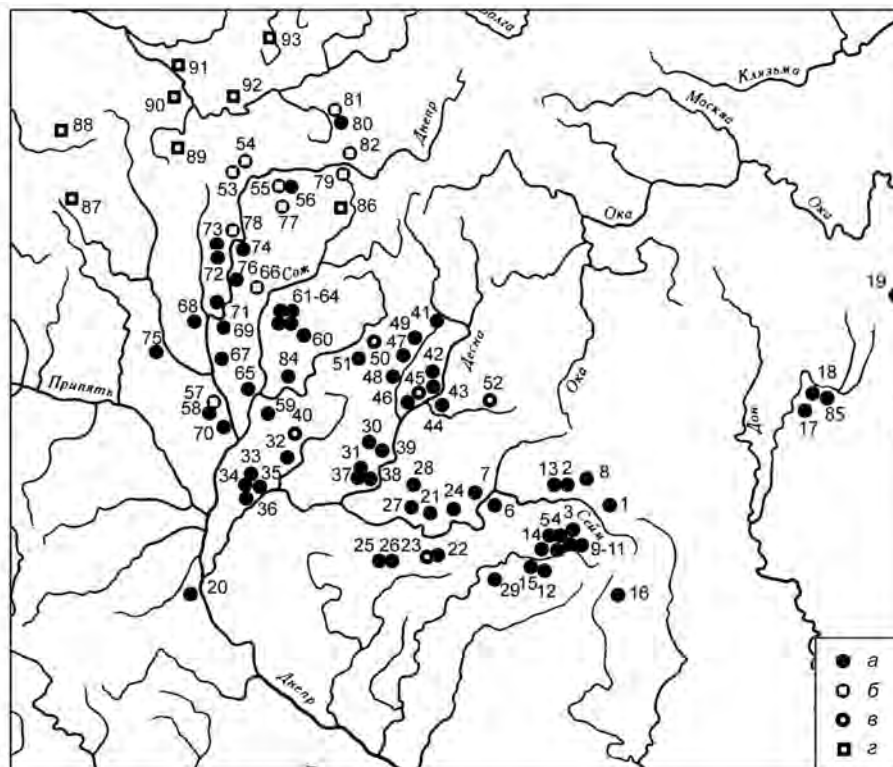

Рис. 2. Памятники колочинской культуры и некоторые памятники соседних культур.
а–в – памятники колочинской культуры, исследованные раскопками (на основе карты: Обломский, 2016, рис. 1, с учетом сведений из табл. 1, с дополнениями), в том числе: б – городища колочинской культуры; в – городища с находками материалов колочинской культуры: 23 – Большие Будки; 40 – Мощенка; 45 – Макча; 50 – Рассуха-2; 52 – Слободка; 53 – Кисели; 54 – Черкасово; 55 – Вежки; 57 – Колочин; 66 – Золотомино; 77 – Никодимово; 78 – Могилёв (Змеёвка); 79 – Демидовка; 81 – Акатово; 82 – Близнаки; г – наиболее известные городища культур Тушемли, Банцеровщины и псковских длинных курганов: 86 – Тушемля; 87 – Банцеровщина; 88 – Городище (Княгинино); 89 – Лукомль; 90 – Заговалино; 91 – Полоцк; 92 – Старое Село; 93 – Жабино.

Некоторые аспекты дискуссии об этнокультурном переломе на Днепровском Левобережье

В.В. Приймак (Сумы)

Ключевые слова: памятники периода этнокультурного перелома, микрорегионы памятников VII–VIII вв., Левобережье Днепра, Верхнее Подонье, древности типов Колочин, Пеньковка, Пастырское, Сахновка, Волинцево.

Подводя итоги проведенных в 40–50-е годы XX в. разведок лесостепных скифских, черняховских, роменских и древнерусских памятников Левобережья Днепра, И.И. Ляпушкин касался и периода, к которому относятся «древности антов». Тогда он пришел к выводу «...по полному отсутствию следов поселений и могильников данной поры» (Ляпушкин, 1961, с. 181). Поселения и могильники с вещами круга «древностей антов» были открыты впоследствии. Известные клады получили более или менее четкую локализацию на картах, а иногда и точную привязку на местности и оказались соотнесены с конкретными памятниками также позднее, когда были выделены основные славянские культуры и определены их характерные черты. Следующее поколение исследователей, в том числе учеников И.И. Ляпушкина, опиралось уже на иную в качественном и количественном отношении источниковую базу колочинской и пеньковской культур. Но в работах того времени еще имелись многочисленные хронологические лакуны и «белые пятна» на картах.

О выделении локальных вариантов культур второй половины I тыс. В последние годы в центре внимания специалистов, изучающих славянские памятники V–VIII вв., находятся как археологические культуры в целом, так и вопросы, связанные с конкретными регионами и «узкими» темами; публикация материалов осуществляется по комплексам и сопровождается качественными иллюстрациями. Современный уровень знаний достигнут благодаря не только стационарным исследованиям памятников, но и разведочным

работам, организатором и непосредственным исполнителем значительной части которых в 80-х годах XX – текущем десятилетии XXI в. был и остается А.М. Обломский. Их итогом стали современные археологические карты славянских культур первой – третьей четвертей I тыс. Левобережья Днепра и Верхнего Дона. Немало памятников выявлено А.М. Обломским вместе с Р.В. Терпиловским. Маршруты разведок по крупным рекам, впадающим в Днепр, а также главным их притокам планировались с учетом сделанного экспедициями Е.А. Горюнова и М.М. Казанского в Посулье, бассейнах Псла и Ворсклы. Выявление зон концентрации поселений и не занятых славянскими древностями пространств позволило А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому выделить образуемые памятниками «гнезда» и более крупные группировки. С их учетом вырисовались контуры локальных вариантов культур для первой половины I тыс. и были созданы предпосылки для выделения таковых в пеньковской и колочинской культурах в будущем, когда данные разведок дополнятся результатами стационарных исследований. Разведки всегда проводились с участием местных специалистов, среди которых и автор настоящей статьи, что позволило учесть результаты их работ и скоординировать дальнейшие исследования. Параллельно осуществлялись стационарные раскопки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского на памятниках, где имелись культурные отложения начала – третьей четверти I тыс., что позволило изучить объекты разного времени и на их основе реконструировать этнокультурные

процессы на конкретных территориях. В итоге древности, предшествующие роменским, в значительной мере исследовавшиеся А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским, сейчас изучены лучше, чем роменская культура, выделенная более 100 лет назад. В последние годы карта памятников V–VIII вв. лесостепного Левобережья состыкована в брянской части Подесенья с картой древностей этого региона, созданной еще экспедицией П.Н. Третьякова. В хронологическом плане изучение памятников зарубинецкой линии развития на Левобережье доведено А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским до волынцевских древностей включительно.

Сейчас локальные особенности колочинской и пеньковской культур Левобережья известны преимущественно по обобщающим работам, характеризующим материалы определенных регионов. Это территория Гомельского Поднепровья; Подесенья без бассейнов Сейма и (до недавнего времени) левых притоков Десны; Днепровское лесостепное Левобережье в пределах бассейнов Сулы, Псла, Ворсклы и Сейма; бассейн Северского Донца; бассейн Воронежа в Подонье. Материалы нижнего течения Дона, Приднепровской террасовой лесостепи от Надпорожья до нижних течений Псла и Ворсклы включительно, а также Орели требуют серьезной работы по упорядочению и обобщению. В каждом из названных регионов отмечается присутствие колочинских элементов в пеньковских древностях и пеньковских – в колочинской культуре. Чаще всего это объясняется соседством ареалов культур. Но, анализируя материалы Хитцов, А.М. Обломский предположил, что на данном памятнике могли существовать две группы населения, синхронно развивающиеся, но отличающиеся происхождением. Первый тип комплексов принадлежит деснинскому варианту киевской культуры (или раннеколочинский типа Сенчи, что почти одно и то же, по мнению исследователя). Второй – собственно пеньковский, связанный с памятниками среднеднепровского типа с чертами черняховской культуры, вроде Хлопкова (Обломский, 1996б, с. 120).

Граница колочинской и пеньковской общностей в Посулье в территориальном плане размыта. Это прослеживается, например, на материалах поселений Сенча, Хитцы и Великие Будки (Хутор). Первые два памятника входят в один микро-регион (расположенный, собственно говоря, уже не в верхнем течении Сулы, а в прилегающей к нему с юга части среднего), третий удален к северу примерно на 70 км. Позиция Д.В. Середы, счи-

тающего постройку 2 Великих Будков или раннепеньковской, или киевской (сейминско-донецкого варианта) (Середа, 1999, с. 226), близка позиции авторов публикации памятника (Горюнова, Родинкова, 1999, с. 193). Судя по находке черняховской гончарной миски, указанная постройка соответствует по времени объектам Сенчи и ранним сооружениям Хитцов (колочинской традиции). То есть, раннепеньковский комплекс Великих Будков находится севернее раннеколочинских комплексов Хитцов (по А.М. Обломскому) и Сенчи. Не прослеживается единообразия в составе материала и на более поздних этапах существования Хитцов и Великих Будков. К сожалению, между Вовками и Бездриком, кроме поселения Курган-Азак с материалами раннего этапа колочинской культуры (или позднекиевского), на Псле нет исследованных памятников. Таким образом, вопрос о линии границы колочинской и пеньковской общностей в бассейне Псла остается открытым; неясно, соответственно, и каким было соотношение колочинских и пеньковских элементов на памятниках этой территории. В бассейне Ворсклы колочинско-пеньковская граница опускается в ее среднее течение. Анализ керамического набора памятника Полузорье-1 позволил М.М. Казанскому и Д.В. Середе говорить или о северном колочинском влиянии, или о подоснове, обусловившей схожесть материалов пеньковской и колочинской культур на ранних стадиях (Казанский, Середа, 2001, с. 25). Выдвинутые исследователями предположения предполагают различные варианты реконструкции этнокультурного процесса.

В последние годы получены новые материалы о периоде после этнокультурного перелома из нижнего течения Дона и бассейна Северского Донца. В частности, выявлены полуземлянки с каменными печами, датированные исследователями селища Олешки VIII в. (Шрамко, Задников, 2010, с. 167–168, 178, 185, 189–190, 202, рис. 6; 10; 11; 23). Они отличаются от уже известных материалов пеньковского и колочинского облика. Биконический сосуд из раскопок селища Приоскольское-2 на р. Оскол с гусеничным орнаментом по тулову (Обломский, Завьялов, 2001–2002, с. 86–87, рис. 14: 7) позволяет предполагать его изготовление после этнокультурного перелома, он датирован примерно серединой VIII в. на основании работ О.А. Щегловой. Кроме памятников типа Приоскольское-2 близкими по времени Олешкам являются волынцевские и ранние салтовские древности, а также Зайцевский клад. Последний – один из наиболее восточных ком-

плексов, относящихся к группе связанных с Пастырским городищем находок с территории Днепроовского Левобережья.

Упорядочение данных о материалах второй половины VII – конца VIII в. в Подонье (в том числе синхронизация кладов и комплексов поселений и могильников) является серьезной самостоятельной задачей. Ее решение будет способствовать уточнению характера распространения славянских древностей в регионе в период этнокультурного перелома и в последующее время и выявлению причин их неоднородности. Это касается западной части Подонья, территориально прилегающей к истокам левых притоков Ворсклы – Мерлы и Коломака, а также Поднепровья (бассейн Орели). Важно определить и культурный облик и хронологию средневековых памятников южной части донского бассейна, близких по времени периоду этнокультурного перелома. Наконец, нуждается в изучении вопрос об определенном сходстве ранних материалов боршевских памятников с донскими, такими, как Олешки и Приоскольское.

Исследование микрорегионов колочинских и пеньковских древностей Левобережья. Все чаще изучение проблем славянской археологии реализуется на уровне микрорегионов. Успешность такого подхода продемонстрирована А.М. Обломским на материалах Острой Луки Дона (Замятино, Ксизово) и верхнего течения р. Воронеж. На западной границе распространения памятников, характерных для Левобережья, продолжены работы по созданию локальных культурно-хронологических колонок в пределах двух микрорегионов, где расположены Каневское поселение и Обухов-2 (Синица, Терпиловский, 2010, с. 256, 265). Критерием выделения микрорегиона обычно является степень взаимной доступности, измеряемая расстоянием между памятниками в пределах 20–50 км, что соответствует 1–2 дням пути гужевым и водным транспортом. Анализ керамического комплекса, домостроительства, вещевого инвентаря, украшений для синхронных или хронологически стыкующихся памятников производится с учетом их взаимного расположения. Случаи прекращения существования поселений, наличие или отсутствие близких по времени комплексов убедительно документируют преемственность или прерывистость этнокультурного процесса.

На Левобережье Днепра выделяются несколько сравнительно хорошо изученных территорий, где распространены колочинские и пеньковские

памятники, которые перспективны для анализа этнокультурных процессов. Таково Нижнее Подесенье, где наиболее полно представлены материалы пастырского типа, в том числе найдена характерная подвеска (Виноградский, 1955, с. 89, рис. 2: 4) (рис. 1: 1). В бассейне Сейма это окрестности Путивля, где благодаря полевым работам нескольких поколений исследователей, начиная от Д.Я. Самоквасова и Д.Т. Березовца, создана «колонка» древностей, охватывающая время от рубежа эр до золотоордынского периода включительно. Она содержит все известные на сегодня типы памятников, каждый из которых представлен стационарно исследованными объектами. В бассейне Псла выделяются окрестности Сум и верхнее течение Псла, начиная от Горналя, в Посулье – территория вблизи устья Удая (в треугольнике между г. Лубны, г. Лохвица и пос. Чернухи). На Ворскле лучше всего изучен почти весь бассейн ее крупнейшего притока – Ворсклицы. В большинстве микрорегионов Левобережья, кроме Путивльского, отсутствуют синхронные и хронологически стыкующиеся комплексы, имеются недостающие звенья между древностями разных типов. Вблизи Бельского городища (Вовки, Опошня), на Ворсклице (Рябовка, Березовка), в среднем Посулье между Лубнами, Лохвицей и Чернухами (Поставмуки), окрестностях Сум на Псле (Битица) помимо славянских известны и несомненно степные комплексы или явные элементы степных традиций, более ранние, чем Битица.

Микрорегиону на р. Ворсклице, где опорным памятником является Рябовка, а почти все остальные стационарно исследовавшиеся объекты I тыс. цепочкой тянутся от него к устью реки, по изученности уступает территория Бельского городища и его широкой округи. Памятники здесь более удалены друг от друга, раскопаны преимущественно небольшими площадями. Полученные материалы и объекты с трудом поддаются сравнению. На самом Бельском городище нет ни одного жилища, подобного исследованному в Опошне, Вовках, Глинском-4, а керамические комплексы Восточного укрепления отличаются один от другого. Постройки из Восточного укрепления подобны постройке 2 Полузорья-1. Но заполнение недостающих ячеек в хронологической колонке древностей от первых веков нашей эры до золотоордынского времени включительно постепенно (хотя, в силу специфики памятников, стихийно) происходит и в этом микрорегионе. Селище Вовки, как и найденный ниже по течению р. Грунь-Ташань Блажковский клад, место находки кото-

рого удалось локализовать, а также подавляющая часть Большого Бельского городища относится к бассейну Псла. На Ворсклу выходят только укрепления Бельского городища по правому коренному берегу этой реки и расположенное у его подножия на боровой террасе Куземинское укрепление. Материалы периода этнокультурного перелома присутствуют на Восточном укреплении и селище Глинск-4 (Ворскла) (рис. 2). Поселение в северной части Восточного укрепления Бельского городища продолжается и сразу же за укреплениями. На этом памятнике кроме округлобокого и биконических пеньковских (рис. 2: 1–7) встречен орнаментированный пальцевыми защипами горшок. С учетом последней находки комплексы из Восточного укрепления Бельского городища, определенные Б.А. Шрамко и М.В. Любичевым как пеньковские, были отнесены к сахновским (Обломский, 1996б, с. 120; Родинкова, 1996, с. 158). В последние годы на этом же селище в раскопе 35, вблизи раскопа 28, где ранее Б.А. Шрамко обнаружил славянские материалы, исследована яма 7-а с биконическим горшком (Шрамко, 1980, с. 74–78; Шрамко, Задніков, 2014, с. 9–12, рис. 3; 4; 23: 4). Обломок фибулы с каймой из птичьих головок с Восточного укрепления Бельского городища датируется второй – третьей четвертями VII в. (Родинкова, 2004, с. 238). Такие фибулы входят в состав днепровских раннесредневековых кладов группы I по О.А. Щегловой, сокрытие которых произошло во второй половине – конце VII в. (Обломский, 2012, с. 56), примерно одновременно с сокрытием Блажковского клада. В полевом сезоне 2016 г. удалось, учитывая данные Б.А. Шрамко, локализовать прилегающий с севера к Восточному укреплению Бельского городища участок селища. Место расположения шурфа (работы О.Н. Шапорды при участии автора настоящей статьи) отделено валом и рвом от раскопов, в которых встречена пеньковская и сахновская посуда (рис. 3: 1). Выявленное в шурфе скопление керамики состояло из обломков миниатюрной мисочки, а также горшков с округлой и цилиндрико-конической формой тулова (рис. 3: 2–5). Керамические комплексы из Восточного укрепления Бельского городища, довольно скудные, сравнимы как с объектами близких по времени памятников (постройка 2 Полузорья-1, наборы из верхнего горизонта Рябовки, Верхней Пожни и Глинска-4), так и с происходящими из волынцевского горизонта селища Вовки. В свою очередь, близкие к волынцевским формам Вовков (Щеглова, 1987, с. 43–48) сосуды происходят из Опош-

нянского городища (Сухобоков, Юренко, 1995, с. 24, 26–27, 47, рис. 20), поселения Глинское-4 и одного из селищ у с. Опошня (неопубликованные материалы исследований А.В. Щербаня). Часть объектов селища Вовки одновременно Блажковскому кладу, а расстояние между этими памятниками (около 5 км) позволяет предполагать принадлежность клада обитателю данного селища. Датировка Блажковского комплекса важна для понимания этнокультурной ситуации в бассейнах Псла и Ворсклы, в частности, для уточнения времени появления памятников типа Белокопи–Лаврики–Чередники, толчком к выделению которых стало открытие жилища 9 Вовков (Горюнов, 1987, с. 3–7; Приймак, 2012, с. 69–70).

Построение схем культурного и хронологического развития названных микрорегионов Левобережья Днепра на имеющейся источниковой базе – реально выполнимая задача при условии введения в научный оборот материалов исследований. Уже сейчас на каждой из рассмотренных территорий прослеживаются не только общие для всего Левобережья черты, но и некоторые локальные особенности. Возможно, опыт построения культурно-хронологических колонок по микрорегионам позволит приблизиться к выделению локальных и хронологических вариантов культур второй половины I тыс. (или отказаться от решения задачи в таком виде и сформировать иное понимание ситуации). Пока провести более детальное членение пеньковской и колочинской общностей, в отличие от киевской, не удастся.

Городища и курганы колочинской культуры.

Еще одним недостаточно изученным аспектом колочинско-пеньковской тематики является наличие отдельных комплексов или характерных предметов на городищах раннего железного века Днепровского Левобережья (Великие Будки, Битица, Будица, Воргол, Восточное укрепление Бельского городища) (рис. 1: 6–8). Вероятно, эти находки также связаны с периодом этнокультурного перелома. Городища скифского времени могли служить укрытиями в угрожающих ситуациях и спустя века после прекращения основного периода их функционирования. Они удалены и от поселений, и от пойменных или террасных участков обрабатываемых земель, характерных для колочинского и пеньковского населения. В нескольких случаях (Великие Будки, Будица) они находятся на противоположных берегах от поселений. Склоны и увлажненные участки речных долин, частично надпойменные террасы заняты лесом даже в условиях интенсивного использова-

ния земель. Поэтому можно предполагать, что при слабой заселенности территории к VII в., то есть спустя около тысячи лет после прекращения жизни на городищах, они находились в лесных массивах. Расположение их (в том числе тех, с которых происходят славянские материалы) на мысах, доминирующих над местностью, обуславливает хороший обзор подходов к ним с разных сторон, долины рек и плато противоположных берегов видны на много километров. Часто с напольной стороны памятников имеются препятствия в виде оврагов, лесной растительности, усиленные валами, рвами, с боковых сторон – эскарпами. Для их преодоления, особенно всадниками, требовалось время, которое можно было использовать для эвакуации и организации посильного сопротивления нападавшим. Во всех вышеперечисленных случаях городища, на которых обнаружены колочинские материалы, крупнее, чем расположенные рядом славянские селища. Оборонять их (как крепости) небольшими силами присутствовавших на них людей было невозможно. Стоит предположить, что на этих площадках находились дозоры, которые при появлении военной опасности могли подавать определенные сигналы, например, кострами.

В обобщающей работе, посвященной колочинской культуре, А.М. Обломский учел материалы как поселения в урочище Хутор, так и городища у с. Великие Будки (2016а). Последнее отнесено исследователем к выделенной им группе памятников, объединяющей городища более раннего времени с зафиксированными на них колочинскими находками, в отличие от настоящих колочинских городищ.

С городища Великие Будки происходит браслет, аналогичный известным в составе «антских кладов» первой группы. Обломок такого браслета встречен в кладе с селища Великие Будки (Хутор) (Ильинская, 1968, с. 59–61, рис. 3; Горюнов, 1981, с. 43, 106, рис. 14: 5; Горюнова, Родинкова, 1999, с. 185, 215, рис. 48: 3). Пряслища с городища имеют аналогии в заполнении постройки 3 поселения Хутор, которая относится примерно ко времени сокрытия клада. Керамика из нее и из культурного слоя раскопа 2, в котором находились постройка 3 и клад, датированный около рубежа VII–VIII вв., имеет сходство с найденной на городище (Ильинская, 1968, с. 59–61, рис. 2: 1–2, 13–16; Горюнова, Родинкова, 1999, с. 184, 188, 203, 211, рис. 17: 17; 21: 7; 44: 1–3, 18, 19) (рис. 1: 2–4). Таким образом, можно предполагать использование городища в период этнокультурного перелома обитателями селища Хутор.

Из раскопок селища Глинское-4 происходят округлобокие и баночные пеньковские формы посуды и подражание пастырской миске (Шерстюк, 2007, с. 13–31), там же А.В. Гейко собрал в карьере, который уничтожил большую часть поселения, фрагментированный пеньковский биконический горшок (рис. 2: 8), сходный по форме с керамикой из Восточного укрепления Бельского городища. Пока данное селище остается территориально ближайшим к Восточному укреплению Бельского городища. Не исключено, что последнее стало укрытием для жителей именно этого поселения.

Приведенные данные позволяют считать пребывание славянского населения на городищах раннего железного века событиями этнокультурного перелома. Не исключено, что таких памятников значительно больше, чем известно сейчас. По итогам продолжающихся в течение десятков лет и вскрывших большие площади работ на Восточном укреплении Бельского городища получены материалы и объекты, количество которых сопоставимо с результатами исследований в одном небольшом раскопе на пеньковском или колочинском поселении. Следует иметь в виду, что многие городища скифского времени подвергались только ограниченной шурфовке. Именно в подобных обстоятельствах выявлены колочинские древности на Будище и Битице (на последнем памятнике имеются аналогичные находки из раскопок О.В. Сухобокова и С.П. Юренко). На основании анализа коллекции, полученной Д.Т. Березовцом, выделен объект колочинской культуры (или более поздний с колочинскими материалами) на городище Воргол. Может быть, в таких глухих местах уцелевшие носители пеньковских и колочинских традиций пережили события этнокультурного перелома и влились затем в состав населения, прибывшего с территории Правобережья Днепра.

В ряде работ А.М. Обломского анализируются и колочинские курганы. Опорными памятниками в этом анализе являются расположенные в окрестностях Сум могильники с небольшими насыпями, аналогичными роменским и древнерусским. На одном из трех (Бездрик-1) автором настоящей статьи, а затем Д.В. Середой проведены исследования (Обломский и др., 2011, с. 15–29). Колочинские курганы до этого были известны в Беларуси, Подесенье и Посеймье (Обломский, 2016а, с. 30–34). Архивные материалы и публикации позволяют выявить и другие могильники, внешне сходные с бездрикскими, также расположенные на южной окраине Сум. С учетом то-

пографии памятников в окрестностях Сум проводились разведки курганов в округе Бельского городища, благодаря чему удалось установить место находки Блажковского клада, точно зафиксированное В.А. Городцовым рядом с изучаемым им могильником (Городцов, 1911; Корота и др., 2010, с. 109–111, рис. 13).

Курганы колочинской культуры ввиду небольшого количества инвентаря, к тому же фрагментированного, сложно датировать. Можно предполагать, что они относятся к периоду этнокультурного перелома, но их истоки и причины появления в разных частях колочинского ареала еще предстоит выяснить. Созданы ли эти насыпи в бассейнах Псла и Сейма автохтонным населением или переселенцами из других регионов колочинской культуры, говорить рано. Темпы грабительского разрушения курганов, а также небольшое количество исследованных памятников делают весьма актуальными их раскопки.

Проблемы, связанные с изучением курганов колочинской культуры и колочинских и пеньковских материалов на городищах раннего железного века, относятся к периферии дискуссии об этнокультурном переломе и касаются в основном его последствий. Они еще далеки от разрешения, требуют проведения новых полевых исследований и работы с коллекциями, полученными в предыдущие десятилетия.

Некоторые особенности волынцевских памятников. Количество введенных в научный оборот комплексов из исследованных большой площадью поселений Волынцево и Битица ограничено. Опубликованные материалы других памятников, преимущественно из раскопок А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского, компенсируют этот недостаток и дают представление о волынцевских древностях. Современная карта волынцевских памятников насчитывает более 60 пунктов, по сравнению с картами Е.А. Горюнова и С.П. Юренко (Горюнов, 1981, с. 88, рис. 30; Юренко, 1985, с. 108–109, 182, рис. 19) их число увеличилось в 3 раза. Примерно на четверть это памятники, выявленные и исследованные А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским при участии других специалистов, в том числе автора настоящей статьи (Приймак, 1994, с. 51, 54, рис. 2; Седов, 1995, с. 188–189, рис. 57; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 147–148, рис. 106). В ходе последних разведок в бассейне р. Сев (левого притока Неруссы) и рекогносцировочных раскопок поселения Новоямское-3 (Обломский, 2016б, с. 103–108) установлено, что на левом берегу Дес-

ны в период этнокультурного перелома появились такие же древности, как и на Днепровском лесостепном Левобережье, сопоставимые с посульскими (Хитцы, верхний горизонт) и из нижнего Подесенья. Их индикаторами являются сахновская лепная и пастырская гончарная посуда.

Обозначение «тип Сахновки на Днепровском Левобережье» целесообразно оставить лишь за пластом левобережных древностей, иначе именуемых также ранневолынцевскими. Гончарная пастырская керамика представляет собой иное явление, чем гончарная волынцевская, к тому же они не синхронны (Гавритухин, Щеглова, 1996, с. 133). Кроме сахновской лепной и пастырской гончарной посуды для сахновских и волынцевских древностей характерно наличие в их комплексах пеньковских и колочинских форм сосудов, в частности, биконических. Лепная биконическая керамика присутствует в единичных случаях в роменских материалах (Новотроицкое, Опошня). Еще больше (около 10%, по В.А. Петрашенко) ее встречено на Правобережье Днепра в комплексах второго этапа развития тясминских древностей, которые О.М. Приходнюк соотносил с Сахновкой. Зафиксированы биконические горшки и на селище Макаров Остров (самом позднем из исследованных на Тясмине Д.Т. Березовцом), где имеются постройки IX в. (Приходнюк, 1980, с. 50, 52, 66, рис. 28: 7; 29: 2; 43: 8; Петрашенко, 1992, с. 73, 84–85, рис. 27: 10). Поздние постройки поселений Макаров Остров и Луг 1 частично синхронны (но отличаются составом керамических наборов), а кроме того, одновременны волынцевским и ранним роменским. Таким образом, одно лишь присутствие характерных пеньковских и колочинских типов посуды не обязательно является свидетельством принадлежности комплексов с такой керамикой к ранним волынцевским. Видимо, в среде населения, оставившего сахновские, райковецкие и волынцевские древности, сохранялась традиция изготовления реликтовых форм керамики (скорее всего, только в отдельных микро-регионах).

Под определение сахновских на Левобережье формально подпадают также памятники или комплексы, в которых волынцевская гончарная посуда отсутствует. Это может отражать не только хронологическую, но и локальную специфику, примером чего является селище Солдатское на р. Ворсклица (Приймак, 1990, с. 76–81, рис. 1; 2). От роменских его отличают только топография и отсутствие характерной гусеничной орнаментации на посуде.

Таким образом, часть позиций, связанных с пониманием ключевых для развития Днепроовского Левобережья в период этнокультурного перелома материалов, согласована исследователями или же расхождения между ними несущественны. Относительно памятников типа Белокопи–Лаврики–Чередники предметом обсуждения по-прежнему является хронологическое соотношение этих древностей со славянскими и, соответственно, модель их взаимодействия. Спорными остаются хронология памятников типа Перещепино, Сивашовки, Сахновки и Пастырского городища, а также одновременность выпадения части кладов «древностей антов». Такого обилия типов древностей на Левобережье Днепра, как в период этнокультурного перелома, не наблюдается от первых веков нашей эры. К совокупности связанных с ними вопросов добавилась и проблематика Подонья, где много общего с Левобережьем. В бассейне р. Воронеж также присутствуют памятники колочинской и пеньковской культур, расположенные рядом. Уже выявились различные подходы к объяснению причин их появления (Обломский, Родинкова, 2014, с. 385, 387). Помимо сходства форм посуды и типичных украшений в Поднепровье и Подонье привлекает внимание находка монетовидной привески на селище Кривец на р. Воронеж и заготовок монетовидных привесок (или круглых бляшек) в постройке на селище Верхняя Пожня в бассейне Ворсклы (Приймак, 2004, с. 285–286, рис. 2: А; Обломский, 2012, с. 54–55, рис. 1: 16).

Не всегда особенности материальной культуры можно объяснить в рамках выделения локальных вариантов. Так, О.М. Приходнюк и М.М. Казанский, изучая коллекции памятников на р. Тясмин, разделили древности данного микро-региона на три этапа иначе, чем это сделал раскопывавший их Д.Т. Березовец. На памятниках,

которые Д.Т. Березовец считал однослойными, О.М. Приходнюк и М.М. Казанский предложили выделять различные в хронологическом отношении комплексы. В.А. Петрашенко согласилась с их доводами, поддержав намеченную Д.Т. Березовцом линию развития древностей на р. Тясмин в главном – эволюции их от пеньковской культуры до VIII–IX вв. При этом она заметила, что на финальном этапе керамические материалы соседних селищ Луг I и Макаров Остров различаются между собой. Наборы посуды последнего ближе к Монастырьку, Киеву и Каневскому поселению, чем к Лугу I (Петрашенко, 1992, с. 95). Ранее уже отмечалось, что исследователи сегодня предпочитают рассматривать древности Киевского Поднепровья в пределах отдельных микро-регионов. Отличия их друг от друга довольно ощутимы, но общие черты материальной культуры преобладают (Синица, Терпиловский, 2010, с. 256, 265).

А.М. Обломский в связи с вопросом о северной границе колочинских памятников предположил, что речь может идти о группах поселений и могильников с колочинскими, а также банцеровскими и тушемлинскими чертами, которые не имеют отчетливых границ более глобальных общностей (Обломский, 1996а, с. 104). Это предположение можно распространить если не на все колочинско-пеньковское пограничье, то, по крайней мере, на отдельные его участки.

Состоявшаяся недавно дискуссия об этнокультурном переломе на финальном этапе существования пеньковской и колочинской культур не поставила точку в изучении ряда аспектов этой темы. Сохраняется актуальность разведок на недостаточно исследованных территориях, с учетом опыта работ, проведенных по инициативе А.М. Обломского на Левобережье Днепра и в Верхнем Подонье в 80-х годах XX – 10-х годах XXI в.

Литература

Виноградский Ю.А., 1955. Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея (к 35-летию со дня основания) // КСИА АН УССР. Вып. 5. С. 86–93.

Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Днепроовское Левобережье на заре средневековья: динамика историко-культурных процессов и клады // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапонов-

ский клад и его культурно-исторический контекст (Раннеславянский мир. Вып. 3). М. С. 140–148.

Гавритухин И.О., Щеглова О.А., 1996. Хронология начальных фаз памятников волынцевского круга // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (Раннеславянский мир. Вып. 3). М. С. 133–136.

- Городцов В.А., 1911.** Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году // Труды XIV Археологического съезда. М. С. 93–161.
- Горюнов Е.А., 1981.** Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука. 133 с.
- Горюнов Е.А., 1987.** Пеньковская и салтовская культуры в Среднем Поднепровье // КСИА. Вып. 190. С. 3–7.
- Горюнова В.М., Родинкова В.Е., 1999.** Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Stratum plus. № 4. С. 167–195.
- Ильинская В.А., 1968.** Новые данные о памятниках середины I тысячелетия н.э. в днепровской левобережной лесостепи // Славяне и Русь / Ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука. С. 55–61.
- Казанский М.М., Середа Д.В., 2001.** Поселение пеньковской культуры Полузорье-1 на Полтавщине // АЛЛУ. № 1. С. 19–25.
- Коротя О.В., Приймак В.В., Охріменко А.І., Сидоренко О.В., 2010.** Кургани і майдани басейну р. Грунь-Ташань (до 90-річчя Б.А. Шрамка) // Старожитності Лівобережного Подніпров'я / Ред. Д.Н. Козак. Київ; Полтава: Центр пам'яткознавства НАНУ і УТОПК; ІКЗ «Більськ». С. 29–73.
- Ляпушкин И.И., 1961.** Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа (МИА. № 104). М.: Наука. 383 с.
- Обломский А.М., 1996а.** Колочинская культура // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (Раннеславянский мир. Вып. 3). М. С. 96–108.
- Обломский А.М., 1996б.** Пеньковская культура // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (Раннеславянский мир. Вып. 3). М. С. 108–121.
- Обломский А.М., 2012.** Материалы VI–VII вв. в лесостепном Подонье // Старожитності Лівобережного Подніпров'я – 2012 / Ред. О.Б. Супруненко. Київ; Полтава: Центр пам'яткознавства НАНУ і УТОПК; ІА НАНУ; ЦОДПА. С. 51–59.
- Обломский А.М., 2016а.** Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) (Раннеславянский мир. Вып. 17) / Ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 10–113.
- Обломский А.М., 2016б.** Материалы раннего средневековья на поселении Новоямское-3 // Русский сборник. Вып. 8. Т. I / Ред. Е.А. Шинаков. Брянск: БрГУ. С. 103–108.
- Обломский А.М., Завьялов В.И., 2001–2002.** Новые памятники периода раннего средневековья бассейна Северского Донца / Stratum plus. № 5. С. 71–90.
- Обломский А., Приймак В., Терпиловский Р., 2011.** Исследования колочинской курганный группы Бездрик в 2000 г. // ГАЗ. 26. С. 15–29.
- Обломский А.М., Родинкова В.Е., 2014.** Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н.э. Хронология событий // КСИА. Вып. 235. С. 381–403.
- Петрашенко В.О., 1992.** Слов'янська кераміка VIII–IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я. Київ: Наукова думка. 139 с.
- Приймак В.В., 1990.** Охранные исследования памятников VIII–X вв. в Верхнем Поворсклье // Археологические исследования на Полтавщине / Ред. А.Б. Супруненко. Полтава: Полтавский краеведческий музей. С. 76–86.
- Приймак В.В., 1993.** Пам'ятки роменської культури нижньої течії р. Клевень // Старожитності Південної Русі. Матеріали історико-археологічного семінару «Чернігів і його округу в IX–XIII ст.». Чернігів, 15–18 травня 1990 р. / Ред. П.П. Толочко. Чернігів: Сіверянська думка. С. 137–142.
- Приймак В.В., 1994.** Територіальна структура межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII – поч. IX ст. Суми. 76 с.
- Приймак В.В., 2004.** Идеи Е.А. Горюнова в свете изучения систем расселения Днепровского Левобережья I тыс. н.э. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 282–287.
- Приймак В.В., 2012.** Этнокультурный сдвиг на территории Днепровского Левобережья VII–VIII вв. (степь и южная полоса лесостепи) // Старожитності Лівобережного Подніпров'я – 2012 / Ред. О.Б. Супруненко. Київ; Полтава: Центр пам'яткознавства НАНУ і УТОПК; ІА НАНУ; ЦОДПА. С. 60–93.
- Приходнюк О.М., 1980.** Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI–IX ст. н.е. Київ: Наукова думка. 152 с.
- Родинкова В.Е., 1996.** Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими находками // Гавритухин И.А., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (Раннеславянский мир. Вып. 3). М. С. 155–162.

Родинкова В.Е., 2004. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 233–243.

Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.: ИА РАН. 415 с.

Серета Д.В., 1999. Колочинский керамический комплекс поселения Великие Будки (Хутор). Опыт сравнительного анализа // *Stratum plus*. № 4. С. 220–234.

Синица Е.В., Терпиловский Р.В., 2010. Каневское поселение VIII–X вв. в свете археологических исследований последних лет // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 256–265.

Супруненко О.Б., 2007. З історії археологічних досліджень на Полтавщині. Короткий нарис. Київ; Полтава: Видавництво «Гротеск», ВЦ «Археологія». 126 с.

Сухобоков О.В., Юренко С.П., 1995. Опошнское городище (по материалам археологиче-

ских исследований 1975 г.). Полтава: ИА НАНУ, ЦОДПА. 72 с.

Шерстюк В.В., 2007. Дослідження різночасового поселення Глинське-4 у Середньому Поворсклі // АЛЛУ. № 1–2. С. 13–31.

Шрамко Б.А., 1980. Ранньосередньовічне поселення в Більську // *Археологія*. № 35. С. 74–78.

Шрамко И.Б., Задников С.А., 2010. Поселение XIV в. «Олешки» на Северском Донце // *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Т. 8. Золотоордынское время / Ред. А.В. Евглевский. Донецк: ИА НАНУ; ДНУ. С. 164–230.

Шрамко І.Б., Задніков С.А., 2014. Дослідження Більського городища у 2013 р. // *Археологічні дослідження Більського городища – 2013* / Ред. О.Б. Супруненко. Київ; Котельва: Центр пам'яткознавства НАНУ і УТОПК; ІКЗ «Більськ». С. 5–61.

Щеглова О.А., 1987. Волынцевский горизонт поселения Вовки // *КСИА*. Вып. 190. С. 43–48.

Юренко С.П., 1985. Волынцевская культура // *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э.* Київ: Наукова думка. С. 116–125.

Some aspects of the discussion on ethnocultural turning-point on the Left Bank of the Dnieper region

V.V. Prijmak (Sumy)

Key words: antiquities of ethnocultural turning-point period, microregions of the 6th–7th centuries sites, Left Bank Dnieper region, Upper Don region, materials of Kolochin, Pen'kovka, Pastyrskoye, Sakhnovka, Volyntsevo types.

In 2014 the results of the discussion on the ethnocultural turning-point on the Left Bank Dnieper region were summed up. The issues which were mainly discussed became of current importance in 1980–1990s. Some problems remained beyond the scope, particularly those of the Kolochin culture mounds, materials of the Kolochin and Pen'kovka cultures on early Iron Age hillforts, of local variants of the Kolochin and Pen'kovka cultures definition, as well as those of Volyntsevo antiquities. These issues are being effectively studied on materials of the Left Bank Dnieper and Don microregions. New field investigations of sites are the only way to resolve named issues in many cases. The problem of spreading jewellery and pottery related to Pastyrskoye hillfort all over the Left Bank Dnieper and Don regions is far from being solved.

Translated by V. Prijmak

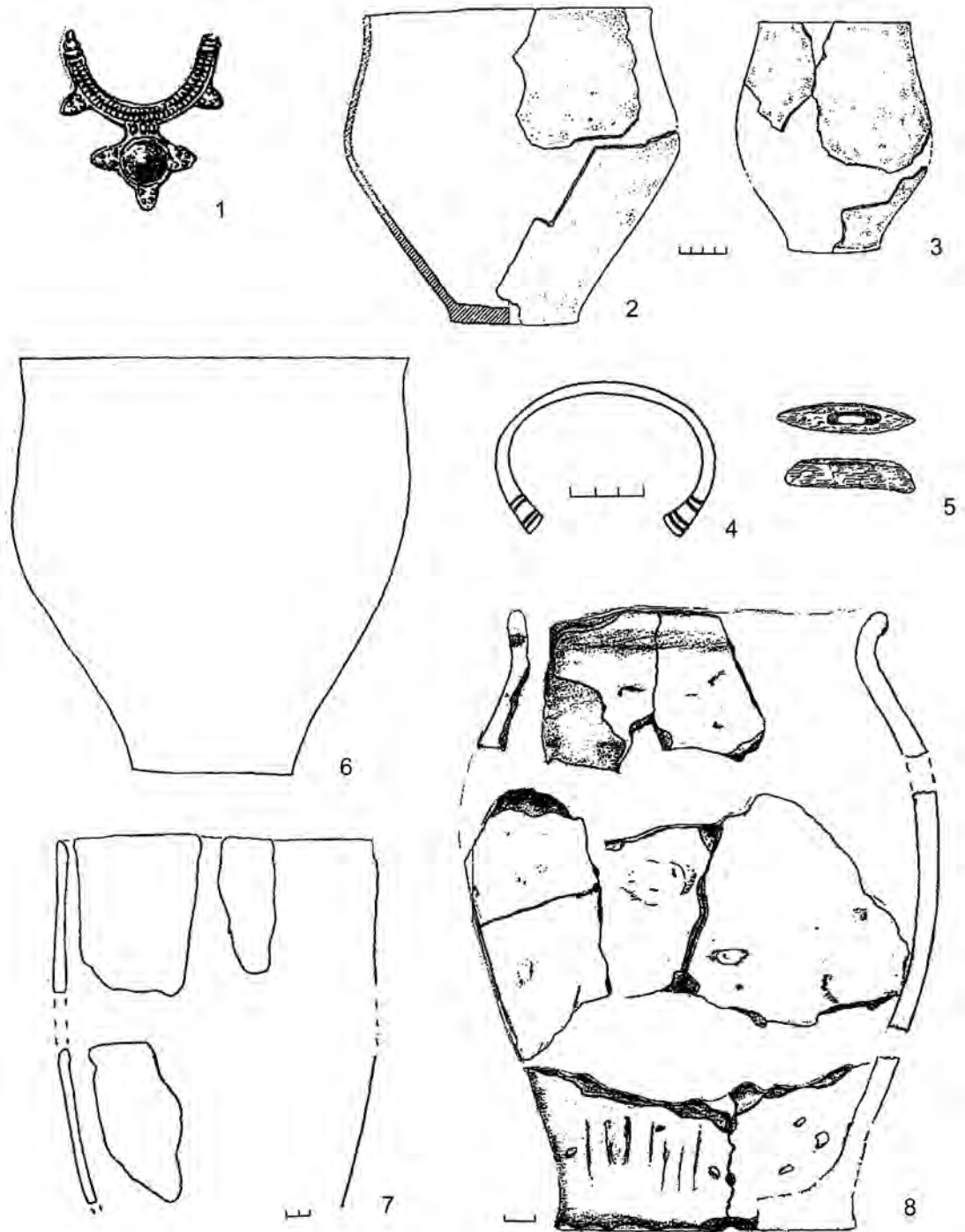

Рис. 1. Находки с территории Левобережья Днепра.

1 – окрестности Сосницы, подвеска типа Пастырского (случайная находка);

2–5 – городище Великие Будки (2, 3 – керамика; 4 – браслет, бронза;

5 – перекрестье меча, железо); 6 – городище Воргол; 7 – городище Будища;

8 – городище Битица (случайная находка).

1 – по: Виноградский, 1955, с. 89, рис. 2: 4; 2, 3, 5 – по: Ильинская, 1968, с. 59, рис. 2: 1–3, 12; 4 – по: Горюнов, 1981, с. 43, рис. 14: 5; 6, 7 – по: Приймак, 1993, с. 138, рис. 1: 1, 2; 8 – фонды ИКЗ «Бельск».

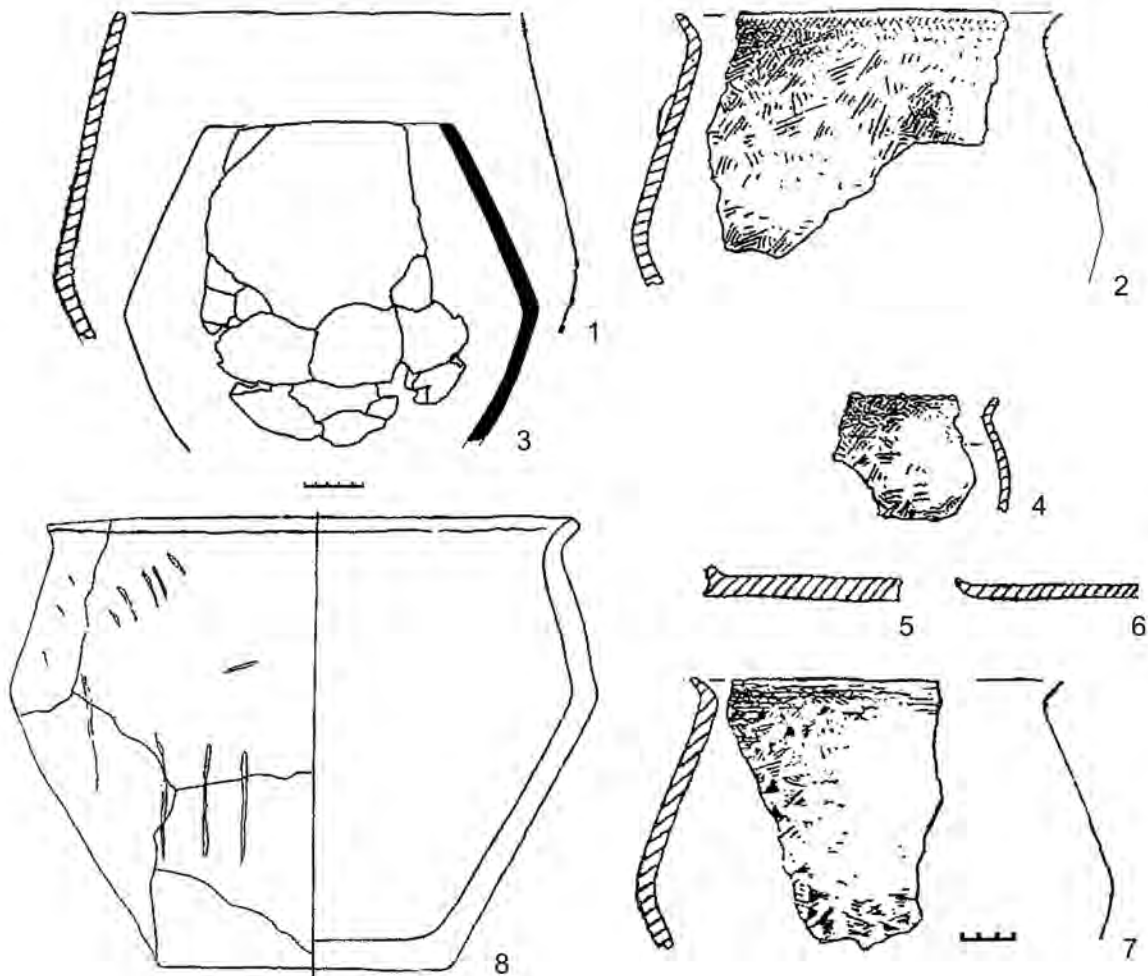

Рис. 2. Находки из раскопов на Восточном укреплении Бельского городища (1–7) и селище Глинское-4 (8).
1, 2, 4–7 – по: Шрамко, 1980, с. 75, рис. 2: 1–4, 8, 9; 3 – по: Шрамко, Задніков, 2014, с. 12, рис. 23: 4; 8 – по: Приймак, 2010, с. 96, рис. 3.

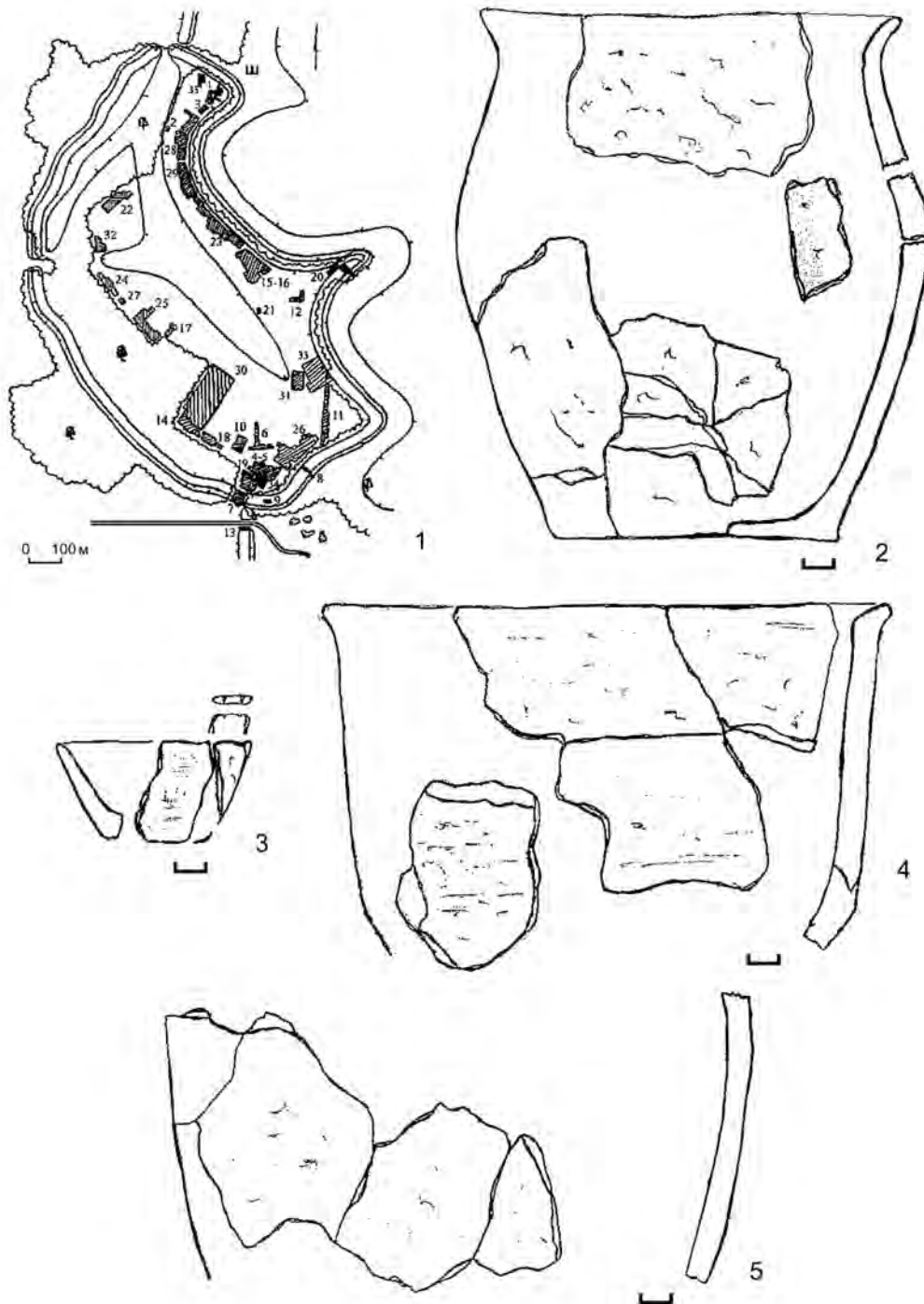

Рис. 3. План расположения материалов пеньковско-сахновского облика с Восточного укрепления Бельского городища и селища (1), керамика из шурфа на селище (2–5).
 Номерами на плане обозначены раскопы Б.А. Шрамко, И.Б. Шрамко и С.А. Задникова, буквой Ш – шурф О.Н. Шапорды 2016 г.
 1 – по: Супруненко, 2007, с. 56, рис. 2; Шрамко, Задніков, 2014, с. 8, рис. 2;
 2–5 – разведки О.Н. Шапорды 2016 г. (материалы не опубликованы).

О культурных трансформациях раннесредневековых древностей на Волго-Балтийском водоразделе

И.В. Исланова (Москва)

Ключевые слова: раннее Средневековье, культура псковских длинных курганов, предсопочные памятники, культура сопкок.

Происхождение культуры сопкок и появление ее в лесной зоне Восточной Европы остаются предметом дискуссий. В конце I тыс. н.э. на Северо-Западе современной России существенно изменяется культурная картина: бассейны оз. Ильмень и левых притоков Верхней Волги покрываются сетью новых поселений, вблизи которых сооружаются монументальные курганы. Такие памятники занимают преимущественно микрорайоны с благоприятными для земледелия почвами: аллювиальными и супесчаными на лесовидной основе.

Культура сопкок, «определяемая как преддревнерусская стала основой культуры населения Северо-Запада XI–XII вв.» (Конецкий, 2007, с. 265). По мнению В.В. Седова, она «никак не могла развиваться из местных древностей прибалтийско-финских племен. Создателями ее могло быть только пришлое население при пассивном участии аборигенов» (Седов, 2002, с. 368). В конце XX – начале XXI в. на занятых носителями культуры сопкок территориях археологи выявляют так называемые предсопочные памятники третьей четверти I тыс. н.э. (удомельская группа и др.), предположительно оставленные тем самым «пришлым населением» (Исланова, 2016б, с. 151–159).

Однако в том же ареале распространены древности культуры псковских длинных курганов (КПДК), известные здесь с середины I тыс. н.э. Население КПДК предпочитало иные ландшафты и песчаные почвы. Следует согласиться с В.Я. Конецким, что «...данная общность предстает на фоне смежных культур лесной зоны Восточной

Европы как местное явление... затем следует длительное угасание, вызванное как внешними, так и внутренними факторами. Случаи перерастания в древнерусскую культуру на Северо-Западе крайне немногочисленны» (Конецкий, 2007, с. 266). По мнению С.Л. Кузьмина и Е.Р. Михайловой, изучающих древности бассейнов рек Луги и Плюссы, КПДК «не породила поселений или агломераций, непосредственно перерастающих в древнерусские локальные центры, отождествляемые с погостами, и, очевидно, не составила непосредственной демографической основы населения Новгородской земли» (Кузьмин, Михайлова, 1997, с. 139). В конце I тыс. н.э. участки, ранее занятые населением КПДК, в основном пустеют; в IX – начале XI в. продолжают существовать только «отдельные изолированные культурные группы в новом окружении» (Михайлова, 2009, с. 15–16).

Схожие процессы происходят и в восточной области КПДК. Предположительно можно говорить о нескольких микрорегионах на Волго-Балтийском водоразделе (рис. 1), где в конце I тыс. н.э. в скоплениях могильников или в одном и том же могильнике КПДК происходит (не без внешнего влияния) смена погребального обряда (от трупосожжения к трупоположению) и трансформация культуры местного населения. Это зафиксировано в могильниках: Комкино 1 и 2 (верховья р. Шлины, раскопки 1992 г. В.А. Бурова) (Археологическая карта, 2012, с. 390–391); Поддубье 1, 3, 4 (на р. Шлине вблизи оз. Глыби – раскопки 1988 и 1989 г. В.А. Бурова) (Археологическая карта, 2012, с. 400–401); Березино 1 (на р. Шегра –

раскопки 1967 г. М.В. Фехнер) (Археологическая карта, 2010, с. 59); Черенцово 1, 2, 3 (на р. Шегра, берег напротив курганов Березино – раскопки 1938 г. Н.П. Милонова) (Археологическая карта, 2010, с. 124); Шитовичи (на р. Шегра – раскопки 1989 и 1990 г. О.М. Олейникова и И.В. Ислановой) (Археологическая карта, 2010, с. 129–130).

Только в микрорегионе Шитовичи на разных берегах реки «встретились» памятники КПДК и культуры сопки. Первый – курганно-грунтовой могильник, «перерастающий» в древнерусский (вблизи него исследовалось селище Шитовичи 6), вторые – две отдельно стоящие сопки и могильник из двух насыпей (вблизи находятся три селища). Микрорегион Шитовичи, несомненно, перспективен для изучения процессов «включения» населения КПДК в реалии начала II тыс. н.э. Однако из-за неисследованности здесь сопочных древностей пока невозможно провести анализ и сопоставление «местных» и привнесенных элементов культуры.

По опубликованным массовым материалам с селища Шитовичи 6 можно констатировать присутствие значительного количества керамики «ладожского типа», фиксирующей проникновение в данный регион населения из Поволховья и Приильменья (Олейников, 2002, рис. 10: 3, 4; 11: 3–5; 12: 1, 2; 15: 1, 3, 4). Появление на р. Шегре новгородцев вряд ли было случайным, так как здесь проходил один из участков водного и сухопутного пути из бассейна р. Мсты на р. Тверцу и далее – на р. Волгу (Исланова, 2016а, с. 128–130).

Другие территории Волго-Балтийского водораздела с иными (не песчаными) почвами в конце I тыс. н.э. хорошо освоены населением культуры сопки. Выяснить наличие «местной» подосновы для этих древностей возможно при сопоставлении таких существенных признаков, как домостроение, керамика, вещевые артефакты. Наиболее корректно сравнение материалов с памятников разных культурно-хронологических групп (третьей четверти и конца I тыс. н.э.), происходящих из одного и того же микрорегиона. Такой микрорегион, неоднократно исследовавшийся с 1970-х по 2000-е годы, находится в верховьях р. Съежи, берущей начало в оз. Удомля. На берегу р. Съежи расположено селище третьей четверти I тыс. н.э. Юрьевская Горка (раскопано 1300 кв. м), на оз. Наволок – селище конца I тыс. н.э. Бережок (раскопано 358 кв. м), на оз. Песьво – раскопанная сопка в могильнике Мерлугино (Исланова, 1997, с. 22–50, 57–95, 110–111). От поселения Юрьевская Горка два последних объекта расположены соответственно в 11 и 6 км.

Планировка построек (рис. 2). На селище Юрьевская Горка помимо следов иных сооружений обнаружены остатки шести наземных жилых построек, имевших в материке по две крупные ямы, иногда сливающиеся краями или разделенные небольшой перемычкой. В одной или над одной из них находилось отопительное сооружение, от которого сохранилось скопление обожженных камней. Вторая яма являлась хозяйственной (Исланова, 1997, с. 42) (рис. 2: 1). На селище Бережок кроме сооружений с иной планировкой обнаружены остатки семи жилых построек, также имевших в материке по две ямы: хозяйственную и очажную (Исланова, 1997, с. 69–73). На поселениях КПДК остатки схожих строений не зафиксированы.

Керамика (рис. 3). На памятниках конца I тыс. н.э. (селище Бережок и сопка Мерлугино) продолжают существовать пять типов керамической посуды, бытовавших на предсопчных селищах третьей четверти I тыс. н.э., что, вне всякого сомнения, указывает не только на преемственность элементов материальной культуры, но и на преемственность населения:

тип 7 по Н.В. Лопатину (2003) – сосуды плавной профилировки с наибольшим расширением в верхней трети высоты и небольшим венчиком (рис. 3: 6, 13);

тип 8 по Н.В. Лопатину – слабопрофилированные сосуды (рис. 3: 1, 7);

тип 10 по Н.В. Лопатину – хорошо профилированные, так называемые S-видные горшки (рис. 3: 3, 9);

сосуды баночной формы (аналогичной керамики в схеме Н.В. Лопатина нет) (рис. 3: 2, 8).

тип P1 по Н.В. Лопатину – сосуды с ребром в верхней четверти высоты, в месте перехода от плечика к тулову (рис. 3: 4, 5, 10–12). Есть основания предполагать, что из подобной керамики третьей четверти I тыс. н.э. развились сосуды с ребром так называемого «ладожского типа» (см., например: Носов, 1990, с. 134–136, рис. 54; 70: 12; Рябинин, 1985, с. 64, рис. 26: 1–3, 13–15, 19–21).

Вещевой инвентарь (рис. 4). Среди вещевых находок, бытовавших на рассматриваемой территории и в третьей четверти, и в конце I тыс. н.э., прежде всего следует указать на фрагменты редких для лесной зоны Восточной Европы трехсоставных удил (рис. 4: 1–3, 6). Это «западные» элементы конского снаряжения. «Такие удила известны у балтов с римского времени... и широко распространены в эпоху переселения народов. Они попадают в V–VI вв. на Готланд, Норрланд, в Финляндию... в Карелии встречаются в эпоху

викингов» (Казанский, 2008, с. 310). Южнее трехчастные удила встречены на памятниках третьей четверти I тыс. бассейна Верхнего Днепра: на поселениях Близнаки и Демидовка (Обломский, 2016, с. 44).

На селище Бережок продолжают существовать, но в небольшом количестве, глиняные биконические и овальные пряслица, которые являются массовым материалом на поселениях третьей четверти I тыс. н.э. (рис. 4: 4, 5, 7, 8) (Исланова, 1997, с. 48–49, 86).

Таким образом, несмотря на существенные перемены, в культуре сопок фиксируется сохранение значимых элементов (планировка жилищ, формы

керамики), характерных для предсопочных памятников третьей четверти I тыс. н.э. Несомненна и преемственность в расселении. Имеющиеся на сегодняшний день небольшие материалы позволяют говорить об отсутствии «культурного разрыва» между древностями третьей четверти и конца I тыс. н.э. на рассматриваемой территории.

Недостаточная исследованность поселений КПДК пока не позволяет провести корректное количественное сравнение материалов трех культурно-хронологических групп древностей – культуры сопок, предсопочных памятников и памятников КПДК.

Литература

Археологическая карта России, 2010. Тверская область. Ч. 3 / Авт.-сост. А.В. Кашкин, К.И. Комаров, Г.Г. Король, В.С. Нефедов, Г.К. Патрик, Б.Е. Янишевский / Ред. Г.Г. Король. М.: ИА РАН. 312 с.

Археологическая карта России, 2012. Тверская область. Ч. 4 / Авт.-сост. И.В. Исланова, К.И. Комаров, Г.Г. Король, В.С. Нефедов / Ред. Г.Г. Король. М.: ИА РАН. 484 с.

Исланова И.В., 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС. 302 с.

Исланова И.В., 2016а. Два участка средневекового водного и сухопутного пути на Волго-Балтийском водоразделе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: история. № 1. С. 121–133.

Исланова И.В., 2016б. Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) (Раннеславянский мир. Вып. 17) / Ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 136–220.

Казанский М.М., 2008. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Ред. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 304–325.

Конецкий В.Я., 2007. Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н.э. на Северо-Западе: итоги и перспективы изучения // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник: Материалы международной научной кон-

ференции 6–7 октября 2005 г. / Ред. Е.Н. Носов и др. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 256–267.

Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., 1997. Новые материалы к проблеме славянского расселения на Северо-Западе Руси // Этногенез и этнокультурные контакты славян (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3) / Отв. ред. В.В. Седов. М. С. 138–146.

Лопатин Н.В., 2003. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 114. С. 43–58.

Михайлова Е.Р., 2009. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры. Автореферат... дисс. канд. ист. наук. СПб. 17 с.

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука. 214 с.

Обломский А.М., 2016. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) (Раннеславянский мир. Вып. 17) / Ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 10–113.

Олейников О.М., 2002. Лепная керамика населения Тверского Поволжья второй половины I тыс. н.э. // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь. С. 520–549.

Рябинин Е.А., 1985. Новые открытия в Старой Ладогe (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Ред. А.Н. Кирпичников. Л.: Наука. С. 27–75.

Седов В.В., 2002. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры. 622 с.

On the cultural transformations of the early Middle Ages antiquities on Volga-Baltic interstream area

I.V. Islanova (Moscow)

Key words: early Middle Ages, culture of Pskov long barrows, pre-Sopka type barrow sites, Sopka type barrow culture.

Significant cultural changes were occurring on the north-west part of the forest zone of Eastern Europe at the end of the 1st millennium AD. However, the continuity not only in settling but also in the traditions of house building, making pottery and using similar items has been recorded between the population of the previous period (the group of pre-Sopka type barrow sites) and the Sopka type barrow culture population. The correct comparison of the material culture elements is possible between the sites of different periods of the exact micro region situated on the Volga-Baltic interstream area. The materials of the settlements Yurjevskaya Gorka and Berezhok and the Sopka-mound of Merlugino burial ground are analyzed in the paper. Nevertheless, there is not enough data to compare these materials with the antiquities from Pskov long barrows.

Translated by I. Grigoryan

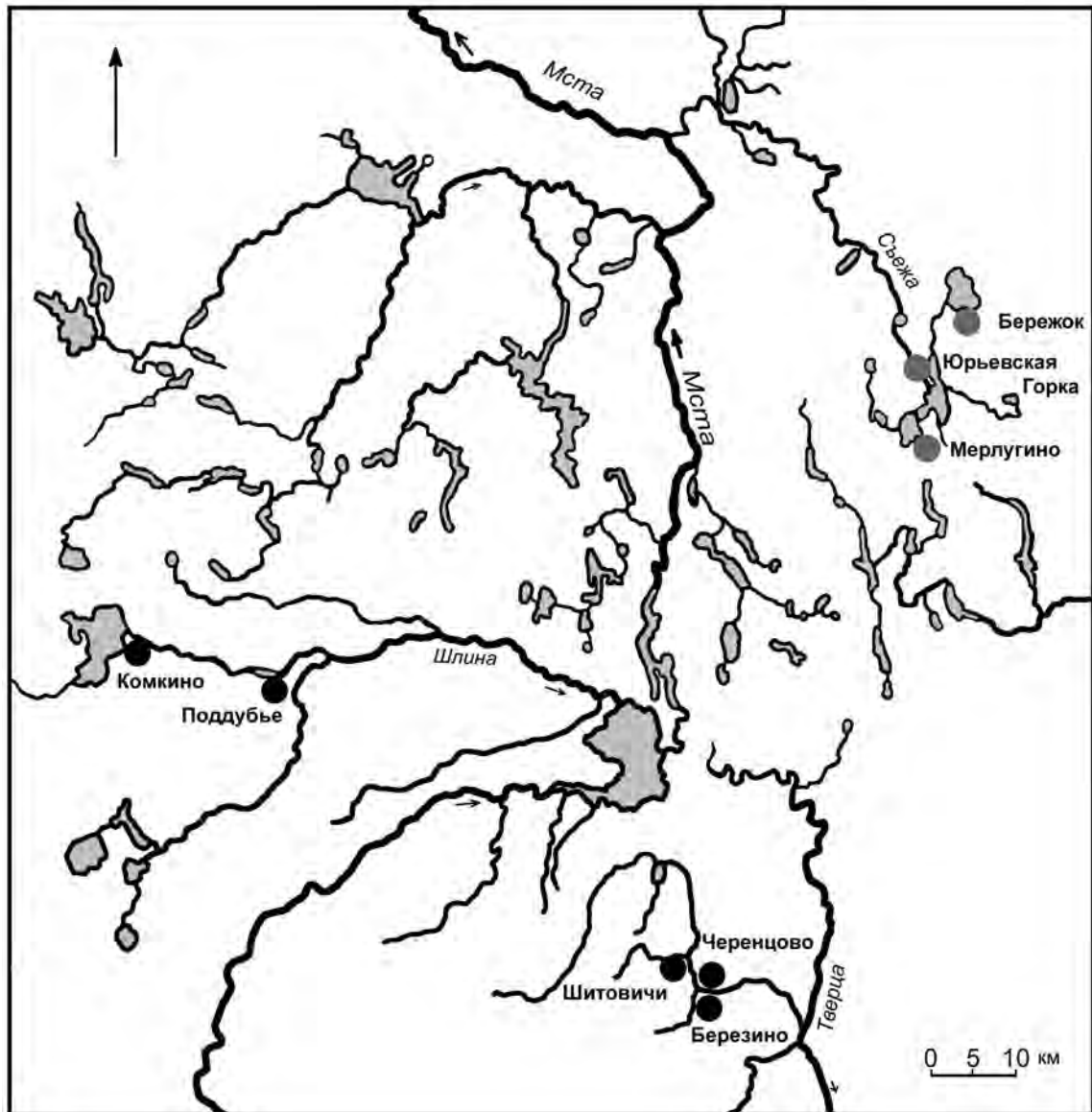

Рис. 1. Некоторые памятники бассейнов оз. Ильмень и левых притоков Верхней Волги.

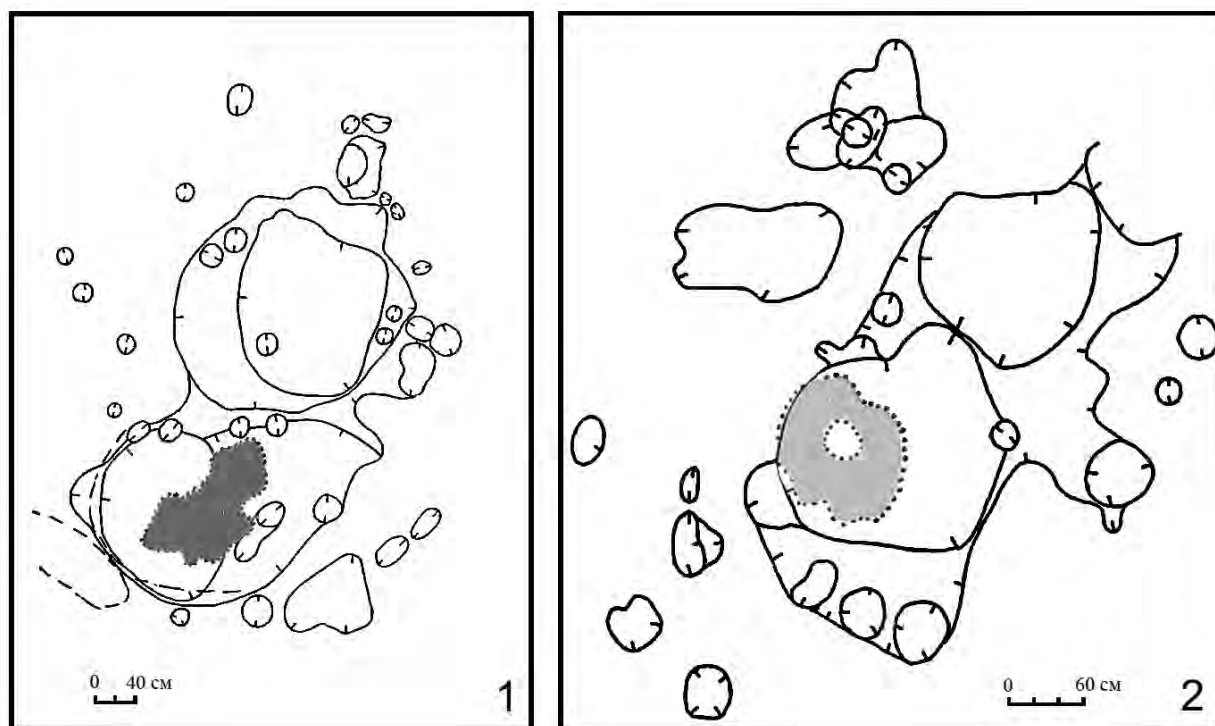

Рис. 2. Остатки наземных построек третьей четверти и конца I тыс. н.э.
1 – селище Юрьевская Горка; 2 – селище Бережок.

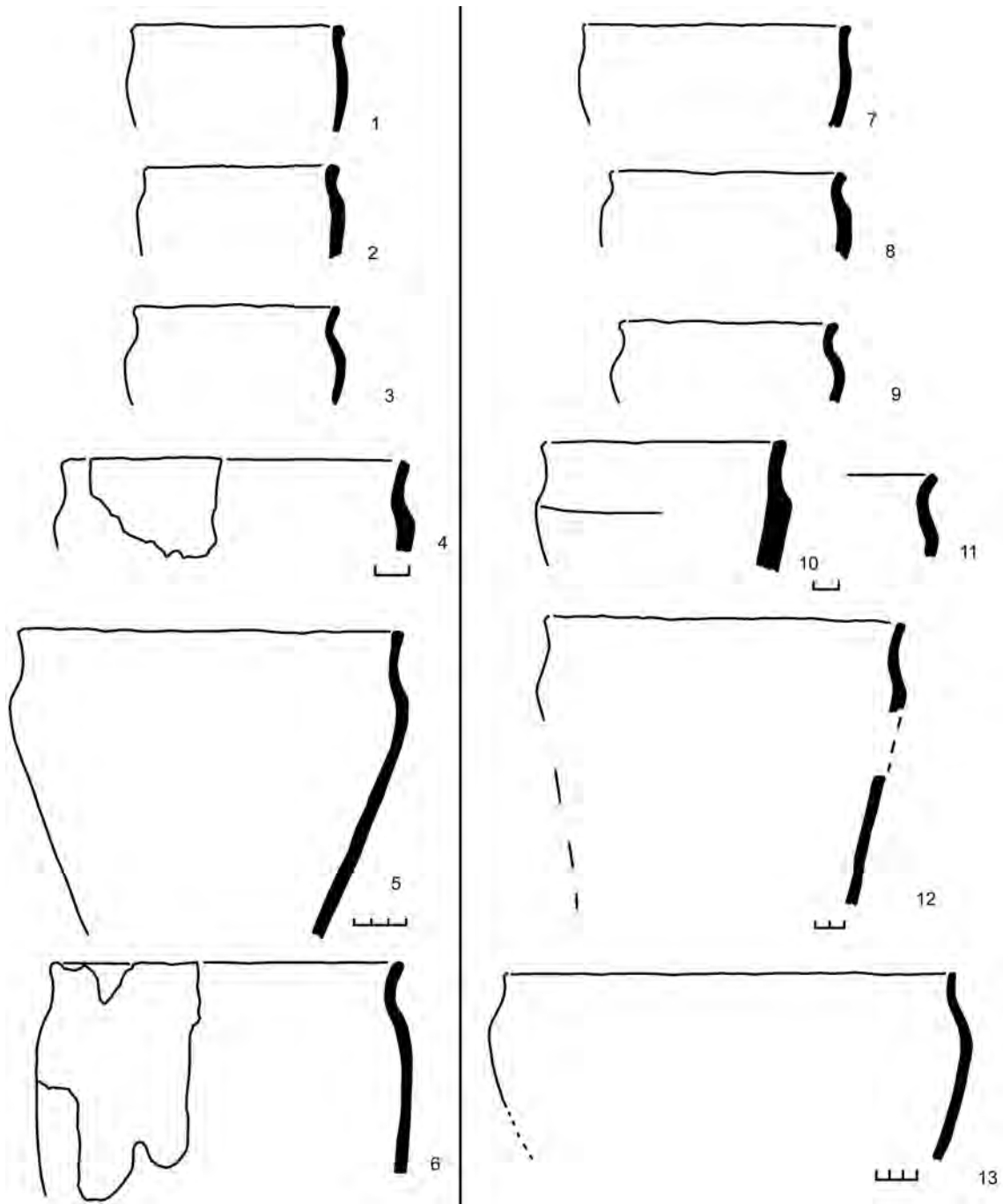

Рис. 3. Формы лепной керамики с памятников третьей четверти и конца I тыс. н.э.
 1–6 – селище Юрьевская Горка; 7–11, 13 – селище Бережок;
 12 – находка из слоя углей в основании сопки Мерлугино.

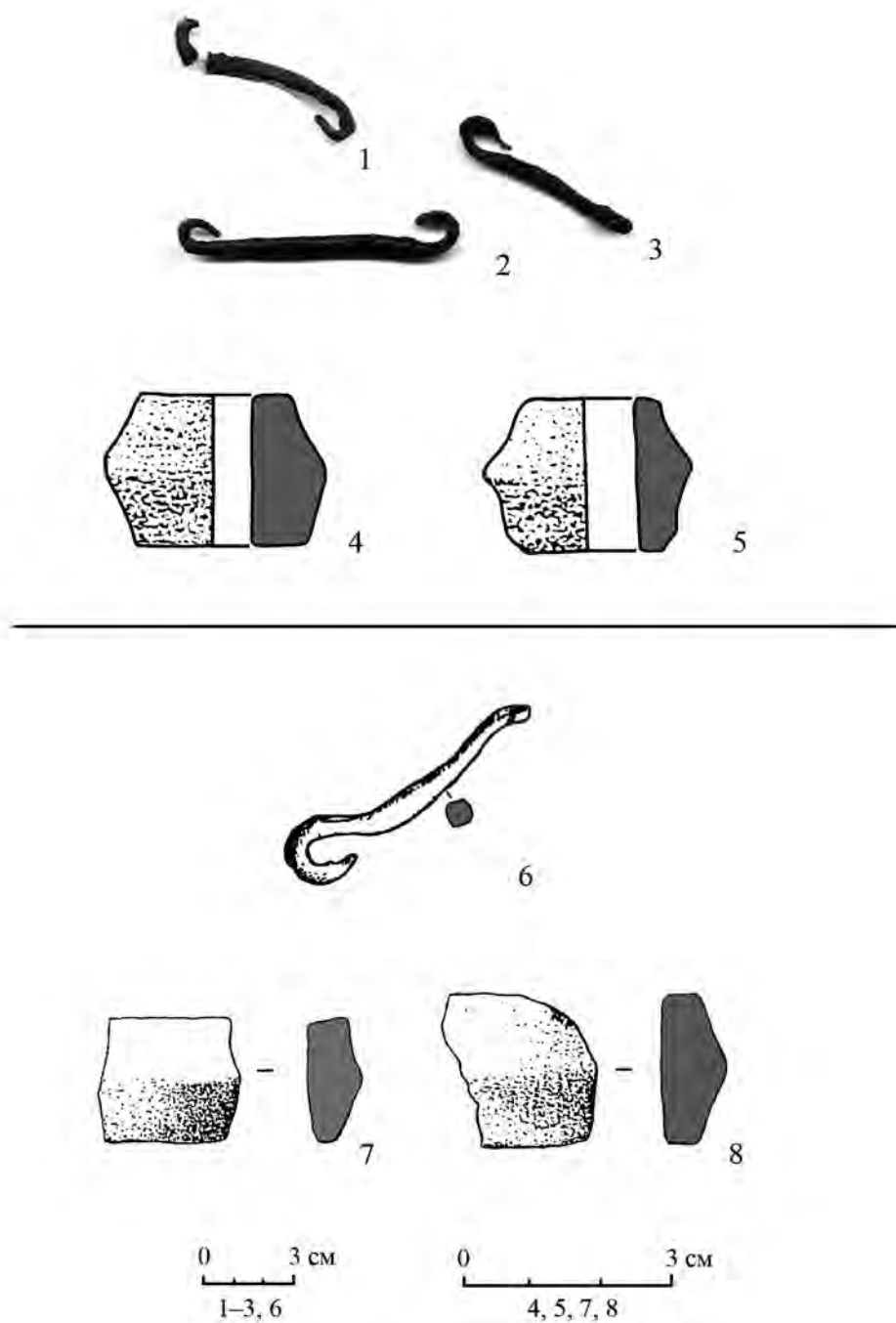

Рис. 4. Находки с памятников третьей четверти и конца I тыс. н.э.

1–3 – фрагменты удил с селища Юрьевская Горка;
 4, 5 – глиняные пряслица с селища Юрьевская Горка; 6 – фрагмент удил с селища Бережок;
 7, 8 – фрагменты глиняных пряслиц с селища Бережок.

Керамика как свидетельство идентичности и культурного трансфера? Саксонская и славянская керамика VIII–X вв. в Нижнем Поэльбье

Й. Шнеевайсс (Санкт-Петербург/Гёттинген)

Ключевые слова: керамика, саксы, славяне, Эльба, границы.

Введение. Значительная часть работ Андрея Михайловича Обломского касается проблем этногенеза славян и их отношений с соседними культурными общностями. Анализ этой проблематики во многом основывается на керамическом материале. В настоящей статье вопросы, связанные с керамикой и культурной идентичностью, рассматриваются применительно к западной периферии славянского мира, однако приведенный пример может быть показателен и для других регионов.

В эпоху викингов в районе Нижней Эльбы пересекались друг с другом разные «миры» или культурные пространства: каролингско-саксонский мир с франкской империей, с одной стороны, и мир славян, к которому на севере примыкало пространство викингов, с другой. Этот факт делает рассматриваемый регион крайне интересным для изучения проблем идентичности и культурного трансфера. В письменных источниках Нижнее Поэльбье регулярно фигурирует с VIII в., особое внимание уделяется борьбе Карла Великого с саксонцами. Славяне здесь впервые упоминаются в конце VIII в., но остается неясным, когда они начали заселять регион (Dulnicz, 2006, S. 24–38; Jöns, Schneeweiß, 2013; Jöns, Müller-Wille, 2015, p. 199).

«Славяне» не составляли однородную группу. Судя по данным письменных источников, некоторые племена выступали в союзе с Карлом Великим против саксонцев или датчан, другие – наоборот, были его врагами. По всей вероятности, мы имеем дело со сплетением этносов, которые по-разному контактировали друг с другом. Воз-

никает вопрос, можно ли данную ситуацию отследить на археологических материалах, и если да, то как?

До недавнего времени большое влияние на характер исследований и принципы интерпретаций оказывали письменные источники, важнейшим из которых для интересующей нас области является «История Саксонии» Видукинда Корвейского X в. Археология в XIX и начале XX в. воспринималась как вспомогательная дисциплина, призванная находить подтверждение данным письменных источников при помощи раскопок. Яркий пример такого рода – работы Г. Шлимана (Schliemann, 2000).

Между тем очевидно, что подобный подход неверен. Пришло осознание того, что письменные и археологические источники характеризуют независимые друг от друга области истории, которые лишь в редких случаях можно согласовать. В качестве «реликтов» в археологии сохранились некоторые определения, используемые при характеристике керамики: «(поздне)саксонская» или «славянская», например. Все попытки изменить эти обозначения не увенчались успехом, наверное, потому, что до какой-то степени они отражают историческую реальность. В определенное время распространение славянской керамики примерно соответствовало пространству славянского языка, но это ни в коем случае не значит, что исключительно носители славянского языка пользовались славянской керамикой, так же как не значит, что носители славянского языка пользовались исключительно славянской керамикой.

Постановка проблемы. В таком контексте и возникает озвученный выше вопрос, каким образом можно (и можно ли) распознать идентичность и культурный трансфер на археологических материалах. Считается, что этническая принадлежность формируется при столкновении различных групп населения как возможность их разграничения (Ethnic Groups..., 1969; Brather, 2004, S. 106). В этом смысле принадлежность к определенному этносу соответствует идентичности, которая, однако, прежде всего важна как внешний разграничитель, в ситуации противопоставления себя другим. Существуют многие аргументы в пользу того, что «саксонская» идентичность, т.е. этническая общность, возникла постепенно и лишь в связи с саксонскими войнами Карла Великого, и закрепились только в оттонское время, когда саксонцы пришли к власти в империи восточных франков (Ehlers, 2007, S. 229). Здесь становится особенно очевидно противопоставление с каролингско-франкской идентичностью, несмотря на (или из-за?) принятие и продолжение саксами христианской культуры Каролингов (Schneeweiß, 2012a, S. 114). Вероятно, то же можно сказать и о других этносах, осознание которыми себя как этноса вряд ли следует датировать временем ранее X в. (Goetz, 1999; Coumert, 2007), когда происходят глубокие изменения во многих сферах жизни и в разных регионах Европы формируется государственность. Обратимся, однако, к археологическим источникам.

Эпоха Великого переселения народов считается «темными веками» для интересующего нас региона, где известны лишь немногие древности этого периода. Долгое время исследователи исходили из того, что жившее здесь ранее население полностью исчезло. В последние два десятилетия, однако, увеличивается число свидетельств постоянного, по крайней мере, местами, заселения (Dobat, 2006; Nösler, Wolters, 2009). Непрерывно существовали в I тыс. н.э. поселения на побережье Северного моря (Фрисландия) и в Дании (Bärenfänger, 1988; Hvass, 1983; 1986). По-другому складывалась ситуация во внутренней части материка по обе стороны Эльбы. Германское заселение позднего римского времени прекращается здесь не позже V в., для VI в. имеются лишь свидетельства временного присутствия, но не постоянного проживания людей. Часто речь идет о случайных находках из рек или кладях, в основном оружии, брактеатах и т.п. Начиная с VIII в. заселение вновь становится заметным, хотя памятники немногочисленны и, как пра-

вило, невыразительны. Материальная культура VII–VIII вв. чрезвычайно бедна и позволяет предполагать простую структуру общества и однородный образ жизни. Левобережье Эльбы было, по всей вероятности, заселено «саксонцами» – представителями германского, «северо-западного» мира. На правом берегу Эльбы практически в то же время жили носители «восточных» традиций, демонстрирующих славянские влияния. При этом материальная культура сельских поселений указанных групп не слишком различалась, жизненное пространство, самообеспечение и социальная структура обществ, очевидно, были похожи. В археологическом отношении отличия между ними можно увидеть в способе строительства жилищ и планировке поселений. К сожалению, ранние памятники очень немногочисленны, и достоверной информации о них на данный момент практически не имеется¹.

Таким образом, налицо две основные особенности археологических источников эпохи раннего Средневековья: простота материала и малое количество находок, особенно по сравнению с памятниками «средне-» и «позднеславянского» времени. Следствием этого является сложность разработки их хронологического членения. Узко датированные вещи находятся на поселениях крайне редко, главным образом на них встречается лепная керамика, которая практически не менялась в течение длительного времени и которую часто невозможно датировать точнее, чем в интервале с VI по IX в. Такая ситуация наблюдается как в отношении «саксонской», так и в отношении «славянской» посуды. Не решает проблему и обращение к погребальным комплексам. До IX в. преобладала традиция кремирования, остатки сожжений, как правило, без сопроводительного инвентаря, помещались в минимально углубленные ямы или вовсе не заглублялись. Данный обряд также, по большому счету, характерен и для «саксонского», и для «славянского» населения. Исключения составляют лишь некоторые элитные погребения (ингумации) (Wegewitz, 1968). Фундаментальные изменения произошли только в IX–X вв. под влиянием христианства.

Все изложенное позволяет предположить, что немногочисленность находок VI–VII вв. частично является результатом археологической «трудноуловимости» материальных остатков интере-

¹ Наиболее перспективными поселенческими памятниками являются, например Витторф (Wittorf), нижняя Саксония (Tempel, 2006; Hesse, Hofmann, 2006), Дерсторф (Daerstorff), нижняя Саксония (Thieme, 2004; Brandt, 2014) или Ленцен 32 (Lenzen 32), Бранденбург (Glaß et al., 2013).

сующего нас периода. Ранние поселения крайне сложно выявить, и на основании подъемного материала практически невозможно точно определить их культурную и хронологическую принадлежность. На многослойных памятниках, где имеются более поздние напластования, высока вероятность не зафиксировать ранний горизонт, поскольку он «растворяется» в последующем.

Наряду с сильным сходством, однако, между раннесредневековыми культурами на обоих берегах Эльбы можно обнаружить и существенные различия, особенно если изменить масштаб наблюдений. Здесь проходит граница между территориями, на которых возводились сооружения разных типов: (полу)землянка и сруб, с одной стороны, и столбовая постройка, с другой. На Западе (как и в Скандинавии) разные в функциональном отношении строения образовывали своего рода усадьбы. В большинстве случаев это столбовые постройки, но отмечены и землянки. Об их назначении ведется дискуссия, но в целом считается, что в землянках не жили (Bärenfänger, 1988). Развитие столбовой конструкции хорошо прослеживается на побережье Северного моря, где заселение было непрерывным. На Востоке на раннесредневековых памятниках столбовые постройки не обнаружены. Здесь сооружались землянки, причем они выполняли функции жилищ (Brather, 2008). Возможно, возводились и наземные срубы, но неясно, в каком количестве, поскольку обнаружить их весьма трудно.

Традиция строительства жилых землянок на восточном берегу Эльбы не имеет корней, в римский период здесь, как и в западной части, существовали столбовые постройки. Четко прослеживается прекращение одной культурной традиции и (вероятно, после значительной лакуны) начало другой, связываемой в общем со сменой населения и освоением данной территории славянами. Далее на востоке и юго-востоке Европы землянки известны в течение длительного времени (см., например: Šalkovský, 2001). Пространственная структура раннесредневековых поселений Нижнего Поэльбья остается неясной, так как крайне мало масштабно раскопанных и надежно датированных памятников.

Важную роль при выявлении различий в материальной культуре играет керамика – единственная группа находок, которая везде имеется в достаточном количестве. Говоря обобщенно, на северо-западе рассматриваемого региона мы встречаем происходящие с фрисландского побережья шаровидные горшки, которые известны во

Фрисландии уже в VI в. На «саксонском» материке они появляются несколько позже, приблизительно в VIII–IX вв. Собственные формы здесь – так называемые горшки с яйцевидным туловом; плоскодонные сосуды встречаются довольно редко. Речь идет о лепной неорнаментированной керамике, довольно простой и грубой. Тонкая или круговая посуда, как правило, отсутствует. В «славянском» пространстве самая ранняя керамика – типа Зукков (Sukow) – также лепная и без орнамента, но встречаются только плоскодонные формы. Шаровидные горшки и сосуды с округлым дном не зафиксированы. Лишь в середине VIII в. появляется керамика типа Фельдберг, характеризующаяся высоким качеством изготовления и наличием орнамента. В «саксонском» пространстве посуда по-прежнему остается неорнаментированной.

Регион Хёбека на Эльбе. Особый интерес при рассмотрении комплекса обозначенных в настоящей статье вопросов представляют зоны контактов. На материалах таких переходных территорий, как Нижнее Поэльбье, где сталкиваются как минимум два культурных пространства, можно проверить, насколько керамика – подходящее основание для определения идентичности или культурного трансфера. Для подобного исследования выбран регион Хёбека, в котором проводились полевые работы на памятниках, содержащих следы как саксонского, так и славянского заселения.

Хёбек (Höhbeck) – естественная возвышенность в долине реки Эльбы (рис. 1). На ее вершине расположено подпрямоугольное в плане городище, которое связывают с крепостью Карла Великого, известной в источниках как *hohbuoki* (Annales, a. 810, a. 811; Schneeweiß, 2012b). С конца XIX в. проводились изыскания, имевшие целью найти эту крепость. В описании находок из раскопок Карла Шухардта 1920 г. фигурирует керамика римского времени, небольшое количество славянской, позднесредневековой. Вероятно, К. Шухардт опирался на информацию из франкских анналов. Многочисленные черепки, определенные им как «саксонские и франкские», на самом деле датируются преимущественно эпохой римского влияния (Schuchhardt, 1921, S. 141–142; Schneeweiß, 2012b, S. 83–85). Поселенческая керамика римского времени была на тот момент недостаточно известна, поэтому К. Шухардт ошибочно счел ее саксонской. Небольшое количество фрагментов славянских сосудов, однако, он определил достаточно уверенно и даже предпринял попытку разделить их на три хронологических группы (Schuchhardt, 1921, S. 140). Среди материалов, полученных в

ходе масштабных работ 1950–1960-х годов, количество раннесредневековой керамики также невелико (Schneeweiß, 2012b, S. 88). Из раскопок укрепления сохранились около 1000 фрагментов. Приблизительно две трети массива составляет посуда римского времени, около одной шестой – позднесредневековая. Остальные обломки определить сложно; по-видимому, большая часть их принадлежит каролингско-саксонской керамике, имеются также фрагменты сосудов Нового времени. Количество славянской керамики остается ничтожно малым – менее десяти позднеславянских черепков (Schneeweiß, 2012b, S. 88). Нам в ходе исследований оборонительной системы удалось дендрохронологическим методом датировать крепость 810 г., то есть годом ее упоминания в источниках (Schneeweiß, 2011; 2012b).

На западном склоне Хёбека, в Мечове (Meetschow), найдены остатки крупного саксонского поселения, функционировавшего во время конфликтов на границе Каролингской империи в раннем IX в., когда была построена и разрушена и франкская крепость Хёбек (*castellum hohbuoki*) (рис. 1). Существование этого поселения начинается в VIII или даже в VII в., как и расположенного неподалеку славянского селища Ленцен 32 на оз. Рудов, на другом берегу Эльбы. С ним связаны материалы, которые Карл Шухардт и Эрнст Шпрокхоф безуспешно пытались обнаружить в крепости наверху: прежде всего, саксонская керамика VIII–IX вв. и предметы воинского снаряжения раннего IX в. Кроме того, около 800 г. поселение было укреплено валом. Он овальный, а не прямоугольный, как на городище на вершине Хёбека, но по конструкции данные сооружения сходны. Все это позволяет предположить, что саксонское поселение в Мечове представляет собой каролингский пограничный пункт, контролировавший торговлю, который под названием Щесла (*Schezla*) известен в источниках IX в., но позже не упоминается (Schneeweiß, 2010a). Щесла и крепость Хёбек могут с уверенностью рассматриваться как единое образование, в котором главную роль играло саксонско-франкское поселение у подножия, что подтверждают обнаруженные на нем следы активной человеческой деятельности. Оно существовало уже в 789 г., когда Карл Великий пересек Эльбу. Не исключено, что именно в указанное время на памятнике были построены оборонительные сооружения.

Можно думать, что Щесла письменных источников не ограничивалась лишь поселением и укреплениями, найденными в Мечове. Есть мно-

го данных о том, что в районе сегодняшнего устья Зееге у подножия Хёбека существовали несколько селищ, которые выполняли различные функции и все вместе, вероятно, и составляли упоминаемое средневековыми авторами образование. находка фибулы с изображением святого на селище Фитце (Vietze) на краю поймы Эльбы, приблизительно в одном километре от Мечова по направлению к крепости (рис. 1), может служить аргументом в пользу этого предположения. Хотя на данном участке саксонские поселения неизвестны, сомнений в принадлежности подобных фибул к саксонской культурной среде нет (Schneeweiß, 2010b) (рис. 2).

Интенсивная жизнь на поселении в Мечове, судя по археологическим материалам, продолжалась до 820–830-х годов. Однозначных подтверждений того, что памятник погиб в результате военных действий, нет, но следы огня на участках, примыкающих к валу, могут свидетельствовать, что укрепление было сожжено. Не исключено, что аналогичным образом развивались события и на городище. Его существование вряд ли продолжалось более одного десятилетия. Примерно в то время, к которому относится финал рассматриваемых памятников по археологическим данным, крепость Хёбек и Щесла исчезают и из письменных источников. В Мечове саксонские отложения перекрываются слоем песка и глины, вероятно, антропогенного происхождения, на котором в конце IX в. строится славянское городище, просуществовавшее весь X в.

Очевидно, по Эльбе проходила граница двух культурных миров. На ее правом берегу, в Ленцен-Нойехаус (Lenzen-Neuehaus), в начале IX в., т.е. практически в то же время, когда существовала крепость Хёбек, было возведено славянское укрепление. На левобережье Эльбы достоверных доказательств славянского расселения до IX в. не найдено. Лишь со второй половины IX в. здесь распространяются славянские памятники, возводятся кольцевые городища у Хёбека, в том числе и в Мечове.

Вновь в письменных источниках рассматриваемый регион, уже заселенный славянами, появляется, когда происходят очередные изменения политической ситуации. В частности, речь идет о так называемой битве у Ленцена 929 г. Вероятно, три существовавших в то время славянских городища – Ленцен-Нойехаус, Эльбхольц (Elbholz) и Мечов (рис. 1) – были разрушены в ходе конфликтов 929 г., т.е. события развивались несколько иначе, чем это представлено у Видукинда

Корвейского. В конечном итоге, однако, важно, что на рубеже 20–30-х годов X в. регион попал под власть Оттонов как минимум до 983 г., когда произошло восстание славян. При этом саксонско-германское влияние прослеживается на археологических материалах, начиная только с конца X в., а наиболее отчетливо – с XI в.

Таким образом, Мечов представляет собой редкий случай, когда письменные и археологические источники подтверждают друг друга, а кроме того, фиксируется последовательное саксонское и славянское заселение одной и той же местности. Как это отражается в археологическом материале и как выглядит керамика в такой пограничной зоне?

С более ранним поселением Мечов, которое прекратило свое существование в IX в., связано небольшое количество лепной посуды, в общей сложности не превышающее 7% всего массива керамических находок. Прежде всего, это фрагменты сосудов без орнамента. Интересно, что реконструируется достаточно много целых профилей, больше, чем для последующей фазы существования памятника, для IX–X вв. Набор форм имеет параллели на саксонских поселениях (Steuer, 1974; 1975), среди них встречаются такие, которые можно определить как «позднесаксонские» (рис. 3: 1). С другой стороны, есть и сосуды, близкие славянским «зуковского» типа (Schuldt, 1956; 1964a; 1964b) (рис. 3: 3). Значительную часть посуды, однако, невозможно однозначно отнести ни к первой, ни ко второй группе – речь идет о так называемых гибридных, переходных или смешанных формах (рис. 3: 2). Все это позволяет считать рассматриваемый набор керамики типичным для контактной зоны.

На материалах из Мечова мы предприняли попытку выяснить, отличаются ли формы «славянской» керамики от «саксонской» в технологическом отношении, и как соотносятся с ними «гибридные» формы.

Археометрическое исследование провел вначале Т. Брорссон (Лунд, Швеция), а затем, по сходной методике, К. Штрукмейер (Вильгельмсхафен, Германия) (Brorsson, 2009; 2010; Struckmeyer et al., 2016). Использовались шлифы керамики для петрографических анализов и определения примесей, характера обработки глины и формирования теста. Все образцы подвергались ICP (Inductively Coupled Plasma) анализу для определения «химической идентичности» черепка, по которой можно, например, сделать заключение о происхождении керамики (описание методики см.: Keramik i

Sydsverige, 2002; Brorsson, 2010). Результаты оказались неоднозначными. Археологическая типология и химическая группировка не совпали. Кластерный анализ показал, что найденная в Мечове керамика была произведена в различных местах в его ближайшей округе. Это соответствует интерпретации памятника как пограничного торгового пункта, куда приходили люди, проживавшие на близлежащих территориях. Иными словами, изучение археологического материала и письменных источников позволяет предположить, что в исследуемом регионе не только встречалось, но и смешивалось население, принадлежащее саксонской и славянской культурным сферам. Значительное количество переходных керамических форм, по нашему мнению, является показателем влияния или обмена, но вряд ли здесь следует говорить о культурном трансфере. Качество керамики практически одинаковое; вероятно, указанное влияние отражалось лишь во внешнем облике посуды. Появление большого числа гибридных типов свидетельствует против того, чтобы считать керамику маркером идентичности ее производителей и потребителей. Если бы она была важна в этом отношении, можно было бы ожидать, что формы сосудов будут различаться более отчетливо. Суммируя все изложенное, отметим, что простая лепная керамика VII–VIII вв., на наш взгляд, непригодна для определения идентичности. Она слишком одинакова, с одной стороны, и слишком невыразительна, с другой.

Посуда переходных или гибридных типов, при наличии орнамента часто обозначаемая как «славяноидная» (рис. 4), неоднократно встречена и на других памятниках в пограничной зоне между саксонцами и славянами (Saile, 2007; Brandt, 2014, S. 180; Struckmeyer et al., 2016). При этом распространение смешанных форм ограничивается саксонскими поселениями, на славянских они неизвестны. В данной связи следует вспомнить о фельдбергской керамике (Brather, 1996) – тщательно изготовленной и украшенной характерными волнистыми полосами. Во многих случаях именно такой орнамент служит основанием для определения сосудов как «славяноидных». Существует мнение, что «волны» представляют собой попытку подражания высококачественной фельдбергской посуде (Ahrens, 1973; Laux, 1997). Интересно, что ее качество вне ядра ее восточно-мекленбургского ареала значительно ухудшается; на периферии можно говорить лишь об имитациях (Brather, 1996, S. 152–160). По нашему мнению, появление и имитаций, и «славяноидных» сосу-

дов отражает, скорее, желание иметь более качественную или более красивую посуду, которую одни видели близко, а другие – только издалека. При этом манера орнаментации говорит о том, что на славянских поселениях знали фельдбергскую керамику лучше и могли ей подражать, в саксонской же среде изготавливать имитации даже не пытались. Возникает ощущение, что получила одобрение сама идея украшения посуды. Восприятие этой идеи, как и появление гибридных неорнаментированных форм сосудов, ограничено в территориальном и количественном планах: подобные находки известны только на поселениях в пограничной зоне (в широком смысле). Это, по нашему мнению, свидетельствует об активном общении представителей разных культурных миров, в том числе в Мечове, где находилась переправа через реку. Коммуникация всегда сопровождается культурным влиянием разной степени интенсивности, которое может отражаться и в керамике. Напомним, что в раннем Средневековье линейного понятия границы еще не существовало, границы были зонами, нередко совпадающими с природными объектами (см., например: Saile, 2009). Переход между пространствами, разделенными такой границей, должен был быть плавным не только в природной или политической сфере, но и в культурной.

Что происходило после сдачи Щесла в Мечове? Саксонское население, вероятно, полностью исчезло, и после небольшого хронологического перерыва весь регион был занят славянами. Их материальная культура, прежде всего керамика, в IX–X вв. практически идентична материальной культуре западнославянских памятников, находящихся далее на восток, на огромных пространствах в основной зоне их распространения. Большая часть сосудов орнаментирована, численно преобладает среднеславянская керамика менкендорфского типа, количество которой может достигать 80% и более. Культурное разграничение в рассматриваемый период, видимо, было сильнее, чем прежде, во всяком случае, спектры находок на саксонских и славянских поселениях отчетливо различаются. Указанное разграничение, кажется, фиксируется и в керамике, в частности, больше не встречаются смешанные саксонско-славянские формы. Саксы используют уже почти исключительно шаровидные сосуды, славяне – вышеупомянутую керамику менкендорфского типа. Являлась ли эта посуда маркером идентичности, сомнительно. Она представляет собой объект ежедневного использования, способ которого

отличался у шаровидных и плоскодонных сосудов. Их распространение отражает скорее зоны интенсивной коммуникации, чем идентичность.

Из письменных источников известно немало славянских племен, которые то объединялись, то враждовали друг с другом (Ruchhöft, 2008), о чем свидетельствуют иногда и археологические находки (Biermann, Henning, 2012). Тем не менее убедительно различать эти племена по археологическим данным невозможно. Их материальная культура фактически единообразна, из чего следует, что она является свидетельством не конкретной идентичности, а принадлежности к коммуникативному пространству (ср.: Brather, 2008), которое не равно общности. По поселенческим находкам явные следы культурного трансфера практически не прослеживаются. По всей видимости, контакты между двумя мирами/пространствами крайне незначительны. В то же время из письменных источников известно, что такие контакты существовали, по меньшей мере, в X в. После 929 г. на территориях западных славян, в частности в регионе Хёбека, было установлено саксонско-германское господство, что, однако, не нашло отражения в массовом археологическом материале. Кажется, что в обмене и культурном трансфере участвовала лишь небольшая элита, о которой сохранились письменные свидетельства, но по глиняной посуде ее выявить невозможно. Исключение составляет недавно выделенная керамика типа Глинке IX–X вв. (Messal, 2011), которая встречена только на славянских городищах и всегда в незначительном количестве (как правило, по несколько фрагментов). Она напоминает рейнские рельефно-ленточные амфоры и считается предметом роскоши, указывающим на присутствие элиты. Таким образом, в данном случае особая керамика является определенным показателем культурного трансфера и социального статуса, но об идентичности мы и здесь ничего сказать не можем.

Заключение. Как же можно ответить на вопрос, поставленный в начале статьи? Следует признать, что однозначного ответа нет. Категорически отрицать значение керамики для анализа проблем идентичности и культурного трансфера, наверное, не приходится. В некоторых ситуациях она может служить маркером идентичности, но это исключения, требующие отдельного обоснования. Вообще же глиняные сосуды являются предметами ежедневного пользования, форма и облик которых в большей мере зависят, вероятно, от функциональных критериев и «духа вре-

мени», чем от идентичности их потребителей или изготовителей. В нашем случае определения «саксонская» и «славянская» керамика могут употребляться только в качестве *terminus technicus*. Под этим термином подразумевается, в первую очередь, принадлежность к коммуникативному

пространству, а не определенный этнос или идентичность. Проблему идентичности и культурного трансфера нужно рассматривать в более широком контексте и ни в коем случае не исключительно на керамическом материале.

Литература

Ahrens C., 1973. Die Untersuchungen an der karolingerzeitlichen Burg bei Hollenstedt, Kr. Harburg in den Jahren 1968–1972, ein Vorbericht // Harburger Jahrbuch. 13, 1968/72. S. 72–104.

Annales regni Francorum, 1955. Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. Erster Teil. Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Freiherr vom Stein-Gedächtnisausgabe. 5 / Bearb. R. Rau. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 155 S.

Bärenfänger R., 1988. Siedlungs- und Bestattungspplätze des 8. bis 10. Jahrhunderts in Niedersachsen und Bremen. T. I (BAR International Series. 398(I)). Oxford: BAR Publishing. 297 S.

Biermann F., Henning J., 2012. Burgwall, Silber, Sklavenhandel. Ausgrabungen an der slawischen Burg von Potzlow, Lkr. Uckermark // Archäologie in Berlin und Brandenburg, 2011. S. 92–93.

Brandt J., 2014. Der ländliche Raum in spätsächsischer Zeit. Das südliche Hinterland der Hammaburg // Mythos Hammaburg – Archäologische Entdeckungen zu den Anfängen Hamburgs (Veröffentlichung des Helms-Museums, Archäologisches Museum Hamburg, Stadtmuseum Harburg. 107) / Hrsg. R.-M. Weiss, A. Klammt. Hamburg. S. 173–181.

Brather S., 1996. Feldberger Keramik und frühe Slawen. Studien zur nordwestslawischen Keramik der Karolingerzeit (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. 34). Bonn: Habelt Verlag. 402 S.

Brather S., 2004. Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte, Grundlagen und Alternativen (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 42). Berlin; New York: DeGruyter. 808 S.

Brather S., 2008. Archäologie der westlichen Slawen. Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaft im früh- und hochmittelalterlichen Ostmitteleuropa (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 61). Berlin; New York: DeGruyter. 449 S.

Brorsson T., 2009. Slavonic and Saxon pottery from Meetschow, Niedersachsen. Ware analyses and ICP analyses (Ceramic Studies Report. 46). Landskrona. 14 p.

Brorsson T., 2010. The Pottery from the Early Medieval trading site and cemetery at Groß Strömkendorf, Lkr. Nordwestmecklenburg. Forschungen zu Groß Strömkendorf III (Frühmittelalterliche Archäologie zwischen Ostsee und Mittelmeer. 1). Wiesbaden: Reichert-Verlag. 122 p.

Coumert M., 2007. Origines des peuples. Les récits du Haut Moyen Âge occidental (550–850) (Collection des Études Augustiennes. Série Moyen Âge et Temps Modernes. 42). Paris. 659 p.

Dobat A.S., 2006. „Angulus non desertus!“ Erste Ergebnisse der Suche nach Siedlungen des 6. und 7. Jahrhunderts in Südschleswig // Archäologie in Schleswig. 11. S. 87–94.

Dulnicz M., 2006. Frühe Slawen im Gebiet zwischen unterer Weichsel und Elbe. Eine archäologische Studie (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. 7). Neumünster: Wachholtz-Verlag. 423 S.

Ehlers C., 2007. Die Integration Sachsens in das fränkische Reich (751–1024) (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. 231). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 686 S.

Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organisation of Culture Difference, 1969 / Ed. F. Barth. Bergen; Oslo; Tromsø: Universitetsforlaget; Boston: Little, Brown & Co.; London: George Allen and Unwin. 155 p.

Glaß S., Göbler N., Kinkeldey T., 2013. Frühe Slawen in der Westprignitz // Slawen an der unteren Mittel-Elbe. Untersuchungen zur ländlichen Besiedlung, zum Burgenbau, zu Besiedlungsstrukturen und zum Landschaftswandel. Beiträge zum Kolloquium vom 7.–9. April 2010 in Frankfurt a. M. (Frühmittelalterliche Archäologie zwischen Ostsee und Mittelmeer. 4) / Hrsg. K.-H. Willroth, H.-J. Beug, F. Lüth, F. Schopper, S. Messal, J. Schneeweiß. Wiesbaden: Reichert-Verlag. S. 39–52.

Goetz H.W., 1999. Vergangenheitswahrnehmung, Vergangenheitsgebrauch und Geschichtssymbolismus in der Geschichtsschreibung der Karolingerzeit // *Ideologie e pratiche del reimpiego nell'alto Medioevo: 16–21 aprile 1998. T. 1 (Settimane di studio del Centro Italiano di studi sull'alto Medioevo. 46).* Spoleto. P. 177–225.

Hesse S., Hofmann K.P., 2006. Der mehrperiodige Fundplatz Wittorf, Stadt Visselhövede // *Archäologie im Herzen des Elbe-Weser-Dreiecks (Archäologische Berichte des Landkreises Rotenburg (Wümme). 13).* Oldenburg. S. 91–108.

Hvass S., 1983. Vorbasse. The Development of a Settlement through the First Millenium A.D. // *Journal of Danish Archaeology. 2.* P. 127–136.

Hvass S., 1986. Vorbasse – Eine Dorfsiedlung während des 1. Jahrtausends n. Chr. in Mitteljütland, Dänemark // *BRGK. 67.* S. 529–542.

Jöns H., Müller-Wille M., 2015. The early phase of Slavic settlement in the south-western Baltic coastal area – current research in the area between the Bay of Kiel and the Oder River // *Archaeologia Polona. 48.* P. 197–228.

Jöns H., Schneeweiß J., 2013. Frühe Slawen – Einwanderung, früheste Nachweise ländlicher Siedlungen. Einleitung und Diskussion // *Slawen an der unteren Mittelelbe. Untersuchungen zur ländlichen Besiedlung, zum Burgenbau, zu Besiedlungsstrukturen und zum Landschaftswandel. Beiträge zum Kolloquium vom 7.-9. April 2010 in Frankfurt a. M. (Frühmittelalterliche Archäologie zwischen Ostsee und Mittelmeer. 4) / Hrsg. K.-H. Willroth, H.-J. Beug, F. Lüth, F. Schopper, S. Messal, J. Schneeweiß.* Wiesbaden: Reichert-Verlag. S. 35–38.

Keramik i Sydsverige: en handbok för arkeologer, 2002. (Lund University. Institute of Archaeology report series 81. Monographs on Ceramics. 1) / Ed. A. Lindahl. Lund: Bloms Boktr. 169 p.

Laux F., 1997. Studien zur frühgeschichtlichen Keramik aus dem slawischen Burgwall bei Hollenstedt, Ldkr. Harburg // *Hammaburg N.F. 11.* S. 5–183.

Messal S., 2011. Zur slawischen Keramik des Typs „Glienze“ // *Der Wandel um 1000. Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte der 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumforschung in Greifswald, 23. bis 27. März 2009 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. 60) / Hrsg. F. Biermann, T. Kersting, A. Klammt.* Langenweißbach: Beier und Beran. S. 347–359.

Nösler D., Wolters S., 2009. Kontinuität und Wandel – Zur Frage der spätvölkerwanderungszeitlichen Siedlungslücke im Elbe-Weser-Dreieck // *Dunk-*

le Jahrhunderte in Mitteleuropa? Tagungsbeiträge der Arbeitsgemeinschaft Spätantike und Frühmittelalter (Studien zu Spätantike und Frühmittelalter. 1) / Hrsg. O. Heinrich-Tamaska, N. Krohn, S. Ristow. Hamburg. S. 367–388.

Ruchhöft F., 2008. Vom slawischen Stammesgebiet zur deutschen Vogtei. Die Entwicklung der Territorien in Ostholstein, Lauenburg, Mecklenburg und Vorpommern im Mittelalter (Archäologie und Geschichte im Ostseeraum. 4). Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf. 258 S.

Saile T., 2007. Slawen in Niedersachsen. Zur westlichen Peripherie der slawischen Ökumene vom 6. bis zum 12. Jahrhundert (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte. 30). Neumünster: Wachholtz-Verlag. 296 S.

Saile T., 2009. Aspekte des Grenzbegriffs in den frühgeschichtlichen Elblanden // *Grenzen in Archäologie und Geschichte (Archäologische Berichte des Landkreises Rotenburg (Wümme). 15) / Hrsg. St. Hesse.* Oldenburg. S. 121–163.

Šalkovský P., 2001. Häuser in der frühmittelalterlichen slawischen Welt (Archaeologica Slovaca Monographiae. Studia Instituti Archaeologici Nitraensis Academiae Scientiarum Slovacae. 6). Nitra: Archeologický ústav slovenskej Akadémie vied. 190 S.

Schliemann H., 2000. Bericht über die Ausgrabungen in Troja in den Jahren 1871 bis 1873. Düsseldorf: Artemis und Winkler. 311 S.

Schneeweiß J., 2010a. Neue Überlegungen zur Lokalisierung von Schezla // *Archäologische Berichte des Landkreises Rotenburg (Wümme). 16.* S. 119–161.

Schneeweiß J., 2010b. Eine Heiligenfibula aus Vietze-Höhbeck, Lkr. Lüchow-Dannenberg, an der Ostgrenze des Fränkischen Reiches // *Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Callmer (Internationale Archäologie. Studia honoraria. 31) / Hrsg. C. Theune, F. Biermann, R. Struwe, G.H. Jeute.* Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf. S. 251–262.

Schneeweiß J., 2011. Die Datierung des Höhbeck-Kastells an der Elbe // *Der Wandel um 1000. Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte der 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumforschung in Greifswald, 23. bis 27. März 2009 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. 60) / Hrsg. F. Biermann, T. Kersting, A. Klammt.* Langenweißbach: Beier und Beran. S. 371–377.

Schneeweiß J., 2012a. Normannen, Dänen, Wikinger, Waräger. Eine vergleichende historisch-ar-

chäologische Betrachtung zwischen Normandie, unterer Elbregion und Novgorod zur Wikingerzeit // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 40. S. 99–125.

Schneeweiß J., 2012b. Neues vom Höhbeck-Kastell // Nachrichten aus Niedersachsens Urgeschichte. 81. S. 81–110.

Schneeweiss J., Schatz T., 2014. The impact of landscape change on the significance of political centres along the lower Elbe River in the 10th century A.D. // Quaternary International. 324. P. 20–33.

Schuchhardt C., 1921. Slavische Scherben aus dem Jahre 810 n. Chr. // Festschrift Adalbert Bezzenberger zum 14. April 1921 dargebracht von seinen Freunden und Schülern. Göttingen. S. 140–143.

Schuldt E., 1956. Die slawische Keramik in Mecklenburg (Schriften der Sektion für Ur- und Frühgeschichte. 5). Berlin: Akademie-Verlag. 74 S.

Schuldt E., 1964a. Slawische Töpferei in Mecklenburg (Bildkatalog des Museums für Ur- und Frühgeschichte Schwerin. 7). Schwerin: Museum für Ur- und Frühgeschichte. 74 S.

Schuldt E., 1964b. Die slawische Keramik von Sukow und das Problem der Feldberger Gruppe // Jahrbuch für Bodendenkmalpflege in Mecklenburg, 1963. S. 239–262.

Steuer H., 1974. Die Südsiedlung von Haithabu. Studien zur frühmittelalterlichen Keramik im Nordseeküstenbereich und in Schleswig-Holstein (Die Ausgrabungen in Haithabu. 6). Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 230 S.

Steuer H., 1975. Die frühgeschichtliche Siedlung bei Liebenau, Kr. Nienburg (Weser). I. Frühmittelalterliche Keramik aus der Siedlung Liebenau // Nachrichten aus Niedersachsens Urgeschichte. 44. S. 199–244.

Struckmeyer K., Schneeweiß J., Brandt J., Hesse S., Nösler D., 2016. Archäometrische Untersuchungen sächsisch-slavischer Keramik im nordöstlichen Niedersachsen – erste Ergebnisse und Perspektiven // Archäologisches Korrespondenzblatt. 46. S. 517–538.

Tempel W.-D., 2006. Die Ausgrabungen in Witorf, Landkreis Rotenburg (Wümme), und die Sachsenkriege Karls des Großen // Zur Archäologie in Norddeutschland (Beiträge für Wissenschaft und Kultur. 7) / Hrsg. W. Budesheim, H. Keiling. Wentorf bei Hamburg. S. 45–62.

Thieme W., 2004. Ausgrabungen im Sandabbau bei Daerstorf, Gemeinde Neu Wulmstorf, Ldkr. Harburg // Archäologie Land Niedersachsen. 25 Jahre Denkmalschutzgesetz – 400000 Jahre Geschichte (Archäologische Mitteilungen aus Nordwestdeutschland, Beiheft. 42) / Hrsg. M. Fansa, F. Both, H. Haßmann. Oldenburg. S. 378–384.

Wegewitz W., 1968. Reihengräberfriedhöfe und Funde aus spätsächsischer Zeit im Kreis Harburg (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte. 10). Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 126 S.

Keramik als Zeugnis von Identität und Kulturtransfer? Das Beispiel der sächsischen und slawischen Keramik vom 8.-10. Jh. im unteren Elbgebiet

J. Schneeweiß (Sankt Petersburg/Göttingen)

Schlüsselwörter: Keramik, Sachsen, Slawen, Elbe, Grenzen.

Im Frühmittelalter überschritten sich im unteren Elbgebiet mehrere große Kulturräume. Der sächsisch-fränkischen Welt, seit dem 9. Jahrhundert mit dem Karolingerreich, standen die slawische Welt und im Norden die wikingische Welt gegenüber. Diese Überschneidungs- und Grenzsituation macht die Region für Fragen der Identität und des Kulturtransfers interessant. In der Hühbeck-Region an der Elbe gelang es, archäologische Befunde mit Ereignisgeschichte aus den Schriftquellen zu verbinden. Die sächsische Besiedlung kam hier im 9. Jahrhundert unter fränkischer Herrschaft, bevor die Region wenig später von Slawen erobert und besiedelt wurde. Es wird der Frage nachgegangen, inwieweit sich in der archäologisch greifbaren Sachkultur diese Vorgänge widerspiegeln und ob sich, davon ausgehend, die Siedlungskeramik als Anzeiger von Ethnizität bzw. Identitäten eignet. Grundsätzlich zeichnet sich die Sachkultur des 7./8. Jahrhunderts sowohl im sächsischen als auch im slawischen Siedlungsgebiet vor allem durch Schlichtheit aus. Besonders für die Frühzeit bis ins 9. Jahrhundert lassen sich viele Gemeinsamkeiten finden. Der Fundplatz Meetschow wird mit dem Grenzhandelsort Schezla in Verbindung gebracht. Der Keramikkomplex aus Meetschow alias Schezla umfasst sowohl typische slawische Gefäße des Sukower Typs als auch typische sächsische Gefäßformen. Darüber hinaus fallen etliche „hybride“ Gefäße auf, die zwischen den Gruppen stehen. Das Vorkommen von solchen Hybridformen spricht dagegen, Keramik als Identitätsmarker anzusehen. Wenn Keramik als Kennzeichen von Ethnizität verstanden wird, so verlangt das nach einer gesonderten Erklärung. Fragen nach Identität und Kulturtransfer sollten grundsätzlich in größerem Zusammenhang und niemals nur anhand von Keramik oder einzelnen Funden diskutiert werden.

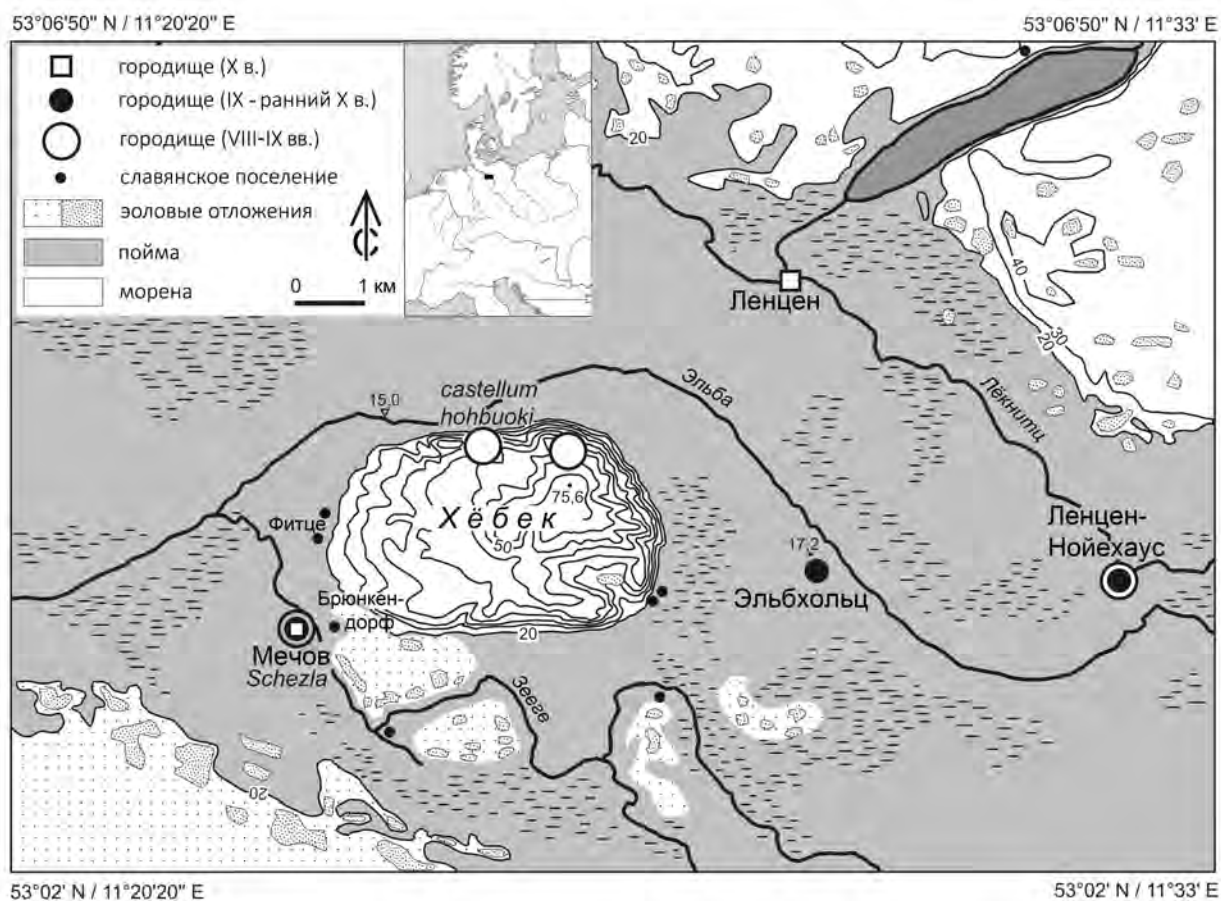

Рис. 1. Раннесредневековые памятники на упрощенной геоморфологической карте региона Хёбека на Средней Эльбе. По: Schneeweiss, Schatz, 2014, Fig. 2.

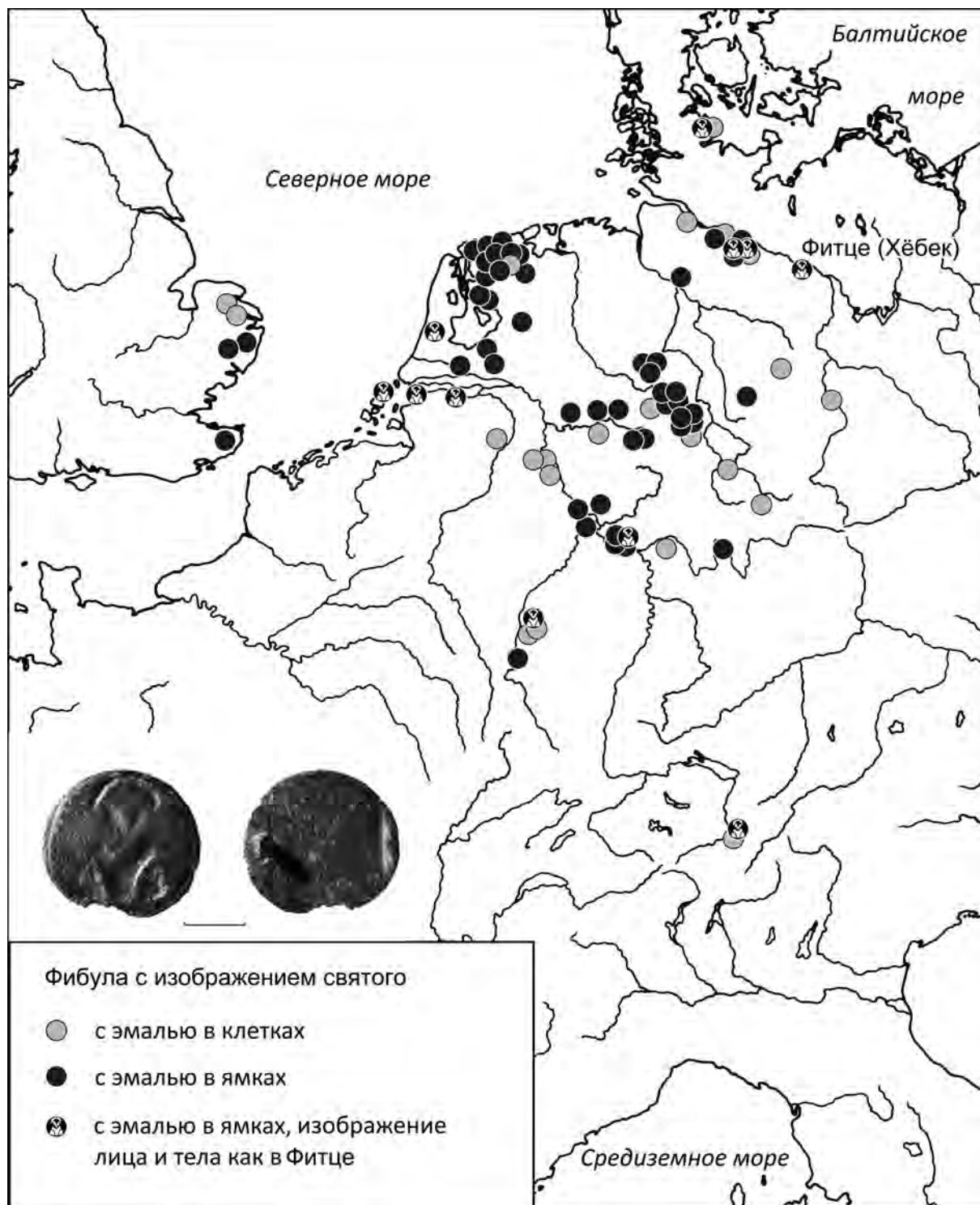

Рис. 2. Распространение фибул с эмалью с изображением святого. По: Schneeweiß, 2010b, Abb. 4.

Рис. 3. Примеры керамики разных типов с саксонского поселения (Щесла) в Мечове.
1 – «саксонский» сосуд; 2 – «гибридный» сосуд; 3 – «славянский» сосуд типа Зуков.

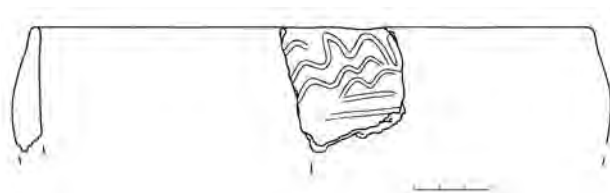

Рис. 4. «Славяноидный» сосуд с саксонского поселения (Щесла) в Мечове.

От археологических данных к историческим реконструкциям

Происхождение некоторых элементов погребального обряда эстиев

В.И. Кулаков (Москва)

Ключевые слова: погребальный обряд, Янтарный берег, эпоха римского влияния.

Погребальный обряд является одним из важнейших элементов, характеризующих археологическую культуру. Современные российские археологи в определении культурной принадлежности древностей эстиев пользуются терминологией основоположника наших послевоенных знаний о западных балтах варшавского археолога Ежи Окулича, предложившего в 1973 г. именовать их в целом для юго-восточной Балтии западнобалтской культурой. В соответствии с региональными особенностями эта культура разделяется на группы, самой северо-западной из которых является самбийско-натангийская группа (СНГ) (Okulicz, 1973, s. 353, 367, гус. 1). Основной чертой погребальной обрядности СНГ современник Ежи Окулича Ян Ясканис, крупнейший в послевоенное время исследователь могильников западных балтов, определял трупосожжение, производившееся на стороне (Jaskanis, 1974, s. 254).

В нынешней польской археологической науке терминология, предложенная Е. Окуличем, уже забыта, как и многое из его научного наследия. Вместо «западнобалтская культура» древности эстиев по инициативе В. Новаковского (кстати, ученика Е. Окулича) именуется «культура Dollkeim/Kovrowo» (Nowakowski, 1996, S. 48–54) по названию грунтового могильника, расположенного в северной части полуострова Самбия. Он был частично раскопан в 1879 г. О. Тишлером, использовавшим его материалы для составления хронологической системы древностей эстиев и всего Барбарикума римского времени. Однако при детальном рассмотрении материалов этого

считающегося для Самбии эталонным памятника можно сделать неожиданный вывод. Погребения, вскрытые на могильнике Dollkeim/Коврово как в конце XIX в., так и в начале XXI в., не содержат типичных для западных балтов эпохи римского влияния находок (например манжетовидных браслетов или булавок с навершиями различных форм). Единственным слабым свидетельством в пользу возможного присутствия балтского этнокультурного элемента здесь являются единые каменные кладки над несколькими урновыми кремациями – пережиток семейных подкурганых гробниц автохтонного населения эпохи раннего железа (Кулаков, 2003, с. 59). В остальном же могильник Dollkeim/Коврово не создает впечатления типично западнобалтского. В связи с этим следует признать, что термин «культура Dollkeim/Kovrowo» неудачен для определения древностей эстиев, оставленных, как считается, западными балтами (Витязь, Кулаков, 2007, с. 6). Тем не менее в польской литературе и в работах некоторых российских авторов (Хомякова, 2014, с. 170) сегодня употребляется именно это ошибочное название.

Изучению погребального обряда эстиев в современных исследованиях, развивающихся в основном по пути вещеведческого анализа, уделяется недостаточное внимание. Попытаемся подробнее рассмотреть то немногое, что нам известно о специфике обряда обитателей Янтарного берега в римское время.

Трупоположения с северной ориентировкой. Я. Ясканис считал, что трупоположение с север-

ной ориентировкой, без каких-либо логических оснований и предпосылок появившееся в СНГ в начале нашей эры, представляет собой результат кельтского и (что менее вероятно) римского влияния (Jaskanis, 1974, S. 254, 268). В старой прусской археологической школе укрепилось мнение о том, что представленность на Самбии и в Натангии ингумаций с северной ориентировкой в раннеримское время свидетельствует о заметном присутствии в среде эстиев древнегерманского этнокультурного элемента (Gaerte, 1928).

На конец XX в. в Калининградской области, за границы которой ареал СНГ не выходит, насчитывалось не более 35 грунтовых могильников, на которых труположения, составлявшие примерно пятую часть от общего числа захоронений, сочетались с трупосожжениями. Отдельные могильники (даже участки на могильниках) с труположениями в СНГ неизвестны. Как правило, скелет в погребении располагается на спине, руки находятся на бедрах или скрещены на костях таза, череп теменем ориентирован на север или в «сходных направлениях» (Jaskanis, 1974, s. 131). Из-за повышенного содержания щелочей в глинистых грунтах Самбии несожженные кости в ингумациях римского времени сохраняются крайне плохо (иногда единственной антропологической находкой в могиле является эмаль зубов), поэтому зачастую неясно, комплектным был скелет, или происходило ритуальное повреждение костей при церемонии погребения. Уникальный случай обнаружения следов такой церемонии – спиленная часть несожженного черепа человека – отмечен в погребении Н-224 могильника Гора Великанов (южная окраина г. Rantau/Пионерский, Зеленоградский район) (Кулаков, 2014, с. 232).

Для вельбарских могильников, фиксируемых в восточной части дельты р. Висла, по периметру Эльблонгской возвышенности (остров Гепедойос Йордана), на фазах В₂–С₂ характерен биритуализм, включающий ингумации с северной ориентировкой. Ярким примером этого являются погребения могильника Elbing/Elbląg, Scharnhorststrasse/ul. Lotnicza (Neugebauer, 1938, S. 107–112). Размещение археологических памятников с древнегерманскими чертами в обрядности и инвентаре привело Вильгельма Герте к мысли о том, что в римское время «гото-гепиды» занимают юго-западную часть бассейна р. Alle/Łyna/Лава, переходя традиционную германо-балтскую границу в среднем течении р. Passarge/Pasłęk (Gaerte, 1932, Abb. 1). Современные польские археологи подтвердили этот неожиданный вывод, выявив

продвижение на фазе С₁ носителей вельбарской культуры на правобережье р. Passarge/Pasłęk находкой на могильнике Wormditt/Orneta сосудов типа RW VIA и XVIIIА, фибулы с подогнутой ножкой (?), капсулообразной подвески-буллы и ложковидного наконечника ремня. На этапе С₃–D вельбарцы, как считается, вновь возвращаются на левый берег р. Passarge/Pasłęk (Cieśliński, Nowakowski, 2005, S. 261).

Самбийские погребальные древности II–I вв. до н.э. характеризуются курганами с каменными кладками, перекрывающими трупосожжения (культура западнобалтийских курганов). «Уже на фазе В₁ древности Самбии как по обряду (ингумация), так и по инвентарю не имеют ничего общего ни с более ранними местными древностями, ни с культурами соседних балтских племен» (Кулаков, 2004, с. 101).

На сегодняшний день существуют две точки зрения относительно интерпретации перемен в погребальной обрядности населения юго-восточной Балтии в раннеримское время. В. Новковский считает, что несмотря на изменение обряда и появление в I в. на Самбии биритуализма соответствующий местному населению этноним «эстии» равнозначен «западным балтам» (Nowakowski, 1990, s. 90–96).

Согласно мнению М.Б. Щукина, появление биритуализма в Балтии стало результатом прибытия на остров Энигию в устье р. Вислы (по Плинию Старшему) групп венедов, покинувших свой мир романизированных кельтов в Подунавье в надежде на участие в янтарной добыче и торговле (Щукин, 1998, с. 206). В западноевропейской археологии принято возводить идею погребения несожженных останков в Центральной Европе начала нашей эры к провинциально-римской традиции (Schulze, 1992, S. 205).

Аллохтонизм идеи труположений на Самбии подкрепляется встреченными с несожженными человеческими костями кельтскими по происхождению гривнами типа Navog (точнее, их дериватами) (Кулаков, 2015, S. 81–93) и их местными репликами, браслетами типа *armilla* (Кулаков, 2015, с. 183–192) и женскими поясами с ажурным орнаментом, изготовленными в стиле *opus interrabile* (Кулаков, 2016, с. 65–76). Неудивительно, в таком случае, что Тацит описывает своеобразные впечатления своих информаторов, встретивших на Янтарном берегу население, язык которого был якобы «близок к британскому» (Кулаков, 2004, с. 103). Они встретили людей, хорошо знакомых с кельтской культурой.

Каменные кладки в виде «курганов» варианта Walenta III. Одной из ведущих черт погребальной обрядности эстиев римского периода, частью внешней структуры их захоронений являются каменные кладки разной формы, перекрывавшие кремации и ингумации. Уже первые работы на памятниках Самбии показали, что над погребениями существовали каменные круги и камни типа Merkstein (рис. 1: 1). Более того, исследованиями В. Хенше на могильнике Гора Великанов установлено наличие каменных конструкций полусферической формы (Hensche, 1862, Taf. IV), весьма напоминающих небольшие курганные насыпи, массивы (фактически – крепиды античного облика) которых сформированы уложенными концентрически камнями (рис. 1: 2, 3). Правда, судя по соотношению урн и каменных кладок на рисунках В. Хенше, диаметр упомянутых кладок не превышал 1,5–2 м. Г. Девитц в середине XIX в. фиксировал на Горе Великанов кладки высотой до 1 м (Grunert, 1944, S. 23). В ряде случаев камни этих кладок были настолько массивны, что одному человеку поднять их было не под силу (Wittich, 1863, S. 80). Особенности внешней структуры грунтовых погребений СНГ начала нашей эры, слабо возвышавшихся над поверхностью земли, создали, тем не менее, впечатление курганных насыпей не только у археологов-любителей XIX в., но и у серьезного исследователя погребального обряда Я. Ясканиса, писавшего: «В раннеримском периоде курганы существуют в северо-западном регионе, на полуострове Самбия и ... в северо-восточной части Мазурского Поозерья» (Jaskanis, 1974, s. 71). Другой титан западнобалтской археологии – Е. Окулич – датировал эти «курганы» временем не позже II в. (Okulicz, 1973, s. 367). С предвоенных лет в литературе укрепилось мнение о том, что курганный обряд преимущественно «курганы» перекрывают урновые кремации, трупоположения под ними крайне редки (Кулаков, 2003, с. 50, 51)) продолжает существовать в виде пережитков эпохи раннего железа и в раннеримское время. Наличие под такими насыпями трупоположений объясняется влиянием соседних культур, расположенных на территориях современных Польского Поморья и Литовского Взморья (Gaerte, 1929, S. 147). В Польше эта точка зрения поддерживалась еще совсем недавно (Nowakowski, 1996, S. 62). Даже некоторые раскопанные в Новейшее время плоские грунтовые могилы (рис. 1: 4) продолжают ошибочно именоваться «курганами». Единственным исследователем, поставившим данную концепцию под сомне-

ние, стала известный специалист по древностям эпох бронзы и раннего железа Люция Окулич-Козарын, не видевшая связи между погребальными древностями Самбии конца I тыс. до н.э. и начала I тыс. н.э. (Okulicz, 1970, s. 155, 156). К сожалению, в современной русскоязычной литературе факту практически бесследного исчезновения курганной обрядности на Самбии в I в. н.э. внимание не уделяется (Хомякова, 2014, с. 170).

Еще в предвоенное время каменные кладки (как правило, округлой в плане формы), нередко сопровождавшиеся своеобразными «надгробиями» (камни типа Merkstein), были отмечены в ареале «гото-гепидских» древностей, занимавших на фазе B₂/C₁ левый берег р. Passarge/Pasłęk (Bohnsack, 1940, S. 23–25). Североевропейское происхождение упомянутых «надгробий» давно доказано (Chyżewska-Sułowska, 1978, s. 138). Во второй половине XX в. польские исследователи пришли к выводу, что к 150 г. на западном берегу дельты р. Вислы распространяется восходящий к скандинавской традиции обычай возведения «курганов» (эти насыпи минимально возвышались над уровнем почвы) с каменными вымостками. Один из вариантов таких «курганов» создавался следующим образом: после совершения захоронения оно окружалось по грунту кольцом из камней, диаметром не превышавшим 1,5 м. Затем погребение, которое представляло собой ориентированное на север трупоположение в деревянной колоде, перекрывалось каменной насыпью диаметром от 0,6 до 1,2 м. Подобное погребальное сооружение, удивительным образом напоминающее «курганы» эстиев начала нашей эры, в соответствии с типологией К. Валенты отнесено к варианту III (Walenta, 1980–1981, s. 52, 94). Таким образом, для конца II в. ясно происхождение «курганов» (без кавычек назвать таковыми каменные насыпи диаметром не более 2 м для археолога невозможно). Традиция сооружения подобных конструкций приходит к западным балтам с ограниченными контингентами германцев (Кулаков, 2003, с. 57), становясь своеобразным «импортом» элементов культовых воззрений.

Правда, вельбарские древности зоны А (дельта р. Вислы), пограничной с западнобалтским ареалом, характеризуются отсутствием оружия в погребениях мужчин-воинов (Bitner-Wróblewska, 2005, s. 38, 39), чего нельзя сказать о захоронениях эстиев. Этот феномен иллюстрируется примерами из могильников Dollkeim/Коврово и Schlakalken/Ярославское (рис. 2: 2; 3: 2). Присутствие в вельбарских или черняховских погреб-

бальных комплексах предметов вооружения объясняется пшеворским влиянием (Godłowski, 1986, S. 146). С другой стороны, готы, обитавшие на о. Готланд, на фазе B_2/C_1 активно используют труположение с северной ориентировкой (данную форму обряда северные германцы восприняли в латенскую эпоху от кельтов (Schulze, 1992, S. 204), помещая тела своих покойных соплеменников с оружием (мечи, наконечники копий, умбоны щитов) в каменные ящики (лат. *Cistae*) (рис. 3: 3) под насыпи высотой не более 0,3 м, сложенные из 1–2 слоев камня (Almgren, Nerman, 1923, S. 89). Учитывая эти прямые параллели самбийским ингумациям конца II в., следует с уверенностью полагать переселение части готландцев через устье р. Вислы и, соответственно, через вельбарский ареал на Самбию. С собой пришельцы принесли некоторые традиции погребальной обрядности, в том числе окружение каменного ящика круглой в плане каменной кладкой. Отсутствие на Самбии известняковых пород, пригодных для изготовления плит для погребальных ящиков, побудило аллохтонов, привыкших на Готланде к легко обрабатываемым глыбам известняка и сланца, перейти к сооружению указанных ящиков и каменных колец из валунов (рис. 3: 1, 2). В ареале А вельбарской культуры рудиментами каменных ящиков являлись деревянные «саркофаги», в которых покоились труположения с северной ориентировкой (Ehrlich, 1941, S. 127). Эта же черта отмечена у ингумаций фазы B_2/C_1-C_1 на Самбии (Кулаков, 2003, с. 50–54).

Ранние формы конских заупокойных жертвоприношений. Древности эстив на протяжении всего I тыс. н.э. в европейской археологии традиционно характеризуются наличием конских захоронений (Jaskanis, 1974, s. 171). Среди представителей современной литовской археологической школы возникло мнение о сохранении традиции погребения коней у пруссов вплоть до XIII в. (Shirouchov, 2012, p. 235–237). Однако отсутствие адекватных данных о находках в таких комплексах предметов, устойчиво датирующихся XII–XIII вв., показывает абсолютную несерьезность этого предположения.

До последнего времени не было никаких сведений о происхождении обряда конских захоронений в юго-восточной Балтии. Как и труположения, и каменные кладки варианта Walenta III, останки коней внезапно появляются на могильниках эстив на фазе B_2/C_1 . Лишь раскрытие архивалий, связанных с Prussia-Museum, произошедшее на рубеже II–III тыс. н.э., позволило подойти к ре-

шению этой проблемы. Один из древнейших случаев находки в погребальном комплексе останков коня – захоронение 1 грунтового могильника Schlakalken/Ярославское (Зеленоградский район). В каменном круге диаметром около 5 м находилась кладка прямоугольной формы размерами 1,6 x 1 м, также сложенная из камней (на чертеже Р. Гренца камни мелкие, на плане Г. Янкуна – более крупные и лежащие не впритык (рис. 3: 1, 2)). Последняя содержала плохо сохранившиеся кости (о сохранности костей на Самбии см. выше) труположения с северной ориентировкой. Умершего сопровождали: ланцетовидный наконечник копья, две (?) бронзовые фибулы типа AV,123, бритва, нож. В западной части круглой кладки, к юго-западу от человеческого скелета найдены обломки эмали зубов коня с двумя железными пряжками (рис. 3: 2) и удилами. Р. Гренц приводит дневниковые записи Г. Янкуна, описывавшего погребение 1: «Недалеко от кургана I (эпоха раннего железа. – К.В.) находится большая (каменная) кладка диаметром 5,0 м, в своем центре имевшая три слоя камней. В западной части (кладки) под нижним слоем были найдены отдельные зубы коня...» (Archiv R. Grenz). Судя по расположению остатков зубов, конь был ориентирован головой на юг (Jahkuhn, 1939, S. 245–260). По фибуле погребение 1 датируется фазой B_2/C_1 , т.е., 150–200 гг. (Кулаков, 2003, с. 73).

Данные архива Р. Гренца свидетельствуют, что на могильнике Schlakalken/Ярославское были вскрыты еще несколько сходных по обряду захоронений (погребение 29 – почти полная планиграфическая копия погребения 1 (Archiv R. Grenz)). Правда, останки коней в этих комплексах не отмечены. В любом случае ясно: обряд, фиксируемый на могильнике Schlakalken/Ярославское, указывает на прямую связь похороненных здесь индивидов с вельбарской культурой, так как, судя по планам, погребения по своей внешней структуре относятся к «курганам» варианта Walenta III (см. выше) и находят непосредственные аналогии в древностях Готланда (рис. 3: 3). Впечатление насыпи для реципиентов создавали каменные кладки, перекрывавшие могилы. Таким образом, получены неопровержимые доказательства древнегерманского происхождения обряда конского захоронения (скорее всего, жертвоприношения), распространившегося у эстив к концу II в. Наличие данного элемента погребальной обрядности у германцев в I в. давно признано (Müller-Wille, 1970/1971, S. 188). Самым ранним в юго-восточной Балтии, вероятно, является захоронение

коня, сопровождавшее воинское труположение в погребении 16 могильника Dolkkeim/Коврово, перекрытое мощной каменной кладкой (рис. 4: 1), относящейся к «курганам» варианта Walenta III. В стороне от нее найдены конский череп с пешней (наконечник сохи). По фибулам типов АП,42 и АП,61 (рис. 4: 2) этот комплекс, не имеющий ни одного вещевого индикатора западнобалтского происхождения, датируется фазой В₁, т.е., 0–80 гг. (Кулаков, 2004, с. 105).

Во II–III вв. удила, оголовье типа Vimose и, реже, наконечник сохи помещались вне урны, на краю могильной ямы (Кулаков, 2003, с. 81). Тем самым подчеркивалось вспомогательное значение деталей конского снаряжения, очень редко помещавшихся среди кальцинированных костей человека. Сам факт распространения кельтского по происхождению конского убора (оголовье

типа Vimose) на Самбии свидетельствует об инокультурном, «импортном» характере обряда захоронения коней в СНГ. В социальном отношении могилы эстиев, сопровождавшиеся такими захоронениями, принадлежали не «вождям», а воинам из их окружения (Кулаков, 2003, с. 85).

Итак, приведенные в статье примеры черт погребального обряда эстиев инокультурного и иноэтнического генезиса свидетельствуют о серьезных внешних инвазиях в среде населения Янтарного берега начала нашей эры. Германоязычные пришельцы с о. Готланд и из ареала вельбарской культуры, романизированные вены, будучи привлечены на Самбию перспективой участия в янтарной торговле, влились в местное общество, дополнив его обрядность элементами своих погребальных традиций и обогатив, таким образом, культуру эстиев.

Литература

- Витязь С.П., Кулаков В.И., 2007.** От автора и издателя // Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Институт истории НАН Беларуси. С. 6.
- Кулаков В.И., 2003.** История Пруссии до 1283 г. М.: Индик. 374 с.
- Кулаков В.И., 2004.** Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск: Издательство Института истории НАН Беларуси. 135 с.
- Кулаков В.И., 2014.** Hünenberg – «Гора Велликанов». Могильник III–IV вв. на севере Самбии // Światowit. Supplement Series B: Barbaricum. T. 10. Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad. S. 199–363.
- Кулаков В.И., 2015.** Браслеты типа *armilla* и змееголовые на северо-восточной границе Барбарикума // Stratum plus. № 4. С. 183–192.
- Кулаков В.И., 2016.** Самбийские пояса и их прототипы // Слово.ру: Балтийский акцент. Вып. 1. Калининград: БФУ им. И. Канта. С. 65–78.
- Скворцов К.Н., Ибсен Т., 2010.** Подкурганное захоронение всадника конца II в. н.э. на могильнике Берёзовка / Гросс Оттенхаген // Германия–Сарматия. Вып. II. Курск; Калининград: Издательство. С. 253–272.
- Хомякова О.А., 2014.** Культура Доллькайм-Коврово (самбийско-натангийская): подходы к дефинициям общности // РА. № 1. С. 163–172.
- Щукин М.Б., 1998.** Янтарный путь и вены // Проблемы археологии. Вып. 4. СПб.: СПбГУ. С. 198–208.
- Almgren O., Nerman B., 1923.** Die ältere Eisenzeit Gotlands. Stockholm: Andersson-Verlag. 152 S.
- Archiv R. Grenz.** Archäologische Landesmuseum Gottorf, Schleswig-Hollstein.
- Archiv der vor- und frühgeschichtlichen Sammlung des Prussia-Museums Königsberg in Ostpreußen, Signatur IXd8, PM-A 245/1, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin.**
- Bitner-Wróblewska A., 2005.** Suwalscy “pacyfiści”. Wpływ Gotów na obrządek pogrzebowy mieszkańców Suwalszczyzny w okrsie wędrówek ludów // Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu (Monumenta Studia Gothica. Vol. IV) / Pod red. D. Karczewskiego. Lublin: UMCS. S. 33–42.
- Bohnsack D., 1940.** Ostgermanische Gräber mit Steinpfeilen und Steinreifen in Ostdeutschland // Gothiskandza. H. 20. Gdingen. S. 21–26.
- Chyżewska-Sułowska M., 1978.** Kamienne stele nagrobne w rejonie Bałtyku w okresach późnolateńskim i rzymskim // Pomorania Antiqua. T. III. Gdańsk. S. 117–161.
- Cieśliński A., Nowakowski W., 2005.** Die Passarge – ein barbarische Rubikon. Entwurf einer Forschungsproblematik // Wasserwege: Lebensadern–Trennungslinien / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim, H. Friesinger. Neumünster: Wachholtz Verlag. S. 260–264.

Ehrlich B., 1941. Die Ausgrabungen des Städtischen Museums Elbing von 1936 bis 1939 // *Elbinger Jahrbuch*. H. 16, Elbing. S. 126–133.

Gaerte W., 1928. Skelettgräber zwischen Weichsel und Memel aus der römischen Kaiserzeit // *Festgabe für den 70-jährigen Gustav Kossina von Freunden und Schülern* (Mannus. Bd. VI. Ergänzungsband). Leipzig. S. 45–49.

Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreussen, Königsberg: Grafe und Unzer Verlag. 406 S.

Gaerte W., 1932. Die Ostgrenze der gotischen Weichselmündungs Kultur in den römischen Kaiserzeit // *Mannus*. Bd. 24. Leipzig. S. 26.

Godlowski K., 1986. Gegenseitige Beziehungen zwischen der Wielbark- und der Przeworsk-Kultur, Veränderungen ihrer Verbreitung und das Problem der Gotenwanderung // *Peregrinatio Gothica*. Polonia. 84/85. Vol. VII. Łódź. S. 141–149.

Grunert W., 1944. Vom Hünenberg bei Rantau, Kr. Samland // *Alt-Preußen*. 9. Jg. H. ½. Königsberg. S. 20–27.

Hensche W., 1862. Einiges zur Kenntnis der Todtbestattung bei den heidnischen Preussen // *SPÖG*. 2. Jg. Königsberg. S. 131–138.

Jahnkuhn H., 1939. Ein Gräberfeld der ersten Jahrhunderte u. Zr. aus Schlakalken, Kr. Fischhausen // *Prussia*. Bd. 22. H. II. Königsberg. S. 245–260.

Jaskanis J., 1974. Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I–V w.n.e.), Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum. 296 s.

Kulakov W., 2015. Halsringe von Typ Havor und ihre Derivate // *Acta Archaeologica*. Vol. 86. Issue 2. Kopenhagen. Dezember 2015. S. 81–93.

Müller-Wille M., 1970/1971. Pferdegrab und Pferdopfer im frühen Mittelalter // *Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek (ROB)*. Jaarg. 20–21. Amerforst: Rijksdienst voor Archeologie. S. 119–188.

Neugebauer W., 1938. Ein gotisch-gepidisches Gräberfeld in Elbing, Scharnhorststrasse // *Festschrift Bruno Ehrlich zum 70. Geburtstag* (Elbinger Jahrbuch. H. 15). Elbing: Comission Verlag. S. 107–114.

Nowakowski W., 1990. Ludy na północno-wschodnich skrajach Barbaricum: “Germania” Tacyta w świetle analizy źródeł archeologicznych // *Meander*. Bd. 2. H. 3. S. 90–96.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa: “Druk”. 169 S.

Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum. 588 s.

Okulicz Ł., 1970. Dzieje regionu mazursko-warmińskiego w I–VI wieku naszej ery // *Komunikaty mazursko-warmińskie*. Nr. 1 (107). Olsztyn. S. 147–162.

Schulze E., 1992. Zu den Grab- und Bestattungssitten in Mitteleuropa während der ersten Jahrhunderte n. Chr. // *Prähistorische Zeitschrift*. Bd. 67. Berlin: Akademie-Verlag. S. 187–211.

Shiroukhov R., 2012. Prussian graves in the Sambian peninsula, with imports, weapons and horse harnesses, from the tenth to the 13th century: the question of the warrior elite // *Archaeologia Baltica*. Vol. 18. Klaipėda. P. 224–254.

Walenta K., 1980–1981. Obrządek pogrzebowy w okresie późnolatenskim i rzymskim // *Archaeologia Baltica*. Vol. V. Klaipėda. S. 43–112.

Wittich, 1862. Bericht über die Construction einiger Samländischer Hügelgräber // *SPÖG*. 4. Jg. Königsberg. S. 79–82.

The origin of some elements of the funeral rite of the Aesthians

V.I. Kulakov (Moscow)

Key words: funeral rite, Amber coast, period of Roman influence.

The collected examples of the Aesthian funeral rite's features, which had an other-cultural and other-ethnic origin, indicate serious external invasions in the society of the Amber coast population at the beginning of AD. German-speaking aliens from Gotland and from the area of the Wielbark culture, the Romanized Venedas, being attracted to Sambia by the prospect of participating in amber trade, merged into the local society, giving traits of their funeral rites to local ritual traditions.

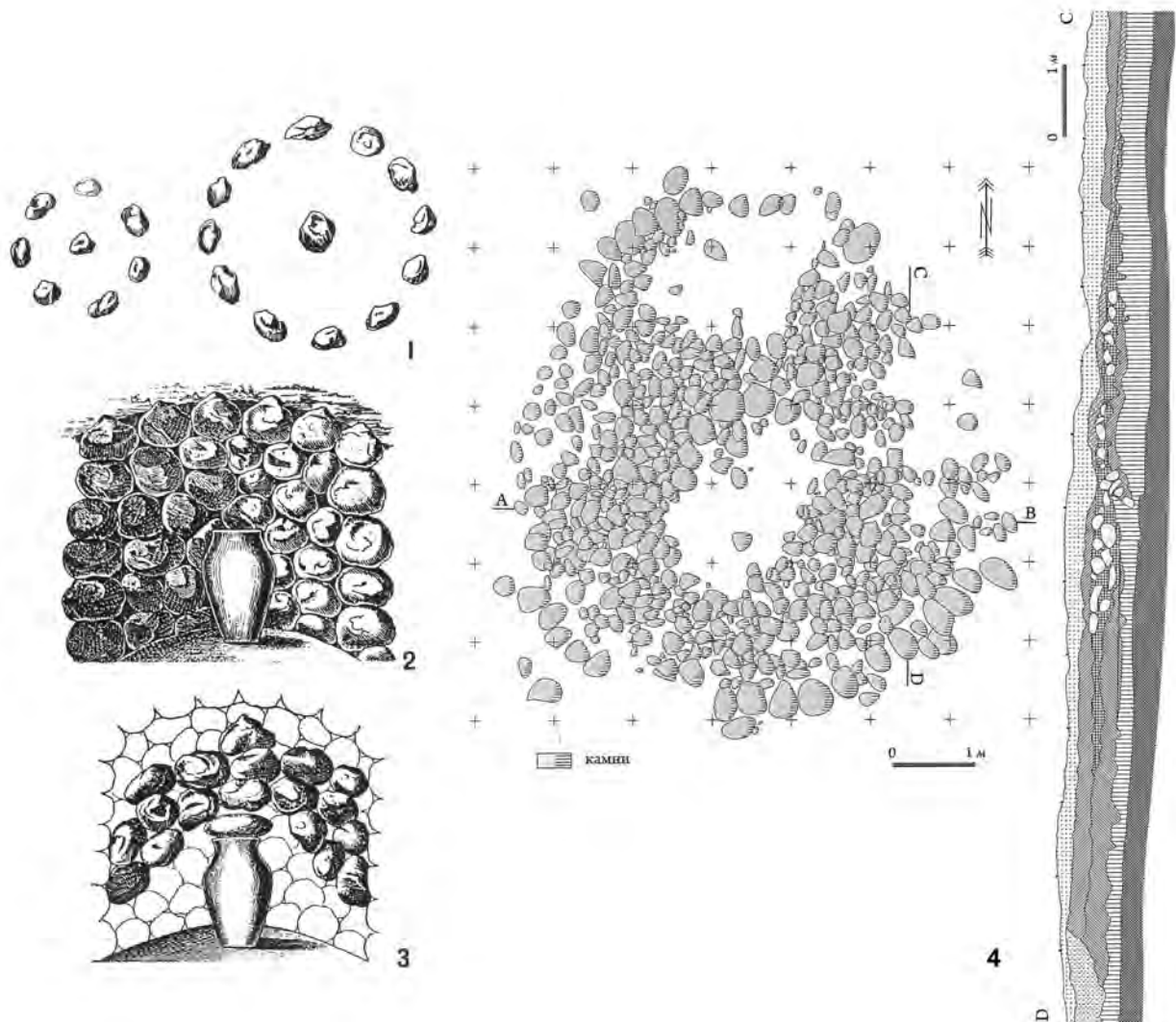
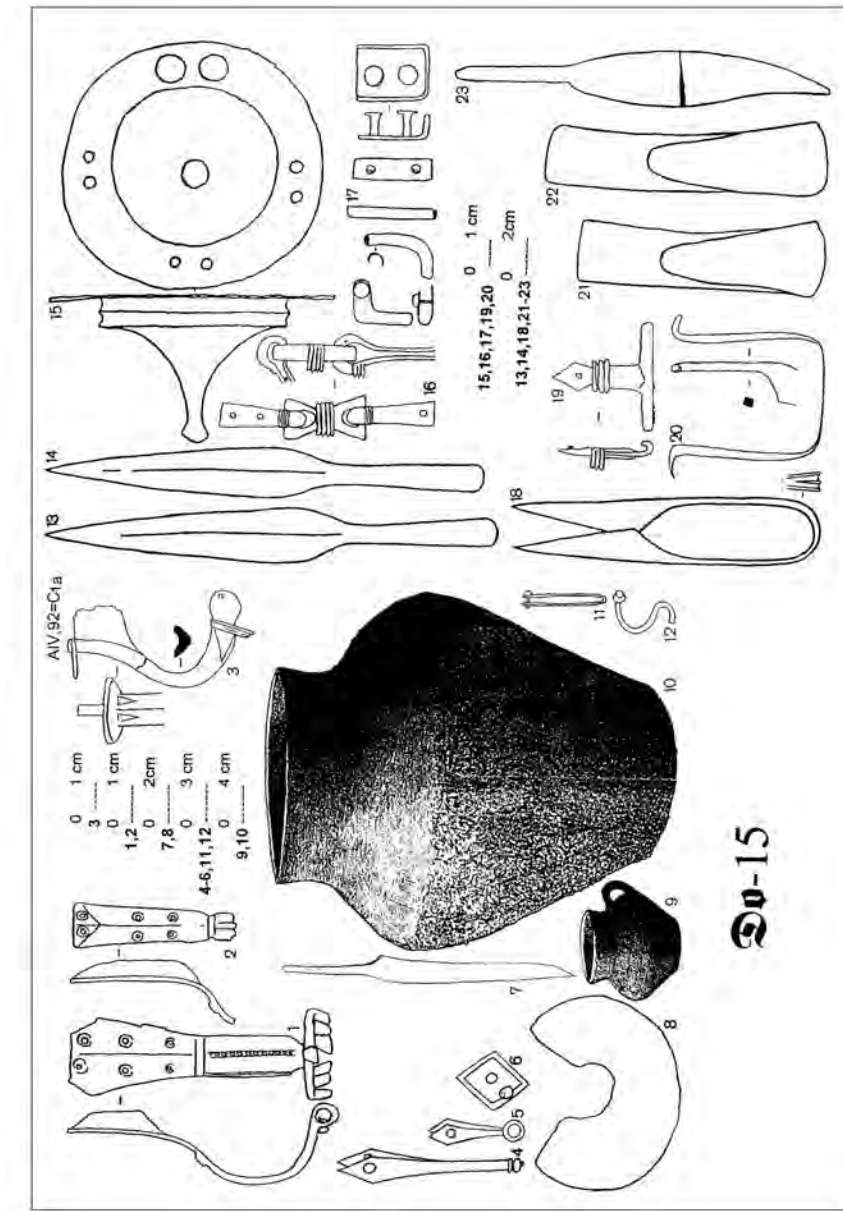

Рис. 1. Каменные сооружения над могилами эстиев.

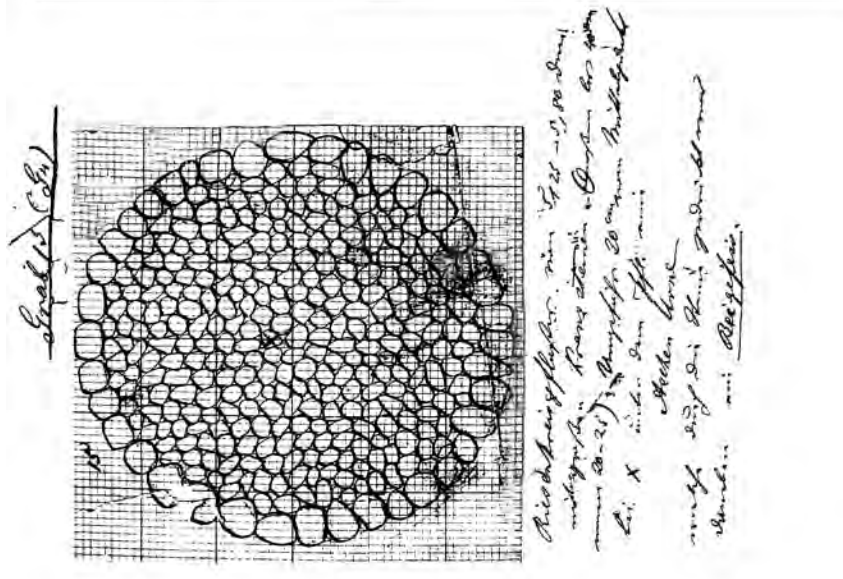
1 – два варианта каменных кругов (диаметром 3 и 6 «шагов»), обнаруженные В. Хенше на поверхности могильника Гора Великанов в середине XIX в.; 2 – сечение урновой кремации с каменной крепидой бортов могилы глубиной от 3 до 4 «шагов» на могильнике Гора Великанов; 3 – сечение каменной кладки с урной, перекрытой камнем, в центре погребения на могильнике

Гора Великанов; 4 – план и сечение грунтового погребения на могильнике Gr. Ottenhagen/Березовка, определенного К. Скворцовым и Т. Ибсенем как «курган».

1–3 – по: Hensche, 1862, Taf. IV; 4 – по: Скворцов, Ибсен, 2010, рис. 3.

2

1

Рис. 2. Документация погребения 15 могильника Dollkeim/Коврово.

1 – план каменной кладки над могилой; 2 – инвентарь погребения.

1 – по: Archiv der vor- und frühgeschichtlichen Sammlung...; 2 – по: Кулаков, 2004, рис. 17; 18.

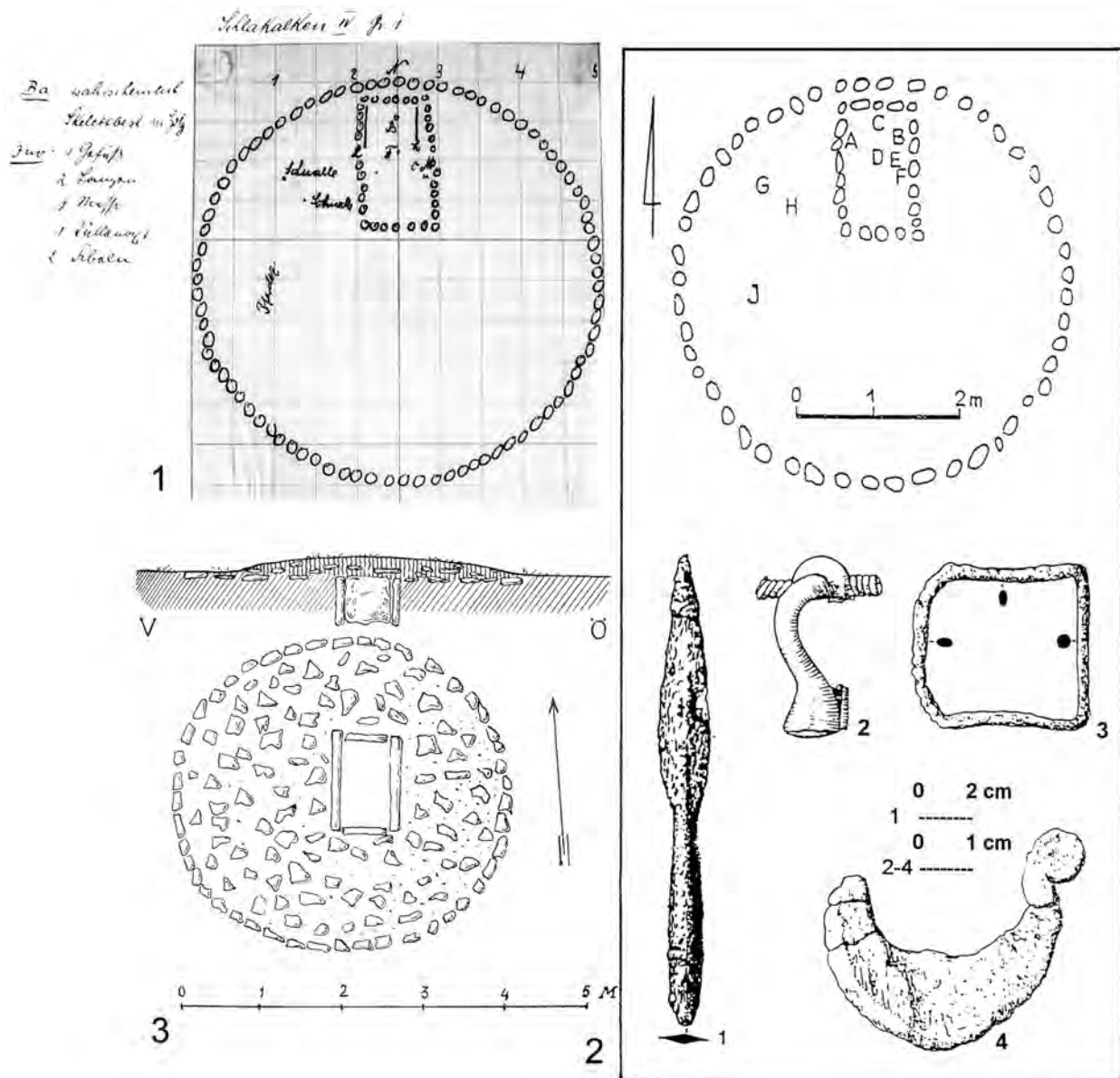

Рис. 3. Каменные кладки I в. н.э. на Самбии и Готланде.

1 – план погребения 1 могильника Schlakalken/Ярославское-IV; 2 – план и инвентарь погребения 1 могильника Schlakalken/Ярославское-IV; 3 – план и сечение погребения 14 могильника Knuts, Ksp. Vestkinde, Gotland.

1 – по: Archiv R. Grenz; 2 – по: Jahnkuhn, 1939, Taf. I, II; 3 – по: Almgren, Nerman, 1923, Textbild 155.

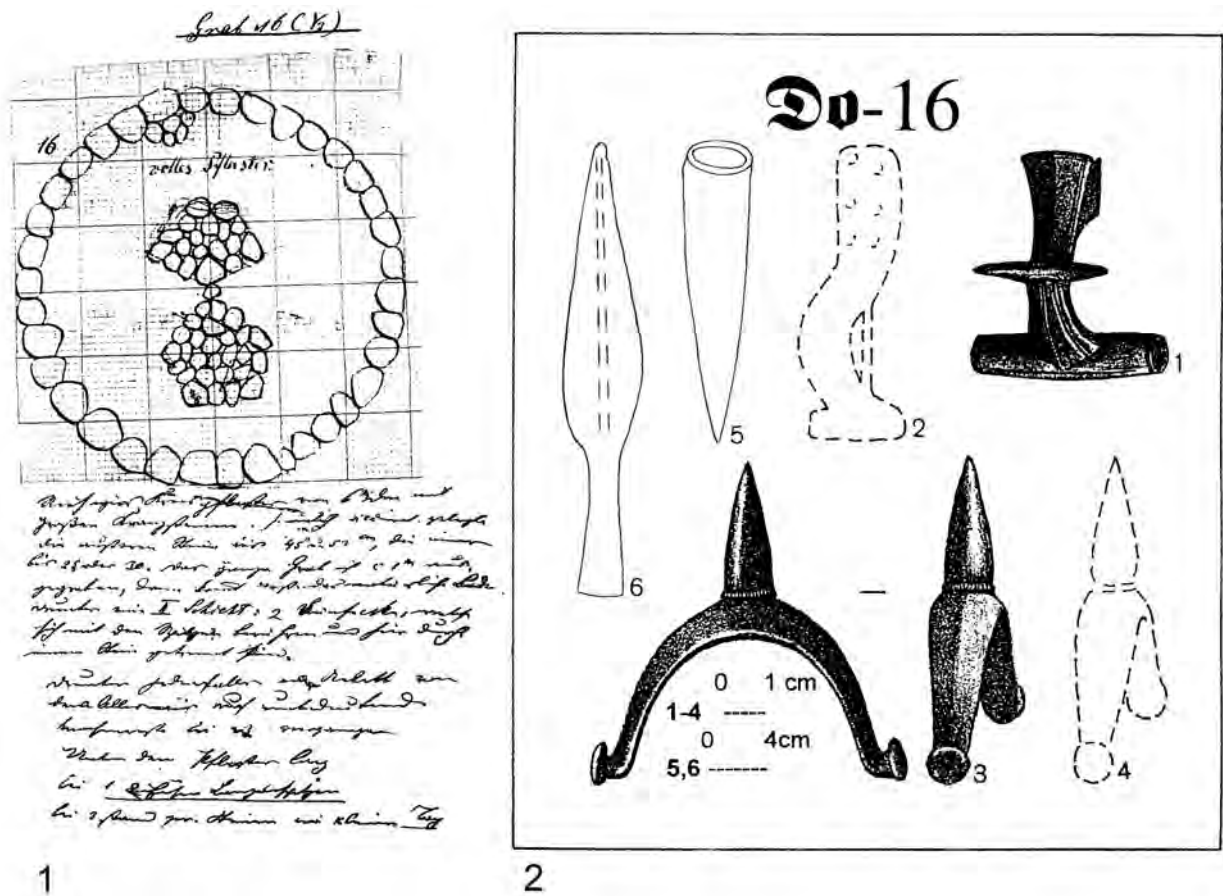

Рис. 4. Документация погребения 16 могильника Dollkeim/Коврово.

1 – план каменной кладки; 2 – инвентарь погребения.

1 – по: Archiv der vor- und frühgeschichtlichen Sammlung...; 2 – по: Кулаков, 2004, рис. 19.

О некоторых параллелях в погребальной обрядности «царских» гробниц Боспора III–IV вв. и «княжеского» захоронения Концешти

А.Г. Фурасьев (Санкт-Петербург)

Ключевые слова: Великое переселение народов, элитные погребения, Боспор, готы.

Богатое «княжеское» погребение в каменном сводчатом склепе, случайно обнаруженное в 1812 г. у бессарабского местечка Концешти, до сих пор остается эталонным памятником эпохи Великого переселения народов и играет ключевую роль в реконструкции процессов взаимодействия варварского и римского миров, протекавших на рубеже IV–V вв. на границе Центральной и Восточной Европы. Отметим основные публикации комплекса (Mazulevitch, 1929; Засецкая, 1994; Narhoiu, 1998; Казанский, 2014а). В настоящий момент подготовлено к печати полное монографическое издание коллекции находок из этого захоронения, хранящейся в Государственном Эрмитаже (Фурасьев, Шаблавина, в печати).

Инвентарь погребения в Концешти отчетливо разделяется на группы вещей различного происхождения, каждая из которых значима для датировки и этнокультурной интерпретации памятника. Первоначально были выделены две группы – варварская и римская (Mazulevitch, 1929, S. 123–124). Позже «варварский» блок оказался разбит на две части, одна из которых отражает гуннские традиции (Засецкая, 1994, с. 174–176), другая – германская, или, во всяком случае, связанная с оседлым населением. Во второй половине XX в., решая вопрос этнокультурной принадлежности комплекса, специалисты часто отдавали предпочтение какой-либо одной группе изделий, и исходя из этого делали итоговый вывод.

Более гибкий и продуктивный подход продемонстрирован М.М. Казанским. Он также рассматривает находки с морфологической и хронологической точек зрения, предлагает для них

этнокультурную атрибуцию, но не считает количественное преобладание вещей той или иной групп основанием для интерпретации всего комплекса. М.М. Казанский подчеркивает условность деления инвентаря погребения и тесное взаимодействие всех трех выделенных традиций в рамках единой культуры варварской элиты римского пограничья в эпоху Великого переселения народов (2014а, с. 313–329; 2014б, с. 31–32). Комплексный историко-археологический анализ материала позволил ему сделать важный вывод о том, что истоки этой синкретичной культуры следует искать в северо-понтийском регионе, на Боспоре и в Северо-Восточном Причерноморье. Новые исследования материалов из Концешти предоставляют дополнительные аргументы в поддержку данного вывода (Фурасьев, 2016б).

Еще раз обозначим вкратце рассматриваемые группы вещей.

Первая – предметы позднеимперского производства. Она включает все серебряные изделия: шлем с облицовкой, складной стул (рис. 1: 1)¹, парадную посуду – ситулу, амфору (рис. 1: 2), блюдо и фрагмент кувшина (Засецкая, 1994, табл. 20, 21). Их датировка, по единодушному мнению исследователей, укладывается в период от начала IV до начала V в. В данный блок следует добавить и золотые украшения, выполненные в технике клуазоне (Засецкая, 1994, табл. 19: 1, 2), в частности, поясные наконечники и накладку-орла римского (ранневизантийского) производства (Arrhenius, 1985, p. 119).

¹ Все рисунки к статье А.Г. Фурасьева см. на цветной вклейке.

Вторая – предметы, принадлежавшие кочевому населению европейских степей. Украшения уздечных ремней в полихромном стиле, а также обкладки с чешуйчатым штампованным орнаментом, изготовленные из золотой фольги, функционально связаны с конским снаряжением (Засецкая, 1994, с. 174–175, табл. 19: 3–6, 11–13, 15, 16). Часть полихромных накладок – узкие дуговидные шириной 10–11 мм – вероятно, принадлежала не уздечному набору, а использовалась для декорирования седла (рис. 2: 2, 3). Другая часть – прямоугольные шириной 14–15 мм – несомненно, украшала уздечные ремни (рис. 2: 1). Такие накладки в гуннских памятниках Европы часто встречаются большими комплектами вместе с деталями узды и удилами (см. например: Засецкая, 1994, табл. 1; 11; Tomka, 1986, Abb. 4–10). Все накладки изготовлены из гладкой бронзовой пластины, обтянутой золотой фольгой. Орнамент на фольге в виде рубчатых ободков сформирован при помощи рифленой проволоки, закрепленной на пластинке-основе. Фольга обжималась поверх проволоки (Фурасьев, Шаблавина, в печати), фрагменты которой сохранились на некоторых предметах (рис. 2: 3).

Полихромные накладки относятся к древностям раннего гуннского времени, определяемого в Восточной Европе в целом в пределах конца IV (после 375 г.) – первой половины V в. (Засецкая, 1994, с. 129–130). Сочетание датировок вещей второй группы и предметов римского производства дает основание сузить хронологические рамки комплекса до последней четверти IV – начала V в. (Искусство Византии..., 1977, с. 56; Bloşiu, 1974, s. 77, 80; Effenberger et al., 1978, S. 33, 136–137). Чуть более ранним отрезком, последней четвертью IV в. или финалом периода D1, датирует погребение М.М. Казанский (2014а, с. 328). Я присоединяюсь к его точке зрения.

Третья группа инвентаря не играет важной роли при определении хронологии памятника, но обладает первостепенным значением для его этнокультурной атрибуции и изучения истоков зафиксированного в Концешти погребального обряда. Данный блок находок, как и конструкция могильного сооружения (каменный склеп), как справедливо отметил М.М. Казанский, по происхождению тесно связаны с традициями элиты греко-варварского населения северо-понтийского региона, включая Крым, Тамань и Приазовье. По его мнению, в этот блок должны быть включены золотая гривна, листики от погребального венка и, предположительно, золотые бляшки-апликации (Казанский, 2014а, с. 300–302, 327–328).

Наши исследования позволили дополнить этот список. С дополнений и начнем.

1. Прямоугольная накладка из медной пластины, обтянутой золотым листком, с двумя вставками гранатов-гессонитов на концах (рис. 2: 4). Размеры 62 x 18 мм. По определению Е.А. Шаблавиной, рельефный декор накладки в виде рубчатых линий нанесен тиснением с оборотной стороны предмета при помощи металлического штампа-пунсона, произведенным уже после того, как пластина была обтянута золотом (Фурасьев, Шаблавина, в печати). Этот прием кардинально отличается от способа изготовления рассмотренных только что уздечных украшений гуннского типа и характеризует римское и ранневизантийское ювелирное дело (Минасян, Шаблавина 2009, с. 82–85).

О широком распространении такой техники в Северном Причерноморье свидетельствуют многочисленные уздечные наборы конца III – середины IV в. из Крыма и Нижнего Подонья с полихромным и тисненым декором серебряной облицовки. Большая часть их, по мнению исследователей, произведена на Боспоре. С помощью заранее подготовленного штампа-пунсона оттиснуты верхние декоративные пластинки (серебряные, позолоченные либо также обтянутые золотой фольгой), закрепленные затем штифтами на уздечных накладках, имеющих сложную составную конструкцию (Минасян, Шаблавина 2009, с. 82–85; Симоненко, 2013, с. 228; Шаров, 2012, с. 217).

Обратим внимание, что детали узды рассматриваемого типа (боспорского первой половины IV в.) фигурируют на серебряной вазе-амфоре из погребения в Концешти (рис. 1: 2), на что указал В.Ю. Малашев (2000, рис. 13Д). На сбруйных ремнях одной из лошадей четко изображены бляхи со вставками камней овальной и прямоугольной форм (рис. 1: 3), соответствующие некоторым накладкам уздечных наборов из Аджимушкая и Комарова (Симоненко, 2013, рис. 1–9). Вряд ли мастер был столь осведомлен о типах уздечных гарнитур Северного Причерноморья, скорее, здесь угадывается пожелание заказчика, хорошо знавшего подобные вещи.

Накладка из Концешти (рис. 2: 4) морфологически отличается от боспорских, но изготовлена с применением аналогичной техники. Не исключено, что эта вещь в какой-то степени отражает финал развития традиции уздечных наборов рассматриваемого типа в Причерноморье в конце IV в. Но возможно, что она, наоборот, является следствием трансформации гуннских уздечных накладок под влиянием позднеантичного ремесла.

Таким образом, в погребении из Концешти присутствуют детали уздечных наборов разных видов. Можно было бы предположить, что они составляли одну гарнитуру, сформированную из разнотипных вещей, или одна-две накладки по каким-то причинам были заменены в процессе использования. Однако, учитывая, что перед нами – одно из богатейших захоронений всего варварского мира Европы той эпохи, которое иногда интерпретируют как «королевское», от варианта с заменой первоначальных украшений на какие-то случайные придется отказаться. Даже королевскую лошадь не стали бы укладывать в могилу с «заштопанной» уздечкой. В погребении наличествуют два разных уздечных комплекта: гуннского типа и, условно говоря, поздне-северопонтийского (рис. 2).

2. Способом тиснения металлическим фигурным пунсоном, так же как и только что рассмотренное изделие, выполнены еще несколько предметов из Концешти. Это одна целая (58 x 24 мм) и семь фрагментов прямоугольных накладок (ширина 24 мм), от которых сохранились обкладки из золотой фольги (рис. 3: 1, 2), и фрагмент треугольной бляшки с частью медной основы-пластины размерами 22 x 22 мм (рис. 3: 3). Все они имеют орнамент в виде «елочки» – из рубчатых косых черточек, расходящихся от продольной центральной линии. Вероятно, и треугольная, и прямоугольные накладки выполнены с помощью одного пунсона, рабочая часть которого была сформирована из фрагментов рубчатой проволоки, собранных в «елочку» и напаянных на металлическую основу штампа. Оттиск производился с оборотной стороны изделий после того, как основа была обтянута золотым листом (Фурасьев, Шаблавина, в печати).

3. Мелкие нашивные бляшки-аппликации из золотой фольги с отверстиями: треугольная с круглыми штампованными выпуклостями размерами 11 x 11 мм – 1 шт. (рис. 4: 3); неправильной подпрямоугольной формы размерами 7–8 x 11–16 мм – 10 шт. (рис. 4: 4); фигурные размерами 20 x 13, 20 x 12, 27 x 17 мм – 3 шт. (рис. 4: 5). Предположительно они украшали погребальные покровы. В описании обстоятельств находки концештинской могилы упоминаются маленькие «золотые палочки» и «расшитая золотом туника» на скелете (Odobesco, 1889, p. 488). Л.А. Мацулевич первый интерпретировал «палочки» как остатки золотых бляшек-аппликаций (1934, с. 56), хотя никаких подтверждений этому до недавних пор не было. Наличие подобных изделий в Концешти долго находилось под вопросом (Казанский,

2014б, с. 327). Вопрос был снят нами в 2015 г. после изучения мелких золотых обрывков, входящих в состав коллекции (Фурасьев, 2015).

Большинство аппликаций из Концешти – нашивки нетипичных форм, отдаленно напоминающие бытовавшие в то время разновидности. Они были изготовлены, несомненно, специально для погребения, но не профессиональным ювелиром, поскольку вырезаны из тонкой гладкой фольги, а «классическая» штампованная только одна – треугольная (рис. 4: 3). Но отметим, что на памятниках понтийского региона более раннего времени нашивки, вырезанные ножницами, без орнамента – не редкость. Они зафиксированы, к примеру, в погребении с Золотой маской в Керчи (Тайна..., 2009, с. 145).

Золотые бляшки-нашивки – характерный элемент костюма горизонта Унтерзибенбрунн первой половины V в. (Мастыкова, Казанский, 2005, с. 259–261; Мастыкова, 2014, с. 136–137; Nothnagel, 2008, S. 197–198). Памятники данного горизонта отражают интернациональную культуру варварской «княжеской» элиты, сложившуюся на границе Римской империи и Барбарикума от Северного Причерноморья до Испании. Важнейшую роль в формировании этих древностей сыграла полиэтничная греко-сарматская культура, сложившаяся еще в эллинистическое время на территории юга России (Nothnagel, 2008, S. 77). Золотые нашивные украшения попадают в аристократический убор варваров Европы гуннского времени под влиянием моды оседлого населения позднеантичных центров Северного Причерноморья, в первую очередь Боспора и Танаиса, где обычай их использования в костюме существует непрерывно не только в первые века н.э., но и в позднеримское время (Kazanski, Mastukova, 2006, p. 292–293).

4. Три фрагмента овальных или миндалевидных пластин, вырезанных из гладкой фольги (рис. 4: 2). Их форма и размеры позволяют предположить, что это так называемые лицевые погребальные пластины – наглазники. Один из них реконструируется почти полностью из двух фрагментов и наиболее точно соответствует по типу хорошо известным аналогиям (рис. 4: 2а). Его размеры 50 x 17 мм. Второй чуть отличается контуром – возможно, это фрагмент не наглазника, а нагубника.

Данная погребальная традиция также связана с позднеантичным миром понтийской историко-культурной зоны. Захоронения с золотыми лицевыми пластинами распространены в первые

века н.э. на некрополях городских центров Причерноморья и в позднескифских могильниках Крыма (Дашевская, 1991, с. 39; Погребова, 1957). Особенно часто они встречаются в погребениях Херсонеса, и именно херсонесские пластины, несмотря на хронологический разрыв, наиболее близки по размерам и пропорциям концештинским (Зубарь, 1982, рис. 75: 2, 3, 5, 6, 9–11; Погребова, 1957, с. 148–149, табл. II: 2–8). В урочище Кубей (Одесская обл.) два аналогичных по размерам и форме наглазника найдены в засыпке гуннского погребения конца IV – начала V в. (Засецкая, 1994, с. 193, табл. 46: 1).

5. Золотая витая гривна из трех частично рифленых дротов с застежкой в виде петли и крючка из проволоки, отдельно припаянных к ее концам (рис. 3: 4). Аналогичная конструкция замка встречена на двух золотых гривнах из керченских склепов «24 июня 1904 г.» (Засецкая, 1993, с. 52, № 78) и на экземпляре из Обоянского клада, также имеющем боспорское происхождение, на что указал Л.А. Мацулевич (1934, с. 82–84, рис. 15–17). Несмотря на широкое распространение витых проволочных гривен в рассматриваемую эпоху, подобный замок, как отмечает М.М. Казанский, имеет близкие аналоги только на Боспоре (2014а, с. 301–302).

6. Золотые листики от венка, четыре экземпляра (рис. 4: 1). Размеры: 25 x 25 мм (а), 34 x 19 мм (б), 32 x 17 мм (в), 31 x 16 мм (г). На трех прослеживается орнамент в виде продольных «волокон», они имеют крючочек-петельку в основании. Четвертый (а) имеет форму, близкую к треугольной, с прямыми краями и широко расходящимися боковыми зубцами. Орнамент на нем не фиксируется, нет и крючка (рис. 4: 1а).

Погребальные венки хорошо известны в греко-римской традиции и широко представлены в позднеантичных боспорских склепах. В позднеантичное время наиболее часты подтреугольные листочки (Засецкая, 1993, табл. 12.21; 21; 54.288). Форма, приближенная к овальной, как у трех экземпляров из Концешти (рис. 4: 1, б–г), в эпоху Великого переселения народов встречается редко, она больше характерна для первых веков н.э. Таковы находки из погребений позднескифских некрополей в Крыму (Пуздровский, 2007, рис. 109: 1, 119: 1; Дашевская, 1991, табл. 66: 20). Аналогий, твердо датированных второй половиной IV – V в., для подобных листочков от венка найти пока не удалось.

Завершая обзор находок третьей группы, подчеркнем, что представленные в ней элементы пре-

стижной погребальной субкультуры (наглазники, венки-диадемы, бляшки-аппликации) характеризуют традиции населения многих городских центров средиземноморско-понтийской зоны в римское время. Однако вплоть до первой половины V в. проявления этой традиции сохранялись только в Северном Причерноморье, в первую очередь на Боспоре. В остальных областях позднеантичного мира они к тому времени уже ушли в прошлое. Это важный социокультурный показатель, свидетельствующий о большом значении, которое придавалось рассматриваемым чертам погребальной обрядности представителями варварской аристократии, включенными в сферу боспорской позднеантичной культуры. Итак, высокая оценка роли крымско-боспорского импульса в формировании концештинского комплекса, данная М.М. Казанским (2014а, с. 328), сегодня, с появлением новых данных, должна еще возрасти (Фурасьев, 2015, с. 173).

Напомню, что предположение о важной роли боспорского культурного импульса опиралось в меньшей степени на инвентарь захоронения в Концешти (венки, гривна и, предположительно, расшитые золотыми бляшками покровы) и в большей – на особенности погребального обряда. Это, прежде всего, наличие сводчатого склепа, стены которого сложены из каменных тесаных плит, и захоронение коня. Хотелось бы, однако, назвать и другие интереснейшие элементы обряда, которые до сих пор оставались либо не замеченными исследователями, либо не рассматривались как проявления какого-либо ритуала.

Первое – наличие в могиле предметов мебели. Присутствие в Концешти складного походного стула, собранного из серебряных трубок (рис. 1: 1), обычно оценивается как своего рода казус, он считается трофеем или просто предметом походного быта римского офицера, возможно, федерата, уложенным «заодно» со всем остальным серебром. Не исключается его принадлежность к некоему единому парадному или подарочному комплексу вместе с серебряной посудой (Harhoiu, 1998, S. 139–140). Обрядового значения этой вещи в могиле никто пока не придавал. Все известные аналогии ей в Европе происходят либо из случайных находок, либо из поселенческих слоев, либо лишены информации об археологическом контексте. Единственная достоверная находка серебряного римского стула в погребении сделана в Африке и датируется концом V в. Это царская могила Баллана (Казанский, 2014а, с. 308–309).

Вместе с тем огромный пласт материала составляют железные ташированные складные стулья римского времени и эпохи Меровингов из могильников Западной Европы. Основной период их бытования – V–VII вв., но известны они и в богатых «вождеских» захоронениях II–III вв. (Miks, 2009, s. 436–437; Mráv, 2013). При этом, поскольку стулья сделаны из железа и только плакированы тонким серебром, к категории особо дорогих и роскошных предметов их отнести нельзя. Следовательно, их помещение в могилы не связано с их ценностью или комплектностью каких-либо парадных наборов, а отражает некую устойчивую погребальную традицию.

Присутствие остатков мебели характеризует также богатые захоронения боспорского и, в целом, северо-понтийского региона. Здесь этот элемент обряда восходит к традициям еще скифского населения. Сводка находок из комплексов скифского времени и их анализ представлены в вышедшей недавно специальной работе (Болтрик, Фиалко, 2013). Интересно, что наибольшую часть предметов мебели в скифских погребениях составляют именно детали стульев, табуретов, тронов или неких «лож», и маркируют они богатые комплексы высшей знати VI–IV вв. до н.э. Находки более позднего периода, сарматского, в указанном исследовании не рассматриваются. Между тем они есть. Назовем, к примеру, облицовки ножек трона в знаменитом захоронении царицы в кургане Хохлач I в. н.э. (Засецкая, 2011, с. 235–236).

Особенно важно наличие остатков мебели в богатых боспорских гробницах, в частности, в уже упоминавшемся погребении с Золотой маской в Керчи, которое относится к рубежу III–IV вв. Здесь найдены массивные бронзовые ножки от трона или ложа (Тайна..., 2009, с. 162, 164). Предположительно как обкладки ручек (подлокотников) трона интерпретируются парные бронзовые предметы с рельефными литыми окончаниями и с отверстиями на боковых сторонах, найденные в двух керченских склепах «24 июня 1904 г.» (Засецкая, 1993, с. 73, кат. № 205, табл. 46: 205), датированных в целом серединой IV – первой половиной V в. И хотя материалы из этих двух склепов оказались перемешаны, элитный характер захоронений, инвентарь которых включает золотые венки, гривны, бляшки-апликации, серебряную римскую посуду и вещи с золото-гранатовой перегородчатой инкрустацией, сомнений у исследователей не вызывает (Засецкая, 1993, с. 36–37).

Таким образом, серебряный стул – не случайный предмет, помещенный в могилу «заодно» с

набором парадного серебра, а важный элемент погребального ритуала, отражающий общие для варварской и смешанной греко-варварской элиты традиции, которые могли зародиться еще на рубеже эр, под влиянием античной и позднеантичной культуры. Применительно к погребению в Концешти источником его заимствования следует признать, скорее, северо-понтийский регион. Во-первых, в Западной и Центральной Европе следы этой традиции, как показывает анализ материала, не фиксируются в течение продолжительного периода с конца III до конца V в. (Miks, 2009, S. 432–437; Mráv, 2013, S. 131–134, Abb. 1), могила в Концешти – единственное исключение. Во-вторых, все остальные находки из данного комплекса, в том числе рассмотренные выше, тяготеют именно к Боспору.

Второй обрядовый признак, на который хотелось бы обратить внимание, также связан с составом погребального инвентаря. Выше мы пришли к выводу, что в могиле находились две уздечные гарнитуры разных типов (рис. 2). В этом факте нельзя не увидеть ритуальный аспект: если один набор (парадный?), скорее всего, был частью сбруи, надетой на коня, уложенного в могилу, то второй (запасной или повседневный) играл роль «приклада». Его помещение в захоронение отражает некие ритуально-мифологические представления, о содержании которых мы гадать не будем.

Поиск ближайших в территориальном, хронологическом и этнокультурном отношении памятников, где зафиксирован аналогичный обряд, снова приводит нас к «царским» боспорским гробницам. Это уже упоминавшееся погребение с Золотой маской в Керчи (Тайна..., 2009, с. 39–40, 168, 169) и могила в Аджимушкае первой половины IV в. (Шаров, 2012, с. 214–218), тоже принципиально важный для нас комплекс, демонстрирующий сходство с Концешти по ряду признаков. Если в керченском захоронении обнаружены две однотипных полихромных уздечки, то в Аджимушкае, как полагает О.В. Шаров, два комплекта, «парадный» и «повседневный», различаются по составу, а «парадный», возможно, составлен из деталей двух-трех гарнитур, выполненных в одном стиле (2012, с. 214–216).

Два разнотипных уздечных набора обнаружены в элитном захоронении конца V в. на р. Морской Чулек: один – византийского происхождения, в технике клуазоне, второй – азиатский, с отдельными вставками сердоликов (Засецкая и др., 2007, с. 60–82). Данный памятник, хотя и относится к чуть более позднему времени, чем названные

выше, территориально тяготеет к Северо-Восточному Причерноморью (устье Дона). Конечно, все это не просто совпадения. Других близких в этнокультурном отношении комплексов, содержащих одновременно два уздечных набора, мне найти пока не удалось.

Таким образом, многие особенности погребения в Концешти – структура сопроводительного инвентаря, отдельные его составляющие, элементы ритуально-обрядового характера, конструкция могильного склепа – соответствуют комплексу признаков захоронений боспорской элиты первых веков н.э., который выделяют различные исследователи (Шаров, 2016, с. 123–126, там обзор точек зрения). Это сходство отчетливо демонстрирует сравнение рассматриваемого памятника и двух наиболее известных элитных комплексов Боспора (табл. 1). Перед нами во всех трех случаях очевидные проявления одной довольно устойчивой традиции, сложившейся на Боспоре в первые века н.э. и характеризующей погребальную субкультуру греко-варварской элиты региона. Все элементы погребального обряда и инвентаря, зафиксированные в Концешти, связаны именно с этой культурой. Исключение составляют вещи в полихромном гуннском стиле, но они относятся только к снаряжению верхового коня (уздечные и седельные накладки), поэтому влиять на этнокультурную атрибуцию комплекса могут в незначительной степени. Если кто и имел гуннское происхождение, то скорее лошадь, а не ее владелец.

Среди древностей ранней стадии Великого переселения народов комплекс Концешти занимает особое место. По всем признакам (хронологическим, территориальным, культурным, по отмеченным выше элементам погребального обряда, даже по степени богатства) он находится между греко-варварским миром северо-понтийского региона, точнее, его элитной культурой, представленной боспорскими могилами конца III – IV в., и смешанным германо-аланским миром Подунавья конца IV – первой половины V в. – захоронениями варварской аристократии горизонта Унтерзибенбрунн. Конечно, погребение из Концешти не может быть полностью отождествлено ни с «царскими» гробницами Боспора, ни с центрально-европейскими памятниками. Но, по моему мнению, оно маркирует и первый этап трансляции того комплекса традиций, который привел к образованию горизонта Унтерзибенбрунн, и главный источник его формирования, и раскрывает возможные пути и механизмы его сложения и распространения.

Говоря об этнокультурной принадлежности погребенного в Концешти, нужно отметить, что в литературе утвердилось мнение о том, что это представитель одного из восточногерманских племенных объединений. Остается добавить, что по происхождению он был тесно связан с полиэтничной варваризированной аристократией одного из позднеантичных центров Северного Причерноморья, скорее всего, Боспора. Как раз в последней трети IV в. в материалах боспорского некрополя, в захоронениях местной греко-сарматской знати фиксируется появление германских престижных вещей. За этим фактом исследователи видят не только включение германцев в правящую элиту, но и возможный переход власти в Боспорском царстве в руки германского правителя – «готского короля» (Казанский, 1999, с. 282). Не исключено, что им был сам Германарих (Шаров, 2009, с. 14, 33).

Как известно, в 360-е годы возобновляются тесные связи Боспора с Римом, несколько пошатнувшиеся в период херсонесско-боспорских войн конца III – середины IV в. (Зубарь, 1998, с. 159–161). Аммиан Марцеллин сообщает, что в 362 г. к императору Юлиану (Отступнику) в Константинополь прибывают посольства «боспорцев и других неведомых ранее народов с мольбой о том, чтобы за внесение ежегодной дани им позволено было мирно жить в пределах родной их земли» (Аммиан Марцеллин. Кн. XXII. 7, 10). Фактически боспорцы становятся военными союзниками Рима.

Установление тесных политических связей Боспора с Римской империей в 360-е годы и стоит за появлением богатого римского набора вещей в Концешти – парадной серебряной посуды и офицерского шлема. Последняя находка – свидетельство высокого воинского статуса данной персоны в имперской иерархии. Еще одно свидетельство такого же рода – предположительное упоминание имени императора Иовиана (363–364 гг.), непосредственного преемника Юлиана Отступника, в надписях на серебряном блюде из Концешти, впервые открытых совсем недавно (Фурасьев, 2016а, с. 215–216). Вместе с тем многие элементы погребального ритуала и убранства позволяют провести тесные параллели между могилой в Концешти и элитными захоронениями Боспора III–IV вв. В варварской иерархии этот предводитель занимал еще более высокое место, чем в римской, и столь явное следование традициям боспорских «царских» гробниц при его погребении должно было указывать и на его происхождение, и на его статус, и на его этнополитическую ориентацию.

Литература

- Аммиан Марцеллин.** Римская история / Ред. Л.Ю. Лукомский. СПб.: Алетейя. 1994. 570 с.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., 2013.** Мебель из скифских погребальных комплексов // Боспорские исследования. Вып. XXVIII. Симферополь; Керчь. С. 159–210.
- Дашевская О.Д., 1991.** Поздние скифы в Крыму (САИ. Вып. Д1–7). М.: Наука. 142 с.
- Засецкая И.П., 1993.** Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. // МАИЭТ. Вып. III. С. 23–105.
- Засецкая И.П., 1994.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс Лтд. 224 с.
- Засецкая И.П., 2011.** Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: ГЭ. 328 с.
- Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С., 2007.** Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: ГЭ. 212 с.
- Зубарь В.М., 1982.** Некрополь Херсонеса Таврического. Киев: Наукова думка. 144 с.
- Зубарь В.М., 1998.** Северный Понт и Римская империя. Киев: ИА НАНУ. 200 с.
- Искусство Византии в собраниях СССР, 1977.** Каталог выставки. Т. 1 / Ред. А.В. Банк, М.А. Бессонова. М.: Советский художник. 192 с.
- Казанский М.М., 1999.** Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре / Ред. М.Е. Левада. Киев: Товариство Археології та Антропології. С. 277–297.
- Казанский М.М., 2014а.** Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // *Stratum plus*. № 4. С. 299–336.
- Казанский М.М., 2014б.** Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст // *Tractus Aevorum*. Т. 1. № 1. Белгород: БелГУ. С. 28–51.
- Малашев В.Ю., 2000.** Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.
- Мастыкова А.В., 2014.** Костюм с золотыми аппликациями в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов // КСИА. Вып. 232. С. 136–150.
- Мастыкова А.В., Казанский М.М., 2005.** О происхождении «княжеского» женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения. Материалы конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ (Труды ГИМ. Вып. 145) / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М. С. 253–268.
- Мацулевич Л.А., 1934.** Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховьях реки Суджи (ИГАИМК. Вып. 112). М.; Л. 132 с.
- Минасян Р.С., Шаблавина Е.А., 2009.** Техника изготовления вещей из погребения Рескупорида // Тайна золотой маски. Каталог выставки. СПб.: ГЭ. С. 77–96.
- Погребова Н.Н., 1957.** Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П.Н. Шульц. Киев: АН УССР. С. 142–154.
- Пузровский А.Е., 2007.** Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.
- Симоненко А.В., 2013.** Полихромные сбруйные наборы позднеримского времени из Сарматии и Пантикапея // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху. Киев: Видавель Олег Філюк. С. 223–241.
- Тайна золотой маски, 2009.** Каталог выставки. СПб.: ГЭ. 204 с.
- Фурасьев А.Г., 2015.** Концешты: новые данные к характеристике «княжеского» комплекса рубежа IV–V вв. // Археологические вести. № 21. С. 162–175.
- Фурасьев А.Г., 2016а.** Новый памятник позднеримской эпиграфики из старой коллекции: блюдо из погребения в Концештах // Белградский сборник (Тр. ГЭ. Т. LXXX) / Ред. В.Н. Залеская, Ю.А. Пятницкий. СПб.: ГЭ. С. 204–218.
- Фурасьев А.Г., 2016б.** Концешты: погребение представителя боспорской элиты конца IV века в верховьях реки Прут // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. СПб.: Палаццо. С. 186–194.
- Фурасьев А.Г., Шаблавина Е.А., в печати.** Концешты. Княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб.: ГЭ.
- Шаров О.В., 2009.** Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднерим-

скую эпоху (середина II – середина IV в. н.э.). Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН. 37 с.

Шаров О.В., 2012. Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // От римского лимеса до Великой Китайской стены (Stratum plus. № 14). С. 201–237.

Шаров О.В., 2016. Погребения элиты Боспора римского времени и эпохи Великого переселения народов // КСИА. № 244. С. 120–130.

Arrhenius B., 1985. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 230 p.

Bloşiu C., 1974. Noi observații și ipoteze cu privire la mormîntul de la Concești // Cercetări Istorice. V. Iași. P. 59–80.

Effenberger A., Maršak B., Zalesskaja V., Zaseckaja I., 1978. Spätantike und frühbyzantinische Silbergefäße aus der Staatlichen Ermitage Leningrad. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin. 188 S.

Harhoiu R., 1998. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedica. 268 S.

Kazanski M., Mastykova A., 2006. A propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes

Migrations: le costume à appliques en or // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' (ss.V–VII). Balance y Perspectivas. Actas de la Mesa Redonda hispano-francesca celebrada en la Universidad Autónoma de Madrid (UAM) y Museo Arqueológico Regional de la Comunidad de Madrid (MAR), 2006. Madrid, Espagne (BAR IS. 1534). P. 291–305.

Matzulevich L.A., 1929. Byzantinische Antike. Berlin; Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter & Co. 150 S.

Miks C., 2009. Relikte eines frühmittelalterlichen Oberschichtgrabes? Überlegungen zu einem Konvolut bemerkenswerter Objekte aus dem Kunsthandel // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 56. S. 395–538.

Mráv Z., 2013. Eiserne Klappstühle aus kaiserzeitlichen Bestattungen der einheimischen Elite in Pannonien // Archaeologiai Értesítő. 138. S. 105–144.

Nothnagel M., 2008. Die völkerwanderungszeitlichen Bestattungen von Untersiebenbrunn, Niederösterreich. Wien: Universität Wien. 290 S.

Odobesco A., 1889. Le trésor de Pétrossa. Vol. I. Paris: J. Rothschild, editeur. 514 p.

Tomka P., 1986. Der hunnische Fürstenfund von Pannonhalma // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 38. S. 424–488.

On some parallels in the burial rite of Bosphorus leader's tombs of 3rd–4th cc. and the “prince” grave of Concești

A.G. Furasyev (Saint-Petersburg)

Key words: Migration Period, elite burials, Bosphorus, Goths.

The article provides the analysis of some finds and the elements of the burial rite fixed in the barbarian prince grave of Concești from the turn of the 4th–5th cc. In the author's opinion, a range of goods from the burial are of Bosphorus origin: golden torques, the elements of bridle brackets, pressed golden plates-facings, plates-appliques. A wide range of burial rite features such as the stone vault, face plates-eye guards, covers embroidered with golden plates (fig. 4), golden diadem, pieces of furniture (a chair) and two types bridle sets (fig. 2) points to a strong connection between the buried leader in Concești and the Bosphorus burial rite of the late Roman period. A fuller set of features analogues and the territorially and chronologically closest sites are Bosphorus leader's tombs of the 3rd–4th cc. (tab. 1). This is the exact place where it should be searched for the origin of the whole set of the burial rite fixed in Concești.

Translated by I. Grigoryan

Табл. 1. Данные о погребальном обряде и составе инвентаря захоронения в Концешти и боспорских гробниц III–IV вв.
 Характеристика погребения в Аджимушкае – по: Шаров, 2012;
 могилы с Золотой маской – по: Тайна..., 2009;
 могилы в Концешти – по: Фурасьев, Шаблавина, в печати; Odobesco, 1889, p. 488.

Концешти	Погребение с Золотой маской	Аджимушкой
Конструкция погребального сооружения		
	Курган	Курган (более ранний)
Каменный склеп	Земляная могила	Каменный склеп (вторичное использование)
Погребальный обряд		
Одинокое трупоположение	Одинокое трупоположение	Одинокое трупоположение
Деревянный гроб, обложенный золотом (?)	Мраморный саркофаг	Деревянный гроб, оббитый свинцом
Захоронение коня	?	Кости коня
Сопроводительный инвентарь		
Золотой венок-диадема	Золотой венок-диадема	Золотой венок-диадема
Золотые лицевые пластины (наглазники)	Золотая маска	
Покров, расшитый, бляшками-аппликациями	Покров, расшитый, бляшками-аппликациями	Златотканая туника
Золотая гривна	Золотая гривна	
Золотой браслет (не сохранился)	Золотые браслеты, перстни, серьги, фибула	
Парадная римская серебряная посуда	Парадная римская серебряная и бронзовая посуда	
Предмет мебели (складной стул)	Предмет мебели (ложе или трон)	
Парадная полихромная конская упряжь (два комплекта)	Парадная полихромная конская упряжь (два комплекта)	Парадная полихромная конская упряжь (два комплекта)
Оружие: меч в парадных ножнах (не сохранился)	Жезл (?)	Оружие: меч, кинжал, копье, отделанные золотом
Шлем с серебряной облицовкой		

Еще раз о сарматах-лимигантах. Взгляд из Сарматии (к дискуссии с юбиляром)

А.П. Медведев (Воронеж)

Ключевые слова: Средний Дунай, Тиса, Констанций II, Аммиан Марцеллин, позднеримское время, сарматы-ардараганты, сарматы-лимиганты.

С Андреем Михайловичем Обломским я знаком четыре десятилетия, с того дня, когда приятный молодой человек вошел в небольшой читальный зал Архива ИА АН СССР и представился как рабочий Института археологии и студент-вечерник кафедры археологии МГУ. Прошло лет десять, и в одном из номеров КСИА я увидел весьма критическую статью по поводу моей интерпретации керамического комплекса верхнедонских могильников, подписанную неким Обломским. Тогда идентификации не произошло. Но через несколько лет мы познакомились на конференции в Курске и с тех пор стали друзьями. Вскоре А.М. Обломский со своей экспедицией переместился на Верхний Дон, где четверть века успешно изучает памятники рубежа Античности и Средневековья. Близкое соседство, работа на поселениях, известных теперь как памятники типа Чертовицкое – Замятино, не только сблизили нас профессионально, но и способствовали возникновению жарких дискуссий. Такой по-настоящему дружеский, но иногда и острополемический характер отношений у нас сохранился до сих пор, свидетельством чему является настоящая статья, предложенная в юбилейный сборник.

Речь пойдет о событиях в «Верхней Сарматии». Этот ороним известен в античной географии для обозначения областей на Среднем Дунае, в частности, у Евсевия Кесарийского (Euseb., Praepar. evangel.: VI.9.31).

В последние годы активизировался интерес российских археологов к двум группировкам среднедунайских сарматов – сарматов-лимиган-

тов и сарматов-ардарагантов. Ранее они лишь sporadически привлекали внимание исследователей, изучавших борьбу варваров с Империей (Ременников, 1957, с. 402), или варварскую периферию последней (Рикман, 1975, с. 318), или далекие сарматские миграции (Исаенко, 1993, с. 156–202). В последнее десятилетие почти одновременно увидели свет несколько статей по этой теме (Медведев, 2009а, с. 140–146; 2010, с. 253–257; Туаллагов, 2009, с. 72–98; Вдовченков, 2012, с. 59–61; Обломский, 2015, с. 75–142). Побудительные мотивы к их написанию разные: это и изучение сложных социальных образований внутри сарматского мира (автор настоящей статьи), и история сарматов в имперском пограничье (А.А. Туаллагов), и новейшие открытия на Среднем Дунае (А.М. Обломский). Важно, что новые материалы раскопок поселений и могильников позднеримского времени в низовьях Тисы были масштабно представлены в российской печати серией публикаций сербских исследователей (Джорджевич, Джорджевич, 2010; Миятович, 2010; Трифунович, 2010; Янкович, Радичевич, 2010; Бугарски, Иванишевич, 2012, с. 488–490).

Упомянутые памятники заинтересовали А.М. Обломского, который изучил их в музейно-хранилищах Сербии. Вслед за первооткрывателем этих древностей Дж. Янковичем (Янкович, 1998, с. 362–375) А.М. Обломский пришел к заключению о близости части керамического комплекса поселений в низовьях Тисы восточноевропейским культурам римского времени, в частности, киевской, которая сейчас претендует

на роль наиболее ранней славянской культуры III – начала V в. У меня возникают сомнения лишь по некоторым методическим вопросам, в частности, по поводу этнокультурной интерпретации указанных древностей.

1. О правомерности термина «культура лимигантов» («лимигантская культура»). А.М. Обломскому хорошо известна дискуссия среди сербских исследователей об археологических памятниках, которые могли оставить лимиганты. Большинство историков и часть археологов, следуя за свидетельствами письменных источников, связывали с ними местные курганные и грунтовые могильники, близкие сарматским более восточных районов. Лишь некоторые специалисты соотнесли с лимигантами поселения позднеримского времени в низовьях Тисы с большими наземными домами и небольшими полуземлянками, где проживало не романизованное оседлое население. В сербской литературе для их обозначения появилась соответствующая терминология: «культура лимигантов», «лимигантская культура» (Янкович, Радичевич, 2010, с. 145; Трифунович, 2010, с. 161 и др.). По этому пути пошел и А.М. Обломский, который назвал свою статью «Археологическая культура сарматов-лимигантов, взгляд с востока».

По моему мнению, уже одно это название вызывает сомнение, так как рано или поздно загонит сербских ученых и их последователей в тупик. Российские специалисты по скифо-сарматским древностям на своем опыте убедились, к каким негативным последствиям приводит введение древнего этнонима в название археологической культуры. Наиболее яркий пример – история с «савроматской культурой» в Южном Приуралье (Смирнов, 1984, с. 14, 18, рис. 1). Раскопки Л.Т. Яблонского последних лет показали, что «савроматские» памятники Южного Урала, скорее всего, принадлежали совсем другому народу – дахам, но никак не савроматам Геродота, локализуемым за Танаисом-Доном и больше нигде. Но, к сожалению, с устоявшимся в науке названием «савроматская культура» теперь ничего не поделаешь – оно вошло в сотни книг и тысячи статей. История археологии XX в. научила исследователей: не стоит вводить древний этноним (если это вообще этноним?) в название археологической культуры.

2. Об этимологии «этнонимов» «ардараганты» и «лимиганты». Как известно, лимиганты и ардараганты упоминаются Аммианом Марцеллином и Иеронимом в связи с событиями на

дунайском лимесе. Большинство иранистов возводят латинизированное название свободных сарматов *ardaragantes* к сарм. *ardār* (осет. *æardār*) – «князь», «господин», что изначально восходит к *arma-dara* – «рукодержец» (Абаев, 1979, с. 279).

Да и этимология названия «лимиганты» (*limigantes*), которую антиковеды, начиная с Гиббона и Цойсса, неверно связывали с лат. *limes* – «граница», скорее всего, иная¹. У римлян со времен Диоклетиана существовал специальный военный термин *limitanes*, они несли постоянную службу на границах Империи. Но лимиганты никогда не были подлинными римскими лимитанами. Ни одного примера подобного употребления *limigantes* в источниках нам неизвестно.

Скорее всего, *limigantes* имеют основу, близкую осет. *limæp* – «друг» (Абаев, 1979, с. 289). Но это вовсе не друзья в современном смысле слова, а изначально «союзники» владык-ардарагантов (здесь на память приходит статус «союзников» (*socii*) римлян, также занимавших по отношению к последним подчиненное положение). На подобный характер отношений прямо указывает современник описываемых событий Евсевий Кесарийский, сообщающий, что некогда у дунайского лимеса возникло кочевническое образование во главе со свободными сарматами («савроматами»), которые держали в подчинении других сарматов, при этом первые считали вторых своими рабами (Euseb., *De vita Const.*: IV.6). Позднее эту ситуацию осветил Иероним, отметивший, что со временем «сарматы-лимиганты составили отряд и изгнали на римскую почву своих владык, которые теперь именуются ардарагантами» («*Sarmatae Limigantes dominos suos, qui nunc Arcaragantes vocantur, facta manu in Romanum solum expulerunt*») (Hieron., *Chron.*: a.2350). Таким образом, у Иеронима речь идет о том же сарматском объединении, изначально имевшем дуальную структуру, при которой одна часть общества рассматривалась как правящая, а вторая ей подчинялась (Туаллагов, 2009, с. 74–75). Затем это объединение распалось из-за восстания подчиненной части – лимигантов. В тяжелую годину войн со «скифами» (готами – А.М.) ардараганты опрометчиво вооружили лимигантов для борьбы с врагом, а те повернули оружие против своих господ и изгнали их из страны. Константин I принял уцелевших свободных сарматов в Империю и поселил в римских провинциях около 334 г. (Anon. *Vales.*: 6.32).

¹ Сводку сведений позднеантичных авторов о лимигантах см.: Kingl, 1955, S. 88 u.a.

Наиболее ценную информацию по интересующей нас теме оставил Аммиан Марцеллин, детально описав очередную войну сарматов с Римом в 357–359 гг. Он излагает предысторию конфликта: «Могущественны и славны были некогда обитатели этого царства (свободные сарматы – А.М.), но рабы составили тайный заговор и устроили восстание. И так как у варваров право на стороне сильного, они победили своих господ, будучи столь же храбры, как и те, но имея численный перевес. Не зная в страхе, что предпринять, сарматы (свободные) бежали к далеко живущим виктолагам, предпочитая в беде лучше служить своим защитникам, нежели быть в рабстве у своих рабов» (Amm. Marc.: XVII.12.18–19)².

Сложные перипетии войны между двумя враждующими группировками сарматов и императором Констанцием II изучались неоднократно (Vulić, 1929, с. 374–376; Dittrich, 1984; Медведев, 2010, с. 253–257), мы к ним обращаться не будем. Цитируем лишь описание набега лимигантов на римские провинции в 358 г., который последовал вскоре за вторжением свободных сарматов: «Когда вторглись сарматы-свободные, то они (лимиганты – А.М.), словно забыв о прежнем, воспользовались удобным моментом и прорвались через римскую границу, проявляя согласие со своими господами и врагами только в этом преступном предприятии» (Amm. Marc.: XVII.13.1–2).

Уже из приведенного свидетельства следует, что лимиганты не были рабами (*servi*) ардарагантов в прямом смысле слова. Не были они и крепостными, как некогда полагал К. Пач (Patsch, 1925, S. 214). По единодушному мнению позднеантичных авторов, изначально лимиганты представляли собой зависимое от ардарагантов племенное образование. Институт господствующего «царского» племени имеет в среде кочевников тысячелетнюю традицию, начиная со «скифов-царских» Геродота (Herod.: IV.20) и до скифов-царских (οι βασιλικοὶ Σκυθαὶ = гуннов) Приска Панийского (Priscus, Fragmenta: 1). Это определение всегда прилагалось к тому племени, вожди которого держали в степи всю власть (Доватур и др., 1982, с. 242). Подобная иерархическая структура, видимо, отражала специфику кочевой государственности (Медведев, 2009б, с. 191). Можно полагать, что ардараганты представляли новую волну сарматов, скорее всего, роксолан. Им удалось покорить не только местное население, но

и потомков сарматов «первой волны» (язигов?), которые стали называться лимигантами («союзниками»). Однако греки и римляне (Евсевий, Марцеллин) помнили более привычный для них статус – *sarmatae servi*. Ситуация радикально изменилась только в результате восстания лимигантов, из-за чего масса бывших господ бежала в провинции Римской Империи.

3. Об образе жизни и хозяйственном укладе лимигантов. Данные Аммиана Марцеллина позволяют сделать ряд заключений, характеризующих этнографический облик лимигантов. Римляне хорошо знали сарматов, их кочевой уклад, и вряд ли могли спутать их с земледельческим этносом. Уже к I в. н.э. у них сложился стереотипный образ сарматов, «проводящих всю жизнь в повозке и на коне» (Тас., Герм.: 46). Мне не известен ни один случай, когда бы античные авторы называли этим этнонимом какой-либо не кочевой земледельческий народ. Для римлян лимиганты – просто сарматы (Amm. Marc.: XVII.13.28). В представлении римского историка они ничем не отличаются от сарматов-ардарагантов, кроме того, что первые некогда подчинялись вторым.

Как было отмечено выше, когда в 357 г. против Империи восстали свободные сарматы, вслед за ними и лимиганты совершили набег на римские владения. Потерпев поражение, они попросили у римлян для поселения те местности, где ранее расселились после изгнания своих владык (Amm. Marc.: XVII.13.3). Аммиан уточняет, что там протекает р. Партиск (Тиса). Помимо «легких отрядов конных» у них были «толпы пеших» (Amm. Marc.: XVII.13.9), возможно, из числа зависимого оседлого населения. Вскоре произошло еще одно сражение с имперскими войсками, в котором лимиганты были разбиты, но не уничтожены полностью. А вот оседлых обитателей приграничных поселений – амицензов и пицензов – римляне вырезали поголовно (Amm. Marc.: XVII.13.12–19). После помилования Констанцием II «большая часть лимигантов покинула укрывавшие их горные высоты и рассыпалась по широким степям» (Amm. Marc.: XVII.13.21). Аммиан поясняет, что «в свободе они видели отсутствие всяких притеснений» (Amm. Marc.: XVII.13.21).

После выселения лимигантов в отдаленные места, зимой 358/359 гг., они вновь осмелели и возвратились в пограничные с Империей земли, где «благодаря своей подвижности»... «свободно кочуют по своему обычаю» (Amm. Marc.: XIX.11.1). Перекочевки к Дунаю соответствуют традиционным сезонным передвижениям нома-

² Здесь и ниже цитаты из «Римской истории» Аммиана Марцеллина, за исключением особо оговоренных случаев, даются в переводе Ю. Кулаковского и А. Сонни.

дов. Они «бродят по разным местам и вопреки запрету беспокоят нашу границу» (Amm. Marc.: XIX.11.5). Таким образом, еще раз подчеркну, что у современника лимигантов историка Аммиана Марцеллина не было сомнения в том, что они – номады.

4. Лимиганты и оседлое население поселений. В то же время в холодное время года по обычаю номадов сарматы-лимиганты могли подкочевывать и какое-то время проживать на поселениях в низовьях Тисы, в плавнях, где много корма для скота. Весьма существенно, что во время первой войны римляне застали лимигантов «в начале весны» (Amm. Marc.: XVII.13.28), а во время второй – в «самую суровую пору зимы» (Amm. Marc.: XIX.11.4), когда сарматы еще пребывали на зимниках. О том же свидетельствует и другой эпизод из начала второй войны – в 359 г. лимиганты были в такой силе, что могли атаковать императора, который позорно спасся бегством. При этом «царское сидение с золотой подушкой было захвачено варварами без противодействия» (Amm. Marc.: XIX.11.4–12). То есть, основная масса лимигантов не была уничтожена во время разгрома поселений в первой войне.

Судя по данным археологии и свидетельствам письменных источников, постоянными жителями указанных поселений были не сарматы, а те самые амицензы и пицензы, о которых сообщает Аммиан Марцеллин, описывая разгром их римлянами (Amm. Marc.: XVII.13.13–19). А для сарматов это были лишь места зимников. Аналогичная ситуация фиксируется на Нижнем Дону (сарматские могильники и меотские городища) и Воронеже (курганые могильники и городища у с. Чертовицкое).

Современник рассматриваемых событий, Аммиан Марцеллин, отличает лимигантов от коренных обитателей вышеупомянутых поселений и нигде не говорит об их родстве: «Лимиганты, напуганные примером покоренных и убитых (амицензов и пицензов – А.М.), долго не могли прийти к определенному решению...» (Amm. Marc.: XVII.13.21). Следует отметить, что цитируемый пассаж переведен Ю.С. Кулаковским с искажением путем искусственной интерполяции слова «земляков». В латинском оригинале у Аммиана его нет: «*Limigantes territi subactorum exemplis et prostratorum diu haesitabant ambiguis mentibus...*». Таким образом, исчезает даже этот слабый аргумент в пользу утверждения о родстве лимигантов и обитателей разрушенных римлянами поселений.

Судя по упоминаниям в более ранних источниках (Arrian, Peripl.: 15.1), амицензы (лат. *amicenses*, др.-гр. ἄμισενοί) пребывали в низовьях Тисы еще до прихода сарматов, то есть представляли автохтонное население. Скорее всего, и название их соседей – пицензы – также не этноним; они определяются по местности, в которой жили (Amm. Marc.: XVII.13.19). Получается, что именно амицензы и пицензы и были коренными обитателями поселений, на которых (или по соседству с которыми) зимой могли находиться лимиганты и где А.М. Обломский нашел керамику киевского облика. Любопытно, что после карательной экспедиции римлян ни амицензы, ни пицензы, в отличие от сарматов, в источниках больше не фигурируют³.

О характере отношений сарматов и оседлого населения говорят и археологические материалы, представленные в статьях сербских археологов. В окрестностях поселений зафиксированы кочевнические могильники. Погребения окружены круглыми ровиками, но изредка имеют и небольшие насыпи. В статье С. Трифуновича приведен план могильника Суботица (рис. 1), где наряду с захоронениями внутри ровиков располагались обычные грунтовые погребения (2010, с. 159, 172, рис. 13). Планировка, наличие ровиков и бескурганых погребений сближают его с сарматскими некрополями низовий Дуная. Судя по южной ориентировке, здесь могли быть похоронены язиги, точнее, потомки первой «сарматской волны» начала I в. Но в одной из могил найдена монета Константина I, то есть это – современники лимигантов, если не сами лимиганты.

В среднедунайских могильниках вещи сарматского круга встречаются крайне редко. Так, в статье Д. Янковича и Д. Радичевича на рис. 1: 9 представлена типичная позднесарматская кружка; на рис. 1: 10; 2: 10, 11 – лепные горшки, близкие западносарматским (Рикман, 1975, рис. 5, 3, 10, 12); на рис. 3: 2 – обычная позднесарматская квадратная курильница; на рис. 1: 8; 2: 6 – характерные для сарматов колокольчики, свернутые из бронзового листа. Удивляться небольшому числу этих предметов не приходится – памятники указанной территории маркируют западный рубеж сарматской миграции, к тому же в данном аспекте они специально не изучались.

Большинство сербских исследователей, может быть, сами того не желая, при картографирова-

³ Беспорядочные погребения в круглых ямах типа Чуруг в низовьях Тисы, содержащие материалы «поздней части» IV в. (Джорджевич, Джорджевич, 2010, с. 191, рис. 3: 1, 2), могут быть археологическими свидетельствами разгрома поселений пицензов римскими легионерами.

нии в конечном итоге решили интересующую нас проблему в пользу сарматов-лимигантов. На картах в статьях Д. Янковича и Д. Радичевича (2010, рис. 8), С. Трифуновича (2010, рис. 22), и даже в статье А.М. Обломского (2015, рис. 1) в степной части исследуемого региона помещены лимиганты, а в приречной южной – амицензы и пицензы, проживавшие на поселениях (рис. 2). Такая археологическая ситуация в низовьях Тисы – прекрасная иллюстрация перехода номадов от второй к третьей стадии кочевания, по С.А. Плетневой; приписывать лимигантам поселения типа Баранда и Чуруг нет никаких оснований. Завершая эту часть статьи, отмечу, что мне близка точка зрения В. Миятович, согласно которой на рассматриваемой территории представлены два этнических сообщества: сарматы-кочевники и оседлые земледельцы, проживавшие на больших стационарных поселениях (Миятович, 2010, с. 185).

5. Об этносе и языке лимигантов. Помимо названия, имеющего, скорее всего, иранскую основу, восходящую, как было отмечено выше, к осет. *limæp* – «друг», есть и иные доказательства сарматской принадлежности лимигантов. По сообщению Аммиана, за первую войну с ними Констанций II получил титул *Sarmaticus* (Amm. Marc.: XVII.13.33). Главным же аргументом является знаменитый эпизод второй войны с метаном сапога одним из храбрецов в императора Констанция II (Amm. Marc.: XIX.11.10). При этом лимигант издал боевой клич «марра», «марра», точно соответствующий осет. «марга» (*marha*) –

«убивай»! Он однозначно указывает на то, что лимиганты были ираноязычными, то есть сарматами, а не каким-либо иллирийским или, тем более, славянским этносом, что допускает ряд сербских исследователей.

Как римляне могли представлять себе лимигантов, мы видим на медальоне императора Констанция II, чеканенном в 358 г. по поводу победы над этим народом (Яценко, 1993, с. 79–81). На реверсе изображена сцена триумфа императора над побежденными варварами, которых олицетворяет фигурка бородатого вождя со связанными за спиной руками (рис. 3). Император-победитель тащит его за волосы. Сверху надпись: «Победа Августа...». Варварский вождь в шароварах, куртке с клинообразными выступами на подоле и невысоких сапожках, поверх которых напущены шаровары, мог символизировать одного из плененных предводителей сарматов-лимигантов.

Мне представляется, что идентификация лимигантов лишь с оседлым населением низовий Тисы – гипотеза, построенная на слабой фактической базе, без учета свидетельств античных письменных источников, не говоря уж о сравнительных данных сарматологии и кочевниковедения. Это очередной историографический миф, который существует в науке, хотя основания его более чем ненадежны. Поэтому стоит ли в отношении оседлых поселений в низовьях Тисы использовать название «культура лимигантов»?

Литература

Абаев В.И., 1979. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / Ред. В.И. Абаев и др. М.: Наука. С. 272–364.

Бугарски И., Иванишевич В., 2012. Пограничье Римской Империи и варваров: система обороны Империи от Куция до Лидераты // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 482–511.

Вдовченков Е.В., 2012. Ардарагенты и лимиганты (к вопросу об отношениях у сарматов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов: «Грамота». № 11–2. Ч. II. С. 59–61.

Джорджевич В., Джорджевич Е., 2010. Необычные погребальные памятники позднеантичного периода на территории Бачки и Баната // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 2 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 191–202.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А., 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука. 455 с.

Исаенко А.В., 1993. Миграции североиранцев в Румынию, на Средний Дунай и в Венгрию // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье / Ред. А.В. Исаенко. Владикавказ: СОГУ. С. 159–202.

Медведев А.П., 2009а. О формах зависимости в сарматских обществах первых веков нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. Волгоград: ВолГУ. С. 140–146.

Медведев А.П., 2009б. «Скифы царские», «сарматы царские» и их подданные // Государство и его подданные: века сотрудничества и противостояния. Материалы третьей региональной научной конференции. Воронеж: Истоки. С. 189–191.

Медведев А.П., 2010. Восстание лимигантов в контексте социальной истории сарматов // Власть и народ в условиях войн и социальных конфликтов. Воронеж: Истоки. С. 253–257.

Миятович В., 2010. Могли ли сарматы стать земледельцами на территории Бачки и Баната // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 2 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 181–190.

Обломский А.М., 2015. Археологическая культура сарматов-лимигантов, взгляд с востока // Гласник Српског археолошког друштва. № 31. С. 75–142.

Ременников А.М., 1957. К истории сарматских племен на Среднем Дунае в IV в. // Ученые записки Казанского педагогического института. Вып. 12. Казань. С. 380–413.

Рикман Э.А., 1975. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука. 336 с.

Смирнов К.Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука. 184 с.

Трифонович С., 2010. Позднеантичные памятники на территории Бачки и Баната: сходство и связи с черняховской культурой // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи

римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 2 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С.158–180.

Туаллагов А.А., 2009. Поздние сарматы на границах Рима // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. Вып. 3 (42). Владикавказ. С. 72–98.

Янкович Дж., Радичевич Д., 2010. Два культурно-этнических последствия «готского» нашествия на Фракию и Иллирик в 268–269 гг. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 2 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 143–157.

Янкович Ђ., 1998. Словенске особине насеља поздоримског доба југоистоку Паноније // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. Новгород; М.: Фонд археологии. С. 362–375.

Яценко С.А., 1993. Костюм вельможного варвара на медальйони з Верхівні // Археологія. № 1. С. 79–81.

Dittrich U.-B., 1984. Die Beziehungen Roms zu den Sarmaten und Quaden im vierten Jahrhundert n. Chr. (nach der Darstellung des Ammianus Marcellinus). Bonn. 276 S.

Kingl J., 1955. Sarmatae Limigantes // Universitas Carolina Iuridica. T. I. Praha. S. 88–93.

Patsch C., 1925. Banater Sarmaten // Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. 62 Jahrg. Wien; Leipzig. S. 210–235.

Vulič N., 1929. Konstantius' Sarmatenkrieg im J. 358 und 359 // Byzantinische Zeitschrift. Bd. XXX. №. 2. S. 374–376.

Sarmatians-Limigantes revisited. The view from Sarmatia (to the discussion with the hero of the anniversary)

A.P. Medvedev (Voronezh)

Key words: Middle Danube, Tisza, Constantius II, Ammianus Marcellinus, late Roman period, Sarmatians-Ardaragantes, Sarmatians-Limigantes.

The article considers the problem of Sarmatians-Limigantes who played a significant role in the Middle Danube region in the middle of the 4th c. On the basis of the analysis of mostly narrative sources (Eusebius of Caesarea, Ammianus Marcellinus, Hieronimus, Anonymus Valesianus) the author came to the conclusion that they were Sarmatians according to the lifestyle and language. It seems that the identification of Limigantes by Serbian scientists with the settled population of settlements on Middle Danube is a hypothesis built on extremely weak factual grounds without scrupulous analysis of antique written sources and comparative data of Sarmatians' and nomads' studies. The inhabitants of settlements in the lower reach of Tisza, their aborigines, amicenses and picenses, were dependent on the Limigantes. Thus the culture of these settlements is inappropriate to be called the Limigantes one. Although in the cold time of a year some part of Sarmatians-Limigantes might find there a shelter.

Translated by I. Grigoryan

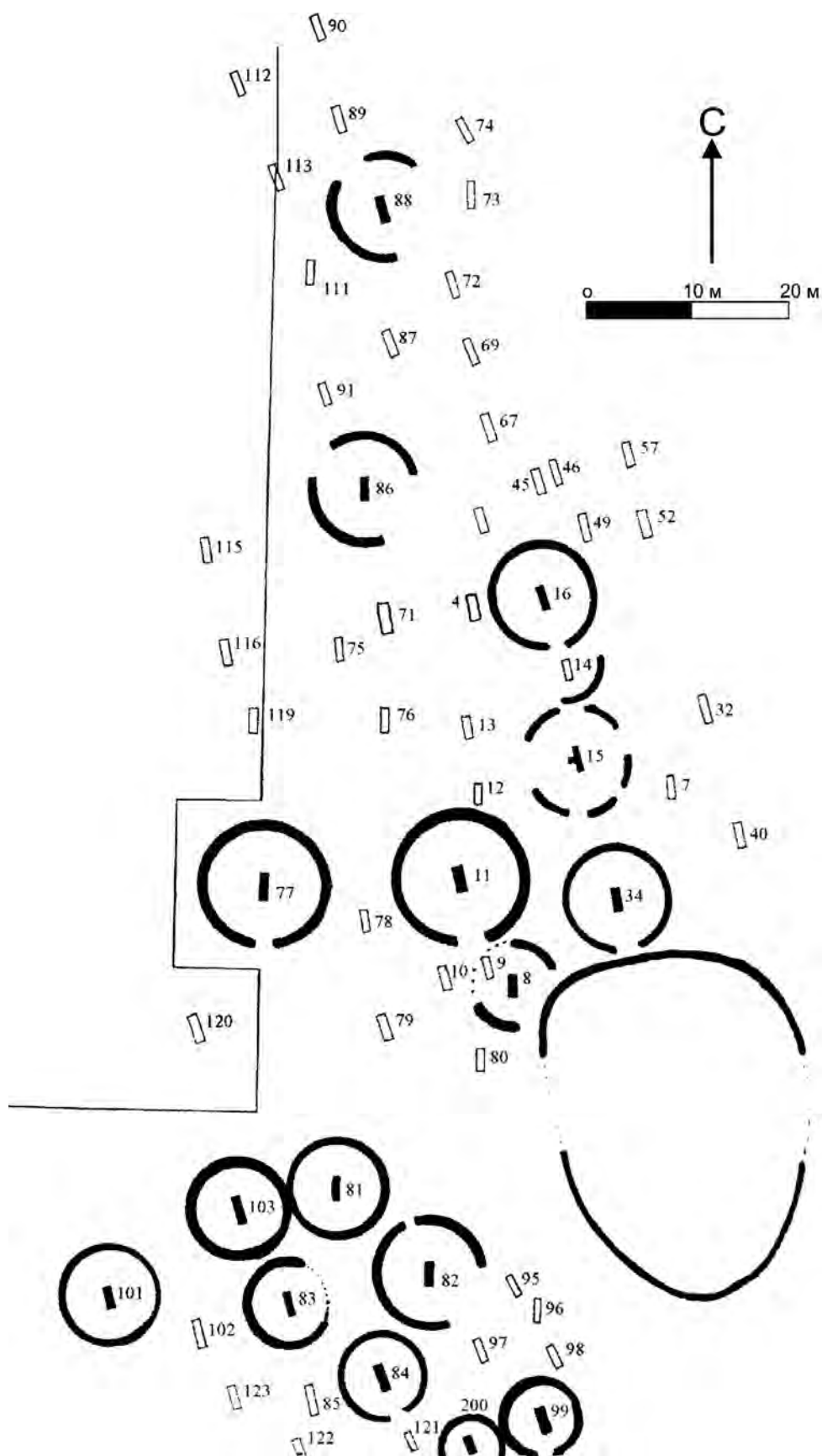

Рис. 1. План сарматского могильника в Суботице (по: Трифунович, 2010, рис. 13).

Рис. 2. Этнокультурная ситуация в низовьях Тисы времени войн Рима с сарматами 357–359 гг. Круглыми значками обозначены те же поселения оседлого населения, что и на карте в статье А.М. Обломского (2015, рис. 1).

Рис. 3. Пленный варварский вождь на медальоне Констанция II.

Структура и иерархия верхнедонских поселений эпохи Великого переселения народов

Д.В. Акимов (Воронеж)

Ключевые слова: Верхний Дон, гуннское время, городище, селище, славяне, аланы, германцы.

На Верхнем Дону насчитывается более полусотни памятников гуннского времени, т.е. конца IV – рубежа V–VI вв. (рис. 1). Подавляющее их большинство представлено поселениями, укрепленными и неукрепленными. Кроме того, открыты могильники и единичные захоронения, известны также находки отдельных вещей, в том числе монет. К сожалению, не все из перечисленных объектов исследовались раскопками, несколько памятников отнесены мною к эпохе предположительно, поэтому достоверное их число пока неизвестно.

Среди поселений к обозначенному периоду относятся 41 селище, 10 городищ, из них три селища и одно городище – предположительно. Они расположены в четырех регионах: в нижнем течении и устье р. Воронеж; на Острой Луке Дона; в среднем течении р. Воронеж; на Донском Правобережье между устьями рек Красивая Меча и Вязовка.

В нижнем течении и устье р. Воронеж локализованы три городища (Животинное, Чертовицкое II и III) и четыре неукрепленных поселения (Чертовицкое 6, Староживотинное 3, Шилово и Таврово), исследованные раскопками (Зиньковская, 2008; Медведев, 1998; Бирюков, Голотвин, 2009; Акимов, Медведев, 2009; Акимов, Пряхин, 2010). Очевидно, что бытовые памятники этого региона не исчерпываются перечисленными. По разведкам, проведенным во второй половине прошлого столетия, известны памятники с груболепной керамикой характерных форм, однако имеющиеся данные не позволяют уверенно отнести их к гуннскому времени. Отмечу, что здесь же за-

фиксированы и погребения этого исторического периода: три относятся к нему достоверно и еще ряд – предположительно; кроме того, известны находки римских монет (Акимов, Ененко, 2012, с. 133–136).

Острая Лука Дона, пожалуй, самый крупный анклав гуннской эпохи в донском бассейне. Селища располагаются здесь компактными группами, или «гнездами» вдоль берегов Дона и его притока Сновы. Исследователи насчитывают не менее десяти поселений в окрестностях с. Замятино, столько же – у с. Ксизово, три селища – близ с. Мухино и не менее четырех – в районе с. Каменка (Острая Лука Дона..., 2004; 2015; Земцов, 2003). Группы поселений располагаются на расстоянии от 5 до 10 км друг от друга, между ними или в обозначенном радиусе открыты еще четыре пока одиночных селища, а также известна находка фибулы-цикады, не привязанная к памятнику (Обломский, 2011, рис. 1). До недавнего времени подобные комплексы памятников исследовались только на Донском Правобережье, характеризующемся мысовыми прибрежными ландшафтами. Однако в последние годы удалось выявить их и на левом, относительно пологом берегу реки (рис. 1: 30, 32, 34). Особое место среди них, очевидно, займет поселение у с. Тюнино, где в качестве случайных находок зафиксированы золотая и железная пряжки со вставками красного камня в стиле клуазоне, железная трехлопастная стрела и другие характерные для эпохи предметы.

Единственное укрепленное поселение в данном регионе – небольшое городище к северо-вос-

току от с. Мухино. Именно в этой локальной группе открыты и наиболее масштабные погребальные памятники, давшие интереснейшие археологические и антропологические материалы (Обломский, Козмирчук, 2015а; 2015б; Добровольская, Решетова, 2015; Кулявцева-Главова, 2015).

Среднее течение р. Воронеж представляет собой особый регион, отличающийся от других. Во-первых, расположенные здесь памятники, как правило, не составляют компактных групп, а вытянуты в многокилометровую линию вдоль правого берега реки. Исключение составляют только Крутогорье и Малый Липяг, которые находятся на соседних береговых мысах. Во-вторых, они представлены исключительно городищами. Всего их пять. Кроме названных, это еще Пекшево, Сенное и Подгоренское (Медведев, 1996; Акимов, Бирюков, 2006; Бирюков, Акимов, 2008). Разведки в воронежском бассейне конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, а также предпринятые нами целенаправленные поиски открытых поселений в окрестностях Крутогорья таковых не выявили. Только у южных окраин современного города Липецка обнаружены малочисленные материалы, позволяющие допустить здесь наличие неукрепленных поселков гуннского периода (рис. 1: 19, 20). Вблизи городища Крутогорье была обнаружено единичное женское украшение, характерное для населения лесной зоны (Акимов, 2012, рис. 7: 5), однако в ходе проведенных на этом месте изысканий выявить археологический памятник не удалось (рис. 1: 21).

На *Донском Правобережье между устьями рек Красивая Меча и Вязовка* локализовано всего одно городище – Перехваль I (Бирюков, 1998; Бирюков, Акимов, 2008, с. 132–133, рис. 6), по материалам разведок известны также два селища, Коллектив и Лес Озерки. С определенной долей условности к данной группе можно причислить еще одно неукрепленное поселение – Яблоново 4, расположенное на 15 км южнее устья Красивой Мечи. Археологические работы, проводившиеся в рассматриваемом регионе, масштабными назвать трудно. На сегодняшний день он остается наименее изученным из всех рассматриваемых.

Картографирование памятников гуннского времени в бассейне Верхнего Дона выявило, с одной стороны, их сходство, с другой – неоднородность распространения, указывая как на общие черты, так и на различия в деятельности населявших их людей.

Для неукрепленных поселений общим является то, что большинство из них оставлено

обычными сельскими общинами. Из всей массы выделяются несколько ремесленных поселков косторезов, гончаров и мастеров иных профессий (Острая Лука Дона..., 2004, с. 67–83, 95–103; 2015, с. 361–363; Обломский, 2011, с. 444–445). Все они расположены на Острой Луке Дона довольно компактно – на селищах Замятино и Ксизово. Отдельно, примерно в 40 км к востоку от них, находился центр ткачества, вероятно, обеспечивавший своей продукцией довольно широкую округу. Его следы зафиксированы нами на городище Крутогорье на р. Воронеж (Акимов, Мулкиджанян, 2015). Происхождение верхнедонских ремесленников, вероятнее всего, связано с черняховской культурой, а также с причерноморским населением округа Танаиса (Обломский, 2004, с. 156; 2011, с. 454).

Среди заселенных в гуннский период верхнедонских городищ большинство было возведено еще в раннем железном веке (Бирюков, Акимов, 2008, с. 133). Только для двух из них получены сведения об их обустройстве в рассматриваемое время. Это Крутогорье и Мухино. На остальных укрепления были обновлены или остались нетронутыми. Примечательно, что население эпохи Великого переселения народов, насколько нам известно, не полностью использовало обширные площадки воронежских скифо-сарматских городищ, занимая лишь отдельные их участки, часто у края мыса. Впрочем, как показывает планиграфия крутогорской крепости, ее обитатели также селились по краям площадки, преимущественно со стороны реки, относительно недалеко от въезда. Центральная часть не была застроена, что позволяет предположить использование поселения в качестве городища-убежища.

Коллекции археологических находок с укрепленных памятников и селищ близки по составу. Наиболее массовым материалом являются груболепные горшки и, реже, миски, морфология и технология изготовления которых позволяет безошибочно определить их этнокультурную принадлежность (рис. 2). Подобная посуда характерна для раннеславянского населения сейминско-донецкого варианта киевской культуры (Обломский, 2005, с. 111; Акимов, 2007, с. 47). Наиболее вероятной причиной их миграции на Верхний Дон стал конфликт с одноплеменниками из деснинского региона, которые примерно во второй половине IV в. стали вытеснять их с этой территории (Терпиловский, 2004). Подтверждают обозначенную этнокультурную принадлежность домостроительная традиция и вещевой материал верхнедонских памятников, а также результаты

исследований в области ремесленной и хозяйственной деятельности мигрантов (Терпиловский, 2004, с. 51; 2008). Материалы раннеславянского облика обнаружены на всех без исключения верхнедонских поселениях гуннского времени, везде являясь ведущими типами археологических находок.

Ранние славяне представляли собой не единственный компонент в составе населения Верхнего Дона. Выделяются также окско-москворецкий, черняховский, причерноморский, степной кочевнический компоненты (Обломский, 2005, с. 110–111), а также слабо выраженные местные позднесарматские традиции (Акимов, 2007, с. 48–49). Следов их присутствия меньше, чем свидетельств расселения ранних славян. Кроме того, ни в одном из регионов не известны пока бытовые комплексы, где не были бы отмечены раннеславянские гончарные и иные традиции. То есть, неславянские меньшинства жили в среде славянского большинства.

В распространении окско-москворецкого населения на Верхнем Дону прослеживаются некоторые закономерности. Признаки его присутствия наиболее заметно выражены на памятниках Острой Луки Дона (Обломский, 2004, с. 156; Акимов, 2012, с. 165–166, рис. 7; Острая Лука Дона..., 2015, с. 297–299). Кроме того, они выявляются в вещевых находках и керамическом комплексе городища Крутогорье (Акимов, Бирюков, 2006, с. 255). В регионе же близ устья Воронежа находки вещей и сосудов, которые можно было бы уверенно связать с мощинской, дяковской или рязано-окской традицией, единичны (Акимов, 2012, рис. 7).

В остальных случаях неславянские элементы распространены относительно равномерно по всей территории верхнедонского бассейна. Повсеместно встречены пряслица черняховского облика: на поселениях Чертовицкое III, Староживотинное 3, Пекшево, Животинное, Крутогорье, Замятино и Ксизово.

Причерноморский и степной компоненты выделяются преимущественно в вещевом наборе, связанном с престижной культурой воинской прослойки (рис. 3). Это украшения, фибулы, металлические зеркала, детали одежды, поясной гарнитуры из драгоценных металлов, со вставками из стекла и полудрагоценных камней, оружие. На Острой Луке раскопаны два жилища, которые исследователи интерпретируют как юрты (Ксизово, Мухино 2). Аналогии им на Верхнем Дону неизвестны.

Подводя итоги, можно констатировать, что в расположении памятников гуннского времени на Верхнем Дону выделяются некоторые закономерности, которые позволяют поставить вопрос о структуре расселения занявших этот регион племен.

Административный и хозяйственный центр, безусловно, находился на Острой Луке Дона. Здесь располагались ставка местного вождя (возможно, на городище близ Мухино), усадьбы воинской знати (Мухино, Ксизово), работали мастерские по производству доспеха и оружия (луков), костяных гребней, круговой посуды, предметов личного убора и украшений (Замятино, Ксизово). «Гнезда» поселений, вероятнее всего, составлены разновременными памятниками и отражают динамику освоения жителями соответствующих микротерриторий. Здесь же находились родовые кладбища дружинной верхушки населения. Некрополи рядовых жителей, как представляется, пока неизвестны.

С Острой Лукой был тесно связан регион среднего течения р. Воронеж. В обоих районах относительно хорошо выражены культурные традиции «лесных» племен, на Крутогорье обнаружены сосуды, изготовленные ксизовским гончаром (Акимов, Бирюков, 2006, с. 255, рис. 1: 8). На воронежских городищах присутствовали воины, о чем свидетельствуют находки кольчужных колец, наконечников стрел, железного псаля, фибул, деталей поясной гарнитуры и других находок (рис. 3: 5, 8–10, 13, 14, 19). Вероятнее всего, цепь городищ выполняла роль пограничных застав, обращенных к воронежско-хоперскому степному междуречью, в тот период подконтрольному номадам.

Вторым по степени заселенности регионом в рассматриваемый период было устье р. Воронеж, где проживало преимущественно сельское население, этнически смешанное, но с отчетливым преобладанием славянского компонента. Ремесленные мастерские, обслуживавшие господствующую воинскую прослойку, как и наземные дома большой площади, здесь не найдены. Между тем, представители дружинной знати присутствовали и в данном регионе (Животинное, Чертовицкое III, Староживотинное 3). Наиболее вероятной их функцией была так же пограничная служба.

Итоги анализа регионального расположения памятников верхнедонского населения и их иерархической структуры не противоречат гипотезе А.М. Обломского о существовании в гуннское время донского торгового пути, соединявшего Танаис и лесную зону (Обломский, 2011, с. 459–460).

При этом верхнедонскую часть этого пути контролировало воинственное дружинное сообщество, неоднородный этнический состав которого является предметом дискуссии (Обломский, 2006, с. 242; Акимов, 2015, с. 10–11). Автор отстаивает его алано-германскую атрибуцию (Акимов, 2013, с. 154–155). Ключевыми пунктами в этой части пути были устье Воронежа, где находилось

основное место переправы, и Острая Лука Дона, где была расположена ставка местного вождя. От возможной угрозы со стороны обитателей остепенного в эту эпоху воронежского правобережья торговую магистраль охраняла цепь укрепленных пограничных застав, располагавшихся на старых скифо-сарматских или вновь обустроенных городищах.

Литература

Акимов Д.В., 2007. Население Верхнего Подонья накануне и в период гуннского вторжения в Восточную Европу // РА. № 3. С. 41–51.

Акимов Д.В., 2012. Заселение территории Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов: истоки, пути и ритмы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 163–179.

Акимов Д.В., 2013. «Варварское королевство» гуннского времени на Верхнем Дону // *Stratum plus*. № 4. С. 147–157.

Акимов Д.В., 2015. Процессы становления государства у варваров и данные археологии (на примере древностей гуннского времени Верхнего Подонья) // Исторические записки: научные труды исторического факультета ВГУ. Вып. 17. Воронеж: ВГУ. С. 4–13.

Акимов Д.В., Бирюков И.Е., 2006. Городище Крутогорье и его место среди верхнедонских памятников рубежа древности и средневековья (предварительные замечания) // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк: ЛГПУ. С. 254–257.

Акимов Д.В., Ененко Е.А., 2012. Случайные находки вещей римского времени в пределах лесостепного Подонья // *Stratum plus*. № 4. С. 127–137.

Акимов Д.В., Медведев А.П., 2009. Поселение Староживотинное 3 и его место среди верхнедонских памятников 1-й половины I тыс. н.э. // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 4 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 186–210.

Акимов Д.В., Мулкиджанян Я.П., 2015. Производственный комплекс городища Крутогорье: варианты реконструкции и интерпретации // Лес-

ная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 132–141.

Акимов Д.В., Пряхин А.Д., 2010. Новые памятники эпохи Великого переселения народов в низовьях реки Воронеж // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 174–184.

Бирюков И.Е., 1998. I Перехвальское городище на Верхнем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12) / Отв. ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ. С. 97–109.

Бирюков И.Е., Акимов Д.В., 2008. Оборонительные сооружения городищ гуннского времени на Верхнем Дону // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 130–141.

Бирюков И.Е., Голотвин А.Н., 2009. Поселение Чертовицкое VI на р. Воронеж (бассейн Верхнего Дона) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 4 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 162–185.

Добровольская М.В., Решетова И.К., 2015. Население Верхнего Подонья в «гуннское время» (по материалам некрополей Ксизово 17 и 19). Биоархеологический очерк // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16). М.: ИА РАН. С. 274–290.

Земцов Г.Л., 2003. Миграционные потоки III–V вв. н.э. и Верхнедонской регион (на примере

поселения Мухино-2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ им. П.В. Алабина и Международной конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ. С. 108–116.

Зиньковская И.В., 2008. Поселение и могильник раннегуннского времени на Животинном городище // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи: сборник научных трудов / Отв. ред. А.З. Винников. Воронеж: ВГУ. С. 32–51.

Кулявцева-Главова Я., 2015. Антропологические результаты осмотра и обмеров некоторых скелетов гуннского времени из могильников Ксизово-17 и 19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16). М.: ИА РАН. С. 309–360.

Медведев А.П., 1996. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Бескуднов. Липецк: ЛГПИ. С. 111–121.

Медведев А.П., 1998. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины I тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12) / Отв. ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ. С. 42–84.

Обломский А.М., 2004. Замятинский археологический комплекс – перекресток этнокультурных традиций // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Вып. 6). М.: ИА РАН. С. 148–162.

Обломский А.М., 2005. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // КСИА. Вып. 219. С. 104–120.

Обломский А.М., 2006. Верхнее Подонье как часть гуннской державы // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-ле-

тию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк: ЛГПУ. С. 238–242.

Обломский А.М., 2011. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тыс. н.э. // *Stratum plus*. Петербургский апокриф. Послание от Марка. Памяти М.Б. Щукина. С. 443–462.

Обломский А.М., Козмирчук И.А., 2015а. Материалы гуннского времени могильника Ксизово-17 (описание погребений, ритуальных объектов, вещевой комплексы) // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16). М.: ИА РАН. С. 37–74.

Обломский А.М., Козмирчук И.А., 2015б. Могильник гуннского времени Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16). М.: ИА РАН. С. 134–164.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени, 2004. (Раннеславянский мир. Вып. 6.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 230 с.

Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.), 2015. (Раннеславянский мир. Вып. 16.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 660 с.

Терпиловский Р.В., 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. Lublin: UMCS. 232 с.

Терпиловский Р.В., 2008. Социально-экономический аспект исследования материалов Замятинского археологического комплекса // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Вып. 6). М.: ИА РАН. С. 137–143.

The structure and hierarchy of the Upper Don settlements of the Migration period

D.V. Akimov (Voronezh)

Key words: Upper Don, Hun period, hillfort, settlement, Slavs, Alans, Germans.

Nowadays there are more than fifty sites of the Hun period in the Upper Don basin. Geographically they are divided into four regions: the lower course and the estuary of the river Voronezh; Ostraya Luka of Don; the middle course of the river Voronezh; the Right-Bank Don between estuaries of the rivers Krasivaya Mecha and Vyazovka. The analysis of position of the sites, their location in the region and hierarchical structure do not contradict the hypothesis about the Don trade road from Tanais to the forest zone, which was used in the Hun period. Furthermore, the Upper Don part of this road was controlled by a *druzhina* of heterogeneous ethnic composition. The author insists on its Alanian-Germanic attribution. The key points of the Upper Don part of the road were the estuary of the river Voronezh, the place of main ferriage, and Ostraya Luka of Don where the local chieftain's seat was situated. The chain of frontier posts situated on the old Scythian-Sarmatian or rebuilt hillforts guarded the trade way from the threat of steppe inhabitants of the right bank of the river Voronezh.

Translated by I. Grigoryan

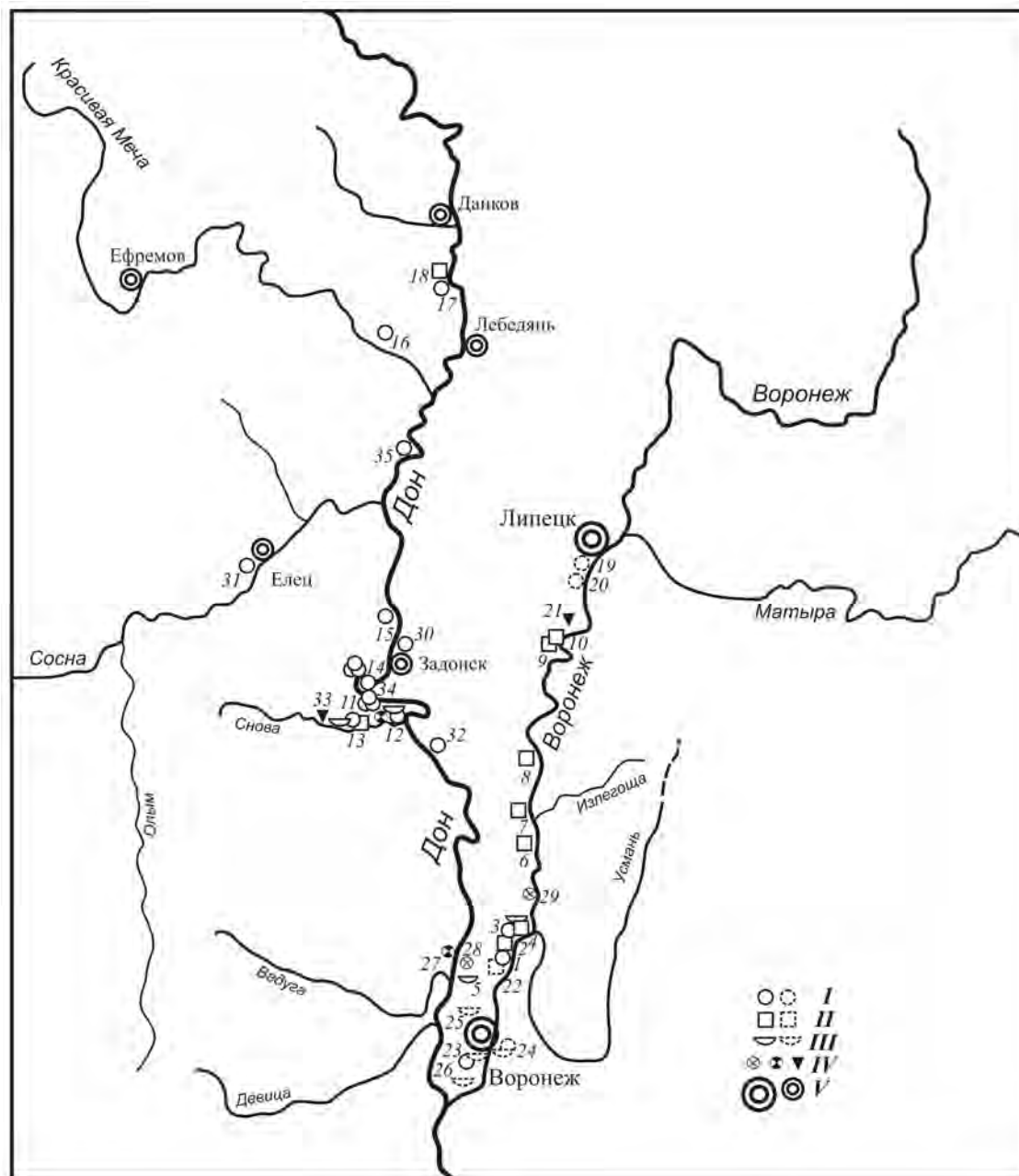

Рис. 1. Карта памятников гуннского времени Верхнего Подонья
(по: Акимов, 2013; Острая Лука Дона..., 2015)

I – неукрепленные поселения; II – городища; III – могильники; IV – находки монетных кладов (слева), отдельных монет (в центре), других вещей (справа); V – современные населенные пункты.

Пунктиром даны памятники, предположительно относящиеся к эпохе.

1 – Чертовицкое VI, п.; 2 – Чертовицкое III, г.; 3 – Староживотинное 3, п.; 4 – Животинное, г., м.; 5 – Ямное, м.; 6 – Пекшево, г.; 7 – Сенное, г.; 8 – Подгорное, г.; 9 – Крутогорье, г.; 10 – Малый Липяг, г.; 11 – Замятино 1, 2, 4, 5, 7–10, 12, 13, п.; 12 – Ксизово 5, 6, 8, 16–19, 19А, п., м., Ксизово южное, п., Острая Лука 4, п.; 13 – Мухино 2, 9, 10, п., м., Мухино, г.; 14 – Каменка 1, 4, 5, 8 п.; 15 – Небезеколодезное, п.; 16 – Коллектив, п.; 17 – Лес Озерки, п.; 18 – Перехваль I, г.; 19 – южная окраина г. Липецк, п.; 20 – Хрущевка, п.; 21 – Первое Мая, о. н.; 22 – Чертовицкое II, г.; 23 – Шилово, п., м.; 24 – Таврово, п., м.; 25 – Подгорное, м.; 26 – Стрельбище IV, м.; 27 – Хвощеватовка, о. н.; 28 – Медовка, о. н.; 29 – Карачун, о. н.; 30 – Тюнино, п.; 31 – Лавы, п.; 32 – Елец-Маланино 1, п.; 33 – Ольшанец, о. н.; 34 – Нижнее Казачье 10, п.; 35 – Яблоново 4, п.

Примечание: м. – могильник, п. – неукрепленное поселение, г. – городище, о. н. – отдельная находка.

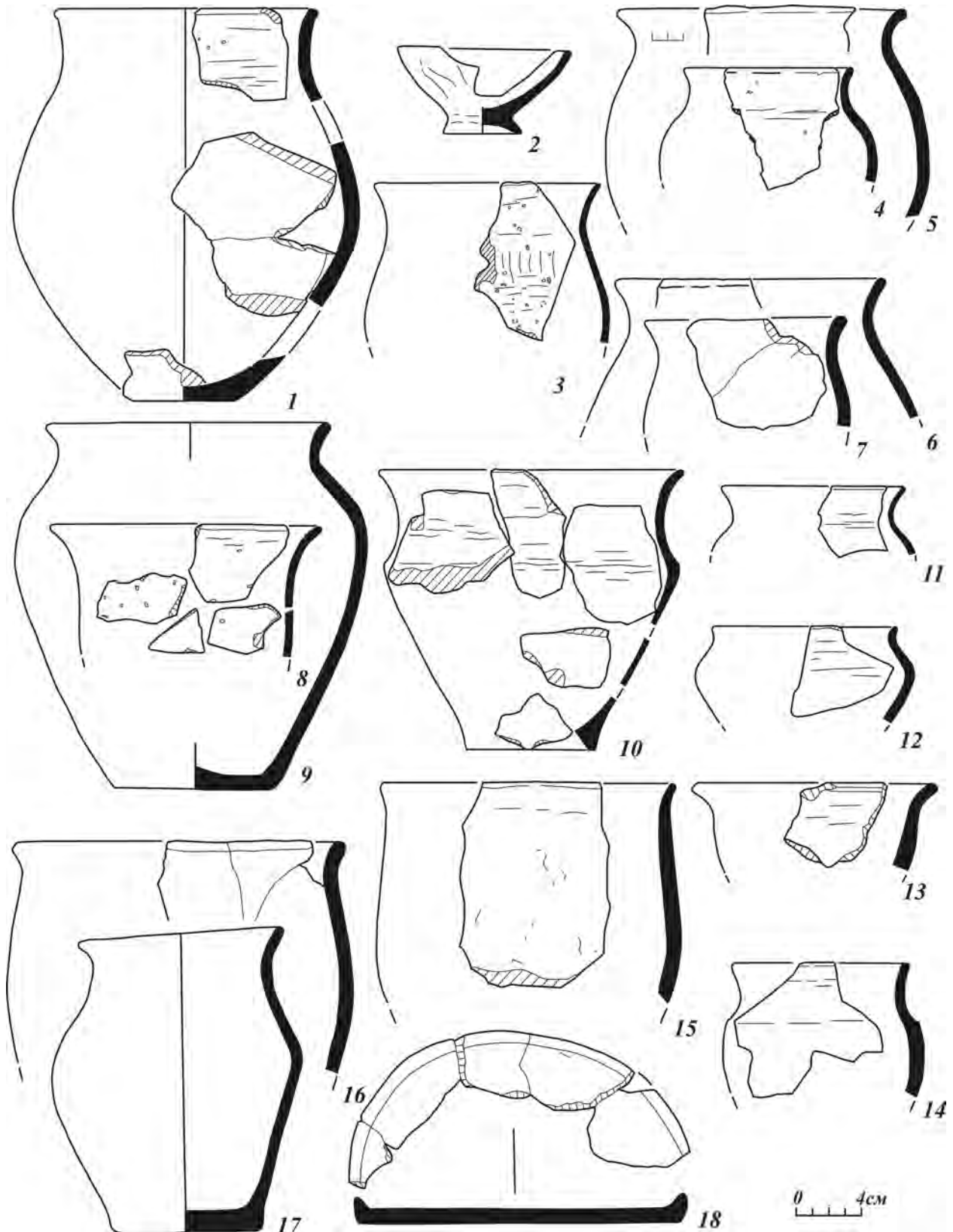

Рис. 2. Лепная керамика традиций киевской и иных культур на памятниках гуннского времени Верхнего Подонья

(по: Медведев, 1998; Острая Лука Дона..., 2004; Акимов, 2012, рис. 5; 6).

1, 3, 4, 6, 8, 10, 11 – городище Крутогорье; 2, 14 – Замятино 8; 5, 16, 17 – Староживотинное 3;
7 – Замятино 5; 9, 13, 18 – Чертовицкое III городище; 12, 15 – Шилово.

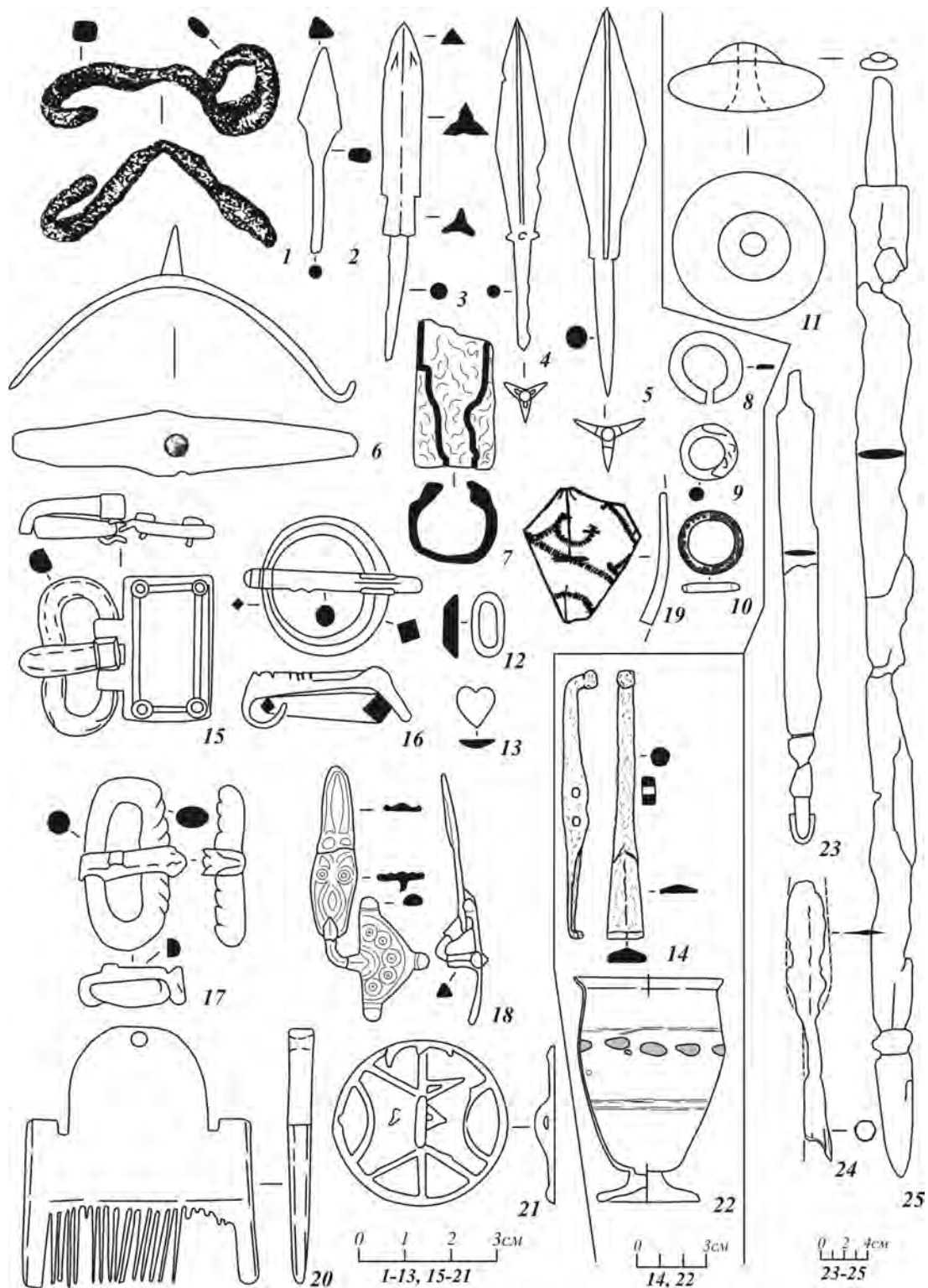

Рис. 3. Некоторые категории вещевых находок на памятниках гуннского времени Верхнего Подонья (по: Острая Лука Дона..., 2004; 2015; Акимов, 2012)

1, 4, 7 – Староживотинное 3; 2, 12, 17 – Замятино 8; 3 – Замятино 7; 5, 13 – Чертовицкое III;
6 – Шилово; 8–10, 14, 19 – Крутогорье; 11, 15, 23, 25 – Животинный могильник;
16, 20, 21 – Ксизово 17Б; 18 – Замятино 5; 22, 24 – Ксизово 17А. 1–10, 14, 16, 17, 24, 25 – железо;
11 – янтарь, бронза; 12 – гранат (альмандин (?)); 13, 19, 22 – стекло; 15 – серебро; 18, 21 – бронза;
20 – рог; 23 – железо, бронза.

Рисунки А.М. Обломского, И.О. Гавритухина, А.П. Медведева, Л.Ю. Гончаровой, Д.В. Акимова.

Вещевой и керамический комплекс: хронология, распространение, производство

О ребристых бусах (тип ТМ-171) в центрально- и североевропейском Барбарикуме

А. Коковский (Люблин)

Ключевые слова: бусы, распространение, типология, фаянсовые бусы, Барбарикум.

Поводом для написания данной статьи послужила бусина из комплекса болотных находок Иллеруп в Дании (Skjær, 2002; 2007). Она имеет неправильную, близкую к шаровидной форму, канал расположен по оси симметрии. Рифление четкое, ребра сходятся к основаниям широкого канала. Изготовлена из непрозрачного стекла и покрыта глазурью зеленого цвета (рис. 1; цветная вклейка). Обычно такие бусины описывают как фаянсовые с зеленой глазурью.

Украшение относится к группе XVIII по классификации М. Темпельманн-Мончынської, объединяющей бусы с рифленой поверхностью. Принадлежащие к этой группе типы ТМ-155–174 получили в немецкоязычной литературе название “Melonenperlen” (или «дыневидные» бусы). Они, в свою очередь, разделяются на две подгруппы: украшения типов ТМ-155–166 изготовлены из прозрачного, а изделия типов ТМ-167–173 – из полупрозрачного стекла. Бусы типа ТМ-174 дополнительно декорированы глазками (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 19, 20). Более поздняя сводка находок ребристых бус выполнена Г. и Й. Бемманнами (Bemmann G., Bemmann J., 1998, S. 115–118, 429).

Судя по составленному М. Темпельманн-Мончынської каталогу находок и карте, на которой обозначены места обнаружения подобных украшений (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 176, 177, Taf. 39), на территории Барбарикума наибольшее распространение получили непрозрачные голубые ребристые бусы (тип ТМ-171). В упомянутой работе, однако, не были специально выделены часто встречающиеся фаянсовые бусы, покрытые

зеленой глазурью, а также более редкие экземпляры белого и красного цветов. В системе М. Темпельманн-Мончынської не уделяется достаточно внимания материалу – «египетскому фаянсу», что ведет не только к сложностям при отнесении находок к конкретному типу, но и к тому, что растущее число бус в форме двойных ведерковидных подвесок¹ вообще невозможно учесть.

Лишь совсем недавно, во время подготовки «Свода римских импортов в европейском Барбарикуме», ребристые бусы из фаянса стали рассматриваться как отдельная группа материала. Тогда же были предприняты попытки определить их место в классификации М. Темпельманн-Мончынської. В томе, посвященном Гамбургу и земле Шлезвиг-Гольштейн, подобные изделия отнесены авторами к типу 489b (Erdrich, Carnap-Bornheim, 2004), в который М. Темпельманн-Мончынська объединила все глиняные бусы (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 26). В том же томе бусина из Тралау, изготовленная, судя по описанию, из прозрачного стекла, напротив, причислена к типу ТМ-171². В других случаях находки при классификации относятся к типам группы XVIII, но

¹ См. раздел о ведерковидных подвесках типа II (Kokowski, 2017).

² Составители тома «Свода...», посвященного земле Саксония-Анхальт (Becker et al., 2006), вводят еще одно новшество. Они описывают бусы группы I, преимущественно типов ТМ-2 и ТМ-4 (например, находки из Котена и Вискау), как «дыневидные». Приведенный факт подтверждает необходимость пересмотра основной системы классификации бус. Ряд находок, в данном случае позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов, эта система не охватывает.

с дополнительным обозначением «фаянс», при необходимости также отдельно указан их цвет. Х-У. Фосс выделяет самостоятельную группу под названием «фаянс» (Voß, 1998).

Так как «ребристые бусы из голубого фаянса» уже объединены в тип ТМ-171 (Tempelmann-Maczyńska, 1985, S. 20), целесообразно сохранить это устоявшееся определение, включив в него украшения других цветов и введя подтипы: ТМ-171а – голубой, ТМ-171b – зеленый, ТМ-171с – белый; ТМ-171d – красный. Такие оттенки, как бирюзовый, сапфировый или кремовый в представляемой систематизации не учитываются.

Предложенное решение логично следует из классификации фаянсовых бус Северного Причерноморья, разработанной Е.М. Алексеевой (1975). В ее основе лежат такие признаки, как технология изготовления украшений и количество ребер, дополненные не вполне однозначным критерием «качество изготовления». Исследовательница выделяла три основных типа (15–17) с целым рядом вариантов внутри каждого из них (Алексеева, 1975, с. 33–35). Примечательно, что цвет как отдельный признак Е.М. Алексеевой вообще не рассматривается. Тем не менее для ребристых бус, находки которых весьма многочисленны³, цвет является немаловажной характеристикой, что становится очевидным даже при поверхностном изучении материала (Kokowska, 2011, S. 515, Abb. 11). Решение не учитывать этот признак в классификации может объясняться тем, что у фаянсовых бус достаточно часто не сохраняется верхний слой глазури, что осложняет или делает невозможным определение цвета изделия.

В заключение нужно отметить, что существуют два способа нанесения глазури на фаянсовые бусы. При первом ее тонкий слой фрагментарно сохраняется на основе бусины, без покрытия имеющей серый оттенок. При втором покрытие настолько глубоко проникает в основу, что цвет сохраняется даже при сильном истирании изделия. Применение второго способа зафиксировано на находке из Иллерупа и, по меньшей мере, на двух украшениях из Масломенча (рис. 2; цветная вклейка). Точная реконструкция способа нанесения глазури, однако, возможна только путем применения разрушающих естественнонаучных методов анализа.

³ Е.М. Алексеева указывает число находок не для всех вариантов, однако даже количество учтенных экземпляров достигает 500.

Все данные об известных в литературе бусах типа ТМ-171 систематизированы автором настоящей статьи в сводной таблице, которая не приводится здесь ввиду большого объема. В ней представлены сведения о месте обнаружения изделия, характере находки (болотная находка/подъемный материал/курган/раскоп/не определено), подтипе бусины (предложенные выше ТМ-171а – ТМ-171d), а также источнике информации (Kokowski, 2017, глава 7).

Количество бусин типа ТМ-171 определено больше, чем учтенные автором 710 находок, происходящие из 215 пунктов, которые можно надежно объединить в одну группу. Среди них доминируют голубые бусы типа ТМ-171а (311 экз.), второе место занимают зеленые типа ТМ-171b (241 экз.). Наиболее редки красные изделия ТМ-171d (12 экз.). Довольно значительный массив составляют бусины, цвет которых не определен (133 экз.), что может быть обусловлено как отсутствием необходимой информации в публикации, так и плохой сохранностью находок, происходящих преимущественно из погребений по обряду кремации. Бусы из Иллерупа принадлежат к большой группе фаянсовых украшений с зеленой глазурью типа ТМ-171b.

Распространение бус типа ТМ-171 отображает карта (рис. 3). По сравнению с картой М. Темпельманн-Мончынської (Tempelmann-Maczyńska, 1985, Taf. 39) на ней не только резко возросло число пунктов, где обнаружены рассматриваемые украшения, но и появились находки в областях, в которых ранее они были неизвестны.

Примечателен тот факт, что 66% всех бус типа ТМ-171 происходит с территории к востоку от Одера. При этом число мест находок на этой территории (111) незначительно больше, чем к западу от Одера (85). Интересные результаты дало сравнение частоты встречаемости изучаемых изделий в трех основных культурных областях: в ареале пшеворской культуры в 46 пунктах обнаружено 28% всех бусин данного типа, в зоне распространения вельбарской культуры в 65 пунктах – 38,8%, западнее Одера в 85 пунктах – 29%. Эти цифры свидетельствуют, что германцы западных областей использовали бусины типа ТМ-171 только в качестве отдельных элементов ожерелий. Известны лишь несколько исключений, три из которых происходят из регионов, лежащих в непосредственной близости от ареалов пшеворской и вельбарской культур: Плёвен (Plöwen), погребение 8 с 20 бусинами (Stange, 1979, S.169–170, Abb. 6k; 6b), Садзаржевице (Sadzarzewice) более

чем с 16 бусинами (Jentsch, 1896, S. 47, 53) и Любошице (Luboszyce), погребение 23 с 26 бусинами (Domański, 1982, S. 14, 152, Taf. IIIe). В Поэльбье исключение составляет Цетлинген (Zethlingen), погребение 11, из которого происходят почти 50 бусин. Недалеко от него расположен могильник Борстель (Borstel), в котором зафиксированы десять бусин (Tempelmann-Maczyńska, 1985, S. 229).

Лишь отдельные украшения исследуемого типа в составе ожерелий встречаются на Ютланде и на островах Дании (Olldag, 1994, S. 219–220).

Трудно сказать, чем обусловлено большое количество изделий типа ТМ-171 на территории современной Польши. Возможно, это отражает особенное пристрастие к бусам населения данного региона, или объясняется их доступностью здесь. В поддержку последней гипотезы свидетельствуют находки ожерелий, включающих много таких украшений. В качестве примера можно упомянуть погребения 63 могильника Каменьчик (Kamieńczyk) (Dąbrowska, 1997, S. 22, Taf. XXX/63: 7–13) и 291 в Вымыслово (Wymysłowo) (Jasnosz, 1952, S. 197, Abb. 297: 12), содержавшие по 7 экземпляров, а также погребение 3 могильника Опока (Орока) с 10 экземплярами (Szarek-Waszkowska, 1971, S. 81, 135, Taf. III: 3–12). Тот факт, что западнее Одера находок меньше, не может быть связан со спецификой погребального обряда (кремации), так как бусины не разрушаются в огне, что подтверждают их находки в трупосожжениях пшеворской культуры. Чаще всего они только утрачивают верхний слой глазури.

Показательно также распространение зеленых бусин типа ТМ-171, к которым относится и экземпляр из Иллерупа. Они преобладают в западной части Балтийского побережья, часто встречаются

на Средней и Нижней Эльбе, но данных для вывода, что зафиксированные в Иллерупе бусы происходят из этого региона, недостаточно. Отдельные их находки известны также на датских островах Зеландия, Фюн, Лолланн и даже на Ютланде.

Ребристые фаянсовые бусы появляются в период В1, наибольшее количество их находок приходится на период В2. Их популярность явно возрастает в периоды В2/С1–С1а; позже подобные украшения встречаются редко, скорее как исключение, как запаздывающие элементы ожерелья. Примером тому является находка из погребения 2 из Зандерумгарда (Sanderumgård) (Albrechtsen, 1968, Taf. 37b), датируемая периодом С2 (Olldag, 1994, S. 220).

Важен вопрос о происхождении бусин типа ТМ-171. Особая популярность этой формы не позволяет точно определить ее генезис, что бывает возможно для других предметов из «египетского фаянса». Частая встречаемость подобных украшений в некрополях античных городов Причерноморья отчетливо маркирует направление их поступления, по крайней мере, в Центральную Европу (Алексеева, 1975). Однако наличие таких бусин в западных провинциях Империи, граничащих с варварским миром, не исключает того, что какая-то их часть могла появиться в Великой Германии (Germania Magna) западными торговыми путями (Olldag, 1994, S. 220).

При дальнейшем изучении украшений рассматриваемого типа перед исследователями стоят следующие задачи: группа ребристых бус нуждается в более дифференцированной классификации, а принятая в науке систематизация отдельных их форм должна быть пересмотрена; изделия из фаянса необходимо выделить в отдельную группу материала.

Перевод с немецкого О. Вороновой

Литература

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья (САИ. Вып. Г1–12). М.: Наука. 118 с.

Albrechtsen E., 1968. Fynske Jernaldergrave. Yngre romersk jernalder. Bd. III. Odense: Andelsbogtrykkeriet. 389 s.

Becker M., Bemann J., Laser R., Leineweber R., Schmidt B., Schmidt-Thielbeer E., Wetzel I., 2006. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Deutschland. Bd. 6. Land Sachsen-Anhalt. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. 427 S.

Bemann G., Bemann J., 1998. Der Opferplatz von Nydam. Die Funde aus den älteren Grabungen: Nydam-I und Nydam-II. Bd. I. Neumünster: Wachholtz Verlag. 478 S.

Dąbrowska T., 1997. Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien (Monumenta Archaeologica Barbarica. Bd. III) / Hrsg. A. Kokowski, Z. Woźniak. Kraków: Wydawnictwo i Drukarnia „Secesja“. 334 S.

Domański G., 1982. Cmentarzysko w Luboszycach (II–IV w.) // Prace Komisji Nauk Humanistycz-

nych PAN we Wrocławiu. Nr. 12 / Red. Z. Kwiecińska. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Ossolineum, 228 s.

Erdrich M., Carnap-Bornheim von C., 2004. Freihe- und Hansestadt Hamburg und Land Schleswig-Holstein (Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Deutschland. Bd. 5). Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH. 180 S.

Ilkjær J., 2002. Illerup Ådal – ein archäologischer Zauberspiegel. Moesgård: Poul Kristensen Grafiks Virksomhed A/S. 152 S.

Ilkjær J., 2007. Illerup Ådal – czarodziejskie zwierciadło archeologii. Warszawa: TRIO. 154 s.

Jasnosz S., 1952. Cmentarzysko z okresu późnolateńskiego i rzymskiego w Wymysłowie, pow. Gostyń // Fontes Archaeologici Posnanienses. Bd. 2. S. 1–282.

Jentsch H., 1896. Das Gräberfeld bei Sadersdorf, Kr. Guben, und andere Niederlausitzer Fundstellen der La Tène- und der provinzialrömischen Zeit // Niederlausitzer Mitteilungen. Bd. IV. Hft. 1–4. S. 1–142.

Kokowska E., 2011. Gagat – czarne złoto starożytności // Na srebrnym koniu. Archeologiczne skarby znad Morza Czarnego i Kaukazu / Hrsg. A. Kokowski, M. Wemhoff. Lublin: UMCS. S. 489–519. (На пол. и нем. яз.)

Kokowski A., 2017. Illerup Aadal. Kleinfunde. Bd. XV (Jutland Archaeology Society Publication. Bd. XXXVI). Aarhus: Jysk Arkæologisk Selskab. 320 S.

Olldag I.E., 1994. Glasperler i danske fund fra romersk jernalder // Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie 1992. S. 193–280.

Stange H., 1979. Ein Gräberfeld der frühromischen Kaiserzeit von Plöwen, Kreis Pasewalk // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. Jhrg. 1978. S. 133–192.

Szarek-Waszkowska E., 1971. Cmentarzysko kultury przeworskiej w miejscowości Opoka, pow. Puławy // Studia i Materiały Lubelskie. Bd. 5. S. 79–187.

Tempelmann-Maczyńska M., 1985. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum (Römisch-Germanische Forschungen. Bd. 43). Mainz a/R: Verlag Philipp von Zabern. 420 S.

Voß H.-U., 1998. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Deutschland. Bd. 3. Bundesland Mecklenburg-Vorpommern. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH. 212 S.

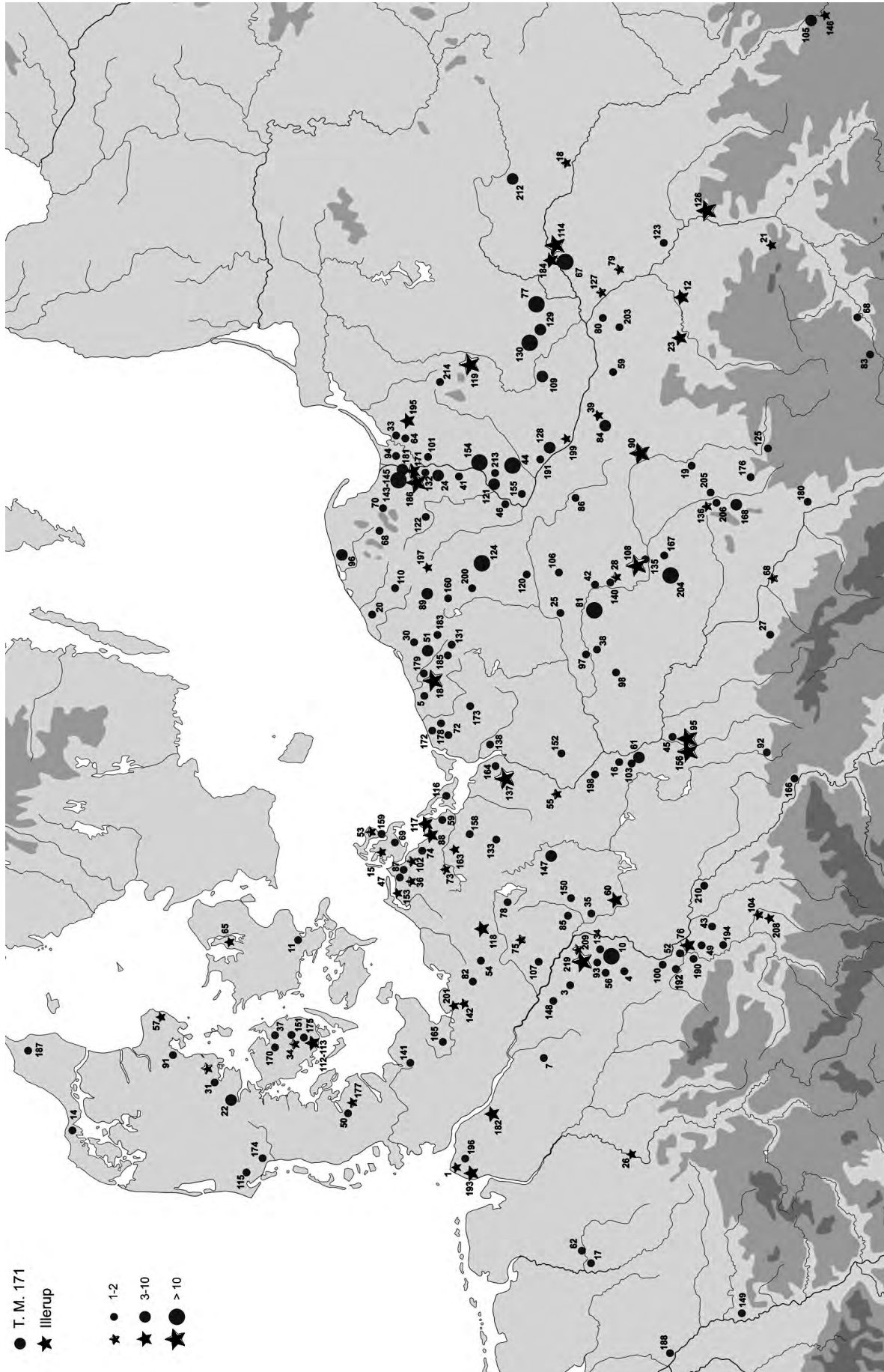

Рис. 3. Распространение ребристых бус типа ТМ-171. Рис.: Л.Ф. Томсен.

- 1 – Altenwalde; 2 – Altmark; 3 – Andorf; 4 – Berkau; 5 – Bezpraw; 6 – Bilzingsleben; 7 – Böddenstedt; 8 – Bodzanowo; 9 – Bogaczewo Kula; 10 – Borstel; 11 – Broskov; 12 – Brzeźce 1; 13 – Buczek; 14 – Bulbærg; 15 – Bußvitz; 16 – Carzig; 17 – Castrop-Rauxel; 18 – Cecele; 19 – Chartupia Mała; 20 – Charnowo; 21 – Chmielów Piskowy; 22 – Chr. Winthersvej; 23 – Ciebłowice Duże; 24 – Cieple; 25 – Ciszkowo; 26 – Costedt; 27 – Dębina; 28 – Dębogóra; 29 – Diersheim; 30 – Dworzysko; 31 – Egebjerg; 32 – „Eichberg“; 33 – Eilblag PNM; 34 – Espe; 35 – Fohrde; 36 – Franzburg; 37 – Fraugde; 38 – Gaj Mały; 39 – Gledzianówek; 40 – Głogów; 41 – Gniew; 42 – Golaszyn; 43 – Görzig; 44 – Gostkowo Folsąg; 45 – Grabice; 46 – Grabowo; 47 – Grenzin; 48 – Grødbygård; 49 – Grossbadegast; 50 – Gross Saltbrück; 51 – Grzybnica; 52 – Güsten; 53 – Halbinsel Jasmund; 54 – Häven; 55 – Hertzprung; 56 – Herren; 57 – Hesselager; 58 – Högom; 59 – Hohendorf; 60 – Hohenferschesar; 61 – Horno; 62 – Hullern (Haltern); 63 – Jakuszowice; 64 – Janów Pomorski; 65 – Juellinge; 66 – Kamienica Szlachecka 3; 67 – Kamieńczyk; 68 – Karczyn; 69 – Karnitz; 70 – Kartuzy, Umgebung; 71 – Kemnitz; 72 – Kępica; 73 – Kirch Baggendorf; 74 – Klein Ladebow; 75 – Klein Leppin; 76 – Klein Zerbst; 77 – Kleszewo; 78 – Klink; 79 – Kolacz; 80 – Komorów; 81 – Kowalewko 12; 82 – Kremmin; 83 – Kryspinów (Kraków); 84 – Kutno 2; 85 – Kyritz; 86 – Lachmirowice; 87 – Langendorf; 88 – Latzow; 89 – Lešno; 90 – Leźnica Wielka; 91 – Lisbjerg; 92 – Litten; 93 – Lohne; 94 – Lubieszewo Gdańskie; 95 – Luboszyce; 96 – Lubowidz; 97 – Lutom; 98 – Lwówek; 99 – Maciejewo; 100 – Magdeburg Kr.; 101 – Malbork-Wielbark; 102 – Mannheim; 103 – Markendorf; 104 – Markranstädt; 105 – Masłomęcz 15; 106 – Mikołajewo; 107 – Milow; 108 – Młodzikowo; 109 – Modła; 110 – Modrzewo; 111 – Mokra; 112 – Møllegårdsmarken I; 113 – Møllegårdsmarken; 114 – Nadkole 2; 115 – Næsbjerg; 116 – Neppermin; 117 – Netzeband; 118 – Neu Poserin; 119 – Niedanowo; 120 – Nieżychowo; 121 – Nowe Dobra; 122 – Nowe Polaszki; 123 – Oblin; 124 – Odry; 125 – Opatów; 126 – Opoka; 127 – Osieck; 128 – Osiek; 129 – Pajewo Szvelice; 130 – Pałuki; 131 – Parsecko; 132 – Pelpin; 133 – Penzlin; 134 – Petersmark; 135 – Pięczkowo; 136 – Piwonice 3; 137 – Plöwen; 138 – Podąnsko; 139 – Pollkritz; 140 – Poznań Winiary – Szeląg; 141 – Preetz; 142 – Pritzler; 143 – Pruszcz Gdański 7; 144 – Pruszcz Gdański 10; 145 – Pruszcz Gdański Zuckerfabrik; 146 – Przewodów; 147 – Rauschendorf; 148 – Rebenstorf; 149 – Rheindorf; 150 – Rhinow; 151 – Ringe; 152 – Różańsko; 153 – Rubitz; 154 – Rządź; 155 – Rzęczkowo; 156 – Sadzarzewice; 157 – Sanderumgård; 158 – Sarnow; 159 – Saßnitz; 160 – Sapólno Człuchowskie; 161 – Schönkamp 4; 162 – Schulzendorf; 163 – Schwanbeck; 164 – Schwennenz; 165 – Schwissel; 166 – Serby; 167 – Siedlemin; 168 – Siemianice; 169 – Siwek; 170 – Skovgårde; 171 – Skowarcz; 172 – Skrobotkowo; 173 – Słonowice; 174 – Sneumgård; 175 – Stengade II; 176 – Strobin; 177 – Süderschmedeby; 178 – Świecie Kolobrzeskie; 179 – Świelubie; 180 – Tarnów; 181 – Tczew; 182 – Tostedt-Wüstenhöfen; 183 – Trzebiechowo; 184 – Tuchlin; 185 – Tychowo; 186 – Ulkowy; 187 – Vogn; 188 – Vrassel; 189 – Wahlitz; 190 – Wandersleben; 191 – Warszawa Żerań Białofęka; 192 – Wechmar; 193 – Wehden; 194 – Weiffenfels; 195 – Weklitz; 196 – Westerwanna; 197 – Węsiory; 198 – Wilhelmsaue; 199 – Włocławek, Umgebung; 200 – Włocibórz; 201 – Wotenitz; 202 – Wódka; 203 – Wólka Łasiecka; 204 – Wymysłowo; 205 – Zadowice; 206 – Zagorzyn 1; 207 – Zahna; 208 – Zauschwitz; 209 – Zedau; 210 – Zethlingen; 211 – Zwethau; 212 – Zawyki; 213 – Zębowo; 214 – Zwierzewo; 215 – Żakowo.

Zu den sog. Melonenperlen – bspw. vom Typ T.M.171 – im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum

A. Kokowski (Lublin)

Schlüsselwörter: Perlen, Verbreitung, Typologie, Fayenceperlen, Barbaricum.

Den Bezug des Beitrags bildet eine Perle aus einem Mooropferfund in Illerup. Innerhalb des Klassifizierungssystems von M. Tempelmann-Mączyńska findet es in der Gruppe XVIII.171 – „melonenförmig, aus blauer Fayence“ – seinen Platz. Diese Definition soll mit die Perlen anderer Färbung ausgedehnt werden: Typ T.M.171a – blau, T.M.171b – grün, T.M.171c – weiß; T.M.171d – rot.

Es ist 710 Funde von Perlen T.M.171 von 215 Fundplätzen zusammengestellt. Es dominieren in der Liste Perlen T.M.171a (311 Exemplare), gefolgt von grünen Perlen T.M.171b (241 Exemplare). Die roten Perlen T.M.171d sind am seltensten (12 Exemplare). Die Gruppe der unbestimmbaren Stücke ist recht groß (133 Exemplare). Die Verbreitung der Perlen T.M.171 zeigt Karte. Auffallend ist die Tatsache, dass gut 66% aller Perlen T.M.171 aus dem Raum östlich der Oder stammen. Bemerkenswerterweise ist dabei die Zahl der Fundplätze (ca. 111) nicht viel größer als die Zahl der Fundplätze westlich der Oder (ca. 85).

Ein Vergleich der Fundhäufigkeiten in den drei grundsätzlichen Kulturgebieten bringt gleichfalls ein interessantes Ergebnis: Das Gebiet der Przeworsk-Kultur (46 Fundstellen) liefert 28% aller Perlen, aus dem Gebiet der Wielbark-Kultur (65 Fundplätze) stammen 38,9% aller Funde, westlich der Oder hingegen sind immerhin etwa 85 Fundplätze mit Perlen T.M.171 bekannt, die aber nur einen Anteil von 29% des Gesamtfundmaterials erbrachten.

Allgemein erscheinen melonenförmige Perlen aus Fayence im Verlauf der Stufe B1 und sind in der Stufe B2 am zahlreichsten. Ihre Beliebtheit nimmt während der Phase B2/C1–C1a deutlich ab, danach gehören sie zu den nur ausnahmsweise auftretenden, archaisch wirkenden Bestandteilen von Halsketten.

Фибулы-броши в культурах Восточной Балтии

О.А. Хомякова (Москва)

Ключевые слова: фибулы-броши, эпоха римских влияний, балтский круг, культура таранд.

Фибулы-броши – одна из категорий вещей стиля восточноевропейских выемчатых эмалей, изучению которого посвящена серия трудов А.М. Обломского. В культурах Восточной Балтии эпохи римских влияний они представлены как предметами римского импорта, так и изделиями локальной традиции производства. Этот факт считается одним из доказательств влияния прибалтийских культур на формирование стиля украшений с выемчатыми эмалями в Поднепровье и Подонье. В центре внимания сторонников данной теории находятся броши из Северной Латвии, Эстонии и Финляндии – ареала культуры могильников с каменными оградками (культуры таранд) (Mooga, 1929, Taf. VI: 13–15; VII; 1938, S. 100–118; Шмидехельм, 1955, с. 217–220; Корзухина, 1978, с. 31–34; Фролов, 1974, с. 19–27; Гороховский, 1988, с. 125, 126). Однако указанные местные украшения являются лишь частью массива подобных изделий в Восточной Прибалтике. В настоящей статье рассматриваются импортные броши и проблемы формирования традиции их производства в культурах Восточной Балтии. Эти данные позволят глубже понять особенности и механизмы сложения горизонта восточноевропейских эмалей в раннеславянских культурах.

I. Импортные броши (рис. 1: I) отличаются наличием эмалевых вставок и конструкция застежки, состоящей из шарнира или пружины. В Прибалтике они представлены следующими типами.

Броши с площадками-уступами (рис. 1: 26, 27, 33, 46, 50¹; 2: 1–4), наиболее распространен-

ные, близки типам фибул с концентрическими уступами (Tomas, 1966, S. 126–130), 27b (1, 2) по М. Фожеру (Feugère, 1985, Pl. 153), группе III по К. Экснеру (Exner, 1941, Taf. 13–17). Из ареала богачевской культуры происходят экземпляры с площадками-уступами (рис. 2: 1, 2), схожие с типом 27b2 по М. Фожеру (Feugère, 1985, Pl. 153: 1924–25) или III/5/1 по А. Вадаи (Vaday, 2003, p. 344, Fig. 15). Им близка и находка из погребения 379 могильника Папротки Колония (Nowakowski, 2016, S. 472, Abb. 4: 4). Фибула из погребения 12 могильника Махары (рис. 2: 3) (Hollack, Peiser, 1904, Taf. VI: c) сходна с типом 5.III.24 по К. Экснеру (Exner, 1941, Taf. 13: 5.III.24). В самбийско-натангийском ареале брошь с площадкой-уступом (рис. 2: 4) найдена в могильнике Хрустальное в погребении 34 (Heydeck, 1909, S. 219).

Броши с тугулусом (рис. 1: 15, 24; 2: 5, 6). Близки брошам с конусовидным основанием и шишковидными выступами, распространенным в прирейнских областях, Паннонии и сарматском Потисье (Vaday, 2003, p. 331, 332, 338, 339, fig. 7: 11), типам III.60 по К. Экснеру (Exner, 1941, p. 114, 115, Taf. 17: 7.III.60), 25b по М. Фожеру (Feugère, 1985, pl. 152: 1911–1912). Такие фибулы найдены в погребении 44 могильника Лележки (рис. 2: 6) богачевской культуры в Мазурском Поозерье (Gaerte, 1929, Abb. 225a; Bitner-Wróblewska et al., 2011, p. 286: Lehlesken. 001; КГОМ 1–18350/66) и Грейбау (рис. 2: 5) в самбийско-натангийском ареале (Bitner-Wróblewska et al., 2011, p. 286). По архивным данным, фибула из погребения 156 могильника Грейбау имела эмалевые гнезда.

¹ Здесь и далее названия памятников на языке оригинала см. в подписи к рис. 1.

Плоские броши (рис. 1: 3, 37; 2: 8, 9) представлены случайными находками в могильниках Путилово (Gauten) (рис. 2: 9) в ареале самбийско-нотангской культуры (Gaerte, 1929, Abb. 152) и Аукшткемай (рис. 2: 8) на западнолитовском побережье (Banytė-Rowell, 2002, p. 123–130, fig. 1). Фибула из Путилово близка типу III/1/2/1 по А. Вадаи и имеет аналогии в сарматском Потисье, Паннонии и Дакии (Vaday, 2003, p. 331, 332, fig. 7). Экземпляр из Аукшткемай со вставками эмали в технике миллефиори схож с типом 6.III.30 по К. Экнеру (Exner, 1941, Taf. 13: 6.III.30) или 7.14 по Э. Риха (Riha, 1979, Taf. 61: 1607; 62: 1623, 1624).

Плоские броши с кнопкой в центре (рис. 1: 4–6, 13, 21; 2: 7, 10–15) относительно многочисленны в культурах Балтии. Из погребений 12 и 241 могильника Бартликово Мазурского Поозерья происходят два экземпляра (рис. 2: 7, 10) с ромбическими вставками из многоцветного стекла (Nowakowski, 1985, tab. II: 8, 9; КГОМ 1/49 17332.28). Они находят аналогии среди изделий варианта 21А по С. Петкович (Petković, 2010, p. 161, 162, fig. 45) или типа III/7/2/3 по А. Вадаи, которые встречаются на территории Мезии и в рейнских провинциях Римской империи (Vaday, 2003, p. 351–353, fig. 18), в Сингидунуме и Аугусте-Раурике (Riha, 1979, p. 189, 190, tab. 51: 7, 14; Böhme, 1972, Taf. 26: 994). Другой вариант – дисковидные броши с кнопкой (рис. 2: 11). В богатой культуре такая фибула происходит из погребения 57 могильника Бабыента (Nowakowski, 2016, S. 471). Подобные находки известны в прибрежной зоне Восточной Прибалтики. В Западной Литве дисковидная брошь (рис. 2: 12) была найдена в могильнике Банджоэя (Corpus..., 2001a, Taf. IX: 5), в латвийской Курземе – в Пилтене (рис. 2: 14) (Katalog..., 1896, Taf. 8: 17; Mooga, 1938, Abb. 85: 2), в Северной Латвии – на могильнике Гаилиису (рис. 2: 15) (Mooga, 1938, Abb. 85: 3). В Северо-Восточной Эстонии фибула с удлинением в центральной части (рис. 2: 13) происходит из могильника Кюннапахья (Thomas, 1966, S. 127, Abb. 2: 5).

Броши с ажурными геометрическими мотивами (рис. 1: 9, 27, 34; 2: 16, 17) близки провинциально-римским типа 7.6 по Э. Риха (Riha, 1979, Taf. 51: 7.6) и происходят из могильников богатой и самбийско-нотангской культур: Мойтыны, погребение 28 (рис. 2: 16) (Hollack, Peiser, 1904, Taf. II: 28–a; КГОМ 1–18350/53) и Петино (случайная находка, SMB–PK/MVF, PM–A 1186/1: 180). К данному типу, вероятно, принадле-

жит и экземпляр из могильника Велла Краванда (рис. 2: 17) в Северо-Западной Латвии (Katalog..., 1930, Taf. 20: 4).

Аналогии импортным брошам из Прибалтики чаще всего находят в Галлии и Свободной Германии (Nowakowski, 1996, S. 30, 70; Erdrich et al., 2004, Taf. 20: 4, 7). Они могли попасть в Юго-Восточную Прибалтику как из среднедунайских центров, так и из Галлии и прирейнских областей. Фибулы указанных типов представлены в синхронных материалах вельбаркской и пшеворской культур (Maćzyńska, Urbaniak, 2006, p. 151, 152, 155, fig. 1: 1; 2: 4, 6; 2: 8, 11; 4: 6), что, вероятно, объясняется общим импульсом, вызвавшим их появление в Юго-Восточной Прибалтике и Померании.

Датировки провинциально-римских фибул, как правило, базируются на хронологии культурных слоев римских кастреллумов (напр. Exner, 1941; Riha, 1979). Они являются основой и для датирования экземпляров из Северной Германии и Померании, Южной и Юго-Восточной Прибалтики (Tomas, 1966; Skorupka, 2001; Erdrich et al., 2004). Импортные броши из ареала западно-балтских культур относятся к фазам B2/C1 и C1 (около 150/160–210/220 гг.) центральноевропейской хронологии (Nowakowski, 1996, S. 70, 71; 2016, S. 469, 470; Corpus..., 2001b, S. 43; Bitner-Wróblewska, Stawiarska, 2009, p. 312, 313). Не исключено, что они могли поступать сюда и в более ранний период, соответствующий так называемой словацко-датской волне импортов конца I – первой половины II в. (Kaczyński, 1991, p. 161, 162; Nowakowski, 1995, p. 70–72). Вопрос о времени поступления римских импортов в Прибалтику, характере и продолжительности их использования открыт. Фибула с удлинением-тутулосом из погребения 44 могильника Лележки (рис. 2: 6) найдена вместе с материалами эпохи Великого переселения народов – фазы E ольштынской группы (около 470–700 гг.) (см. Nowakowski, 1998, S. 81). Провинциально-римские фибулы со вставками миллефиори датируются временем не ранее конца II – первой половины III в. (Riha, 1979, S. 189, 190). Дата фибулы из могильника Аукшткемай – не ранее середины III в. (Banytė-Rowell, 2002, p. 126, 127).

II. Фибулы-броши локальной традиции без эмали (рис. 1: II; 3). Наиболее ранние экземпляры местного производства появляются в Восточной Прибалтике в начале фазы B2 (около 80/100–150/160 гг.) и связаны с самбийско-нотангской и богатой культурами (напр. Bezzenberger,

Peiser, 1914, S. 230; Gaerte, 1929, Abb. 132: a; 140: b; 146: a). В ряде случаев эти изделия демонстрируют единые линии развития. Роль Мазурского Поозерья как передаточного звена в системе контактов «западнобалтских» культур с провинциями Рима отмечалась ранее (Okulicz, 1973, p. 416, 417). Первые дериваты брошей появляются, вероятно, в самбийско-натангийской культуре. Большая часть их использовалась не в качестве застежек для одежды, а служила деталями головных уборов, сочетая провинциально-римское влияние и архаичные традиции Балтийского региона, существовавшие с эпохи бронзы и раннего железного века². В их стилистике прослеживается влияние провинциально-римских брошей с рельефным орнаментом типа 7.2 по Э. Риха (Riha, 1979, Taf. 51: 7.2), известных в Северной Паннонии (Petković, 2010, p. 161, 162, tab. XXIX), Дакии, европейской Сарматии (Vaday, 2003, p. 331, 332, fig. 7; 27); круглых фибул с эмалевыми вставками типа 3.14 по Э. Риха из северной Галлии, Бельгии и с Рейна (Riha, 1979, Taf. 51: 3.14). Одним из возможных прототипов «умбовидных» застежек из погребения 2 могильника Путилово (Corjeiten) в ареале самбийско-натангийской культуры и погребения 15 могильника Мунтово – богачевской (рис. 3: 1, 2) являются фибулы типа 27a2 по М. Фожеру с выпуклой центральной частью (Feugère, 1985, p. 371, pl. 152: 1913–1916).

Броши с мотивом в виде ромба, вписанного в круг (рис. 1: 2, 10, 39, 56; 3: 3, 4, 6), близки украшениям типа 7.6 по Э. Риха (Riha, 1979, Taf. 51: 7.6). Наиболее ранняя их имитация с сегментированным краем и выступами с «глазчатым» орнаментом (рис. 3: 3) происходит из погребения 30 могильника Альтхоф в восточной части самбийско-натангийского ареала. У фибулы литой иглоприемник, но шарнир заменен булавкой. Комплекс относится к фазе В2 (Khomiakova, 2015, p. 24, 25). Фибулы с ромбическим полем, вписанным в круг (рис. 3: 4, 6), – наиболее ранние в ареале культуры таранд. Они встречены в могильниках Салениеки и Виксна в Северо-Восточной Латвии (Moora, 1938, Taf. VI: 14; Vaska, 2013, p. 99, 100, fig 7: 3, 4) и Унипиша в Эстонии (Katalog..., 1896, Taf. 8: 18). Эти изделия близки и колесовидным брошам без эмалей типов 3.Ш.52 и 4.Ш.51 по К. Экснеру, или группы Ш/8/1 по А. Вадаи, распространенным на Рейне, в Галлии, среднедунайских центрах и

у сарматов Потисья. Провинциально-римские прототипы данной группы существуют во второй половине II – первой половине III в. (Exner, 1941, Taf. 16; Vaday, 2003, p. 353, fig. 19: 37). Датировка фибул из ареала культуры таранд III в. (Шмидехельм, 1955, с. 199) представляется условной.

Броши с выступом в центральной части и плоским полем с ажурным декором (рис. 1: 3, 14, 16–18, 32, 42–43; 3: 5, 7, 9, 11) – самая распространенная разновидность в Восточной Балтии. Одним из наиболее вероятных их прототипов считаются провинциально-римские сложноструктурированные фибулы и изделия с тугулосом в центральной части (Nowakowski, 1995; Banytè-Rowell, 2008), но ими могут быть и плоские броши с кнопкой в центре. Самые ранние имитации круглых изделий с выступом, датированные периодом В2, происходят из самбийско-натангийского ареала, где они единичны (Khomiakova, 2015, p. 20, 21, 29, 30, fig. 6: 1, 3, 6). Наибольшее их количество известно на западнолитовском побережье, в могильниках Стрягняй, Гинтаряй, Пангесяй (рис. 3: 7), Аукшткемай (рис. 3: 5), Жвиляй (Bezzenberger, 1914, p. 150, fig. 33; Michelbertas, 1986, p. 123, 124, fig. 41; Tamulynas, 2006, p. 176, fig. 5; Banytè-Rowell, Bitner-Wróblewska, 2005, fig. 5: 3; Banytè-Rowell, 2008, fig. 4; SMB-РК MVF), их дата – не ранее начала III в. Сочетание геометрических мотивов «колеса» и «веретена» в орнаментации отличает их от провинциально-римских прототипов. Отдаленное сходство в декоре можно найти лишь у образцов типов Ш/8/1, 2 по А. Вадаи или 8.Ш.43 по К. Экснеру, распространенных в Дакии и Паннонии. Они появляются в начале II в., получая наибольшее распространение во второй половине II – начале III в. (см. Exner, 1941, Taf. 16; von Patek, 1942, S. 293, Taf. XVIII: 32; Vaday, 2003, p. 353, 354, fig. 19). Наиболее ранние изделия с колесом и веретенообразным прорезным декором в самбийско-натангийском ареале известны в начале фазы В2 (Khomiakova, 2015, p. 35, appendix I: 5, fig. 5: 9). Круглые фибулы с прорезным декором из элементов в виде колеса и веретена известны на территории Северной Латвии и Эстонии (Moora, 1938, S. 100–118; Шмидехельм, 1955, рис. 22: 7–8; Vaska, 2013, p. 106, fig. 13). Здесь они представляют группу «наиболее ранних» круглых фибул локальной традиции производства без эмалей и известны на могильниках Каугарс (рис. 3: 9), Триката (рис. 3: 11), Дзелвава (Moora, 1938, Taf. VII: 1–5, 7; Vaska, 2013, p. 98–100, fig. 11; 12).

Ажурные фибулы с выступом и сегментированным краем (рис. 1: 20, 23, 25, 38; 3: 8, 13) – осо-

² Выделяется несколько типов таких изделий, изготовленных штамповкой или литьем, среди которых есть имитации ажурных колесовидных и круглых с сегментированным краем и выступом в центральной части брошей (Khomiakova, 2015, fig. 1–7, appendix 1).

бая группа, представленная на западнолитовском побережье (Banytė-Rowell, Bitner-Wróblewska, 2005, p. 110–113), они подобны фибуле из погребения 2 могильника Лаздининкяй (рис. 3: 8). Под влиянием с территории Западной Литвы они появляются в латвийской Курземе, где известны в могильниках Лигути и Салдус (рис. 3: 13) (Vaska, 2013, p. 95–97, fig. 6: 2, 3), и в культуре таранд (Mooga, 1938, S. 100–102; Bitner-Wróblewska, 2009, p. 398, 399). На эстонском побережье похожая фибула найдена в каменном могильнике Кынну (Banytė-Rowell, Bitner-Wróblewska, 2005, p. fig. 5: 1).

Фибулы с прорезным декором в виде ромбовидной («ячеистой») сетки (рис. 1: 13, 41, 48; 3: 10, 12) имеют еще более отдаленное сходство с провинциально-римскими фибулами-брошами. Их появление могло быть связано с традицией производства украшений с прорезным декором на территории Западной Литвы в первой половине III в., откуда происходит застежка, найденная в могильнике Шаркяй (рис. 3: 10) (Banytė-Rowell, 2015, p. 49). Подобно изделиям с колесо- и веретенообразным декором и тутулосом в центральной части, эти фибулы известны в могильниках Латвии (Гаилиши, Славека (рис. 3: 12)), где их появление датируется второй половиной III – началом IV в. (Mooga, 1938, taf. VI: 15; Vaska, 2013, fig. 7: 2; Banytė-Rowell, 2015, fig. 9).

III. Фибулы-броши локальной традиции производства с эмалью. Наиболее ранним в Восточной Прибалтике является украшение из погребения 7 могильника Лаздининкяй в Западной Литве (рис. 1: 23; 4: 1), датированного фазой C1a (около 150/160–210/220 гг.) (Corpus..., 2001a, p. 57–62; Michelbertas, 2016, p. 67). Фибула сочетает ажурный и эмалевый стили. В основе композиции ее поля – ромбовидный сегмент с дисками у вершин. Этот мотив, с одной стороны, восходит к форме одного из наиболее распространенных типов провинциально-римских брошей I – начала III в., известных в Подунавье и Галлии как вариант 24b1 по М. Фожеру (Feugère, 1985. Pl. 156: 1951), с другой – типичен для изделий второй стадии развития стиля восточноевропейских эмалей (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 120–124). Появление такого украшения в Прибалтике могло быть следствием культурного влияния.

Броши с эмалью из ареала культуры таранд (рис. 1: III; 4) из могильников Северной Латвии и Эстонии – наиболее поздние, они датируются III–IV вв. (Шмидехельм, 1955, с. 119, рис. 29: 7; Корзухина, 1978, с. 26, 27; Vaska, 2013, p. 99, 106,

107). Верхняя дата отдельных образцов определяется исследователями как конец IV в. (Левада, 2010, с. 579). Фибулы сочетают ажурный стиль, элементы которого составляют сложные композиции из нескольких мотивов, и эмалевые поля (Корзухина, 1978, с. 31–34; Фролов, 1974, с. 21–24, рис. 2). Выделяется несколько типов: VI.1–VI.4 по Г.Ф. Корзухиной (1978, с. 31–34) или I–VII по И.К. Фролову (1974, с. 21–23). Предлагается, что приведенное разделение довольно условно. Очевидно, что существует группа брошей наиболее простых форм, генезис которых напрямую восходит к провинциально-римским образцам (типы I, III, VI по И.К. Фролову), и фибулы со сложносоставными композициями (типы II, IV, V по И.К. Фролову).

Аналогии в провинциально-римских материалах можно найти *группе наиболее ранних изделий* (тип VI.1 по Г.Ф. Корзухиной или I по И.К. Фролову) из прибрежной зоны Балтийского моря, представленных в могильниках Ябара Е (рис. 4: 2), Пада (рис. 4: 3), Мыйгу-Петри Северо-Восточной Эстонии (Шмидехельм, 1955, рис. 29: 3, 7; Фролов, 1974, с. 27, рис. 1: 1–3). В основе орнаментальной композиции этих фибул – упомянутый выше мотив ромба, вписанного в круг, и сегментированный край, характерные для наиболее распространенных типов провинциально-римских брошей. Близкие аналогии подобные фибулы имеют среди изделий типов 7.Ш.42 и 7.Ш.46 по К. Экснеру (Exner, 1941, Taf. 15; 16). В данной части ареала культуры таранд известны и имитации брошей типа 7.6 по Э. Риха с эмалевыми вставками. Такой является, на мой взгляд, фибула с могильника Кальви (рис. 4: 4) (Корзухина, 1978, таб. 25: 2), выделяемая И.К. Фроловым в отдельный тип VI (1974, с. 24). Похожий ромбовидный сегмент характеризует фибулы-броши из могильников Каугарс II (рис. 4: 7), Велла Краванда, Пикярве (рис. 4: 8) (тип VI.4 по Г.Ф. Корзухиной или III по И.К. Фролову), в основе которых – форма с площадками-уступами и сегментированным краем.

Крестообразные фибулы (рис. 1: 11, 43, 52), тип VII по И.К. Фролову, распространенные на территории Южной Эстонии и Северной Латвии (Вирунука, Триката (рис. 4: 5), Янтевенис), имеют лишь отдаленное сходство с провинциально-римскими прототипами (например, тип 5.Ш.39 по К. Экснеру или III/3/2/2 по А. Вадаи (Exner, 1941, Taf. 15: 5.Ш.39; Vaday, 2003, p. 377, fig. 33)). Они близки булавам с крестовидным окончанием, распространенным в Прибалтике, в том числе на

обозначенной территории. Большинство крестовидных булавок относятся к VII–VIII вв., более ранние могут датироваться V–VI вв. (Tautavičius, 1978, p. 81–83, fig. 49); существуют, однако, и образцы III в. Булавка с крестовидным окончанием (без эмали) найдена в погребении фазы C1 (около 150/160–210/220 гг.) могильника Котельниково (SMB–PK MVF, PM III.211.1082.2). Подобные изделия известны в Мазурском Поозерье, в могильниках Шпуховко (Gaerte, 1929, Abb. 170: b) и Махары. Булавка из Махар (рис. 4: 6) имеет ромбовидное эмалевое гнездо (КГОМ 1/48 № 17009.65)³. В культурах Нижнего Понеманья, Западной и Центральной Литвы известны булавки, головки которых выглядят как имитации провинциальноримских брошей (Juga-Szymańska, 2014, p. 186–189, tabl. XLVI: 1, 2; XLVII: 3; XLIX: 3, 4).

Броши со сложносоставными композициями (типы II, IV, V по И.К. Фролову) довольно эклектичны. Эмалевый и ажурный стили и провинциальноримские мотивы раннеримского периода сочетаются в них с декоративными приемами и техниками, характерными для предметов североευропейской варварской ювелирной традиции. Поверхность фибул типа VI.3 по Г.Ф. Корзухиной, «ажурных с фестончатым краем», среди которых – изделия из Триката (рис. 4: 9) и Каугарс II (рис. 4: 10), покрыта напаянными серебряными пластинками, в оформлении использованы элементы кольцевого декора (Корзухина, 1978, с. 33). На применение такой техники при декорировании наиболее поздних предметов горизонта восточноевропейских выемчатых эмалей, вслед за Г.Ф. Корзухиной, обратил внимание М.Е. Левада, предположив, что Восточная Эстония и Северо-Восточная Латвия являются центрами их производства (2010, с. 580–582, рис. 20). Однако сочетание эмалевых полей и напаянных пластинок известно в культурах Балтии с начала III в. Подобным образом украшены, например, детали конской сбруи из погребения 2 могильника Аукшткемай и элементы нагрудного украшения из могильника Андудляй в Западной Литве, датированных временем не позднее центральноевропейской фазы C1 (SMB–PK MVF, Michelbertas, 2016, p. 54–57). Покрытие поверхности металлических украшений оловянистым сплавом считается одной из особенностей ювелирной техники III–IV вв. на территории между Неманом и Западной Двиной (Bitner-Wróblewska, 2009, p. 405, 406; Bliujienė, 2013, p. 378, 379), однако ее использо-

вание в Юго-Восточной Прибалтике начинается, вероятно, ранее – в начале II в. Такой прием отмечен на упомянутых выше имитациях провинциальноримских брошей (Khomiakova, 2015, p. 18, 19, fig. 5: 1–3, 6, 9). В оформлении брошей локальной традиции из Западной Литвы периода C1b (около 210/220–250/260 гг.) прослеживается влияние ювелирного стиля горизонта Хасслебен-Лейна (Banytė-Rowell, 2001, pl. 5: 1, 2; Banytė-Rowell, Bitner-Wróblewska, 2005, p. 111, 112, fig. 6). Такие фибулы (рис. 4: 11) имеют тугулос в центральной части со вставкой из синего стекла, их основание инкрустировано железными проволочками (Michelbertas, 1986, fig. 48; Bliujienė, 2013, p. 485, fig. 355). К ним относится, вероятно, и фибула из Кярде (Корзухина, 1978, таб. 13: 8), которую И.К. Фролов выделяет в отдельный тип VB (1974, с. 23, 24, рис. 3: 3).

Закключение. Провинциальноримские эмалевые фибулы-броши появляются в культурах Балтии во II–III вв. и представлены типами изделий, распространенными как в Среднем Подунавье, так и в Галлии и прирейнских провинциях Римской империи. Импортные броши послужили образцами для предметов локальной традиции производства, на их основе были выработаны самобытные формы украшений. К кругу вещей с эмалями относятся изделия из ареала культуры таранд, имеющие наиболее позднюю датировку среди подобных предметов в Прибалтике (III–IV вв.). В их оформлении используются как провинциальноримские, так и варварские техники ювелирного искусства, прослеживается влияние различных форм локальной традиции – круглых фибул и булавок с побережья Западной Литвы, деталей конской сбруи, разделителей ремней. Ажурные и эмалевые броши найдены вместе на каменных могильниках в Южной Эстонии и Северной Латвии (Каугарс II, Триката) и на западнолитовском побережье (Лаздининкяй). Единственным предметом с эмалью в Восточной Балтии, который имеет более раннюю датировку в пределах центральноевропейской фазы C1a, является фибула-брошь из могильника Лаздининкяй. Большинство имитаций круглых фибул происходит из культур западнобалтского круга. Они выполнены в ажурном стиле и не имеют эмалевых полей. Мнение о том, что «ранние» круглые фибулы из Прибалтики не имели эмалей, высказывала еще Г.Ф. Корзухина (1978, с. 27). Вопрос о наличии локальных имитаций фибул-брошей с эмалями в материалах Юго-Восточной Прибалтики остается открытым.

³ И.К. Фролов, не имея достаточной информации о предмете, ошибочно отнес его к фибулам (1974, с. 24, рис. 3: 7).

Благодарности. Выражаю благодарность доктору М. Вемхоффу (Dr. M. Wemhoff), доктору Х. Ноймайеру (Dr. H. Neumayer), Музей доисторического периода и ранней истории (Museum für

Vor- und Frühgeschichte) в Берлине, и С.А. Якимову (Калининградский областной историко-художественный музей) за возможность работы с коллекцией Музея «Пруссия».

Литература

Гороховский Е.Л., 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дисс. ... канд. ист. наук. Киев. 461 с.

Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье (САИ. Вып. Е1–43). Л.: Наука. 123 с.

Левада М.Е., 2010. Сухоносивка // *Terra Barbarica: studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin (Monumenta archaeologica barbarica: Series gemina. T. II)* / Ed. M. Mączyńska. Warszawa; Łódź: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego. P. 557–594.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 10)* / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141.

Фролов И.К., 1974. Фибулы-броши с выемчатой эмалью // *КСИА. Вып. 140. С. 19–27.*

Хомякова О.А., 2015. Стиль ажурной орнаментики Юго-Восточной Прибалтики римского времени // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 1* / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 190–231.

Шмидехельм М.Х., 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н.э. – V в. н.э.). Таллин: Эстонское государственное издательство. 289 с.

Banytė-Rowell R., 2002. Enamel Disc from Aukštakiemis (Oberhof) // *Archaeologia Baltica. Vol. 5. P. 123–130.*

Banytė-Rowell R., 2008. Vėlyvojo Romėniškojo laikotarpio rozetiniai smeigtukai ir segės su tutulio // *Lietuvos archeologija. № 34. P. 9–42.*

Banytė-Rowell R., 2015. Connections between the Memelkultur area and Dollkeim-Kovrovo Cul-

ture according to data from archaeological archives // *Archaeologia Baltica. Vol. 21–22. P. 40–57.*

Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A., 2005. From Aestii to Esti. Connections between the Western Lithuanian Group and the area of distribution of tarand-graves // *Interarchaeologia. Culture and material culture. Papers from the first theoretical seminar of the Baltic archaeologists (BASE) held at the University of Tartu, Estonia, October 17th-19th, 2003* / Ed. V. Lang. Tartu; Riga; Vilnius: University of Tartu. P. 105–121.

Bezenberger A., 1914. Fundberichte (XI Gräberfeld bei Pangessen) // *Prussia. Bd. 23. S. 149–156.*

Bezenberger A., Peiser F.E., 1914. Gräberfeld bei Bludau, Kr. Fischhausen // *Prussia. Bd. 23 (I). S. 210–249.*

Bitner-Wróblewska A., 2009. Emaliu puošti dirbiniai // *Art of the Balts – Baltu menas. Parodos katalogas* / Ed. A. Butrimas. Vilnius: Vilniaus Dalės Akademijos Leidykla. P. 400–424.

Bitner-Wróblewska A., Rzeszotarska-Nowakiewicz A., Liga Virse I., Bitner-Wróblewska D., 2011. Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona // *Aestiorum hereditas. 2. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, Departament Dziedzictwa Kulturowego. 640 p.*

Bitner-Wróblewska A., Stawiarska T., 2009. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią // *Bałtowie i ich sąsiedzi (Seminarium Bałtyjskie. T. 2).* Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. P. 303–351.

Böhme A., 1972. Die Fibeln der Kastele Saalburg und Zugmantel (Saalburg Jahrbuch. № 24). Berlin; New York: Walter De Gruyter Incorporated. 149 S.

Bliujienė A., 2013. Romėniškasis ir tautų krausty-mosi laikotarpiai (Lietuvos archeologija. T. III). Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla. 752 p.

Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum, 2001a. Litauen / Bearb. von M. Michelbertas. Vilnius: Vilniaus universitetas. 80 p.

Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum, 2001b. Polen. Bd. 1. Mazuren / Bearb.

von W. Nowakowski. Bonn: Habelt; Warszawa: Institut für Archäologie der Warschauer Universität. 145 p.

Erdrich M., Carnap-Bornheim von C., Stawinoga G., Hilberg V., 2004. Freie und Hansestadt Hamburg und Land Schleswig-Holstein (Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Deutschland. Bd. 5). Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH. 180 S.

Exner K., 1941. Die provinziäl-römischen Emailfibeln der Rheinlande // BRGK. Bd. 29. S. 31–121.

Feugère M., 1985. Les Fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. // Revue Archéologique de Narbonnaise. Supl. 12. Paris: CNRS. 503 p.

Gaerte W., 1929. Urgerchichte Ostpreussens. Königsberg i. Pr.: Verlag von Gräfe & Unzer. 406 S.

Heydeck J., 1909. Das Gräberfeld von Wiekau, Kr. Fishausen // Prussia. Bd. 22. S. 217–221.

Hollack E., Peiser F., 1904. Das Gräberfeld von Moythienen. Königsberg i. Pr.: Verlag von Gräfe & Unzer. 57 S.

Jaskanis J., 2013. Szwajcaria. Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa: SNAP. 326 s.

Juga-Szymańska A., 2014. Kontakty Pojezierza Mazurskiego ze wschodnią strefą Bałtyku w okresie wpływów rzymskich na przykładzie szpil (Seminarium Bałtyjskie. T. 3). Warszawa: PMA. 504 p.

Kaczyński M., 1991. Z problematyki kontaktów zachodnich bałtów z prowincjami Imperium Romanum // Rocznik Białostocki. Bd. 16 (1989). P. 157–199.

Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga, 1896. Riga: Druck von W.F. Häcker. 492 S.

Katalog der Ausstellung zur Konferenz Baltischer Archäologen in Riga, 1830. Konferenz Baltischer Archäologen. Riga: Organisationskomitee. 176 S.

Khomiakova O., 2015. Disc brooches of Dollkeim-Kovrovo culture. The question of the origin of ornaments in the Southeast Baltic in the first centuries AD // Archaeologia Baltica. Vol. 21–22. P. 14–40.

Maczyńska M., Urbaniak A., 2006. Prowincjonalnorzymska zapinka tarczowata z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Babim Dole-Borczu, powiat kartuski // Wiadomości Archeologiczne. Vol. LVIII. P. 145–158.

Michelbertas M., 1986. Senasis geležies amžius Lietuvoje I–IV a. Vilnius: Mokslas. 270 p.

Michelbertas M., 2016. Romeniškojo laikotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje. Vilnius: Vilniaus universitetas. 112 p.

Moora H., 1929. Das Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. I Teil: Die Funde (Opetatud Eesti Seltsi Toimetised. T. XXV). Tartu: Õpetatud Eesti Selts. 208 p.

Moora H., 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II Teil: Analyse (Opetatud Eesti Seltsi Toimetised. T. XXIX). Tartu: Õpetatud Eesti Selts. 728 p.

Nowakowski W., 1985. Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodniobałtyjskiego kręgu kulturowego // Archeologia, Rocznik Instytutu Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk, Wrocław. Vol. XXXIV (1983). S. 63–106.

Nowakowski W., 1995. Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezierza Mazurskiego (Barbaricum. 4). Warszawa: IAUW. 102 s.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Bd. 10). Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität. 169 S.

Nowakowski W., 1998. Die Funde Der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren (Museum für Vor- und Frühgeschichte Bestandskataloge. Bd. 6). Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte. 186 S.

Nowakowski W., 2016. Emailverzierte Sachgüter des 1.–3. Jahrhunderts im Ostbaltikum // Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen). Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009. Teil I (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 22 (1)) / Hrsg. H.-U. Voß, N. Müller-Scheeßel. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. S. 465–474.

Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VI w. n.e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 588 s.

von Patek E., 1942. Verbreitung und Herkunft der Römischen Fibeltypen in Pannonien (Dissertationes Pannonicae. Seria II. № 19). Budapest: Institut für Münzkunde u. Archäologie der Peter Pazmany-Universität. 314 S.

Petković S., 2010. Rimske fibule u Srbiji od I do V veka n.e. (Arheološki Institut: Posebna izdanja. Knjiga 50). Beograd: Arheološki institut u Beogradu. 530 s.

Riha E., 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst (Forschungen in Augst. Bd. 3). Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 222 S.

Skorupka T., 2001. Prowincjonalnorzymskie zapinki z Kowalewka, pow. Obornicki // Nowe znaleziska importów rzymskich z ziem Polski II. Korpus znalezisk rzymskich z Europejskiego Barbaricum. Polska. Supplement. T. 2. Warszawa: IAUW. S. 51–57.

Tamulinas L., 2006. Die Funde aus dem Memelland in den Aufnahmen der archäologischen Sammlung des “Prussia-Museums” // Archaeologia Lituana. Vol. 7. P. 171–181.

Tautavičius A., 1978. Lietuvos TSR archeologijos atlasas. I–XIII a. radiniai, IV. Vilnius: Istorijos institutas (Lietuvos TSR Mokslo akademija). 160 p.

Thomas S., 1966. Die provinzialrömische Scheibenfibeln der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Berliner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 6. Berlin: Staatliches Museum für Vor- und Frühgeschichte. S.119–178.

Vaday A., 2003. Cloissone brooches in the Sarmatian Barbaricum in the Carpatian Basin // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. № 54 (3–4). P. 315–421

Vaska B., 2013. Ornamentation on Roman Iron Age jewellery in Latvia made in openwork technique // Archaeologia Lituana. Vol. 14. P. 88–110.

Disc brooches in the East Baltic cultures

O.A. Khomiakova (Moscow)

Key words: disc brooches; Roman period; West Balts circle; Tarand grave culture.

The article presents the review of disc brooches in East Baltic cultures of Roman time. The issues of their origin, typology and chronology have been considered. Brooches imported from Roman provinces and items of local tradition have been identified. The distribution of the brooches in East Baltics has been presented.

Translated by I. Grigoryan

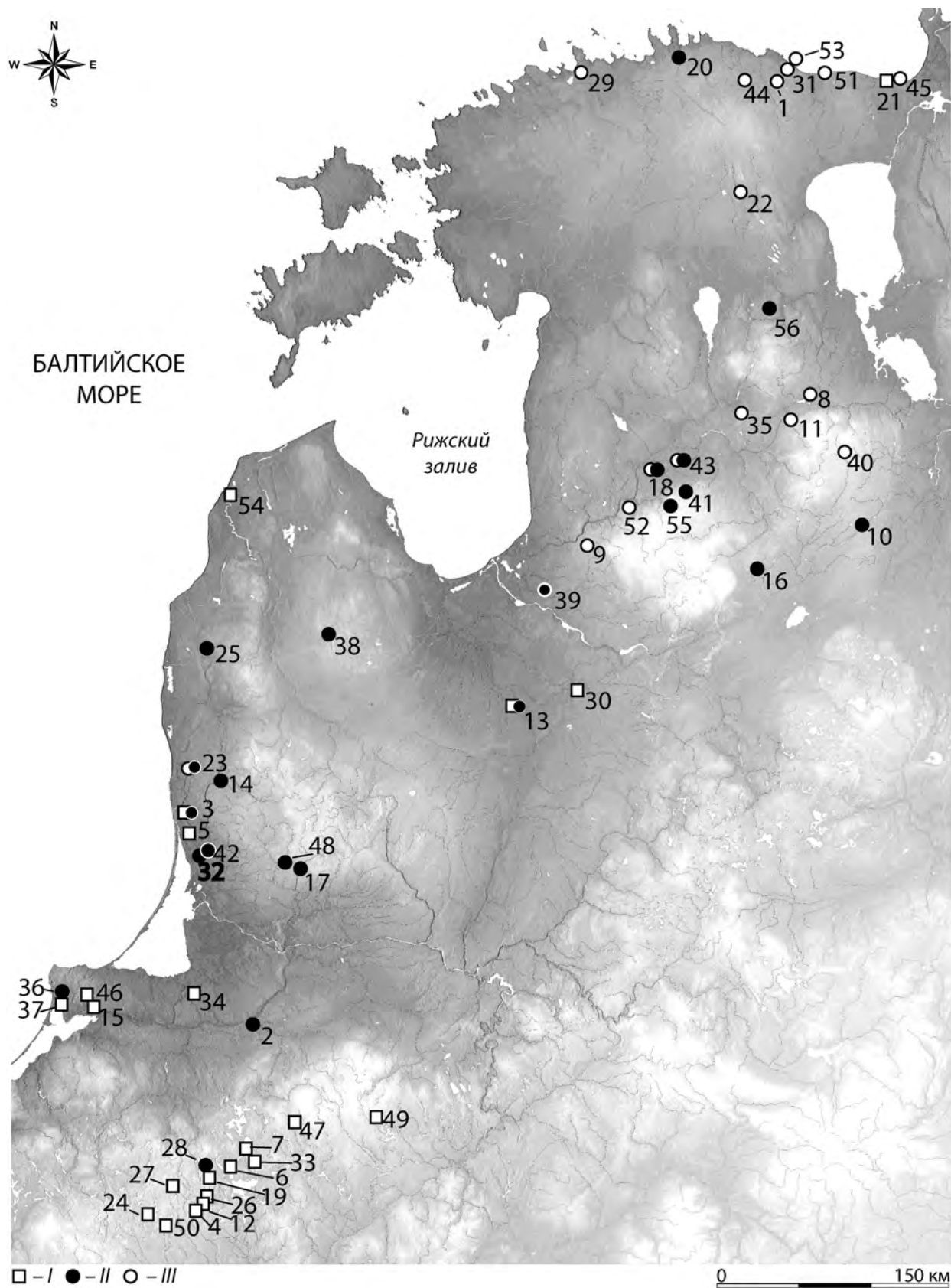
Рис. 1. Распространение фибул-брошей в Балтии.

I – импортные фибулы-броши; II – ажурные фибулы-броши без эмалей, локальной традиции производства; III – фибулы-броши с эмалью локальной традиции производства.

1 – Аарла/Aarla; 2 – Альтхоф/Althof; 3 – Аукшткемьяй/Aukštakiemiai (Oberhof); 4 – Бабьента/Babięta (Babienten); 5 – Бандюжяй/Bandužiai; 6 – Бартликово/Bartlokowo (Bartlickshof); 7 – Богачево/Bogaczewo; 8 – Вагула/Vagula; 9 – Велла Краванда/Vella Kravanda; 10 – Вискна/Viksnas Kapusils; 11 – Вирунука/Virgu; 12 – Волька Прусиновска/Wolka Prusinowska; 13 – Гаилиису/Gailiši; 14 – Гинтаряй/Gintarai; 15 – Грейбай/Greibau; 16 – Дзелвава/Dzelzava; 17 – Жвильяй/Zviliai; 18 – Каугарс/Kaugars; 19 – Косево/Kosewo; 20 – Кынну/Kõnnu; 21 – Кюннапыхья/Künnapõhja; 22 – Кярде/Kärde; 23 – Лаздининкай/Lazdininkai; 24 – Лележки/Leleszki (Lehlesken); 25 – Лигути/Līguti; 26 – Махары/Machary (Macharren); 27 – Мойтыны/Mojtynu (Moynthienen); 28 – Мунтово/Muntowo (Muntowen); 29 – Мыйгу-Петри/Mõigu-Peetri; 30 – Немунели Радвилишкес/Nemunėlio Radviliškis; 31 – Пада/Pada; 32 – Пангесяй/Pangėsai (Pangessen); 33 – Папротки Колония/Paprotki Kolonia; 34 – Петино/Perdollen; 35 – Пиккярве/Pikkjärve; 36 – Путилово/Corjeiten; 37 – Путилово/Gauten; 38 – Салдус/Saldus; 39 – Салениеки/Salieneki; 40 – Сиксали/Siksälä; 41 – Славека/Slavėka; 42 – Стрягняй/Stragnai; 43 – Триката/Trikāta; 44 – Тырма/Tõgremäe; 45 – Тюрсамяэ/Türsamäe; 46 – Хрустальное/Wiekau; 47 – Червоны Двур/Czerwony Dwór; 48 – Шаркяй/Šarkai; 49 – Швайцария/Szwajcaria; 50 – Щитно/Szczytno (Ortelsburg); 51 – Ябара/Jabara E; 52 – Янтевенис/Cēsis; 53 – Кальви/Kalvi; 54 – Пилтене/Piltene; 55 – Рауна/Rauna; 56 – Унипиha/Unipiha.

По: Moora, 1938, S. 115–118, Taf. VI: 13–15; VII; Фролов, 1974, рис. 1; Vaska, 2013, fig. 6; 7; 10–13;

Khomiakova, 2015, fig. 12; Nowakowski, 2016, fig. 1 с дополнениями.

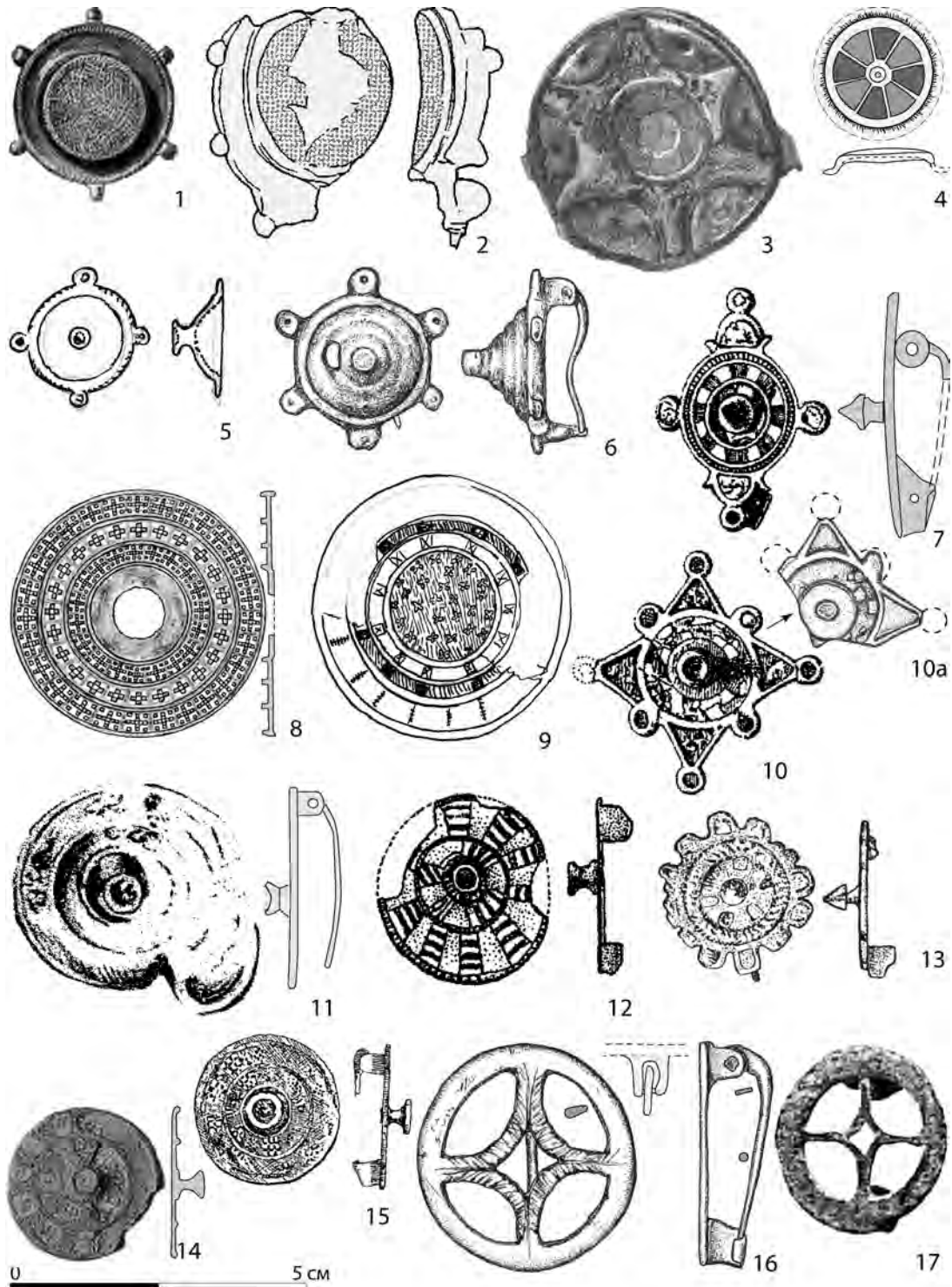

Рис. 2. Провинциально-римские фибулы-броши в культурах Балтии.

1 – Мойтыны, погр. 32; 2 – Щитно; 3 – Махары, погр. 12; 4 – Хрустальное, погр. 34;
 5 – Грейбау, погр. 156; 6 – Лележки, погр. 44; 7, 10 – Бартликово; 8 – Аукшткемай; 9 – Гаутен;
 11 – Бабьента, погр. 57; 12 – Бандюжяй; 13 – Кюннапыхья; 14 – Пилтене; 15 – Гаилиису;
 16 – Мойтыны, погр. 28; 17 – Велла Краванда.

1, 3 – по: Hollack, Peiser, 1904, Taf. VI: с. 32; 2, 11 – по: Corpus..., 2001b, Taf. I: 1; IV: 6;
 4, 5, 9 – по: Bitner-Wróblewska et al., 2011; 6, 10a, 16 – фонды SMB РК–MVФ, рис. О. Хомяковой; 7,
 10, 11 – по: Nowakowski, 1985, Tab. II: 6–9; 8 – по Banytë-Rowell, 2002, fig. 1;
 12 – по: Corpus..., 2001a, Taf. IX: 5; 13, 15 – по: Thomas, 1966, Abb. 2: 5; 3: 6;
 14 – по: Katalog..., 1896, Taf. 8: 17; 17 – по: Moora, 1938, Taf. VI: 13.

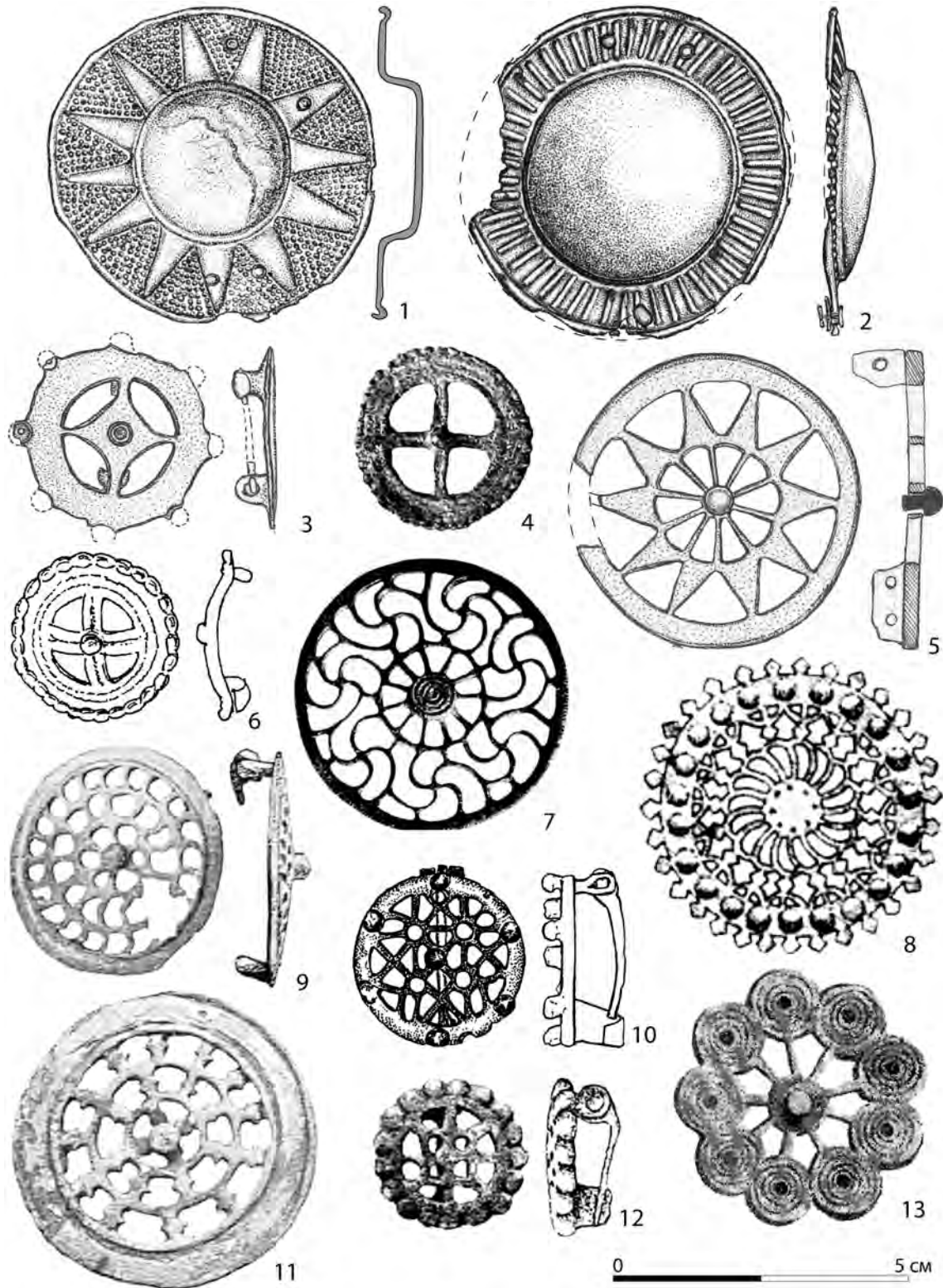

Рис. 3. Фибулы-броши без эмали, локальной традиции производства в культурах Балтии.
 1 – Путилово, погр. 2; 2 – Мунтово, погр. 15; 3 – Альтхоф, погр. 30; 4 – Виксна;
 5 – Аукшткемай, погр. 352; 6 – Салениеки; 7 – Пангесяй; 8 – Лаздининкяй, погр. 2; 9 – Каугарс;
 10 – Шаркяй; 11 – Триката; 12 – Славека; 13 – Салдус.
 1–3, 5 – фонды SMB РК–MVF, рис. О. Хомяковой; 4, 9, 11, 12 – по: Moora, 1938,
 Taf. VI: 14, 15; VII: 4, 7; 6, 13 – по: Vaska, 2013, fig. 6: 3; 7 – по: Tamulinas, 2006, Abb. 5;
 8 – по: Banytė-Rowell, Bitner-Wróblewska, 2005, fig. 5; 10 – по: Banytė-Rowell, 2015, fig. 9: 2.

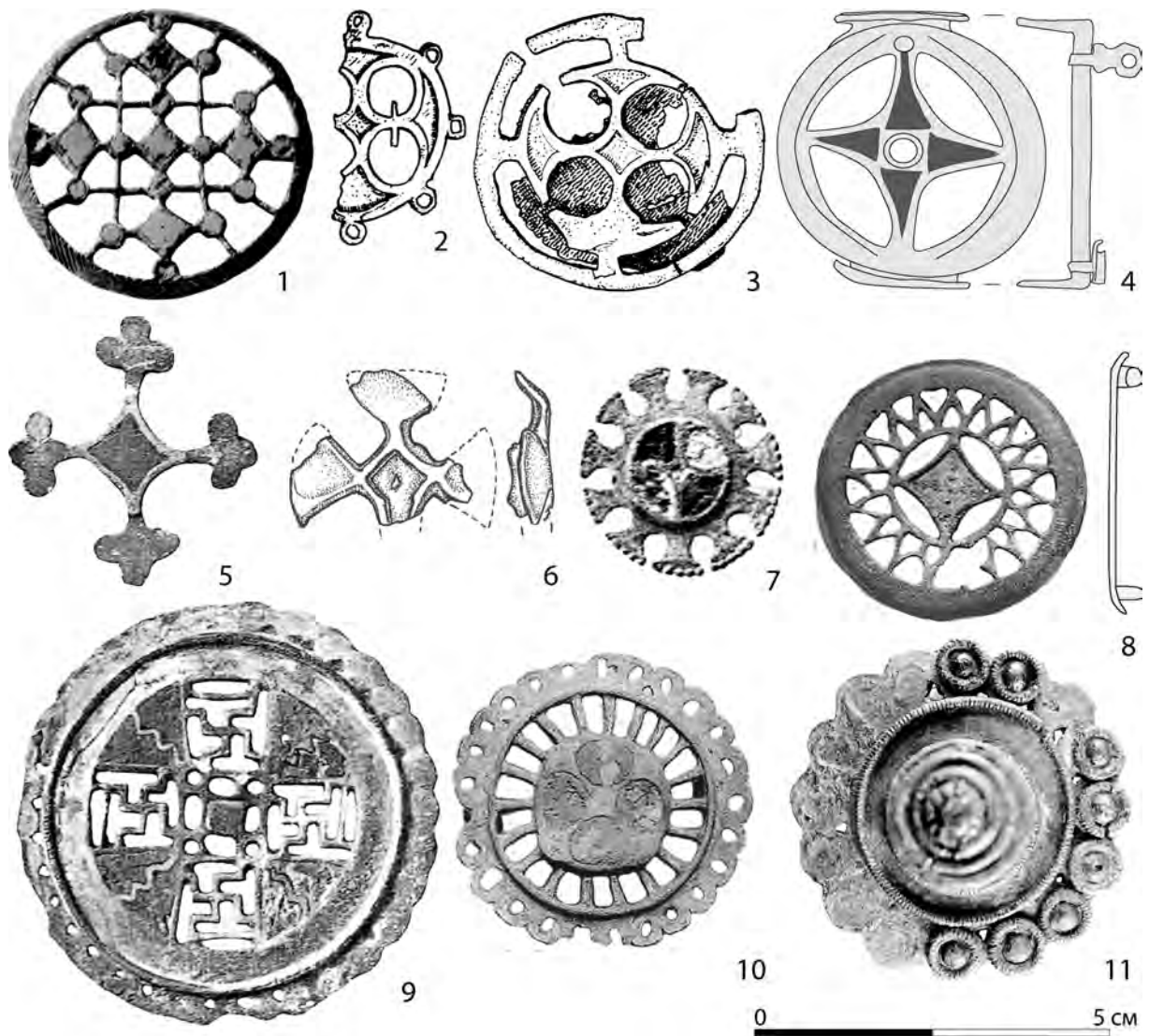

Рис. 4. Фибулы-броши с эмалями локальной традиции производства в культурах Балтии.

1 – Лаздининкяй, погр. 7; 2 – Ябара Е; 3 – Пада; 4 – Кальви; 5, 9 – Триката; 6 – Махары; 7, 10 – Каугарс II; 8 – Пикьярве; 11 – Аукшткемаяй, погр. 388.

1 – по: Michelbertas, 2016, р. 67; 2, 3 – по: Шмидехельм, 1955, рис. 22: 8; 29: 7;
4 – реконструкция по: Корзухина, 1978, табл. 25: 2; 6, 11 – фонды SMB РК–MVF,
рис. и фото О. Хомяковой; 5, 7, 9 – по: Moora, 1938, Taf. VII: 5, 6, 9;
8, 10 – по: Katalog..., 1896, Taf. 8: 11, 15.

Невеста издалека? Импортный браслет из Кживулки под Сувалками (северо-восточная Польша)

А. Битнер-Врублевска (Варшава)

Ключевые слова: восточноевропейские украшения с эмалью, браслеты типа I, римское время, дальние связи западных балтов.

Среди разнообразных интересов юбиляра важное место занимает изучение восточноевропейских изделий с выемчатыми эмалью. В последние годы в данной области наблюдается значительный рост источниковой базы, в том числе благодаря появлению таких эффектных находок, как Брянский клад. Андрей Обломский приложил значительные усилия к обработке и введению в научный оборот этого уникального комплекса. В состав клада среди прочего входят гребенчатые браслеты, из которых четыре имеют гнезда разноцветной эмали, а еще четыре такого декора лишены. Последние, однако, являются украшениями так называемого эмалевого круга, к которому относят изделия определенных типов независимо от наличия или отсутствия гнезд с выемчатой эмалью. Именно такой браслет с выступающими гребнями, но без эмали найден далеко к северозападу от Брянска, на Сувальщине в северо-восточной Польше.

Браслет происходит из района д. Кживулка около г. Сувалки (рис. 1). Он был найден жителем этой деревни случайно во время закладки фундамента коровника на глубине 1,2–1,3 м от поверхности. Находчик, Йозеф Тиленда, передал браслет в Региональный музей в Сувалках в 1969 г., но информации о точной дате его обнаружения нет. Он числится в Отделе археологии Сувальского музея. Согласно информации на каталожной карточке, вместе с браслетом были обнаружены *кости предплечья и ременная пряжка*, но эти находки не попали в коллекцию музея.

В окрестностях д. Кживулка известны два курганных могильника (рис. 1: 1, 2) и поселение (рис. 1: 3), расположенные по обе стороны реки Черная Ганьча (Czarna Hańcza). Поселение, открытое в 50-е годы XX в. (Okulicz, 1954, s. 366–367), исследовал Войцех Новаковский в 1980–1981 гг. (Nowakowski, 1980; 1981; Sobczak, в печати). Курганы локализованы на другой стороне реки, напротив поселения, в начале 1960-х годов. В 1961 г. их раскопки производила Данута Ясканис (Jaskanis, 1963). Могильник Кживулка 1 насчитывал восемь небольших насыпей, из которых изучены три, в Кживулке 2 исследован один разрушенный курган с несколькими погребениями. Д. Ясканис не исключала, что все зафиксированные курганы первоначально входили в один большой некрополь. Те, что составляют могильник 1, были перекрыты каменными кладками (1–3 слоя), наименее разрушенный имел диаметр не менее 7 м. Степень повреждения не позволяет установить количество погребений в отдельных курганах, ясно только, что это были кремации. Сохранились мелкие кальцинированные человеческие кости и небольшие фрагменты керамики, дату которых можно определить лишь в общих рамках периода римских влияний – раннего этапа Великого переселения народов. Каменная насыпь одиночного кургана, учтенного как могильник Кживулка 2, сильно разрушена, ее сохранившиеся размеры – 7 × 6,5 м. Между камнями и под кладкой открыта 21 урновая и безурновая кремация. Погребения принадлежат эпохе Великого пере-

селения народов, наиболее позднее из них – фазе E2. Материалы поселения позволяют выделить два этапа его существования, относящиеся к фазе B2/C1–C2(C3?) и XII–XIII вв. (Sobczak, в печати). Материалы эпохи Великого переселения народов не найдены, но поселение изучено не полностью.

Интересующий нас браслет обнаружен на расстоянии около 150–200 м от раскопанных Д. Ясканис курганов. Обследование местности, проведенное Цезарем Собчаком, показало, что могильники (или могильник – см. выше мнение Д. Ясканис) простираются до строений Й. Тиленды, нашедшего браслет (Sobczak, в печати). На поле недалеко от коровника выявлен фрагмент урны. Запись, что браслет был найден с костями предплечья, может быть аргументом в пользу того, что украшение происходит из погребения по обряду ингумации. Такие биритуальные некрополи известны в период римских влияний на Сувальщине, например, в Швейцарии (Szwajcaria) (Jaskanis, 2013) или Осове (Osowa) (Jaskanis, 1961; 1962). Это ареал так называемой судавской культуры (Kaczyński, 1976; Bitner-Wróblewska, 1998).

Браслет выполнен из широкой массивной бронзовой пластины (рис. 2; 3; цветная вклейка). На его концах и посередине расположены три поперечных выступающих гребня треугольной формы, украшенные глубокими желобками. Вдоль краев обода по окружности изделия имеются ребра, такое же ребро проходит посередине. Ребра не соприкасаются с массивными поперечными гребнями. Одна из половин браслета деформирована по краю. Центральный гребенчатый выступ имеет слегка стертую поверхность, вдоль него заметны трещины; на поверхности остальных гребней и ребер видны мелкие повреждения. Браслет несет на себе следы длительного использования. Общие размеры изделия – 7,2 × 6,3 см; ширина пластины – 2,4–3,3 см, толщина – около 0,2 см; высота гребней – 4,5–4,7 см, толщина – 0,4–0,5 см.

Гребенчатые браслеты относятся к типу I по классификации Г.Ф. Корзухиной, разработанной для украшений круга выемчатых эмалей (Корзухина, 1978, с. 34–35). Этот тип включает как немногочисленные экземпляры, обладающие эмалевыми вставками, так и образцы без эмали. Все они пластинчатые, широкие, массивные, снабжены выступами-гребнями треугольной формы. У подавляющего большинства находок таких гребней три, исключение составляет экземпляр из Мигониса в Литве с шестью выступами. Кроме того, браслеты украшены расположенными вдоль окружности обода ребрами, часто с насечками,

а также рядами выполненных штамповкой концентрических кругов и точек. Образцы с эмалем имеют несколько иную конструкцию. В центральной части у них находится ажурный щиток с треугольными, круглыми или четырехугольными гнездами с эмалью, которая часто бывает разноцветной: красной, белой, оранжевой и зеленой. Подобные вещи считаются одной из наиболее эффектных категорий эмалевых украшений. В состав Брянского клада входит браслет, благодаря шарнирной конструкции имеющий подвижный центральный щиток. Это очень редкая форма крепления, она известна еще у двух находок у с. Пески в бассейне р. Хопер, кроме того, частью браслета интересующего нас типа может быть фрагмент изделия из Рогожкино XII, первоначально атрибутированный как подвеска с эмалью (Воронятов, 2013; Ахмедов и др., 2015, с. 156).

Из 49 опубликованных или упомянутых в литературе браслетов с выступающими гребнями (см. Приложение¹, там литература) 15 украшены эмалевыми вставками. Такие вещи распространены, прежде всего, в бассейнах Днепра, Дона и Оки, в ареалах киевской и мощинской культур, а также на территории, занятой постзарубинецким населением (рис. 4). Два образца найдены на памятниках поволжских финнов – Ражкинском и Усть-Брыскинском могильниках. С балтийским регионом до сих пор были связаны лишь два браслета из центральной и восточной Литвы: с поселения у подножия городища в Мигонисе (центральнолитовская группа) и с городища Дембай-Пакачине (культура восточнолитовских курганов). Далее к западу известны еще две находки: рассматриваемый браслет из Кживулки на Сувальщине (судавская культура) и экземпляр из Онуфриево² на Мазурах (богачевская культура); последний состоит из двух фрагментов. В хорошо датированных комплексах гребенчатые браслеты отсутствуют. Обычно они происходят из кладов, являются случайными находками на городищах и

¹ Принимая во внимание бурный рост количества археологических источников за счет использования металлодетекторов, можно с уверенностью утверждать, что находок гребенчатых браслетов значительно больше, чем учтено в настоящей статье. Однако доступ к информации о них для меня сильно затруднен, тем более нет возможности какой-либо их верификации. В этой ситуации я могу опираться только на материалы, опубликованные или упомянутые в работах российских исследователей. В этой связи хочу поблагодарить Олега Александровича Радюша и Власту Евгеньевну Родинкову за помощь в получении часто труднодоступной российской литературы по интересующей меня теме.

² Благодарю доктора Анну Юга-Шиманьску за предоставленную архивную информацию об этой вещи и о составе инвентаря погребения.

селищах, изредка встречаются в инвентаре погребений. В захоронении 5-6-ба древнемордовского Ражкинского могильника на р. Мокше браслет рассматриваемого типа сочетался с бронзовой шпорой (Ахмедов, 2010 с. 31, рис. 6: 5), близкой шпорам типа Е3 по Е. Гинальскому (Ginalski, 1991, s. 59–62, гус. 11: 10, 11), датированным³ фазами В2/С1–С1а. Погребение 11 (II?) могильника азелинской культуры Усть-Брыска на Нижней Каме отнесено к концу IV в. (Бугров, 1994, с. 34, 35), но общая информация о его инвентаре не позволяет проверить предложенную датировку. Комплекс погребения 223 в Онуфриево также не дает возможности уточнить хронологию браслетов с гребнями. В нем зафиксированы железная четырехугольная двухчастная пряжка, пряслице, урна бутылкообразной формы, но неизвестно, как именно выглядели эти вещи. Данный комплекс может быть датирован лишь в целом рубежом раннего и позднего или поздним римским временем.

Самую большую серию гребенчатых браслетов содержит клад из Мошино. Среди прочего он включает нагрудное украшение, составленное из большой лунницы с эмалью, колокольчика и 4 треугольных фибул с эмалевыми вставками, а также еще 6 треугольных фибул с эмалью, 11 подвесок-лунниц разных типов, витую гривну с петельчатыми окончаниями, 2 ромбовидные подвески с эмалью, пластинчатые диадемы, ажурные звенья нагрудных цепей, ожерелья из стеклянных бус, 3 гребенчатых браслета с эмалевыми вставками и 7 экземпляров без эмали (Бульчов, 1899, табл. VIII–XIII). Кроме того, в насыпи вала Мошинского городища был выявлен фрагмент браслета того же типа без эмали (Бульчов, 1899, табл. XIV: 11). Ранее клад относился исследователями к IV–V вв. (Корзухина, 1978, с. 55), но его дата может быть сдвинута в III в. На это указывают типологически ранние подвески-лунницы (Фролов, 1980; Bitner-Wróblewska, 1993) и гривны с петлями на концах. Гривны такого типа известны, прежде всего, на территории Литвы, где самые ранние экземпляры сочетаются с глазчатыми фибулами прусской серии (Саргенай (Sargėnai), погребение 103 (Michelbertas, 1978, p. 16–17)), а массивные образцы, близкие экземпляру из Мошино, сопровождаются манжетовидным браслетом (Межёнис (Mežionys), курган IX, погребение 1 (Kaczuński, 1963, s. 126–127, гус. 27:

а–g)) и подковообразной фибулой с эмалью (Межёнис (Mežionys), погребение 1 (Antanavičius, 1970, p. 135, pav. 2: 6)). В кладе на поселении Шишино 5 браслет с гребнями был найден с парой треугольных фибул с эмалью; поселение в целом датируется по гончарной керамике черняховской культуры второй половиной III в. (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 171).

Определение даты Брянского клада производилось с опорой как на хронологические индикаторы – одночастную пряжку типа D1 по Р. Мадыде-Легутко (Madyda-Legutko, 1987, S. 24–26), зеркало типа X по А.М. Хазанову (1963, с. 58), серию стеклянных бус – так и на анализ изделий с эмалью, входящих в состав данного комплекса (Ахмедов и др., 2015, с. 156, 159–160, там литература; см. также: Румянцева, 2016). Такие их черты, как размер, наличие наряду с красным других цветов эмали, многочисленные отростки и ажурность показывают, что это украшения среднего этапа развития стиля, который датируется концом II – серединой III в. (Обломский, Терпиловский, 2007 с. 122–124).

Обобщение приведенных выше соображений позволяет заключить, что бытование широких браслетов с выступающими гребнями, как с эмалью, так и без нее, приходится на рубеж раннего и позднего периодов римских влияний. Такая дата может быть принята и для интересующего нас экземпляра из Кживулки. Это коррелирует с имеющейся информацией о возможном обнаружении указанного украшения в погребении по обряду ингумации.

Браслет из Кживулки – уникальная находка, несомненно, импортная; интересно, что наиболее близкие аналогии ему мы обнаруживаем на отдаленных некрополях поволжских финнов – в Ражках и Усть-Брыске. Там есть изделия с такими же, как у образца из Кживулки, круговыми ребрами без дополнительного орнамента и выступающими гребнями с глубокими желобками. Фрагмент гребенчатого браслета с неорнаментированными ребрами по краям и посередине обода зафиксирован в насыпи вала Мошинского городища (находка из культурного слоя вне комплекса клада). Близок экземпляру из Кживулки также образец из клада в Шишино 5, который имеет три гребня, украшенных продольными глубокими желобками. Связь западнобалтских земель с Верхним Поочьем или днепровским регионом удивления не вызывает. Из восточноевропейских мастерских, с Верхней Оки происходит треугольная фибула с эмалью, найденная на могильнике в Грунайках (Grunajki,

³ Хронология шпор типа Е3 определена, прежде всего, на основании инвентаря погребения 176 из Вымыслов (Wymysł), где в том числе найден сосуд типа *terra sigillata* из Лезу (Lezoux), датирующийся 150–190 гг. (Ginalski, 1991, s. 62, там литература).

бывш. Gruneuken) на р. Голдапа (Goldapa) (Tischler, 1879, S. 210–211, Taf. V: 1; Bitner-Wróblewska, 2000, p. 141), и аналогичная застежка с некрополя в Здорах (Zdory, бывш. Sdogren) на оз. Снярдвы (Śniardwy) (Bujack, 1891, S. 190, Taf. II). Импортами из Восточной Европы являются и некоторые другие изделия с эмалевыми вставками, например так называемые большие лунницы из погребения 3 кургана XV в Швейцарии (Jaskanis, 2013, s. 36, tabl. XXII: kh. XV, 3) и погребения 14 в Подлишево (Podliszewo) (Kaczyński, 1981, s. 184–185, гус. 4: 5; Bitner-Wróblewska, Iwanicki, 2002, s. 111–112, 124–125, гус. 3, tabl. XIII). К вещам этого культурного круга принадлежит и диадема из Бабьенты (Babięta, бывш. Babienten) (Hollack, Peiser, 1904, S. 32–33, Abb. 34; Bitner-Wróblewska, 2009, p. 415, fig. 44).

В то время как контакты с населением Поднепровья и бассейна Верхней Оки находят многочисленные подтверждения, взаимодействие балтов с финским миром до сих пор недооценивается. Правда, исследователи уже обращали внимание на связи западнобалтских земель с территориями прибалтийских финнов (Schmiedehelm, 1931; Banytė-Rowell, Bitner-Wróblewska, 2005), которые фиксируются не только по материальной культуре, но и по погребальным обычаям. Так, ажурные фибулы, булавки в форме розеток и застежки с тутулусом – распространенные элементы костюма обеих групп населения в римский период (Banytė-Rowell, 2009). Западнобалтские земли выполняли также посреднические функции при трансляции стилистических идей на север, в Эстонию и южную Финляндию, прекрасным примером чего служат кольца со стилизованными змеиными головками (Banytė-Rowell, Bitner-Wróblewska, 2005, p. 113–114, fig. 7; Banytė-Rowell, 2007, p. 17–24, раv. 4, 5). На основе ти-

пично мазурских фибул А.133 (Almgren, 1923, S. 68–69, Taf. VI: 133), являющихся индикатором костюма носителей богачевской культуры, развились застежки с шарнирной конструкцией, известные на литовских и латвийских территориях, а также в восточной и северной Эстонии (Banytė-Rowell, Bitner-Wróblewska, 2005, p. 114–116, fig. 8). О связях в сфере погребальной обрядности говорят формы захоронений культуры таранд и западнолитовских могильников с оградками, что уже отмечалось в литературе (Banytė-Rowell, Bitner-Wróblewska, 2005). Все приведенные примеры касаются взаимодействия западнобалтского населения и прибалтийских финнов. В случае с браслетами из Кживулки или Онуфриево, однако, речь идет о свидетельствах связей с отдаленными регионами финнов поволжских. Эти находки неожиданны и побуждают нас обратить более пристальное внимание на данное направление контактов, тем более что указанные контакты находят прекрасное подтверждение в несколько более позднее время, в развитую эпоху переселения народов. Речь идет о подковообразных фибулах-сольгумах (Bitner-Wróblewska, 2011, s. 559–561).

Интересный пример браслетов из Кживулки и Онуфриево показывает, что отношения западных балтов с финским населением бассейна Волги должны были иметь непосредственный характер, поскольку литовские экземпляры из Мигониса и Дембай-Пакачине совершенно иные, нежели находки на Сувальщине и в Мазурском Поозерье, и не могут быть прототипами для последних. О характере этих далеких связей, однако, мы можем только догадываться. Наиболее заманчива гипотеза, что браслет из Кживулки носила экзотическая невеста, прибывшая в поселок на берегу Черной Ганьчи очень издалека...

Приложение

Каталог находок браслетов с поперечными ребрами с эмалью и без эмали⁴

1. Брянский клад, Усуг, Брянская обл., Россия, клад.
– 4 экз. с эмалью
– 4 экз. без эмали
Лит.: Ахмедов и др., 2015, с. 154–156, рис. 6 (там прочая литература).

2. Большое Сторожевое, Воронежская обл., Россия.
– 1 экз. без эмали
Лит.: Зиньковская, 2011, с. 78–79, рис. 3: 3; Ахмедов и др., 2015, с. 156.

3. Борисоглебск, Воронежская обл., Россия, случайная находка.
– 1 экз. без эмали (сохранился в 2-х фрагментах)

⁴ Каталог включает только опубликованные или упоминающиеся в литературе предметы.

- Лит.: Акимов, Ененко, 2012, с. 131, рис. 3: 1; Ахмедов и др., 2015, с. 156.
- 4. Волынцево**, Сумская обл., Украина.
– 1 экз. без эмали
Лит.: Обломский, Терпиловский, 2007, рис. 162: 2; Ахмедов и др., 2015, с. 156.
- 5. Глушковский р-н**, Курская обл., Россия.
– 1 экз. с эмалью
Лит.: Радюш, 2010, с. 11–12, рис. 5: 1.
- 6. Горица**, Черниговская обл., Украина, случайная находка.
– 1 экз. без эмали (фрагмент?)
Лит.: Корзухина, 1978, с. 71.
- 7. Ездочное 1**, Белгородская обл., Россия, полуземлянка 1.
– 1 экз. без эмали (фрагмент)
Лит.: Зиньковская, Медведев, 2005, с. 8, рис. 5: 2; Ахмедов и др., 2015, с. 156.
- 8. Заозерье**, Смоленская обл., Россия.
– 1 экз. без эмали
Лит.: Ахмедов и др., 2015, с. 156.
- 9. Ксизово 19**, Липецкая обл., Россия.
– 1 экз. без эмали
Лит.: Ахмедов и др., 2015, с. 156.
- 10. Курская обл.**, Россия.
– 3 экз. без эмали (в т.ч. 2 сохранились фрагментарно)
Лит.: Радюш, 2010, с. 12, рис. 5: 2–4.
- 11. Лукьянчиково** (в литературе упоминается также как Журавка), Воронежская обл., Россия, клад.
– 4 экз. без эмали
Лит.: Акимов, Ененко, 2012, с. 131–133, рис. 3: 2; Ахмедов и др., 2015, с. 156.
- 12. Межигорье**, Киевская обл., Украина, клад.
– 1 экз. с эмалью (фрагмент)
Лит.: Хойновский, 1896, с. 167, табл. XIX: 856.
- 13а. Мощино**, Калужская обл., Россия, городище, клад.
– 3 экз. с эмалью
– 7 экз. без эмали
Лит.: Булычов, 1899, с. 19, табл. XIII: 1, 4, 7–14.
- 13б. Мощино**, Калужская обл., Россия, городище, находка из вала, из культурного слоя.
– 1 экз. без эмали (фрагмент)
Лит.: Булычов, 1899, с. 20, табл. XIV: 11.
- 14. Плютенцы**, Полтавская обл., Украина, случайная находка (коллекция).
– 1 экз. с эмалью
Лит.: Корзухина, 1978, с. 34.
- 15. Пески**, Донецкая обл., Украина.
– 2 экз. с эмалью
Лит.: Ахмедов и др., 2015, с. 156.
- 16. Попово-Лежачи**, Курская обл., Россия.
– 1 экз. с эмалью
Лит.: Радюш, Щеглова, 2012, с. 32.
- 17. Ражки**, Мордовия, Россия, могильник, погребение 5-6-ба.
– 1 экз. без эмали
Лит.: Полесских, 1959, с. 206, рис. 4: 1; Ахмедов, 2010, с. 31, рис. 6: 4; Ахмедов и др., 2015, с. 156.
- 18. Рогожкино XII**, Ростовская обл., Россия.
– 1 экз. с эмалью (фрагмент)
Лит.: Ахмедов и др., 2015, с. 156.
- 19. Семилуки**, Воронежская обл., Россия, городище.
– 1 экз. без эмали
Лит.: Акимов, Ененко, 2012, с. 131, рис. 2: 3; Ахмедов и др., 2015, с. 156.
- 20. Сумы**, Украина, случайная находка.
– 1 экз. с эмалью
Лит.: Обломский, Терпиловский, 2007, рис. 152: 2.
- 21. Усть-Брыска**, Татарстан, Россия, могильник, погребение 11 (II?).
– 1 экз. без эмали
Лит.: Бугров, 1994, с. 34, 35, рис. XIII: Б, 1.
- 22. Шишино 5**, Белгородская обл., Россия, поселение, клад.
– 1 экз. без эмали
Лит.: Обломский, 2007, с. 84–85, рис. 19: 1; Обломский, Терпиловский, 2007, с. 133–134.
- 23. Дембай-Пакачине (Dembai-Pakačinė)**, Зарасайский р-н (Zarasai raj.), Литва, городище.
– 1 экз. без эмали
Лит.: Kulikauskienė, Rimantienė, 1958, p. 328, № 238; Michelbertas, 1986, p. 148–149.
- 24. Кживулка (Krzywólka)**, совр. часть г. Сувалки (Suwałki), Подляское воеводство (woj. podlaskie), Польша, уничтоженное погребение по обряду ингумации.
– 1 экз. без эмали
Лит.: коллекция Регионального музея в Сувалках, инв. № MS/A/29, кат. 69.
- 25. Мигонис (Migonys)**, Кайшядорский р-н (Kaišiadorys raj.), Литва, поселение, случайная находка.
– 1 экз. без эмали
Лит.: Kulikauskienė, Rimantienė, 1958, p. 328, № 239; Volkaitė-Kulikauskienė, 1958, pav. 3; Michelbertas, 1986, p. 148–149, pav. 60: 1.

26. Онуфриево (Onufryjewo), Варминско-Мазурское воеводство (woj. warmińsko-mazurskie), Польша, могильник, погребение 223.

– 1 экз. без эмали (2 фрагмента)
Лит.: Архив М. Шмидехельм, 7.12-103а-104;
7.13.-23; 7.13.е-36-36а; 7.20с-136-136а; 7.21-2а.

Перевод с польского В. Родинковой

Литература

Акимов Д.В., Ененко Е.А., 2012. Случайные находки вещей римского времени в пределах лесостепного Подонья // *Stratum plus*. № 4. С. 127–137.

Архив Марты Шмидехельм // Факультет археологии Таллинского университета (Tallinna Ülikooli Arheoloogia Teaduskogu). Таллин.

Ахмедов И.Р., 2010. «Свев» из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н.э. // *РА*. № 1. С. 26–38.

Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А., 2015. Брянский клад вещей с выемчатыми эмальями (предварительная публикация) // *РА*. № 2. С. 146–166.

Бугров Д.Г., 1994. Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ. С. 33–38.

Булычов Н.И., 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М. 78 с.

Воронятов С.В., 2013. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона: альтернативная атрибуция // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар: Экоинвест. С. 73–76.

Зиньковская И.В., 2011. О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей // *РА*. № 2. С. 72–80.

Зиньковская И.В., Медведев А.П., 2005. Позднезарубинецкое поселение Ездочное-1 на р. Оскол // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. А.З. Винников. Воронеж: ВГУ. С. 3–12.

Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье (САИ. Вып. Е1-43). Л.: Наука. 124 с.

Обломский А.М., 2007. Каталог памятников. Восток Днепровского Левобережья // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 10) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 82–105.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 10) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141.

Полесских М.Р., 1959. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области // *СА*. № 4. С. 202–211.

Радюш О.А., 2010. Украшения и снаряжение круга восточноевропейских выемчатых эмалей в бассейне верхнего течения Псла и Сейма // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 2 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 7–22.

Радюш О.А., Щеглова О.А., 2012. Волниковский «клад» и Курское Посеймье в эпоху Великого переселения народов. Курск: КГОМА. 48 с.

Румянцева О.С., 2016. Украшения с полихромными эмальями из Брянского клада: техника изготовления и «авторство» // *РА*. № 4. С. 16–29.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев: Наукова думка. 224 с.

Фролов И.К., 1980. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига: Зинатне. С. 111–124.

Хазанов М.А., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // *СА*. № 4. С. 58–71.

Хойновский И.А., 1896. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси и опись древностей, собранных мною, с объяснениями и XX таблицами рисунков. Вып. 1. Киев: Тип. Университета св. Владимира. 221 с.

Almgren O., 1923. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch. 254 S.

- Antanavičius J., 1970.** Medžionių (Prienu raj.) kapai // *Kraštotyra*. T. V. P. 130–140.
- Banytė-Rowell R., 2007.** Vėlyvojo romėniškojo laikotarpio žiedas iš baltų kapinyno. Pavidalo kilmė baltijos regiono kultūrinių ryšių plotmėje // *Lietuvos Archeologija*. T. 30. P. 9–38.
- Banytė-Rowell R., 2009.** Vėlyvojo romėniškojo laikotarpio rozetiniai smeigtukai ir segės su tutuliu // *Lietuvos Archeologija*. T. 34. P. 9–42.
- Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A., 2005.** From Aesti to Esti. Connections between the Western Lithuanian Group and the area of distribution of tarand-graves // *Culture and material culture. Papers from the first theoretical seminar of the Baltic archaeologists (BASE) held at the University of Tartu, Estonia, October 17th–19th, 2003 (Interarchaeologia. 1)* / Ed. V. Lang. Tartu; Rīga; Vilnius. P. 105–120.
- Bitner-Wróblewska A., 1993.** Z badań nad ozdobami emaliowanymi w kulturze wielbarskiej. Na marginesie kolekcji starożytności Paula Schachta z Malborka // *Wiadomości Archeologiczne*. T. LII/2 (1991–1992). S. 115–131.
- Bitner-Wróblewska A., 1998.** Suwalszczyzna w okresie wędrówek ludów // *Ceramika zachodnio-bałtyjska od wczesnej epoki żelaza do początków ery nowożytniej. Materiały z konferencji*. Białystok, 14–16 maj 1997 / Red. M. Karczewski. Białystok: Zakład Poligraficzny „Offset-Print”. S. 305–318.
- Bitner-Wróblewska A., 2000.** Where do you come from? An enameled triangular brooch from Grunajki, Mazurian Lakeland, Poland // *Prehistoric Art in the Baltic Region (Acta Academiae Artium Vilnensis. T. 20)* / Ed. A. Butrimas. Vilnius: Vilniaus Dalės Akademijos Leidykla. P. 141.
- Bitner-Wróblewska A., 2009.** Geometriniai motyvai baltų mene pirmaisiais amžiais po Kristaus // *Baltų menas. Parodos katalogas* / Ed. A. Butrimas. Vilnius: Vilniaus Dalės Akademijos Leidykla. P. 377–443. (На лит. и англ. яз.)
- Bitner-Wróblewska A., 2011.** Zapinki podkowiaste w grupie olsztyńskiej – tropem archiwum Feliksa Jakobsona // *Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w Archiwum Feliksa Jakobsona (Aestiorum Hereditas. T. II)* / Red. T. Nowakiewicz. Warszawa: Zakład Poligraficzno-Wydawniczy PO-ZKAL, Inowrocław. S. 548–561. (На пол., нем. и лат. яз.)
- Bitner-Wróblewska A., Iwanicki P., 2002.** Cmentarzysko w Podliszewie, woj. podlaskie. Między kulturą bogaczewską a sudowską // *Varia Barbarica Zenoni Woźniak ab amicis dicata (Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina. T. I)* / Red. J. Andrzejowski, R. Prochowicz, A. Żórawska. Warszawa; Lublin: Drukarnia Janusz Bieszczad. S. 105–184.
- Bujack G., 1891.** Die Bronzen mit Glasfluß im Prussia-Museum // *Sitzungsberichte der Altertums-gesellschaft Prussia*. T. 16 (1890). S. 189–191.
- Ginalski J., 1991.** Ostrogi kabłąkowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // *Przegląd Archeologiczny*. T. 38. S. 53–84.
- Hollack E., Peiser F.E., 1904.** Das Gräberfeld von Moythienen. Königsberg: Verlag von Graeffe & Unzer. 57 S.
- Jaskanis D., 1963.** Cmentarzysko kurhanowe w miejscowości Krzywólka, pow. Suwałki // *Rocznik Białostocki*. T. IV. S. 279–308.
- Jaskanis J., 1961.** Wyniki badań przeprowadzonych na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki w latach 1958–1959 // *Rocznik Białostocki*. T. I. S. 131–191.
- Jaskanis J., 1962.** Wyniki badań cmentarzyska kurhanowego we wsi Osowa, pow. Suwałki w latach 1960–1961 // *Rocznik Białostocki*. T. III. S. 233–297.
- Jaskanis J., 2013.** Szwajcaria. Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad. 326 s.
- Kaczyński M., 1963.** Materiały z cmentarzyska kurhanowego badanego w 1934 r. w miejscowości Mieżany, pow. Święciany, na Wileńszczyźnie (LSRR) // *Wiadomości Archeologiczne*. T. XXIX/2. S. 119–137.
- Kaczyński M., 1976.** Problem zróżnicowania wewnętrznego „kultury sudowskiej” w późnym podokresie wpływów rzymskich i okresie wędrówek ludów // *Kultury archeologiczne i strefy kulturowe w Europie środkowej w okresie wpływów rzymskich (Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Archeologiczne. 22)* / Red. K. Godłowski. Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. S. 253–286.
- Kaczyński M., 1981.** Południowa strefa osadnictwa bałtyjskiego na obszarze Jaćwieży w I tys. n.e. // *Rocznik Białostocki*. T. XIV. S. 169–201.
- Kulikauskienė R., Rimantienė R., 1958.** Lietuvių liaudies menas. Senovės Lietuvių papuošalai. I knyga. Vilnius: Valstybinė Grožinės Literatūros Laidykla. 359 p.
- Madyda-Legutko R., 1987.** Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum (BAR. International Series 30 (1986)). Oxford. 233 S.
- Michelbertas M., 1978.** Vytinės antkaklės kilpiniais galais // *Lietuvos Archeologijos Atlasas*. T. IV. I–XIII radiniai. Vilnius. P. 16–17.

Michelbertas M., 1986. Senasis geležies amžius Lietuvoje. I–IV amžius. Vilnius: Mokslas. 272 p.

Nowakowski W., 1980. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych przeprowadzonych w 1980 r. na zlecenie WKZ w Suwałkach na stanowisku archeologicznym w Krzywólce, stan. III, gm. Suwałki // Archiwum Muzeum Okręgowego w Suwałkach. Maszynopis.

Nowakowski W., 1981. Krzywólka, gm. Suwałki, woj. Suwałki, stan. 3. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych – 1981 rok // Archiwum Muzeum Okręgowego w Suwałkach. Maszynopis.

Okulicz J., 1954. Osada z wczesnej epoki żelaza w miejscowości Krzywólka, pow. Suwałki // Wiadomości Archeologiczne. T. XXII/3–4. S. 366–367.

Schmiedehelm M., 1931. Über die Beziehungen zwischen dem Weichselgebiet und Estland zur römischen Eisenzeit // Congressus Secundus Archaeologorum Balticum. Rigae, 19–23.VIII.1930. Rigae. S. 395–408.

Sobczak C., в печати. Osada w Krzywólce, pow. suwalski. Nowe materiały do badań nad osadnictwem Suwalszczyzny // Studia Archaeologica Sudaica. T. 1.

Tischler O., 1879. Ostpreussische Gräberfelder III // Schriftung der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. T. XIX. S. 159–268.

Volkaitė-Kulikauskienė R., 1958. Migonių (Jiezno raj.) archeologiniai paminklai // Iš Lietuvių kultūros istorijos. T. I. Vilnius: Lietuvos TSR Mosklų Akademija. P. 44–82.

A fiancée from abroad? An imported bracelet from Krzywólka near Suwałki (north-eastern Poland)

A. Bitner-Wróblewska (Warsaw)

Key words: group of east European enamelled artefacts, bracelets type I, Roman Period, far-flung contacts of West Balts.

In the locality Krzywólka, now part of the town Suwałki, north-eastern Poland was discovered by chance a bronze, broad bracelet decorated with plates (combs). It represents type I according to G.F. Korzukhina's classification and belongs to the group of east European enamelled artefacts, among which there are also finds without enamel decoration. Bracelets type I are widespread in the basins of Dnieper, Don and Upper Oka, a single finds were recorded in the territory of Volga Finns and the area of West Balts (east and central Lithuania, north-eastern Poland). The chronology of bracelets in question concerns the end of 2nd c. and the first half of 3rd c. AD. The find from Krzywólka has the closest analogies to items from Volga Finns cemeteries and the Moshchino hillfort. It must have been imported from these regions and confirms the far-flung connections of the West Balt population.

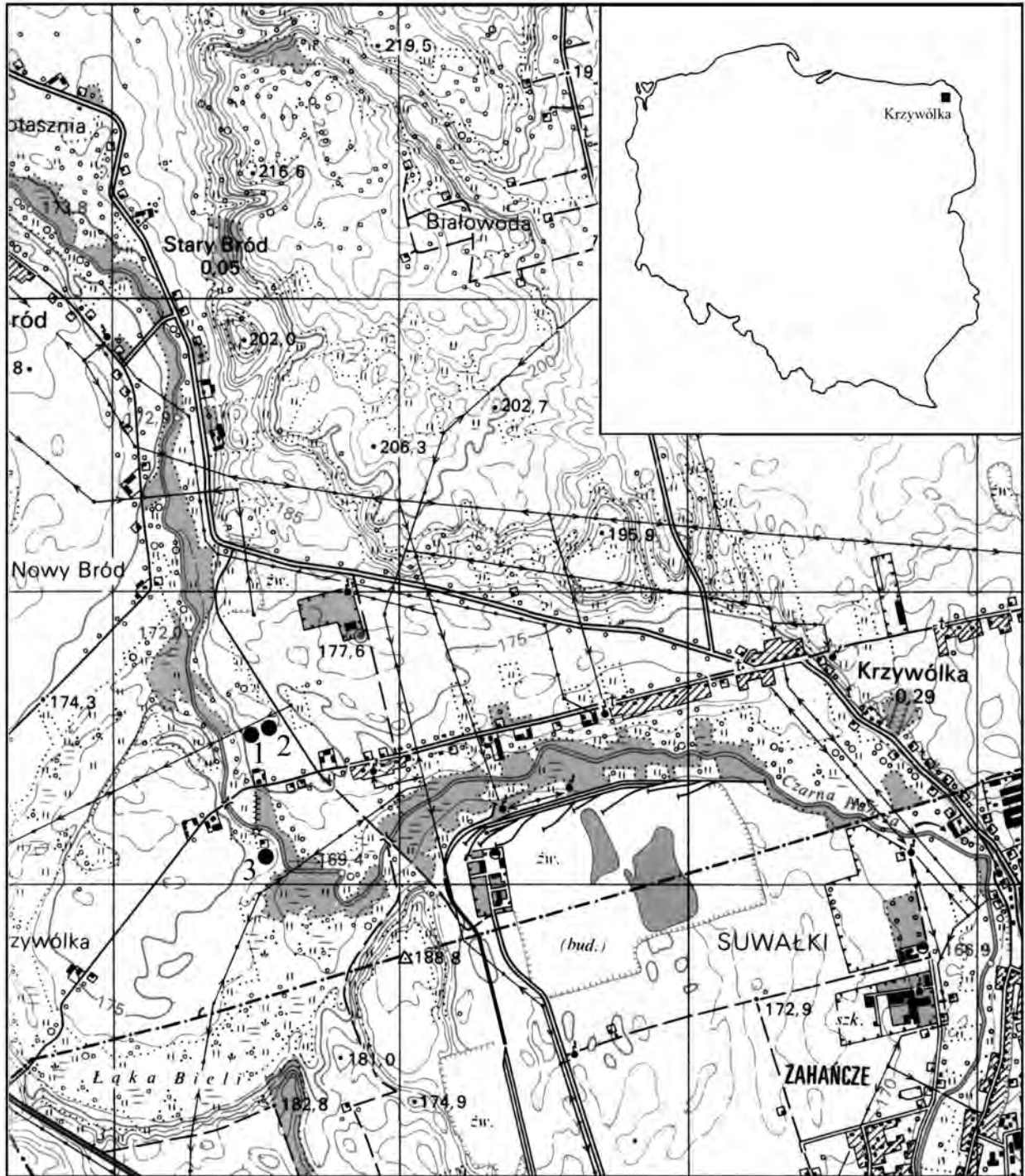

Рис. 1. Расположение памятников в районе д. Кживулка около г. Сувалки.
 1 – курганный могильник Кживулка 1; 2 – курганный могильник Кживулка 2;
 3 – поселение Кживулка 3. По: Sobczak, в печати.

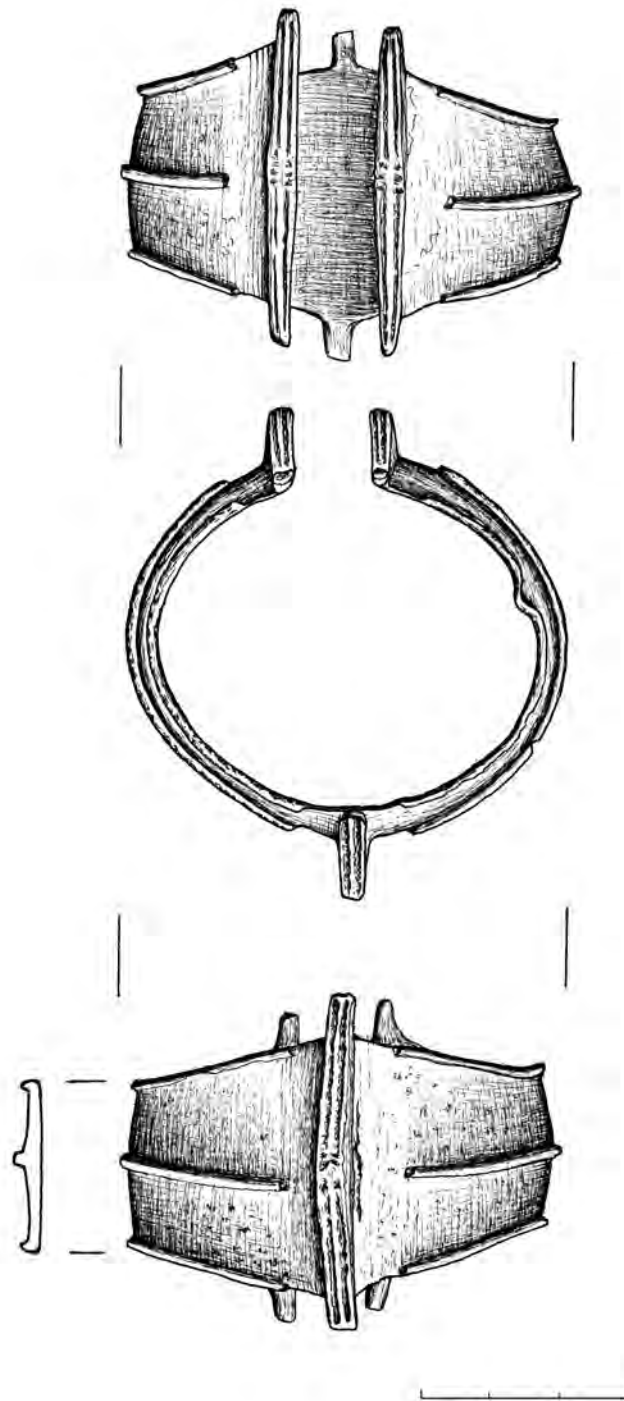

Рис. 2. Браслет из Кживулки. Рисунок: Б. Карх.

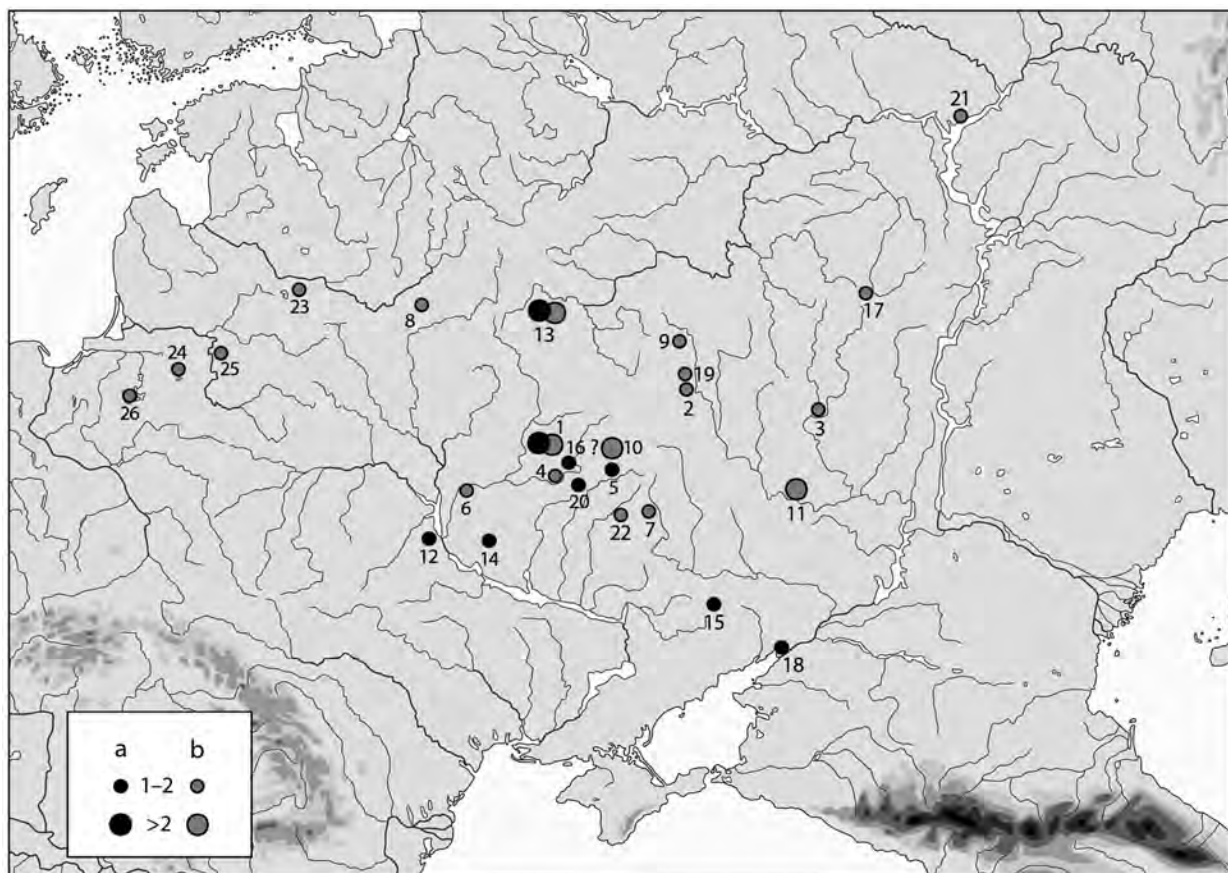

Рис. 4. Распространение гребенчатых браслетов.
 а – экземпляр с эмалью; б – экземпляр без эмали.
 Номера на карте соответствуют номерам находок в приложении.
 Художник: Й. Жабко-Потопович.

Вещи круга выемчатых эмалей из Гомельского Поднепровья

О.А. Макушников (Гомель), О.А. Радюш (Москва)

Ключевые слова: выемчатые эмали, киевская культура, римское время, Верхнее Поднепровье, Гомельская область, фибулы, лунницы, шпоры.

Несмотря на значительное количество исследованных памятников римского времени, изучение вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей до сих пор актуально для развития раннеславянской тематики. Попытки собрать информацию о таких находках в Беларуси предпринимались неоднократно. В своде Г.Ф. Корзухиной (1978) зафиксированы лишь единичные их экземпляры (клад из Красного Бора, фибула-брошь из Лукомля, подковообразная фибула из Малышек, лунницы и фибула-брошь из Абидни, подвеска из Демьянок), а также учтена провинциально-римская фибула с эмальями из Ольховки. За почти 40 лет, прошедших с момента составления свода, ситуация значительно изменилась. Большая часть известного сегодня материала собрана в статьях В.Г. Белевца, Э.М. Зайковского, З.А. Харитонович, О.А. Радюша и др. (Белевец, 2008, с. 209–237; Зайкоўскі, 2011, с. 165–172; Радюш, 2013а; 2013б; Харитонович и др., 2008, с. 212–217; Харитонович, 2011, с. 195–199; Харитонович, Котов, 2011, с. 427). В обзорной работе З.А. Харитонович учтен 41 пункт с находками изделий эмалевого круга на территории Беларуси (Поболь, Харитонович, 2016, с. 177, рис. 1). Настоящая статья дополняет опубликованные ранее данные, вводя в научный оборот вещи с юго-востока Беларуси, из бассейна Днепра и его левого притока р. Сож. Важно, что часть находок имеет документированный археологический контекст, позволяющий связать их с материалами памятников, с которых они происходят.

К настоящему времени опубликованы лишь четыре изделия из Гомельского Поднепровья (из Демьянок, Юдичей, Плесовичей и Лисок). Авторам удалось собрать информацию о предметах из 15 пунктов, места находок которых известны достоверно, и нескольких вещах с широкой привязкой в пределах района или Гомельской области в целом (рис. 1)¹.

1. Мохов, Колтенский с/с, Лоевский р-н. Малая бронзовая лунница с эмальями (рис. 2б: А; цветная вклейка) найдена в 2015 г. в ходе раскопок экспедиции Гомельского университета им. Ф. Скорины под руководством О.А. Макушников. Исследуемый с 2003 г. археологический комплекс на юго-восточной окраине д. Мохов включает памятники неолита, бронзового века, первой половины и третьей четверти I тыс. н.э. и эпохи Средневековья (Макушников, 2006; 2008). Исследования 2015 г. велись на участке курганного могильника X–XI вв. и подстилающих его горизонтов разновременных поселений в северо-восточной части комплекса (рис. 2а: В). Отдельные фрагменты керамики, происходящие из слоя и из курганных ровиков, можно отнести к позднезарубинецкому или раннекиевскому периодам.

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность за нематериальные определения к статье и сведения о находках, хранящихся на кафедре археологии БГУ, а также за архивную информацию о ряде предметов заведующему учебной лабораторией музейного дела исторического факультета БГУ В.М. Сидоровичу, н.с. Института археологии Варшавского университета К.В. Мызгину, м.н.с. ИИ НАН Беларуси Е.В. Власовцу, н.с. Рогачевского Музея народной славы А.Н. Рыкунову.

Среди них – венчики груболепных сосудов с дресвой в тесте (в т.ч. крупной), декорированные по краю косыми насечками (рис. 2а: Б1–Б3, Б5) и защипами (рис. 2а: Б4), ребристая стенка (рис. 2а: Б10), два обломка дисков-сковородок с намеченными бортиками (рис. 2а: Б6, Б7). Встречены и обломки лощеных мисок, изготовленных из хорошо отмученной коричневой глины с примесью мелкого песка. Профильные части представлены верхом ребристой миски (рис. 2а: Б8) и венчиком (рис. 2а: Б9).

Лунница найдена в верхней части заполнения объекта 4 в северной части раскопа. Он представлял собой восьмеркообразное в плане и линзовидное в разрезе пятно песка, насыщенного золой и углем и не достигающего до поверхности материка. Пятно вытянуто с востока на запад на 3,80 м, с юга на север – на 0,80–1,20 м, его мощность 0,20–0,25 м (рис. 2а: Г). Происходящие из объекта материалы относятся к позднезарубинецкой или раннекиевской археологическим культурам. Это грубая лепная керамика с примесью крупной дресвы в тесте (рис. 2б: 2, 4) и две стенки чернощенных сосудов, изготовленных из хорошо отмученной коричневой глины с мелким песком.

Подвеска-лунница имеет на окончаниях ромбические щитки с тремя треугольными отростками на каждом (рис. 2б: А; цветная вклейка). Три эмалевых поля расположены: по одному круглому, заполненному эмалью зеленого цвета, на окончаниях, и подтреугольное с красной эмалью – в центре корпуса.

Аналогичные лунницы встречены в Среднем Поднепровье (Киевская обл., Каневский р-н Черкасской обл.), на Днепровском Левобережье (Сумская и Черниговская обл.), в Верхнем Поднепровье – на территории Могилевской обл. (селище Абидня) (Корзухина, 1978, табл. 8: 14–16; 9: 12, 14, 16; 12: 10; Фролов, 1980, рис. 2: 1–4; Обломский, Терпиловский, 2007, рис. 138: 4, 5; 147: 10; 161: 3), а также на городище Боровский (Мячковский) курган позднедьяковской культуры в бассейне Москвы-реки (Фролов, 1980, рис. 1: 21). Подобные украшения характерны для средней стадии эволюции изделий круга восточноевропейских выемчатых эмалей и связаны преимущественно с ранним этапом развития киевской культуры, датируемым в Среднем Поднепровье концом II – III в.

Моховская лунница поступила в музей Гомельского дворцово-паркового ансамбля.

2. Рудня Каменева, Страдубский с/с, Лоевский р-н. Бронзовая фибула, случайно обнару-

женная в 2014 г., была передана одному из авторов статьи для изучения в Археологическом музее-лаборатории ГДУ им. Ф. Скорины. В 2015 г. место находки обследовали О.А. Макушников и Д.Н. Линденков.

Предмет поднят в 0,2 км к востоку от северной окраины д. Рудня Каменева, в 0,6 км к востоку-северо-востоку от кладбища, на площадке останца левобережной днепровской террасы, на правом берегу мелиорированного ручья, левого притока р. Днепр. Площадка ровная, с уклоном в сторону заболоченной долины, возвышается над каналом на 10–15 м, в настоящее время находится под сосновыми посадками. Фибула обнаружена в колее плантажной вспашки. Признаки культурного слоя на данном участке не выявлены.

Фибула ажурная треугольная прорезная (рис. 3: 1; цветная вклейка). Судя по характеру коррозии, имела железные иглу и псевдопружину, обвитую бронзовой проволокой. Ее длина – 12,2 см, ширина – до 6,5 см. Орнаментальная композиция в центральной части корпуса состоит из нескольких ярусов: внизу – сросшиеся ромбы с отверстиями по центру, посередине – пара треугольников, заполненных красной эмалью, выше – пара колец, разделенных поперечной пластиной, над ними – заполненный зеленой эмалью треугольник. Треугольная ножка отделена от корпуса подтреугольным гребнем, в центре ее расположено гнездо с красной эмалью. На углах и по центру основания ножки имеются отростки с дисковидными окончаниями. С обратной стороны сохранился массивный иглоприемник в виде изогнутой пластины.

Предметы, близкие образцу из д. Рудня Каменева (включая ажурные треугольные фибулы), в лесостепном Поднепровье относятся к средней стадии развития эмалевого стиля и датируются А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским концом II – серединой / второй половиной III в. (2007, с. 120–123). В составе Брянского (Усукского) клада представлены три треугольные ажурные фибулы того же времени (Ахмедов и др., 2013, с. 100, 101, рис. 3: 2). Вещи данного типа в Беларуси происходят из Витуничей, Пильковичей и Дрокова (Харитонович и др., 2008, с. 212–217, рис. 1: 3).

3. Огородня-Гомельская, Кормянский с/с, Добрушский р-н. Шпора римского времени (рис. 4: 7; цветная вклейка) поступила в 2015 г. в отдел археологии и охраны историко-культурного наследия археологии музея Гомельского дворцово-паркового ансамбля от случайного находчика

(КП 18673/9). Место находки – берег р. Хоропуть (левый приток р. Ипути, левого притока р. Сож) близ д. Огородня-Гомельская. Окрестности данного населенного пункта ранее археологами не обследовались.

Шпора изготовлена методом литья по восковой модели, ее корпус имеет форму пластины, равномерно сужающейся от основания шипа к окончаниям (рис. 4: 7; цветная вклейка). По краям и центру пластины проходят узкие декоративные валики с диагональными насечками. В центральной части корпуса у основания шипа находятся симметричные серповидные отростки, в средней части каждой дужки – по паре симметричных округлых выступов с отверстиями; между ними и окончаниями дужек расположены пары меньших по размеру симметричных выступов без отверстий. На концах дужек – четырехконечные розетки с одним центральным отверстием; по одному отверстию имеется в каждом из четырех окончаний. Площадка вокруг центрального отверстия декорирована точечными углублениями. Крепления в виде перпендикулярных корпусу штырьков на невысоких ножках находятся с тыльной стороны шпоры. Штыри имеют сечение, по форме напоминающее молот. Шип шпоры конической формы, в нижней его четверти расположена кольцевая канавка. Ширина изделия между дужками – 7 см, ширина корпуса – 1,3 см, толщина – 0,3 см, высота шипа – 2,3 см, его диаметр – 0,8 см.

По конструкции шпора из Огородни-Гомельской уникальна, но, очевидно, относится к распространенным на территории Поднепровья вещам эмалевого круга. На это указывают способ изготовления и особенности оформления, характерные именно для подобных предметов. Декорирование валиками с насечками находит параллели среди реберчатых браслетов. Серповидные выступы и крестовидные розетки также встречаются у различных категорий находок круга эмалей. Отсутствие эмалевых вставок и использование в декоре выступов-петель позволяет отнести рассматриваемое изделие, скорее, к поздней стадии развития стиля.

Шпора из Огородни-Гомельской не имеет прямых аналогий на территории Восточной Европы. Форма ее шипа не типична для образцов, входящих в массив «варварских» выемчатых эмалей. Кроме того, большинство изделий данного стиля имеют иную конструкцию крепления к обуви или обувным ремням. У экземпляра из Огородни-Гомельской это штырьки с обратной стороны корпу-

са. Единственная подобная шпора происходит из региона между Новогрудком и Барановичами (Радюш, в печати), однако по конструкции корпуса она ближе к «Stuhlsporen» по типологии М. Яна (Jahn, 1916), кроме того, имеет меньшие размеры и орнаментирована эмалевыми вставками.

Возможные прототипы рассматриваемой конструкции единичны и датируются значительно более ранним временем, чем шпора из Огородни-Гомельской. К ним можно отнести находки из Конц-Флиссена (Трип) и Кельна (Спицын, 1903, рис. 232), датируемые I–II вв. Более поздними вариантами этой же подгруппы следует считать составные шпоры из погребений 46а и 46в могильника Коврово/Доллякайм (Nowakowski, 1996, pl. 12), где по сопровождающему инвентарю (умбон типа IIIкаег 5bc, фибула с кольцевой гарнитурой) они могут быть датированы фазой C1b (220/230–250/270). Экземпляру из Огородни-Гомельской наиболее близка форма шипа находки из погребения 46а, что позволяет считать ее непосредственным прототипом, и, следовательно, датировать изучаемый образец периодом не ранее фазы C1b. Подобная композиция декора корпуса у шпор с территории Литвы прослеживается вплоть до VII–VIII вв.

4. Юдичи, Довский с/с, Рогачевский р-н. Бронзовая лунница найдена в 1960-е годы возле курганов, изучавшихся экспедицией Г.Ф. Соловьевой (рис. 2б: Д2; цветная вклейка). Корпус изделия треугольный с треугольным полем, заполненным красной эмалью, ушко массивное. Отростки на концах заполнены эмалью темно-зеленого цвета, по углам имеются трехлепестковые окончания с круглыми гнездами (Харитонович, 2011, с. 195, рис. 2: 1; Поболь, Харитонович, 2016, с. 182). Лунница хранится в Рогачевском Музее народной славы.

5. Демьянки, Рассветовский с/с, Добрушский р-н. Кресторомбическая подвеска без эмалевых вставок найдена в 1962 г. Г.Ф. Соловьевой в ходе раскопок древнерусского курганного могильника. Памятник расположен в 2 км к юго-востоку от д. Демьянки и в 3 км к югу от д. Березки на залесяном мысовидном участке надпойменной террасы, образованной правыми берегами р. Ипуть и впадающей в нее Речицы, мелиорированной протоки р. Очesy (Соловьева, 1962; 1967, с. 187–198). Высота участка 3–5 м. Локализация памятника уточнена в ходе обследований О.А. Макушникова 1978, 1982 и 1991 гг.

Подвеска найдена при исследовании кургана 1, под которым зафиксированы остатки более

раннего трупосожжения на стороне, помещенные в небольшую круглую в плане ямку диаметром 0,44 м и глубиной 0,25 м, вырытую в материке. В ямке обнаружено скопление кальцинированных костей и черного «жирного» угля, а также оплавившиеся бронзовые слитки, ушко и обломки бронзовой крестовидной подвески (рис. 5: 1). Рядом с погребальной ямой на выжженном горизонте находились обломки лепных сосудов (Соловьева, 1962, с. 1, 2).

Ближайшими параллелями рассматриваемому изделию можно считать секировидную подвеску из с. Стайки Киевской обл., купленную у частного лица в 1906 г. (фонды ГИМ, 18/1906 г., № 30778), и находку из с. Торицы близ Чернигова (Tallgren, 1937, S. 153, III. 7).

Материалы раскопок Г.Ф. Соловьевой, хранившиеся в ИА АН СССР под шифром «Демьянки-62, курган 1, погребение 3», изученные О.А. Макушниковым в начале 1980-х годов, включали:

- развал груболепного горшка с шамотом в тесте, с признаками ошлакованности; реконструируемый диаметр верхней части сосуда по обрезу венчика составляет 13 см (рис. 5: 2);

- развал ребристой миски; диаметр по обрезу венчика 19 см, по ребру – 22 см; наружное лощение коричневое, хорошего качества, внутреннее – серое, низкого качества; тесто хорошо отмученное, с примесью песка; дно на песчаной подсыпке (рис. 5: 3).

Обломки подвески в коллекции отсутствовали.

Набор керамики и крестовидная подвеска круга восточноевропейских эмалей свидетельствуют против предложенной автором раскопок атрибуции рассматриваемой ямной кремации как подкурганного захоронения и позволяют относить его к раннекиевским древностям.

6. Старый Кривск, Курганский с/с, Рогачевский р-н. В 2016 г. жителем д. Старый Кривск в Рогачевский музей народной славы были переданы бронзовые лунница, обломок фибулы и монета. Летом 2016 г. О.А. Макушников, О.В. Вороненко и Д.Н. Линденков при участии сотрудников музеев из Гомеля и Рогачева обследовали место находки.

Предметы выявлены в 0,5 км к востоку от д. Старый Кривск на участке распаханного поля, которое расположено на пологом склоне надпойменной террасы правого берега мелиорированного малого водотока, являвшегося левым притоком ручья Ржавка, правого притока р. Добрич, правого притока р. Сож. Вещи обнаружены в 50–70 м к западу от пойменной части долины ручья, на 2–3 м выше поймы. Здесь, на участке пашни без признаков культурного слоя, собраны

единичные артефакты разного времени. С киевской культурой можно связать несколько фрагментов грубой лепной неорнаментированной керамики и фрагмент донной части лепного горшка с расчесами.

К римскому времени относятся следующие предметы:

А) Бронзовая лунница (рис. 3: 3; цветная вклейка). Обломана; вероятно, подвергалась деформации при воздействии высокой температуры. Сохранилась верхняя часть с проушиной.

Б) Обломок бронзовой треугольной фибулы (рис. 3: 2; цветная вклейка). Сохранились ножка и фрагмент прорезного корпуса с двумя боковыми пластинами и частью центральной, имеющей треугольную форму, с гнездом, содержащим следы эмали. На окончании ножки – ромбическая площадка, также с эмалевым гнездом. На концах площадки, отделенной от корпуса подтреугольным гребнем, – три отростка с округлыми окончаниями. С обратной стороны на ножке сохранился иглоприемник в виде загнутой массивной пластины.

В) Медная римская монета чеканки императора Гордиана III (рис. 3: 4; цветная вклейка), годы чеканки 241–242 (Sidorovitch, 2014, p. 86, pl. 2: 8), место чеканки – Виминациум (Верхняя Мезия).

Лунница, фибула и, по всей видимости, монета, как и найденная при обследовании участка лепная керамика, принадлежали носителям киевской культуры. Учитывая отсутствие признаков культурного слоя, нельзя исключать, что эти предметы происходят из грунтовых погребений распаханного могильника.

7. Присно, Приснянский с/с, Ветковский р-н. Обломок бронзовой лунницы, у которой в гнездо красной эмали вставлено желтое колечко (рис. 2б: Д5; цветная вклейка) (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 69).

8. Коротковичи, Коротковический с/с, Жлобинский р-н. Бронзовая подковообразная фибула с тонкой дужкой и массивными круглыми щитками на концах. Декор представлен двумя кольцевидными гнездами, заполненными красной (?) эмалью, и внешним контуром в виде звезды и кольца (рис. 4: 3; цветная вклейка). Диаметр изделия около 5 см².

9. Лиски, Лисковский с/с, Речицкий р-н. Подковообразная фибула с тонкой дужкой и тремя круглыми щитками (два на концах, один посередине) (рис. 4: 5; цветная вклейка). Диски украше-

² Находки № 8, 11, 13–16, 18–20 хранятся на кафедре археологии и в музее БГУ.

ны кольцевидными канавками, эмалевые вставки отсутствуют. Сохранилась игла. Изделие найдено в 1980 г. в ходе раскопок М.И. Лошенко на городище со слоями милоградской культуры (Лошенко, Богомольников, 1981, с. 341–342, рис. 4: 11; Лашанкоў, 1993, с. 371; Лошенко, 1995, с. 97, рис. 4: 11; Поболь, Харитонович, 2016, с. 188).

10. Подлесье, Кировский с/с, Жлобинский р-н. Сюльгама с уплощенной в сечении дужкой, на концах которой расположены две дисковидные площадки, посередине – подквадратная (рис. 4: 1; цветная вклейка). Концевые щитки украшены ярко-красными эмалевыми вставками, образующими многолучевую композицию с кругом в центре и восемью расходящимися от него треугольными лопастями, которые окаймляются концентрическими канавками. Центральная площадка декорирована подпрямоугольным гнездом с красной эмалью, вдоль боковых сторон которого расположены парные канавки. Сохранилась игла (Археологія Беларусі, 2011, с. 437).

11. Теліш, Тереничский с/с, Гомельский р-н. Фрагмент изделия (рис. 3: 6; цветная вклейка). Сохранилась площадка, возможно, ножка фибулы, в виде ромба со скошенными краями, с гнездом, заполненным красной эмалью, внутри которого – две округлые эмалевые вставки другого цвета, возможно, белого. По углам ромба расположены круглые гнезда без эмали, на которых имеются подтреугольные выступы. В верхней части изделие обломано.

Рядом с этим обломком найдена монета Александра Севера (рис. 3: 5; цветная вклейка), годы чеканки 222–235, место чеканки – Каллатис (Нижняя Мезия) (Sidorovitch, 2014, p. 85, pl. 2: 6).

12. Плесовичи, Коротковичский с/с, Жлобинский р-н. Малая лунница (рис. 2б: Д3; цветная вклейка) найдена на берегу р. Ола. Стилистически она близка подвеске из Юдичей, но отличается более тонкой проработкой деталей и отсутствием эмалевых вставок на отростках (Харитонович, 2011, с. 195, рис. 2: 3; Харитонович, 2016, с. 182).

13. Носовичи, Носовичский с/с, Добрушский р-н. Подвеска (рис. 3: 7; цветная вклейка). Сохранился фрагмент щитка круглой формы, с выступающей уплощенной круглой розеткой на одной стороне. Вероятно, аналогичные розетки располагались симметрично по краям щитка и в других местах. В центре находится небольшое круглое гнездо с белой эмалью, поле разделено на четыре сектора, в одном из которых сохранилась красная эмаль. Обломанное ушко изделия массивное, у основания – небольшая поперечная перекладина.

14. Рассохи, Лужковский с/с, Кормянский р-н. Малая лунница (рис. 2б: Д4; цветная вклейка). Корпус двурогий, на концах – уплощенные круглые площадки, украшенные гнездами эмали оранжево-красного цвета. Каждая площадка имеет по три небольших выступа. Ушко короткое. Лунницы подобного типа обычно были частью сложносоставных подвесок. Аналогии широко распространены в Поднепровье (Обломский, Терпиловский, 2007, рис. 147: 2; 148: 8).

15. Оношки (бывш.), Подосовский с/с, Черчерский р-н. Фибула-брошь (рис. 4: 6; цветная вклейка). Диаметр изделия 5,5 см, форма круглая, со скошенным краем. Поле имеет прорезной орнамент в виде четырехконечного креста с расширяющимися лопастями, с эмалевыми вставками красного цвета, между которыми расположены зигзагообразные полосы. В центральной части – полусферическая заклепка. Поверхность покрыта сплавом серебристого цвета, по всей видимости, свинцово-оловянистым. С обратной стороны – характерное для брошей крепление в виде массивной перекладины и иглоприемника-крючка.

16. Старая Гусевица, Буда-Кошелевский р-н. Замок от гривны с площадкой ромбической формы (рис. 4: 4; цветная вклейка) найден на берегу р. Хотемля (Хочемля), правого притока р. Уза, бассейн р. Сож³. Площадка украшена длинными прорезями по краям, в центральной части в гнезде ромбической формы находилась, по-видимому, светлая эмаль. Два основных эмалевых поля красного цвета расположены по обе стороны ромба, сверху и снизу от него – округлые площадки с красной эмалью. На концах замка имеются площадки-коробочки подпрямоугольной формы с поперечными парными канавками по краям и округлым гнездом с красной эмалью в центре. В эти коробчатые выступы заклепывались дуги гривны, которые не сохранились.

17. Ветковский р-н. Цельнолитая бронзовая шпора (рис. 4: 8; цветная вклейка) с кнопками и зацепами (Радюш, 2013б, рис. 3: 6). Корпус имеет подтреугольное сечение, выступы возле шипа короткие, на концах у них имеются округлые утолщения. Шип короткий, четырехгранного сечения, высотой около 1 см. Кнопки ромбические, украшенные четырьмя короткими выступами; аналогичные выступы имеются на дужках, они расположены симметрично по обе стороны от шипа. Шпора хранится в ИГ НАНБ.

³ Информация В.М. Сидоровича (БГУ).

Ближайшие аналогии данной находке происходят из Смоленской обл. (д. Вердихово) (Радюш, 2013б, рис. 3: 15) и с юга Ивановской обл., из погребения 3 могильника Большое Давыдовское 2 (Макаров и др., 2010, с. 41–52).

18–19. Бассейн р. Сож.

18. Лунница барочного, или «процветшего» стиля (рис. 2б: Д1; цветная вклейка). Композиция изделия сложная, в основе – двурогая лунница с утонченной перекладной, заполненной красной (?) эмалью. На ее концах расположены ромбические площадки с красными эмалевыми вставками, имеющие по три крестообразных отростка с отверстиями по краям. Между собой обе площадки и центральная перекладина соединены дополнительными перекладинами, также с отверстиями.

19. Кресторомбическая подвеска без эмалевых вставок (рис. 5: 4). Размеры 5 × 5 см. В основе ее лежит ромбическая рамка, внутри которой имеется крестообразная перемычка. По трем углам рамки расположены подтреугольные площадки, с верхней стороны – массивная петля.

20. Гомельская обл. Фрагмент бронзовой сюльгамы (рис. 4: 2; цветная вклейка). Сохранился обломок круглой площадки диаметром 20 мм. Поверхность украшена прочерченным орнаментом в форме вписанной в кольцо четырехконечной звезды с окончаниями в виде трех небольших круглых розеток. Дужка тонкая, шириной 4–5 мм.

Наши наблюдения свидетельствуют, что вещи круга эмалей позднеримского времени сосредоточены в Гомельской области в основном в долинах Днепра и Сожа. Они практически неизвестны в бассейнах Припяти и Березины. Южнее Гомельского Поднепровья значительное количество таких находок отмечается в Черниговском Подесенье, а к востоку – по всему Брянскому Поднепровью (Ахмедов и др., 2015; Воронятов, Шинаков, в печати; Воронятов, Столярова, в печати; Чубур, Шинаков, в печати). Материалы, приведенные в данной статье, дополняют общую картину широкого распространения вещей подобной стилистики в Верхнем Поднепровье и подтверждают отсутствие лакун между ареалами в Прибалтике, Верхнем Понеманье и Среднем Поднепровье.

Интересно отметить совстречаемость эмалевых находок с медными римскими монетами, которая в Гомельской области имеет место в двух случаях. Такие совпадения зафиксированы также

в Курской области (с. Введенское) (Радюш, в печати), в кладе из Брянской области (Воронятов, Столярова, в печати), в Среднем Поволжье (Никитина, в печати). Данное обстоятельство может указывать на связь между поступлением римских монет первой трети III в. и распространением вещей с эмальями в Восточной Европе. К.В. Мызгин на массовом материале продемонстрировал кардинальные различия в выпадении монет провинциально-римских чеканов III в. Балкан и Малой Азии в правобережных и левобережных регионах украинского Поднепровья (2016, с. 153–171). Большинство этих находок, однако, происходит из сборов, поэтому связь их исключительно с черняховской культурой не очевидна. Их ареал на обоих берегах Днепра (Мызгин, 2016, рис. 6) совпадает в том числе с территорией распространения изделий круга эмалей, как и в Среднем Поволжье. Постепенное выявление новых вещей данного круга в Северном Причерноморье, Крыму и на Кавказе позволяет предполагать довольно масштабное участие носителей эмалевых традиций в военно-политических событиях III в.

Количество находок в Гомельском Поднепровье пока не позволяет провести более детальные статистические и стилистические исследования. Можно лишь отметить, что в рассматриваемом регионе встречаются вещи различных хронологических и стилистических этапов развития эмалевого комплекса. Пока не известны лишь изделия финальной стадии, однако они найдены в ряде пунктов выше по Днепру, на территории Беларуси и России (поселения Дрокова, Тайманово и др.). Вероятно, население Верхнего Поднепровья, в отличие от жителей более южных областей, после черняховского вторжения в Днепровскую Лесостепь достаточно долго продолжало использовать украшения круга эмалей. Возможно, именно здесь эмалевая стилистика продолжала свое развитие, переживая трансформации уже под влиянием черняховской материальной культуры. Находки вещей финального этапа развития восточноевропейских выемчатых эмалей (в кладах типа Сухоносовки-Стольного) могут достаточно уверенно датироваться рубежом IV–V вв. (Левада, 2010, с. 557–594). Вполне вероятно, что дальнейшее накопление данных позволит закрыть хронологические лакуны в том числе и на территории Гомельского Поднепровья.

Литература

- Археологія Беларусі, 2011.** Т. 2 // Ред. Т.У. Бялова. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Пётруся Броўкі. 464 с.
- Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А., 2013.** Клад из Суземского района Брянской области // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 году / Ред. О.А. Макушников. Гомель: ГГУ. С. 99–107.
- Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А., 2015.** Брянский клад вещей круга выемчатых эмалей (предварительная публикация) // РА. № 2. С. 146–166.
- Белевец В.Г., 2008.** Контакты населения вельбарской культуры и носителей традиций восточноевропейской лесной зоны в Белоруссии: постановка проблемы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов / Ред. А.Н. Наумов. Вып. 1. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 209–237.
- Воронятов С.В., Столярова Т.В., в печати.** Глажевская коллекция: история изучения и анализ // *Germania–Sarmatia*. Вып. III / Ред. О.А. Радюш, О.А. Щеглова и др. М.: Принт. С. 163–178.
- Воронятов С.В., Шинаков Е.А., в печати.** Эмали в Брянском Подесенье // *Germania–Sarmatia*. Вып. III / Ред. О.А. Радюш, О.А. Щеглова и др. М.: Принт. С. 179–214.
- Зайкоўскі Э.М., 2011.** Новыя знаходкі бронзавых рэчаў з выемчатымі эмалямі // Археалогічныя даследаванні на Беларусі ў 2008 г. (МАБ. Вып. 20). Мінск: Беларуская навука. С. 165–172.
- Корзухина Г.Ф., 1978.** Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье (САИ. Вып. Е1–43). Л.: Наука. 124 с.
- Лашанкоў М.І., 1993.** Ліскі // Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Пётруся Броўкі. С. 371.
- Левада М.Е., 2010.** Сухоносівка // *Terra Barbarica: studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin (Monumenta archaeologica barbarica: Series gemina. T. II)* / Ed. M. Mączyńska. Warszawa; Łódź: IAUL. P. 557–594.
- Лошенко М.И., 1995.** К вопросу о бронзолитейном ремесле населения милоградской культуры // ГАЗ. Вып. 6. С. 78–104.
- Лошенко М.И., Богомольников В.В., 1981.** Раскопки городища у д. Лиски // Археологические открытия 1980 г. М.: Наука. С. 341–342.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е., 2010.** Могильник Большое Давыдовское 2 – погребальный памятник первой половины I тыс. н.э. в Суздальском Ополье // РА. № 1. С. 41–52.
- Макушников О.А., 2006.** Между Гнездово и Киевом: Моховский археологический комплекс X–XI вв. на юго-востоке Беларуси // ГАЗ. Вып. 22. С. 130–138.
- Макушников О.А., 2008.** Моховский курган 77 (к вопросу о «кривичском присутствии» на юго-востоке Беларуси в период становления государственности) // МАБ. Вып. 15. Мінск: ІГ НАНБ. С. 155–167.
- Мызгин К.В., 2016.** Готские войны, римские монеты и черняховская культура // *Stratum plus*. № 4. С. 153–171.
- Никитина А.В., в печати.** Находки восточноевропейских выемчатых эмалей в лесостепной зоне Среднего Поволжья // *Germania–Sarmatia*. Вып. III / Ред. О.А. Радюш, О.А. Щеглова и др. М.: Принт. С. 255–270.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007.** Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 10) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141.
- Поболь Л.Д., Харитонович З.А., 2016.** Находки изделий с эмалями на территории Беларуси // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 1 / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 146–197.
- Радюш О.А., 2013а.** Элементы всаднической и дружинной культуры II–III вв. в Поднепровье // *Stratum plus*. № 4. С. 51–73.
- Радюш О.А., 2013б.** Находки шпор римского времени в Верхнем Поднепровье и сопредельных территориях // *ACTA ARCHAEOLOGICA ALBARUTHENICA*. Вып. IX / Ред. Н.А. Плавинский, В.Н. Сидорович. Минск: Галіяфы. С. 13–27.

Радюш О.А., в печати. Вещи с выемчатыми эмалями на территории Верхнего Поднепровья и Понеманья (по материалам Белоруссии, Смоленской, Курской, Орловской и Брянской областей России) // *Germania-Sarmatia*. Вып. III / Ред. О.А. Радюш, О.А. Щеглова и др. М.: Принт. С. 123–162.

Соловьева Г.Ф., 1962. Отчет о раскопках курганной группы в с. Демьянки, Гомельской области, 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2633.

Соловьева Г.Ф., 1967. Славянские курганы близ с. Демьянки // СА. № 1. С. 187–199.

Спицын А.С., 1903. Предметы с выемчатой эмалью // Записки Императорского русского археологического общества. Русское отделение. Т. V. СПб.: Типография И.Н. Скороходова. 46 с.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев: Наукова думка. 221 с.

Фролов И.К., 1980. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига: Зинатне. С. 111–123.

Харитонович З.А., 2011. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории Беларуси (новые находки) // Археалогічныя даследаванні на Беларусі ў 2008 г. (МАБ. Вып. 20). Мінск: Беларуская навука. С. 195–199.

Харитонович З.А., 2016. Находки изделий с выемчатыми эмалями на территории Беларуси // Славяне на территории Беларуси в догосудар-

ственный период. Кн. 1 / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 175–197.

Харитонович З.А., Котов М.А., 2011. Фибула-брошь круга выемчатых эмалей из Глубокского района // Археалогічныя даследаванні на Беларусі ў 2008 г. (МАБ. Вып. 20). Мінск: Беларуская навука. С. 427.

Харитонович З., Мяделец А., Кенько В., 2008. Новые находки изделий с выемчатыми эмалями на территории Беларуси // МАБ. Вып. 15. Мінск: ІГ НАНБ. С. 212–217.

Чубур А.А., Шинаков Е.А., в печати. Лунницы круга «варварских выемчатых эмалей» в среднеснинском регионе // *Germania-Sarmatia*. Вып. III / Ред. О.А. Радюш, О.А. Щеглова и др. – М.: Принт. С. 215–226.

Jahn M., 1921. Der Reitersporen, seine Entstehung und früheste Entwicklung (Mannus-Bibliothek. Bd. 21). Leipzig. 130 S.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Bd. 10) / Ed. C. von Carnap-Bornheim. Marburg; Warszawa: IAUW. 321 S.

Sidorovich V., 2014. The finds of Greek and Roman provincial coins in Belarus // *Notae Numismatae*. Т. IX. Krakow. P. 71–91.

Tallgren A.M., 1937. Enamelled Ornaments in the valley of the Desna // *ESA*. XI. Helsinki. S. 147–156.

Objects in the champlévé enameling style from the Gomel region (Dnieper basin)

O.A. Makushnikov (Gomel), O.A. Radyush (Moscow)

Key words: champlévé enamels, Kiev culture, Roman period, Upper Dnieper basin, Gomel region, fibulae, lunula pendants, spurs.

The article systemizes the information about finds of objects in East European enameling style from the Gomel region (Dnieper basin). All of them were found in the rivers Dnieper and Sozh basins; such objects are unknown by now in the Pripyat area. A series of finds originating from archaeologically investigated complexes are of the particular interest. The objects belong to different kinds: triangular fibulae, fibulae-brooch, penannular fibulae, lunula pendants and spurs. Two cases of co-occurrence of enameled objects with copper provincial Roman coins of the 3rd c. are known. New data fills considerably the gap existing earlier in the area of spreading the enamels to the south-east of Belarus.

Translated by I. Grigoryan

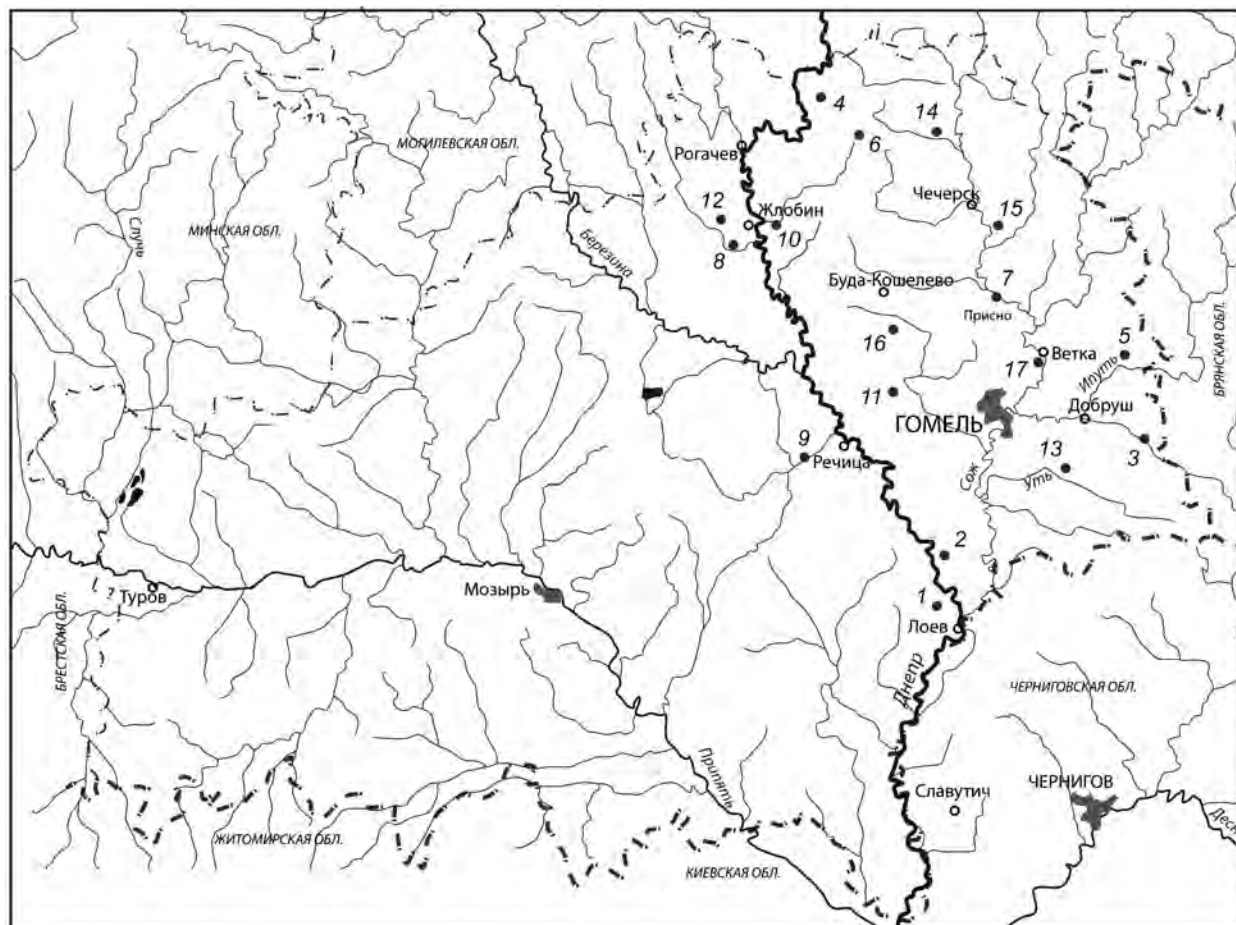

Рис. 1. Находки вещей эмалевой стилистики на территории Гомельской области.

- 1 – Мохов; 2 – Рудня Каменева; 3 – Огородня-Гомельская; 4 – Юдичи; 5 – Демьянки;
6 – Старый Кривск; 7 – Присно; 8 – Коротковичи; 9 – Лиски; 10 – Подлесье; 11 – Телешы;
12 – Плесовичи; 13 – Носовичи; 14 – Россохи; 15 – Оношки;
16 – Старая Гусевица; 17 – Ветковский р-н.

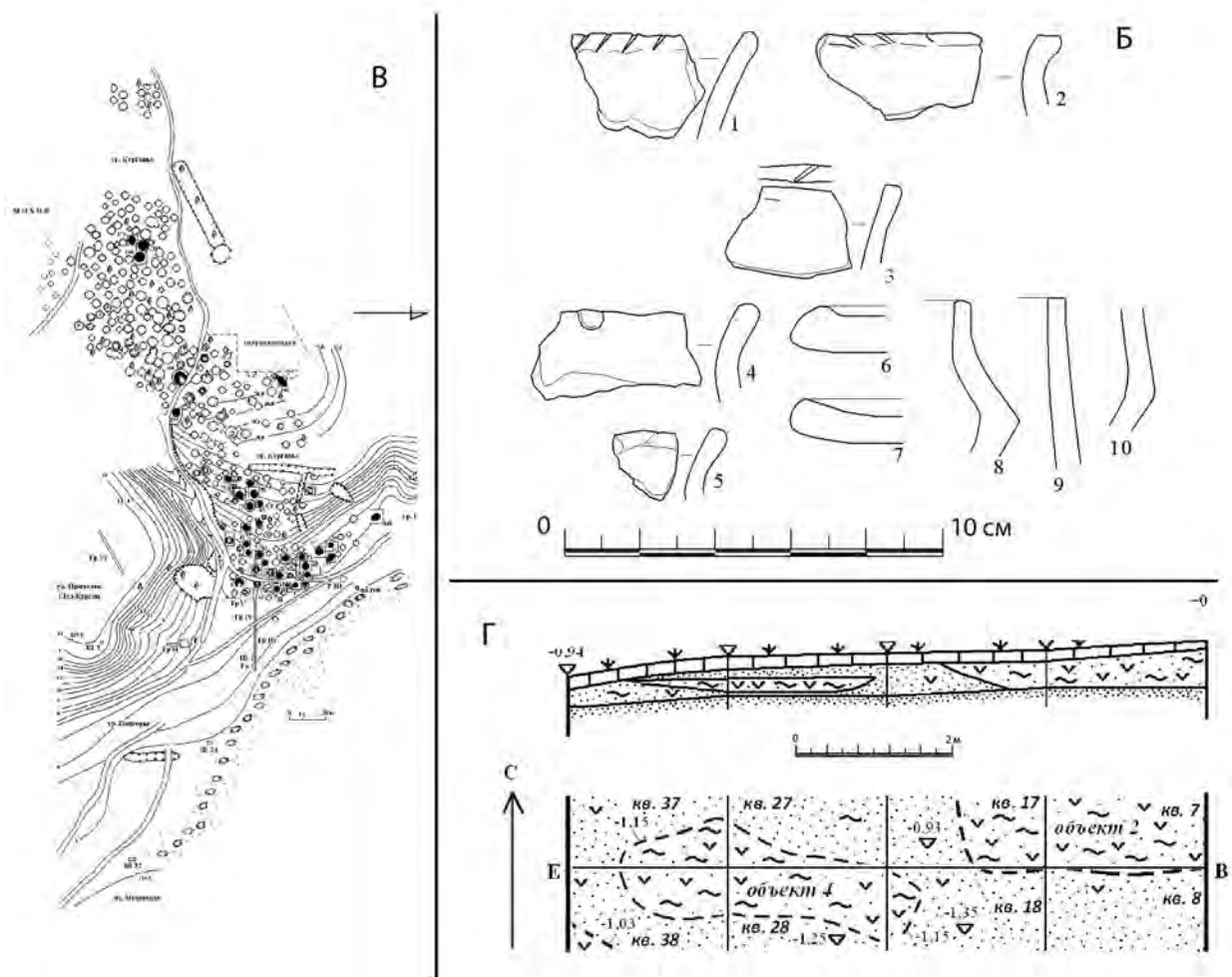

Рис. 2а. Мохов.

Б – лепная керамика из слоя поселения и заполнения поздних объектов (1–7, 10 – лепная грубая; 8, 9 – лошенная); В – план участка археологического комплекса (съемка 2003 г. с корректировками); Г – участок раскопа III с разрезом и планом объекта 4.

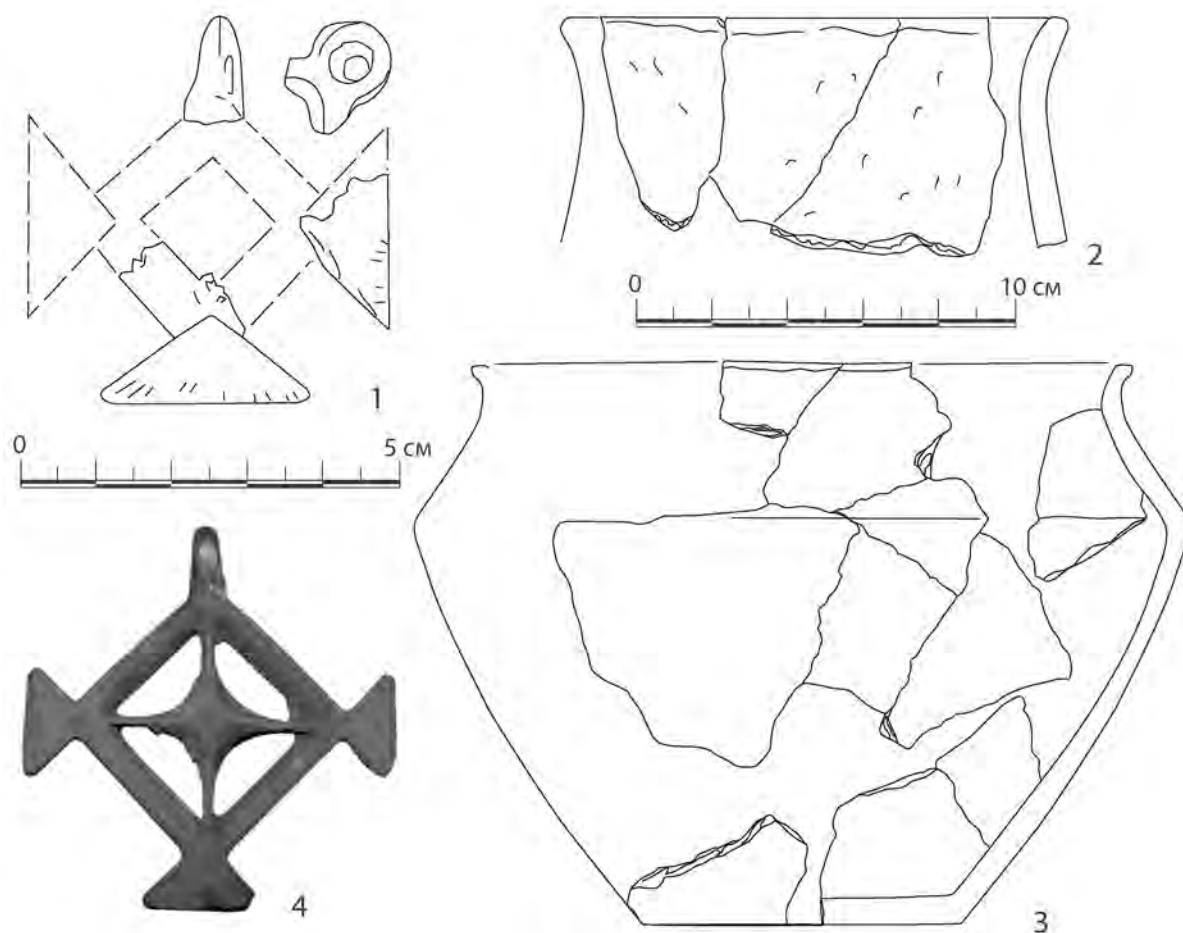

Рис. 5. Находки с территории Гомельской области.
 1–3 – Демьянки (1 – кресторомбическая подвеска; 2 – груболепной горшок;
 3 – лепная лощеная миска); 4 – бассейн р. Сож.
 1 – по: Соловьева, 1967.

Клад с городища Алтухово

Е.Ю. Тавлинцева, Н.А. Кренке (Москва)

Ключевые слова: дьяковская культура, позднедьяковская культура, городище Алтухово, дьяковские клады.

Клады позднедьяковской археологической культуры – явление редкое. Каждый такой комплекс чрезвычайно важен для изучения хронологии дьяковских древностей и понимания процессов, происходивших в Волго-Окском междуречье в этот период. Несколько лет тому назад на городище Алтухово (Ичское) был случайно обнаружен клад бронзовых вещей позднедьяковского времени (рис. 1–4; цветная вклейка)¹. Памятник находится в Жуковском районе Калужской области, на левом берегу р. Ича, в 1,3 км от д. Алтухово. Мысовое городище, защищенное с напольной стороны валом и рвом, имеет овальную площадку размерами 75 × 117 м. В 1924–1925 гг. памятник обследовал К.Я. Виноградов, а в 1980-е годы – И.К. Фролов и И.А. Бойцов. Найденный на нем материал относится к двум хронологическим периодам: первой половине I тыс. н.э. и древнерусскому времени (рис. 5) (Виноградов, 1994, с. 88–112; Археологическая карта..., 2006, с. 127, 128).

Клад был найден в западной части площадки городища, недалеко от ее края. По сведениям находчика, вещи лежали компактным скоплением на глубине около 30 см от поверхности (рис. 5). Из-за коррозии значительное количество бронзовых предметов спеклись друг с другом (рис. 4; цветная вклейка). Несмотря на то, что это существенно затрудняло атрибуцию и подсчет точного количества украшений, было принято решение до реставрации рассматривать каждый из этих кусков как отдельный комплекс. Всего было обнаружено 12 таких «комплексов», содержавших от

2 до 17 бронзовых украшений одних и тех же типов в одинаковых сочетаниях: бляшки-скорлупки и бантиковидные накладки, антропоморфные и спиральные пронизи, пряжка, привеска-бубенчик, мелкие бусины. Расположение изделий внутри скоплений, большое количество следов органики на вещах, входивших в состав этих небольших «комплексов», позволили предположить, что благодаря коррозии они сохранились в положении «in situ», т.е. в том виде, в каком они были, вероятно, закреплены на тканевой или кожаной основе. Данное наблюдение требует проверки, и какие-либо выводы можно будет сделать только после проведения тщательной реставрации, анализов и дополнительного обследования с применением естественнонаучных методов. Настоящая работа представляет собой предварительную публикацию кладового комплекса.

Клад насчитывает 268 целых и фрагментированных изделий из металла и стеклянных бусин.

Бантиковидные накладки (рис. 2: 12–14; цветная вклейка). Клад включал 22 украшения этого типа, в том числе 11 – в составе кусков спекшихся предметов. Большинство из них имели незначительные утраты. Размер – в среднем 35 × 19–20 мм. У нескольких украшений в петельках сохранились следы нитей. Бантиковидные накладки производились, вероятно, именно в ареале москворецкого варианта дьяковской культуры, откуда они попадали на соседние территории. На сегодня учтено более 40 экземпляров подобных изделий, причем почти треть найдена за пределами «классической» территории, в том числе в

¹ В настоящее время клад передан в Музей Москвы.

пунктах, удаленных на значительное расстояние (Эстония, Финляндия, Верхнее Подонье, Среднее Поволжье и т.п.). Все накладки однотипны, по форме они напоминают бантик, в центре которого находится крупная бляшка-скорлупка, от нее отходят ряды скорлупок более мелкого диаметра. Количество бляшек в ряду возрастает по направлению от центра к краям. Разница между вариантами этого украшения состоит только в количестве рядов скорлупок. Накладки, найденные в составе клада, относятся к одному из наиболее распространенных – варианту «б» с четырьмя их рядами. Чаще всего он встречается именно на памятниках Москворечья, а не за его пределами (Кренке, Тавлицева, 2011, с. 94–95), систематически обнаруживается также в бассейнах р. Протвы и Угры.

Прямоугольные бляшки (рис. 2: 7–11; цветная вклейка) представлены 19 экземплярами. Почти все сохранились полностью или с незначительными утратами. Бляшки составлены из трех рядов, содержащих по 7–8 скорлупок диаметром 3–4 мм. По торцам украшений расположены кантики в виде косичек, на тыльной стороне имеются небольшие петельки. Они относятся к типу V по И.Г. Розенфельдт. На городище Луковня найдено около 20 экземпляров подобных бляшек. Они известны также на городищах Дьяково и Троицкое (Розенфельдт, 1982, с. 115, 116, рис. 28, 33–35; Кренке, 2011, с. 64, 68, рис. 139). Более десятка таких украшений происходит из клада с селища Заболотье 3А (Гоняный, 2009).

Прямоугольные двускатные бляшки с зубчатыми краями (рис. 2: 1–4; цветная вклейка). Сохранилось 17 экземпляров (15 целых, в том числе с незначительными утратами, и 2 фрагмента). Представляют собой небольшие вытянутые двускатные накладки с зубчатыми краями и торцами, украшенными плетенкой из двойной перевитой нити; по продольной оси – слабо выраженное ребро. Тип 11 по К.А. Смирнову (1974, с. 54, табл. VI: 30). Размер 36 × 13–15 мм, ширина большинства экземпляров – 14 мм. У некоторых бляшек перегиб по продольной оси совсем слабый, они почти плоской формы. На девяти предметах с внутренней стороны прослеживаются следы органического материала (кожа?), возможно, остатки основы, на которой они были закреплены (рис. 2: 4; цветная вклейка). Подобные бронзовые нашивки известны на целом ряде москворецких позднедьяковских памятников: городищах Дьяково, Троицкое, Круглица, Щербинское, Соколова гора, Настасьино и Кунцевское². Существует

предположение, что двускатные нашивки с зубчатым краем являются характерным признаком локального москворецкого стиля украшений (Кренке, 2011, с. 55, 57). Алтуховское городище – первый памятник за пределами Москворечья, где были сделаны такие находки.

Прямоугольные двускатные бляшки с ровным краем (рис. 2: 5, 6; цветная вклейка). В состав клада входят 6 экземпляров. Представляют собой небольшие прямоугольные нашивные бляшки двускатной формы с торцами, декорированными жгутом из двойной перевитой нити («кантиком»). Тип 12 по К.А. Смирнову (1974, с. 54, табл. VI: 31). Размер в среднем 36–37 × 18 мм, две бляшки меньшего размера – 34 × 14 мм и 32 × 12 мм. На четырех экземплярах прослеживаются следы органического материала (рис. 2: 5; цветная вклейка). Украшения этого типа известны на городищах Дьяково, Троицкое, Щербинское, Огубское, Луковня, Боровский курган. Они также входили в состав клада, обнаруженного на селище Заболотье 3А. За пределами бассейна Москвы-реки подобные украшения известны на памятниках Варварина гора (Буров, 2003, рис. 14) и Орлов городок (раскопки А.Д. Максимова).

Антропоморфные пронизи (рис. 2: 15, 16; 4: 3; цветная вклейка). Представляют собой комбинации из выпуклых бляшек-скорлупок с кантиком по краю, которые очертаниями напоминают человеческие фигуры. Диаметр скорлупок – 7,5–10 мм, ширина кантика – около 0,5–1 мм. Каждая пронизь состоит из двух «фигур». Три украшения идентичны друг другу, у них одинаковая система креплений: в верхней части две выпуклые петельки, в нижней крепление представляет собой сплошную планку, вытянутую вдоль основания изделия с тыльной стороны. У одного экземпляра две верхние петельки выполнены из двойной перевитой нити (рис. 4: 3; цветная вклейка). Четвертая пронизь отличается деталями: ее внешние края декорированы шариками зерни, крепежные элементы представляют собой две сплошные планки в верхней и нижней частях (рис. 2: 16; цветная вклейка). Размеры трех украшений идентичны – 33–34 × 30 мм, одна из пронизей (рис. 2: 15; цветная вклейка) чуть крупнее остальных – 40 × 36 мм. В петельках трех изделий сохранились следы продетых в них нитей. В одном случае это были остатки шерстяной неокрашенной нити Z-крутки толщиной до 1 мм (длина фрагмента 5–7 мм) (определение И.И. Елкиной)³.

² Музей Москвы ОФ24677/249.

³ Выражаем глубокую признательность И.И. Елкиной за консультацию.

В двух случаях пронизи находились в составе кусков спекшихся бронзовых украшений. Кроме них в один из этих «комплексов» входили спиральная пронизь, пряжка сарматского типа, мелкие бронзовые бусины и привеска-бубенчик (рис. 4: 3; цветная вклейка). Во втором случае к основанию пронизи прикипели несколько мелких бронзовых бусин, снизанных вместе (рис. 2: 16; цветная вклейка). Можно предположить, что рассматриваемые предметы были частью составных украшений, возможно, наконечников, содержавших также бронзовые бусины и бубенчики.

Антропоморфные пронизи – одно из самых редких украшений дьяковской культуры. На территории Москворечья они найдены лишь однажды – два экземпляра входили в состав клада с Троицкого городища. В обобщающей работе по дьяковским древностям А.К. Смирнов отмечал, что «они не имеют аналогий и среди дьяковских находок занимают особое место» (1974, с. 52–53, табл. VI: 20). Еще два образца известны вне ареала классического москворецкого варианта позднедьяковской культуры. Один обнаружен в погребении 8а могильника Кораблино на Средней Оке, второй – на могильнике Усть-Белая I на реке Кабоже (Белоцерковская, 2007, с. 191, рис. 8: 11; Башенькин, 1995, рис. 6: 21). Эти украшения, хотя и отличаются друг от друга деталями, безусловно, относятся к одному и тому же типу, в основе которого лежит композиция из бляшек-скорлупок в виде стилизованной человеческой фигуры. С позднедьяковских памятников происходит ряд вещей, морфологически чрезвычайно близких антропоморфным пронизям. Четыре спекшиеся нашивные бляшки, составленные из отдельных волнот, края которых с внешней стороны украшены шариками двойной зерни, найдены в нижнем горизонте верхнего слоя Дьякова городища. К среднему слою памятника относится комбинированное украшение из пяти бляшек-скорлупок. Их форму практически «дословно» повторяет навершие бронзовой булавки, зафиксированное на Троицком городище. Аналогичные изделия входили в состав комплексов «домиков мертвых» Усть-Белая I и Куреваниха XVII (Кренке, 2011, с. 57, 60, рис. 139; Смирнов, 1974, табл. IV: 13; Башенькин, Васенина, 2004, рис. 6: 8; Башенькин, 1995, рис. 3: 14).

Плоские бляшки круглой формы (рис. 3: 1–3; цветная вклейка). Все четыре экземпляра однотипны: их диаметр составляет 40 мм, на тыльной стороне расположены петельки. Внутри петелек найдены следы органических волокон – возмож-

но, нити. На внешней стороне одной из бляшек сохранились два фрагмента окисленной светлой нити длиной 16 мм и 6–7 мм (рис. 3: 2; цветная вклейка). Аналогичные украшения известны как на москворецких памятниках, так и за пределами бассейна Москвы-реки. Они происходят с городищ Щербинское (Дубынин, 1974, табл. XII: 9), Луковня, Боровский курган⁴. Такие вещи входили и состав кладов – второго Щербинского и с Троицкого городища, а также комплекса, найденного на городище Долматово в Старожиловском районе Рязанской области. По наблюдению И.Р. Ахмедова, подобные бляшки широко распространены в андреевско-писеральских и позднепьяноборских древностях. Известны они и в ранних погребениях Кошибеевского могильника (Гоняный и др., в печати; Дубынин, 1970, рис. 19: 21; Ахмедов, 2003, рис. 1: 3).

Пряжки (рис. 3: 4–7; цветная вклейка). Две пряжки сохранились полностью, три – с незначительными утратами. Они имеют округлую выпуклую рамку диаметром около 40 мм, в центре которой расположены два отверстия: округлое диаметром 11–16 мм и овальное размерами 4–5 × 2,5–3 мм. Язычки не сохранились. Тип IV по И.Г. Розенфельдт. Аналогии найдены на городищах Троицкое, Боровский курган, Бородинское, Кунцевское (Дубынин, 1970, табл. 19: 9; Розенфельдт, 1982, с. 81, рис. 18: 18–22). Подобные пряжки известны и в сарматских древностях. Выделяются два района их концентрации: Пантикапей, восточные районы Боспора и Нижнее Подонье; степи Приуралья. В.Ю. Малашев и Л.Т. Яблонский предположительно связывали происхождение пряжек этого типа с производственными центрами Волго-Уральского региона (Малашев, Яблонский, 2008, с. 52, рис. 204, там же см. полный список памятников). С.И. Безуглов полагал, что они использовались в качестве фиксаторов портупейных ремней (2000, с. 177, 178).

Привески-бубенчики (рис. 1: 1–7; цветная вклейка) представлены 19 экземплярами. Согласно классификации И.Г. Розенфельдт, они относятся к двум типам колокольчатых привесок: тип II – без петли, с круглым отверстием для шнура и с двумя-тремя треугольными прорезями; тип IV – полусферические, с петлей и треугольными прорезями. К типу IV (виду 2) можно отнести только одно украшение (рис. 1: 1; цветная вклейка), у которого тулово и петельку соединяет витой стержень. Часть петельки утрачена. В тулове сде-

⁴ Музей Москвы ОФ 24673/39; 24666/85.

ланы три прорези, по основанию пущен тонкий гладкий валик. Длина изделия с петелькой 37 мм. Высота бубенчика – 12 мм – практически равна диаметру его основания – 13 мм. По мнению И.Г. Розенфельдт, подобные вещи использовались как привески к серьгам. Найдены они только на позднедьяковских городищах – Круглице, Щербинском, Кузнечиках, Луковне, Барвихе, Огубском, Подмоклове. Исследовательница считала, что они использовались в составе «сугубо местных, собственно дьяковских украшений» (Розенфельдт, 1982, с. 19, 20, рис. 3: 10–18). Остальные привески, найденные в кладе, относятся к виду 2 типа II – беспетельчатые, конической формы, с гладким валиком вокруг отверстия и рубчатым – у основания. Их средняя высота – 13–14 мм, она примерно равна диаметру основания (рис. 1: 2–7; цветная вклейка). Аналогии происходят с городищ Троицкое, Щербинское, Луковня, Барвиха, Подмоклово, Круглица, Бородинское, Боровский курган, Кузнечики, Огубское, Ловнитское, Графская гора (Розенфельдт, 1982, с. 18, рис. 2: 35–45). Оба типа привесок известны по материалам Дьякова городища (Кренке, 2011, рис. 144). В верхней части приблизительно восьми привесок типа II сохранились остатки нитей, с помощью которых они прикреплялись к тканевой основе или соединялись с другими деталями в случае, если были частями составных шумящих украшений.

Бляшки-скорлупки (рис. 1: 29–32; цветная вклейка). Из клада происходят 23 отдельные бляшки, еще 27 экземпляров находились в составе кусков спекшихся предметов (рис. 4: 1–5; цветная вклейка). Все они стандартные: небольшие литые изделия полусферической формы со средним диаметром около 8–10 мм, с петелькой на внутренней стороне. У некоторых бляшек-скорлупок в петельках сохранились следы органического материала, в отдельных случаях это остатки тонких, вероятно, кожаных ремешков шириной 4–5 мм. Многочисленные аналогии встречались практически на каждом дьяковском памятнике со слоями первой половины I тыс. н.э. Они входили в состав Троицкого и первого Щербинского кладов, а также клада с городища Дютьково (Дубынин, 1970, рис. 19: 11–15; Смирнов, 1974, табл. XXVII: 5; Кренке и др., 2011).

Дисковидные бляшки (рис. 1: 24–28; цветная вклейка). В кладе представлены десять нашивных дисковидных бляшек, сходных со скорлупками, но большего размера: у девяти экземпляров диаметр составляет 14 мм, у одного – около 20 мм. По краям всех украшений имеется кантик: в девяти

случаях простой, в одном – перевитой (рис. 1: 24; цветная вклейка). Почти у всех образцов плоская лицевая поверхность, у одного – немного выпуклая. На тыльной стороне нескольких бляшек в петельках сохранились остатки ремешков, предположительно, кожаных, шириной 5–6 мм. В одном случае тонкий ремешок был сложен втрое. Аналогичные украшения происходят с городищ Луковня, Кунцевское и Настасьино⁵. Близкие, но не идентичные находки известны на Щербинском городище, в верхнем слое Дьякова городища (Дубынин, 1974, табл. XII: 18; Кренке, 2011, рис. 139), а также на городищах Настасьино и Кунцевское⁶.

Спиральные пронизи (рис. 1: 8–17; цветная вклейка) представлены 12 экземплярами разного размера диаметром 4–7,5 мм. Проволока, из которой они изготовлены, в большинстве случаев имела плоское или плоско-выпуклое, а в одном (рис. 1: 8; цветная вклейка) – треугольное сечение. У одного образца внутри канала сохранились следы нитей. Подобные пронизи часто встречаются в материалах позднедьяковских памятников.

Металлические бусы (рис. 1: 2⁷, 33–45; цветная вклейка). В состав клада входили 92 бронзовые бусины двух типов, различающихся размерами. Средний диаметр украшений типа 1 (66 экземпляров) составляет 8 мм, высота – 1,5–4, в среднем 2 мм. Изделия типа 2 (26 экземпляров) – еще более миниатюрные: их диаметр достигает 3–4 мм, высота – около 1,5 мм (рис. 1: 2; цветная вклейка). Аналогии им известны на городищах Настасьино, Луковня, Боровский курган⁸. Образцы типа 1 встречаются чаще. Они входили в состав кладов с городища Дютьково и селища Заболотье 3А (Кренке и др., 2011; Гоняный, 2009). На Дьяковом городище подобные бусы были найдены в верхнем слое вместе со стеклянными в составе комбинированного украшения (Кренке, 2011, с. 58, рис. 140). Экземпляры из Алтуховского клада, вероятно, были снизаны: 30 из них обнаружены спекшимися по несколько штук (рис. 1: 38, 42–45; цветная вклейка). Еще 17 бусин малого диаметра находились в «комплексах» спекшихся изделий вместе с другими бронзовыми предметами, в том числе антропоморфными пронизями и привесками-бубенчиками (рис. 1: 2; 4: 3; цветная вклейка). По всей видимости, они были составными частями сложных шумящих украшений.

⁵ Музей Москвы, ОФ 24679/225, 226; 24677/253; 33281/145.

⁶ Музей Москвы ОФ 33281/144; 24677/254.

⁷ Спекшиеся с бубенчиком.

⁸ Музей Москвы ОФ 33281/217, 226; 29658/166, 165; 24679/191–193, 196–201, 203–206, 209–220; 24666/113.

Стеклянные бусы (рис. 1: 18–23; цветная вклейка)⁹. Четыре образца представляют собой крупные золотостеклянные бусины с шаровидными долями: две – двухчастные, от двух сохранилось только по одной доле. Их диаметр 7–9 мм, высота сохранившихся экземпляров – 14–15 мм (рис. 1: 18–21; цветная вклейка). Аналогии известны на Дьяковом, Троицком и Щербинском городищах и в Кошибеевском могильнике (Кренке, Румянцева, 2011, с. 83–84). Кроме того, в кладе найдены двухчастная бусина темно-синего стекла высотой 7,6 мм и диаметром 6,3 мм (рис. 1: 23; цветная вклейка) и шаровидная бусина из бирюзового непрозрачного стекла высотой 8,2 мм и диаметром 8,8 мм (рис. 1: 22; цветная вклейка).

Практически все бронзовые украшения, входившие в состав клада, были изготовлены путем отливки по утрачиваемой модели. На них прослеживаются следы скрепления деталей модели, на некоторых сохранились остатки литников (рис. 1: 29, 31; 2: 1; цветная вклейка). При изготовлении пластичных моделей бляшек-скорлупок иногда использовался пуансон: его следы хорошо заметны на некоторых экземплярах. В ряде случаев модели, состоявшие из большого количества мелких деталей, представляли собой достаточно хрупкие конструкции. Чтобы избежать их деформации, мастера использовали своего рода восковой каркас в виде узких длинных полосок, закреплявшихся на тыльной стороне изделия. Эти своеобразные «ребра жесткости» хорошо видны на обороте бантиковидных и прямоугольных бляшек (рис. 2: 7–14; цветная вклейка). Подобный прием применялся и при изготовлении других позднедьяковских украшений (Сапрыкина, 2004, с. 130, 131).

Некоторые вещи из Алтуховского клада существовали в течение длительного времени и не могут служить хронологическими индикаторами: бляшки-скорлупки, круглые плоские бляшки. Бантиковидные накладки были распространены в III – первой половине IV в. (Кренке, Тавлинцева, 2011, с. 97). Прямоугольные нашивные бляшки, составленные из отдельных скорлупок, появляются в среднем горизонте верхнего слоя Дьякова городища, который датируется первыми веками н.э. – III / первой половиной IV в. В этом же слое найдены нашивные бляшки двускатной формы с торцами, декорированными жгутом из двойной перевитой нити (Кренке, 2011, с. 60, 141, 143). На Дьяковом городище бубенчик типа II проис-

ходит из самого верхнего горизонта слоя «А», но в целом шумящие украшения, в том числе различные бубенчики, встречаются на данном памятнике, начиная со среднего горизонта верхнего слоя (Кренке, 2011, с. 61, 63, 67, рис. 144).

Аналогии антропоморфным пронизям зафиксированы в одном кладовом и двух погребальных комплексах (Троицкий клад, Кораблино, Усть-Белая I). Из Троицкого клада происходят также вещи, которые традиционно ассоциируются с кругом восточно-европейских выемчатых эмалей. Это бронзовая пластинчатая «диадема», которая может датироваться концом II – началом (первой половиной) III в. (Родинкова, в печати), и фрагменты подобных украшений. В могильнике Кораблино антропоморфная пронизь обнаружена в погребении 8а, относящемся к периодам I – началу 2а, т.е. к III в. (Белоцерковская, 2007, с. 191, 198, рис. 8: 11). К более позднему времени принадлежит комплекс из кургана 2 могильника Усть-Белая I. Стратиграфическое положение украшения в слое свидетельствует о том, что оно попало в насыпь на финальном этапе ее сооружения. Автор раскопок датировал курган 2, где была сделана находка, IV – первой половиной V в., что подтверждается данными радиоуглеродного анализа (Башенькин, 1995, с. 19).

Несколько выбиваются из этих хронологических рамок прямоугольные двускатные бляшки с зубчиками по краю. Они характерны для самого нижнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища (гл. –260...–310 см), который датируется приблизительно концом II – I в. до н.э., и являются своеобразным хронологическим маркером (Кренке, 2011, с. 57, 143). Их сочетание с более поздними вещами может свидетельствовать либо об их длительном бытовании, вплоть до III – начала IV в., либо о том, что клад с Алтуховского городища представлял собой комплекс длительного накопления.

По составу Алтуховский клад близок двум другим – из Заболотья и с Троицкого городища, с которыми он, по-видимому, составляет единую хронологическую группу 2. С комплексом из Заболотья его объединяет наличие серий нашивных бляшек: прямоугольных, составленных из скорлупок, гладких двускатных (Гоняный, 2009). В состав клада с Троицкого городища входили антропоморфные пронизи, аналогичные найденным в Алтухово, и круглая гладкая бляшка с петельками на тыльной стороне.

Эти клады резко отличаются по составу от кладов первой группы с дьяковских памятников

⁹ Выражаем глубокую благодарность О.С. Румянцевой за консультацию.

Москворечья, к которой относятся комплексы с городищ Круглица, Подмоклово, Щербинское и Дютково, датирующиеся в рамках I–II вв. Для них характерны спиральные браслеты, ажурные прямоугольные пронизи и умбовидные подвески «классического» варианта (тип 4), которые можно рассматривать в качестве хроноиндикатора (Кренке, Тавлинцева, 2011, с. 80; Кренке и др., 2013, с. 61, 62). Отсутствие перечисленных украшений вкладах второй группы лишний раз свидетельствует о том, что их, видимо, следует относить к более позднему времени.

Для определения даты сокрытияклада чрезвычайно важно наличие в нем портупейных пряжек сарматского типа¹⁰ и золотостеклянных бусин. Пряжки, подобные найденным в Алтухово, датируются III в., для комплексов IV в. они уже не характерны (Малашев, Яблонский, 2008, с. 52). Хронологическим признаком является форма язычка, однако у рассматриваемых нами экземпляров язычки не сохранились, что не позволяет уточнить датировку в пределах обозначенного периода.

На Дьяковом городище основная масса золотостеклянных бусин происходит из среднего горизонта верхнего слоя. Такие украшения показательны для ранних погребений Кошибеевского могильника (группы бус К1, К2), дата которых определяется в пределах рубежа I/II – начала / первой половины IV в. (Кренке, Румянцева, 2011, с. 83). На западе, в Центральной Европе и в ареале киевской и позднезарубинецкой культур, подобные бусины синхронны горизонту восточно-европейских выемчатых эмалей, т.е., относятся ко второй половине / концу II – началу / первой половине IV в. (Румянцева, в печати).

Судя по сочетанию вещей (бубенчики, части шумящих подвесок, бантиковидные и прямоугольные накладки, составленные из бляшек-скорлупок), основная частьклада синхронна горизонту –160...–210 см среднего слоя Дьякова городища, датируемому III – первой половиной IV в. Этой дате не противоречит хронология импортных предметов, найденных в составе комплекса. Материалы Дьякова городища свидетельствуют о том, что в указанный период продолжает активно развиваться местная ювелирная традиция, появляются новые типы украшений и приемы их декорирования: распространяются нашивные бляшки, составленные из отдельных скорлупок, постепенно уходит традиция изготовления ложнозерне-

ных изделий, появляются шумящие украшения. С данным горизонтом надежно связаны и находки вещей с эмальями (Кренке, 2011, с. 62). Все это позволяет допустить, что клад с Алтуховского городища синхронен горизонту восточно-европейских выемчатых эмалей.

А.Г. Фурасев предположил, что сокрытие Троицкогоклада, как и выпадение целой их серии на обширной территории от Поднепровья до Верхней Оки в III в. могло быть связано с событиями 250–260 гг.: активными миграциями черняховского населения и общей дестабилизацией, которую они вызвали (2002, с. 86). Сходство находки из Алтухово с комплексами из Заболотья 3А и с Троицкого городища позволяет думать, что хронологически они тоже близки, и, возможно, их выпадение было обусловлено одними и теми же причинами. Объединение этих трехкладов в одну группу в настоящий момент во многом условно и нуждается в дополнительном обосновании. Тем не менее нужно отметить, что есликлады первой группы достаточно равномерно рассредоточены по всей территории Москворечья, то комплексы, предположительно образующие вторую группу, тяготеют к западной части ареала позднедьяковских памятников: Можайскому району Московской области, бассейну Пахры, северо-востоку Калужской области.

Основуклада, найденного на городище Алтухово, составляют вещи, типичные для позднедьяковской культуры, причем большинство их может считаться характерными для москворецких древностей первой половины I тыс. н.э.: бантиковидные накладки, прямоугольные бляшки, составленные из отдельных скорлупок, прямоугольные бляшки с зубчатым краем, антропоморфные пронизи, колокольчатые привески. Вкладе эти вещи представлены сериями, что, на наш взгляд, исключает их случайное попадание в состав комплекса и лишний раз подтверждает предположение о том, что в позднедьяковское время в бассейне р. Протвы проживало население, материальная культура которого была очень близка культуре обитателей москворецких городищ (Кренке, 2016, с. 265). Алтуховский клад позволяет оценить масштабы ювелирного производства на городищах дьякова типа. Обычно их слои включают отдельные «оторвавшиеся» от одежды украшения, поэтому такие находки относительно малочисленны. Здесь же мы видим комплект или часть комплекта, может быть, всего лишь одного костюма. Следовательно, нужно ожидать, что счет этим украшениям шел на тысячи.

¹⁰ Авторы приносят благодарность В.Ю. Малашеву за консультацию.

Литература

Археологическая карта России. Калужская область. 2006 / Ред. А.В. Кашкин. М.: ИА РАН. 310 с.

Ахмедов И.Р., 2003. Комплекс предметов с городища Долматово Старожиловского района Рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: Изд-во «Поверенный». С. 128–138.

Башенькин А.Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Вып. 3 / Ред. И.В. Дубов, И.Я. Фроянов. СПб.: СПбГУ. С. 3–29.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г., 2004. Усть-Бельский археологический комплекс на реке Кобже // Чадогощенская земля: культура, история, люди. Материалы краеведческой конференции (п. Чагода, 9–10 января 2004 г.). Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации. С. 19–54.

Безуглов С.И., 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1) / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 141–155.

Белоцерковская И.В., 2007. Рязано-окские могильники. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 186–213.

Буров В.А., 2003. Городище Варварина Гора. М.: Наука. 470 с.

Виноградов К.Я., 1994. Материалы к археологической карте среднего и нижнего течения реки Протвы // Макарьевские чтения. Вып. 2. Ч. 2. Можайск. С. 88–112.

Гоняный М.И., 2009. Отчет о научно-исследовательских археологических раскопках, проведенных в 2009 г. на поселении Заболотье 3А в Домодедовском районе Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 37601.

Гоняный М.И., Кренке Н.А., Тавлицева Е.Ю., в печати. 2-ой Щербинский клад // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 5 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле».

Дубынин А.Ф., 1970. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье (МИА. № 156). М.: Наука. С. 5–98.

Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН. 548 с.

Кренке Н.А., 2016. Позднедьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) (Раннеславянский мир. Вып. 17) / Ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 186–213.

Кренке Н.А., Лазукин А.В., Тавлицева Е.Ю., 2011. Клад украшений с городища Дютюково // РА. № 1. С. 134–148.

Кренке Н.А., Румянцева О.С., 2011. Экскурс 2. Стекланные бусы из верхнего слоя Дьякова городища // Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН. С. 82–88.

Кренке Н.А., Тавлицева Е.Ю., 2011. Экскурс 4. Бантиковидные нашивки // Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН. С. 94–100.

Кренке Н.А., Тавлицева Е.Ю., Чаукин С.Н., 2013. «Клад» бронзовых украшений I–II вв. н.э. с городища Круглица // Оки связующая нить. Археология Среднего Поочья. Сборник материалов VI региональной научно-практической конференции (Ступино, 6 марта 2013 года) / Ред. Э.Э. Фомченко. Ступино: Ступинский историко-краеведческий музей. С. 55–64.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 (Материалы и исследования по археологии России. Вып. 9). М.: Восточная литература. 366 с.

Родинкова В.Е., в печати. Пластинчатые «диадемы» круга восточноевропейских выемчатых эмалей // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). М.: ИА РАН.

Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука. 177 с.

Румянцева О.С., в печати. Бусы // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). М.: ИА РАН.

Сапрыкина И.А., 2004. Приемы изготовления ювелирных украшений из «клада» Троицкого городища // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 1/ Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 128–135.

Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 7–89.

Фурасьев А.Г., 2002. Проблема датировки кладов вещей с выемчатыми эмалями // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб.: СПбГУ. С. 83–86.

Hoard from Altukhovo hillfort

E.Y. Tavlintseva, N.A. Krenke (Moscow)

Key words: Dyakovo culture, late Dyakovo culture, Altukhovo hillfort, hoards from Dyakovo type settlements.

The article publishes findings of a new hoard inadvertently uncovered at Altukhovo hillfort in the Protva river basin in Kaluga region. The hoard contains complete and fragmented bronze items of Dyakovo culture origin, several bronze buckles of Sarmatian type and glass beads, for a total of 268 objects. The bulk of the hoard contained assorted artifacts which were possibly used to embroider articles of clothing. The complex presumably dates back to the time of East European “barbarian” enamels, most likely to the 3rd century A.D.

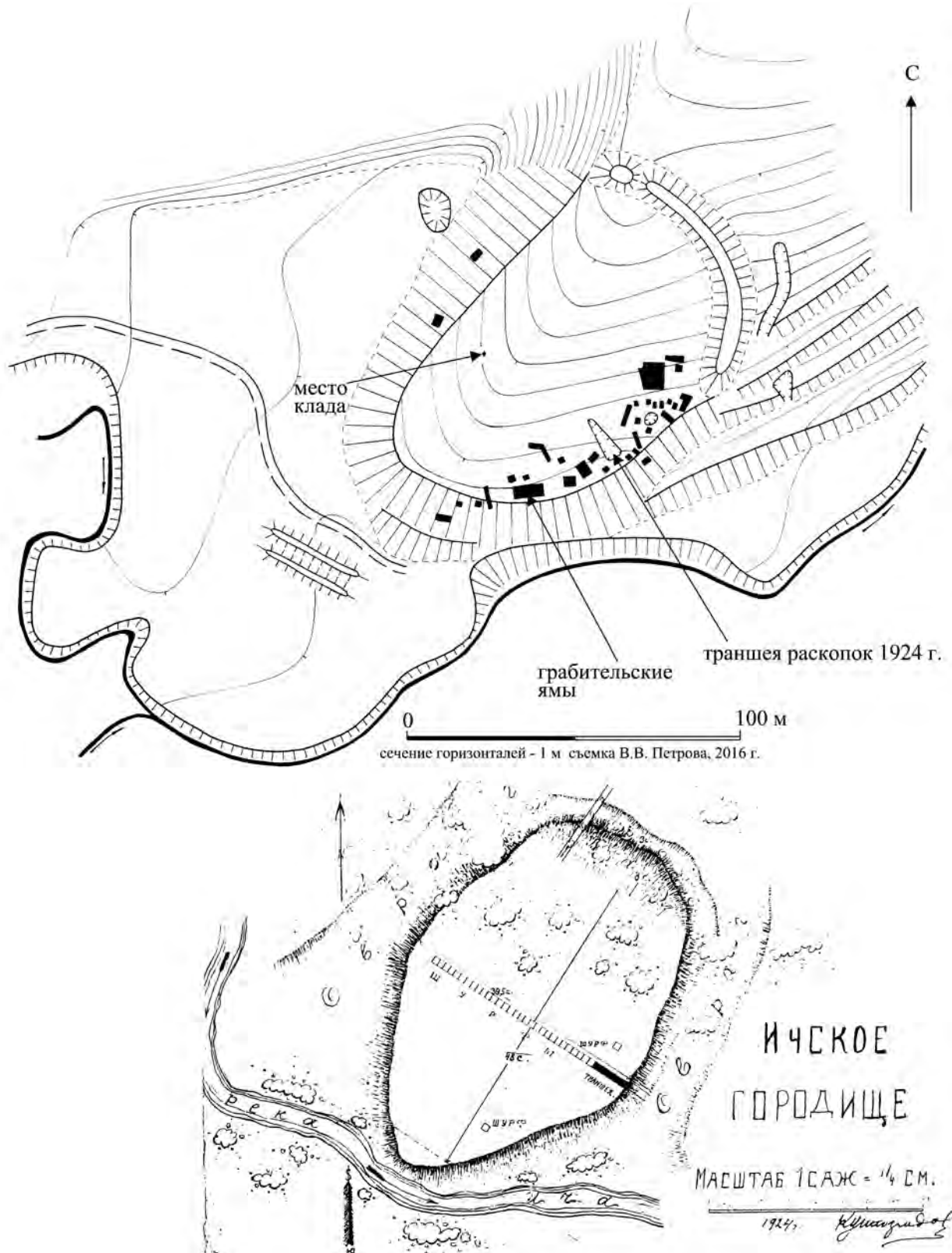

Рис. 5. Планы городища Алтухово.

А – план 2016 г. (снят В.В. Петровым); Б – план 1924 г. (по: Виноградов, 1994).

Рифленые формы и находки рифленого стекла с поселения черняховской культуры Комаров: к вопросу о хронологии и видах продукции стекольной мастерской

О.С. Румянцева (Москва)

Ключевые слова: рифленые формы, рифленое стекло, черняховская культура, позднееримское время, хронология, технология, стекольное производство.

Предназначенные для выдувания сосудов с рифленным декором керамические формы с поселения Комаров черняховской культуры (Средний Днестр, Украина; раскопки М.Ю. Смишко 1956–1969 гг.) по праву стали «визитной карточкой» изученной здесь стеклообрабатывающей мастерской. Они неоднократно публиковались или просто упоминались как в отечественных, так и в зарубежных изданиях (Смишко, 1964, табл. I: 12, 13; Щапова, 1983, с. 71–73, рис. 13: 9, 10; Вакуленко, 2000, рис. 2: 3, 4; Stern, 1995, p. 24, fig. 8; 2010, p. 26–27, fig. 2; Петраускас, 2014, рис. 9: 2; Румянцева, 2014, рис. 2; 3; Freestone et al., 2015). Назначение этих изделий безошибочно определяется, в первую очередь, на основании современных параллелей, используемых в производстве художественного стекла в технике выдувания. Для римского времени они уникальны; позже серия подобных форм известна в исламское время. Место находки одной из них, известняковой, – Кибрет аль-Хадра (Kirbet al-Nadra, Израиль), где по археологическому контексту она датируется VIII в. (Freestone et al., 2015, p. 47, 48, fig. 6). Еще три формы, металлические, предположительно раннеисламского времени, происходят, вероятно, из одного из регионов Ближнего и Среднего Востока (von Folsach, Whitehouse, 1993).

Новое обращение к комаровским находкам обусловлено тем, что они несут важную информацию о хронологии стекольной мастерской, а также о некоторых видах ее продукции, позволяя оценить, насколько последние репрезентативны в материалах археологических раскопок.

Описание форм из Комарова. Интересующие нас фрагменты могли принадлежать трем или четырем формам. Все они выполнены из керамики. Отличительная черта, позволяющая установить их назначение, – ребра на внутренней поверхности (рис. 1; 1а; цветная вклейка). При помощи такого приспособления мастер придавал предварительную форму наборке стекла; далее из полученной ребристой заготовки в технике свободного выдувания изготавливались разнообразные сосуды, имеющие рифленый декор на тулове. Важно подчеркнуть, что готовый сосуд отличался от внутренней полости рассматриваемых находок и формой, и размерами.

В Комарове зафиксированы две полные формы; фрагмент венчика и верхней части тулова; фрагмент дна. Две находки (рис. 1: 1, 3; 1а: 1, 3; цветная вклейка) изучены в оригинале, они хранятся в фондах ИУ НАНУ. Описания двух других (рис. 1: 2, 4; 1а: 2, 4; цветная вклейка) даны по отчету о раскопках М.Ю. Смишко и сохранившимся в архиве ИУ НАНУ фотографиям.

Одна из полных форм (рис. 1: 1; 1а: 1; цветная вклейка) (Смишко, 1956, с. 12) имеет цилиндрическую форму верхней части тулова и слабо выраженную коническую – нижней, дно слегка вогнутое, венчик вертикальный с утолщением с внешней стороны, край плоский, прямо срезанный. На внутренней поверхности – треугольные в сечении ребра. Высота изделия – 10,1 см, диаметр края – 10,6 см, диаметр дна – 8 см. Предмет изготовлен из плотной беложгущейся глины. Не исключено, что именно данной форме принадлежал

фрагмент донца аналогичного изделия (рис. 1: 2; 1а: 2; цветная вклейка) (Смішко, 1956, с. 12–13).

Вторая полная форма (рис. 1: 4; 1а: 4; цветная вклейка) имеет цилиндрическое тулово, дно со слабо выраженной закраиной и плоский край. На внутренней поверхности также располагаются треугольные в сечении ребра. Ее высота – 6,5 см, диаметр края – 7 см, диаметр дна – около 6 см. Судя по описанию М.Ю. Смишко, изделие имело серый цвет и было сильно обожжено (Смішко, 1956, с. 14).

Пять обломков аналогичной рифленой формы принадлежали верхней части тулова, имевшего слабовыраженную коническую форму и закругленный край (рис. 1: 3; 1а: 3; цветная вклейка). Ребра на внутренней стороне – полукруглой или уплощенной в сечении формы. Диаметр края – 8,8 см, высота сохранившейся части – до 4,6 см. Форма изготовлена из беложгущейся глины (Смішко, 1956, с. 6)¹.

Хронология форм и сосудов с рифленным декором. Публикуемые формы, безусловно, связанные с существовавшим на памятнике производством, дают важную информацию о хронологии изученной здесь мастерской. Впервые на это обратила внимание М. Штерн, предложив датировать на их основании комаровскую мастерскую IV в. – вероятно, «вряд ли намного ранее середины столетия» (Stern, 2010, p. 26).

Техника выдувания стеклянных сосудов в форму зарождается в начале или во второй четверти I в. н.э.; выполненные с ее помощью изделия распространяются в Средиземноморье и других провинциях Империи примерно с середины I в. н.э. (Cool, Price, 1995, p. 42, 43; Antonaras, 2010, p. 252; и мн. др.). Для раннего периода речь идет о простом выдувании, когда внешние очертания готового предмета полностью повторяют внутреннюю полость формы, в большинстве случаев многочастной. Такие сосуды, являвшиеся предметами роскоши, популярны до начала II в., позже они выходят из моды. Для большей части II и III вв. изделия, выполненные в данной технике, не характерны; они вновь возвращаются на рынок уже в IV–V вв. (Lazar, 2003, p. 142; Antonaras, 2010, p. 252).

¹ Судя по приведенным в отчете размерам и шифру на предметах в фондах ИУ НАНУ, в отчет М.Ю. Смишко, вероятно, вкралась опечатка. Описание данной находки содержит ссылку на рис. III.22, на котором изображена полная форма другой рифленки (рис. 1: 1; 1а: 1; цветная вклейка). В описании последней ссылка на рисунок отсутствует. Изображения фрагмента формы (рис. 1: 3; 1а: 3; цветная вклейка) в отчете также нет.

Использование разновидности техники, для которой применялись одночастные формы, подобные находкам из Комарова, начинается в поздний период. В англоязычной литературе она именуется «dip-mould blowing», а употреблявшиеся для этого формы – «dip moulds» (Ignatiadou, Antonaras, 2008, p. 153). Получаемый с их помощью рифленый декор часто называют также «оптическим». М. Штерн, однако, указала на некорректность данного термина по отношению к древнему стеклу: современная техника, требующая использования двух форм для создания оптического эффекта на поверхности изделия, отличается от применявшейся в древности (Stern, 2010, p. 27). Считается, что это был недорогой и быстрый способ декорирования стеклянной посуды, широко использовавшейся в повседневной жизни населения Римской империи (Antonaras, 2010, p. 252). Стеклодув мог делать подобные сосуды самостоятельно, в отличие от более ранних, требующих применения многочастных форм: для изготовления последних требовался ассистент, закрывавший и открывавший форму. Получаемое с помощью данной техники рифление напоминало декор на роскошной серебряной посуде (Stern, 2010, p. 26, 27).

К. Айсингс датировала конические кубки (тип Isings106) с рифлением IV–VII вв., а питьевые рога (Isings 113) – IV–VI вв.; среди последних исключение составляет одна находка с территории Барбарикума, опубликованная Х.-Ю. Эггерсом (см. ниже) (Isings, 1957, p. 127, 128, 142, 143). Нижняя хронологическая граница бытования стеклянных сосудов с «оптическим» декором в римских провинциях в отдельных случаях может захватывать вторую половину III в. (Lazar, 2003, p. 134), однако в целом на современном этапе исследований время их распространения определяется в пределах IV в. (см., например: Antonaras, 2010, p. 247–249, 252; Stern, 2010, p. 26), скорее, вероятно, в рамках второй половины или ближе к концу столетия. Это подтверждается материалами из Аугста/Аугусты Раурики (Augst/Augusta Raurica; современная Швейцария) (Fünfschilling, 2015, S. 117, 344, 345–347, Typen 67, 68, 194 и др.). В Колчестере (Colchester; римская Британия) формы с рифленным декором характерны для периода 7 (350–400 гг. и, возможно, чуть позже), причем некоторые типы появляются в конце IV в. (Cool, Price, 1995, p. 220, fig. 13: 6). Их поздняя хронологическая позиция подтверждается находками из Паннонии: из 18 сосудов с рифлением, выполненных в описываемой технике, 11 по кон-

тексту датируются концом IV – началом/первой половиной V в., 6 – второй половиной IV в. и 1 – IV в. в целом (Barcóczy, 1988, Kat. N 297, 323–325, 462, 467, 468, 476, 483, 489–496a, 499; S. 139, 148, 189, 190, 192, 195–198, 200).

Небольшая серия сосудов с рифленным декором известна на территории центральноевропейского Барбарикума. Парадоксально, что часть таких изделий, безусловно являющихся предметами римского импорта, датируется здесь ранее времени их распространения в пределах Империи. Так, рифленая чаша типа Eggers 201 происходит из Померании, из погребения 5 в Полчепе (Polchep). Комплекс отнесен к периоду C2 центральноевропейской хронологии (250/260–300/320 гг.) (Eggers, 1951, S. 179, Taf. 15; Rau, 1972, S. 167; Stawiarska, 1999, p. 260–261, cat. N 70). Нужно, однако, учитывать, что для данного региона выделение периода C3 проблематично (Godlowski, 1970, p. 91), в связи с чем более поздние вещи могут ошибочно быть причислены к группе ранних изделий.

Чаша из Полчепы – не единственная на территории Барбарикума, имеющая более раннюю дату, чем находки из римских провинций. Судя по схематичному рисунку, декор сосудов типа Eggers 193 также очень напоминает рифленный «оптический», однако их дата определяется в рамках периодов B2/C1–C1, т.е. 160/180–250/270 гг. (Eggers, 1951, S. 178, Taf. 14; Stawiarska, 1999, p. 118). Архаичной является и форма сосудов, на что обратила внимание Т. Ставарска. Эти изделия, как и техника их изготовления, требуют, очевидно, более детального изучения.

За пределами Римской империи рифленный декор встречен еще на питьевых рогах типа Eggers 249, известных на территории Скандинавии. Два экземпляра с острова Зеландия (Сперреструп/Sperrestrup, Химлингай/Himlingøie) отнесены Х.-Ю. Эггерсом к фазе C2 (III в.), две находки из Норвегии датируются эпохой Великого переселения народов (скандинавская фаза D, т.е. V в.) (Eggers, 1951, S. 181, Taf. 16).

Два стеклянных сосуда с рифленным декором происходят из юго-западной части ареала черняховской культуры. По морфологическим признакам они близки кубкам, характерным для ее позднего этапа (см.: Гавритухин, 1999; Gavritukhin, 2017). Один (рис. 2: 1) выявлен в погребении 1 могильника Путреда (Putreda) в Восточном Прикарпатье (Румыния) (Gavritukhin, 2003, fig. 5: 21; 2017, fig. 15: 1). Судя по рисунку, высота изделия составляет около 10,5–11 см, диаметр края – около 8 см. Край, вероятно, оплавлен, верхняя часть

тулова украшена горизонтальной накладной нитью. Сосуд обнаружен в комплексе с овальной пряжкой вытянутых пропорций серии Д по Е.Л. Гороховскому (рис. 2: 2). На территории лесостепной Украины подобные пряжки получили распространение на V (журавской) фазе развития черняховских древностей, т.е. в гуннское время (Гороховский, 1988, с. 42, 45, рис. V). По данным О.А. Гей и И.А. Бажана, они происходят из поздних комплексов фаз 4 и 5 существования черняховских могильников (1997, XI–49, табл. 43: I; 45: II; 60: 1). В погребении из Путреды встречена также довольно крупная (длиной около 7 см) двупластинчатая фибула с надставленной головной пластиной (рис. 2: 3) варианта IAA по А.К. Амброзу (1966, с. 82, 83).² Увеличение размеров фибул в целом показательно для гуннского времени. Этот признак и другие характерные особенности данной застежки позволяют отнести рассматриваемое захоронение либо к началу эпохи Великого переселения народов, либо к чуть более раннему времени, синхронному «переходной» центральноевропейской фазе D1 (360/370–400/410 гг.) (дискуссию см.: Гороховский, 1988, с. 45; Tejral, 1997, S. 330; Gavritukhin, 2003, fig. 5: 23; Kazanski, 1992, p. 194–196; Казанский, 2011, с. 24).

Второй кубок, который мог быть изготовлен при помощи формы, подобной найденным в Комарове (рис. 2: 4), происходит из погребения 8 могильника Фурмановка, расположенного в Северо-Западном Причерноморье, в Килийском р-не Одесской обл. (Сымонович, 1988; Гопкало, 2008, с. 136). Сосуд имеет коническую форму, поддон и венчик, слегка прогнутый наружу на середине высоты. В данном комплексе зафиксированы также трехслойный костяной гребень с полукруглой спинкой и «плечиками» варианта Томас III-1 (рис. 2: 5) и «калачиковидная» пряжка серии Г по Е.Л. Гороховскому (рис. 2: 6), которые появляются на фазе 4 развития черняховских древностей, т.е. во второй половине IV в. (Гороховский, 1988, с. 44–45). Однако наиболее показательна для датировки захоронения двучленная прогнутая подвязная фибула с узкой ножкой, вертикальной пластиной для удержания оси пружины, ассиметрично мягко изогнутой спинкой, общая длина корпуса составляет около 7 см (подгруппа 16/2, серия I, вариант 4 по А.К. Амброзу) (рис. 2: 7).³ Подобные застежки характерны для гуннского времени (Kazanski, 1992, p. 197; Гавритухин, 1999, с. 51).

² Определение И.О. Гавритухина.

³ Определение И.О. Гавритухина

Место находки еще одного сосуда (рис. 2: 8), для производства которого могла быть использована рифленая форма, – Колки на северо-западном пограничье черняховской культуры (Киверцовский р-н Волынской обл.); предположительно, он также происходит из погребения. Судя по фотографии и описанию В.В. Кропоткина, стеклянный конический кубок имеет плоское дно на кольцевом поддоне (?), оплавленный край и косые каннелюры на тулове; место перехода от венчика к тулову декорировано накладной стеклянной нитью. Высота сосуда составляет 12 см, диаметр края – 6 см. Вместе с ним обнаружены две серые миски, изготовленные на гончарном круге. В.В. Кропоткин датирует кубок IV в., однако основания датировки не уточняются (1970, № 913, с. 31, 103, рис. 75: 4).

Обстоятельства обнаружения рифленых форм в Комарове. Все фрагменты рифленых форм происходят из раскопа 1 (1956 г.), с периферии восточной, «производственной» части поселения. Большинство их невозможно датировать по контексту находки. Исключение составляют фрагменты изделия (рис. 1: 3; 1а: 3; цветная вклейка), зафиксированного в хозяйственной яме 1 (рис. 3). Вместе с ними встречены также фрагмент кубка типа Eggers 230 (Ковалк) и фибулы: двучленная прогнутая подвязная (тип Амброз 16/II/1, вариант 3) и с ромбической ножкой и сплошным приемником (блок вариантов Одобеску – Градижск по И.О. Гавритухину) (рис. 4: 5–7). Такое сочетание позволяет датировать яму периодом С3 центральной европейской хронологии (300/320–350/370 гг.), или в рамках 3-й фазы развития черняховской культуры по Е.Л. Гороховскому (около 325–375 гг.), при этом для фибул верхняя временная граница определяется периодом D1 (Гороховский, 1988; Гавритухин, 2007, с. 21; Gavritukhin, 2011, р. 46). Ввиду отсутствия данных о глубине залегания находок нельзя полностью исключить возможность того, что фрагменты формы могли попасть в заполнение объекта из более раннего слоя при засыпке. Однако с учетом всей имеющейся информации, включая датировки рифленых сосудов в пределах римских провинций, это маловероятно. Отнесение формы к периоду С3 представляется наиболее корректным.

Принимая во внимание комплекс приведенных выше данных, можно говорить о справедливости гипотезы М. Штерн, согласно которой формы для выдувания рифленых сосудов являются основанием для датировки мастерской в Комарове временем не ранее середины IV в. (Stern,

2010, р. 26). Контекст обнаружения одной из них, хронология сосудов с рифленным декором на территории римских провинций, даты подобных находок в ареале черняховской культуры позволяют с наибольшей вероятностью отнести мастерскую к поздней части периода С3 или началу гуннского времени. Этот вывод подтверждается и другими данными: во-первых, независимо полученными датами построек, которые содержали скопления стекла, связанные с существовавшим на памятнике производством (Румянцева, 2017); во-вторых, результатами анализа химического состава использовавшегося в Комарове импортного стекла-сырца, одна из серий которого распространяется в Европе не ранее 330–350 гг. (Румянцева, Щербаков, 2015; 2016).

Рифленые формы и продукция стеклоделательной мастерской в Комарове. Помимо анализируемых керамических форм факт изготовления в комаровской мастерской стеклянных сосудов с рифленным декором подтверждается, вероятно, находкой так называемого колпачка – излишка стекла, образующегося при выдувании изделия в его верхней части. Подобный отход возникает в момент отделения заготовки от стеклодувной трубки. На колпачке сохранились следы рифления (рис. 4: 4; 4а: 3; цветная вклейка), что дает возможность предполагать его связь с производством сосудов в исследуемой технике.

Примечательно, что при наличии столь явных свидетельств изготовления в Комарове рифленого стекла традиционные маркеры, позволяющие выявлять типы продукции мастерской, не дают результата. Самый очевидный из них – производственный брак. Бракованные сосуды с рифленным декором в Комарове не зафиксированы, вообще находки с признаками производственного брака здесь единичны. Скорее всего, это обусловлено высокой степенью утилизации отходов и активным использованием стеклобоя (Румянцева, 2016; 2017). По той же причине редки крупные фрагменты колпачков: в коллекции присутствуют в основном их части, прилежавшие непосредственно к стеклодувной трубке и имеющие следы металлической окалины на поверхности. Они не подходили для вторичного использования.

Еще одним маркером считается наличие представительных серий идентичных по форме, технике исполнения, декору и прочим деталям предметов. В некоторых случаях данный признак позволяет сделать вывод о существовании локального производства даже при отсутствии прямых его свидетельств (Gorin-Rosen, Katsnel-

son, 2007, p. 73–75). В Комарове по нему вычисляется производство чаш с оплавленным краем, близких типам Isings 85 и 96. Принадлежащие таким сосудам венчики составляют более половины всех верхних частей стеклянных сосудов, происходящих с памятника (57,5%) (Rumyantseva, Velikov, 2017).

Находки рифленого стекла на поселении практически отсутствуют. При работе с коллекцией, хранящейся в ИУ НАНУ, удалось выявить два фрагмента сосудов, которые могли быть сделаны с использованием рифленой формы, но они, различаясь по особенностям исполнения и обработки, не производят впечатления продукции одной мастерской. Не исключено, что по меньшей мере один из них мог попасть в Комаров вместе с привозным стеклом (Румянцева, 2016; 2017). Первая находка представляет собой фрагмент очень тонкостенного кубка или чаши с необработанным краем, изготовленного из бесцветного прозрачного стекла (рис. 4: 1; 4а: 1; цветная вклейка). Он находился в скоплении у печи стеклоделов. Вторая – венчик толстостенного сосуда светло-зеленого прозрачного стекла с подшлифованным краем; он происходит из культурного слоя раскопа VII 1969 г. (рис. 4: 2; 4а: 2; цветная вклейка). Еще один фрагмент с рифленным декором (рис. 4: 3) опубликован Ю.Л. Щаповой (1978, рис. 1: 1; 1983, с. 71, рис. 39: 1). При этом объем всей коллекции стекла из Комарова превышает 2000 фрагментов. Большая часть материала происходит из скоплений, представляющих собой, очевидно, стеклобой, предназначенный для вторичного использования в производстве, – вероятно, как собранный на поселении и в его ближайшей округе, так и привозной (Румянцева, 2016; 2017).

Несмотря на бесспорные свидетельства производства рифленой посуды в Комарове находки сосудов, выполненных в данной технике, крайне малочисленны не только на этом поселении, но и в ареале черняховской культуры в целом. Вероятно, они не завоевали популярности у потребителей продукции исследуемой мастерской, которыми, скорее всего, были жители самого поселка и близлежащей «варварской» округи – едва

ли она работала на провинциально-римский рынок. В пределах Империи посуда, изготовленная в изучаемой технике, была гораздо более востребована. В Салониках IV–V вв. она составляет 8,6% коллекции стекла, обнаруженного в ходе раскопок на территории города (Antonaras, 2010, p. 252). В Паннонии из 182 сосудов второй половины IV – начала/первой половины V в., учтенных Л. Баркоци, изделий с рифленным декором 18, т.е. почти 10% (Barkóczy, 1988). Второй причиной отсутствия в Комарове таких находок может быть высокая степень утилизации стекла во вторичном производстве. Как показали проведенные ранее исследования (Румянцева, 2017), здесь, как и на территории Империи, население участвовало в сборе стеклобоя, предназначенного для переработки.

Можно заключить, что за лimesом, где в поздне-римское время стеклянная посуда продолжала оставаться элементом престижной культуры (Гопкало, 2015), а сырьевые материалы (стекло-сырец и стеклобой) были менее доступны, чем в римских провинциях, традиционные признаки, позволяющие определить продукцию стекольной мастерской, работают еще менее однозначно, чем для производственных комплексов Империи, указывая лишь на самые очевидные, массовые ее виды. Если бы не находки рифленых форм, предположить изготовление в Комарове сосудов с рифленным декором было бы практически невозможно. Вполне вероятно, что и другие виды продукции местной мастерской не могут быть выявлены на основании археологических данных, имеющихся в нашем распоряжении.

Благодарности. Выражаю благодарность Анастасиосу Антонарасу (Музей византийской культуры, Салоники) за его любезную консультацию по хронологии выдувных рифленых сосудов позднеантичного времени. Я также очень признательна Игорю Олеговичу Гавритухину (ИА РАН, Москва) за консультации по хронологии комплексов черняховской культуры и любезно предоставленную возможность опубликовать его рисунки фибул из Комарова.

Литература

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР (САИ. Вып. Д1–30). М.: Наука. 166 с.

Вакуленко Л.В., 2000. Об организации римского стеклоделия за границами Империи // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14) / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ. С. 14–23.

Гавритухин И.О., 1999. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. 1. Толстостенные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией: конические и с выделенной ножкой (Eggers 236–238, 195; Straume IV–IX) // 100 лет черняховской культуре / Ред. М.Е. Левада. Киев: Товариство Археології та Антропології. С. 48–86.

Гавритухин И.О., 2007. Днепровское лесостепное Левобережье. Финал черняховской культуры // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 9–23.

Гей О.А., Бажан И.А., 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М. 144 с.

Гопкало О.В., 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: ИА НАНУ. 252 с.

Гопкало О.В., 2015. Стекланные изделия в ареале культуры Сынтана-де-Муреш/Черняхов (социологический аспект) // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-история. С. 65–81.

Гороховский Е.Л., 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V МКАС. Т. 4. Секция 1. Древние славяне / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка. С. 34–46.

Казанский М.М., 2011. Радагайс и конец черняховской культуры // Черняхівська культура: матеріали досліджень (ОІУМ. Вып. 1) / Ред. О.В. Петраускас, Р.Г. Шишкин. Київ; Луцьк: ІА НАНУ, ІО НПУ ім. М.П. Драгоманова. С. 22–32.

Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) (САИ. Вып. Д1–27). М.: Наука. 277 с.

Петраускас О.В., 2014. Деякі підсумки досліджень комплексу пам'яток пізньоримського часу біля с. Комарів // Черняхівська культура: пам'яті В.П. Петрова (ОІУМ. № 4) / Отв. ред. О.В. Петраускас, С.А. Горбаненко. Київ: ІА НАНУ, ІО НПУ ім. М.П. Драгоманова. С. 165–183.

Румянцева О.С., 2014. Стекольная мастерская в Комарове: характер и особенности производственного комплекса // Черняхівська культура: пам'яті В.П. Петрова (ОІУМ. № 4) / Отв. ред. О.В. Петраускас, С.А. Горбаненко. Київ: ІА НАНУ, ІО НПУ ім. М.П. Драгоманова. С. 184–196.

Румянцева О.С., 2016. Литое стекло с поселения черняховской культуры Комаров: престижная посуда или сырье стеклоделательной мастерской? // КСИА. Вып. 245. Ч. 1. С. 203–218.

Румянцева О.С., 2017. Стеклоделие за лимесом: новые данные об организации производства и хронологии мастерской в Комарове // Stratum plus. № 4. С. 141–164.

Румянцева О.С., Щербаков И.Б.-Х., 2015. Краткие итоги изучения состава стекла-сырца с поселения Комаров на Среднем Днестре // КСИА. Вып. 241. С. 184–190.

Румянцева О.С., Щербаков И.Б., 2016. Стекло-сырец с поселения Комаров на Среднем Днестре: химический состав и данные о характере и хронологии стеклоделательного комплекса позднеимперского времени // Stratum plus. № 4. С. 299–315.

Смішко М.Ю., 1956. Звіт про розкопки поселення першої половини I тисячоліття н.е. біля с. Комарів Кельменецького р-ну, Чернівецької обл. в 1956 р. // Архив ІА НАНУ. Київ. № 195737.

Смішко М.Ю., 1957. Звіт про розкопки поселення першої половини I тисячоліття н.е. біля с. Комарів Кельменецького р-ну, Чернівецької обл. в 1957 р. // Архив ІА НАНУ. Київ. № 195737.

Смішко М.Ю., 1964. Поселення III–IV ст. н.е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів Чернівецької області // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вып. 5. Київ: Наукова думка. С. 67–80.

Смішко М.Ю., 1965. Звіт про дослідження поселення 3–4 ст. із слідами скляного виробництва біля с. Комарове Чернівецької обл. в 1965 р. // Архив ІА НАНУ. Київ. № 196568.

Смішко М.Ю., 1969. Звіт про дослідження поселення біля с. Комарове Чернівецької обл. в 1969 р. // Архив ІА НАНУ. Київ. № 196934.

Сымонович Э.А., 1988. Придунайский могильник Фурмановка // Могильники черняховской культуры / Ред. В.В. Кропоткин. М.: Наука. С. 143–163.

- Щапова Ю.Л., 1978.** Мастерская по производству стекла у с. Комарово (III–IV вв.) // СА. № 3. С. 230–242.
- Щапова Ю.Л., 1983.** Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: МГУ. 200 с.
- Antonaras A., 2010.** Roman and Early Christian Mold-Blown Vessels from Thessaloniki and its Region, from the 1st to the 5th Century AD // D'Ennion au Val Saint-Lambert. Le verre soufflé-moulé. Actes des 23e Rencontres de l'Association française pour l'Archéologie du Verre. Colloque international Bruxelles-Namur 17–19 octobre 2008 (Scientia Artis. 5) / Ed. C. Fontaine-Hodiamont. Bruxelles: IRPA. P. 241–252.
- Barkóczy L., 1988.** Pannonische Glassfunde in Ungarn (Studia archaeologica. IX). Budapest: Aedes Akademiae Scientiarum Hungaricae. 223 S.
- Cool H.E.M., Price J., 1995.** Roman Vessel Glass from the excavations in Colchester, 1971–85 (Colchester Archaeological Report. 8). Colchester. 455 p.
- Eggers H.J., 1951.** Der Römische Import im freien Germanien. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte. 212 S.
- Folsach von H., Whitehouse D., 1993.** Three Islamic Molds // Journal of Glass Studies. N 35. P. 149–153.
- Freestone I.C., Jackson-Tal R.E., Taxel I., Tal O., 2015.** Glass production at an Early Islamic workshop in Tel Aviv // Journal of Archaeological Science. N 62. P. 45–54.
- Fünfschilling S., 2015.** Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst. Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981–2010 aus Augusta Raurica (Forschungen in Augst. 51). Augst: Museum Augusta Raurica. 684 p.
- Gavritukhin I., 2003.** Double-plate fibels of subgroup I // A nyíregyházi Jóna András Múzeum Évkönyve. Vol. XLIV. P.113–184.
- Gavritukhin I., 2011.** Cut Glass Beakers within the Context of Studies the Connections between the South of Eastern Europe and Scandinavia in the Late Period of Roman Influence and the Great Migration Periods // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publishing House. P. 39–69.
- Gavritukhin I., 2017.** Glass vessels of the final of the Chernyakhov culture // Na hranicích impéria – Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. narozeninám. Brno: Masarykova univerzita; Archeologický ústav Akademie věd, ČR, Brno, v.v.i.: Munipress. P. 83–109.
- Godlowski K., 1970.** The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego. 126 p.
- Gorin-Rosen Y., Katsnelson N., 2007.** Local glass production in the Late Roman – Early Byzantine periods in light of the glass finds from Khibrat el-Ni'ana // Atiqot. N 57. P. 73–154.
- Ignatiadou D., Antonaras A., 2008.** Glassworking: Ancient and Medieval: Terminology, technology, and typology. A Greek-English, English-Greek Dictionary. Texts translated into English by D. Brown Kazazis. Thessaloniki: Centre for the Greek language. 223 p.
- Isings C., 1957.** Roman Glass from Dated Finds. Groningen; Djakarta: J.B. Wolters. 185 p.
- Kazanski M., 1992.** Les Goths et les Huns. A propos des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades // Archéologie Médiévale. T. XXII. P. 191–229.
- Lazar I., 2003.** The Roman glass of Slovenia. Ljubljana: Institute of archaeology ZRC SAZU. 252 p.
- Rau G., 1972.** Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // Acta praehistorica et archaeologica. № 3. P. 109–214.
- Rumyantseva O., Belikov C., 2017.** A Late Roman glass workshop at Komarov (Middle Dniester) and the problem of the origin of 'Barbarian' facet cut beakers // Annales du 20e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Fribourg-Romont, 7–11 septembre 2015 / Ed. S. Wolf, A. de Pury-Gysel. Romont: Verlag Marie Leidorf GmbH. P. 257–264.
- Stawiarska T., 1999.** Naczynia szklane okresu rzymskiego z terenu Polski. Studium archeologiczno-technologiczne. Warszawa: Instytutu Archeologii i Etnologii PAN. 375 p.
- Stern E.M., 1995.** Roman Mould-Blown Glass. The First through Sixth Centuries. Rome; Toledo: The Toledo Museum of Art. 388 p.
- Stern E.M., 2010.** *Audacis plebeia toreumata vitri*. Souffler le verre dans les moules // D'Ennion au Val Saint-Lambert. Le verre soufflé-moulé. Actes des 23e Rencontres de l'Association française pour l'Archéologie du Verre. Colloque international Bruxelles-Namur 17-19 octobre 2008 (Scientia Artis. 5) / Ed. C. Fontaine-Hodiamont. Bruxelles: IRPA. P. 25–38.
- Tejral J., 1997.** Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum (Spisy Archeologickeho Ustavu AV ČR Brno. 8) / Hrsg. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski. Brno: AV ČR. S. 321–392.

Dip moulds and ribbed glass from the Komarov settlement: on the issue of the chronology and production of the glass workshop

O.S. Rumyantseva (Moscow)

Key words: dip moulds, ribbed glass, Chernyakhov culture, Late Roman time, chronology, technology, glass working.

Dip moulds from Komarov (Middle Dniester, Ukraine) for producing ribbed blown glass vessels provide important information on chronology of the workshop and some kinds of its production allowing evaluation of the informative value of archaeological collections for solving the tasks. Based on these finds, E.M. Stern suggested dating the workshop back to the period not earlier than the mid-4th c. This date, from the mid-4th c. to the beginning of the Hun period, is to be confirmed by the archaeological context of one of the finds, as well as by the chronological position of ribbed vessels, originated from the Chernyakhov culture area, and other independent data on the chronology of the workshop. A find of a ribbed mold justified the production of ribbed vessels in the workshop; nevertheless, the latter does not reflect in other materials from the site. There are only three fragments of objects made in the technique in the collection of glass from the settlement. It is likely that ribbed vessels were not popular among the local population. The extreme rarity of such finds at the site might also be the result of collecting glass for recycling; this practice was actively applied in the Komarov workshop. It might be suggested that some other kinds of vessels made there remain out of view of the scholars.

Translated by I. Grigoryan

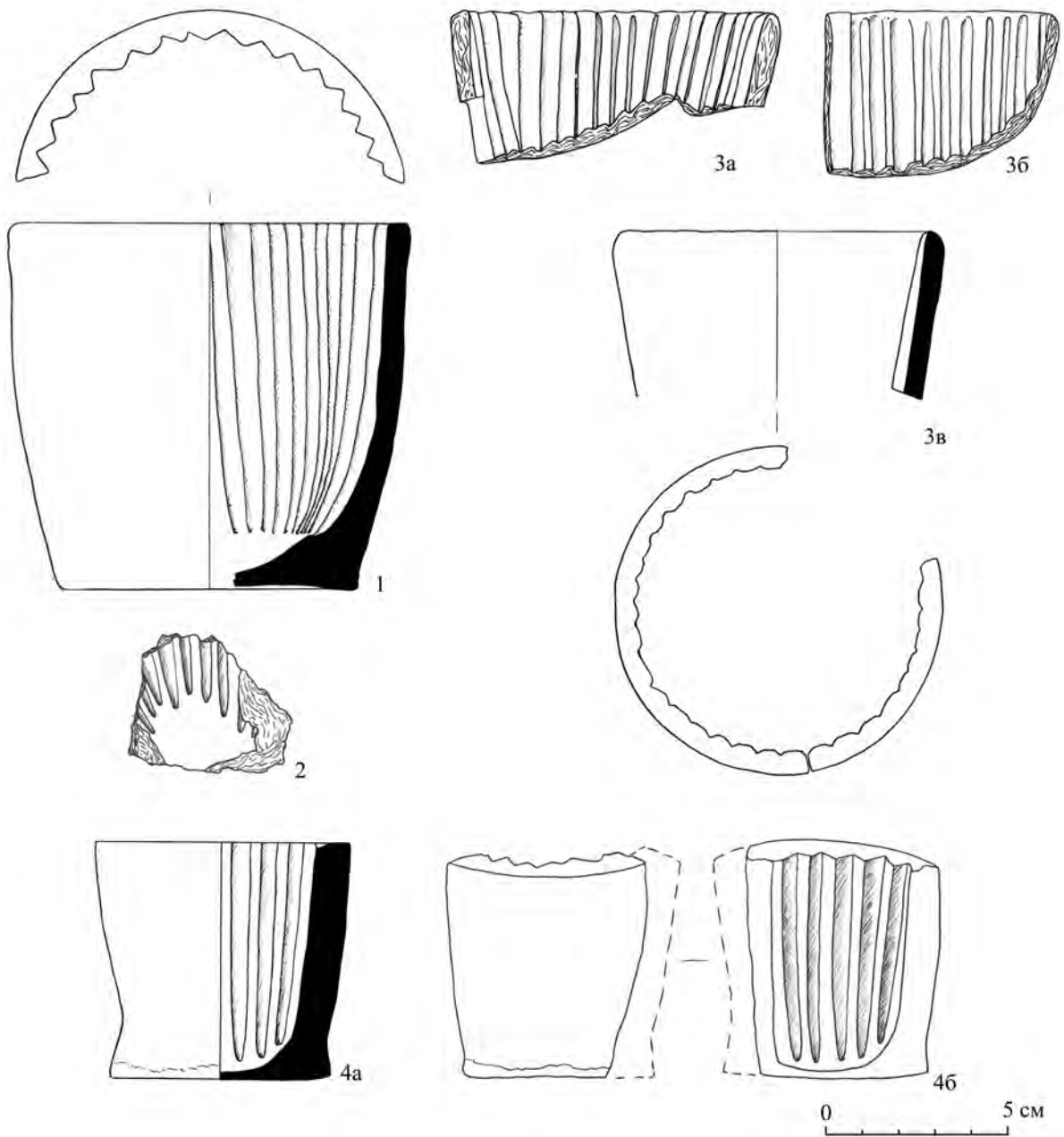

Рис. 1. Керамические формы для изготовления рифленых сосудов.
 1, 3 – рисунки с оригиналов форм; 2 – прорисовка с фото из архива ИУ НАНУ;
 4а – реконструкция, выполненная по рисунку: Смішко, 1956, табл. III: 23
 и фото из архива ИУ НАНУ; 4б – по: Смішко, 1956.
 Раскоп 1, 1956 г. 1 – кв. Ю–18, около ямы 2, гл. 0,20–0,40 см; 2 – кв. Ш–17,
 «в одной из малых ямок»; 3 – кв. Щ, Ю–19, яма 1, гл. 0,20 см; 4 – кв. Ц–28.
 Рисунок А.М. Ефремовой.

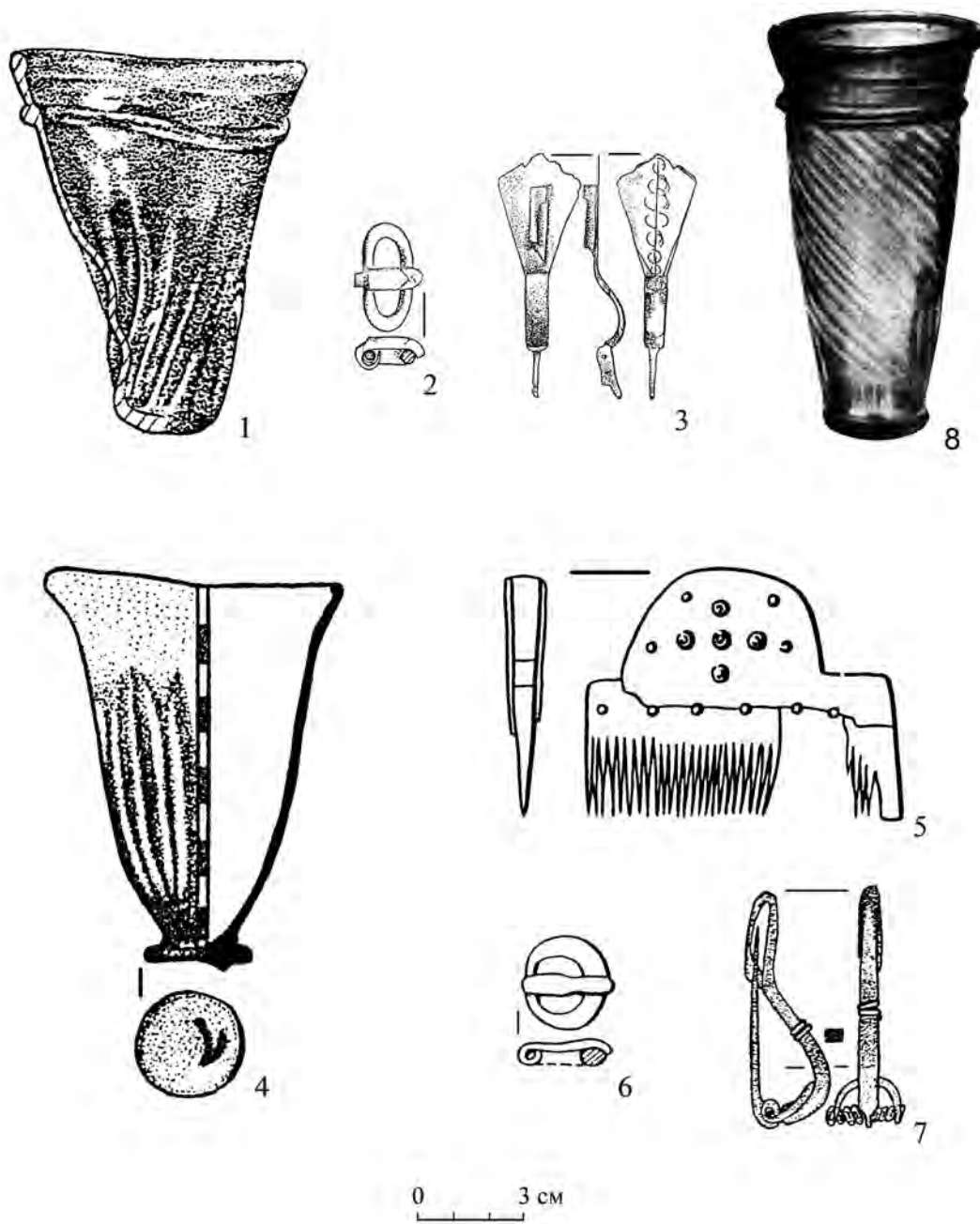

Рис. 2. Находки сосудов с рифленным декором на юге Восточной Европы. 1–3 – Путреда, погребение 1; 4–7 – Фурмановка, погребение 8; 8 – Колки. 1–7 – по: Gavritukhin, 2017, fig. 15; 8 – по: Кропоткин, 1970, рис. 75: 4.

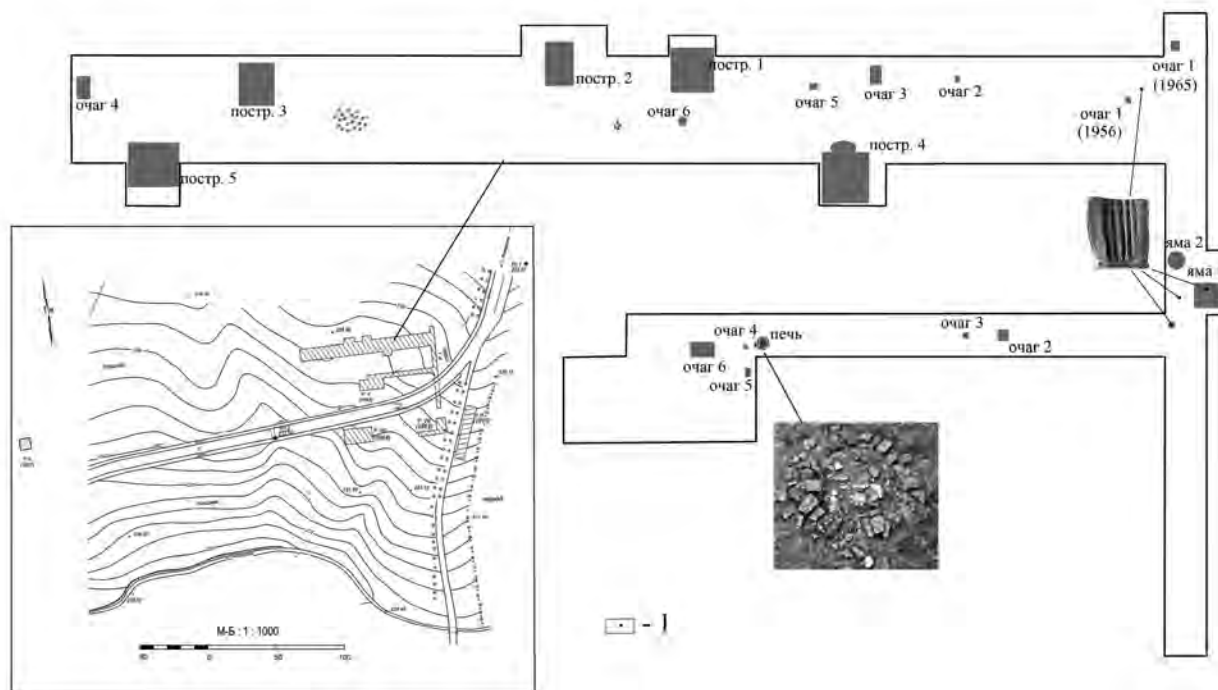

Рис. 3. Поселение Комаров. Местоположение и план раскопа I с отмеченными местами находок рифленых форм.

1 – места находок рифленых форм.

План поселения с нанесенными раскопами по: Смішко, 1969;

местоположение раскопа II (1957 г.) по: Петраускас, 2014.

Реконструкция местоположения объектов на плане выполнена на основе текстов отчетов М.Ю. Смишко (1956; 1957; 1965).

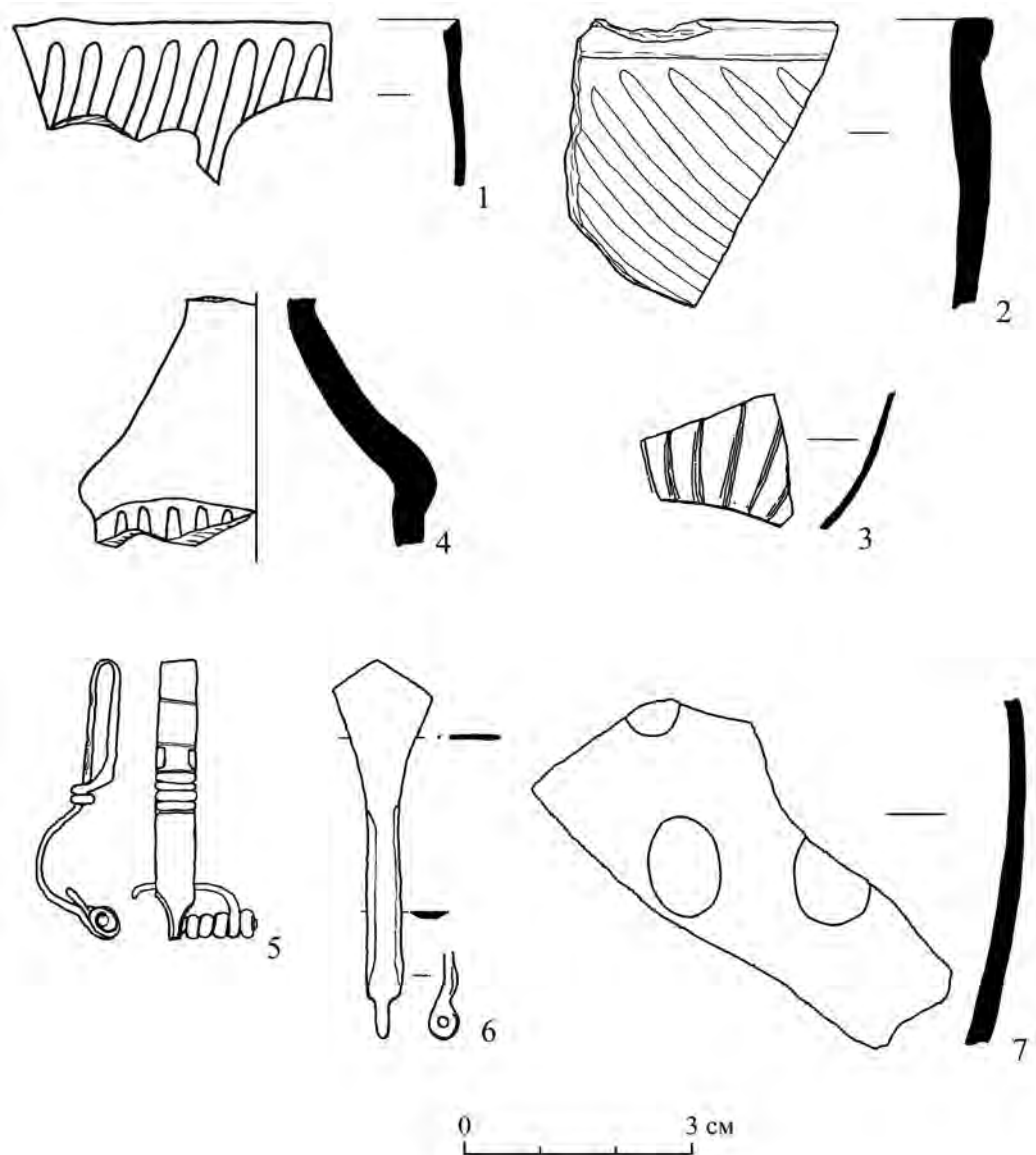

Рис. 4. Находки с поселения Комаров.

1-3 – фрагменты сосудов с рифленным декором; 4 – колпачок; 5-7 – находки из ямы 1.

1 – 1965 г., раскоп V, траншея Б, кв. 22, пл. 3 (к юго-востоку от печи стеклоделов);

2 – 1969 г., раскоп VII, культурный слой; 3, 4 – без места находки; 5-7 – яма 1.

3 – по: Щапова, 1983, рис. 39: 1; 5, 6 – рисунки по эскизам И.О. Гавритухина.

Рисунки А.М. Ефремовой (1, 2, 4), О.С. Румянцевой (7).

Керамика с чеканно-штампованным орнаментом в Войтенках 1: к вопросу о производстве гончарной посуды в черняховской культуре

Э. Шульце (Берлин)

Ключевые слова: гончарная керамика, черняховская культура, производство посуды.

Гончарная керамика – один из важных элементов черняховской культуры. Характер ее производства обусловил сильную стандартизацию форм посуды, поэтому довольно сложно выявлять локальные и региональные особенности материала. На многих черняховских поселениях найдены горны, которые свидетельствуют о местном производстве керамики. Однако возникает вопрос, как распространялась технология гончарного круга и гончарные горны, как появлялись те или иные тенденции в оформлении и орнаментации керамики. Особого внимания эти аспекты заслуживают, когда речь идет о высококачественной посуде.

Характерной чертой черняховских сосудов является чеканно-штампованный орнамент. Интересно определить, связан ли этот особый вид орнаментации с местным производством или с обменом или даже началом торговли керамикой.

Чеканно-штампованный орнамент в Войтенках 1. На данном памятнике, который состоит из поселения и могильника, гончарная керамика составляет почти 100% коллекции (Шульце, Любичев, 2010). В ходе раскопок 2004–2015 гг. обнаружены разные сосуды с чеканно-штампованным орнаментом – как целые формы, так и многочисленные обломки. Прежде всего, речь идет о 44 фрагментах кубков, но есть и посуда других типов, представленная целыми сосудами и фрагментами, форма и толщина которых не соответствуют тонкостенным кубкам. Это три вазы, две миски закрытого типа, три мискообразных вазы или миски, два кувшина, один фрагмент ручки,

четыре фрагмента неопределенных сосудов. Из раскопок 1975 г. происходят фрагменты восьми кубков, одного кувшина, одной вазы или миски с чеканно-штампованным орнаментом. Подобным образом украшалась только столовая посуда¹.

На площади поселения керамика с чеканно-штампованным орнаментом представлена в подъемном материале, в культурном слое участков А и В, в очагах 1, 2. На могильнике, где до 2015 г. исследованы 213 погребений (104 труположения, 108 трупосожжений, 1 кенотаф), она встречена в 10 труположениях и 5 трупосожжениях, что составляет 7,3% всех захоронений. В 5 погребениях находились целые сосуды с таким декором. Кроме того, фрагменты керамики с чеканно-штампованным орнаментом зафиксированы в культовом слое некрополя. Материалы могильника показывают, что представленное выше распределение сосудов, украшенных оттисками штампов, по типам не случайно. Так, из 213 погребений происходит 21 кувшин, но только один из них имеет чеканно-штампованный орнамент. С другой стороны, подобным образом декорированы 16 из 18 кубков, найденных на могильнике².

Гончарным кубкам посвящена специальная публикация К.Г. Варачёвой (2010а). Предложенная ею классификация орнаментов этих сосудов (Варачёва, 2010б, с. 20–21, рис. 2: III–IV) базиру-

¹ Можно добавить, что чеканный орнамент, нанесенный при помощи зубчатого колесика, имеется на некоторых пряслицах.

² Учтены только кубки типичных форм; указанное количество не включает маленькие горшки или миски, которые также могли выполнять функции кубков.

ется на классификации орнаментации черняховской керамики, разработанной Э.А. Сымоновичем (1964, рис. 19–22). Использование данного подхода позволяет выделить следующие элементы и мотивы чеканно-штампованного орнамента:

1. Линия, выполненная гребенчатым штампом или зубчатым колесиком:

- пунктирная линия, выполненная гребенчатым штампом (рис. 1: A1);
- ряд параллельных насечек, нанесенных при помощи зубчатого колесика (рис. 1: A2);
- ряд квадратных и прямоугольных лунок, нанесенных при помощи зубчатого колесика (рис. 1: A3, A4).

2. Ряд насечек в виде «елочки» (рис. 1: A5).

3. Фигурный штамп:

- ряд из «подков», нанесенных на расстоянии 1–3 мм друг от друга (рис. 1: A6);
- «подкова» (состоящая из прямоугольных лунок) с загнутыми внутрь концами (рис. 1: A7);
- «косой крест» – штамп в виде двух линий, пересекающихся под углом 90° (рис. 1: A8);
- штамп в виде кольца, частично нанесенный в ряду (рис. 1: A9);
- прямоугольный штамп (рис. 1: A10);
- штамп в виде полумесяца (рис. 1: A11);
- штамп в виде изображения солнца (рис. 1: A12);
- штамп в виде изображения птицы (рис. 1: A13).

Наблюдается множество вариантов сочетания перечисленных элементов. Наиболее часто использовались различные гребенчатые и зубчатые композиции. Линии, нанесенные при помощи зубчатого колесика, встречаются на всех типах сосудов. Насечки «елочкой» отмечены не только на кубках (рис. 3: 4, 5, 10), но и на мисках, вазах, кувшинах (рис. 2: 6–8, 11). Ряд из «подков» часто представлен на кубках (рис. 3: 7), но зафиксирован также на одном фрагменте сосуда, вероятно, не принадлежащего кубку (рис. 2: 9). Отдельная «подкова» с зубчатой структурой и «косой крест» известны только на кубках (рис. 3: 6, 9, 12, 13), на которых они встречены многократно. Колесчатый штамп обнаружен по одному разу на кубке, кувшине, вазе, миске. Фигурные штампы в виде полумесяца и птицы в Войтенках пока уникальны и отсутствуют даже на богато украшенных кубках: первый зафиксирован на кувшине из погребения 117 (рис. 2: 4), второй – на фрагменте из

культового слоя могильника (рис. 2: 12). Похожий орнаментальный элемент в форме лунницы имеется на кубке из погребения 2/2005 могильника Шушваловка (Кракало, 2011, с. 148, рис. 1: 7) и на сосуде из погребения 67 могильника Спанцов (Mitrea, Preda, 1966, с. 39–40, рис. 94: 2). Наконец, в Войтенках встречены изображения солнца, нанесенные на вазе и миске (рис. 2: 1, 2), аналогии которым на других памятниках черняховской культуры найти пока не удалось.

Особо отметим круглый глубокий штамп на нижней части сосуда, нанесенный немного выше дна (рис. 3: 14). Это вдавление диаметром 1 см, очевидно, не является случайным. Может быть, оно служило для маркировки сосуда или возникло вследствие технических причин. Аналогии ему автору статьи неизвестны.

Оттиски штампов встречены как по отдельности, так и в составе рядов или групп. К.Г. Варачёва выделила мотивы из линий, выполненных гребенчатым штампом или зубчатым колесиком, на кубках (2010б, с. 21, рис. 3). Такие простые композиции (рис. 1: B) имеются не только на кубках (рис. 3: 3–13), но и на сосудах других типов, например на вазе, миске и ручке кувшина (рис. 2: 5, 7, 10; 3: 1, 2). На фрагменте одной из vaz зафиксирован орнамент в виде сетки, которая, в отличие от подобного декора на кубках, состоит не из одной, а из двух параллельных зубчатых линий (рис. 2: 3).

Кроме того, древними гончарами использовались сочетания различных элементов чеканно-штампованного орнамента (рис. 1: C). К.Г. Варачёва отмечает составные композиции на кубках из Войтенков (2010б, с. 21–22, рис. 4). Возможности комбинаций многообразны, каждый кубок уникален. На других сосудах сочетания оттисков разных штампов встречаются гораздо реже. Можно отметить фрагмент, вероятно, вазы или миски с птицами и кольцами, нанесенными при помощи зубчатого колесика (рис. 2: 12). Аналогия такому редкому орнаменту происходит из Фалешт в Молдавии, где на обломке сосуда выявлены изображения птиц вместе с оттисками других штампов (Сымонович, 1964, рис. 27: 3). Еще на одном фрагменте вазы или миски из Войтенков представлены зубчатые линии с насечками в виде «елочки» (рис. 2: 8). Особого внимания заслуживает фрагмент верхней части кувшина или кружки со сложным декором (рис. 2: 5). Широкая полоса (подобная имеющейся на кубках) разделена на несколько зон, между которыми расположены не заполненные орнаментом каналы. Каждая зона украшена уникальной композицией из зубчатых

линий и штампов. Точные аналогии этому своеобразному орнаменту найти не удалось. Похожий в общих чертах сосуд известен в Ромашках (кувшин типа 2 по Б.В. Магомедову (2001, табл. 42: 3)). На одном кувшине (типа 4 по Б.В. Магомедову) из Компанийцев подобный, но лощеный орнамент также разделен на зоны (Некрасова, 2006, с. 108, рис. 62: 8).

Чеканно-штампованный орнамент на других памятниках черняховской культуры. Большинство разновидностей чеканно-штампованного орнамента известно на многих черняховских памятниках. Его использование обычно ограничено кубками, для других сосудов подобная орнаментация не характерна. Рассмотрим примеры, происходящие из двух могильников – Великая Бугаевка (Киевская область, Васильковский район) и Компанийцы (Полтавская область, Кобеляцкий район).

На могильнике Великая Бугаевка (Петраускас, Шишкин, 2013) исследованы 168 погребений (75 труположений, 81 трупосожжений). Керамика с чеканно-штампованным орнаментом выявлена в семи захоронениях (87, 100, 121, 126, 135, 164, 165), совершенных по обоим обрядам, т.е., в 4,1% комплексов. Кроме того, фрагменты украшенных оттисками штампов сосудов обнаружены в культовом слое. В целом их количество меньше, чем в Войтенках. В Великой Бугаевке почти всегда речь идет о кубках или их обломках. Только на фрагментах кувшина из погребения 126 А.В. Петраускас и Р.Г. Шишкин отметили линию, нанесенную «наколами» (2013, с. 5). Вообще кроме одиночных или параллельных линий, выполненных зубчатым колесиком, на посуде из рассматриваемого могильника зафиксированы следующие элементы (каждый – лишь на одном сосуде): простые насечки, группы из трех треугольников (рис 4: 1), подковы, колесчатые штампы, заполненные другим орнаментом кольца (Петраускас, Шишкин, 2013, рис. 178: 9), розетки. В четырех погребениях на керамике встречаются орнаментальные композиции, прежде всего, сочетание линий с другими элементами. Фрагменты кубка из погребения 164 украшены особенно богато, но, как отмечалось выше, кубки отличаются своеобразием декора.

На могильнике в Компанийцах изучены 117 погребений: 37 труположений, 80 трупосожжений (Некрасова, 2006). Керамика с чеканно-штампованным орнаментом обнаружена в девяти кремациях, которые составляют 7,7% всех комплексов. Это шесть кубков (погребения 31, 42,

45, 56, 78, 79) и три вазы (погребения 162, 164, 190). Отметим еще два миниатюрных кувшина (погребения 139, 164), украшенных оттисками штампов, на одном из которых (погребение 164) зафиксирована даже составная композиция (рис. 4: 2). Помимо одиночных или параллельных линий, выполненных гребенчатым штампом или зубчатым колесиком, имеются разные розетки, подковы, колесчатые штампы, круги (Некрасова, 2006, рис. 62: 11; 63: 19; 64: 11; 66: 8; 69: 12, 18; 76: 20; 79: 9; 80: 11, 18). В погребении 164 чеканно-штампованный орнамент нанесен на два или три сосуда³.

Сравнение материалов из Войтенков, Великой Бугаевки и Компанийцев показывает, что некоторые элементы чеканно-штампованного орнамента (линии, выполненные гребенчатым штампом или зубчатым колесиком, подковы) – общие, другие встречены лишь на одном из упомянутых памятников. Особенности декора проявляются более отчетливо, если рассматривать не только орнаментальные элементы, но и композиции. В частности, группы треугольников и заполненные кольца характерны для сосудов из Великой Бугаевки (рис. 4: 1), круг в центре цветообразной композиции – для сосудов из Компанийцев. Вписанные друг в друга треугольники типичны для кубков из Войтенков (рис. 1: С5). Внутри них расположены ряды из «подков», зубчатые линии. Такие треугольники могут группироваться по два (рис. 3: 3, 11). Похожий мотив один раз встречен в Великой Бугаевке (Петраускас, Шишкин 2013, рис. 128: 1), но возможно, что он есть среди материалов других памятников, которые в настоящей статье к анализу не привлекались. Другую местную особенность посуды в Войтенках составляет орнамент в виде двойных косых крестов (рис. 1: С6; 3: 6, 12, 13). Это штамп «косой крест», поверх которого из рядов параллельных насечек выполнены перекрещенные линии (Варачёва, 2010б, с. 22). Подобные композиции отсутствуют на керамике из других могильников, поэтому они могут быть обозначены как «особые композиции Войтенков».

Орнаментация кубков черняховской культуры будет подробно охарактеризована в диссертации, которую готовит К.Г. Варачёва, поэтому здесь данная категория предметов специально не рассматривается. На других сосудах чеканно-штампованный декор встречается реже и выглядит

³ Описания находок и рисунки в публикации А.Н. Некрасовой (2006) не позволяют точно установить, есть ли на кубках из погребений 56, 79 и 164 чеканно-штампованный орнамент, или на них имеются только вдавления.

более простым. Но, если учесть характер распространения общих элементов и использования локальных мотивов, возникает впечатление, что несмотря на специфику и частично эксклюзивный дизайн, керамика с чеканно-штампованным орнаментом представляет собой продукцию местного производства.

Чеканно-штампованный орнамент и производство керамики. Чтобы нанести на посуду чеканно-штампованный орнамент, необходимы различные инструменты. Для получения простых линий можно использовать гребень, тонких зубчатых линий, рядов квадратных и прямоугольных лунок – колесико (Сымонович, 1964, рис. 19: 11, 28). Иногда сложно определить, декорировался ли сосуд с помощью гребня или колесика. Для нанесения орнамента в виде кольца, простой насечки или подковы достаточно деревянного или костяного штампа подходящей формы (рис. 4: 5) (Schmid, 1980, S. 333, Abb. 1; Knaut, 1987, S. 469–470, Abb. 5; 6). Насечки в виде «елочки» также получают при помощи штампа, кроме того, на сосуде можно оставить отпечаток ткани или какого-либо другого органического предмета. Для удобства работы на одном колесике могли бы располагаться комбинации разных орнаментальных элементов, таких, как зубчатые линии с подковой или «елочка». Единичные оттиски – крест, изображение солнца и др. – выполнялись специальными штампами. Представляется, что изготовление подобных приспособлений-штампов было несложным и могло осуществляться жителями любого поселения; технические условия для нанесения на керамику чеканно-штампованного орнамента существовали, очевидно, и в Войтенках 1.

Оценивать уровень производства керамики можно в том числе по качеству посуды. Опыт изучения гончарства в Войтенках показывает, что мастера на этом поселении имели разную квалификацию (Ljubičev, Schultze, 2011, S. 390–392, Abb. 7). Различается и качество сосудов с чеканно-штампованным декором. По характеру теста, оформления и выполнения орнамента особенно хорошо изготовленными выглядят ваза и кувшин из погребения 117 (рис. 2: 1, 2). Они, вероятно, происходят из мастерской высококлассных специалистов. В целом же создается впечатление, что украшение керамики не всегда производилось на одном качественном уровне. Орнамент на кубках и, например, орнамент-«елочка» на миске или вазе (рис. 2: 8) выполнены очень тщательно. В то же время штамп на ручке (материалы раскопок 1975 г.) и нерегулярная сетка из зубчатых линий

на вазе (рис. 2: 3) нанесены весьма неаккуратно. Трудно представить, что эти сосуды изготавливались на обмен.

Гончарное производство в Войтенках 1, где обнаружены четыре горна и огромное количество керамики, уже давно является самостоятельным направлением изучения памятника. В течение нескольких лет проводится не только археологический анализ материала, но и исследования с помощью естественнонаучных методов. Они охватывают все типы посуды, но пока им не подвергались сосуды с чеканно-штампованным орнаментом, представленные либо целыми формами, от которых невозможно отобрать пробы, либо маленькими фрагментами, где взятие проб разрушило бы орнамент. Тем не менее результаты этих исследований важны для темы настоящей статьи. Проанализированная выборка включает керамику из Войтенков и расположенных в их округе десяти других поселений черняховской культуры. Используемые методы направлены на изучение только глины, только примесей или всего керамического теста в целом. Это: 1) метод группировки матриц на основе вторичного обжига, MGR (Matrix Grouping by Refiring)-анализ; 2) рентгено-флюоресцентный метод, WD-XRF (Wavelength-Dispersive X-ray fluorescence) или pXRF; 3) прозрачный шлиф (Daszkiewicz, Schneider, 2011). Обобщение полученных результатов позволило выявить несколько групп материала (Ljubičev, Schultze, 2011). Большую часть их образуют сосуды, имеющие ограниченное распространение: они встречаются только в Войтенках или только на других поселениях, что свидетельствует о местном производстве посуды. Примеров, когда пробы из Войтенков и с других памятников настолько похожи, что можно предполагать происхождение сосудов с таким тестом из одной мастерской, мало. Это доказывает, что между поселениями региона существовали какие-то связи, но не позволяет говорить об обмене или торговле керамикой. Наоборот, пока создается впечатление, что преобладало ее местное производство. Локальные группы включают различные по тщательности изготовления сосуды: вероятно, в Войтенках 1 работал ряд мастерских, для удовлетворения потребностей населения делавших керамику разного качества. Прямые доказательства местного производства посуды с чеканно-штампованным орнаментом отсутствуют, поскольку она не подвергалась изучению методами естественных наук. Однако предположение, что такие сосуды также изготавливались на месте, не противоречит имеющимся данным.

Это предположение можно подтвердить находками с других черняховских памятников региона, на которых проводились разведки или небольшие раскопки. Так, на поселении Бараново 3 зафиксирован обломок кубка с сеткой из линий, выполненных зубчатым колесиком. Фрагмент с похожим декором найден на поселении Халимоновка (Любичев, 2005, с. 279, рис. 7: 3), откуда происходит еще черепок с орнаментом из нескольких зубчатых кругов с многолучевым штампом в центре (рис. 4: 4). В Войтенках, от которых Халимоновка находится на расстоянии всего 4–5 км к юго-востоку, такой орнамент неизвестен. На поселении Лозовая 2, расположенном в 20 км на север, обнаружен фрагмент с оттиском прямоугольного штампа (рис. 4: 3), который не похож на прямоугольный штамп из Войтенков 1 (рис. 1: A10). Пе-

речисленные находки показывают, что на других поселениях исследуемого региона гончары также создавали специфические местные варианты чеканно-штампованного орнамента.

Подводя итоги, отметим, что в Войтенках оттиски штампов присутствуют прежде всего на кубках. Сосуды других типов имели такой декор гораздо реже. Обычно керамика со штампованным орнаментом выглядят красивее, но встречаются и украшенные подобным образом изделия, выполненные менее аккуратно, более низкого качества. Чеканно-штампованный орнамент распространен по всему ареалу черняховской культуры, но сами орнаментальные элементы, мотивы и их комбинации являются характерными признаками местных центров гончарного производства.

Литература

Варачёва К.Г., 2010а. Погребения с глиняными кубками на могильниках черняховской культуры Днепро-Донецкой лесостепи // *Древности*. 2010. С. 254–264.

Варачёва К.Г., 2010б. Глиняные кубки черняховской культуры из археологического комплекса Войтенки // *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна*. № 908. Сер. «Історія». № 42. С. 18–28.

Кракало І.В., 2011. Про поховальні пам'ятки черняхівської культури в придніпровській зоні Кременчуцького та Глобинського районів Полтавщини // *Археологія і давня історія України*. Вип. 5. С. 144–151.

Любичев М.В., 2005. Поселения черняховской культуры Шлях 2 и Халимоновка на Мже // *Древности*. 2005. С. 276–287.

Магомедов Б.В., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta studia Gothica. I). Lublin: UMCS. 290 с.

Некрасова А.Н., 2006. Памятники черняховской культуры Днепро-Донецкого Левобережья // *Готы и Рим*. Киев: ИД «Стилос». С. 87–200.

Петраускас О.В., Шишкин Р.Г., 2013. Могильник и поселение черняховской культуры у с. Великая Бугаевка (Оіум. 2). Киев: ИА НАНУ. 410 с.

Сымонович Э.А., 1964. Орнаментация черняховской керамики // *Древности эпохи сложения восточного славянства* (МИА. № 116). М.: ИА АН СССР. С. 270–361.

Шульце Э., Любичев М.В., 2010. Керамика из могильника и поселения Войтенки 1: сравнительный анализ // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2*. Т. 2 // Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 33–62.

Daszkiewicz M., Schneider G., 2011. Archäokeramologische Klassifizierung am Beispiel kaiserzeitlicher Drehscheibenkeramik aus Brandenburg // *Drehscheibentöpferei im Barbaricum* (Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. 13) // Hrsg.: J. Bemann, M. Hegewisch, M. Meyer, M. Schmauder. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. S. 17–34.

Knaut M., 1987. Ein merowingerzeitliches Frauengrab mit Töpferstempel aus Bopfingen // *Fundberichte aus Baden-Württemberg*. 12. S. 463–478.

Ljubičev M.V., Schultze E., 2011. Zur Herstellung von Drehscheibenkeramik in Vojtenki. Archäologische und naturwissenschaftliche Ergebnisse // *Drehscheibentöpferei im Barbaricum* (Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. 13) // Hrsg.: J. Bemann, M. Hegewisch, M. Meyer, M. Schmauder. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. S. 283–298.

Mitrea B., Preda C., 1966. Necropole din secolul al IV-lea e. n. in Muntenia (Biblioteca de Arheologie. 10). București: Editura Academiei Republicii Socialiste România. 403 p.

Schmid P., 1980. Ein Stempelgerät aus der Wurtensiedlung Feddersen Wierde, Kreis Cuxhaven // Beiträge zur Archäologie Nordwestdeutschlands

und Mitteleuropas (Materialhefte zur Ur- und Frühgeschichte Niedersachsens. H. 16). Hildesheim: Verlag August Lax. S. 331–339.

Keramik mit Stempelverzierung aus Vojtenki 1. Zur Frage der Herstellung von Drehscheibenkeramik in der Černjachov-Kultur

E. Schultze (Berlin)

Schlüsselwörter: Drehscheibenkeramik, Černjachov-Kultur, Keramikherstellung.

Die Verzierung mit Stempeln ist innerhalb der Černjachov-Kultur ein vor allem auf Bechern auftretendes Phänomen. Derartige Verzierungen finden sich nur in begrenztem Umfang auch auf anderen Gefäßtypen. Die Funde aus Vojtenki belegen eine große Vielfalt bei den Motiven und der Ausführung von Stempelverzierungen. Der Vergleich mit anderen Siedlungen und Gräberfeldern zeigt, dass die Stempelmotive und die Varianten ihrer Zusammenstellung hier lokale Spezifika aufweisen. Dies und die durch naturwissenschaftliche Analysen nachgewiesene, vornehmlich vor Ort erfolgte Herstellung der Drehscheibenkeramik insgesamt sprechen dafür, dass es sich auch bei den stempelverzierten Gefäßen um lokale Produkte handelt.

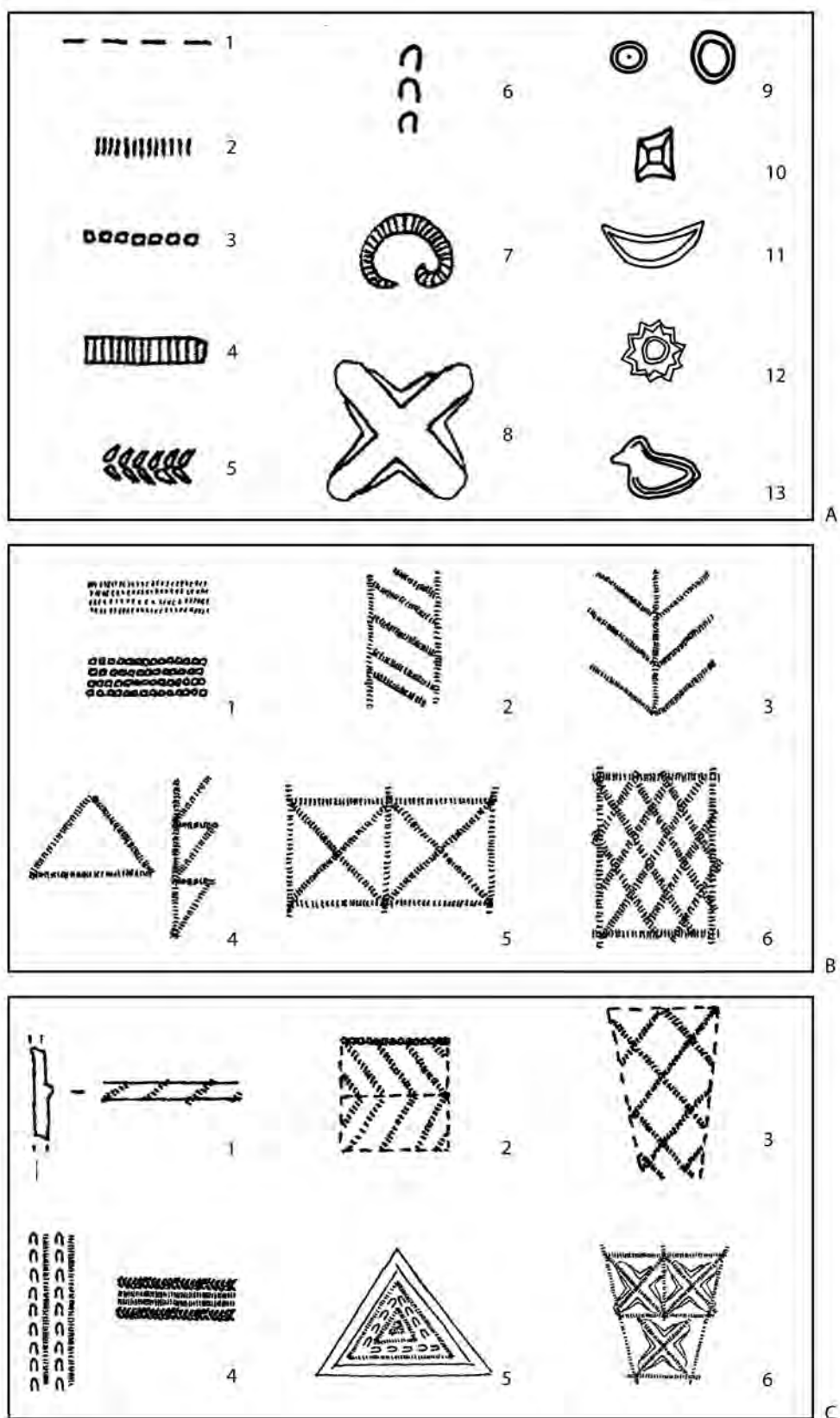

Рис. 1. Чеканно-штампованный орнамент на сосудах памятника Войтенки 1.

А,1-13 – орнаментальные элементы;

В,1-6 – простые композиции; С,1-6 – составные композиции.

А,1-8; В; С – по: Варачёва, 2010б, табл. 2-4; А,9-13 – дополнения автора.

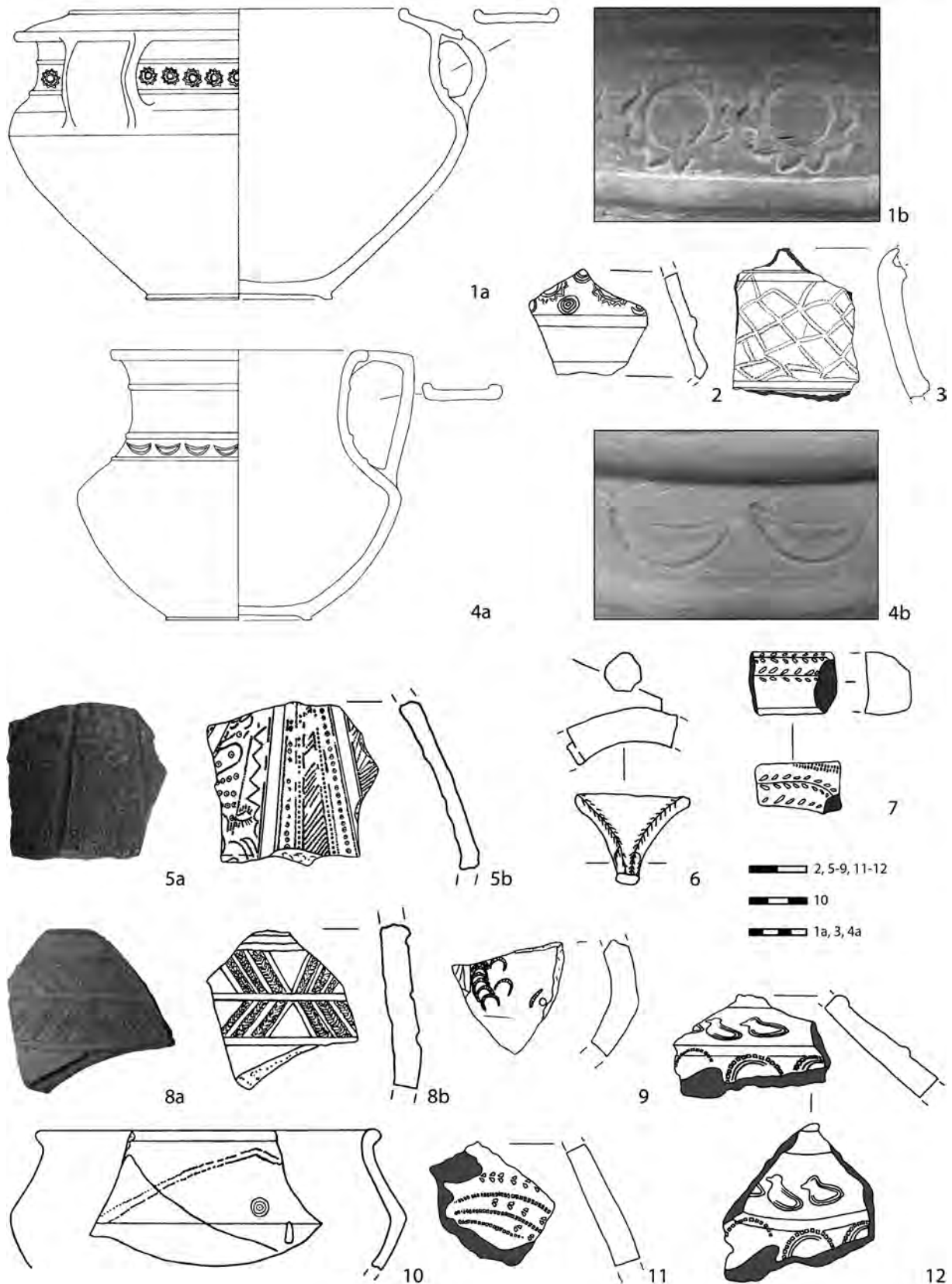

Рис. 2. Чеканно-штампованный орнамент на сосудах памятника Войтенки 1.

1, 3, 12 – ваза и фрагменты ваз; 2, 10 – миска и фрагмент миски;
 4, 5 – кувшин и фрагмент кувшина; 6, 7 – фрагменты ручек; 8, 9, 11 – фрагменты ваз или мисок.
 1–4b, 5b–7, 8b–12 – по документации Германно-Славянской экспедиции
 Национального Харьковского университета им. В.Н. Каразина; 5a, 8a – фото Э. Шульце.

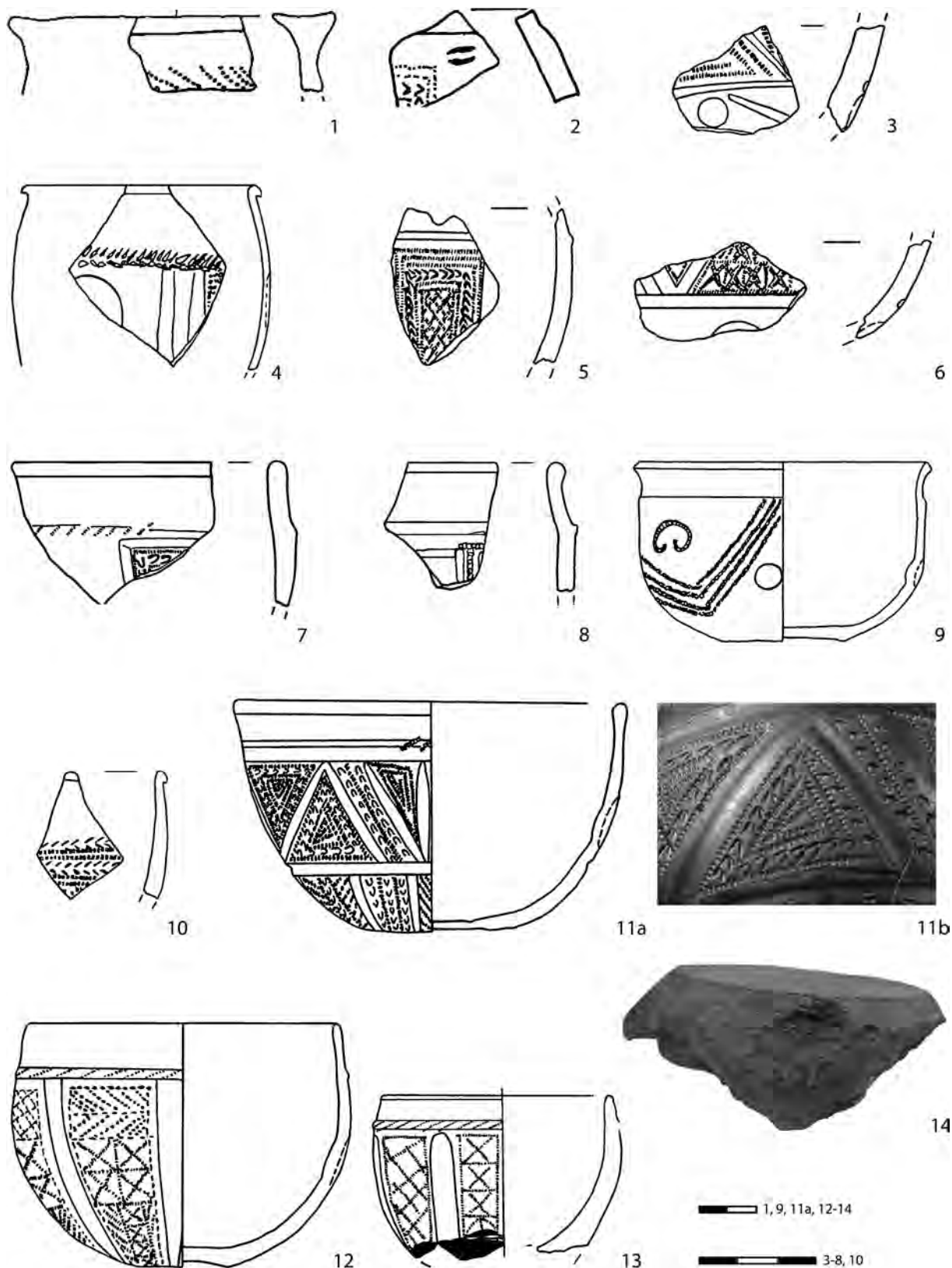

Рис. 3. Чеканно-штампованный орнамент на сосудах памятника Войтенки 1.
 1 – фрагмент вазы; 2 – фрагмент миски; 3–13 – фрагменты кубков; 14 – нижняя часть сосуда.
 1–11a, 12, 13 – по документации Германно-Славянской экспедиции Национального
 Харьковского университета им. В.Н. Каразина; 11b, 14 – фото Э. Шульце.

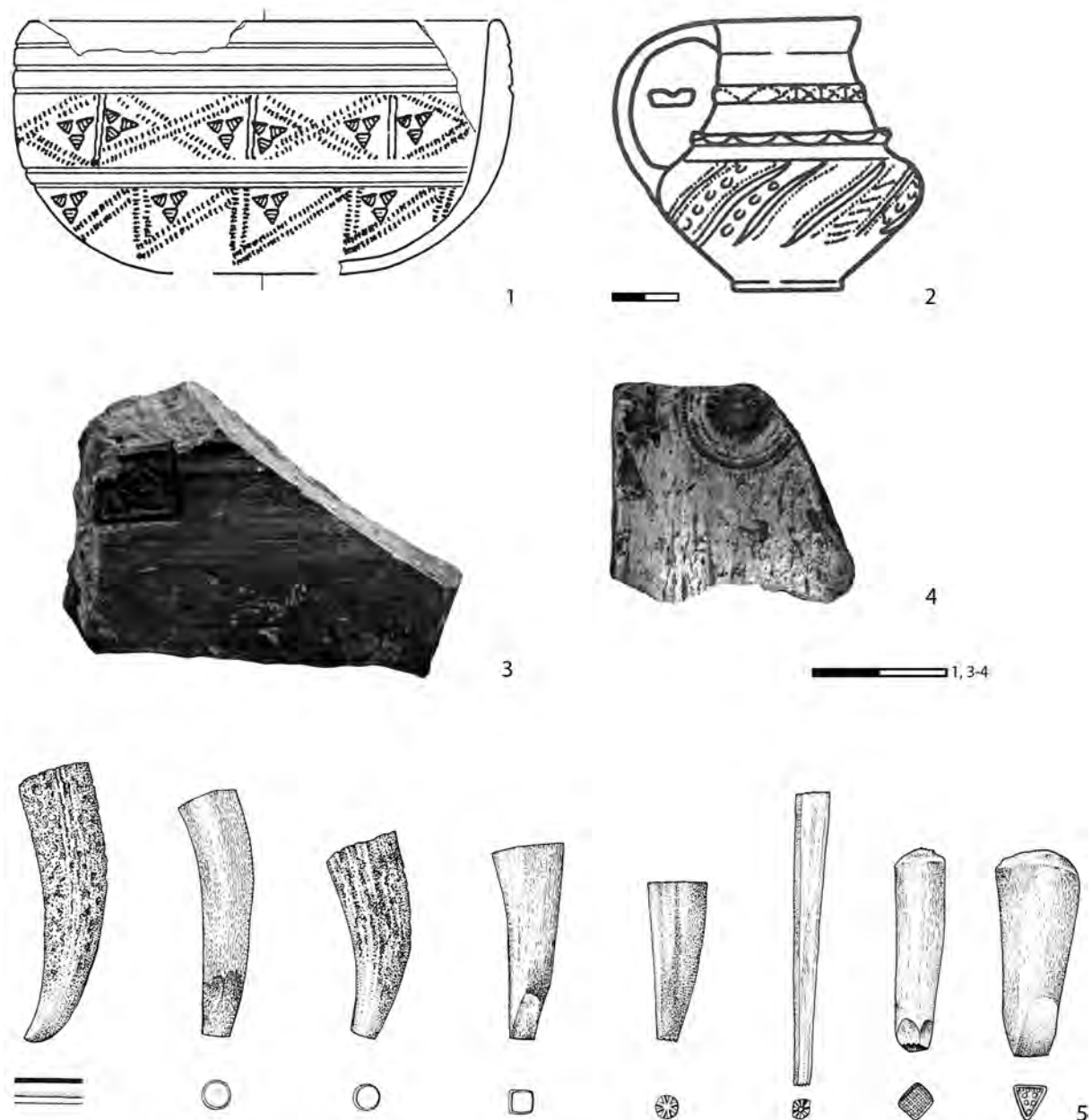

Рис. 4. Чеканно-штампованный орнамент на сосудах черняховской культуры.

1 – Великая Бугаевка; 2 – Компанийцы; 3 – Лозовая; 4 – Халимоновка;

5 – инструменты гончара из женского погребения в Бопфингене
(юго-западная Германия, эпоха Меровингов).

1 – по: Петраускас, Шишкин, 2013, с. 201, рис. 119: 1; 2 – по: Некрасова, 2006, рис. 79: 9;

3, 4 – фото Э. Шульце; 5 – по: Knaut, 1987, рис. 5: 1, 2, 14–19.

Керамика, изготовленная на ручном гончарном круге, в культуре лимигантов

С. Трифунович (Нови-Сад)

Ключевые слова: керамика, ручной гончарный круг, Бачка, Банат, IV в., лимиганты, сарматы.

Керамика, изготовленная на ручном круге, с примесью песка и дресвы в тесте, как правило, украшенная насечками и различными композициям из отпечатков гребенчатого штампа, до недавнего времени традиционно рассматривалась исключительно как раннесредневековая и средневековая. Подобная посуда характерна для славянских памятников Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы.

Территория, которую сегодня некоторые исследователи определяют как ареал культуры лимигантов (Трифунович, 2010), а другие традиционно считают зоной распространения сарматской культуры (Димитријевић, 1975; Dautova-Ruševljan, 1990), в эпоху поздней античности представляла собой равнинное пространство к северу и востоку от Дуная. Здесь обнаружено множество средневековых славянских памятников с упомянутой керамикой. Кроме того, в данном ареале известно большое количество поселений позднеантичного времени, которые до недавнего времени выявлялись исследователями в основном по находкам серой лощеной «сарматской» посуды. Ранее раскопки таких поселений проводились редко, поэтому в музейные коллекции попадал либо подъемный материал, либо предметы, происходящие, например, из зон строительства многочисленных кирпичных заводов, где памятники были уничтожены, а артефакты собирались без учета их археологического контекста.

В последние два десятилетия на очерченной территории проводится все больше археологических раскопок памятников римского времени.

Их коллекции содержат и материалы из закрытых комплексов. В них помимо серой лощеной керамики есть лепные сосуды, преимущественно с примесью шамота в тесте, как правило, очень скромно орнаментированные, а также посуда, изготовленная на ручном гончарном круге, с примесью песка и дресвы, чаще всего украшенная насечками и композициями из отпечатков штампа – гребенчатого или с заостренным концом. Часто встречаются и обломки римских импортных сосудов. Однако хронологию комплексов определяют, прежде всего, изделия из металла, позволяющие получить наиболее точную дату.

На основе анализа находок с памятников, изученных раскопками, был сделан вывод, что керамика, изготовленная на ручном круге, появляется в позднеримское время, после ухода римлян из провинции Дакия, которая располагалась на территории современной Румынии. В более ранней литературе ее ошибочно определяли как средневековую, относя в основном к IX–X, а иногда и к XII в. (Станојев, 1996, с. 90, два фрагмента сосудов в нижнем левом углу; с. 98, горшок в верхнем правом углу; с. 99, горшок в нижнем правом углу). В новых публикациях подобная посуда датируется правильно, что является важным шагом в изучении культурных традиций населения за границами Империи, занимавшего в римское время территорию Паннонской равнины (Vaday, 1997, о. 77–107; 2011a, о. 159–283; 2011b, о. 405–585; Трифуновић, 2000, с. 85, 88, 90, 91, 94; Трифуновић, Пашић, 2001; 2003, с. 277). И все же на такое явление, как наличие у лимигантов

керамики, изготовленной на ручном гончарном круге, необходимо обратить особое внимание, учитывая, что на протяжении более чем ста лет многие характеристики их культуры толковались ошибочно. В результате и сегодня, несмотря на наличие новых данных, некоторые археологи путают указанную керамику со средневековой.

В настоящей работе выборочно публикуются материалы из закрытых комплексов ряда памятников сербской части Баната и Бачки (современная территория Северной Сербии) (рис. 1). Ограниченный объем статьи не позволяет проанализировать эти комплексы полностью. Рассматривается лишь посуда, изготовленная на ручном круге, в ряде случаев – в сочетании с происходящей из тех же объектов лепной и лощеной, сделанной на ножном гончарном круге, что дает читателю возможность получить общее представление о керамических наборах.

Чуруг–Стари-Виногради. Экспедиция Музея Воеводины под руководством Станко Трифуновича проводит систематические охранные раскопки в Чуруге с 1997 г. Их необходимость обусловлена деятельностью на территории памятника кирпичного завода (Трифуновић, Блажић, 2000; Трифуновић, Пашић, 2003; Трифуновић, 2006). На сегодняшний день исследована площадь около 2 га, изучены более 1000 археологических объектов. Памятник многослойный, содержит материалы от эпохи бронзы до XVIII в. Наибольшее количество изученных объектов относится к рубежу эр – к культуре позднелатенского времени. На следующем этапе здесь существует поселение римского периода, с которым также связано значительное количество объектов, около двух сотен. Более поздние материалы представлены разновременными комплексами эпохи Средневековья, к финальному горизонту относятся находки позднетурецкого времени. Объекты римского периода принадлежат, по меньшей мере, двум (а возможно, и более) хронологическим фазам, одна из которых датируется позднеримским временем. Это остатки заглубленных и наземных конструкций жилого и хозяйственного назначения, землянки, наземные дома с подвалами, хозяйственные ямы, кладовые, канавки и т.п. Материалы раскопок опубликованы в серии статей. Для данной работы привлекаются некоторые находки из объектов 155, 157, 381, 437, 479 и 945 (рис. 2: 3–5; 3; цветная вклейка).

Падей-Цигляна. Памятник годами разрушался местным кирпичным заводом. В Национальном музее в Кикинде есть коллекции, включающие подъемный материал и предметы, собранные в

процессе археологических работ в режиме наблюдений. Экспедиция Музея Воеводины под руководством Станко Трифуновича проводила здесь раскопки в 1994–1996, 2005 и 2006 гг. (Трифуновић, 1997, с. 120–122, 133, 134; 2000; Трифуновић, Пашић, 2001). В ходе охранных исследований обнаружены около 100 объектов, относящихся к поселению позднеримского периода, среди которых преобладают заглубленные конструкции жилого и хозяйственного назначения, встречаются также остатки наземных домов с подвалами. На памятнике зафиксированы два больших кургана эпохи энеолита. В одном из них открыты впускные погребения; в целом же могильник более позднего времени выходит за пределы кургана. Ряд захоронений были изучены раскопками, а при исследовании поселенческих объектов установлено, что заглубленные части некоторых из них перерезали могильные ямы. Для настоящего исследования выборочно использована керамика из объектов 76 и 85 (рис. 4: 5; 5; цветная вклейка).

Долов-Цигляна. На протяжении нескольких десятилетий памятник разрушался из-за деятельности местного кирпичного завода, к настоящему моменту не существующего. Находки с этой территории поступали в Национальный музей г. Панчево. Предпринятые музеем охранные работы под руководством Любомира Буквича длились один сезон. Последние несколько лет на памятнике проводились систематические археологические раскопки под руководством Воислава и Елены Джорджевичей. На поселении выделены несколько фаз, датирующихся античной эпохой, а также средневековым периодом (IX–XIII вв.). Исследованы около 70 объектов, относящихся к римскому времени, среди которых наземные и заглубленные конструкции жилого и хозяйственного назначения. К настоящему исследованию привлечена лишь небольшая серия керамики из объекта 23, представляющего собой хозяйственную яму (рис. 4: 1–4; цветная вклейка).

Панчево–Рафинерия. Могильник с 55 погребениями римского времени был исследован в 1980 г. на окраине г. Панчево, на территории нефтеперерабатывающего завода (Batistić-Popadić, 1985). В 2010 г. здесь проведены новые охранные археологические работы экспедицией Управления охраны памятников культуры г. Панчево под руководством Майи Живкович. Изучены несколько позднеантичных объектов, зафиксированы также комплексы доисторического периода. К данному исследованию привлечены два сосуда из объ-

екта 38, представляющего собой хозяйственную яму (рис. 2: 1, 2; цветная вклейка).

Публикуемая в настоящей статье посуда изготавливалась на ручном гончарном круге. К изучаемой группе, однако, отнесены и редкие экземпляры, выполненные на ножном круге. Несмотря на разницу в технологии производства, они по всем признакам аналогичны керамике, изготовленной на ручном круге. В качестве примера можно привести два горшка из Долово (рис. 4: 1, 2; цветная вклейка). Представляется, что сосуды этой группы, сделанные на ножном круге, чаще всего встречаются на территории Восточной Венгрии (Vaday, 1981, о. 34; 2011a, о. 276, Pl. 38: 17, 279; 41: 1–15; 2011b, о. 542, Pl. 34: 1–23; о. 547, Pl. 39: 3, 12, 22; о. 557, Pl. 49: 5, 8). Вся рассматриваемая керамика представляет собой кухонную посуду, следовательно, во время приготовления пищи она подвергалась воздействию огня и высоких температур. В связи с этим в ее тесто добавлялись примеси, благодаря которым она приобретала огнеупорные свойства. Самая частая – песок, мелкий или крупный, есть также мелко раздробленная порода – известняк, иногда слюда. Специальный анализ не проводился, однако невооруженным глазом фиксируется высокое содержание примесей, составляющих иногда, вероятно, до 50% формовочных масс. В тесте одного из горшков из Долово отмечена довольно низкая концентрация песка, однако на поверхности и в изломе наблюдаются более крупные куски дробленого камня. Поверхность сосудов из-за примесей шероховатая. Стенки тоньше, чем у большей части лепной посуды, их толщина может достигать 1 см, а у некоторых образцов она составляет всего несколько миллиметров (рис. 4: 2a; цветная вклейка). Это зависело от гончарного круга, на котором изготавливалась керамика, а также от мастерства гончара.

Форма, наиболее типичная для данной группы изделий, – горшки: они составляют более 99% сосудов. Единичными находками представлены котлы, в исключительных случаях зафиксированы фрагменты мисок и ситечек.

Чаще всего встречаются горшки вытянутой, яйцевидной формы. Место наибольшего расширения тулова расположено на уровне плечиков. Шейка обычно выделена, венчик отогнут наружу, край горизонтально (рис. 2: 4; 4: 1, 2; цветная вклейка), иногда косо (рис. 3: 7; 5: 2, 6; цветная вклейка) срезан. Вытянутая шейка и горизонтально обрезанный венчик – особенности, наиболее четко отличающие сосуды рассматриваемой груп-

пы от средневековых. Однако есть горшки, у которых шейка не сильно выражена, а венчик больше закруглен по краю; в этих случаях отличия от средневековой посуды менее очевидны (рис. 2: 5; 3: 5; 5: 1, 3–5; цветная вклейка), тем более, что у позднеантичных и средневековых изделий близкий состав формовочных масс, а иногда и очень схожий орнамент. Лишь в исключительных случаях горшки не имеют декора. Орнамент чаще всего расположен под шейкой, на плече сосудов (рис. 3: 2, 4, 8; 4: 1, 2; 5: 1, 3–5; цветная вклейка). Встречаются, однако, и экземпляры, украшенные почти по всей поверхности, практически до дна (рис. 2: 4; 3: 1, 5; 4: 5; 5: 2, 6; цветная вклейка). В редких случаях декор наносился по верху венчика, на его отогнутой части.

Котлы имеют цилиндрическую форму, закругленное дно и горизонтальный или слегка отогнутый наружу венчик, диаметр которого превышает диаметр тулова в месте наибольшего расширения. Они снабжены двумя полукруглыми ручками, расположенными вертикально с противоположных сторон и крепящимися к венчику. Круглые отверстия в ручках предназначены для подвешивания сосуда над огнем (рис. 2: 1; цветная вклейка). Изготавливались котлы из такого же теста, что и горшки. С внутренней стороны заметны отпечатки пальцев, образовавшиеся при соединении стенок и закругленного дна. Все известные немногочисленные находки орнаментированы. Больше всего внимания мастера уделяли декорированию венчика, и, реже, ручек. Украшались и отдельные участки тулова, как в верхней части, так и ближе к дну. Публикуемый в настоящей статье котел происходит из Панчево, ручка аналогичного сосуда обнаружена в Долово (рис. 4: 3; цветная вклейка). Необходимо упомянуть уже известный в литературе целый экземпляр, происходящий с поселения Црвенка из окрестностей Вршаца, ошибочно датированный эпохой Средневековья (Станојев, 1996, с. 92; Јанковић М., Јанковић Ј., 1990, с. 85, сл. 20), а также находки ручек подобных изделий на поселениях Калвария в окрестностях Банатски-Карловаца и Мале-Ливаде близ Алибунара (Трифуновић, 2000, с. 88, 90, табл. IV: 21; VI: 1). Примечательно, что котлы отсутствуют в Чуруге и Падее, где изучено большое количество объектов. Конечно, число их находок в целом невелико, однако, учитывая, что они встречены на нескольких памятниках Южного Баната, где не проводились раскопки широкими площадями, можно предположить существование в этом районе производившей их мастерской. Возможны и

другие причины, обусловившие особенности их распространения. Котлы встречаются и на территории Венгрии, следовательно, Южный Банат был не единственным регионом их бытования. Некоторые экземпляры из Венгрии отличаются от находок из Южного Баната формой и характером орнамента. Они могут происходить из другой мастерской, либо отмеченные региональные особенности имеют иное объяснение (Vaday, 1981, о. 31–42; 2011b, о. 540, 549, 574, 577, pl. 32: 17–23; 41: 8, 10; 66: 2; 69: 15).

Столовая посуда среди керамики рассматриваемой группы неизвестна. Фрагмент сосуда из Падея может принадлежать миске или быть частью крышки. Предполагаемая миска имеет коническую форму с расширенным горизонтальным венчиком. Тулово под венчиком орнаментировано (Трифуновић, 2000, с. 91, табл. VII: 21). Из Падея происходит и фрагмент ситечка, изготовленного из теста, аналогичного тому, что использовалось при производстве горшков. Возможно, данное изделие было выполнено без помощи гончарного круга. Судя по сохранившемуся фрагменту, сосуд имел воронкообразную форму и тесно расположенные отверстия круглой формы для сцеживания. Не орнаментирован.

Очень разнообразны украшающие сосуды композиции из насечек и оттисков штампов. Преобладают нанесенные при помощи гребня частые горизонтальные и волнистые линии, нередко в комбинации с косыми отпечатками гребенчатого штампа. Декор, состоящий из зон волнистых линий, очень характерен и для средневековой славянской керамики. Признак, отличающий позднеантичную посуду от средневековой, – часто встречающиеся ломаные линии с острыми углами (рис. 3: 7; 4: 5; 5: 6; цветная вклейка). Реже попадаются экземпляры, декор которых ничем не отличается от декора средневековых сосудов; точная атрибуция фрагментов такой керамики вне комплексов затруднена (рис. 3: 2, 3; 5: 1, 5; цветная вклейка). Иногда орнаментальные полосы образуют зигзаги (рис. 3: 4; цветная вклейка) или фигуры, напоминающие гирлянды (рис. 5: 2; цветная вклейка). Чаще всего два или три участка декора располагаются на плечике горшка (рис. 3: 2, 4; 4: 1, 2; 5: 1; цветная вклейка), хотя есть и более редкие примеры нанесения такого орнамента на все тулово в несколько рядов (рис. 4: 5; 5: 6; цветная вклейка). Косые отпечатки гребенчатого штампа могут быть расположены в один (рис. 3: 5, 6, 8; цветная вклейка) или два ряда, при этом композиция напоминает рыбу кость (рис. 2: 5;

цветная вклейка). Значительно реже встречаются одиночные линии, часто неглубокие (рис. 2: 1, 5; цветная вклейка), распределенные по верхней половине или даже по всей поверхности тулова горшка (рис. 2: 4; 3: 1, 5; цветная вклейка). Орнамент может быть нанесен заостренным инструментом треугольного сечения, на сосудах встречаются горизонтальные ряды таких отпечатков (рис. 3: 7; цветная вклейка). Уникален декор, состоящий из размещенных по кругу оттисков инструмента с зазубренным краем, имеющего круглое сечение. Получившиеся мелкие углубления напоминают цветки (рис. 3: 1; цветная вклейка).

Даже без детального анализа рассматриваемой керамики, учитывая небольшую разницу в тесте, формах и орнаментальных композициях, можно предположить существование нескольких центров ее производства. На сегодня опубликованы материалы двух мастерских по изготовлению керамической посуды римского времени на территории «паннонского Барбарикума»: одна изучена в сербской части Баната, в окрестностях Вршаца (Рашајски, 1957, с. 39–56), вторая – в румынской его части, близ Грэдинари (Voza, 1990, p. 147–186). Из публикаций, однако, создается впечатление, что в данных мастерских найдена только лощеная керамика, изготовленная на ножном круге. Отсутствие посуды, изготовленной на ручном круге, кажется, позволяет предположить, что она могла обжигаться на открытом огне, а не в гончарной печи. Однако это только предположение. Вопрос, производилась ли серая лощеная керамика и посуда на ручном круге в одних и тех же мастерских, или указанные производства были разделены, остается открытым. Можно было бы поставить аналогичный вопрос и в отношении лепных сосудов, но его рассмотрение выходит за рамки настоящего исследования. Судя по известным сегодня находкам, посуда описываемой группы, изготовленная на ручном, и, реже, ножном круге, получила распространение на «варварской» территории Паннонской равнины за пределами Римской империи; с юга и запада ее ареал ограничен Дунаем, точнее, границей с Империей, а с севера и востока – Карпатами. Другими словами, он охватывает Банат и Бачку в Сербии, равнинную часть румынского Баната и Восточную Венгрию.

Наиболее близкие аналогии интересующей нас керамики, также позднеимперского времени, известны к югу от Дуная, в окрестностях современных сербских городов Пожаревац и Чачак. Изделия из района Пожареваца произведены на ручном круге, они сходны с сосудами с «варварской» террито-

рии по форме и составу формовочных масс, а отчасти и по орнаменту (Янкович, 2012, с. 481, рис. 10Г). К сожалению, они обнаружены в выбросах из каких-то уничтоженных объектов, их контекст условно определяет происходящая оттуда же римская керамика. Находки из Чачака представлены горшками из захоронений позднеантичного некрополя (Дмитровић, Радичевић, 2009). Сходство этих сосудов, использованных в качестве урн, с посудой, известной к северу от Дуная, ограничивается использованием при их производстве ручного круга и примесью песка в тесте. В культурах римского времени на соседних территориях подобная керамика не встречается. Насколько мне известно, изделия, изготовленные на ручном круге, появляются в Восточной Европе в эпоху Средневековья. Немногочисленные экземпляры, напоминающие публикуемые в данной работе, прежде всего способами нанесения орнамента и его композицией, происходят, судя по публикации, с территории Польши, где они относятся к поздней фазе пшеворской культуры (Dobrzanska, 1990). Детальный сравнительный анализ материала, однако, не проводился, в связи с чем вопрос о степени сходства находок из Польши и сосудов изучаемой группы остается открытым.

Вместе с проблемой ареала рассматриваемой керамики и ее аналогий в других регионах логично обозначить и проблему ее происхождения. Она не находит однозначного решения на настоящем этапе исследования, но необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Кухонная посуда местных культур раннего железного века, отождествляемых с паннонцами и даками, была лепной. В качестве основной примеси использовался шамот, реже встречается песок, или, точнее, сильно измельченная порода. Это важная технологическая особенность, отличающая сосуды данного круга от продукции гончарного ремесла, принесенного кельтами, для которой характерны иные способ изготовления и примеси. Местной традиции присуща орнаментация посуды несколькими рядами волнистых и наклонных линий, а также одиночными волнистыми линиями, как и использование других описанных выше типов декора (Brukner, 1981, tab. III: 4, 6, 7; Брукнер, 1987, s. 149, 153, 169, tab. 13: 4; 17: 1, 8; 33: 1–14; 1995, s. 115, 130, tab. V: 45, 50; XX: 205; Dautova-Ruševljan, Brukner, 1992, s. 53–55, tab. 19: 122–124; 20: 139; 21: 130). Эта традиция была распространена на обоих берегах Дуная, хронологически ее можно проследить с раннего железного века; форма несколько отличалась, однако осно-

ва та же (Medović, 1988, s. 11, 45, 104, 133, 190, 254, 410, sl. 28: 3, 12; 83: 1, 2; 87: 2; 119: 3; 172: 3; 229: 3; 322: 1–12). С другой стороны, некоторые орнаментальные мотивы будто скопированы с образцов славянской керамики эпохи раннего Средневековья на Западных Балканах и в Южной Паннонии (рис. 3: 2–4, 7; 5: 2, 5, 6; цветная вклейка) (Bekić, 2016, s. 226, 232, 233, 251, 262, 268, 270, tab. 13: 1; 19: 1, 2; 20: 1; 38: 1, 4; 49: 4; 55: 6; 57: 1).

Согласно имеющимся на сегодня данным, все сосуды, изготовленные на ручном круге, на очерченной территории Барбарикума происходят с поселений, занимающих большие площади: они встречаются в таких объектах, как полуземлянки, землянки, наземные постройки, хозяйственные ямы, печи и т.п. Примеры их помещения в захоронения неизвестны. Единственное исключение составляет находка из Калвари (Банатски-Карловац), где при раскопках в зоне работ кирпичного завода была частично исследована землянка позднеримского времени. В уже не использующуюся, заброшенную землянку положили покойницу в необычном положении – скорченно на спине. В верхней части заполнения этой импровизированной могилы были зафиксированы все фрагменты от двух горшков (Трифуновић, 2000, с. 66, 67, 90, табл. VI). Создается впечатление, что они были разбиты в момент совершения захоронения; данную находку можно также интерпретировать как следы тризны на могиле. Горшки обладают всеми признаками, характеризующими керамику, рассматриваемую в настоящей статье.

В более раннем горизонте поселений римского времени в Бачке и Банате посуда, изготовленная на ручном гончарном круге, не встречается. Закрытые комплексы содержат серую лощеную керамику, произведенную на ножном круге, и лепную с примесью шамота в тесте. Чаше, чем в более ранний период, отмечаются импортные римские сосуды. Хронологические рамки данной фазы можно определить как конец II – III в. (Трифуновић, Пашић, 2003, с. 274; Пашић, 2015, с. 48–73; 2016, с. 7–30). И хотя точно установить время, когда начинается изготовление керамики на ручном круге, по имеющимся сегодня данным нельзя, можно говорить о ее появлении не позже середины IV в., когда она уже достоверно известна. Прямые подтверждения существования таких сосудов в первой половине IV в. отсутствуют, но это не означает, что в указанный период их не было. Создается впечатление, что интересующая нас посуда появляется внезапно, в один момент, хотя ее количество в закрытых комплексах суще-

ственно ниже, чем лепной или изготовленной на ножном круге, не считая импортной римской. В качестве примера можно привести поселение в Баранде (Трифуновић, 2000, с. 85, 86, табл. I, II). Для того, чтобы понять, возрастает ли ее доля со временем, не хватает статистических данных и узко датированных закрытых комплексов, однако ясно, что в конце IV в. и, определенно, в начале V в. керамики, выполненной на ручном круге, значительно больше, чем в середине IV в.

Выделение ранней и поздней фаз на поселениях вышеупомянутого круга основано, прежде всего, на хронологии форм серых лощеных сосудов, а также на немногочисленных находках металлических предметов. Некоторые разновидности серой лощеной керамики остаются неизменными в течение всего периода римских влияний, однако на поздней фазе появляется посуда с гранями, имитирующая металлическую, а лощеный орнамент на ней становится более богатым и сложным (Трифуновић, 2000, с. 92, табл. VIII: 14, 21, 25; Трифуновић, Пашић, 2003, с. 276, сл. 10). Существуют закрытые комплексы, в которых количество керамики, изготовленной на ручном круге, превышает число лепной, например, в объекте 76 на поселении Цигляна в окрестностях Падея (рис. 4: 5; 5; цветная вклейка). В некоторых комплексах лепные изделия отсутствуют, но в них мало и изготовленной на круге посуды, поэтому неясно, является ли данная ситуация неслучайной. Можно, однако, с уверенностью говорить, что на поздней фазе сосуды, произведенные на ручном круге, используются значительно шире,

чем лепные, хотя последние известны вплоть до финала рассматриваемой культуры.

Керамика, изготовленная на ручном круге, происходит исключительно с поселений. На некоторых из них фиксируется слой пожара. По всем имеющимся данным он увязывается с войной 359 г., описанной Аммианом Марцеллином. В связи с этим можно заключить, что интересующую нас посуду использовало оседлое население, называемое Аммианом сарматами-лимигантами, т.е. рабами (Ammiani Marcellini, 1958, с. 116–190; Амијан Марцелин, 1998). С археологической точки зрения данный вид керамики – одна из важных характеристик культуры лимигантов. По своим особенностям и контексту, из которого она происходит, она никак не может быть связана с культурой «этнических» сарматов, которых античные письменные источники называют свободными сарматами. Соотнесение ее с этим населением столь же ошибочно, как ошибочно было ранее ее определение как средневековой. Дальнейшие исследования керамики, изготовленной на ручном круге, должны быть направлены на уточнение времени ее появления и длительности бытования, выявление региональных различий и возможных мест производства (мастерских), а также более точное определение ее ареала и культурного контекста. Необходимым условием для решения перечисленных задач является разработка типологии и статистическая обработка такой керамики на всей территории ее распространения, что позволит получить более точные и обоснованные выводы.

Литература

Амијан Марцелин, 1998. Историја / Пер. на серб. М. Милин; ур. Ч. Мирковић, М. Станисавац. Београд: ИП Просвета а.д. 599 с.

Брукнер О., 1987. Импортвана и панонска керамичка продукција са аспекта друштвено-економских промена // Почеци романизације у југоисточном делу провинције Паноније / Ур. М. Стојанов. Нови Сад: Матица српска (Одељење за друштвене науке). С. 25–44, 72–83, 141–171.

Брукнер О., 1995. Домородачка насеља // Археолошка истраживања дуж аутопута кроз Срем / Ур. З. Вапа. Нови Сад: Покрајински завод за заштиту споменика културе. С. 91–136.

Димитријевић Д., 1975. Сармати и Римљани // Шајкашка (историја) 1 / Ур. С. Гавриловић. Нови Сад: Матица српска и Војвођански музеј. С. 34–67.

Дмитровић К., Радичевић Д., 2009. Касноантичка некропола у Чачку (каталог изложбе Народног музеја у Чачку) / Ур. Д. Рајић. Чачак: Народни музеј Чачак. 83 с.

Јанковић М., Јанковић Ђ., 1990. Словени у југословенском Подунављу (каталог изложбе Музеја града Београда). Београд: Музеј града Београда. 152 с.

Пашић И., 2015. Насеље из античког периода у околини Шајкаша // Грађа за проучавање

споменика културе Војводине. № XXVIII. С. 48–73.

Пашић И., 2016. Насеље из II века н.е. у Бачкој // Грађа за проучавање споменика културе Војводине. № XXIX. С. 7–30.

Рашајски Р., 1957. Сарматска гончарска радионица из Црвенке крај Вршца // ПБМ. № 6. С. 39–56.

Станојев Н., 1996. Средњовековна насеља у Војводини / Ур. М. Кумовић, Ј. Петровић. Нови Сад: Музеј Војводине. 159 с.

Трифунович С., 2010. Позднеантичне споменици на територији Бачки и Баната: сродство и везе с черняховском културом // Лесна и лесостепна зона Источне Европе у епохи римских утицаја и Великог пресељења народа. Конференција 2. Ч. 2 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поље». С. 158–180.

Трифуновић С., 1997. Археолошка истраживања словенских насеља у северној Бачкој и северном Банату // ПБМ. № 39. С. 113–135.

Трифуновић С., 2000. Насеља Лимиганата и Словена у Банату и Бачкој // Гласник САД. № 15–16. С. 43–106.

Трифуновић С., 2006. Чуруг – археолошко налазиште «Стари виногради» [електронски ресурс]. Нови Сад: Музеј Војводине, ТИА Јанус, Пројекат Растко. CD.

Трифуновић С., Блажић С., 2000. Стари виногради – археолошко благо Чуруга (каталог изложбе Музеја Војводине). Чуруг: Музеј Војводине. 4 с.

Трифуновић С., Пашић И., 2001. Лимиганте – зачетак археологије (каталог изложбе Музеја Војводине). Чуруг: Музеј Војводине. 4 с.

Трифуновић С., Пашић И., 2003. Стари виногради у Чуругу – вишеслојно археолошко налазиште // Гласник САД. № 19. С. 263–290.

Јанковић Д.Ж., 2012. Нероманизиранне ил-лиријци и славјани // Лесна и лесостепна зона Источне Европе у епохи римских утицаја и Великог пресељења народа. Конференција 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поље». С. 464–481.

Ammiani Marcellini, 1958. Rerum gestarum libri, Berolini 1910–1915 (Латински извори за

Българската история. Вып. I) / Ред. Б. Геров. Софја: Институт за българска история. С. 116–190.

Batistić-Popadić D., 1985. Sarmatska nekropola Vojlovica–Pančevo // ПБМ. № 29. С. 59–83.

Bekić L., 2016. Rani srednji vijek između Panonije i Jadrana (Ranoslavenski keramički i ostali arheološki nalazi od 6. do 8. stoljeća) (Monografije i katalozi. 27). Pula: Arheološki muzej Istre. 298 s.

Bozu O., 1990. Așezarea Daco-Romana de la Grădinari – „Șaliște“ (jud. Caraș-Severin) // Banatica. X. P. 147–186.

Brukner O., 1981. Rimska keramika u jugoslovenskom delu provincije Donje Panonije (Dissertationes et monographiae. XXIV) / Red. M. Garašanin. Beograd: Pokrajinski zavod za zaštitu spomenika kulture SAP Vojvodine i Savez arheoloških društava Jugoslavije. 194 s.

Dautova-Ruševljan V., 1990. Dosadašnji rezultati istraživanja i problemi pri proučavanju sarmatske kulture u Vojvodini // ПБМ. № 32. С. 81–94.

Dautova-Ruševljan V., Brukner O., 1992. Gornolava 3 – Rimski period / Ur. L. Cerović, V. Šiška. Novi Sad: Vojvođanski muzej i „Š Panonija Komerc“. 224 s.

Dobrzanska H., 1990. Osada z poznego okresu rzymskiego w Igołomi, woj. Krakówskie. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk; Łódz: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. 179 s.

Medović P., 1988. Kalakača, naselje ranog gvozdenog doba (Posebna izdanja. X). Novi Sad: Vojvođanski muzej. 480 s.

Vaday A., 1981. Késő szarmata agyagbográcsok az alföldön // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. 80/1 (1980) O. 31–42.

Vaday A., 1997. Atipikus szarmata telepjelensége Kompolt-Kistéri Tanya 15. lelőhelyén // Agria. XXXIII. O. 77–107.

Vaday A., 2011a. Settlement details from the Sarmatian period // Archaeological investigations in county Békés 1986–1992 (Varia archaeologica Hungarica. XXV) / Ed. C. Bálint. Budapest: Archaeolingua. O. 159–283.

Vaday A., 2011b. Late Sarmatian settlement at ÖRM0052 // Archaeological investigations in county Békés 1986–1992 (Varia archaeologica Hungarica. XXV) / Ed. C. Bálint. Budapest: Archaeolingua. O. 405–585.

Pottery made on a hand-rotated wheel in the culture of the Limigantes

S. Trifunovich (Novi Sad)

Key words: pottery, hand-rotated wheel, Bačka, Banat, 4th c., Limigantes, Sarmatians.

The paper presents selectively finds of vessels made on a hand-rotated wheel which are originated from the Serbian part of Banat and Bačka. The main part of them is represented by pots, or sometimes cauldrons, or very rarely fragments of bowls and sieves. The prevailing ornamental motives are zones of horizontal and wave like lines made with a comb often combined with a shelf of oblique prints made by a comb like stamp. The pottery made on a hand-rotated wheel appeared in the 4th c. There is no such pottery in the earlier horizon of Roman period settlements on the territory of Bačka and Banat. To the late 4th c. and definitely to the early 5th c. the amount of such kind of ceramics had been increased in comparison with the mid-4th c. From the archaeological point of view this kind of pottery is one of the most important features of the Limigantes culture. It cannot be connected with the culture of ethnical Sarmatians who were called free Sarmatians in ancient written sources.

Translated by I. Grigoryan

Рис. 1. Некоторые позднеантичные памятники Баната и Бачки.

1 – Чуруг–Стари-Виногради; 2 – Падей–Цигляна; 3 – Долово–Цигляна; 4 – Панчево–Рафинерия.

Погребения с мордовскими подвесками в рязано-окских могильниках

И.В. Белоцерковская (Москва)

Ключевые слова: позднееримский период, Средняя Ока, рязано-окские финны, древняя мордва, могильники, погребения, культурные связи, височные подвески, гривны «азелинского» типа.

Проблемы формирования культуры рязано-окских финнов в позднееримский период неоднократно рассматривались в литературе. К настоящему времени сложилось представление о синкретичном характере этого образования, особенно на первых этапах его сложения. Ряд составляющих погребального мужского и женского инвентаря указывают на существование в разные периоды его ранней истории разносторонних связей с многочисленными культурными группами – от населения Прибалтики, Подонья и Прикамья до черняховской, мощинской, позднедьяковской (в москворецком варианте) культур, а также поздних сарматов лесостепной полосы (Ефименко, 1926, с. 61–62, 74, 80–84; Ахмедов и др., 2007, с. 133–275; Белоцерковская, Ахмедов, 2009, с. 287–296). Характер этих связей на каждом хронологическом этапе требует дальнейшей детальной разработки.

Взаимодействие окских финнов с ближайшими восточными соседями, этнически родственными древнемордовскими племенами, привлекало внимание исследователей в основном с точки зрения этногенеза последних при анализе групп материалов, характерных, в первую очередь, для Средней Оки либо прилегающих к ней западных и северо-западных территорий. Так, М.Р. Полесских в свое время полагал, что некоторые пензенские могильники (Селикса-Трофимовский, Тезиковский, Степановский) оставлены смешанным с выходцами из низовьев Мокши населением¹, которое он, в конечном счете, считал рязано-окским (Полесских, 1974, с. 19–21). Иначе рассматривает это явление В.В. Гришаков при анализе

некоторых категорий погребального инвентаря в мордовских памятниках: керамики (Гришаков, 1993, с. 108–111), бантиковидных накладок, ранних форм височных колец с лопастью (Гришаков, 2003, с. 20–24), проушных топоров, ажурных литых застежек, украшений с выемчатыми эмальями (Гришаков, 2011, с. 55–60). Возникновение древностей селикса-трофимовского типа первой половины IV в. он связывает с позднепьяноборско-азелинским влиянием, которое было отмечено рядом его предшественников (Полесских, 1974, с. 19). Позже, в середине IV в., по мнению исследователя, в Примокшанье произошла инфильтрация группы носителей восточнобалтских традиций, которые, возможно, либо вовлекли в свое передвижение какую-то часть рязано-окского населения, либо прожили некоторое время в его среде (Гришаков, 2008а, с. 100–101; 2011, с. 59).

Обратное направление влияния древнемордовского населения на культуру окских финнов пока остается за пределами интересов исследователей. Но известно, что еще в 1926 г. П.П. Ефименко обратил внимание на одну не обычную для носителей культуры окских финнов находку. В погребении 36 раскопанной им части Шатрищенского могильника (р. Ока) была найдена «головная подвеска в виде гранчатого грузика на проволочном изогнутом стерженьке. В ней можно видеть древнейшую разновидность той височной подвески с грузиком, которая так обычна в Тамбовских могильниках» (Ефименко, 1926, с. 81)². К настоящему времени в бассейне Средней Оке известны три такие находки.

¹ Культура этого населения представлена древностями Кошибеевского и Польно-Ялтуновского могильников.

² Речь шла о среднепьяноборско-азелинских мордовских могильниках более позднего времени.

Шатрищенский могильник, погребение 36. Женское захоронение совершено на дне подпрямоугольной ямы размерами 2,4 м × 0,7 м, ориентировано головой на запад. Подвеска на тонкопроволочном, круглом в сечении стержне, с согнутым и обломанным верхним концом. Грузик бипирамидальный, высотой 1,4 см; основания пирамидок квадратные, со слегка скругленными углами, размерами 0,9 × 0,9 см; длина стержня около 1,8 см. Общая длина сохранившейся части привески 3,2 см. Проволочная обмотка сохранилась только в нижней части стержня. Подвеска найдена справа от головы погребенной (рис. 1: 4).

Сопровождающий инвентарь: круглопроволочная, немного утончающаяся к концам гривна с маленьким раскованным круглым щитком, имеющим отверстие в центре, на одном конце и крючком из обрубленной проволоки, расположенным перпендикулярно плоскости гривны, на другом (рис. 1: 2). Другая, такая же круглопроволочная гривна на одном конце имеет крупный подпрямоугольный раскованный щиток с отверстием у одной короткой грани и чеканным орнаментом в виде полушарной «жемчужины», окруженной точечными вдавлениями, у другой. Размеры щитка – 1,5 × 3 см. Второй конец, как и в первом случае, в виде крючка (рис. 1: 3).

Дротовая пряжка овальной формы, с небольшим утолщением в передней части рамки. Прогнутый короткий язычок с прямоугольной площадкой, орнаментированной у основания крестом (рис. 1: 5). Размеры рамки 1,6 × 2,3 см. В дневнике раскопок П.П. Ефименко на прорисовке без масштаба у этой пряжки показана подпрямоугольная пластинчатая обойма с полосой мелкого «жемчужного» орнамента вдоль длинных сторон (рис. 1: 1) (Ефименко, 1920).

Две застежки-сюльгамы округлой формы изготовлены из довольно широкой пластины (0,4–0,5 см). У одной из них сохранившийся конец по отношению к основной части изделия заметно заужен и свернут в спираль. Внешний край рамки украшен насечками (рис. 1: 6). У второй сюльгамы сужение пластины на концах выражено не так заметно, на обоих краях рамки, внешнем и внутреннем, насечки (рис. 1: 7).

Справа от головы погребенной был поставлен неорнаментированный горшок с плоским дном без закраины, высокими выступающими плечиками и слегка отогнутой шейкой (рис. 1: 8). Рядом находились остатки ожерелья или обшивки головного убора из бус и описанная выше пряжка.

Шатрищенский могильник, мыс 1, погребение 116. По описанию Т.А. Кравченко, это «типично мордовская височная привеска – спиральная³ с бипирамидальным слегка округлым грузиком» (Кравченко, 1974, с. 134). Найдена у правого виска погребенной, лежавшей на дне могилы размерами 2,2 × 0,78 м и ориентированной головой на северо-запад (Кравченко, 1974, с. 163, рис. 27: III; 29).

При погребенной были две проволочные гривны, судя по фото (Кравченко, 1974, рис. 29), описанного выше вида – с раскованным щитком и крючком, «нагрудная бляха с многолопастными ответвлениями», «ажурная бляха с шумящими подвесками», сюльгамы, «маленький спиральный перстенок», золотостеклянные бусы, в ногах – горшок и пряслице (Кравченко, 1974, с. 163, рис. 14: 9, 12; 29, 32)⁴. Ажурная бляха – это застежка с лапчатыми привесками серии 1Б (Белоцерковская, 1999, с. 169, рис. 1: 13), которые, как правило, дополняли головной убор (пример – рис. 3: 6).

Нагрудная бляха, судя по схематичному рисунку (Кравченко, 1974, рис. 14: 9), – округлая с округлым же вырезом в центре, окаймленным полосой ложноплетеного орнамента, от которой отходят 16 секировидных лопастей. Она пристегивалась к одежде при помощи напущенного на основу язычка (подобная – рис. 3: 3).

Могильник Заречье (р. Проня), погребение 131. Яма подтрапециевидной формы размерами 2,34 × 0,57–0,69 м. Женское погребение на дне ямы ориентировано головой на восток; оно потревожено многочисленными кротовинами. Сохранились тлен черепа, фрагменты ребра и тазовой кости. Подвеска с грузиком находилась не на своем первоначальном месте, а слева от груди (?) погребенной. Проволочный стержень обмотан трехгранной в сечении проволокой, его верхняя часть, возможно, была загнута в петлю⁵. Грузик бипирамидальный, высотой 1,05 см; размеры подпрямоугольных со скругленными углами оснований пирамидок 0,7 × 0,9 см, длина стержня 3 см. Общая длина подвески 4,6 см (рис. 2: 3).

На погребенной был головной убор, расширенный золотостеклянным бисером и мелкими бусами красного глухого стекла; очень крупные бусы

³ Имеется в виду спиральное завершение верхней части проволочного стержня (Кравченко, 1974, с. 163).

⁴ В тексте указана еще одна «серповидная бронзовая гривна», но это очевидная ошибка – на схеме погребения и на фото (Кравченко, 1974, рис. 27: III, 29) зафиксированы только две гривны – обе проволочные.

⁵ Завершение стержня сильно корродировано.

непрозрачного стекла относятся, вероятно, к ожерелью. У головы лежали сосуд (рис. 2: 6) и железное шило; в области груди – пряслице, сюльгама (рис. 2: 4, 7); на пальцах обеих рук – по два спиральных перстня (рис. 2: 1). Судя по коронкам зубов и диаметрам двух перстней (1,5 см), возраст погребенной девушки составлял от 15 до 21 года.

В области шеи и груди находились две однотипные гривны – круглопроволочные с небольшим утолщением в срединной части, концы обмотаны трехгранной в сечении проволокой; замок в виде раскованного ромбовидного щитка с отверстием в центре и крючка, расположенного перпендикулярно плоскости гривны (рис. 2: 2). Третья гривна – «азелинского» типа: массивная, из прямоугольного в сечении дрота с незамкнутыми прямо обрубленными концами, орнаментирована фасетками, чеканным орнаментом и прямыми короткими линиями, перпендикулярными ее окружности (рис. 2: 5).

Округлая пластинчатая сюльгама (рис. 2: 4) с заметно сужающимися концами – того же вида, что и в погребении 36 могильника Шатрищи.

Рассмотренные комплексы имеют ряд общих черт – сопровождение погребений сосудом, в двух случаях помещенным у головы погребенной; наличие только одной височной подвески; присутствие ряда категорий женских украшений, характерных, в том числе, и для древнемордовских погребальных памятников.

Женские захоронения окского населения сопровождалась сосудами в основной своей массе только до начала периода 3 развития женского костюма, т.е. по начало V в. В связи с этим можно полагать, что рассмотренные погребения были совершены до этого условного рубежа. Уточнение их хронологии затруднено традиционностью входивших в состав костюма элементов, наименее подверженных изменчивости во времени. Более надежной кажется датировка однотипных украшений при наличии соответствующих хроноиндикаторов в составе мужского погребального инвентаря. Однако в качестве жертвенных комплексов в мужские погребения иногда помещали явно пережившие свое время формы женских украшений.

Гривны из гладкой проволоки с небольшим округлым или ромбовидным щитком (Шатрищи, погребение 36) встречаются в рязано-окских древностях на протяжении всего IV – начала V в. (Белоцерковская, 2007, с. 150, 192, табл. 2, рис. 7: 30, 31). В погребальных комплексах они сочетаются с простыми литыми трехлопастными под-

весками к накосякам, не имеющими концевых привесок (Заречье, погребение 107), период бытования которых определяется тем же временем (Белоцерковская, 2007, с. 200, рис. 7: 10; 2010а, с. 198, рис. 11–13). В ряде захоронений последней четверти IV – первой трети V в. (Белоцерковская, 2010б, с. 76–78) они найдены вместе с ранними формами гривен «с коробкой»⁶ небольшого диаметра. В наиболее поздних комплексах такие гривны сочетаются с круглодротовыми браслетами с антропоморфно-зооморфными или хорошо проработанными изображениями головок змеи (?) на концах, получившими широкое распространение уже в период 3 развития женского инвентаря окских финнов – с V в. (Белоцерковская, 2007, с. 195–196, 200, табл. 2)⁷. В погребении 33 этого времени в Заречье зафиксированы даже пятилопастные привески к накосякам развитого вида.

Гривны с крупными раскованными орнаментированными щитками подпрямоугольной формы в среднеокских могильниках представлены всего несколькими экземплярами⁸. Мужское погребение 91 с крестовидной фибулой раннего типа в Борковском могильнике (Спицын, 1901, с. 84, табл. X: 6) отнесено к периоду 3А хронологии мужского инвентаря окских финнов, синхронного центральноевропейскому периоду D1 (Ахмедов, 2007, с. 151, табл. 2). В целом гривны с подпрямоугольными, как и с крупными округлыми щитками⁹ (рис. 3: 2) бытовали в рязано-окской среде предположительно до появления и в начальный период развития гривен с коробками, т.е. в последней четверти IV – первых десятилетиях V в. (Белоцерковская, 2010б, с. 83).

Круглопроволочные гривны с обмотанными проволокой концами и замком в виде раскованного ромбовидного щитка и крючка (Заречье, погребение 131) у окских финнов бытовали преимущественно в период 2а развития женского костюма (Белоцерковская, 2007, с. 192, рис. 7: 32), т.е. в конце III – первой трети или середине IV в. В мужских комплексах они появляются на рубеже III–IV вв. и бытуют, включая третью четверть IV в. (Ахмедов, 2007, с. 142, рис. 7: 10, 13: 7, табл. 1).

⁶ Кораблино, погребение 5, Борок 2, комплекс 222 (разрушенное погребение, добранное А.Н. и А.П. Гавриловыми, в составе комплекса есть вещи, случайно попавшие из других погребений).

⁷ Кораблино, погребения 46, 83; Заречье, погребение 33, Кошибеево, погребение 108 (раскопки А.А. Спицына).

⁸ Шатрищи, погребение 21 (раскопки П.П. Ефименко); Борковский могильник, погребение 91 (Спицын, 1901, с. 84).

⁹ Заречье, погребения 62, 63, Борковский могильник, погребение 107.

Массивные гривны «азелинского» типа из прямоугольного в сечении дрота хорошо известны в окских могильниках¹⁰. В вятских памятниках, с которыми связывают происхождение этого вида украшений, они датируются IV в. (Генинг, 1963, табл. III: 8; Лещинская, 1995, с. 91, рис. 9: 10, 12; 2014, табл. 91: 6). Подобные гривны известны и в женских погребениях Селиксенского (Полесских, 1962, рис. 6: 2) и других раннемордовских могильников группы 3 (Гришаков, 2008б, с. 104, рис. 13: 3), где для них характерны приостренные концы. Комплексы этой группы в настоящее время относят к первой половине IV в. (Гришаков, 2008б, с. 106)¹¹.

В рязано-окских памятниках мужской комплекс 116Б в Заречье, содержащий такую гривну, отнесен к периоду 2В второй половины III – первых десятилетий IV в.¹² (Ахмедов, 2007, с. 150, табл. 1); женские погребения имеют более широкую дату: конец III – первая треть или первая половина IV в. (Белоцерковская, 2007, рис. 8: 15).

Период широкого распространения на Средней Оке ажурных застезек с привесками серии 1Б, к которой относится находка из погребения 116 Шатрищенского могильника, был в свое время определен концом III – началом IV в. Но отдельные экземпляры могли бытовать и несколько позже, возможно, до середины IV в. Об этом свидетельствует необычное местоположение застезки в рассматриваемом захоронении – на груди погребенной, куда обычно помещали такие же украшения, но без концевых привесок. В этом комплексе отсутствует и головной убор с дисковидной бляхой, и нагрудная ажурная застезка без привесок. Похоже, какое-то время рассматриваемое украшение хранилось в семье, и назначение ее со временем было забыто.

Массивные бляхи с трапециевидными или секировидными лопастями хорошо известны в среднеокских¹³ и мордовских памятниках (Гришаков, 2008б, с. 101, рис. 14: 4; 19: 3). Количество лопастей, декор и оформление внутренней части их рамок различны. Чаще всего это очень крупная массивная, трехгранная в сечении или пластинча-

тая скульгама с завернутыми в спираль концами, с гладкой или орнаментированной рамкой, количество лопастей варьирует от 11 до 18 (рис. 3: 3).

Любопытно, что в могильнике Большое Давыдовское II в Суздальском Ополе, оставленном, очевидно, группой рязано-окского населения, мигрировавшего сюда около второй половины III – начала IV в., на массивной бляхе, имеющей трехгранную в сечении рамку с несомкнутыми концами, было всего 5 трапециевидных лопастей, расположенных на большом расстоянии друг от друга (Зайцева, 2011, рис. 4: 9). Из этого же памятника происходит один из вероятных прототипов подобных застезек – подковообразная фибула, также с трехгранным сечением обода, с округлыми дисками на концах, на которые нанесен крестовидный (эмалевый) узор, и тремя отлитыми вместе с фибулой секировидными выступами-лопастями, имитирующими привески с петлями (Макаров, 2010, с. 73, рис. 10). И.Р. Ахмедов относит ее к поздней разновидности фибул с эмалью и связывает подобные находки с влиянием мощинской культуры (Ахмедов, в печати, рис. 5: 16; 7: 15).

В мордовских древностях многолопастные бляхи датируют IV – первой половиной V в. (Гришаков, 2008б, с. 106, 113). Со временем эти застезки на Средней Оке, как и у населения мордвы, трансформировались в пластинчатые нагрудные бляхи с круглым вырезом в центре и вырезами разных конфигураций на плоскости (рис. 3: 9). Время максимального распространения многолопастных блях у окских финнов приходится на конец периода 2а – период 2б развития женского костюма, т.е. на середину IV – начало V в. (Белоцерковская, 2007, с. 200, рис. 8: 42). Погребение 72 в Кораблино с двумя многолопастными бляхами И.Р. Ахмедов относит к периоду 2С, т.е. ко второй – третьей четвертям IV в. (Ахмедов, 2007, схема 2: 35). Но судя по взаимовстречаемости этих украшений с литыми трехлопастными привесками простых форм¹⁴, время бытования этих блях несколько шире – весь IV в. без его начальных десятилетий (Белоцерковская, 2007, рис. 7: 10; 8: 8).

Рассмотренная выше овальная пряжка с коротким прогнутым язычком, имеющим декорированную крестом прямоугольную площадку у основания, близка одному из экземпляров из комплекса 75 могильника Кораблино (Ахмедов, 2007, с. 143, рис. 15: 16, табл. 1) периода 2С по И.Р. Ахмедову (вторая – третья четверти IV в.). Очень похожая

¹⁰ Шатрищи, погребения 11, 28 (раскопки П.П. Ефименко); Кораблино, погребение 33а, Заречье, погребение 116Б.

¹¹ Судя по экземплярам из окских комплексов, орнаментальные композиции на этих гривнах нестандартны, хотя и образованы одинаковыми элементами.

¹² Дата периода 2С, а соответственно и верхняя дата предшествовавшего ему периода 2В уточнены в одной из последних работ (Ахмедов, Воронцов, 2012, с. 16).

¹³ Шатрищи, погребение 13 (раскопки П.П. Ефименко), Кораблино, погребения 6а, 72, Заречье, погребения 110, 134, Кузминский могильник, погребение 2 и др.

¹⁴ Заречье, погребение 110.

пряжка, но с более массивными округлой рамкой и язычком вместе с гривной «азелинского» типа происходят из детского погребения 33а в Кораблино (рис. 3: 5).

Пластинчатые округлые сюльгамы с зауженными и свернутыми в спираль концами из погребений 36 могильника Шатрищи и 131 в Заречье относятся к серии Б1Б пластинчатых застежек, время их максимального распространения на Средней Оке приходится в основном на IV в. без его начальных десятилетий (Белоцерковская, 2015, с. 113).

Сосуд из погребения 36 Шатрищенского могильника принадлежит серии 7 керамики центральной группы среднеокских могильников. Такие формы появляются в IV в., но наибольшее распространение получают позже – в V в. Сосуд из погребения 131 в Заречье отнесен к более ранней серии 2, бытовавшей в III–IV вв. (Румянцева, 2007, с. 246, 247, 254, 255, рис. 3: 9; 18: 1).

Мордовские височные подвески «со стерженьком» с биконическим грузиком хорошо известны в могильниках селиксенского типа II–IV вв. (Полесских, 1959, с. 205, 207). На следующей стадии развития в IV–V вв. грузик стал бипирамидальным, в виде двух сложенных основаниями друг к другу четырехгранных пирамидок, которые в дальнейшем удлиняются (Полесских, 1959, с. 207; 1966, с. 270; Вихляев, 1977, с. 6–7). Эта схема развития мордовских височных подвесок с грузиком актуальна и в настоящее время. Полагают, что первые «ограниченные бипирамидальные грузики на простом стерженьке, обмотанном проволокой сегментовидного сечения» и свернутом в два – три витка на верхнем конце (длина стержня до 3,5 см), появляются в период 3 хронологии ранних мордовских древностей (первая половина IV в.); в последующий период 4 (вторая половина IV – начало V в.) они получают широкое распространение (Гришаков, 2008б, с. 97, 107, 109, рис. 15: 6, 18: 11). Ширина основания пирамидок грузиков периода 4 составляет 0,9–1 см, что сближает их с привесками из погребений 36 Шатрищенского могильника и 131 из Заречья.

Необходимо отметить, что в погребениях древней мордвы эти височные подвески находят парами или, как в описанных случаях, в одном экземпляре¹⁵ (Полесских, 1966б, с. 280, 290; 1974, с. 21, 22).

Приведенные выше комплексы с мордовскими подвесками можно рассматривать в рамках периода 2б развития женского костюма: второй трети

IV– рубежа IV–V вв. Это этап активного формирования женского костюма, смены составляющих его элементов, причем не одномоментной и не одновременной на разных памятниках. Уходят в прошлое, но еще используются головные уборы с пластинчатыми бляхами и височными кольцами с лопастью (рис. 3: 4, 8), бляхи – многолопастные и с круглым вырезом в центре, преимущественно с железной иглой (рис. 3: 9); железные гривны с проволочной обмоткой и бусами из бронзы, массивные обрубленноконечные гривны, ажурные застежки серии 1 (рис. 3: 6, 7), прямоугольные в сечении массивные «азелинские» гривны и изготовленные по их подобию браслеты (рис. 3: 1) и т.д. Вместе с тем появляются и на протяжении IV– начала V в. получают распространение пластинчатые браслеты, височные и накосные литые лопастные украшения, новые типы гривен и пр. (Белоцерковская, 2007, рис. 7; 8). Длительность бытования и смена одних украшений другими в разных районах ареала окских финнов зависела, вероятно, от уровня активности населения и характера местных обычаев. Например, на западной окраине культуры, в могильнике Кораблино, нагрудные бляхи с крышками ранних форм начала V в. нередко оказывались в составе жертвенных комплексов женских украшений в мужских погребениях периода D3 (Ахмедов, 2007, табл. 2, рис. 26: 24).

Более узкой датой совершения захоронений с мордовскими височными подвесками, вероятно, можно считать середину – вторую половину IV в. Наиболее ранними из них являются погребение 131 в Заречье и, возможно, захоронение 116 Шатрищенского могильника. В этом ряду комплекс 36 того же памятника представляется наиболее поздним.

По составу инвентаря и обряду погребения это типично рязано-окские комплексы, происшедшие из расположенных на небольшом – не более 20 км – удалении друг от друга памятников. Единственное, что отличает их от остального массива окских могильников – это тип височных подвесок, как известно, одного из наиболее консервативных элементов женского костюма¹⁶. В связи с этим можно с некоторой осторожностью предположить, что погребенные с мордовскими подвесками могли быть выходцами с древнемордовской территории (матримониальные связи?), и вместе с ними на Среднюю Оку поступила какая-то часть материалов прикамского облика.

¹⁵ Селикса-Трофимовский могильник, погребение 7; Тезиково, погребения 5, 49.

¹⁶ Тем не менее известны случаи совместного использования этнографически разных привесок в одном уборе: в погребении 22 Тезиковского могильника типично мордовские подвески с грузиками дополнены лопастными височными привесками «окского» типа (Полесских, 1966, с. 284–285).

В древнемордовских материалах группы 3 первой половины IV в., по мнению некоторых исследователей, просматривается восточное (позднепьяноборско-азелинское) влияние, которое предположительно является отражением малой миграции в пределах региона (Гришаков, 2008а, с. 101). В мужском инвентаре окских могильников предметы прикамского облика, включая пряжки азелинского и мазунинского типов, появляются в период 2В второй половины III – первых

десятилетий IV в. и продолжают использоваться в последующий период 2С (Ахмедов, 2007, с. 142, 143). Столь длительное их бытование на этапе достаточно активного формирования традиционного костюма трудно объяснить только присущей ему консервативностью. Скорее всего, восточные инокультурные элементы поступали на Среднюю Оку неоднократно, рассмотренные же комплексы документируют лишь один из таких эпизодов.

Литература

Ахмедов И.Р., 2007. Рязано-окские могильники. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 137–185.

Ахмедов, в печати. Находки круга восточно-европейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в.н.э.). М.: ИА РАН

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., Румянцева О.С., 2007. Рязано-окские могильники // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 133–175.

Ахмедов И.Р., Воронцов А.М., 2012. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 9–54.

Белоцерковская И.В., 1999. Ажурные застежки из могильника Кораблино // Забелинские научные чтения 1995–1996 гг. (Труды ГИМ. Вып. 103) / Ред. В.Л. Егоров М.: ГИМ. С. 154–176.

Белоцерковская И.В., 2007. Рязано-окские могильники. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 186–212.

Белоцерковская И.В., 2010а. Литые подвески к наколкам из рязано-окских могильников // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань: «Александрия». С. 194–203.

Белоцерковская И.В., 2010б. Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 75–100.

Белоцерковская И.В., 2015. Застежки-сюльгамы из рязано-окских могильников Заречье и Кораблино: опыт систематизации // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 107–131.

Белоцерковская И.В., Ахмедов И.Р., 2009. Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III–VII вв. н.э. // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / Отв. ред. Н.А. Макаров М.: ИА РАН. С. 283–298.

Вихляев В.И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов, Н.Ф. Мокшин. Саранск: Мордовский гос. университет. 97 с.

Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху Великого переселения народов (ВАУ. Вып. 5) / Ред. А.Ф. Медведев. Ижевск; Свердловск: УдмГУ, УдмРКМ. 182 с.

Гришаков В.В., 1993. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Йошкар-Ола: МарГУ. 1993. 204 с.

Гришаков В.В., 2003. Два головных убора с верхнеокскими элементами из Абрамовского

могильника // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья: проблемы хронологии и этнической истории. Тезисы докладов 11 межрегиональной конференции / Ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ. С. 19–26.

Гришаков В.В., 2008а. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Археология восточно-европейской лесостепи. Сборник материалов II Международной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи», посвященной 100-летию со дня рождения М.Р. Полесских / Ред. В.В. Ставицкий. Пенза: ПГКМ. С. 99–105

Гришаков В.В., 2008б. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2 / Ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПИРО. С. 82–137.

Гришаков В.В., 2011. Погребение с топором мощинского типа на Усть-Узинском 2 могильнике в Верхнем Посурье // Поволжские финны и их соседи в древности и в средние века. 3-я Всероссийская научная конференция. Материалы / Ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ. С. 55–60

Ефименко П.П., 1920. Раскопки могильника близ с. Шатрицы Спасского уезда Рязанской губ. Сентябрь–октябрь 1920 г. / Научный архив РИАМЗ. № 65.

Ефименко П.П., 1926. Рязано-окские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии (Труды этнографического отдела ГРМ. Т. III. Вып. I). Л.: ЭОГРМ. С. 59–84.

Зайцева И.Е., 2011. Цветной металл из погребений могильника эпохи переселения народов Большое Давыдовское II // Археология Владимиро-Суздальской земли (Материалы научного семинара. Вып. 3) / Ред. Н.А. Макаров М.: ИА РАН; СПб.: «Нестор-История». С. 17–29.

Кравченко Т.А., 1974. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли / Ред. А.Л. Монгайт М: ИА АН СССР. С. 116–183.

Лещинская Н.А., 1995. Хронология и периодизация могильников р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ. С. 88–123.

Лещинская Н.А., 2014. Вятский край в пьеноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27 / Ред. Ф.Н. Широкова. Ижевск. 472 с.

Макаров Н.А., 2010. Финские древности первой половины I тыс. н.э. в Суздальском Ополе // Институт археологии: Новые полевые исследования / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 70–73.

Полесских М.Р., 1959. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области // СА. № 4. С. 202–211.

Полесских М.Р., 1962. Пензенские могильники мордвы IV–V вв. // СА. № 4. С. 179–188.

Полесских М.Р., 1966. Тезиковский могильник IV–V вв. // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР (Труды МНИИ-ЯЛИЭ, Вып. XXX) / Ред. В.С. Ивашкин. Саранск: Мордовское книжное изд-во. С. 268–296.

Полесских М.Р., 1974. Новые памятники древнейшей мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии (Труды МНИИЛЯИЭ. Вып. 45) / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордовское книжное изд-во. С. 12–32.

Румянцева О.С., 2007. Рязано-окские могильники. Керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 246–272.

Спицын А.А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. Вып. 25. СПб.: ИАК. 149 с.

The burials with Mordovian pendants in Ryazan-Oka cemeteries

I.V. Belotserkovskaya (Moscow)

Key words: late Roman period, Middle Oka, Ryazan-Oka Finns, ancient Mordovians, cemeteries, burials, cultural relations, temple pendants.

The article considers three female burials of the late Roman period from the Finnish cemeteries Shatrishchi and Zarechye in the Middle Oka basin. Each of them contained a temple pendant with a bipyramidal “weight” on a small wire rod wrapped around by a wire. The composition of the grave goods also consisted of different types of torques, massive multilobed chest plate, open work brooch with claw shaped pendants, oval buckle with a bended tongue with a rectangular ledge at its bottom ornamented with an engraved sidelong cross; beads, finger-rings, plate penannular fibulae, spindle-whorls, and a pottery vessel in each goods (fig. 1; 2).

Almost all the types of the torques, lobate plates and penannular fibulae with tight ends are familiar to the Middle Oka population as well as to the ancient Mordovian culture of the time period in question. The exceptions are the torques of the type represented in fig. 1: 3 and vessels which are typical of only the burials of Middle Oka. Temple pendants with ‘weights’ of different shapes are considered to be an ethnic feature of the female attire of the ancient Mordovians. These women buried on Middle Oka in the second half of the 4th c. might have been originated from the neighbor eastern territories settled by ancient Mordovians. Probably, one of the factors of the appearance of the adornments typical for the attire of the Kama region population (fig. 2: 5) connected here to those women.

Translated by I. Grigoryan

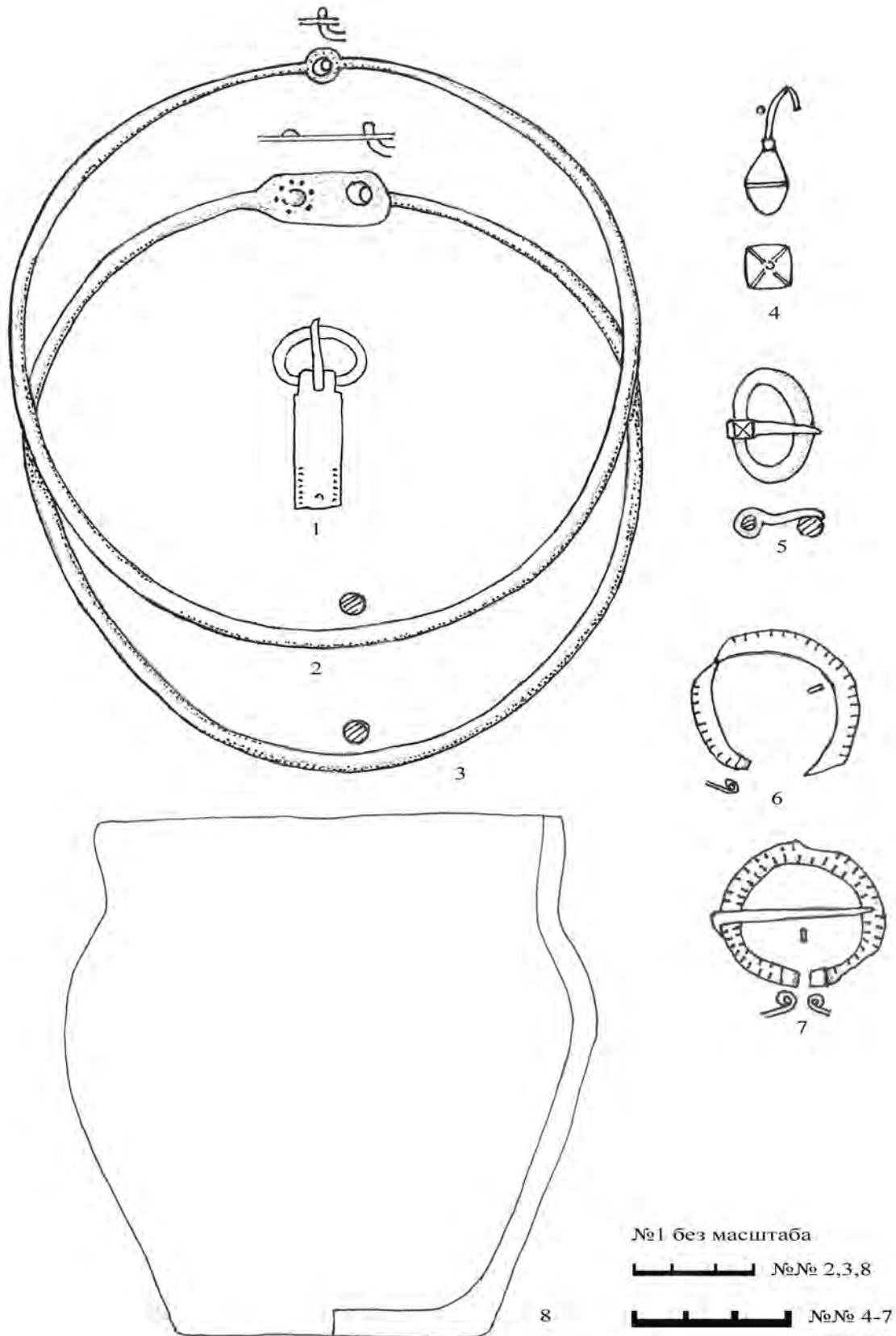

Рис. 1. Инвентарь погребения 36 Шатрищенского могильника
 1 – пряжка; 2, 3 – гривны; 4 – подвеска височная; 5 – пряжка; 6, 7 – сьюльгамы; 8 – сосуд.
 1–7 – бронза; 8 – глина.

1 – по: Ефименко, 1920; 2–8 – рисунки А.В. Коряка.

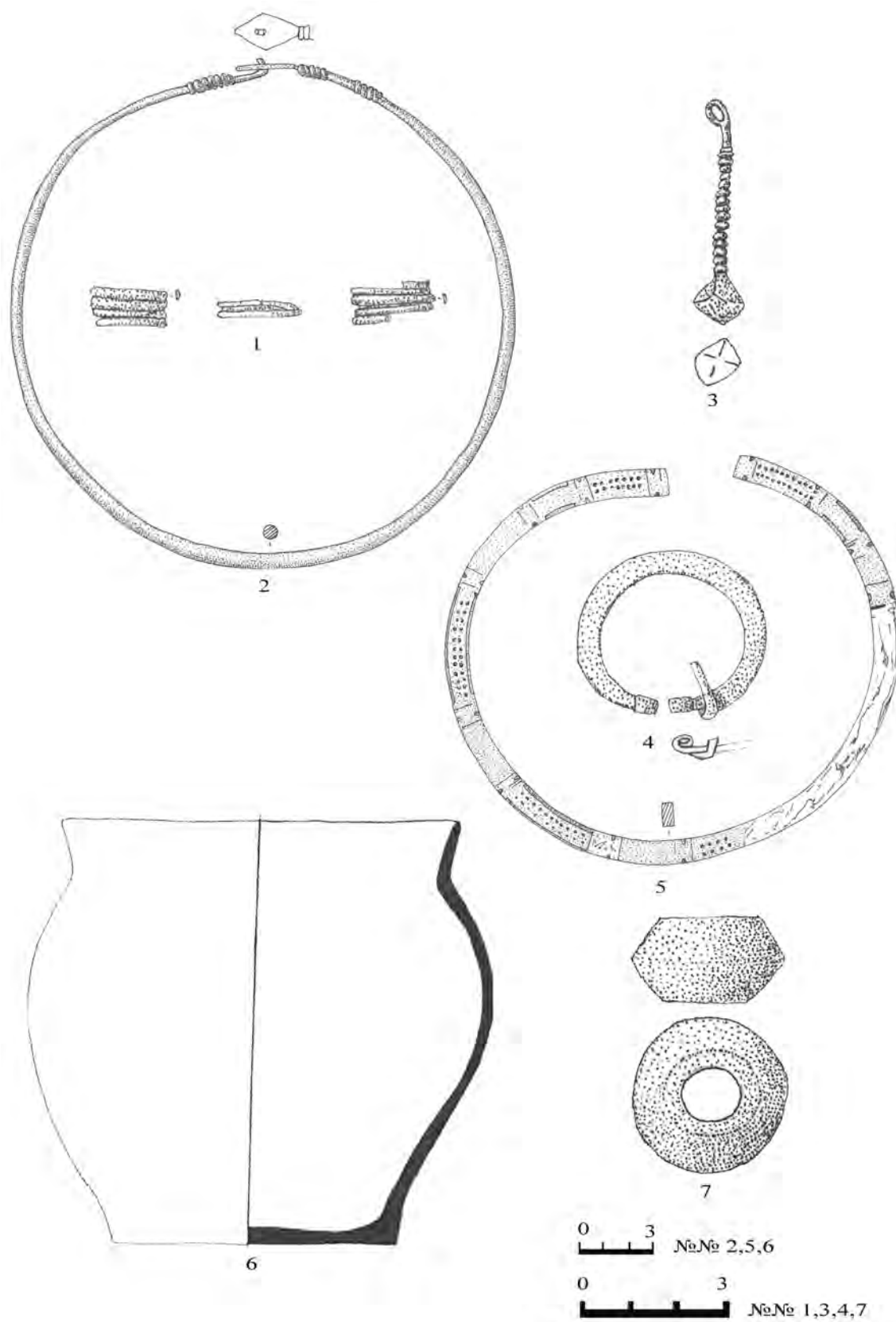

Рис. 2. Инвентарь погребения 131 могильника Заречье.
 1 – перстни; 2, 5 – гривны; 3 – подвеска височная; 4 – сольгама; 6 – сосуд; 7 – пряслице.
 1–5 – бронза; 6, 7 – глина.

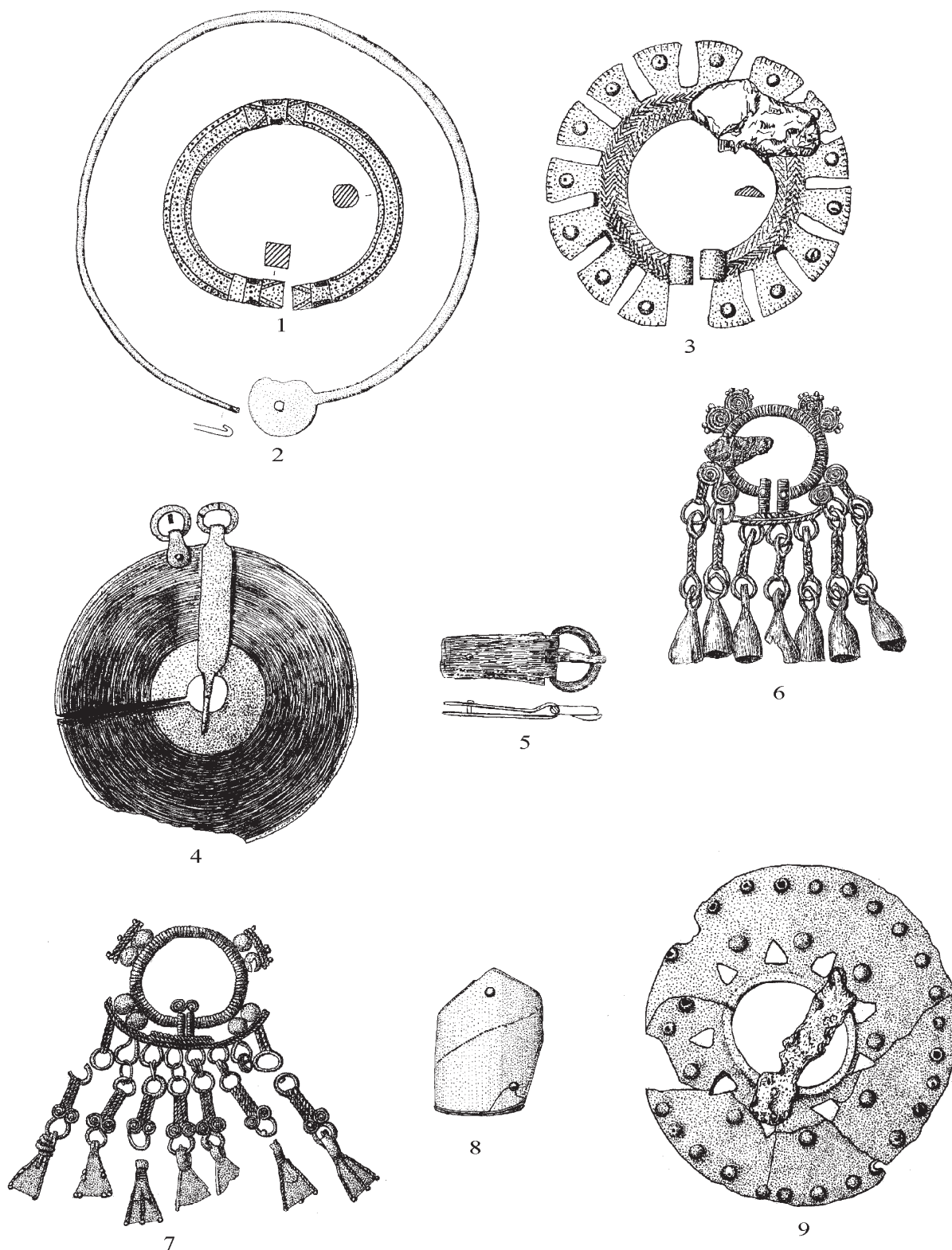

Рис. 3. Предметы из рязано-окских могильников.

1 – браслет; 2 – гривна; 3 – бляха многолопастная; 4 – бляха головного убора; 5 – пряжка;
6, 7 – застёжки ажурные, 8 – кольцо височное, 9 – бляха нагрудная. 1–9 – бронза.

1–4, 6–9 – Заречье, погребения 120, 63, 110, 203а, 57, 146, 77, 243;
5 – Кораблино, погребение 33а. Без масштаба.

Шлемы из могильника рязано-окских финнов у с. Царицыно (предварительное сообщение)

И.Р. Ахмедов (Санкт-Петербург), Н.А. Биркина (Москва)

Ключевые слова: эпоха Великого переселения народов, рязанские финны, защитное вооружение, средиземноморские и дунайские импорты, межкультурные контакты.

Массив находок «западного» происхождения середины I тыс. н.э. в Восточной Европе, в первую очередь в регионах Поднепровья и Поочья, постоянно пополняется. К сожалению, большая часть их получена в процессе несанкционированных кладоискательских работ, и лишь отдельные вещи попадают в государственные музейные собрания. Такими счастливыми исключениями являются два уникальных для среднерусской археологии шлема, происходящие из округа с. Царицыно (Касимовский р-н Рязанской обл.), поступившие в ГИМ благодаря дружеским усилиям П.А. Бирюкова. Сведения о находках у с. Царицыно были проверены рязанскими археологами под руководством Д.А. Иванова, которые обнаружили остатки захоронений с характерным набором женских украшений V–VI вв., что свидетельствует о наличии здесь, на северо-восточной границе ареала культуры, могильника рязанских финнов¹ (рис. 1)

Впервые в научной литературе эти вещи как происходящие из Касимовского р-на Рязанской обл. упомянуты О.А. Радюшем в публикации, посвященной шлемам эпохи переселения народов из Поднепровья. Они отнесены к двум разновидностям: “Bandhelm” (сегментно-пластинчатый с продольным каркасом) и “Spangenhelm” (четырёхчастный (четырёхсегментный) с продольно-крестовым каркасом из Т-образных пластин) (Радюш, 2014, с. 40). В другой работе С.Э. Зубов и О.А. Радюш упоминают еще один шлем, воз-

можно, происходящий из этого могильника, – сегментно-пластинчатый с продольно-крестовым каркасом и наушами, который известен только по фотографиям и в музейные коллекции не поступал (2014, с. 95).

Шлем конструкции “Bandhelm” железный, с двухчастным куполом, соединенным продольным рантом в виде ленты и широким ободом, наложенным поверх. По верхнему краю обода и, возможно, по краю продольного ранта прослеживаются фрагменты декора в виде двойного ряда полусферических выпуклостей. По классификации К. Микса, такие шлемы относятся к “Bandhelm mit zweisegmentiger Kalotte” (Miks, 2009, abb. 4). Размеры изделия: по нижнему краю обода – 18 x 22 см, окружность – 54 см, общая высота – 17,5 см, ширина обода – 5,5 см (на 1 см находит на пластины шлема); ширина продольной ленты (ранта) – 6,7 см (верх), 9,5 см (низ) (сужается кверху, на 1,5 см находит на пластины шлема); диаметр полусферических фигур орнамента – 0,3–0,4 см. Толщина пластин (вместе с продуктами коррозии) – 0,2–0,3 см. Современное состояние предмета не позволяет описать его более подробно (рис. 2).

По информации П.А. Бирюкова, полученной от находчиков, вместе со шлемом были выявлены бронзовые пряжка с язычком, овальной рамкой и неподвижной щитовидной обоймой, а также два ременных пластинчатых наконечника вытянутой трапециевидной формы, в одном из которых сохранилось слегка утолщенное в передней части кольцо (рис. 3). Подобные пряжки появляются

¹ Авторы выражают благодарность Д.А. Иванову за сведения о работах на могильнике у с. Царицыно.

в Восточной Европе в постгуннское время. Они встречены, в первую очередь, в уздечных наборах стиля «Сахарная Головка – Лермонтовская Скала», хорошо известных в Крыму и на Кавказе. Серия таких уздечных наборов представлена и в рязано-окских древностях второй половины V в. Они найдены в погребальных комплексах вместе с другими принадлежностями воинского обихода, характерными для ранней фазы горизонта, обычно называемого исследователями «шиповским» (Казанский, Мاستыкова, 2010, с. 98). Типичны для ременных гарнитур рязанских финнов второй половины V в. и наконечники ремней.

Железные шлемы описанной конструкции без сохранившегося декора известны в Нароне (у церкви св. Вида (св. Вита)), в Далмации (два экземпляра, обнаруженные вместе со шлемом типа “Baldenheim”), еще две недокументированные находки происходят из Малой Азии; аналогичный шлем из частной коллекции фигурировал на аукционе в Германии в 2002 г. (Auctionshaus Hermann Historica, München) (Vogt, 2006, S. 280–282, Beil. 51–53, Taf. 46: 1–4; Zeyrek, 2005, p. 183–192; Quast, 2012, S. 353–355, Abb. 3) М. Фогт относит эти изделия к типу “St. Vid/Narona”. Д. Глад причисляет их, а также шлемы из погребения 1 кургана 7 и кургана 5 Тураевского могильника (Генинг, 1976, с. 69, 74–77, рис. 14: 18; 29: 12; 31: 1), к типу “Narona/Bretzenheim”, хотя образец из Бретценхайма снабжен двумя перекрещивающимися пластинами на куполе (Glad, 2009, p. 45–46, fig. 7: 11–14). Экземпляр из погребения 1 кургана 7 Тураевского могильника, также с двухчастным куполом, с кольчужными бармицами, украшен серебряными позолоченными пластинами с прорезным геометрическим декором.

Царицынская находка несколько отличается от указанных параллелей типа “St. Vid/Narona”, форма которых ближе к полусферической. Следует отметить, что при рассмотрении шлема из погребения 1 кургана 7 Тураевского могильника большинство авторов опираются на графическую реконструкцию В.Ф. Генинга, в которой ему придана полусферическая форма. Судя по фотографиям шлема до реставрации в публикации В.Ф. Генинга и после реставрации (коллекции археологического музея Казанского государственного университета), он деформирован, но можно предположить, что первоначально он был, скорее, сфероконическим.

Возможно, такая форма свидетельствует об определенной архаичности находок из Тураево и

Царицыно. В частности, близкий по конструкции и форме купола двухчастный шлем, похожий на колпак, украшенный орнаментом и с наушами с изображением барана или горного козла, представлен в левом верхнем углу южной стороны пьедестала колонны Траяна (Coulston, 1988, pl.120, 134; Miks, 2009, Abb. 10: 1, 2). Происхождение подобных вещей связывается с кушано-парфянской традицией, получившей развитие и в сасанидском, и в римском вооружении. Результатом развития этой традиции считают и персидский двухчастный шлем с гребнем III в. из Дура-Европос (James, 1986, p. 120, pl.15; 16; 1990, pl. 2.1.a–d; 2004, Nr. 371, p. 104, pl. 47–48).

Такая форма характерна для некоторых сасанидских шлемов V–VII вв. (североиранский тип “Cheragh Ali Tepe/Amlash”). Они достаточно широко представлены в северном Иране (Амлаш, Чераг-Али-Тепе) и Месопотамии (Ниневия). В настоящее время в результате кладоискательских раскопок появились сведения о находках шлемов, в том числе сасанидского облика, и на черноморском побережье Кавказа: в Абхазии и в округе Сочи, оказавшихся в VI в. одним из районов очередного византийско-персидского противостояния (James, 1986; Miks, 2009, S. 396–402, 504–508, Abb. 5; 6; 7).

Экземпляр из Царицыно, однако, следует относить к типу “St. Vid/Narona”, несмотря на некоторую близость его формы иранским параллелям.

Шлем конструкции “Spangenhelm”, второй, найденный в Царицыно, выполнен в виде четырехчастного купола, с каркасом из горизонтального пластинчатого обруча и вертикальных пластин с подтреугольным основанием. Детали скреплены между собой бронзовыми заклепками. Часть купола фрагментирована, железные части сильно корродированы, заклепки окислены, шляпки утрачены. Навершие утрачено, нижний край обода частично обломан, на сохранившейся части края не прослежены отверстия для креплений кольчужной бармицы. Возможно, предстоящая расчистка в процессе реставрации изделия позволит выявить дополнительные детали, скрытые на данный момент продуктами коррозии.

Общая высота шлема составляет 16,8 см; поперечные размеры по нижнему обручу – 20 x 20 см; длина окружности – 66,5 см; ширина нижнего обруча – 3,2 см. Толщина обруча – 0,2–0,3 см; пластин купола – 0,2–0,3 см. Диаметр видимой на поверхности части заклепок – 0,3–0,5 см, шаг расположения заклепок – 2,8–3,4 см (рис. 4).

Рассматриваемая находка относится к представительной группе изделий типа “Baldenheim” с четырехчастным или шестичастным куполом, существовавших в последних десятилетиях V – VI в. (Spangenhelme mit vierspangiger Kalotte: Miks, 2009, Abb. 4; les casques a “equerres” geometriques: Glad, 2009, p. 47–50). М. Фогт приводит 44 экземпляра шлемов этого типа, большая часть которых происходит из северной части Балкан и Подунавья, Италии, Альп, бассейна Рейна. Отдельные находки отмечены на балтийском побережье Германии и в Скандинавии (Готланд) (рис. 5). Они входили в состав престижной панοπлии воинов, относящихся к знати варварских раннесредневековых королевств и, видимо, по происхождению были связаны с ранневизантийским воинским обиходом (тип Batajnica по Д. Гладу: Glad, 2009, p. 47–48, fig. 8: 1–6; Vogt, 2006, Tab.1, Abb. 2).

На территории Восточной Европы сегодня известны два таких шлема из Брянской области: фрагментированный экземпляр из Климовского р-на и фрагменты из Болдыжского леса (р. Болдыж, левый приток р. Болвы, левого притока р. Десны, северная округа г. Брянск; по другим сведениям, находка сделана в бассейне р. Навля, левого притока р. Десны, южнее г. Брянск). Они опубликованы О.А. Радюшем и Е.А. Шинаковым. О.А. Радюш подробно описал историю обнаружения этих вещей, атрибутировал их как детали шлемов типа “Baldenheim”. По особенностям конструкции экземпляр из Климовского р-на был сопоставлен со шлемом из Батайницы (правый берег Дуная, северо-западная окраина г. Белград). Анализ декора показал его близость образцам этого типа с раннехристианскими изображениями, найденным в Центральной и Западной Европе (Дольне-Семеровце, Монте-Пагано, Штессен, Планиг, Пфэффинген). Некоторые орнаментальные детали находят аналогии на шлеме типа “Baldenheim” из коллекции Государственного Эрмитажа. Находки из Брянской области датированы О.А. Радюшем второй половиной V – началом VI в. и соотнесены с событиями постгуннского времени в Восточной Европе (2014, с. 42–44, рис. 4; 5).

Е.А. Шинаков определил шлем из Климовского р-на как относящийся к «четырёхчастным вариантам типа, скорее всего, византийского производства и какой-то восточногерманской (паннонско-трансильвано – иллирийской) принадлежности» и датировал его в рамках конца V – начала VI в., основываясь на аналогах четырехчастной конструкции, найденных в Геракле-Линкестис, Монте-Пагано и Торичелло-Пелинья (Шинаков, 2015, с. 119).

Действительно, если предположить, что количество частей в конструкции шлема имеет хронологическое значение, и четырехчастные образцы типа “Baldenheim” появляются ранее шестичастных, то их датировка может включать в себя и вторую половину V в. В пользу этой гипотезы свидетельствует дата погребения 1901 г. в Гюлтлингене, в котором был найден шестичастный шлем, определяемая в рамках группы Флонхайм – Гюлтлинген (460–510 гг. или около 500 г.) (Quast, 1993, S. 39–43, 104). Подтверждает предложенную хронологию и облик уздечного набора, найденного вместе со шлемом в Климовском р-не (Радюш, 2014, с. 44; Ахмедов, в печати).

Зона распространения четырехчастных шлемов типа “Baldenheim” меньше, чем шестичастных (рис. 5). Они найдены в центральной части Италии (Торичелло-Пелинья, регион Абруццо), Далмации (Салона (Солин), Нарона), Македонии (Гераклея-Линкестис (Битола)), на восточной границе Паннонии II, на правом берегу Дуная, неподалеку от Сингидуна (Батайница, современный Белград). В Центральной Европе они известны на северном берегу Женевского озера (кантон Во, Швейцария) и на правом берегу среднего течения Дуная в Дольне-Семеровцах (Левиче, Западная Словакия).

За пределами Европы один такой шлем происходит из Северной Африки, из Лептис-Магны (Лебда, Триполитания, Ливия) в восточной части королевства вандалов (Vogt, 2006, S. 25, 193, 196–198, 207–210, 218–219, 231–232, 248–249, 257–259, 265–267, Kat. 2, 5, 12, 13, 17, 21, 27, 31, 38, Abb. 6).

Большинство рассматриваемых находок сосредоточено в северо-западной части Балканского полуострова и на сопредельных территориях (рис. 5). Вероятно, это связано с тем, что здесь, на границах остготского королевства и Византийской империи, происходило политическое и военное взаимодействие разных групп населения как в эпоху сложения государства остготовов, так и во время правления Теодориха Великого, когда римские провинции Далмация, Савия, Паннония II входили в состав Остготского королевства. Возможно, с остготским влиянием связаны и упомянутые выше шлемы, обнаруженные на Женевском озере и в Дольне-Семеровцах. Находка в Лептис-Магне также может рассматриваться в контексте взаимодействия вандалов как с остготами, так и с Византией, с египетскими провинциями которой граничила область Триполитания.

«Ранневизантийское» происхождение шлемов, известных в Поочье и Поднепровье, не вызывает сомнений. Наиболее вероятными регионами, из которых они могли поступить, следует считать северные провинции Византии, а также северо-западные районы Балкан (Паннония II, Савия, Далмация). Предполагается, что такие изделия производились в римских государственных оружейных мастерских, наличие которых в городских центрах северных провинций в V в. устанавливается по данным *Notitia Dignitatum* (Маркианополь, Наис, Рациария, Хорреум Марги). Возможно, аналогичные мастерские существовали и в ранневизантийское время (Sarnowski, 1988, s. 126; James, 1988, p. 257; Vogt, 2003, S. 25; Biernacki, 2012, p. 100).

Именно здесь зафиксирован весь спектр аналогов восточноевропейским находкам типов “Baldenheim”, “St. Vid/Narona”, а также известному по описанию О.А. Радюша сегментно-пластинчатому шлему с продольно-крестовым каркасом и наушами из могильника у с. Царицыно (?), соотносимому с образцами производных от типа “St. Vid/Narona” форм (Войвода, недокументированная находка на Балканах). Отмечены на указанной территории и изделия конструкции “Spangenhelm” типа “Deir el-Medina/Leiden” (“St. Vid/Narona” V, вариант этого типа, обнаруженный в Синь (Далмация), многочисленные экземпляры в Новах, неопубликованный шлем с монетой VI в. в области Шабла (Болгария), а также находки с неопределенным контекстом в Новаково (Варна, музей в Добриче) и рядом с Асеновой крепостью XIV в. (Пловдив)). В Нароне (у церкви св. Вида) встречены шлемы всех трех типов, причем образцы типа “Baldenheim” и “St. Vid/Narona” входили в состав одной находки. В Новах на правом берегу Дуная (в одном из центров на византийском лимесе в провинции Мезия II, более десяти лет перед вторжением остготов в Италию бывшем резиденцией Теодориха Великого, известном также могилой святого Луппа, к которой совершались паломничества) найден уникальный комплекс, состоявший из множества шлемов. Они обнаружены в одном из помещений здания, расположенного рядом с епископальной базиликой, которое определено авторами раскопок как приют для паломников. Зафиксированы фрагменты около 30 шлемов, некоторые из них были помещены друг в друга (в одном случае 8 штук). Хорошая сохранность четырех экземпляров позволила определить их как изделия конструкции “spangenhelm”, в одном случае с наушами, близкие «римско-еги-

петскому» типу “Deir el-Medina/Leiden”. При раскопках города также найден орнаментированный науш образца типа “Baldenheim” и фрагмент купола еще одного железного шлема. Описываемый «склад» был засыпан завалом крыши и стен при разрушении здания землетрясением 557 г., что позволяет уточнить хронологию рассматриваемых предметов. Находки подобных шлемов в неопределенном контексте в Египте (Дейр-эль-Медина), лейденский экземпляр некоторые исследователи считают возможным датировать концом III в. или даже более ранним временем, основываясь на изображениях на колонне Траяна, а также арке Галлерия в Салониках (рубеж III–IV вв.). На широкие рамки бытования таких изделий может указывать находка в Эль-Хадите (Иордания), датирующаяся 350–420 гг. Шлем, встреченный на участке XVI у Храмовой горы в Иерусалиме, как и предметы вооружения на соседнем участке XV, связывается со временем, предшествующим или синхронным взятию города персидскими войсками в 614 г. (Негин, 2007, с. 347; Парушев, 2002, с. 191–193, обр. 1–3; Biernacki, 2012, p. 95–101, fig. 6–9, 11, 12; Quast, 2012, S. 355; Stiebel, 2003, p. 153–157; 2007, p. 43–46)

Эта новая для рязано-окских финнов категория вещей, определенно византийского происхождения, чрезвычайно важна. Она должна рассматриваться в ряду многочисленных связанных с воинским обиходом изделий «дунайского» и «центральноевропейского» происхождения второй половины V – начала VI в., зафиксированных в Поднепровье и Поочье. Их ассортимент широк и включает в себя и предметы вооружения, и воинские аксессуары. Набор аксессуаров весьма представительен: гривны, фибулы, браслеты, ременные гарнитуры, которые в комплексах сочетаются с местными типами украшений и гарнитур. Находки, связанные с «западной» культурной средой, фиксируются среди всех категорий убора. Оружие представлено длинными двулезвийными мечами и короткими однолезвийными клинками, аналогичными «малым лангсаксам» и короткими двулезвийными мечами. Известны клинки, в том числе изготовленные из «дамаска», с рукоятями и ножнами, украшенными бронзовыми или серебряными деталями, в одном случае даже с декором в стиле «клуазоне». Они найдены в захоронениях вождей или воинов высокого ранга, в нескольких случаях погребенный был снабжен парой мечей – длинным и коротким. Среди предметов конского убора преобладают комплекты, характерные для восточноевропейской узды сти-

ля «Сахарная Головка – Лермонтовская Скала»; в их числе также встречены два набора «западного» облика. К снаряжению всадника относится и уникальная для лесной зоны находка шпоры типа «Лейна».

Наибольшее количество вещей «западного» происхождения фиксируется в могилах обладателей высокого социального статуса (например, в погребении 525 могильника Борок II и 55 – могильника Заречье 4), где они выполняли функции социально-иерархических маркеров. Фиксируемая система иерархических индикаторов сопоставима с той, что реконструируется по набору престижных категорий изделий в захоронениях «знати» ранних «варварских королевств» Центральной и Западной Европы и «элитных» комплексах Поднепровья и Северного Причерноморья. Это свидетельствует, что в Среднем Поочье формирование представлений о значении предметов воинского обихода в системе социально-иерархических признаков происходило в результате непосредственных контактов рязанских финнов и носителей «западных» воинских традиций, судя по всему, даже частично инкорпорированных в местную среду. Часть инокультурных вещей, такие как, например, поясные гарнитуры с декором в виде птичьих головок и короткие однолезвийные мечи, начали воспроизводиться в окских мастерских, в некоторых случаях с применением заимствованных технологических приемов. Это также указывает на появление среди рязанских финнов новых групп населения, в том числе ремесленников, применявших привычные навыки (Ахмедов, Казанский, 2004, с. 175–178, рис. 7; 8; 9; Ахмедов, 2007, с. 147–150; 2010а; 2010б; 2014, с. 142–151, рис. 3–7; 9).

До недавнего времени находки защитного вооружения в культурах поволжских финнов первой половины I тыс. н.э. фиксировались лишь в древностях андреевско-писеральского круга I в. н.э. Это кольчуги и шлемы из Андреевского кургана (погребения 25/1, 50) и два шлема из Пильнинского I могильника. Две кольчуги и шлем связаны с погребальными памятниками III–IV вв. Верхнего Посурья (Селикса-Трофимовский могильник, погребение 50; Степановский могильник, погребение 11). Находки сегментопластинчатых и узкопластинчатых шлемов в Андреевском и Пильнинском могильниках связываются со степной паноплией среднесарматского времени, а шлем из Степановского могильника, судя по сохранившимся фрагментам, близок прикамским образцам (Гришаков, 2008, с. 104, 111, рис. 23: 1–3; Зубов, Радюш, 2014, с. 95–98, рис. 1, 2).

В Волго-Окском междуречье ранее были известны только два умбона от щитов эпохи переселения народов. Умбон типа «Либенау» происходит из раскопок А.Г. Векслера на городище Луковня в Подмоскovie (Ахмедов, Казанский, 2004, с. 174, рис. 5: 8). Недавно у д. Стариково на р. Дубна, неподалеку от ее впадения в Волгу (Талдомский р-н Московской обл.), были обнаружены еще один подобный умбон и рукоять от щита (любезное сообщение сотрудника Тверского музея С. Андреева). Такие предметы защитного вооружения абсолютно не характерны для жителей Поволжья и Поочья. Их находки – важное доказательство присутствия здесь носителей иных воинских традиций.

Таким образом, шлемы из Царицыно, являясь абсолютно новой для воинской культуры рязанских финнов категорией изделий, в то же время органично вписываются в общий массив вещей «дунайского» и «центральноевропейского» облика, входящих в набор воинского снаряжения и вооружения. Ранее уже были предложены реконструкции путей, по которым такие предметы попадали в Поочье; один из них мог проходить по верхнему течению Десны и левому притоку Оки – Угре (Ахмедов, 2014, с. 159, рис. 13). Находки шлемов в Полтавской области и Подесенье подтверждают это предположение. Умбоны в Подмоскovie и шлемы на северной границе ареала культуры рязанских финнов косвенно могут указывать на район, в котором происходил непосредственный контакт носителей данной культуры с «пришельцами».

Трудно переоценить значение рассматриваемых находок для изучения событий постгуннского времени в Восточной Европе. Шлемы относятся к престижным категориям вооружения. Так, образцы типа “Baldenheim”, иногда определяемые как «ранневизантийские офицерские», в Западной Европе найдены в захоронениях представителей воинской элиты: в погребениях 1901 г. в Гюлтлингене, 1782 г. в Крефельде–Геллепе, 1939 г. в Планиге и др. (Quast, 1993, S. 43; Steuer, 1987, S. 191–197). Видимо, аналогичным статусом обладали и хозяева подобных шлемов в Поднепровье. Находки в Поочье, несмотря на более скромное оформление, могли принадлежать предводителям отдельных групп мигрантов, пытавшихся освоить территории, сведения о которых могли сохраняться еще с эпохи Германариха в среде вернувшихся после распада державы Атилы восточногерманских федератов.

Не исключено, что импульсы, в результате которых шлемы и другие «дунайские» импорты поступали в Поднепровье, были разновременными. Возможно, часть находок связана непосредственно с горизонтом дунайских древностей D2/3 (430/440–460/470 гг.), к которому относятся яркие «княжеские» комплексы, например Ольвийский и Киевский клады. Такие вещи в Поднепровье принадлежали элите различных групп дунайских переселенцев (например упоминаемых Иорданом ангискиров, одной из групп, ушедших с Дуная в Поднепровье вместе с сыном Аттилы Денгизихом) (Казанский, 2011, с. 30, 40–48, рис. 1).

Находки шлемов и ряда других вещей (некоторых типов пряжек, мечей, уздечных наборов), датированных в рамках последних десятилетий V – начала VI в., позволяют предполагать, что часть населения Поднепровья принимала участие в событиях третьей четверти V в. Такими событиями могут быть, например, попытки Денгизиха взять реванш в Подунавье (кампании против остготов в 456–457 и 463/464–466 гг.), нападение и захват Хормидаком Сердики зимой 466/467 г. или давление Денгизиха на Империю в 467–469 гг. с целью получить земельные и торговые преференции, закончившееся гуннским вторжением, разгромом и гибелью этого сына Аттилы. Последний

неудачный набег на нижнедунайские территории Империи гунны совершили уже в начале правления императора Зенона (474–491 гг.). Последний, кроме того, использовал, пусть и неудачно, военную помощь болгар против Теодориха в 486 г. (Maenchen-Helfen, 1973, p. 157–168; Томпсон, 2008, с. 185–188). Возможно, эти события также способствовали поступлениям «византийских» и «дунайских» импортов в Восточную Европу. Не исключено, что после них военная активность части «дунайских» переселенцев в Поднепровье, бывших союзников гуннов, была переориентирована в сторону освоения лесных пространств верхнего течения Днепра и Десны, в результате чего некоторые группы достигли районов Среднего Поочья.

Выдвинутые в статье предположения имеют характер рабочих гипотез. Авторы надеются, что после проведения комплекса реставрационных работ шлемы из могильника у с. Царицыно будут доступны для максимально полного изучения и привлекут пристальное внимание специалистов по истории древнего вооружения, что позволит более конкретно определить их место среди древностей эпохи Великого переселения народов и начала раннего Средневековья в Восточной Европе.

Литература

Ахмедов И.Р., 2007. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 137–185.

Ахмедов И.Р., 2010а. К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 105–137.

Ахмедов И.Р., 2010б. Короткие однолезвийные мечи из Никитинского могильника // Germania-Sarmatia. II / Ред. О. Щеглова, М. Казански, В. Новаковский. Калининград; Курск: КОИХМ, КГОМА. С. 319–341.

Ахмедов И.Р., 2014. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – начала VI в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов (Раннеславянский мир. Вып. 15) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 138–176.

Ахмедов И.Р., в печати. О некоторых «дунайских» элементах в культурах поволжских финнов во второй половине V в. // Сборник материалов I Сербско-российской археологической конференции. Белград, 2014 г.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М., 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 168–202.

- Генинг В.Ф., 1976.** Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Казанский филиал АН СССР. С. 55–108
- Гришаков В.В., 2008.** Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПИРО. С. 82–138.
- Зубов С.Э., Радюш О.А., 2014.** Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа, 12–15 мая 2014 г. (УАВ. Вып. 14) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие». С. 94–104.
- Казанский М.М., 2011.** Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Том первый / Гл. ред. М.Д. Бухарин. М.: «Собрание». С. 27–49.
- Казанский М.М., Мاستыкова А.В., 2010.** Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 93–104.
- Негин А.Е., 2007.** Позднеримские шлемы: проблемы генезиса // Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Война, армия и военное дело в античном мире. Вып. 2. Саратов: Изд-во Саратовского университета. С. 335–359.
- Парушев В., 2002.** Средневековен шлем от Варненско // Weapons and Military Equipment During the Late Antiquity and the Middle Ages. 4th–15th centuries (Acta Musei Varnaensis. 1) / Ed. V. Jotov. Varna. P. 191–194.
- Радюш О.А., 2014.** Шлемы эпохи переселения народов из Поднепровья // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья / Сост. И.Г. Бурцев. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 40–53.
- Томпсон Э.А., 2008.** Гунны. Грозные воины степей / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф. 256 с.
- Шинаков Е.А., 2015.** Конская упряжь и детали шпангенхельма «темных веков» из Брянского Подесенья // Археологические исследования в Евро-регионе «Днепр» в 2013 г. (Научный ежегодник) / Ред. Е.А. Шинаков. Брянск: БрГУ. С. 111–125.
- Biernacki A.B., 2012.** Early Byzantine Iron Helmets from Novae (the Diocese of Thrace) // Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts / Eds. B. Böhlendorf-Arslan, A. Ricci. Istanbul: BYZAS 15. P. 91–104.
- Coulston J.Ch.N., 1988.** Trajan's column: the sculpting and relief content of a Roman propaganda monument / Unpublished PhD thesis. The University of Newcastle upon Tyne. 849 p.
- Glad D., 2009.** Origine et diffusion de l'équipement défensif corporel en Méditerranée orientale (IVe – VIIIe s.). Contribution à l'étude historique et archéologique des armées antiques et médiévales. Archaeological studies on late antiquity and early medieval Europe (400–1000 A.D.) (Monographs. 2). Oxford: BAR. 162 p.
- James S.T., 1986.** Evidence from Dura-Europos for the Origins of Late Roman Helmets // SYRIA. T. 63. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner. P. 107–134.
- James S.T., 1988.** The Fabricae: State Arms Factories of the Later Roman Empire // Military Equipment and the Identity of Roman Soldiers (Proceedings of the Fourth Roman Military Equipment Conference) / Ed. J.C. Coulston. Oxford: BAR International Series. P. 257–331.
- James S.T., 1990.** The arms and armour from Dura-Europos (Volume 2: Plates) // Thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy University. Syria. College Institute of Archaeology. 502 p.
- James S.T., 2004.** The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937 // Final Report 7: The Arms and Armour and other Military Equipment. London: British Museum Press. 304 p.
- Maenchen-Helfen O.J., 1973.** The World of the Huns. Studies in Their History and Culture. Berkely; Los Angeles; London: University of California Press. 602 p.
- Miks Ch., 2009.** Relikte eines frühmittelalterlichen Oberschichtgrabes? Überlegungen zu einem Konvolut bemerkenswerter Objekte aus dem Kunsthandel // JRGZM. 56. S. 395–538.
- Quast D., 1993.** Die merowingerzeitlichen Grabfunde von Gültlingen (Stadt Wildberg, Kreis Calw) (Forschungen und Berichte zur Vorund Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 52). Stuttgart: Konrad Theiss Verlag. 162 S.
- Quast D., 2012.** Einige alte und neue Waffenfunde aus dem frühbyzantinischen Reich // Thezaurus Avarorum. Régészeti tanulmányok Garam Éva tiszteletére / Archaeological Studies in Honour of

Eva Garam / Ed. T. Vida. Budapest: Magyar Nemzeti Museum. S. 351–370.

Sarnowski T., 1988. Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na północnym wybrzeżu Morza Czarnego. Badania Ekspedycji archeologicznej Uniwersytetu warszawskiego w Novae (Novaensia. 3). Warszawa: Uniwersytet Warszawski. 219 s.

Steuer H., 1987. Helm und Ringschwert Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger (Studien zur Sachsenforschung. 6). Hildesheim. S. 191–236.

Stiebel G.D., 2003. Arms from the large Byzantine structure in Area XV (Chapter 11) // Mazar E. The Temple Mount Excavations in Jerusalem 1968–1978 directed by Benjamin Mazar (Final Reports. Vol. II. The Byzantine and Early Islamic Periods) (Qedem. 43). Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem. P. 153–158.

Stiebel G.D., 2007. A spangenhelm-type helmet // Mazar E. The Temple Mount Excavations in Jerusalem 1968–1978 directed by Benjamin Mazar (Final Reports. Vol. III) (Qedem. 46). Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem. P. 43–46.

Vogt M., 2003. Die frühmittelalterlichen Spangenhelme. Ein Überblick zu archäologischen, kunsthistorischen und herstellungstechnischen Problemen // Acta praehistorica et archaeologica. № 35 / Hrsg. W. Menghin. Rahden: Verlag Marie Leidorf. S. 9–29.

Vogt M., 2006. Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen (Kataloge vor- und frühgeschichtlicher Altertümer. Bd. 39). Mainz: RGZM. 389 S.

Zeyrek T.H., 2005. Halûk Perk Müzesi'nden Bir Grup Miğfer (A Group of Helmets from Haluk Perk Museum) // Tuliya I. İstanbul: Halûk Perk Müzesi. P. 183–192.

Helmets from a cemetery of the Ryazan-Oka Finns near the Tsaritsyno village (preliminary report)

I.R. Akhmedov (Saint-Petersburg), N.A. Birкина (Moscow)

Key words: Migration period, Ryazan Finns, defensive armament, Mediterranean and Danubian imports, cross-cultural interactions.

Occasional finds of helmets of the Migration period, found near the village Tsaritsyno (Kasimov district of the Ryazan region), were transferred to the State Historical Museum. The helmets belong to the types St. Vid/Narona and Baldenheim. Most of the scholars attribute them to the categories common for the early Byzantine armament. The closest parallels to the Tsaritsyno helmets originate from the north-western part of Balkans and neighbouring regions. In Eastern Europe the finds of helmets of the Baldenheim type are also known in the Desna river basin (Bryansk region, Russia) and in the Middle Dnieper region (Cherkassy region, Ukraine). The helmet of the St. Vid/Narona type is the first find in Eastern Europe. These helmets, found near Tsaritsyno, are to be considered in the context of the “Danubian” cultural impulse and its evidence at the sites in the Dnieper and Oka basins, dating from the second half of the 5th to the turn of the 5th–6th cc. This impulse is to be connected with the movement of groups of the “Danubian” migrants after the fall of the Empire of Attila, which could have taken part in the military activities of Attila’s inheritors near the northern borders of the Empire. Most of the finds of the “Danubian” character are related to the military equipment, arms and harness. By now the defensive armament was represented only by two finds of umbo in the Moscow region (Lukovnya, Starikovo). The finds of such a special category as helmets, common for the equipment of the barbarian military elite, justify the hypothesis, provided earlier by some scholars, on the direct presence of the migrants, the part of which was incorporated into the community of the Ryazan Finns, in the Oka basin.

Translated by I. Grigoryan

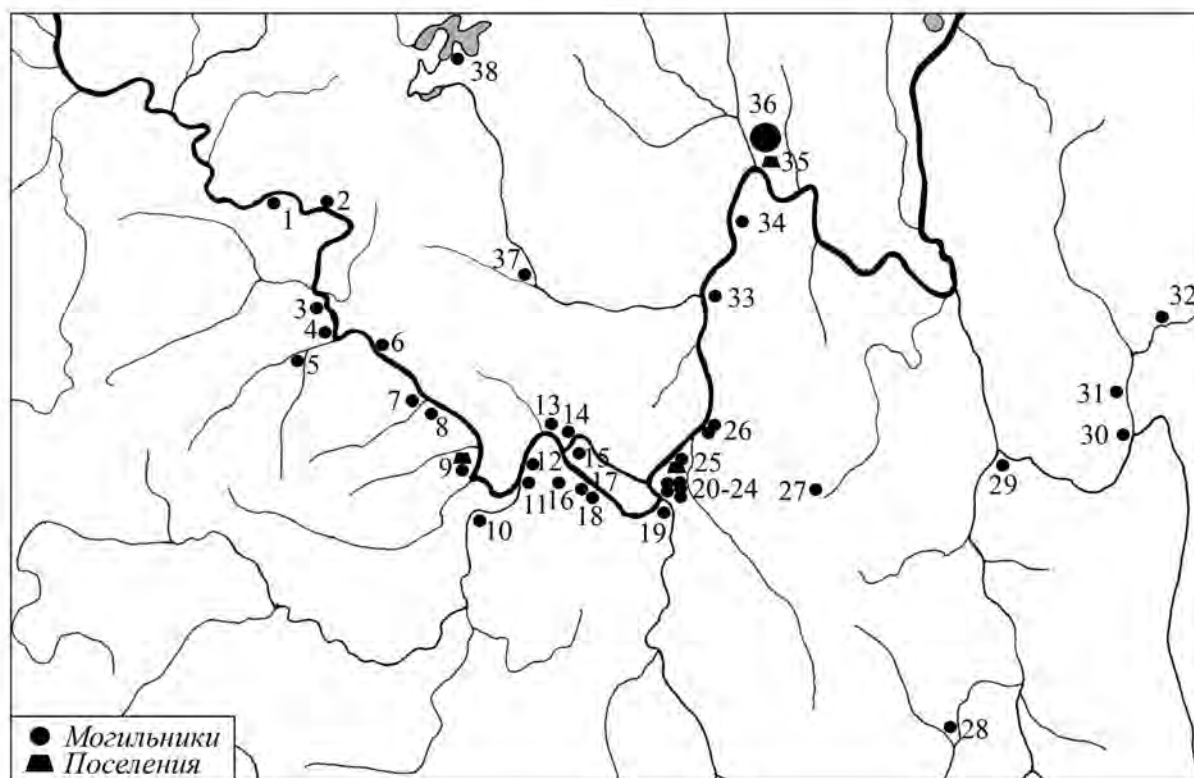

Рис. 1. Основные памятники рязанских финнов.

- 1 – Вакинский; 2 – Кузьминский; 3 – Фефеловский; 4 – Борковской; 5 – Павловский;
 6 – Дубровичи; 7 – Кораблинский; 8 – Гавердовский; 9 – Троице-Пеленицы; 10 – Заречье 4;
 11 – Никитинский; 12 – Щатрищенский; 13 – Кисструс; 14 – Дегтянное; 15 – Облачинский;
 16 – Еремеевский; 17 – Дуброво-Срезневский; 18 – Бортниковский; 19 – Шиловский;
 20 – Кулаковский; 21 – Пролетарский; 22 – Белые Бугры; 23 – Борок 2; 24 – Ундрих;
 25 – Терехово; 26 – Тырново; 27 – Мелехово; 28 – Польное-Ялтуново; 29 – Кошибеево;
 30 – Старый Кадом; 31 – Кокуй; 32 – Шокшинский; 33 – Куземкинский; 34 – Курман;
 35 – Земляной Струг; 36 – Царицыно; 37 – Деулинский; 38 – Барское 2.

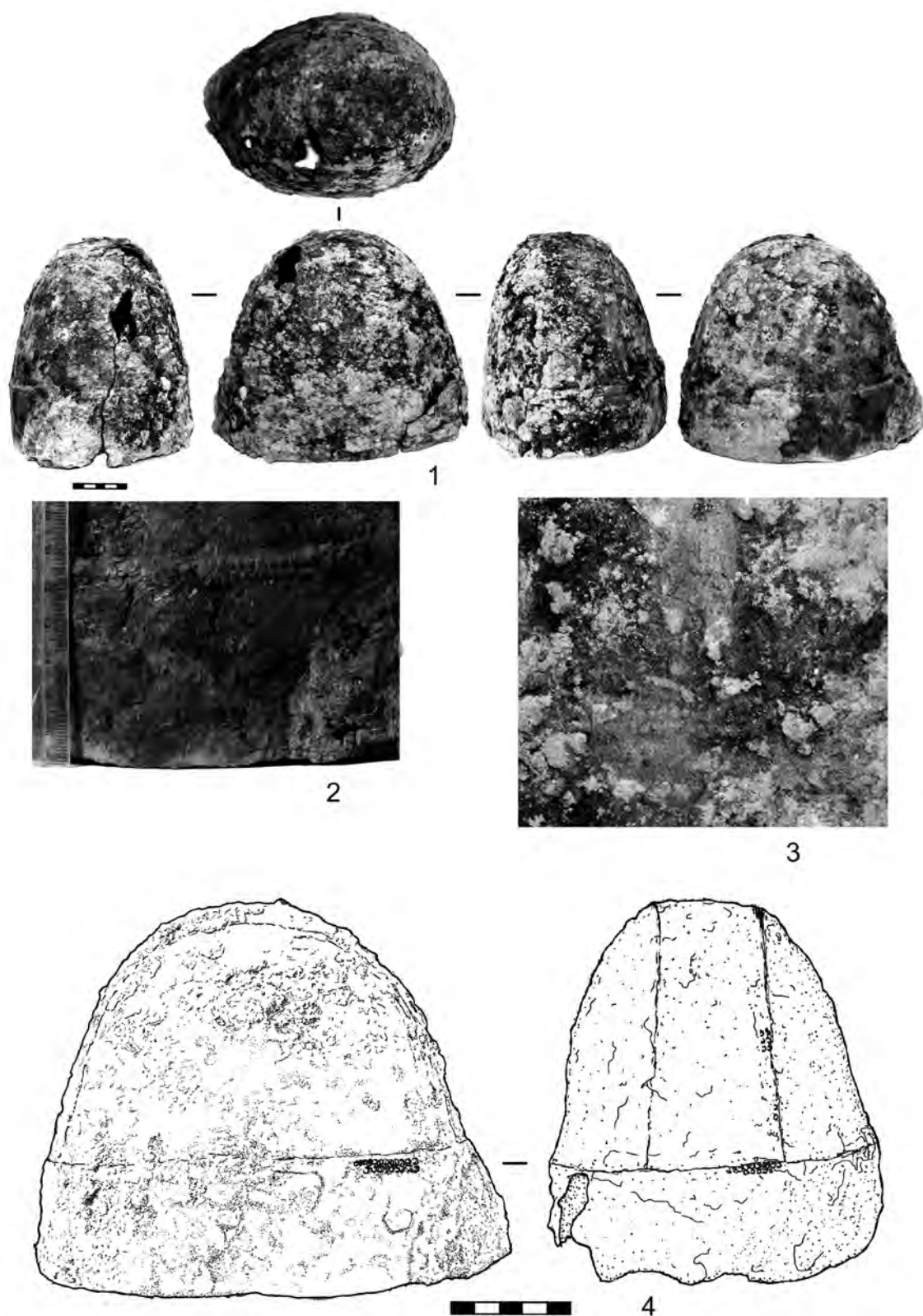

Рис. 2. Могильник у с. Царицыно. Шлем типа “St. Vid/Narona”.
1 – фото шлема с разных ракурсов; 2 – декор по верхнему краю ленты обода;
3 – декор по верхнему краю обода и по краю ранта; 4 – прорисовка шлема. Железо.

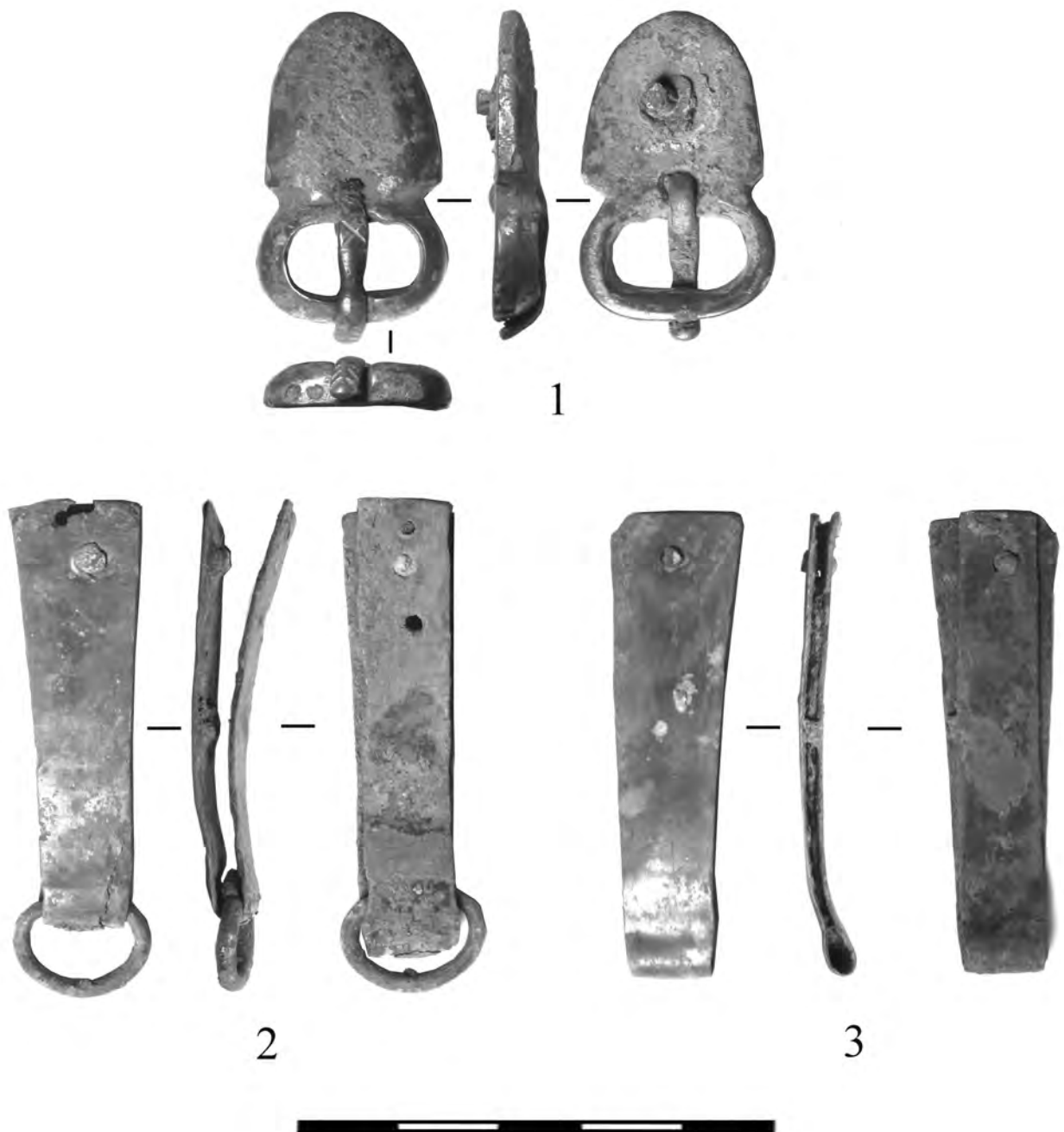

Рис. 3. Могильник у с. Царицыно. Пряжка и наконечники ремней, найденные вместе со шлемом типа “St. Vid/Narona”.
1 – пряжка; 2–3 – наконечники ремней; 1–3 – сплав цветных металлов.

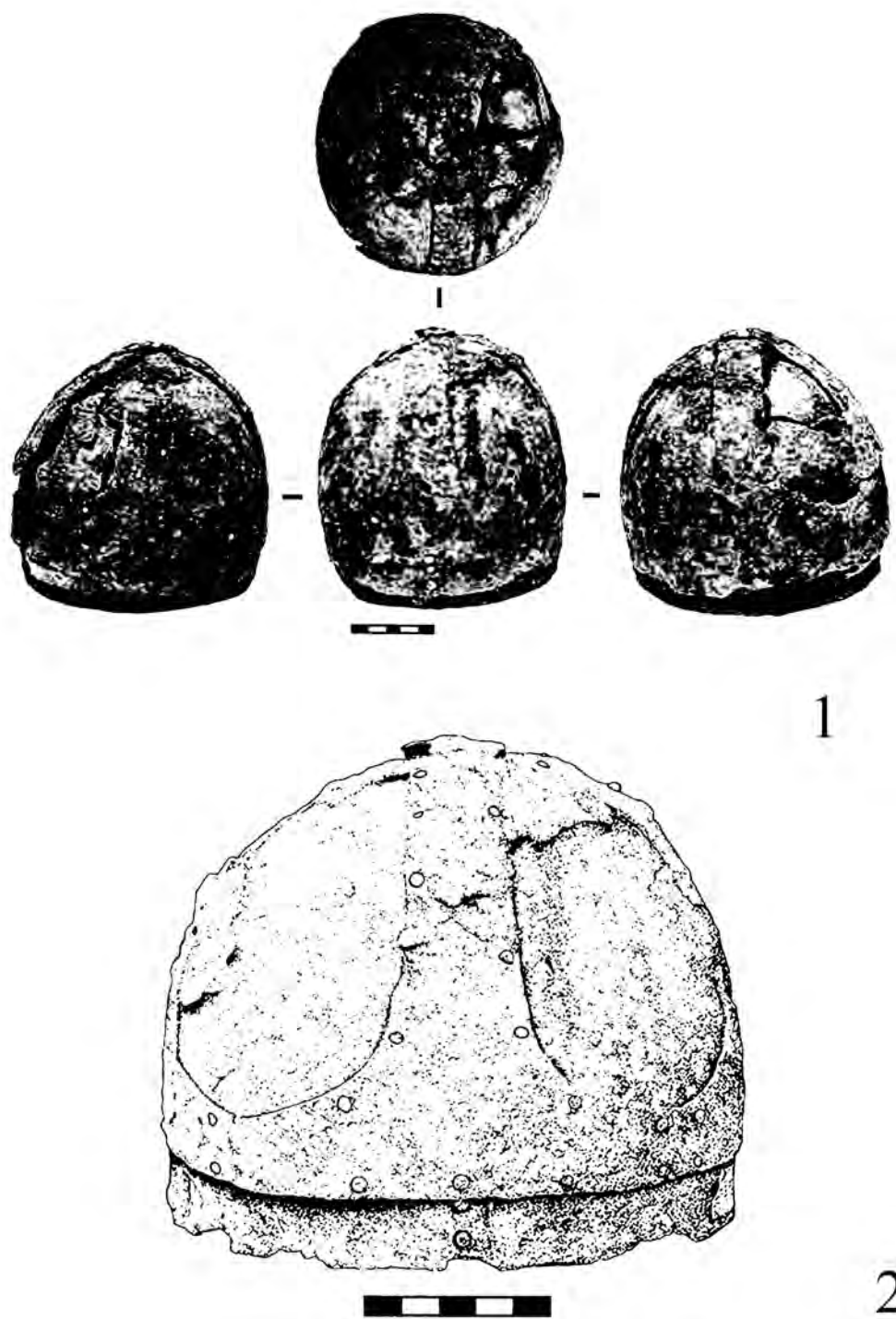

Рис. 4. Могильник у с. Царицыно. Шлем типа “Baldenheim”.
1 – фото шлема с разных ракурсов; 2 – прорисовка шлема. Железо, бронза.

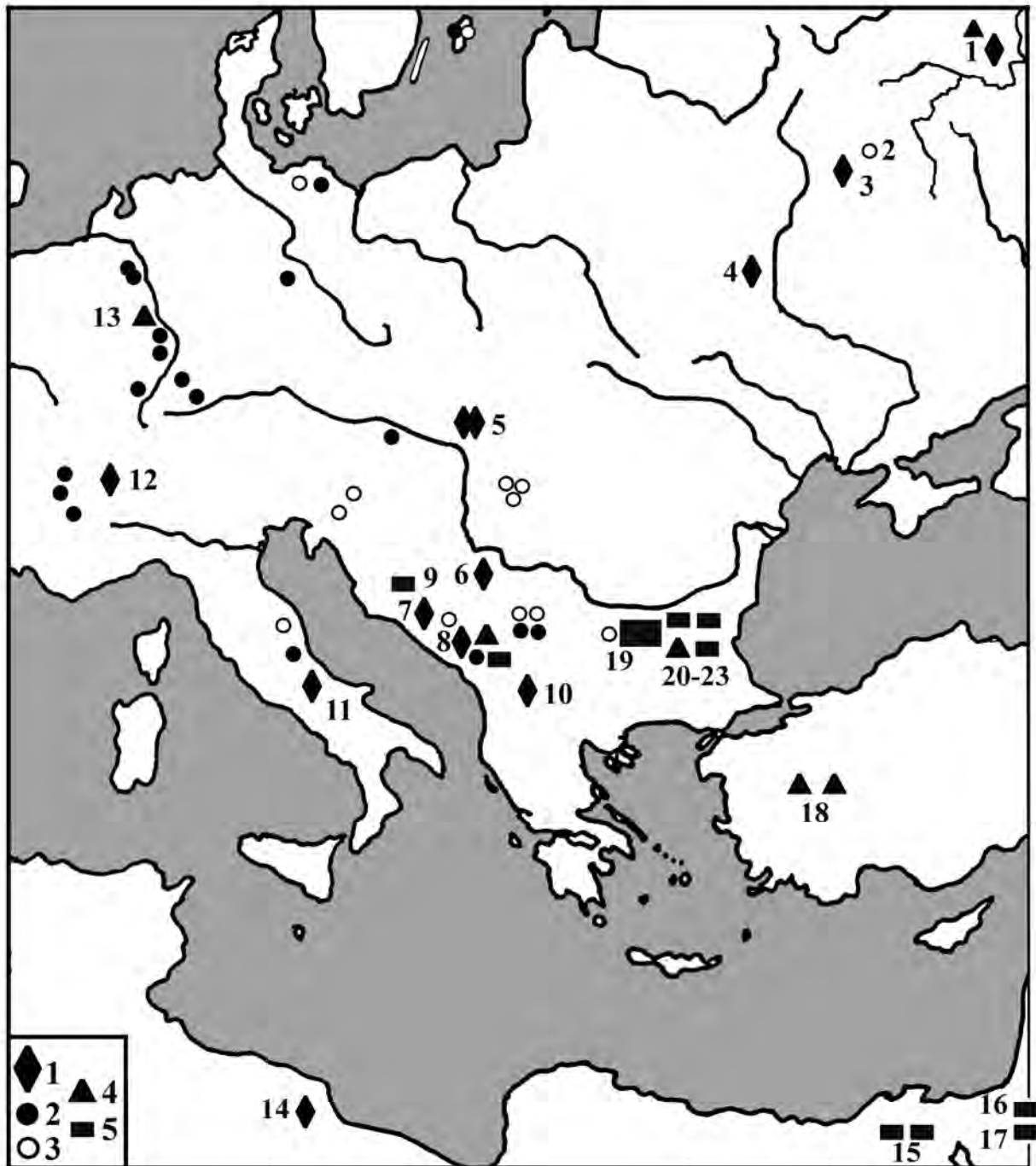

Рис. 5. Карта-схема находок шлемов.

Экспликация: 1 – четырехчастные типа “Baldenheim”; 2 – шестичастные типа “Baldenheim”;

3 – находки отдельных деталей шлемов типа “Baldenheim”; 4 – тип “St.Vid/Narona” и его производные; 5 – тип «Дейр-эль-Медина/Лейден» и его производные.

Находки четырехчастных шлемов: 1 – Царицыно; 2 – Болдыж; 3 – Климовский район; 4 – Черкасская область; 5 – Дольни-Семеровце; 6 – Батайница; 8 – Вид; 7 – Салона; 9 – Синь; 10 – Гераклея-Линкестис; 11 – Торичелло-Пелинья; 12 – Женевское озеро; 13 – Бретценхейм; 14 – Лептис-Магна; 15 – Дейр-эль-Медина и возможное место находки шлема из музея в Лейдена; 16 – Иерусалим; 17 – Эль-Хадита; 18 – Малая Азия; 19 – Новы; 20 – Новаково; 21 – Войвода; 22 – Шабла; 23 – Асенова крепость.

По М.Фогту с дополнениями авторов.

Новые археологические материалы

Результаты разведочных работ на поселении Мерчицы 2 и перспективы изучения памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в Белорусском Полесье¹

В.Г. Белевец (Варшава)

Ключевые слова: Белорусское Полесье, римское время, эпоха Великого переселения народов, постзарубинецкий горизонт, зарубинецкая культура, вельбарская культура, пражская культура.

Уважаемый юбилей самым тесным образом связан с белорусской археологией: свою научную карьеру Андрей Михайлович начал с анализа памятников зарубинецкой культуры Верхнего Поднепровья, материалы которых стали темой его кандидатской диссертации. Это новаторское исследование на десятилетия определило пути изучения культур раннего железного века и римского времени на юго-востоке Беларуси. И хотя в дальнейшем его научные интересы охватывали все новые регионы и периоды – Среднее Поднепровье, затем Днепро-Донецкое междуречье римского времени, а позднее и эпохи Великого переселения народов – Андрей Михайлович не оставлял без внимания проблематику археологии железного века Беларуси. Важнейшим результатом этих работ стало создание концепции этно- и культурогенеза славян на землях Припятского Полесья, Верхнего и Среднего Поднепровья (Гавритухин и др., 2004), которая находит подтверждение в исследованиях белорусских коллег.

Период, предшествовавший сложению пражской культуры, остается одним из наименее изученных в археологии Полесья, поэтому сегодня большое значение имеет поиск и выделение опорных памятников, необходимых для дальнейшего развития раннеславянской проблематики. Один из них был открыт В.С. Вергей в ходе разведок на Загородье² в нижнем течении Ясельды (рис. 1). В 1980 г. у западного края д. Мерчицы (Пинский р-он Брестской обл.) ею было выявлено селище Мерчицы 2 с материалами пражской культуры и Киевской Руси (Вяргей, 2003, с. 51). Памятник не исследовался до 2011 г., когда стало известно о находке здесь глазчатой фибулы раннеримского времени (рис. 2: 4) (Белевец, 2012, с. 289, рис. 5: 3), переданной в учебную лабораторию музейного дела исторического факультета Белорусского государственного университета (далее – УЛМД БГУ, Минск). Благодаря усили-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Narodowe Centrum Nauki (Национального Научного Центра) Республики Польша, проект № DEC-2014/12/S/HS3/00202

² Этнографический и географический регион (Загородская равнина), часть Западного Полесья. Его границы очерчиваются верхним течением Припяти на юге, р. Ясельда (левый приток Припяти) – на востоке и севере, верхним течением р. Мухавец или междуречьем Мухавца и Лесной (правые притоки Западного Буга) на западе.

ям заведующего лабораторией В.М. Сидоровича удалось выяснить, что это селище уже несколько лет вызывает интерес у кладоискателей, ищущих остатки шляхетской усадьбы XVII–XIX вв. Значительная часть их находок – более 30 изделий из цветных металлов железного века и раннего Средневековья – поступила в собрания УЛМД БГУ.

Мной разведки в Мерчицах были проведены в 2012 и 2015 г. Памятник расположен на достаточной высоте на этом участке – до 3 м над уровнем воды – террасе правого берега старицы и основного русла Ясельды. Его восточная часть находится под современной застройкой. К западу от деревни следы культурного слоя прослеживаются на распаханном поле на расстоянии 500–600 м вдоль берега, полосой 100–120 м в ширину. На памятнике имеются довольно мощные, до 0,85 м, культурные напластования, содержащие материальные остатки от эпохи мезолита до Нового времени; наиболее ярко представлены материалы железного века и раннего Средневековья. Собранная керамическая и вещевая коллекция свидетельствует о наличии на селище нескольких горизонтов заселения на протяжении раннего железного века, римского времени и эпохи Великого переселения народов. Рассмотрим эти материалы в хронологическом порядке.

Финал раннего железного века в Мерчицах представлен обломками посуды зарубинецкой культуры, среди которых – фрагменты лощеных мисок с закругленным ребром, прямой или слабо загнутой внутрь шейкой (рис. 3: 1, 3, 4), а также горшков с подлощенной поверхностью (рис. 3: 2). Способ обработки поверхности и состав гончарной массы типичны для полесской поселенческой керамики зарубинецкой культуры: лощение относительно невысокого качества было выполнено по не просохшей окончательно поверхности, оставив характерные впадины. В тесте имеется примесь дресвы размерами до 3–4 мм. Внешняя поверхность сосудов черная, темно-серая и коричневая разных оттенков. К этому культурно-хронологическому горизонту относится фрагмент украшения трапецевидной формы из медного сплава (рис. 2: 1). Оно сделано из тонкой пластины и украшено вдоль длинных сторон рельефными валиками с круглыми выступами на окончаниях, окомтуренными точечными наколами. Вероятно, это щиток зарубинецкой фибулы, судя по размеру, типа Амброз IV или V. Подобные украшения получили распространение на поздних стадиях развития культуры – около рубежа эр и в первых десятилетиях – середине I в. (Амброз,

1966, с. 18; Каспарова, 1986, с. 11; Обломский, 1986, с. 55; Егарэйчанка, 1999, с. 263–264).

К следующему горизонту относится пара фибул серии I группы IV и фрагмент застежки прусской серии группы III O. Альмгрена (Almgren, 1923). Стилистически наиболее ранней среди них является сильно профилированная фибула с несколько уплощенной головкой и характерными «ступенчатыми» ажурными отверстиями на приемнике (рис. 2: 3). Такие застежки определяются разными авторами как поздний вариант типа A.67 или переходная форма A.67/68 (Demetz, 1998, S. 139–141, Abb. 2: 4, 5; Maćczyńska, 2001, S. 165, Abb. 1: 2–3; 2011, Abb. 9–3; Dąbrowska, 2003, s. 156). Типологически более поздней является миниатюрная фибула группы IV с плоской головкой и цельным приемником типа A.69 (рис. 2: 2). В центральноевропейской хронологии фибулы A.67 представляют ведущую форму раннего отрезка фазы B1, типы же A.68 и A.69 – позднего ее этапа и начала фазы B2 (Godłowski, 1994, S. 481; Wołagiewicz, 1993, s. 24; Drobejar, 1999, S. 141; Dąbrowska, 2003, s. 156–157; Maćczyńska, 2011, S. 27–30, Abb. 10). Сходная датировка принимается для фибул A.68–69, открытых на позднезарубинецких памятниках Среднего Поднепровья и верховий Южного Буга (Обломский, 2010a, с. 26–27, 30, рис. 7: 4). Фрагмент застежки группы III O. Альмгрена (рис. 2: 4) может быть отнесен к типам A.57–60. Эти изделия являются основными индикаторами фаз B2a и B2b раннеримского времени в центральноевропейском Барбарикуме и циркумбалтийском регионе (Godłowski, 1982, s. 62, гус. 3; 1994, S. 481; Dąbrowska, 1997, S. 82; Pfeiffer-Frobnert, 1998, Abb. 1; Andrzejowski, 2001, s. 61; Nowakowski, 1998, S. 25–26; Andrzejowski, Cieśliński, 2007, s. 282–286, гус. 4; Maćczyńska, 2011, S. 25–26). Не менее шести экземпляров фибул A.60–61 происходит с позднезарубинецких памятников Поднепровья и верховий Южного Буга (Обломский, 2010a, с. 26, рис. 21: 2; 24: 16; 26: 4; 2010б, с. 62, рис. 146: 14; Башкатов, Терпиловский, 2010, с. 38, рис. 86: 16). В подобном культурном контексте застежки A.58–59 и A.60–61 встречены также на могильнике Гриневичи Вельке в польском Подляшье (Andrzejowski, 1999, s. 20, 21, 25, гус. 3: 13; 8: 1). До недавнего времени они считались редкими для Беларуси. В последние годы, однако, работа с музейными коллекциями открыла картину их широкого распространения в Центральном и Западном Полесье и Буго-Неманском междуречье; эти находки образуют практически полный эволюционный ряд

сильно профилированных и глазчатых фибул III и IV групп О. Альмгрена, что свидетельствует об их динамичном, стабильном поступлении, позволяя принять для них датировки, близкие к установленным для культур Центральной Европы и Прибалтики (Белевец, 2014; Beljavec, 2016). Рассмотренные фибулы следует отнести к фазам В1–В2 раннеримского времени (возможно, исключая финальный этап) и датировать в рамках первых десятилетий / середины I – начала или всей первой половины II в.

В керамическом материале с этими вещами соотносятся обломки груболепных массивных толстостенных горшков с бугристой поверхностью и примесью дресвы в тесте. Верхние части наиболее выразительных из них имеют слабо изогнутые, реже прямые, наклоненные внутрь шейки, в том числе украшенные насечками по краю (рис. 3: 6, 7). Такая посуда находит близкие аналогии на центральнополюсских памятниках постзарубинецкого горизонта (Белевец, 2016а, с. 350–373, там же более ранняя литература).

В Мерчицах найдены несколько фрагментов керамики того же времени, но иной традиции – груболепных тонкостенных, со значительной примесью дресвы в тесте. Фрагмент верхней части одного горшка имеет низкую слабо изогнутую шейку и подчеркнуто острое ребро, украшенное парными защипами (рис. 3: 5). Подобные профилировка, способ орнаментации, как и относительно малая толщина стенок в сочетании с обильными добавками дресвы характерны для культуры поздней штрихованной керамики (КПШК) (Егорейченко, 2006, с. 75, 76, рис. 20: 2а). Вероятно, указанные фрагменты относятся ко времени около рубежа эр и отражают контакты населения зарубинецкой культуры и, возможно, постзарубинецкого горизонта с жителями Северного Полесья. Обратное проявление этих связей выразительно прослеживается в позднем горизонте памятников южной периферии КПШК, таких как городища в Ивани и Мыслях (Гурин, 2000; Егорейченко, 2006, с. 105, 106).

Одна из находок, полученных во время разведки 2015 г., – фрагмент так называемого кольца с выступами или кнотенринга (нем. Knotenring) – не может быть датирована узко, но также, вероятнее всего, связана с горизонтом римского времени памятника. Это примерно четверть литого круглого в сечении кольца, верхняя и боковые стороны которого украшены строеными шишечками (рис. 2: 5). Предполагается, что в зависимости от диаметра такие изделия могли ис-

пользоваться в качестве браслетов, подвесок, поясных колец или даже перстней. Они были очень популярны у кельтского и латенизированного населения Центральной Европы горизонта оппидумов (на фазах Lt C1–D); широко представлены в культуре даков, откуда перешли к скифам и сарматским племенам. У народов Свободной Германии кнотенринги не получили широкого распространения, но бытовали на протяжении всего римского времени до начала Великого переселения народов включительно (Wołagiewicz, 1981, s. 161, рис. 41: 13–16; Rundkvist, 1996; Balke, 1999; Istvánovits, Kulcsár, 2011; Журавлев, 2014).

Следующий историко-культурный горизонт селища маркируют фрагменты посуды вельбарской культуры. Наиболее выразительные из них представлены обломками сосудов с лощеной и мелкохрупчатой поверхностью преимущественно песочного и светло-коричневого цвета. В тесте наряду с мелкой дресвой или крупным песком присутствует шамот. Частично реконструируется одна из форм – верхняя часть миски типа VIC по Р. Волонгевичу (Wołagiewicz, 1993) (рис. 3: 9).

На памятнике не встречены датирующие материалы конца II – первой половины III в. – периода проникновения и расселения носителей вельбарской культуры в Припятском Полесье (см.: Белевец, 2008, с. 134, 135; 2016б, с. 394), но вещи развитого, позднего этапов позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов представлены очень ярко. Типологически наиболее ранними являются две массивные фасетированные фибулы VI группы, типа А.162 или А.172 (рис. 2: 6, 7). В вельбарской культуре и масломенчской группе такие застезки, сопоставимые с вариантами FM–103 и FG–28 по А. Коковскому, широко распространены на фазах C2–C3 (Kokowski, 1997, S. 696–703, Abb. 26/PIA: 6, ППВ: 12), но использовались и в начале эпохи Великого переселения народов (см.: Jaskanis, 1996, Taf. LI/407: 1, LXII/502A: 1). Они соответствуют типам Б2в и Б3д по Е.Л. Гороховскому, характерным для III–V фаз черняховской культуры, которые синхронизируются с периодами C3–D1 по Я. Тейралу (Гороховский, 1988, с. 44, 45). Фрагмент с ромбовидным щитком на ножке, низким сплошным приемником и узкой спинкой треугольного сечения (рис. 2: 8) мог принадлежать ранней двупластинчатой застезке типа А.182 или близкой к группам 204, 205, 207 по М. Шульце и типу 4 «воинских» фибул черняховской культуры по О.В. Петраускасу. Исходя из этих определений, данную находку можно от-

нести к фазам C2–D2, а вероятнее всего – C3–D1, т.е. приблизительно к IV в. (Schulze, 1977, S. 114–116; Schulze-Dörrlamm, 1986; Kokowski, 1996; Gavritukhin, 2002; Гавритухин, 2007, с. 18–22; Петраускас, 2010, с. 195, 196).

С рассматриваемым культурным горизонтом связана медная монета императора Констанция II, отчеканенная в Константинополе между 351 и 355 гг.³ (рис. 2: 9). Находки римских медных монет мелкого номинала в Беларуси редки, и мерчицкая – первая подобная в Полесье (см.: Мызгин, Сидорович, 2014). Вероятно, она является импортом из ареала черняховской культуры, на памятниках которой около 9,5% от общей массы римских монет составляют медные номиналы начала – третьей четверти IV в. Большинство из них происходят из Пруто-Днестровского междуречья – зоны наиболее активных контактов населения готского племенного союза с Римской империей, но достаточно выразительная концентрация наблюдается и в Северо-Западной Украине, сопредельной Загородью (Bursche, 1983, гус. 1; Мызгин, 2013, с. 227, рис. 4).

Финал вельбарского горизонта определяют две находки из коллекции БГУ: литая фибула VI группы О. Альмгрена с прямоугольной площадкой на спинке и кнопкой на головке (рис. 2: 10) и пластинчатый щиток от пряжки, украшенной штампами в виде концентрических кругов и равнобедренных треугольников (рис. 2: 11). Фибула относится к варианту Скорбичи типа Грудек 47 – форме, типичной для вельбарской культуры, где эти застежки могли появиться в самом конце позднеримского времени, но служат, прежде всего, индикатором начала фазы D (Andrzejowski et al., 2008, s. 42–44, 52). Форма и способ орнаментации щитка (рис. 2: 11) находят близкие аналогии среди пряжек с массивными овальными рамками и прямоугольными или в форме $\frac{3}{4}$ круга щитками, типа Стшэгоницэ-Тишаладаны-Керчь (Н.43–45) по Р. Мадьде-Легутко (Madyda-Legutko, 1978; 1986, S. 70). Развитые формы этих пряжек, часто серебряных с позолотой и чернением, украшенных штемпельным орнаментом в стиле Унтерзибенбрунн, известны преимущественно в Среднем Подунавье и Паннонии, где они датируются фазой D2, т.е. около 380/400 – 440/450 гг. (Tejral, 1988, S. 241; 1997, S. 336; 2011, S. 175–180; Harhoiu, 1997, S. 172, 173, Taf. 37; 38). Пряжки, подобные мерчицкой – бронзовые, с менее развитой орнаментацией, – могут быть как дешевым вариантом исполнения

изделий круга Стшэгоницэ-Тишаладаны-Керчь, так и их ранними формами, возникшим в подражание позднеримскому провинциальному стилю в варварской среде, первоначально распространившимися в культурах готского круга, на юге пшеворского ареала, в Северном Причерноморье и верховьях Тисы (Levada, 2011, p. 81; Tejral, 2011, S. 179, 180; Kontny, Maćzyńska, 2015, S. 250–254; там же более ранняя литература).

Если рассмотренные вещи соответствуют представлениям о финальном горизонте вельбарской культуры, то серебряную «трехкрылую» цикадовидную фибулу, украшенную парой глазков на головке и декором тремоло по краям крыльев (рис. 2: 12), трудно признать для нее типичной. Считается, что такие броши возникли на фазе D1 в элитарной среде Северного Причерноморья под влиянием культуры сарматов и гуннов, откуда на фазах D1–D2 мода на них распространилась в Подунавье. Важную роль в трансляции этого и других элементов костюма, впитавших и трансформировавших элементы номадских традиций, сыграли племена восточных германцев, прежде всего готы (обзор литературы см.: Maćzyńska, 2009, s. 394–397). Ближайшие аналогии фибуле из Мерчиц происходят из Керчи и Парутино (Ольвии) (Kühn, 1936, S. 92, Abb. 51, Taf. 24: 51; Фурманська, 1953, с. 92, табл. VII: 7; Амброз, 1966, табл. 15: 24; 1994, рис. 5: 3). Их датировку определяет комплекс склепа 181/1902 г. Керченского некрополя (Шкорпил, 1904), который содержит показательные для Северного Причерноморья вещи конца IV – первой половины V в. (Сорокина, 1971, рис. 6: 1; Засецкая, 1993, с. 25–29, 34–38, табл. 3–5; Айбабин, 1999, с. 261–268, табл. XIX–XXV, XXVII; Aibabin, 2011, Taf. 27: 154). В комплексах вельбарской культуры цикадовидные фибулы до сих пор не отмечены. Единственная находка, связываемая с могильником Мальборк-Вельбарк – массивная железная брошь с бронзовым приемником (Sekula, 2006, s. 182, 193, гус. 3: 4), – по всей вероятности, относится уже к «поствельбарскому» горизонту Польского Поморья (Maćzyńska, 2007; Kontny, Maćzyńska, 2015).

Учитывая географическое положение памятника, фибулу из Мерчиц следует рассматривать в контексте историко-культурной ситуации, сложившейся в ареале черняховской культуры в начале эпохи Великого переселения народов. В последней четверти IV – начале V в., в период нашествия гуннов и распада общности культур готского круга, в Среднем Поднепровье, Днеп-

³ Определение и описание монеты дано В.М. Сидоровичем.

ро-Донецкой лесостепи, междуречье Днестра и Прута сохраняются группы «постчерняховского» населения. Ярким явлением этого времени стало образование готского анклава на юге Крымского полуострова (Kokowski, 2005; Гавритухин, 2005; 2007; Šćukin et al., 2006, p. 145–152; Казанский, 2011; Aibabin, 2011). Присутствие группы такого населения у южных рубежей Припятского Полесья маркирует клад из Качина, относящийся к фазе D2 (Кухаренко, 1982). Примечателен культурный контекст селища Ксизово 19 на Острой Луке Дона, с которого происходит цикадовидная фибула (Гавритухин, 2015, с. 213–215, рис. 5: 21) – единственная в восточноевропейской лесостепной зоне находка подобного рода, полученная в ходе систематических археологических работ. А.М. Обломский интерпретирует указанный памятник как крупное полиэтничное торгово-ремесленное поселение, один из центров зависящего от гуннов или тесно связанного с ними населения – «лесных людей», которое отождествляется с известными по сообщениям Иордана и Приска Панийского акацирами (Обломский, 2015, с. 304–308).

Таким образом, найденная в Мерчицах цикадовидная фибула относится к фазам D1–D2, отражая период массовых миграций групп носителей традиций вельбарской и черняховской культур, происходивших вокруг исчезающей уже готской ойкумены между Черным и Балтийским морями.

Возможно, с этим историко-культурным горизонтом в Мерчицах связана еще одна вещь – фрагмент бронзового браслета с расширенными концами, украшенными кольцевыми бороздками (рис. 2: 13). Аналогии ему широко представлены на памятниках Северного Причерноморья и Подунавья V–VI вв. (Tejral, 1988, Abb. 31: 8, 12; 32: 6; 43: 2; 2007, Abb. 22: 2, 4; Айбабин, 1999, с. 107, 111, рис. 40: 1; 41: 8; Турова, Черныш, 2015, с. 145–146, рис. 6: 11; 8: 24; 23: 123, 124; 26: 143, 144; 36: 119).

Следующий историко-культурный горизонт селища в Мерчицах маркирует фрагмент бронзовой фибулы с пластинчатой спинкой и ножкой, украшенными полями из косой сетки (рис. 2: 14). Она принадлежит к широко распространенной и стилистически разнообразной группе византийских подвязных застежек VI–VII вв. (Янкович,

1980; Uenze, 1992, S. 150–154, Abb. 5, Taf. 3, 5, 6; Гавритухин, 1995, с. 38–39, 62–63, рис. 52B; 64: 7; 65: 23; 66: 11; Curta, Gândilă, 2013). Ближайшие аналогии мерчицкой фибуле как по конструкции и орнаменту, так и территориально происходят из могильников Юго-Западного Крыма в Лучистом и Суук-Су, где они датируются второй половиной VI – началом VII в. (Kazanski, 2005, Abb. 13: 9; Aibabin, 2012, p. 409, fig. 1: 12, 13). В Мерчицах эта находка должна быть связана с носителями пражской культуры, на центральнополесских памятниках которой византийские импорты VI–VII вв. известны в Бухличском Хуторе и Снядине (Вяргей, 2016, с. 33, мал. 2: 1, 2; там же более ранняя литература). Сходная картина смены вельбарского населения пражским в начале эпохи Великого переселения народов наблюдается на селищах Лемешевичи, Городище и Камень 6 в нижнем течении Ясельды и на прилегающем участке Припяти (Вергей, 1994; Юй, Вяргей, 2012; Бяліцкая, Вяргей, 2015), но динамика процесса остается во многом неясной.

Материалы селища Мерчицы 2 свидетельствуют о практически непрерывном использовании его территории носителями различных археологических культур с рубежа эр по середину I тыс. н.э. Многослойность памятника в значительной мере обусловлена его положением: Ясельда в нижнем течении окружена широкой поймой с подмоклыми лугами и болотами, и такие высокие, удобные для заселения участки берега редки. Контроль над этой рекой должен был нести существенные выгоды, поскольку Ясельда являлась не только важнейшей воднотранспортной артерией региона, но и, практически сливаясь в районе Беловежской Пути с Наревом, соединяла бассейны Днепра и Вислы, обеспечивая кратчайший путь между Черным и Балтийским морями. Селище в Мерчицах с его мощным, хорошо сохранившимся культурным слоем может стать одним из опорных памятников при изучении проблем историко-культурного развития земель Белорусского Полесья в римское время и эпоху Великого переселения народов: образования памятников постзарубинецкого горизонта, взаимодействия населения восточноевропейской лесной зоны и культур готского круга, а также формирования и ранних этапов развития пражской культуры.

Литература

- Айбабин А.И., 1999.** Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР. 352 с.
- Амброз А.К., 1966.** Фибулы юга европейской части СССР (САИ. Вып. Д1–30). М.: Наука. 131 с.
- Амброз А.К., 1994.** Юго-западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь: Таврия. С. 31–88.
- Башкатов Ю.Ю., Терпиловский Р.В., 2010.** Позднезарубинецкие памятники Среднего Поднепровья // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (Раннеславянский мир. Вып. 12) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 36–44.
- Белевец В.Г., 2012.** Проблема выделения памятников позднезарубинецкого круга в Припятском Полесье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 283–305.
- Белевец В.Г., 2014.** О находках глазчатых фибул III группы О. Альмгрена на территории Беларуси // Stratum plus. № 4. С. 159–177.
- Белявец В.Г., 2008.** Помнікі вельбарскай культуры ў Турава-Пінскім Палессі: праблемы вывучэння // ГАЗ. № 22. С. 124–143.
- Белявец В.Г., 2016а.** Стан і актуальныя праблемы вывучэння помнікаў постзарубінецкага гарызонту ў Беларускім Палессі // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период. Кн. 1 / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская Навука. С. 334–383.
- Белявец В.Г., 2016б.** Насельніцтва вельбарскай культуры ў гісторыка-культурным развіцці зямель Беларусі рубяжу II/III – пачатку V ст. н.э. // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период. Кн. 1 / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская Навука. С. 384–450.
- Бяліцкая Г.М., Вяргей В.С., 2015.** Матэрыялы жалезнага веку і ранняга сярэднявекі з паселішча Камень-6 // Вынікі даследавання першабытных і сярэднявекіх помнікаў на тэрыторыі Беларусі (да 120-годдзя з дня нараджэння А.М. Ляўданскага) (МАБ. Вып. 28) / Рэд. В.І. Кошман. Мінск: ІГ НАНБ. С. 217–236.
- Вяргей В.С., 1994.** Селище у дер. Лемешевичи на Припяти // ГАЗ. № 5. С. 133–151.
- Вяргей В.С., 2003.** Эпоха жалеза і ранняга сярэднявечча на Піншчыне // Кніга Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Пінскага раёна / Рэд. Ю.У. Каршакова і інш. Мінск: Белта. С. 51.
- Вяргей В.С., 2016.** Сучасны стан і праблемы даследавання пражскай культуры ў Беларусі // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период. Кн. 2 / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская Навука. С. 14–61.
- Гавритухин И.О., 1995.** Фибулы // И.О. Гавритухин, А.М. Обломский и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (Раннеславянский мир. Вып. 3) М. С. 36–38.
- Гавритухин И.О., 2005.** Некоторые перспективы изучения финала черняховской культуры // Городцовские чтения II (Труды ГИМ. Вып. 145) / Ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ. С. 231–240.
- Гавритухин И.О., 2007.** Днепровское лесостепное Левобережье. Финал черняховской культуры // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 9–24.
- Гавритухин И.О., 2015.** Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 212–240.
- Гавритухин И.О., Лопатин Н.В., Обломский А.М., 2004.** Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья (к концепции славянского этногенеза) // Славянский мир Полесья в древности и средневековье / Рэд. А.А. Макушнікаў. Гомель: ГДУ. С. 39–50.
- Гороховский Е.Л., 1988.** Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V МКАС. Т. 4: Древние славяне / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова Думка. С. 34–46.

- Гурин М.Ф., 2000.** Археологические материалы из городища Мысли // ГАЗ. № 15. С. 24–39.
- Егарэйчанка А.А., 1999.** Зарубинецкая культура // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і ранніе сярэднявечча / Рэд. П.Ф. Лысенка (і інш.). Мінск: Беларуская Навука. С. 232–289.
- Егорейченко А.А., 2006.** Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ. 207 с.
- Журавлев Д.В., 2014.** «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья // Проблемы истории, филологии, культуры. № 43. С. 59–85.
- Засецкая И.П., 1993.** Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н.э. // МАИЭТ. Вып. III. / Ред. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Симферополь: Таврия. С. 23–105.
- Іоў А.В., Вяргей В.С., 2012.** Старажытнае паселішча на Ясельдзе. Мінск: Беларуская навука. 173 с.
- Казанский М.М., 2011.** Радагайс и конец черняховской культуры // Черняхівська культура: матеріали досліджень (ОПМ. I) / Ред. О.В. Петраускас, Р.В. Шишкін. Київ; Луцьк: ІА НАНУ, ІО НПУ ім. Драгоманова. С. 22–32.
- Каспарова К.В., 1986.** Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Ред. П.С. Кабытов и др. Куйбышев: КГУ. С. 26–38.
- Кухаренко Ю.В., 1982.** О качинской находке V в. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М.: Наука. С. 234–244.
- Мызгин К.В., 2013.** Римские монеты в ареале черняховской культуры: проблема источников поступления // Stratum plus. № 4. С. 217–233.
- Мызгин К.В., Сидорович В.М., 2014.** Находки римских монет на территории белорусского и украинского Полесья (бассейн р. Припять) // Другія Навуковыя Чытанні памяці прафесара В.Н. Рабцэвіча (1934–2008), Мінск – Нясвіж, 26–28 лістап. 2014 г.: праграма і тэз. дакл. Мінск: БДУ. С. 16–17.
- Обломский А.М., 1986.** Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком (так называемых зарубинецких) // КСИА. Вып. 186. С. 50–56.
- Обломский А.М., 2010а.** Памятники типа Марьяновка бассейна Южного Буга // Позднерубинецкие памятники на территории Украины (Раннеславянский мир. Вып. 12) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 16–35.
- Обломский А.М., 2010б.** Памятники типа Почеп // Позднерубинецкие памятники на территории Украины (Раннеславянский мир. Вып. 12) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 54–66.
- Обломский А.М., 2015.** Этнические и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 296–308.
- Петраускас О.В., 2010.** Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) // Археологія правобережної України (Археологія і давня історія України. Вып. 2) / Ред. Д.Н. Козак и др. Київ: ІА НАНУ. С. 191–207.
- Сорокина Н.П., 1971.** О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. № 4. С. 85–101.
- Турова Н.П., Черныш С.А., 2015.** Раннесредневековый могильник Алония на южном берегу Крыма (по материалам раскопок 1998, 2001, 2002) // МАИЭТ. Вып. XX / Ред. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Симферополь: Таврия. С. 133–184.
- Фурманська Ф.І., 1953.** Фібули з розкопок Ольвії // Археологія. VIII. С. 76–95.
- Шкорпил В.В., 1904.** Раскопки в Керчи и его окрестностях в 1902 г. // Известия ИАК. Вып. 9. С. 73–117.
- Янкович Д., 1980.** Позднеантичные фибулы VI – VII вв. и славяне // Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave. T. 2 / Éd. B. Chropovský. Bratislava: SAV AÚ. P. 173–177.
- Aibabin A.J., 2011.** Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit (Monographien des RGZM. Bd. 98). Mainz: RGZM. 284 S.
- Aibabin A., 2012.** Early Byzantine Military Fibulas with Returned Foot from South-Western Crimea // Small Finds in Archaeological Contexts (BYZAS. 15) / Ed. B. Böhlendorf-Arslan. İstanbul: MAS Matbaacılık. P. 407–415.
- Almgren O., 1923.** Studien über nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen // Mannus-Bibliothek. № 32. 254 S.
- Andrzejowski J., 1999.** Hryniewiczze Wielkie – cmentarzysko z pogranicza dwóch światów // Comhlan: studia z archeologii okresu przedrzymskiego i rzymskiego w Europie Środkowej dedykowane T. Dąbrowskiej w 65 rocznicę urodzin / Red. J. Andrzejowski. Warszawa: IAUW. S. 17–60.

Andrzejowski J., 2001. Wschodnia strefa kultury przeworskiej – próba definicji // *WA. T. LIV, 1995–1998. S. 59–87.*

Andrzejowski J., Cieśliński A., 2007. Germanie i Bałtowie u schyłku starożytności. Przyjazne związki czy wrogie sąsiedztwo? // *Kultura bogaczewska: 20 lat później (Seminarium Bałtyjskie. T. I) / Red. A. Bitner-Wróblewska, W. Brzeziński. Warszawa: J. Bieszczad. S. 279–317.*

Andrzejowski J., Prochowicz R., Rakowski T., 2008. Brooches Type Gródek 47 and their Dating // *The turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period (Monumenta studia Gothica. V) / Ed. C. von Carnap-Bornheim, J. Ilkjær, A. Kokowski. Lublin: UMCS. S. 39–62.*

Balke B., 1999. Unikatowa bransoleta znad Mogielanki // *Comhlan: studia z archeologii okresu przedrzymskiego i rzymskiego w Europie Środkowej dedykowane T. Dąbrowskiej w 65 rocznicę urodzin / Red. J. Andrzejowski. Warszawa: IAUW. S. 61–79.*

Beljavec V., 2016. Zapinki grup III i IV O. Almgrena na Białorusi // *Pogranicze trzech światów – Mazowsze u schyłku starożytności (Światowit, Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages. Vol. XVII) / Red. A. Jarzec, W. Nowakowski, A. Szela. Warszawa: IAUW. S. 53–88.*

Bursche A., 1983. Moneta i kruszec w kulturze wielbarskiej w okresie późnorzymskim // *PA. T. 31. S. 47–90.*

Curta F., Gândilă A., 2013. Sixth-century fibulae with bent stem // *Peuce, Serie Nouă. Studii și cercetări de istorie și arheologie. T. XI. Tulcea: Institutul de Cercetări Eco-Muzeale. P. 101–176.*

Dąbrowska T., 1997. Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien (MAB. T. III). Kraków: Secesja. 334 S.

Dąbrowska T., 2003. Jeszcze raz o najwcześniejszych wpływach rzymskich na ziemiach polskich // *Antyk i Barbarzyńcy. Księga dedykowana Profesorowi Jerzemu Kolendo w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / Red. A. Bursche, R. Ciołek. Warszawa: IAUW. S. 153–160.*

Demetz S., 1998. Almgren Gruppe IV, Fig. 65–67: zum Beginn der kräftig profilierten Fibeln // *100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren (Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd. 5.) / Hrsg. J. Kunow. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte. S. 137–148.*

Droberjar E., 1999. Dobřichov-Pičhora. Ein Brandgräberfeld der älteren römischen Kaiserzeit in Böhmen (Ein Beitrag zur Kenntnis des Marbod-Reichs) (*Fontes Archaeologici Pragenses. Vol. 23*) /

Ed. M. Lička. Pragae: Národní muzeum. 430 S.

Gavritukhin I., 2002. On the study of double-plate fibulas of the first subgroup // *Anyiregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. T. XLIV. Nyíregyháza. P. 113–184.*

Godłowski K., 1982. Północni barbarzyńcy i wojny markomańskie w świetle archeologii // *Znaczenie wojen markomańskich dla państwa rzymskiego i północnego Barbaricum (Scripta Archeologia. II) / Red. J. Wielowiejski. Warszawa: Polskie Towarzystwo Archeologiczne i Numizmatyczne. Komisja Archeologiczna. S. 48–80.*

Godłowski K., 1994. Fibel und Fibeltracht. G. Vorrömische Eisenzeit und Römische Kaiserzeit in östlichen Mitteleuropa und Osteuropa // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunden. Bd. 8 / Ed. H. Jankuhn, H. Steuer, R. Wenskus. Berlin; New York. S. 478–496.*

Harhoiu R., 1997. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien (*Archaeologia Romanica. 1*). București: Ed. Enciclopedică. 268 S.

Istvánovits E., Kulcsár V., 2011. From the Crimea to Scandinavia via the Great Hungarian Plain: traces of Germanic-Sarmatian contacts on the basis of finds of spherical pendants and of other phenomena // *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period / Ed. I. Khrapunov, F. A. Stylegar. Simferopol: Dolya Publishing House. P. 80–90.*

Jaskanis J., 1996. Cecele. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen // *MAB. T. II. Kraków: Secesja. 226 S.*

Kazanski M., 2005. Suuk-Su // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunden. Bd. 30 / Ed. H. Jankuhn, H. Steuer, R. Wenskus. Berlin; New York. S. 157–160.*

Kokowski A., 1996. O tak zwanych fibulach z półokrągłą płytką na główce i rombowałą nóżką // *Studia Gothica. T. I / Red. A. Kokowski. Lublin: UMCS. S. 153–184.*

Kokowski A., 1997. Die Masłomęcz-Gruppe. Ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreis – Ein Beispiel für kulturellen Wandel der Goten in Verlauf ihrer Wanderungen // *BRGK. T. 78. S. 641–833.*

Kokowski A., 2005. Zanik południowych kultur kręgu gockiego // *Archeologia o początkach Słowian: materiały z konf., Kraków, 19–21 listopada 2001 / Red. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków: IAUJ. S. 165–179.*

Kontny B., Mączyńska M., 2015. Ein Kriegergrab aus der frühen Völkerwanderungszeit von Juszkowo in Nordpolen (*Neue Studien zur Sachsenforschung.*

Bd. 5) / Red. B. Hirschel, D. Zarnke, V. Brieske, C. Ruhmann. Hannover: Niedersächsisches Landesmuseum Hannover. S. 241–262.

Kühn H., 1936. Die Zikadenfibeln der Völkerwanderungszeit // Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. J. 1935. S. 85–106.

Levada M., 2011. To Europe via the Crimea: on possible migration routes of the northern people in the Great Migration Period // *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period* / Ed. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Simferopol: Dolya Publishing House. P. 115–137.

Madyda-Legutko R., 1978. The Buckles with imprint Ornamentation // *WA. T. XXXXIII*. S. 3–16.

Madyda-Legutko R., 1986. Die Gürtelschallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum (BAR. T. 360). 210 S.

Mączyńska M., 2001. Das Verbreitungsgebiet der Fibeln A. 67/68 und A. 68 im Barbaricum // *SA. T. XLIX*. S. 165–179.

Mączyńska M., 2007. Zmierzchi kultury wielbarskiej – czego nie wiemy? // *Nowe materiały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej* / Red. M. Fudziński, H. Paner. Gdańsk: MAG. S. 365–401.

Mączyńska M., 2009. Trzy fibule cykadowate z kręgu bałtyjskiego // *Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński im memoriam (Seminarium Bałtyjskie. T. II)* / Red. A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska. Warszawa: PMA. S. 393–404.

Mączyńska M., 2011. Der frühvölkerwanderungszeitliche Hortfund aus Łubiana, Kreis Kościerzyna (Pommern) // *BRGK. T. 90*. S. 7–481.

Nowakowski W., 1998. Die Funde der römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit aus Masuren (Bestandskataloge des Museums für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 6). Berlin: MVF. 186 S.

Pfeiffer-Frobnert U., 1998. „Mit Augen am Fuß und mit Wulst statt Scheibe“. Verbreitung und Zeitstellung der preußischen Nebenserie A 57–61 und ihrer Varianten // *100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren (Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. T. 5)* / Hrsg. J. Kunow. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte. S. 125–134.

Rundkvist M., 1996. Järnålderns ringamuletter med knoppar eller vulster // *Fornvännen. № 91 (1)*. S. 13–25.

Schulze M., 1977. Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI.2) (*Antiquitas. Reihe 3. Bd. 19*) / Hrsg. A. Alföldi,

N. Himmelmann-Wildschütz, J. Straub, K. Tackenberg. Bonn: R. Habelt Verlag. 241 S.

Schulze-Dörrlamm M., 1986. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau // *JRGZM. Bd. 33*. S. 593–720.

Sekula M., 2006. Ocalałe zabytki pochodzące z badań niemieckich na cmentarzysku w Malborku-Wielbarku w zbiorach muzeów polskich // *Pogranicze trzech światów. Kontakty kultur przeworskiej, wielbarskiej i bogaczewskiej w świetle materiałów z badań i poszukiwań archeologicznych (Światowit Supplement. Series P: Prehistory and Middle Ages. XIV)* / Red. W. Nowakowski, A. Szela. Warszawa: IAUW. S. 175–223.

Ščukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations (BAR. T. 1535). 482 p.

Tejral J., 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum // *AA. 72*. S. 223–304.

Tejral J., 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum (Spisy Archeologickeho Ustavu AV ČR Brno. T. 8)* / Hrsg. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski. Brno: AV ČR. S. 321–392.

Tejral J., 2007. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen „gentes“ im Mitteldonaauraum aus der Sicht der Archäologie // *Barbaren in Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit (Spisy Archeologickeho Ustavu AV ČR Brno. T. 26)* / Hrsg. J. Tejral. Brno: AV ČR. S. 55–119.

Tejral J., 2011. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung (Spisy Archeologickeho Ustavu AV ČR Brno. T. 33). Brno: AV ČR. 466 S.

Uenze S., 1992. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien) (*Münchener Beiträge Vor- und Frühgeschichte. Bd. 43*). 600 S.

Wolągiiewicz R., 1981. Kultury wielbarska i oksywska // *Późny okres lateński i okres rzymski (Prahistoria ziem polskich. T. 5)* / Red. J. Wielowiejski. Wrocław: PAN, IHKM. S. 135–178.

Wolągiiewicz R., 1993. Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym. Szczecin: Muzeum Narodowe. 202 s.

The results of survey
at Mierčycy 2 settlement.
On the prospects of study on the sites
of the Roman period and the beginning
of the Migration period in Belarusian Polesye

V.G. Beljavec (Warsaw)

Key words: Belarusian Polesye, Roman time, Migration period, Post-Zarubintsy horizon, Zarubintsy culture, Wielbark culture, Praha culture.

The article discusses a number of artifacts from the collection of Belarusian State University (Minsk) and materials obtained in the course of survey in 2012 and 2015 at Mierčycy 2 settlement. The settlement has thick and well-preserved cultural layer dated back from the turn of the eras till the Early Middle Ages. The settlement in Mierčycy can become one of the reference sites for solving the most important issues of historical and cultural development of the south Belarusian lands during the Roman and Migration periods. Formation of Post-Zarubintsy horizon sites, interaction of the East European forest zone population and Gothic range cultures, as well as formation and early phases of the Praha culture are among these issues.

Translated by V. Asheichyk

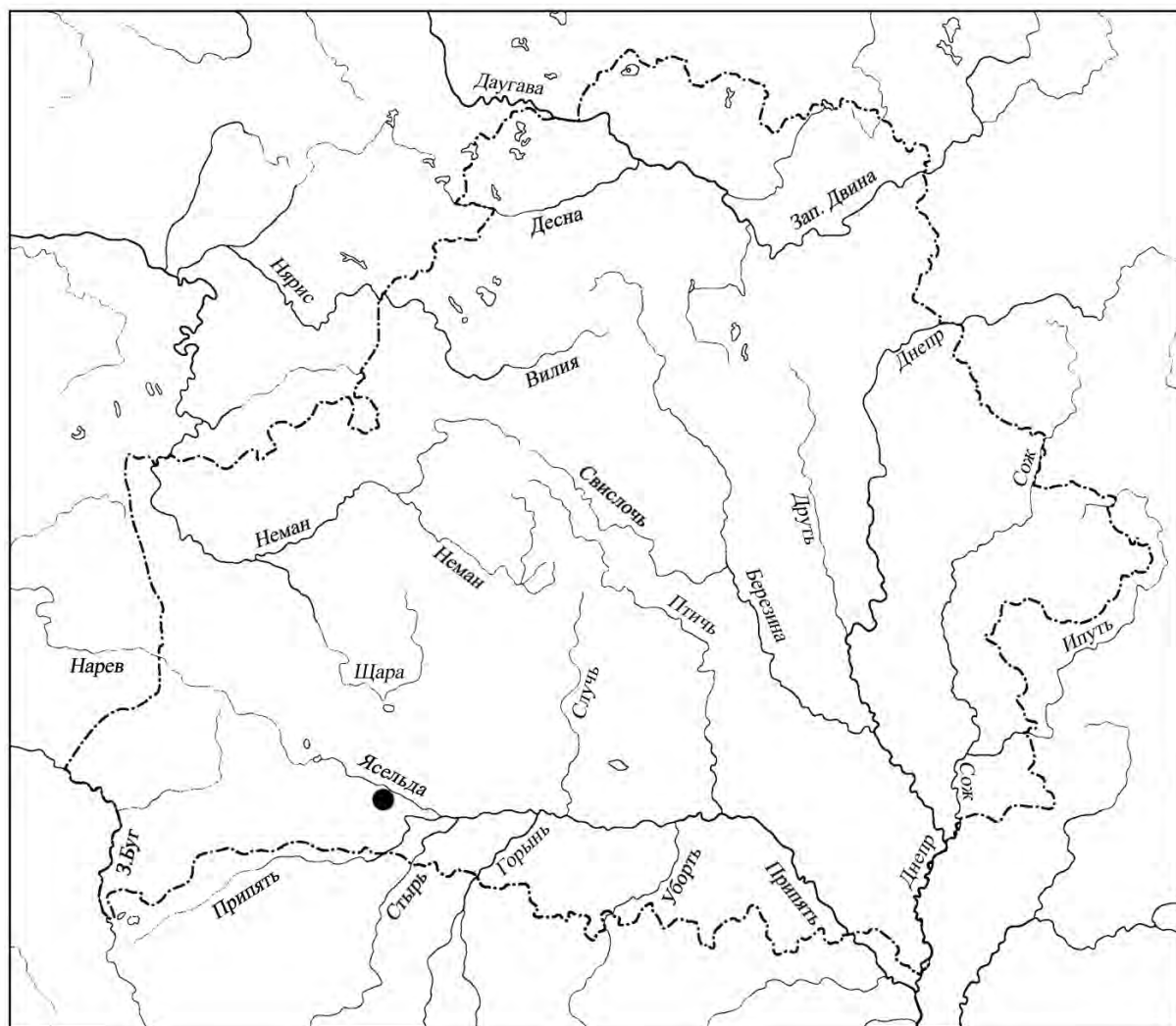

Рис. 1. Местоположение селища Мерчицы 2.

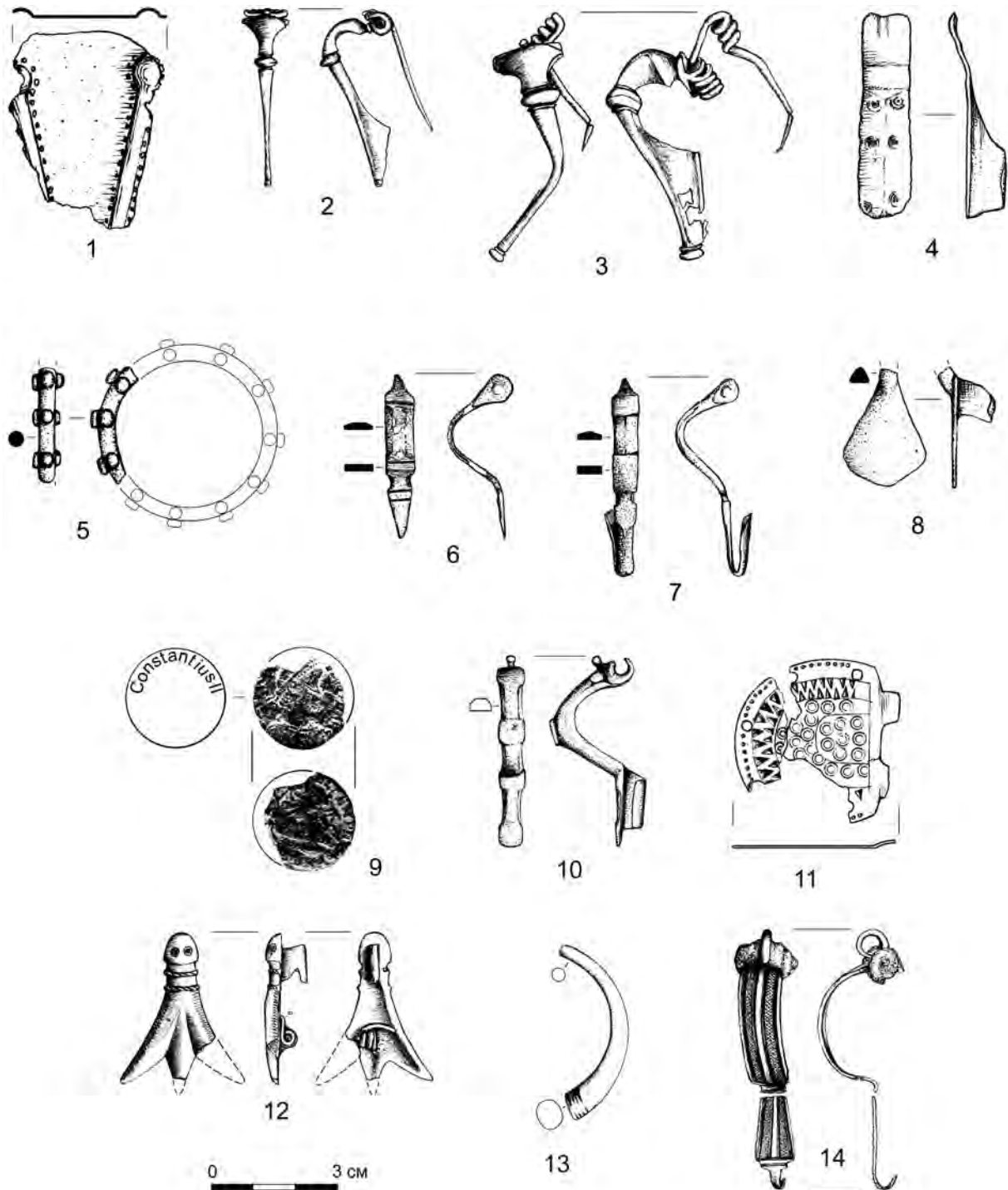

Рис. 2. Металлические предметы с селища Мерчицы 2.

1 – фрагмент щитковой фибулы зарубинецкого типа (?); 2–4, 6–8, 10, 12, 14 – фибулы;
5 – фрагмент кнотенринга; 9 – монета Констанция II; 11 – щиток пряжки; 13 – фрагмент браслета.
1–11, 13, 14 – медные сплавы; 12 – серебро; 2, 12, 14 – пружины фибул надеты на железные оси.

Рисунки В.Г. Белевца.

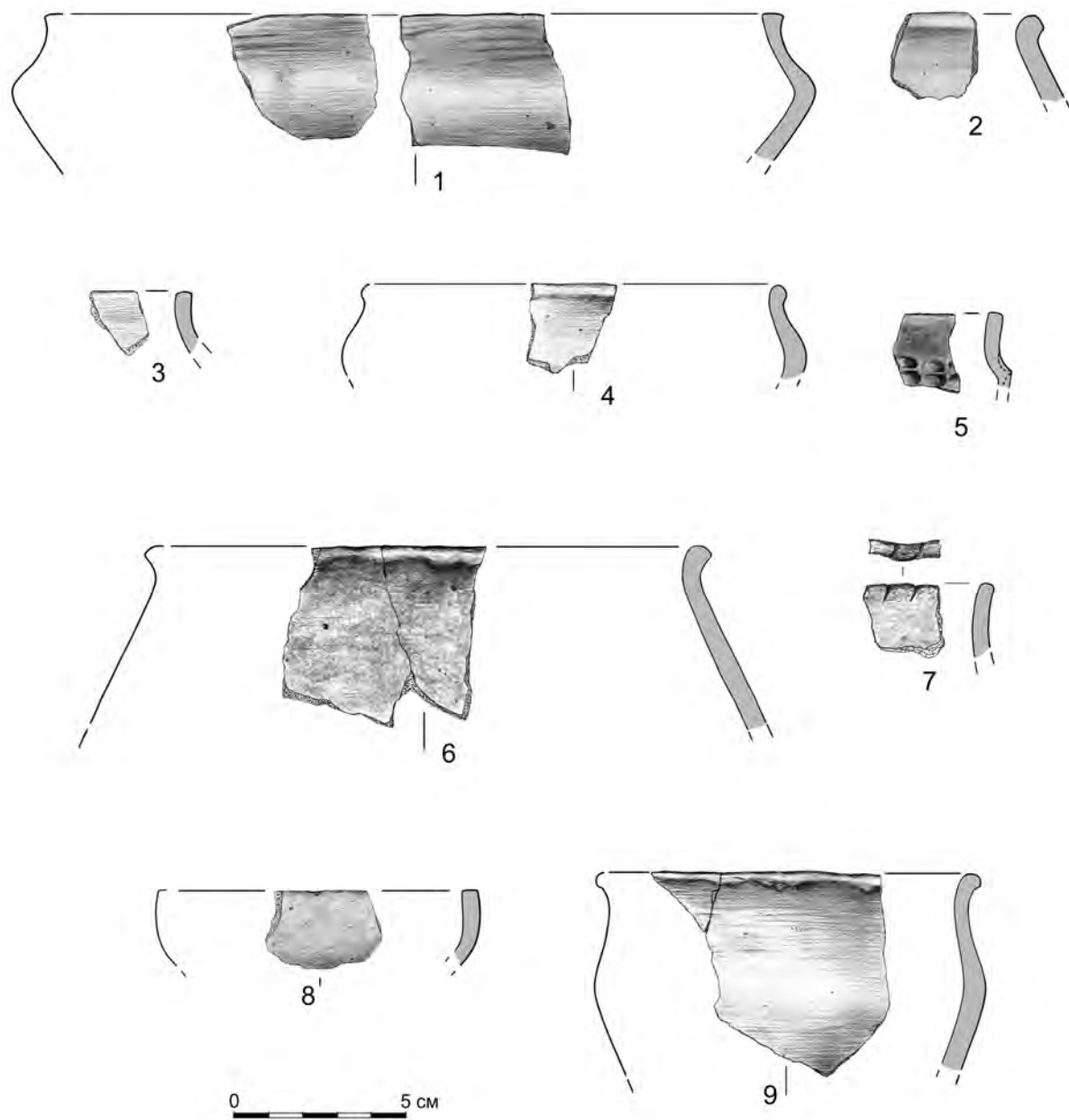

Рис. 3. Фрагменты глиняной лепной посуды с селища Мерчицы 2.
Рисунки В.Г. Белевца.

Комплекс с перекладчатой фибулой и диким лесным котом из могильника Нейзац

И.Н. Храпунов (Симферополь)

Ключевые слова: Крым, могильник Нейзац, фибула, германцы.

Могильник Нейзац расположен приблизительно в 20 км к востоку от Симферополя, в 1,0 км к югу от с. Баланово, в центре Крымских предгорий, на правом берегу реки Зуя (рис. 1). Он датируется II–IV вв. Всего в могильнике раскопано 599 погребальных сооружений, в том числе 88 склепов, 159 подбойных могил, 316 грунтовых могил. Во входной яме склепа 480 сделали два подбоя (рис. 2–4). Рамки статьи не позволяют опубликовать результаты раскопок всего погребального сооружения.

Подбой, сделанный в южной стене входной ямы, представляет собой отдельный погребальный комплекс (рис. 4). Он овальный в плане, размером 2,3×1,2 м. Пол подбоя находился на одном уровне с дном входной ямы.

В подбое совершили два погребения. У дальней по отношению к входной яме стенки подбоя находилось прямоугольное пятно органического тлена размером 1,8 × 0,35 м, на нем костный тлен и отдельные человеческие кости. Судя по их положению, погребение было совершено головой на восток. Со стороны входной ямы пятно органического тлена ограничивал ряд камней. На слое тлена лежали фрагмент бронзовой фибулы (рис. 4: 12; 5: 1), две бронзовые пряжки (рис. 4: 9, 17; 5: 3, 4), обломок железного предмета (рис. 4: 11; 5: 5), монета (рис. 4: 7; 5: 6), бусина (рис. 4: 8; 5: 7), нож (рис. 4: 10; 5: 8), обломок кинжала (рис. 4: 13; 7: 1). В стороне, у западной стены подбоя лежало фрагментированное керамическое грузило (рис. 4: 5; 6: 1). Выше уровня человеческих костей, над костями ног стояла перевернутая лепная миска (рис. 4: 6; 6: 3). На одном уровне

с миской, рядом с ней обнаружены лежавшие в беспорядке кости дикого лесного кота. Из них собран полный скелет. В лобной кости имелось отверстие от удара, приведшего к смерти¹.

Еще одно пятно органического тлена неправильной формы обнаружено у края подбоя, примыкающего к входной яме. На нем лежали человеческие кости, в том числе кости ног *in situ*, обнаружены также обломок лепного сосуда (рис. 4: 1; 6: 2), остатки костяного гребня (рис. 4: 2; 5: 10), пряслице (рис. 4: 3; 5: 2) и нож (рис. 4: 4; 5: 9).

В заполнении входной ямы помимо обломков сосудов найдены две фибулы, по всей вероятности, выпавшие из подбоя (рис. 7: 2, 3).

Фрагмент перекладчатой фибулы (рис. 5: 1). Основной ареал таких застежек – лесостепное Среднее Поднепровье, Днепровское левобережье и Верхнее Подонье. Наша находка относится к финальному этапу развития перекладчатых фибул. Он характеризуется отсутствием гнезд с эмалью, слабой профилировкой, разнообразными прорезями. Нижняя хронологическая граница этапа находится в пределах второй половины III в., верхняя относится к IV в., но более точно пока не установлена (последняя работа о перекладчатых фибулах с историографией: Обломский, Терпиловский, 2007, с. 113–124).

Отметим, что это весьма массивная застежка, фрагмент ее сохранился очень хорошо. Отсутствие части фибулы выглядит довольно странно,

¹ Определение костей сделано ведущим специалистом кафедры зоологии Крымского федерального университета Д.Б. Старцевым.

если не предположить, что в могилу положили не целый экземпляр, а только его обломок.

Вещи круга эмалей в небольшом количестве находили в Крыму и ранее (Khrapunov, 2008, p. 196–198). Среди них – перекладчатая фибула из могильника Чатыр-Даг (Щукин, 2002; Мыц и др., 2006, с. 132, 133).

Фибулы бронзовые прогнутые подвязные с широкой пластинчатой спинкой и с пробитым в крае отверстием, в которое вставлена железная ось пружины (рис. 7: 2, 3). Относятся к группе 16, подгруппе 2, серии I, варианту 3, с датой IV в., по классификации А.К. Амброза (1966, с. 64–66). Следует отметить, что в Крыму фибулы с плоскими спинками в комплексах IV в. встречаются редко, в частности, еще в одном нейзацком склепе (Храпунов И.Н., 2011, с. 28) и в могильнике Суворово (Юрочкин, Труфанов, 2003, рис. 5: 60). Большинство находок таких застежек относится к гуннскому времени (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 183; Хайрединова, 2002, с. 58; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 49; Maćzyńska et al., 2011, p. 159).

У **бронзовых пряжек** рамки в передней части утолщены, язычки загнуты за край рамки, в тыльной части ступенчато срезаны. Одна из пряжек имела щиток, от которого сохранился небольшой фрагмент (рис. 5: 3, 4). Все перечисленные признаки являются типичными для изделий IV в. (Айбабин, 1990, с. 27, 28; Малашев, 2000, с. 196; Храпунов И.Н., 2002, с. 48). Много таких пряжек найдено в могильнике Нейзац (Храпунов И.Н., 2011, с. 28, 29).

Римский бронзовый фоллис (рис. 5: 6). Дата: 294–337 гг. Л. с. Бюст бородатого императора вправо. Вокруг надпись: ...OSP...VS P. F. AVG. O. с. Вероятно, тип IOVI CONSERVATORI. Юпитер (?) в рост, голова влево, с хламидой, ниспадающей с левого плеча. Справа в поле – номер монетной мастерской: В. Сохранность плохая. Поверхность изъедена коррозией, края обломаны².

От трехчастного, скрепленного бронзовыми заклепками **костяного гребня** сохранился только фрагмент, по которому нельзя определить тип изделия (рис. 5: 10). По общепринятому мнению исследователей, все костяные гребни попадали в Крым из ареала восточногерманских культур (Кропоткин, 1978, с. 153; Пиоро, 1990, с. 101, 103; Казанский, 1999, с. 277). В могильнике Нейзац найдено более десяти таких гребней. Некоторые из них опубликованы (Khrapunov, 2013, p. 185, 186).

² Определение и описание монеты Н.И. Храпунова.

Глиняные грузила (рис. 6: 1) чрезвычайно редко использовались в качестве погребального инвентаря. В могильнике Нейзац это всего лишь второй такой случай. Ранее грузила были обнаружены в производственном помещении, расположенном рядом с могильником (Храпунов И.Н. и др., 2010, с. 12), а также на поселении в Барабановской балке напротив могильника, на левом берегу р. Зуя (Храпунов И.Н., 2016, с. 28).

Миска (рис. 6: 3) усеченно-конической формы относится к одному из самых распространенных в Крыму позднеримского времени типов лепной посуды. Она соответствует типу LXII, 2 лепной керамики из могильника Дружное (Храпунов И.Н., 2002, с. 65).

Бусина поперечно сжатая с ребристой поверхностью из прозрачного бесцветного с голубоватым оттенком стекла (рис. 5: 7). Стекланные бусы с ребристой поверхностью многочисленны в Северном Причерноморье и за его пределами в римское время. А.А. Стояновой такие находки из могильника Нейзац объединены в группу XVI (2004, с. 275, 276).

Зачем положили в могилу убитого ударом в голову лесного kota, понять сложно. Это, конечно, беспрецедентный случай. Следует напомнить, что кости kota находились в беспорядке. Значит, кто-то проникал в могилу, когда мягкие ткани животного успели истлеть, но не стал ее грабить. Другой вариант – что в могилу положили именно кости, причем от всего скелета – представляется маловероятным.

Возможно, при этом проникновении был уничтожен каменный заклад, который, как правило, отделяет подбой от входных ям. Не исключено, что тогда же из подбоя выбросили прогнутые подвязные фибулы, оказавшиеся во входной яме.

Фибулы датируют захоронения второй половиной или даже концом IV в. Этой дате не противоречат, хотя и не уточняют ее, пряжки и фрагмент перекладчатой фибулы.

Более ранняя дата монеты смущать не должна. Дело в том, что все монеты из крымских варварских могильников, использовавшихся в IV в., чеканены в первой половине периода правления Константина Великого. Исключение составляют могильники, расположенные в округе Херсонеса. Почему монеты перестали поступать в предгорный Крым во времена Константина, сказать сложно. Могильники, судя по массовому, в том числе и импортному, материалу, использовались до конца IV или начала V в. (Храпунов И.Н., 2009, с. 75, 77, 78).

Находка перекладчатой фибулы намекает на какие-то северные контакты крымских варваров. Если в могилу действительно положили не целую застежку, а только ее обломок, то это живо напоминает ситуацию с другой нейзацкой находкой изделия круга эмалей – ажурной плакеткой, которую также использовали в Крыму не по назначению, а как экзотическую безделушку (Khrapunov, 2008, p. 196).

Другая находка северного происхождения из публикуемого комплекса – это костяной гребень.

Как и в прочих случаях в могильнике Нейзац и на других крымских памятниках, попавшая сюда из ареала северных по отношению к полуострову культур вещь оказалась в типичном для Крыма погребальном сооружении, в окружении погребального инвентаря, характерного именно для этого региона (Khrapunov, 2013, p. 190, 191). До сих пор остается неизвестным, каким образом оказались в Крыму предметы, произведенные германцами и другими северными варварами.

Литература

- Айбабин А.И., 1990.** Хронология могильников Крыма поздне римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I / Ред. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 5–86.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 2008.** Могильник у села Лучистое. Т. I. Симферополь; Керчь: АДЕФ–Украина. 334 с.
- Амброз А.К., 1966.** Фибулы юга Европейской части СССР (САИ. Вып. Д 1–30). М.: Наука. 111 с.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993.** Скали-тинский могильник. Киев: Наукова Думка. 201 с.
- Казанский М., 1999.** Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре / Ред. М.Е. Левада. Киев. С. 277–297.
- Кропоткин В.В., 1978.** Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии / Ред. В.В. Кропоткин, Г.И. Матюшин, Б.Г. Петерс. М.: Наука. С. 147–163.
- Малашев В.Ю., 2000.** Периодизация ремесленных гарнитур поздне сарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В., 2006.** Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: «Нестор-История». 208 с.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007.** Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (Дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 10) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141.
- Пиоро И.С., 1990.** Крымская Готия. Киев: Лыбидь. 197 с.
- Стоянова А.А., 2004.** Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V / Ред. А.И. Айбабин. Симферополь; Керчь. С. 263–319.
- Хайрединова Э.А., 2002.** Женский костюм варваров юго-западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. Вып. IX / Ред. А.И. Айбабин. Симферополь. С. 53–118.
- Храпунов И.Н., 2002.** Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: UMCS. 313 с.
- Храпунов И.Н., 2011.** Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: «ДОЛЯ». С. 13–113.
- Храпунов И.Н., 2016.** Поселение в Барабановской балке (II–IV вв. н.э.). Симферополь: БФ «Наследие тысячелетий». 164 с.
- Храпунов И.Н., Смекалова Т.Н., Власов В.П., 2010.** Археологические разведки в предгорном Крыму между долинами рек Биюк-Карасу и Бельбек. Симферополь: «ДОЛЯ». 94 с.
- Храпунов И.Н., 2009.** Монеты из могильника Нейзац (находки 1996–2008 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. С. 55–82.
- Щукин М.Б., 2002.** Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней / Ред. В.Л. Мыц и др. Киев: Стило. С. 7–15.
- Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А., 2003.** Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII / Ред. М.И. Золотарев. Севастополь. С. 199–225.
- Khrapunov I.N., 2008.** The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period / Ed. B. Niezabitowska-Wisniewska, M. Juściński,

P. Łuczkiwicz, S. Sadowski. Lublin: UMCS. P. 189–217.

Khrapunov I., 2013. Germanic Artefacts in the Cemetery of Neyzats // *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea* / Ed. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publishing House. P. 177–195.

Mączyńska M., Urbaniak A., Jakubczyk I., 2011. The Early Medieval Cemetery of Almalyk-Dere Near the Foot of Mangup // *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period* / Ed. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publishing House. P. 154–175.

Burial with a Cross-Barred Fibula and a Forest Wildcat from the Cemetery of Neizats

I.N. Khrapunov (Simferopol)

Key words: the Crimea, Neizats cemetery, Germanic tribes.

The cemetery of Neizats is situated in approximately 20 km to the east of Simferopol, and 1 km to the south of the village of Balanovo, in the center of Crimean foothills, on the right bank of the Zuia river. It dates back to the 2nd – 4th cc. There were 599 funeral constructions excavated in total, including 88 burial vaults, 159 undercut graves, and 316 pit graves. Two undercuts were made in the entrance pit of burial vault No. 480. The undercut made in the south wall of the entrance pit presents a separate burial complex. Among its grave goods was a cross-barred fibula fragment. The complex dates back to the second half of the 4th c.

The find of the cross-barred fibula could be associated with some northern contacts of the Crimean barbarians. If not the complete brooch but only the fragment was put into the grave, there would be similarity with another artefact from the “circle of enamels” found in Neizats, that is an open-work plaque, which in the Crimea was used as an exotic trinket rather than for its intended purpose.

Another find of the northern origin in the assemblage in question is a bone comb. As in other cases in the cemetery of Neizats and also other Crimean sites, this object came to the Crimea from the cultures residing to the north of the peninsula and appeared in a burial construction typical for the Crimea together with specific Crimean grave goods. It is still unknown how the objects made by Germans and other northern barbarians found their way to the Crimea.

The unique (and inexplicable) peculiarity of the burial complex is a complete skeleton of forest wildcat killed by hitting on the head.

Translated by I. Grigoryan

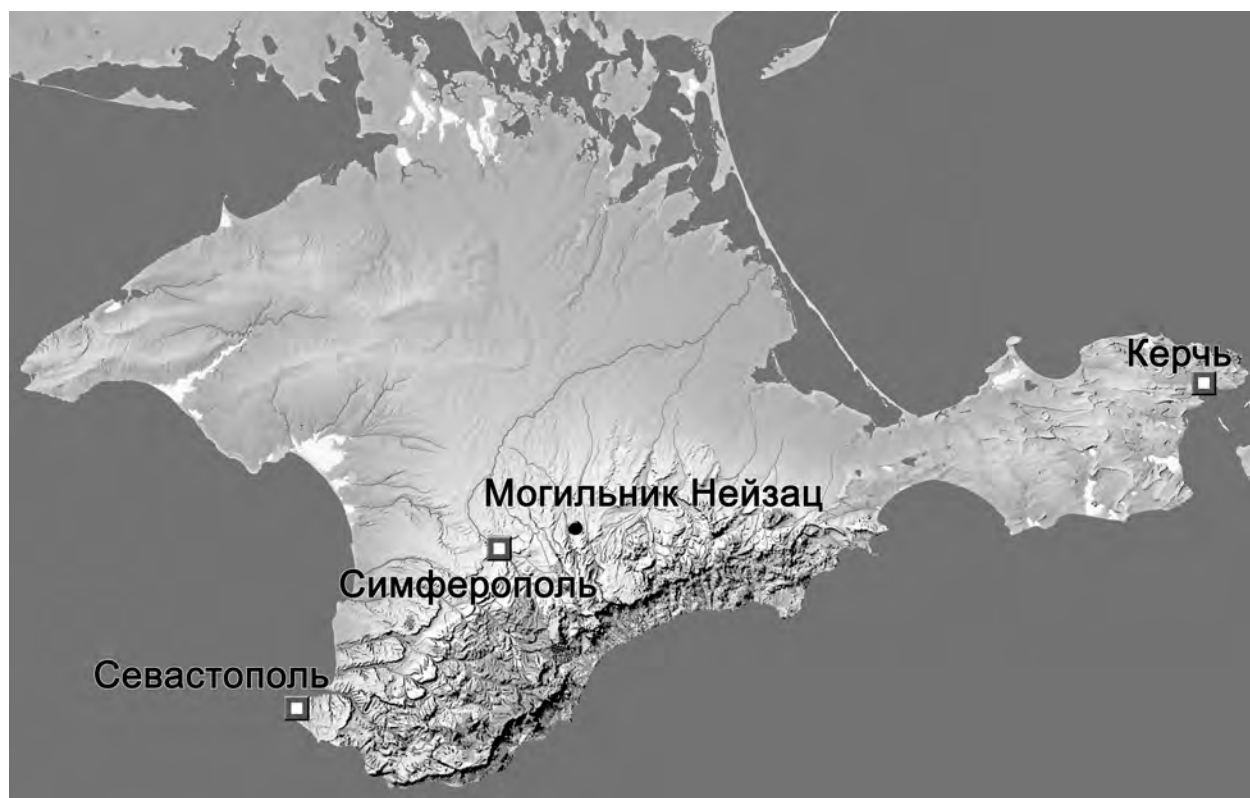

Рис. 1. Место расположения могильника Нейзац.

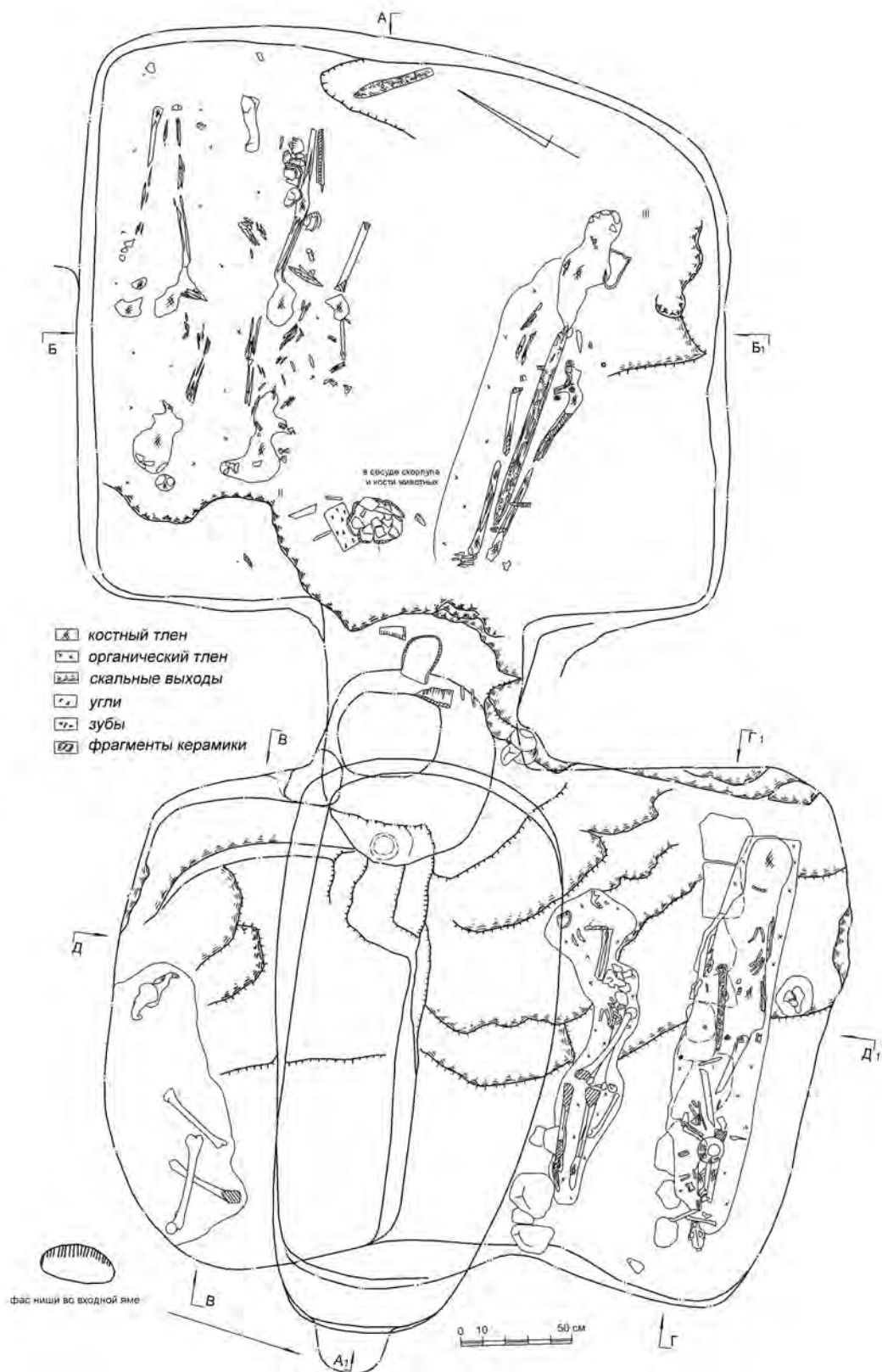

Рис. 2. Могила 480. План.

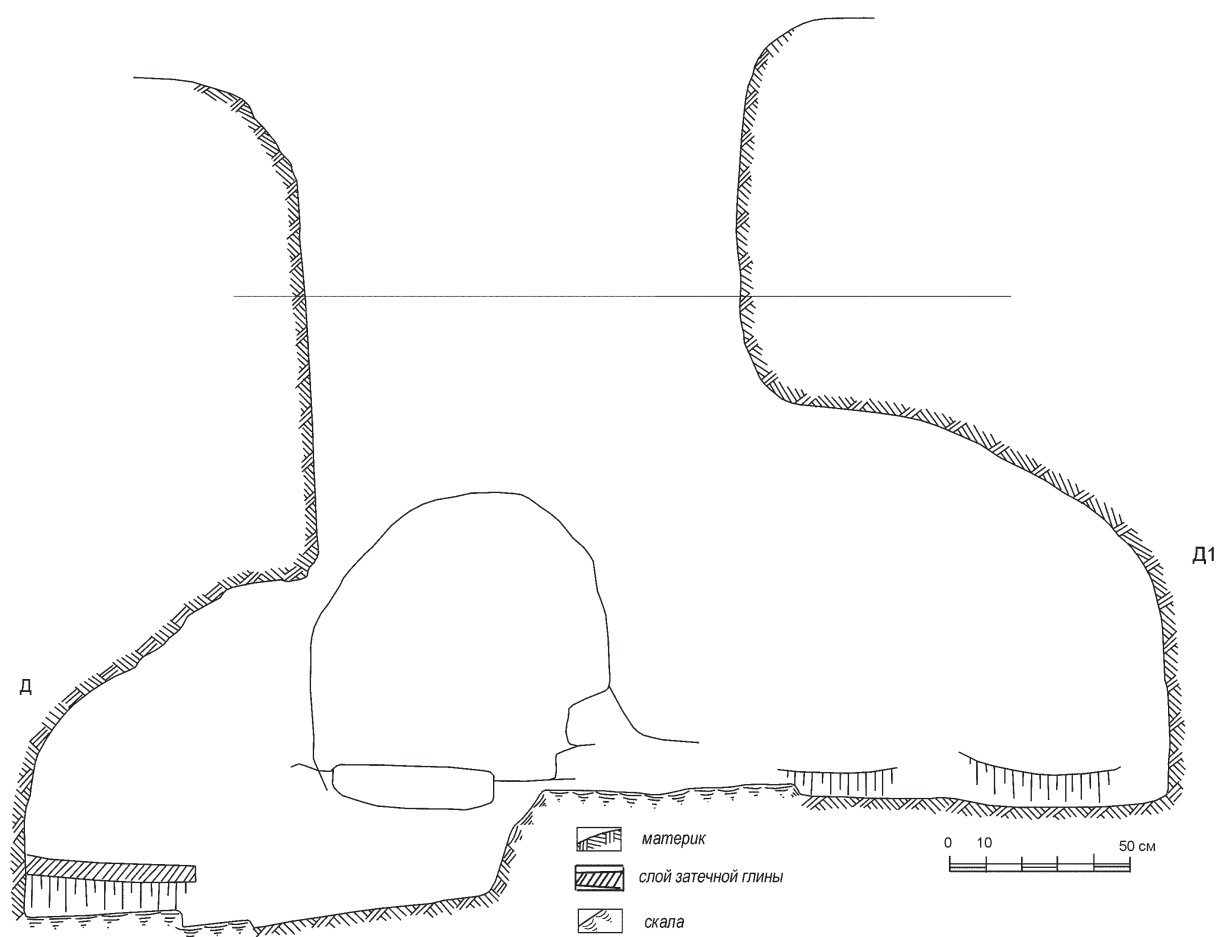

Рис. 3. Могила 480. Разрез.

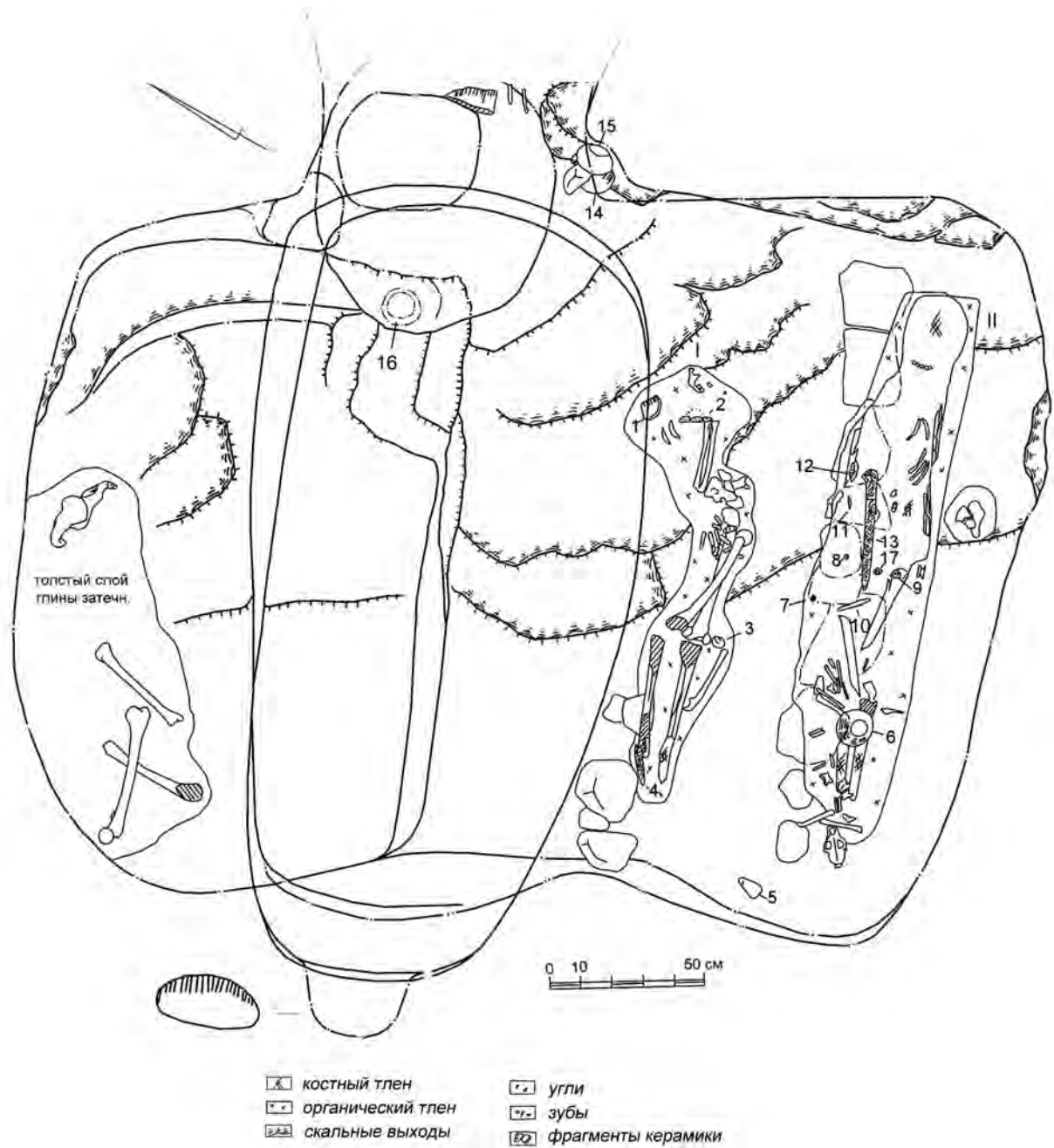

Рис. 4. Могила 480. Входная яма с подбоями. План.

I, II – номера погребений.

- 1 – фрагмент лепного сосуда; 2 – костяной гребень; 3 – керамическое пряслице;
 4, 10 – железные ножи; 5 – глиняное грузило; 6, 14–16 – лепные сосуды; 7 – бронзовая монета;
 8 – стеклянная бусина; 9, 17 – бронзовые пряжки; 11 – фрагмент железного предмета;
 12 – бронзовая фибула; 13 – фрагмент железного кинжала.

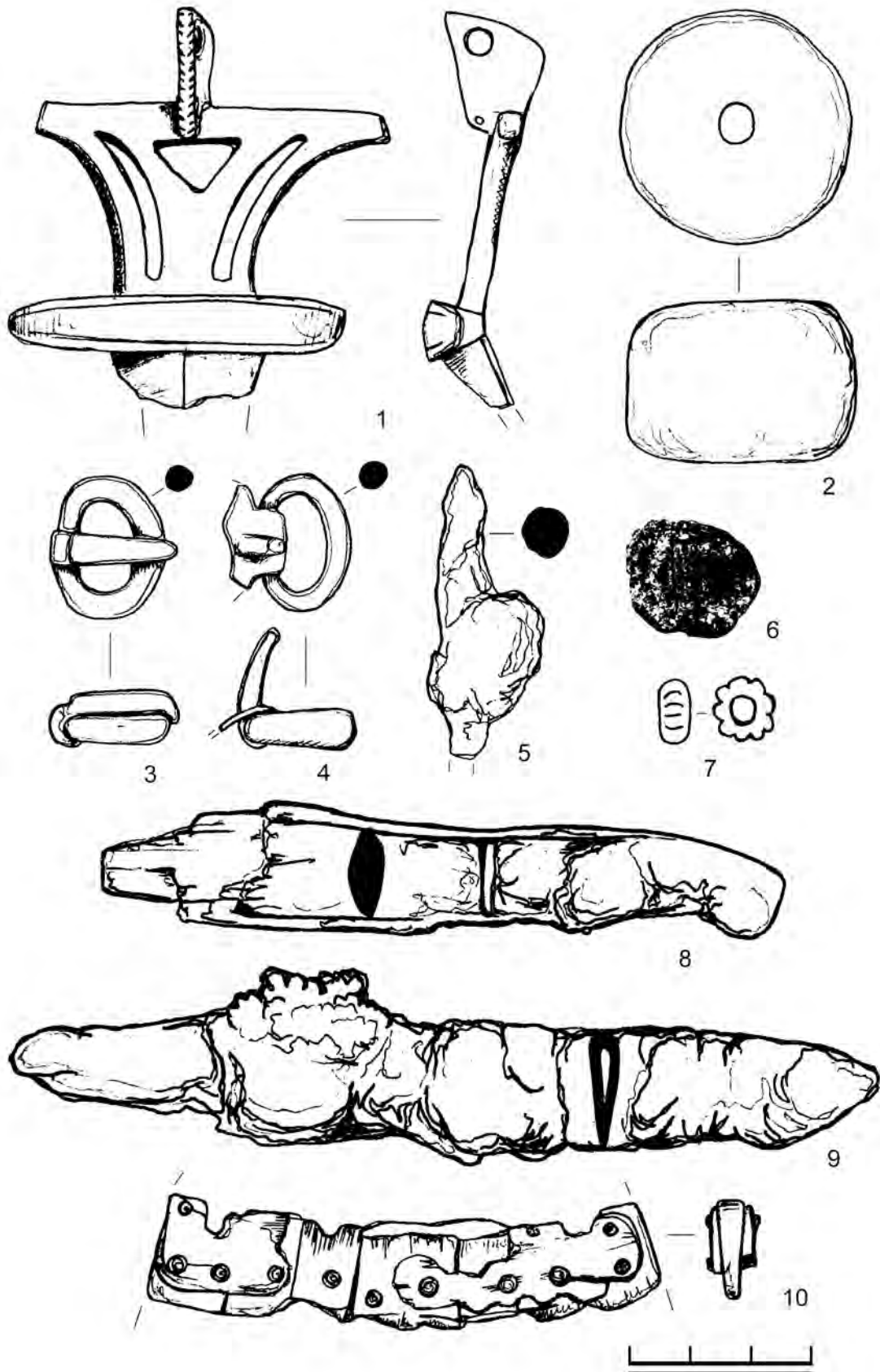

Рис. 5. Могила 480. Южный подбой. Погребальный инвентарь.
 1 – фрагмент бронзовой фибулы; 2 – керамическое пряслице; 3, 4 – бронзовые пряжки;
 5 – фрагмент железного предмета; 6 – бронзовая монета; 7 – стеклянная бусина;
 8, 9 – железные ножи; 10 – фрагмент костяного гребня.

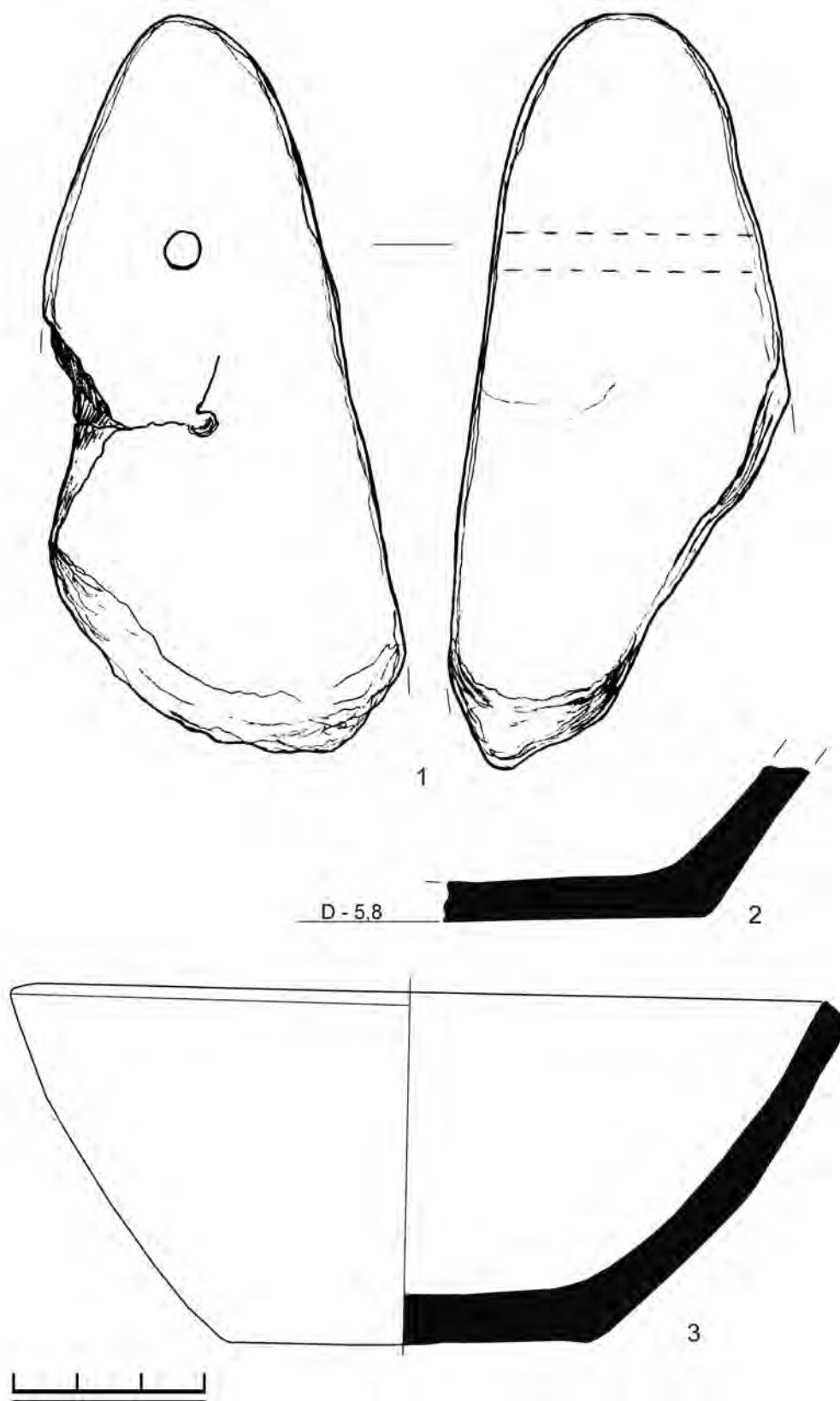

Рис. 6. Могила 480. Южный подбой. Погребальный инвентарь.
1 – глиняное грузило; 2 – фрагмент лепного сосуда; 3 – лепной сосуд.

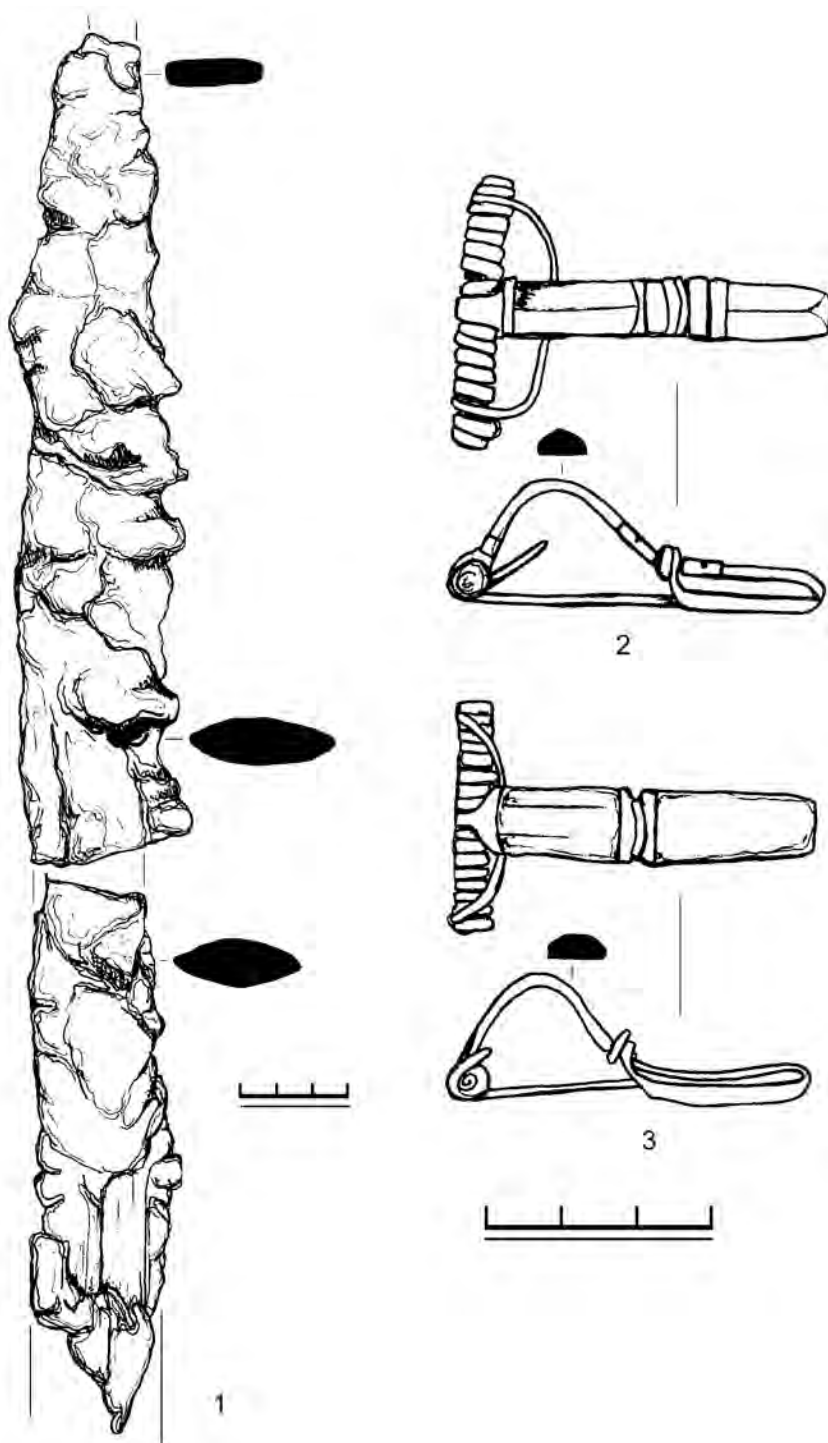

Рис. 7. Могила 480. Южный подбой. Погребальный инвентарь.
1 – фрагмент железного кинжала; 2, 3 – бронзовые фибулы.

Погребение 68 черняховского могильника Легедзине в Черкасской области

Б.В. Магомедов, А.С. Милашевский (Киев)

Ключевые слова: черняховская культура, могильник, детское погребение.

Могильник находится на территории с. Легедзине Тальновского р-на Черкасской обл., на краю плато, возле поселения черняховской культуры, расположенного в неглубокой долине на обоих берегах ручья Протока (или Малая Тальянка), которая впадает в р. Тальянка, приток речной системы Горный Тикич – Синюха – Южный Буг. Памятник исследуется экспедицией Института археологии НАН Украины на протяжении пяти сезонов (2008–2011, 2015 гг.)¹. За время раскопок было вскрыто 73 погребения (30 ингумаций и 43 кремации). Одно из наиболее интересных захоронений было обнаружено в 2015 г. на северной периферии могильника.

Погребение-ингумация 68 совершено в подбойной могиле и ориентировано головой на север с отклонением 20° к востоку (рис. 1; 2: 1). Скелет принадлежал ребенку в возрасте 2–3 лет, который отличался слабым здоровьем и задержкой роста, вероятно, в результате авитаминоза². Входная яма могилы, прослеженная в материковом суглинке с глубины 1,15 м, имела подпрямоугольную форму. Западная стенка обрушилась в древности вместе со сводом подбоя. Размеры входной ямы около 1,58 × 0,8 м, глубина 1,33–1,44 м, дно ровное, понижалось к северу. Подбой (погребальная камера) имел овальную форму и был короче входной ямы. Его размеры 1,33 × 0,63 м, глубина 1,50–1,55 м. Высота ступеньки до 0,17 м, ширина входа в подбой предположительно около 0,3 м. Детский

скелет лежал в вытянутой позе на спине, многие кости смещены грызунами (вероятно, в период, когда подбой не был заполнен землей). Остатки черепа смещены к левому плечу. От него сохранилась лобная часть и обломки верхней челюсти. Левая рука, судя по положению локтевых костей, вытянута вдоль тела.

Погребение содержало многочисленный инвентарь. В заполнении подбоя, на 0,3 м выше черепа, обнаружена крупная бусина, вероятно, перемещенная грызунами. В области шеи лежали остатки подвески-гребня, в области груди – фибула, а западнее груди – височное кольцо. Западнее грудной и поясничной области, у стенки подбоя находились два небольших куска пережженного гранита, третий такой же камешек – к востоку от левого бедра. На правом бедре зафиксировано железное шило. В погребении найдено семнадцать гончарных сосудов. Многие из них лежали на боку, что является, вероятно, следствием проседания деревянного бокового перекрытия подбоя. На правой тазовой кости скелета располагался широкогорлый горшок (сосуд 17), напротив, у ступеньки, стояла трехручная ваза, внутри нее находилась миниатюрная кружка (сосуды 15, 16), южнее – горшок (сосуд 13). Между правой бедренной костью и западной стенкой обнаружены обломки другого горшка (сосуд 14). Он был раздавлен на боку, некоторые фрагменты венчика, стенок и дна отсутствовали. В южном конце подбоя, на дне у торцевой стенки лежали кости молодой овцы³, включая часть черепа. Анатомический порядок

¹ Результаты работ опубликованы: Магомедов, Диденко, 2009; 2011; 2013; Магомедов и др., 2010; 2016.

² Антропологическое определение – к.и.н. Т.А. Рудич, палеопатологическое исследование – к.и.н. А.Д. Козак.

³ Определение м.н.с. Е.В. Марковой.

наблюдался только среди отдельных групп позвоночных костей. Сверху их перекрывали сосуды: кувшин-бутыль, миска и два миниатюрных горшочка (сосуды 1–4). Севернее, между ногами скелета и восточной стенкой подбоя, располагались еще один миниатюрный горшочек, одноручный и двуручный кувшины, миски – две миниатюрные и одна среднего размера, два горшка (сосуды 5–12). Подробнее остановимся на погребальном инвентаре из захоронения.

1. Кувшин (бутыль) безручный гончарный серолощенный асимметричный – горло отклоняется от осевой линии. Под горлом и на плечике – валики. Поддон кольцевой. Высота 18 см, диаметр венчика 5,7 см (рис. 3: 1).

2. Миска открытого типа кухонная гончарная. Поддон кольцевой. Высота 8,5 см, диаметр венчика 19,8 см (рис. 3: 6).

3. Горшок миниатюрный кухонный гончарный. Поддон плитчатый. Высота 6,4 см, диаметр венчика 5,5 см (рис. 2: 6).

4. Горшок миниатюрный кухонный гончарный. На плечиках – горизонтальные врезные линии. Поддон плитчатый. Высота 7,5 см, диаметр венчика 6,6 см (рис. 2: 2).

5. Горшок миниатюрный кухонный гончарный, черного цвета. Венчик клювовидный. На плечиках – горизонтальные врезные линии. Поддон плитчатый. Высота 8,4 см, диаметр венчика 6,4 см (рис. 2: 5).

6. Кувшин одноручный гончарный серолощенный, под горлом и на плечике украшен валиками. Поддон кольцевой. Ручка прямоугольная в сечении, с продольным валиком. Высота 14,6 см, диаметр венчика 6,9 см (рис. 3: 2).

7. Кувшин биконический двуручный кухонный гончарный. Ручки прямоугольные в сечении, с продольными желобками. Поддон плоский. Высота 15,5 см, диаметр венчика 8,4 см (рис. 3: 3).

8. Миска открытого типа столовая гончарная, поверхность подлощена. Поддон кольцевой. Высота 4 см, диаметр венчика 11,5 см (рис. 3: 8).

9. Миска открытого типа столовая гончарная серолощенная. Поддон кольцевой. Высота 6,6 см, диаметр венчика 15,8 см (рис. 3: 9).

10. Горшок кухонный гончарный. На плечиках – горизонтальные врезные линии. Поддон плитчатый. Высота 12,7 см, диаметр венчика 10,2 см (рис. 2: 8).

11. Миска закрытого типа столовая гончарная серолощенная. Поддон плоский. Высота 5,1 см, диаметр венчика 10,2 см (рис. 3: 7).

12. Горшок кухонный гончарный. На плечиках – горизонтальные врезные линии. Поддон плитчатый. Сосуд с производственным браком – трещиной в боку. Внутри сохранились остатки пригорелой пищи, снаружи поверхность закопчена. Высота 14,5 см, диаметр венчика 8,6 см (рис. 2: 7).

13. Горшок кухонный гончарный. Поддон кольцевой. Сосуд с производственным браком – трещинами в боку и дне. Внутри сохранились остатки пригорелой пищи. Высота 13,1 см, диаметр венчика 12,2 см (рис. 2: 9).

14. Горшок кухонный гончарный. Поддон плитчатый. Цвет желто-серый. Внутри сохранился нагар. Высота 9,7 см, диаметр венчика 8,5 см (рис. 2: 3).

15. Ваза трехручная столовая гончарная серолощенная. Венчик Т-образный, под ним уступ. Ручки в сечении овальные. По горизонтальной поверхности венчика нанесен пролощенный орнамент – зигзаг-волна. Поддон плитчатый. Высота 13,9 см, диаметр венчика 21,9 см (рис. 3: 4).

16. Кружка миниатюрная гончарная лощеная. На плечике валик, поддон плоский. Цвет коричневый, на изломе красный. Сосуд недостаточно обожжен. Высота 5,1 см, диаметр венчика 6,1 см (рис. 3: 5).

17. Горшок широкогорлый «открытого типа» кухонный гончарный, черного цвета. Выделено боковое ребро, поддон плитчатый. Сосуд сформован небрежно, гончарный круг использован только для подправки. Высота 8,5 см, диаметр венчика 11,5 см (рис. 2: 4).

18. Фибула подвязная бронзовая с железной осью. Сечение спинки треугольное с прямоугольными площадками. Длина 4,3 см (рис. 3: 11).

19. Височное кольцо из бронзовой проволоки с завязанными концами. Диаметр 1,7 см. На кольцо плотно надето миниатюрное проволочное колечко из серебра (рис. 3: 14).

20. Подвеска в виде миниатюрного гребня из рога оленя, с бронзовыми заклепками, с отверстием для подвешивания в спинке. Копирует трехслойный гребень типа Томас III. Размер 5 × 3,3 см (рис. 3: 12).

21. Шило железное со следами деревянной рукоятки. Сохранность плохая. Длина 5 см (рис. 3: 10).

22. Бусина шаровидная из черного непрозрачного стекла. Диаметр 1 см (рис. 3: 13).

23. Три куса гранита черного цвета. Пережжены, крошатся.

* * *

Среди исследованных объектов могильника погребение 68 выделяется, прежде всего, способом захоронения (подбой) и количеством инвентаря. Такая форма могильной ямы в сочетании с северной ориентировкой скелета является сарматским культурно-этническим признаком. Она обычна для некрополей южных регионов черняховской культуры и довольно редко встречается в лесостепной зоне Украины (Магомедов, 2001, с. 35–41, 201–202), хотя на Легедзинском могильнике это уже второй случай (первый – погребение 16) (Магомедов, Диденко, 2009, рис. 9).

Инвентарь погребения 68 в целом характерен для черняховских могильников и содержит обычные категории вещей.

Керамическая посуда. В погребении найдена уникальная для черняховских труположений серия целых форм – 17 гончарных сосудов. Одноручный кувшин (рис. 3: 2) с «провинциально-римской» профилировкой горла принадлежит к типу 2, распространенному в основном в Среднем Поднепровье (Магомедов, 2001, с. 51). Безручный кувшин-бутылка (рис. 3: 1) по стилю оформления ближайшую аналогию находит на этом же могильнике в погребении 57 (Магомедов, Диденко, 2013, рис. 3: 2). Двуручный кувшин (рис. 3: 3), как и большинство черняховских сосудов этого вида, изготовлен из «кухонной» глины с грубыми примесями. Вероятно, такие сосуды использовали для приготовления жидкой пищи, например, из молочных продуктов, на огне. Наш экземпляр имеет редкую для двуручных кувшинов особенность – биконический профиль. Этим же отличается подобная находка финальной фазы черняховской культуры из могильника Косаново (Петраускас, 2008, с. 91, рис. 2; 6: 1), но данный признак вряд ли может служить надежным хронологическим индикатором. Кружка (рис. 3: 5) отличается от остального керамического инвентаря слабым обжигом и поэтому не годится для использования в быту. Она была найдена внутри трехручной вазы (рис. 3: 4). Случаи обнаружения сосудов для питья (обычно керамических или стеклянных кубков) в вазах нередки и косвенно свидетельствуют о том, что такие вазы предназначались для напитков. Из трех мисок открытого типа (рис. 3: 6, 8, 9) одна изготовлена из «кухонного» глиняного теста и две – из «столового». Миска закрытого типа представлена одним экземпляром (рис. 3: 7). В погребении найдено восемь кухонных горшков, довольно разнообразных по разме-

ру и профилю (рис. 2: 2–9). Семь из них имеют плитчатое днище, один – кольцевое. Венчики имеют как простой каплевидный, так и усложненный профиль (в четырех случаях). Последнее свойственно для горшков середины IV – начала V в. (Петраускас А., Петраускас О., 2008, с. 73).

На фоне привычных округлых форм черняховских горшков выделяется ребристый, почти цилиндрикоконический сосуд, который, применяя принятую для мисок номенклатуру, можно назвать горшком открытого типа (рис. 2: 4; 4: 1). Эта форма характерна для лепной керамики пшеворской культуры. В раннеримское и в начале позднеримского времени она была присуща столовым сосудам (напр.: рис. 4: 3, 4), и, реже, кухонным горшкам с таким же или близким профилем (рис. 4: 2). По типологии Х. Добжаньской это типы 61, 62В (Dobrzańska, 1990, гус. 14). Сосуды подобной формы известны и в зубрицкой культуре (рис. 4: 5), где они связаны с пшеворским компонентом (Козак, 2008, рис. 96: 10; 125: 9).

Прочий инвентарь погребения 68 представлен деталями убора (фибулой, бусиной, двумя подвесками), универсальным орудием труда – шилом, тремя камешками и костями овцы.

Бронзовая фибула с железной осью (рис. 3: 11) длиной 4,3 см изготовлена из прямоугольной в сечении заготовки шириной 4,5 мм. Сечение спинки треугольное, с прямоугольными площадками. Фибула относится к варианту Гороховский Б1в, который встречается только в Журавской хронологической фазе 5 черняховской культуры (последняя четверть IV – первая треть V в.) (Гороховский, 1988, с. 35, 45).

Бусина из черного стекла, крупная, почти шаровидная (рис. 3: 13) относится к типу П/14 по классификации О.В. Гопкало (2008, с. 19). Единичные находки такого рода нередко встречаются в мужских погребениях черняховской культуры, тогда как ожерелья из большого количества бус были женским украшением.

Подвеска-гребень. Миниатюрный трехслойный гребень типа Томас III из оленьего рога, с отверстием для подвешивания в спинке (рис. 3: 12). В конструкцию входят три пластины с зубцами, две боковые накладки и четыре бронзовые заклепки. Следует предположить, что пустое внутреннее пространство спинки первоначально занимала деревянная пластина. Подвески в виде гребней длиной 4,5–5,5 см относятся к довольно редким находкам. До сих пор были известны достоверные экземпляры из Киева, Журавки, Чер-

касс, Бырлада, Петроаселе и из кургана в окрестностях Каховки⁴ (Магомедов, 2001, с. 73; Куштан, Петраускас, 2011, с. 196). Такие подвески появляются около середины IV в. (Шишкин, 2002, с. 245–246). Наиболее близкая аналогия для нашей подвески (с такой же формой спинки гребня) найдена в погребении 69 могильника Черкасс-Центр, датированном последней четвертью IV в. по пряжке и амфоре типа Шелов F (Куштан, Петраускас, 2011, с. 196).

Использование миниатюрных роговых гребней в качестве амулетов говорит о магическом значении этого предмета для черняховского населения. Именно такую функцию имели металлические (железные и редко бронзовые) гребни, распространенные в Северной Европе и в ареале черняховской культуры (в том числе и в Легедзине) (Левада, 1999; Магомедов, Диденко, 2013, рис. 4: 23). Почти все они имеют отверстия в спинке, возможно, для подвешивания. Еще одним аргументом в пользу особого отношения черняховцев к гребням являются их изображения на гончарной посуде⁵: на кувшинах из Ромашек и Тиры, на двух вазах из Обухова, а также на трехручной вазе из Беленького, где на круговой плоскости Т-образного венчика изображены десять гребней (Магомедов, 2001, с. 58; Кравченко и др., 2007, с. 178, рис. 20: 1; с. 383, рис. 17: 3; Росохацкий, 1991, рис. 30: 1).

Височное кольцо из бронзовой проволоки с завязанными концами, на которое надето миниатюрное проволочное колечко из серебра (рис. 3: 14). Такие украшения, как бронзовые, так и серебряные или золотые, иногда с нанизанными бусами, являются нередкой находкой на черняховских памятниках (Магомедов, 2001, с. 71–72; Гопкало, 2012). Они обычны также для вельбарской и ряда других культур Центральной Европы.

Железное шило с прямоугольной в сечении рабочей частью (рис. 3: 10) является довольно редкой находкой. Гораздо чаще в погребениях находят инструменты из бронзы с круглым сечением острия.

Куски гранита черного цвета, пережженные до крохкого состояния, лежали по обе стороны от

скелета. Подобные находки на этом же могильнике происходят еще из пяти ингумаций людей разного пола и возраста: они встречены в погребениях 21, 35, 36, 45, 46 (Магомедов, Диденко, 2009, с. 60; Магомедов и др., 2010, с. 34, 36, 37). Небольшие пережженные обломки гранита в количестве от двух до семи экземпляров находились в мисках вместе с угольками, располагавшихся в разных частях погребения: у головы, на тазовых костях, под плечевой костью, под поясничными позвонками. В двух последних случаях сосуды были перевернуты вверх дном. Мы предполагаем, что камни помещали в могилу в раскаленном состоянии.

Наборы мелких камней (песчаник, гранит, известняк), помещенные в сосуды или лежащие кучкой на дне могилы, известны и на других некрополях в разных частях ареала черняховской культуры, причем чаще в детских погребениях (Магомедов, 1987, с. 40). В некоторых случаях есть указания на их нагревание в прошлом⁶. Высказывались разные предположения о назначении таких наборов: заменители монет или средство для добывания огня (Петров, 1964, с. 158), заменители игральные жетоны (Рикман, 1975, с. 289), принадлежности для игры или предметы магического назначения (для гадания) (Сымонович, 1979, с. 81, 111), предметы с магическим смыслом (Никитина, 1985, с. 84). «Магическая» интерпретация представляется нам наиболее убедительной, и находки из Легедзинского могильника ее подтверждают. Сосуды-жаровни с камнями или просто раскаленные камни, помещенные в могилы, могут быть отражением ритуала «очистительного огня», характерного для погребальных обычаев многих народов.

Кости молодой овцы. Остатки мясной пищи (заупокойной еды) в виде костей животных были встречены на могильнике еще в четырех захоронениях по обряду ингумации: 20, 21, 46, 62 (Магомедов, Диденко, 2009, с. 59, 60; 2011, с. 87; Магомедов и др., 2010, с. 37). Кости овцы или козы, свиньи и быка обычно размещались у ног погребенного, возле посуды, также содержавшей пищу. В одном случае, в погребении 62, они лежали в горшке и, скорее всего, остались от вареного мяса. С продуктами животного происхождения связана и находка яичной скорлупы в погребении 45 (Магомедов и др., 2010, с. 36). Кости животных

⁴ К категории подвесок были отнесены также обломки гребня из могильника Дидов Шпиль (Терпиловский, Петраускас, 2005, с. 66, рис. 4: 5). Такое определение находки представляется нам неубедительным. Во-первых, отверстие в спинке было предназначено, скорее, для заклепки, чем для подвешивания; во-вторых, реконструируемая длина гребня (около 8 см) в полтора раза превышает размеры подвесок, приближаясь к размерам обычных гребней.

⁵ Изображения гребней на вазе-урне известно также у германцев на Эльбе (Thomas, 1960, Abb. 36).

⁶ Например, Маслово, погребение 83 – угольки и камни в миске; погребение 86 – камень в горшочке с углями; погребение 87 – обожженные камни в миске; Каборга, погребение 21 – куски известняка, обожженные докрасна (Петров, 1964, с. 158; Магомедов, 1979, с. 46).

встречаются в могилах многих древних народов, в том числе и у черняховского населения. На некрополях причерноморской зоны зафиксирован скифский и сарматский обычай помещать в могилу мясо вместе с ножом (Магомедов, 1987, с. 40), но в Легедзине такие случаи не отмечены.

* * *

Исследование материальных остатков захоронения позволило получить следующую информацию о погребенном. Благодаря антропологическому анализу мы знаем, что это был ребенок в возрасте 2–3 лет. Детский возраст умершего подтверждает и часть керамического инвентаря – три миниатюрных горшка и кружка, а также два кувшина и две миски небольшого объема (рис. 2: 2, 5, 6; 3: 1, 2, 5, 7, 8). Наличие посуды малых размеров обычно для детских погребальных комплексов черняховской культуры. В частности, в погребении 57 Легедзинского могильника были найдены миниатюрные миска и два кувшина, один из которых был слабо обожжен, а в погребении 61 – миниатюрный горшок (Магомедов и др., 2010, рис. 5: 3; Магомедов, Диденко, 2011, рис. 18: 2–4).

Вероятно, большинство «погребальной» посуды использовалось в быту еще при жизни ребенка. Но миниатюрная кружка была настолько слабо обожжена, что не могла бы долго удерживать жидкость (как и упомянутый выше кувшинчик из погребения 57). Такую посуду явно готовили специально для похорон, без надлежащего длительного обжига. Примечательно, что два горшка из погребального сервиза имели производственный брак – сквозные трещины в боках и дне (рис. 2: 7, 9), из-за которых находившаяся в них пища пригорела. Мы предполагаем, что эти сосуды были использованы по основному назначению только один раз – при приготовлении заупокойной еды. Для черняховской культуры обычны случаи помещения в могилы непригодной в быту посуды⁷, так как в погребальном ритуале вещи играют символическую роль: душу умершего сопровождают в загробный мир не реальные предметы, а их образы, такие же идеальные, как и сама душа.

Детский скелет из погребения 68 не имеет антропологических признаков, позволяющих определить пол погребенного, но с определенной степенью достоверности такую возможность дают вещи. Различия в «мужском» и «женском» инвентаре черняховских погребальных комплексов

убедительно, с применением статистики, показаны в монографии О.В. Гопкало (2011). Наличие в могиле шила больше присуще мужским погребениям, но височные кольца чаще встречаются в женских. Одна фибула и одна бусина встречаются у погребенных разного пола приблизительно с одинаковой частотой. Подвеска-гребень, как редкая находка, в этом отношении не информативна. Однако следует учитывать отсутствие в инвентаре таких важных признаков женских захоронений, как пряслице или ожерелье. Таким образом, более вероятно, что в могиле был похоронен мальчик, а не девочка.

Погребение 68 содержало 17 сосудов-приношений. До этого на Легедзинском могильнике самый многочисленный набор из 11 сосудов зафиксирован в упомянутом выше детском погребении 57. Наибольший набор посуды из 19 единиц был представлен в захоронении 5 по обряду кремации могильника Каборга IV (Магомедов, 1979, с. 33–35). На некрополе Извоаре в румынской Молдове погребение-ингумация 8 содержало 17 керамических сосудов и стеклянный кубок (Vulpe, 1957, p. 45–48). По данным, полученным Г.Ф. Никитиной на материалах черняховских погребальных памятников Украины и Республики Молдова (Никитина, 2012), большое количество посуды найдено также в ингумациях из могильников Черняхов (погребение 173) и Журавка (погребение 5) – по 16 сосудов, Данчены (погребение 187) и Успенка (погребение 1308) – по 14 сосудов. Таким образом, комплекс из Легедзине относится к наиболее богатым в этом отношении захоронениям.

Используя количественные показатели инвентаря как социально значимый признак, Н.М. Кравченко (1987) разработала археолого-социологическую типологию черняховских ингумаций с северной ориентировкой. Группа наиболее богатых погребений (третий тип, подтип «а») составляет 3% от всей выборки. В нее вошли комплексы, в которых содержится 9 и более принесений (сосуды, кости животных); для этой же группы характерны 3–4 предмета украшений и деталей одежды, а также погребальные сооружения усложненной конструкции (в частности, могилы с подбоем). Состав принесений строго регламентирован: кувшин (иногда несколько), ваза, кубок, набор мисок, набор горшков. Датировки погребений третьего типа относятся к финальному этапу черняховской культуры: середина IV – начало V в. То есть, легедзинское погребение 68 полностью соответствует критериям могил высшей социальной группы по Н.М. Кравченко. По

⁷ В частности, на могильнике Велика Бугаевка в погребении 132, также детском и также богатом (Петраускас, 2004, с. 175).

мнению других исследователей, могилы «аристократии» в черняховской культуре должны иметь и другие важные признаки – большие размеры погребального сооружения, престижные вещи в виде изделий из золота и серебра, импортной посуды (стеклянные или краснолаковые сосуды, амфоры) и прочее (Bierbrauer, 1989, S. 71; Магомедов, 1997; 2001, с. 31). Такие вещи на Легедзинском могильнике имеются – краснолаковая миска из погребения 24, серебряные подвески из погребений 16 и 46, находки из слоя: золотая подвеска-кольцо, многочисленные обломки стеклянных кубков и амфор (Магомедов, Диденко, 2013, рис. 2: 9; 3: 4, 5, 9). Их отсутствие в погребении 68 можно объяснить детским возрастом умершего. Однако наличие богатого погребального сервиза с полным набором посуды для напитков показывает, что его семья обладала высоким статусом в общине, и поэтому в загробном мире ребенку полагалось достойное место за столом предков (Магомедов, 2003).

В настоящее время большинство исследователей сходятся во мнении, что основу населения черняховской культуры составлял народ готов (носителей вельбарской культуры), который включал более или менее ассимилированные группы вандалов (пшеворской культуры), сарматов и других племен. Выше мы касались некоторых особенностей погребения 68, выделяющегося как среди могил Легедзинского некрополя, так и на общем фоне черняховских захоронений. Могильная яма

с подбоем является сарматским признаком. Наличие горшка «открытого типа» (рис. 2: 4) указывает на связи с пшеворской культурой⁸. В то же время большинство лепных форм из могильника имеют аналогии в материалах вельбарской культуры, что в целом отличает черняховскую лепную посуду. Таким образом, есть основания предполагать, что родители умершего ребенка имели разное этническое происхождение – сарматское и вандальское (пшеворское). При этом они были членами готской общины и усвоили многие ее обычаи.

Захоронение было совершено на позднем этапе существования могильника, на что косвенным образом указывает его расположение на окраине памятника. Более точно датировку погребения 68 определяет фибула варианта Гороховский Б1в, характерного только для хронологической фазы 5 черняховской культуры (гуннский период, последняя четверть IV – первая треть V в.). Подвеска-гребень, возможно, сужает дату захоронения до последней четверти IV в.

Материалы погребения 68, как и всего Легедзинского могильника, подтверждают устоявшееся мнение о сложном культурно-этническом составе населения черняховской культуры. Они также иллюстрируют процесс социального расслоения общества и выделения элитного слоя, по крайней мере, на уровне общины. В ходе дальнейшего исследования памятника следует надеяться на обнаружение не менее богатых захоронений взрослых представителей местной аристократии.

Литература

Гопкало О.В., 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: ИА НАНУ. 252 с.

Гопкало О.В., 2011. Мужской и женский черняховский костюм (по данным погребений с антропологическими определениями) // *Stratum plus*. № 4. С. 179–207.

Гопкало О.В., 2012. Прикраси волосся у дівоному вбранні населення черняхівської культури // *Археологія і давня історія України*. Вип. 8. Київ: ІА НАНУ. С. 109–116.

Гороховский Е.Л., 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // *Труды V МКАС*. Т. 4: Древние славяне / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка. С. 34–46.

Козак Д.Н., 2008. Венеди. Київ: ІА НАНУ. 470 с.

Кравченко Н.М., 1987. О методике социологического анализа погребального обряда племен черняховской культуры // *Исследование социально-исторических проблем в археологии* / Ред. С.В. Смирнов. Киев: Наукова думка. С. 209–227.

Кравченко Н.М., Петраускас О.В., Шишкин Р.Г., Петраускас А.В., 2007. Памятники археологии позднеримского времени Правобережной Киевщины. Киев: КНТ. 452 с.

Куштан Д.П., Петраускас О.В., 2011. Могильник черняхівської культури Черкаси-

⁸ На это же направление связей указывает лепная миска из погребения 39 (Магомедов и др., 2010, рис. 8: 4). Ее форма соответствует типу ШВ по типологии лепной керамики пшеворского происхождения в черняховской культуре (Милашевский, 2017).

Центр (за матеріалами розкопок 2000–2003 рр.) // Черняхівська культура: матеріали досліджень (Oium. № 1). Київ; Луцьк: ІА НАНУ. С. 178–230.

Левада М.Е., 1999. Металлические гребни позднего римского времени в Юго-Восточной Европе // Сто лет черняховской культуре (Бібліотека Vita Antiqua) / Ред. М.І. Гладких. Киев: Товариство археології та антропології. С. 112–125.

Магомедов Б.В., 1979. Каборга IV (раскопки 1973–1974 гг.) // Могильники черняховской культуры / Ред. Э.А. Сымонович. М.: Наука. С. 24–62.

Магомедов Б.В., 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 111 с.

Магомедов Б.В., 1997. Поховальні споруди як ознака соціального статусу в черняхівському суспільстві // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян / Ред. В.Д. Баран. Київ; Львів: ІА НАНУ. С. 79–85.

Магомедов Б., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta studia Gothica. I). Lublin: UMCS. 290 с.

Магомедов Б.В., 2003. Потойбічний бенкет у поховальному обряді черняхівської культури // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України / Ред. В.Д. Баран. Київ: ІА НАНУ. С. 83–88.

Магомедов Б.В., Диденко С.В., 2009. Могильник черняховской культуры у с. Легедзино. Работы 2008–2009 гг. // Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Менотти Ф. и др. Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2009 г. Киев: ІА НАНУ. С. 56–93.

Магомедов Б.В., Диденко С.В., 2011. Могильник черняховской культуры у с. Легедзино. Работы 2011 г. // Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Рьжов С.Н. и др. Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2011 г. Киев: ІА НАНУ. С. 86–105.

Магомедов Б.В., Диденко С.В., 2013. Исследования могильника черняховской культуры у с. Легедзино в 2008–2011 гг. // Stratum plus. № 4. С. 235–243.

Магомедов Б.В., Диденко С.В., Кожемяченко В.Б., 2010. Могильник черняховской культуры у с. Легедзино. Работы 2010 г. // Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Менотти Ф. и др. Трипольское поселение-гигант Тальянки. Киев: ІА НАНУ. С. 32–82.

Магомедов Б.В., Діденко С.В., Милашевський О.С., 2016. Могильник черняхівської культури Легедзине: дослідження 2015 року // АДУ 2015. Київ: ІА НАНУ. С. 203–204.

Милашевський О.С., 2017. Північно-західний компонент черняхівської культури (за матеріалами ліпної кераміки): Дис. ... канд. іст. наук. Київ: ІА НАНУ. 180 с.

Никитина Г.Ф., 1985. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.: Наука. 209 с.

Никитина Г.Ф., 2012. База данных погребального обряда черняховской культуры. М.: ИА РАН. 399 с.

Петраускас А., Петраускас О., 2008. Про деякі особливості технології та хронології гончарних горщиків черняхівських пам'яток Постугняня // Археологічні студії. Вип. 3. Київ; Чернівці: Наші книги. С. 53–97.

Петраускас О.В., 2004. Поховання багатой дівчинки на могильнику черняхівської культури Велика Бугаївка // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали / Ред. Д.Н. Козак. Київ: ІА НАНУ. С. 165–184.

Петраускас О.В., 2008. Хронология некоторых типов гончарных кувшинов черняховской культуры лесостепной Украины // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов (Germania-Sarmatia). Калининград: Янтарный сказ. С. 88–103.

Петров В.П., 1964. Черняховский могильник // Древности эпохи сложения восточного славянства (МИА. № 116). М.: Наука. С. 53–117.

Рикман Э.А., 1975. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука. 336 с.

Росохацкий А.А., 1991. Отчет о полевых исследованиях Шаболатского отряда Одесского охранного археологического центра в 1991 г. // Архив ИА НАНУ. № 1991/237.

Сымонович Э.А., 1979. Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы // Могильники черняховской культуры / Ред. В.В. Кропоткин. М.: Наука. С. 63–111.

Терпиловський Р.В., Петраускас О.В., 2005. Черняхівські поховання могильника Дідів Шпиль на Канівщині // Археологія. № 1. С. 58–69.

Шишкин Р.Г., 2002. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології / Ред. С.Д. Крыжицкий. Київ: ІА НАНУ. С. 244–246.

Bierbrauer V., 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica (Archaeologia Baltica. Vol. VIII). S. 39–106.

Czopek S., Podgórska-Czopek J., 2004. Osada z okresu rzymskiego w Grodzisku Dolnym, stan 22

w świetle dotychczasowych badań // Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu / Red. P. Łuczkiwicz et al. Lublin. S. 71–77.

Dobrzańska H., 1990. Osada z późnego okresu rzymskiego w Igołomi, woj. Krakowskie. Część I: Materiały. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: PAN. 178 s.

Godłowski K., 1977. Materiały do poznania kultury przeworskiej na Górnym Szląsku (Część II)

// Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. T. IV. Warszawa. S. 7–238.

Thomas S., 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit // Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Bd. 8. S. 54–215.

Vulpe R., 1957. Izvoare. Sapaturile 1936–1948. București: Ed. ARSR. 396 p.

Grave 68 on the Legedzine cemetery of the Chernyakhov culture in the Cherkassy region

B.V. Magomedov, A.S. Milashevskiy (Kiev)

Key words: Chernyakhov culture, cemetery, infant grave.

73 burials were investigated on the cemetery Legedzine. Infant grave 68 has been located in a pit with a side-chamber typical for the Sarmatians. The burial contained 17 wheel-made vessels, a fibula, a bead, a pendant-ring, a pendant-comb, an awl, 3 granite pebbles and sheep's bones. The pot with a wide neck has parallels in the Przeworsk culture (fig. 4). The fibula belongs to the variant Gorokhovskiy Б1В (the fourth quarter of the 4th – the first third of the 5th c.). The pendant-comb is dated back to the fourth quarter of the 4th c. Burned pebbles are sometimes found in Chernyakhov burials. It might be the evidence of the ritual "purgative fire". According to the number of artefacts, grave 68 is one of the richest burials of the Chernyakhov culture. Apparently the family of the dead child had a high status in the community. The form of the grave and the pot of the Przeworsk type allow us to assume that the parents had different ethnic origin – Sarmatian's and Vandal's (Przeworsk's).

Translated by L. Orlova

Рис. 1. Погребение 68, фото.

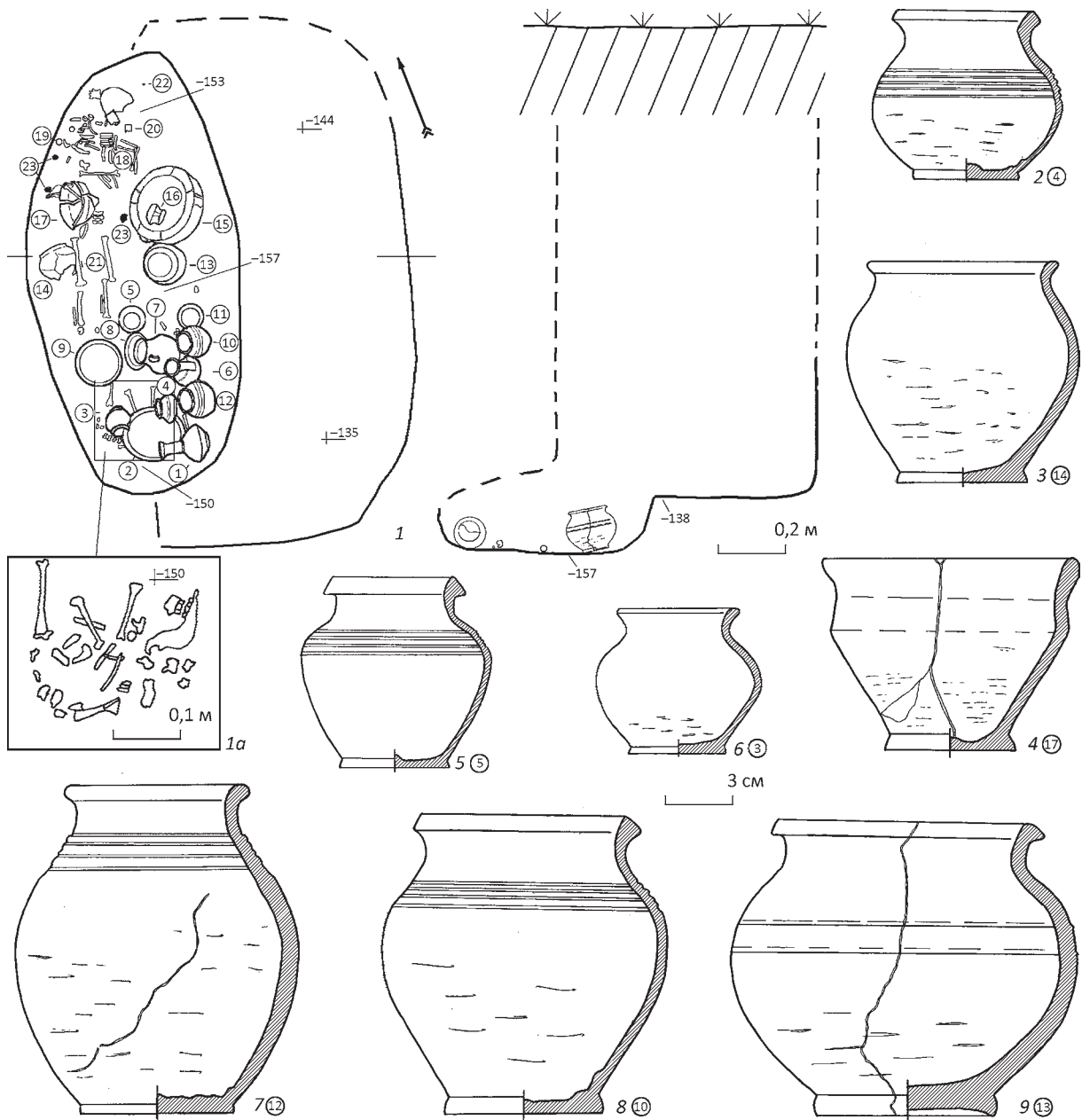

Рис. 2. Погребение 68.

1 – план и разрез с обозначением глубин и находок. 1а – вырезка из плана (с увеличением): нижний слой находок (под сосудами) – кости молодой овцы; 2–9 – кухонные горшки. На рис. 2 и 3 цифры в кружках соответствуют номерам находок на плане погребения и в тексте.

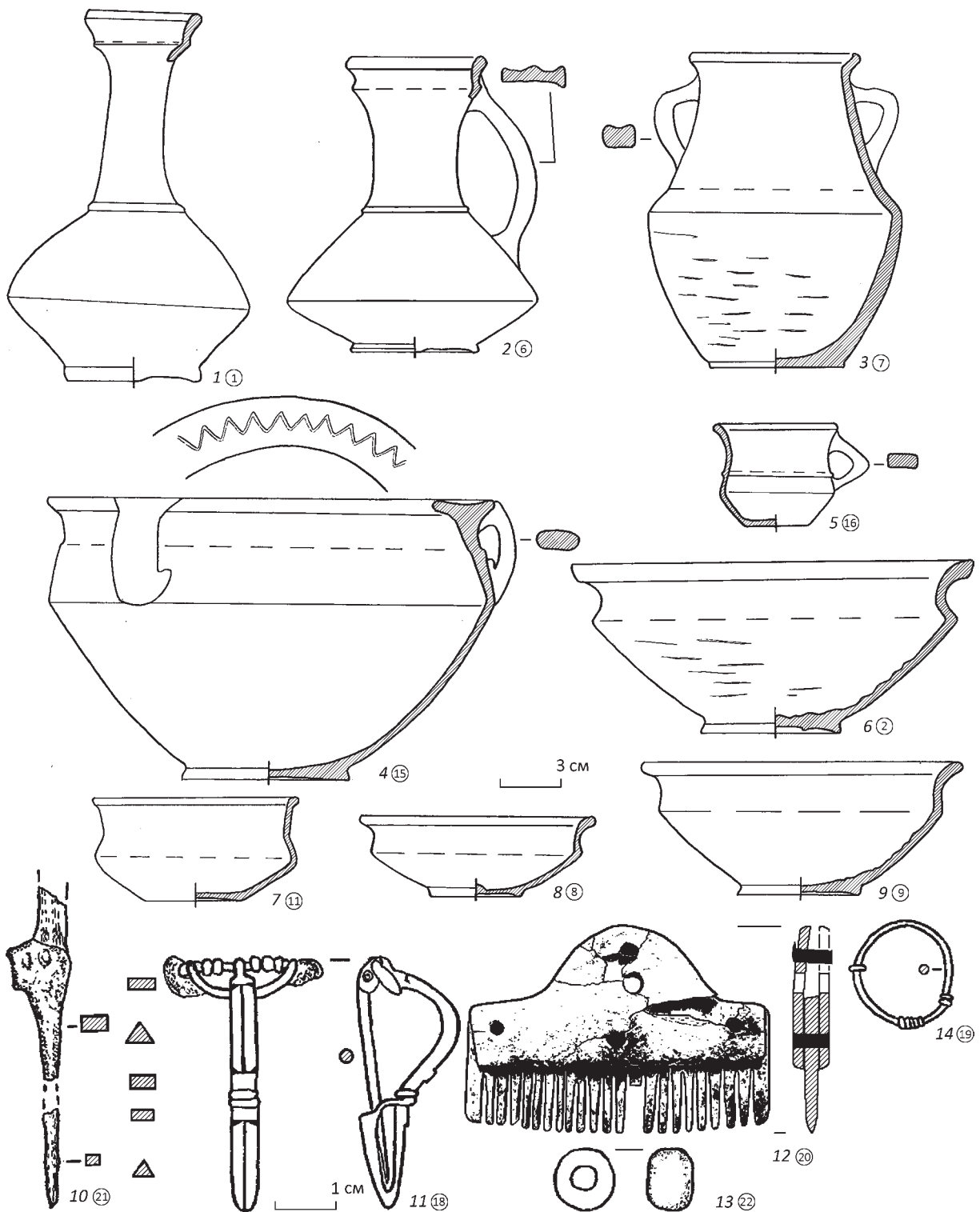

Рис. 3. Погребение 68.

1, 2, 4, 5, 7–9 – столовые сосуды; 3, 6 – кухонные сосуды; 10 – железное шило;
 11 – бронзовая фибула; 12 – подвеска-гребень из оленьего рога с бронзовыми заклепками;
 13 – стеклянная бусина; 14 – бронзовое височное кольцо.

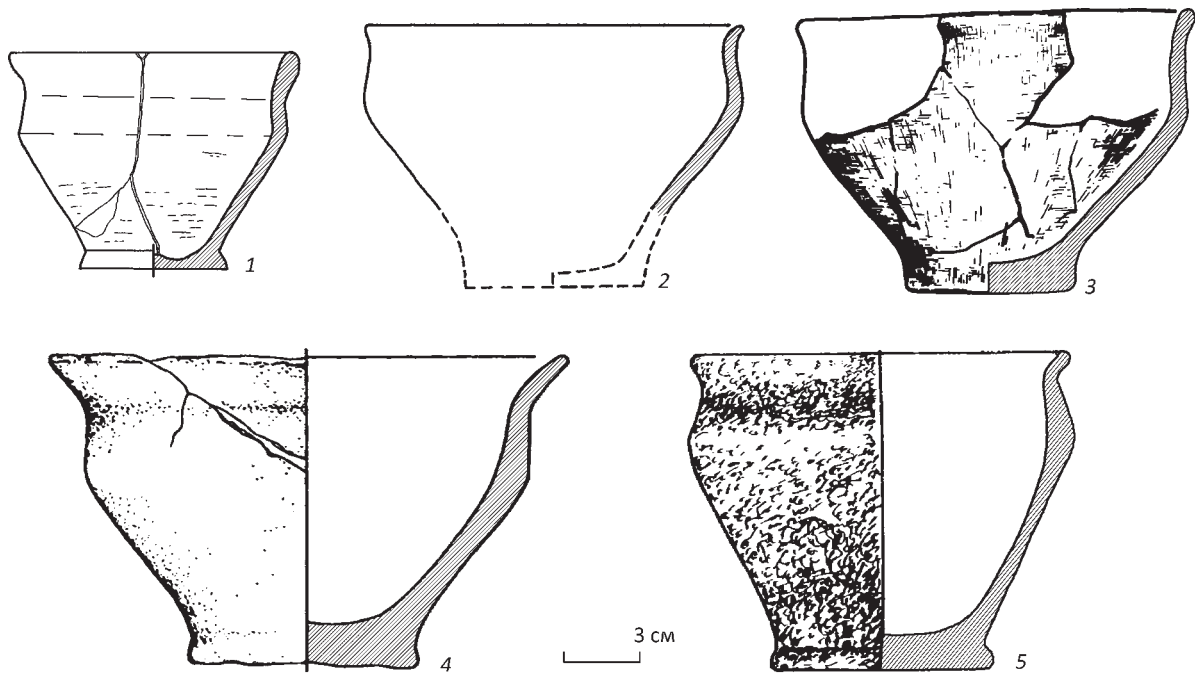

Рис. 4. Черняховский гончарный горшок (1) и лепные сосуды пшеворской (2–4) и зубрицкой (5) культур.

1, 2 – кухонные горшки; 3–5 – столовые сосуды.

1 – Легедзине, погр. 68; 2 – Иголомя; 3 – Тарнов; 4 – Гродзиско Дольне; 5 – Зубра.

2 – по: Dobrzańska, 1990, рис. 14: 61A; 3 – по: Godłowski, 1977, tab. LVI: 6;

4 – по: Czopek, Podgórska-Czopek, 2004, рис. 6: a; 5 – по: Козак, 2008, рис. 96: 10.

Городище скифского и гуннского времени у с. Мухино в правобережье Верхнего Дона¹

Г.Л. Земцов (Липецк), Ю.Д. Разуваев (Воронеж),
С.В. Уваркин (Липецк)

Ключевые слова: Верхнее Подонье, скифская эпоха, гуннское время, городище, фортификации.

В 2011 г. руководимый М.В. Цельковским разведочный отряд экспедиции Елецкого государственного университета обнаружил около северной окраины с. Мухино Задонского района Липецкой области городище со слабо насыщенным культурным слоем раннего железного века. При обследовании памятника удалось найти несколько железных предметов: трехлопастные и четырехгранные наконечники стрел, обломки топоров и ножей, овальную пряжку и пружинную фибулу (Цельковский, 2012, с. 15).

Городище находится в примечательном в географическом отношении районе Острой Луки р. Дон – большой петли речного русла. Оно расположено на водоразделе Дона и его правого притока Сновы и удалено от этих рек примерно на 2 км.

Городище занимает оконечность мыса в верховьях обводненной балки на левом берегу Сновы. Мыс имеет высоту около 27 м, однако над окружающей местностью не доминирует (рис. 1).

Площадка городища размерами 95 × 110 м по форме близка к неправильной трапеции, вытянута и понижается с севера на юг. Она ограничена с севера двумя линиями укреплений. Внутренняя состояла из вала шириной 12 м, возвышающегося над площадкой на 0,7–1,1 м, и рва глубиной 0,75 м. Внешняя располагалась в 10 м севернее и в современном состоянии практически не просматривается.

В 2011 г. на городище отряды детской областной археологической экспедиции «Поиск»

и экспедиции Липецкого государственного педагогического университета исследовали оборонительные сооружения и часть площадки.

Раскопом, представлявшим собой траншею размерами 49 × 4 м (196 кв. м), по линии ЮЮЗ–ССВ были разрезаны валы и рвы (рис. 2; 3). Это дало возможность проследить стратиграфию напластований, выявить параметры фортификаций и последовательность их сооружения. Абсолютную хронологию укреплений удалось определить по керамическим материалам и по результатам радиоуглеродной датировки остатков деревянных конструкций, проведенной в лаборатории Института географии РАН (табл. 1).

Внутренний вал 1 состоял в основном из мешаной глины и гумусированного суглинка. В верхней части насыпи встречались фрагменты керамики эпохи бронзы, скифского времени и второй четверти I тыс. н.э. В самом же ядре вала кроме немногочисленных обломков посуды бронзового века найдены лишь отдельные фрагменты керамики скифской эпохи.

Под насыпью вала на протяжении примерно 10 м зафиксирована древняя погребенная почва толщиной 0,35–0,40 м, представлявшая собой суглинок серого цвета. В ней залегали фрагменты керамики воронежской культуры эпохи бронзы (272 экз.), обломки сосудов городищской культуры скифского времени (54 экз.), большое количество обломанных и целых костей животных (свыше 1509 экз.), а также куски глиняной обмазки (33 экз.).

Практически повсеместно под насыпью вала поверх погребенной почвы прослежена тем-

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15–01–00103а

но-серая золистая прослойка толщиной 3–4 см. В ней было обнаружено достаточно большое количество находок, составлявших скопление 1: 149 фрагментов керамики воронежской культуры, 30 обломков городецких сосудов и 538 костей животных.

Под внутренней полкой вала, также на уровне погребенной почвы, залегала линза серого суглинка, включавшего желто-коричневую глину, угли и золу. Ее ширина составляла 1,5–2,0 м, толщина – около 0,2 м. Отчасти почва в этой линзе была обожжена до краснокирпичного цвета. Угли зачастую располагались компактно в виде прослоек, по которым угадывалось сгоревшее деревянное сооружение.

Судя по калиброванной дате обугленной плашки (ИГАН–4159) – 363–155 гг. до н.э. (вероятность 0,908) (табл. 1), древнейшие фортификации относятся к скифской эпохе. Найденная на уровне погребенной почвы, а также и на всей площади раскопа характерная керамика позволяют связать укрепленный поселок с городецкой культурой.

Уничтоженная пожаром оборонительная стена, судя по малому количеству углей и незначительности прокала верха погребенной почвы, могла представлять собой плетень, опорные столбы которого были вкопаны в столбовые ямки 2–6, выявленные в материковой глине. Их диаметр составил 0,25–0,30 м, глубина в материке 0,05–0,12 м.

Разрушенные укрепления городецкого поселка, как видно по стратиграфии насыпи вала, были перестроены. Это произошло, скорее всего, практически сразу после пожара. Примерно в 10 м к северу от сгоревшей стены был отрыт довольно глубокий ров 1. Выброшенная из него земля образовала вал, перекрывший продукты горения предшествующих фортификаций.

Во внешней поле вала зафиксирована заплывшая канава шириной 1,8–2,0 м, вкопанная на 0,5–0,8 м до, а местами чуть ниже, уровня погребенной почвы. Этот перекоп располагался практически параллельно рву и был заполнен серым суглинком с включениями (прежде всего, сверху) комочков обожженной почвы. Очевидно, в этом месте располагалась оборонительная стена. В самом перекопе ее остатков не зафиксировано, однако в материке выявлено девять небольших круглых столбовых ямок (7–15), расположенных в две почти параллельные линии, отстоящие друг от друга примерно на 2 м и приблизительно совпадающие с краями перекопа. Ямки имели диаметр 0,24–0,40 м и глубину в материке от 0,11 до 0,17 м. Надо полагать, в них стояли опорные

столбы двух стен, пространство между которыми было, скорее всего, забутовано землей.

В перекопе встречены отдельные фрагменты керамики эпохи бронзы и скифского времени, а также стенка сосуда второй четверти I тыс. н.э., явно попавшие туда из насыпи вала. Поэтому время создания данной конструкции определить сложно. Возможно, на него указывают обугленные древесные остатки, найденные в верхней части заполнения рва 1. Для одной из этих плашек (ИГАН–4160) получена калиброванная дата 1225–1275 гг. (вероятность 1,000) (табл. 1).

Расположенный перед внутренним валом ров 1 на уровне материка имел ширину 8 м, глубину 2 м. Его стенки в верхней части, примерно до половины глубины, довольно пологие, а в центральной, сужившейся до 1,7–1,9 м, резко уходят вниз. Ширина на слегка вогнутого дна составила 0,6–0,8 м.

Заполнение рва неоднородное. В нижней части это темно-серый слоистый суглинок с углями, в котором встречались тонкие прослойки обожженной почвы. Несомненно, угли попали в ров в результате пожара, уничтожившего размещавшиеся на гребне вала деревянные конструкции. Сам же пожар произошел почти сразу после сооружения или расчистки рва, поскольку угли залегали практически у самого дна.

В придонном заполнении рва найдены три фрагмента керамики эпохи бронзы, восемь стенок и днище сосудов городецкой культуры. Эти материалы подтверждают принадлежность нижней части рва к скифской эпохе.

На уровне резкого перепада наклона стенок в заполнении рва прослежена линза серой золистой почвы с отдельными углями, достигавшая толщины 0,45 м. Ее перекрывала сильно насыщенная углями черная прослойка толщиной 0,15–0,20 м. Выше залегал коричнево-серый и коричневый суглинок с обожженными комочками земли, перекрытый слоями коричнево-серой почвы и дерна.

В заполнении верхней части рва, от уровня материка до перепада уклона стенок, найдены 8 обломков посуды эпохи бронзы, венчик и 16 стенок сосудов городецкой культуры, 3 фрагмента керамики второй четверти I тыс. н.э., 3 кости животных и более 20 кусков глиняной обмазки.

С уровня черной углистой прослойки был взят для радиоуглеродного анализа обгоревший фрагмент дерева, упоминавшийся выше (ИГАН–4160). Исходя из его датировки, следует предположить, что верхняя, широкая с пологими стенками, часть рва вместе со стеной на внешней поле вала были сооружены в XIII в. Таким образом, на месте фортифика-

каций скифской эпохи существовали и укрепления древнерусского времени, судя по углистому заполнению верха рва, также уничтоженные пожаром. К сожалению, этот вывод не подкреплен другими материалами городища, на котором керамические или вещевые находки XIII в. пока не обнаружены.

У внешнего края рва на слое погребенной почвы залегала желто-коричневая материковая глина, перемешанная с гумусированным суглинком. Эта небольшая глинистая насыпь имела ширину около 2 м и высоту до 0,2 м. В профиле было заметно, что верх перекрытой ею почвы слегка обожжен. Скорее всего, данная насыпь является частью выкида скифского времени, оставшейся после расширения рва в XIII в. В пользу такого предположения свидетельствует тот факт, что расположенный неподалеку глинистый выкид из внешнего рва 3, относящегося к гуннской эпохе, залегает в почвенном слое заметно выше.

В северной части раскопа, на расстоянии примерно 5 м от внешнего края рва 1, выявлены рвы 2 и 3. Вторая линия укреплений, как уже отмечалось, на местности почти незаметна. На дневной поверхности в северо-восточной части мысовой площадки видна лишь неглубокая и узкая ложбина протяженностью около 40 м, идущая практически по прямой линии от края мыса к лесополосе, где она полностью запахана. Создается впечатление, что внешние фортификации были устроены без учета конфигурации внутренних.

Ров 2 имел ширину 1,9–2,2 м и был углублен в материк на 0,8 м. Южная стенка почти вертикальная, северная – более пологая. Ширина плоского дна достигает около 1 м. Заполнение рва неоднородное. Сверху, от уровня материка, это линза серого насыщенного золой суглинка, под которую от краев рва уходила прослойка желто-коричневой глины с гумусом. Ниже располагалась слоистая почва темно-коричневого цвета. Вдоль южного края рва, несколько ниже дерна, залегал глинистый выкид шириной около 2,5 м и толщиной до 0,12 м, под которым отмечена небольшая прослойка мелких угольков.

Находки в заполнении представлены 19 фрагментами керамики эпохи бронзы, 13 фрагментами сосудов городецкой культуры, а также 29 костями животных. Рядом со рвом на глубине 0,3 м от современной поверхности обнаружено скопление фрагментов керамики 2: развал сосуда городецкой культуры из 272 обломков.

Видимо, ров 2 остался от основания оборонительной стены, перед которой располагался имевший фортификационное назначение ров 3 (рас-

стояние между краями рвов составляло порядка 1,5 м).

Ров 3 имел довольно крутые стенки и уплощенное дно, несколько понижавшееся к северу. Ширина его верхней части на уровне материка составляла 2,7–2,9 м, на уровне дна – 1,0–1,8 м, глубина – до 1,4 м. Над третьим рвом, как и над вторым, был зафиксирован серый золистый слой, в котором на 0,2 м выше уровня материка отмечена черная углистая прослойка толщиной до 0,15 м. У южного края рва, рядом с западной стенкой раскопа, зафиксирован выкид в виде пласта мешаной глины шириной свыше 2 м и толщиной около 0,35 м, отчасти перекрывшего ров 2.

Заполнение рва 3 неоднородное. Его верхняя часть мощностью около 0,7 м, начиная от уровня материка, представлена серой почвой с золой и углистыми прослойками черного цвета. В придонной части заполнение черное углистое или слоистое темно-серое и темно-коричневое.

Из рва происходят 11 фрагментов керамики эпохи бронзы, 103 фрагмента сосудов городецкой культуры, 88 обломков лепных сосудов, обломки грузил и пряслице второй четверти I тыс. н.э., а также 116 кусков глиняной обмазки и 23 кости животных. По наиболее поздним из этих материалов внешняя оборонительная линия городища датируется второй четвертью I тыс. н.э.

В культурном слое и в напластованиях валов и рвов обнаружены 7 индивидуальных находок, 1624 фрагмента лепной керамики разных исторических периодов, 793 куски глиняной обмазки и 1717 костей животных. Более трети черепков (616 экз.) принадлежали сосудам воронежской культуры эпохи бронзы. Довольно представительная серия фрагментов лепной посуды – 727 экз. – относится к скифскому времени. Более половины их происходят из скопления 2 и заполнения рва 3.

Найденные венчики принадлежат 40 сосудам, из которых почти все – достаточно хорошо профилированные горшки. Плавно отогнутые шейки этих горшков имеют обычно дуговидный (рис. 4: 1–3, 5–7, 13–15; 5: 1–6), иногда прямой (рис. 4: 4, 8–12) профиль. Лишь одним обломком венчика представлен сосуд типа чашки (рис. 4: 16).

Керамика изготовлена из плотной глины, в которую в качестве отощающей примеси добавлена дресва, нередко в значительном количестве. Поверхность сосудов имеет серый, коричневый или бурый цвет. В основном она заглажена, иногда покрыта «рогожными» или «текстильными» отпечатками. На одном из днищ есть отпечаток кленового листа.

Гладкостенные сосуды преобладают. Отдельные «рогожные» оттиски имелись на внешней поверхности лишь четырех венчиков (рис. 5: 1–4), а также на срезе еще одного. «Текстильная» посуда представлена обломками верха трех горшков (рис. 5: 5, 6).

Орнамент на сосудах представлен пальцевыми защипами (рис. 4: 1–3, 5, 6; 5: 1, 3, 6) или насечками по краю венчика (рис. 4: 4, 7–12); значительная часть сосудов не орнаментирована (рис. 4: 13–16; 5: 2, 4, 5).

Морфологические признаки позволяют отнести практически всю керамику скифской эпохи к городецкой культуре. Лишь семь венчиков, орнаментированных пальцевыми вдавлениями и насечками по краю, отличаются составом глиняного теста, содержавшего примесь мелкого шамота, дресвы и песка. Предположительно они относятся к скифоидной культуре. Впрочем, керамические комплексы обеих представленных в Верхнем Подонье культур настолько схожи, что интерпретировать находки порой бывает затруднительно, тем более, что в районе Острой Луки многочисленные городецкие и скифоидные поселения не только соседствуют, но нередко расположены на одной территории (Бирюков, Разуваев, 2004; 2009; Обломский, Разуваев, 2009; Разуваев, Козмирчук, 2016; Сарапулкина, 2009).

Обращает на себя внимание практически полное отсутствие такого орнаментального мотива, как сквозные проколы по верху шеек сосудов. Он отмечен лишь на одном горшке (рис. 4: 5). В донской лесостепи проколы или несквозные наколы на посуде скифской эпохи являются признаком архаичности (Медведев, 1999, с. 42). На скифоидной керамике после V в. до н.э. они исчезают, хотя на городецкой, видимо, присутствуют и позже. С учетом этого обстоятельства, а также результатов радиоуглеродного датирования возникновение укрепленного поселения городецкой культуры следует относить ко времени не ранее второй половины IV в. до н.э.

Вероятно, в керамической серии скифской эпохи представлена посуда двух хронологических групп. Орнаментированные проколами сосу-

ды с «текстильной» и «рогожной» поверхностью являются наиболее древними. Часть же гладкостенной посуды могла быть связана с поселком, существовавшим после перестройки укреплений.

Число индивидуальных находок скифского времени весьма невелико: два обломка глиняных грузиков-пряслиц округлой формы (рис. 5: 7, 8), а также фрагмент каменного точильного бруска.

Материалы гуннского времени (конец IV – V в.) обнаружены в основном в культурном слое и в заполнении рва 3. Они представлены 281 фрагментом лепных сосудов. Эта керамика довольно однообразна. Она изготовлена из плотной глины с примесью шамота и песка в разном соотношении. В основном посуда груболепная, но есть фрагменты с подлощенной и лощеной поверхностью. Сосуды имеют достаточно выраженную профилировку (рис. 6: 1, 2; 7: 1–9) и днища как с закраиной, так и без нее (рис. 6: 4; 7: 13–15). Один из них – с вертикально поставленным венчиком (рис. 6: 3). Обнаружены также ручки от сосудов (рис. 7: 11, 12).

В заполнении рва 3 найдены биконическое пряслице диаметром 3,6 см (рис. 6: 7), грузила конической формы для ткацкого станка, целое и фрагментированное (рис. 6: 5, 6). Диаметр основания сохранившегося изделия 7,8 см, высота 10,4 см.

Судя по характерным технологическим особенностям посуды и других глиняных изделий, Мухинское городище относится к группе памятников типа Чертовицкое-Замятино (конец IV – V в.), широко представленных на Острой Луке Дона (Острая Лука Дона..., 2015). При этом оно является первым выявленным в этом микрорегионе укрепленным поселением гуннского времени.

В результате проведенных раскопок древности Мухинского городища получили историко-культурную атрибуцию. Дальнейший анализ происходящих с него материалов, археологическое изучение памятника и его округи, начатое в 2016 г., позволит определить место городища в структуре поселений скифского и гуннского периодов раннего железного века Острой Луки Дона.

Литература

Бирюков И.Е., Разуваев Ю.Д., 2004. Городище скифского времени у с. Каменка на Верхнем Дону // Археологические памятники бассейна Дона / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ. С. 181–191.

Бирюков И.Е., Разуваев Ю.Д., 2009. Поселение скифо-сарматского времени у с. Каменка на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 4 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 137–152.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука. 160 с.

Обломский А.М., Разуваев Ю.Д., 2009. Материалы скифского времени с верхнедонского поселения Ксизово 17 // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13 / Отв. ред. В.В. Килейников. Воронеж: Научная книга. С. 176–185.

Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.), 2015. (Раннеславянский мир. Вып. 16.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 660 с.

Разуваев Ю.Д., Козмирчук И.А., 2016. Раскопки городищ в Верхнем Подонье // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2015 / Ред.-сост. Н.Е. Чалых. Липецк. С. 117–121.

Сарапулкина Т.В., 2009. Комплекс памятников городищевой культуры в районе Донского меандра // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13 / Отв. ред. В.В. Килейников. Воронеж: ВГПУ. С. 281–283.

Цельковский М.В., 2012. Разведочные работы Елецкого университета // Археологические открытия 2011 года в Липецкой области. Липецк. С. 15.

Hillfort of the Scythian and Hun periods near the village Mukhino on the right bank of Upper Don

G.L. Zemtsov (Lipetsk), Yu.D. Razuvaev (Voronezh),
S.V. Uvarkin (Lipetsk)

Key words: Upper Don region, Scythian period, Hun period, hillfort, fortifications.

The article considers the results of the excavations of a hillfort situated near the Mukhino village (Zadonsk distr., Lipetsk reg.). During the investigation of a rampart and a fosse the remains of constructions defended the settlement of the Scythian period were identified (4th – 3rd cc. BC, based on the ¹⁴C data). According to the pottery, they were related to the Gorodetskaya culture. The vestiges of defensive constructions dated back to the 13th c. (based on the ¹⁴C data) were also discovered. Fortifications of the Hun period (dated back to the 4th – 5th cc. according to the related pottery) were found at a moderate distance from the main line of the defensive construction. They consisted of a rampart and quite a small fosse in front of it.

Translated by I. Grigoryan

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования древесных остатков с городища у с. Мухино.

Лаб. № ИГАН	Описание образца	Материал	Радиоуглеродный возраст, лет назад, ВР	Интервал калиброванного возраста на 1σ:		
				начало — конец	вероятность	
4159	Фрагмент оборонительной стены в насыпи вала (раскоп 1, кв. 14Б)	уголь	2170±90	cal BP	2062–2086	0,092
					2104–2312	0,908
				cal BC	363–155	0,908
					137–113	0,092
4160	Фрагмент оборонительной стены в заполнении рва (раскоп 1, кв. 8А)	уголь	770±40	cal BP	675–725	1,000
				cal AD	1225–1275	1,000

cal BP — лет назад; cal BC — лет до н.э.; cal AD — лет н.э.

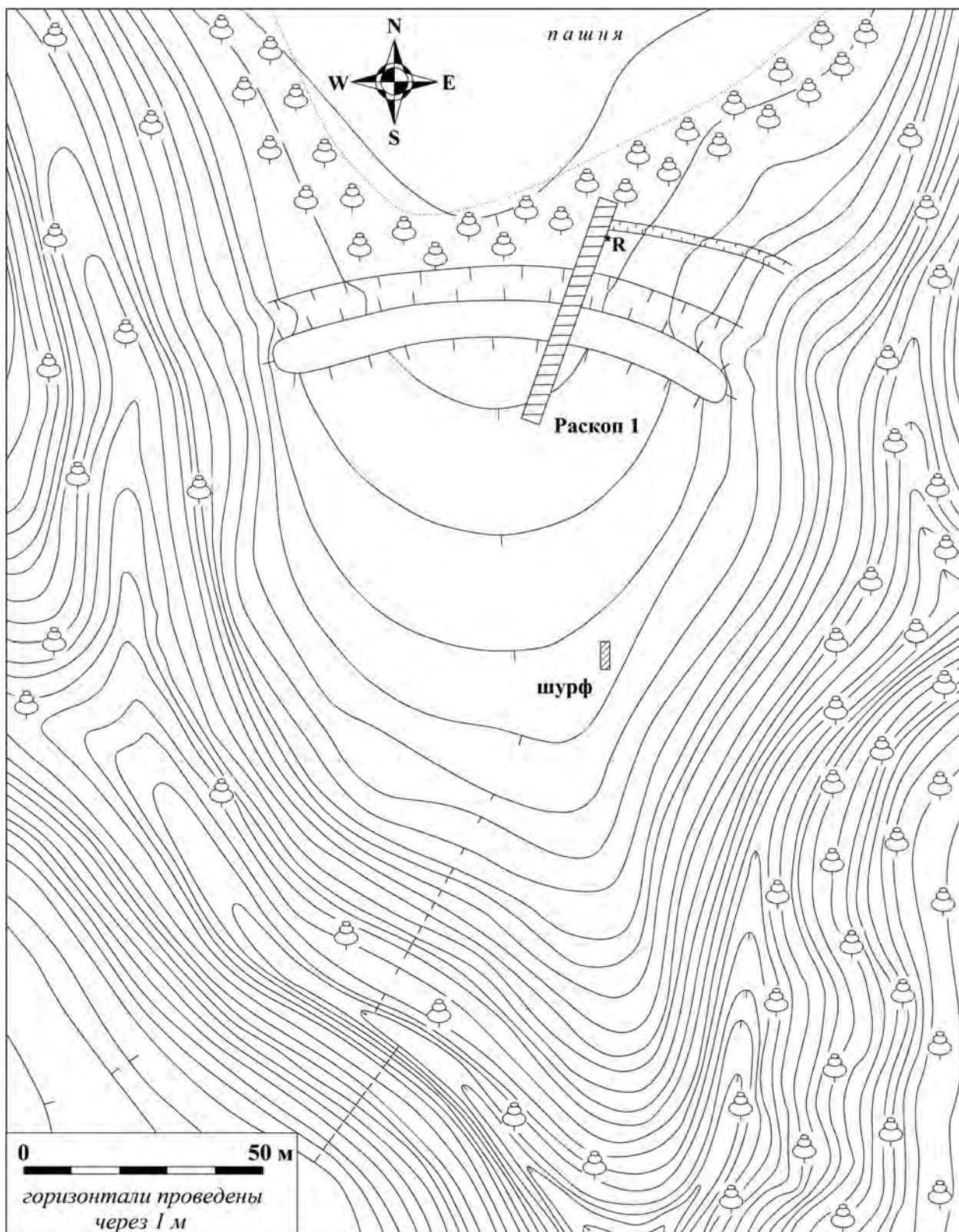

Рис. 1. План городища Мухино.

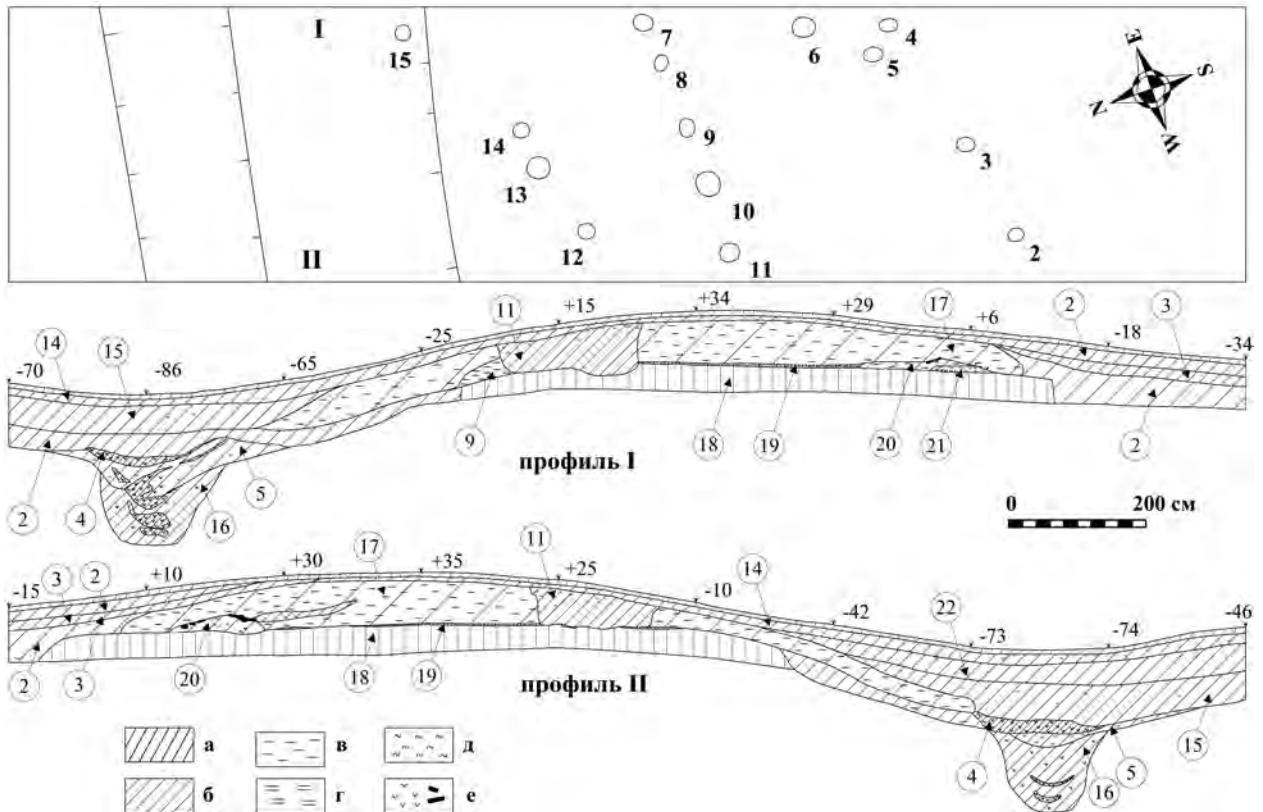

Рис. 2. План и профили участка раскопа на внутренней линии укреплений.

а – дерн; б – гумусированный суглинок; в – глина; г – обожженная почва; д – зола; е – уголь.

Почвенные слои: 1 – серо-коричневый; 2 – коричнево-серый; 3 – темно-серый; 4 – черный углистый; 5 – серый золистый; 6 – темно-серый слоистый углистый; 7 – светло-серый; 8 – темно-коричневый слоистый; 9 – желто-коричневая глина с гумусом; 10 – серый с золой; 11 – серый; 12 – серый мешаный с желто-коричневой глиной; 13 – включения обожженной почвы; 14 – коричнево-серый с комочками обожженной почвы; 15 – коричневый с комочками обожженной почвы; 16 – темно-серый слоистый с углями; 17 – желто-коричневая глина с прослойками серого суглинка; 18 – серый суглинок (погребенная почва); 19 – листовая прослойка; 20 – серый с включениями желто-коричневой глины и углей; 21 – обожженная почва и угли; 22 – коричневый.

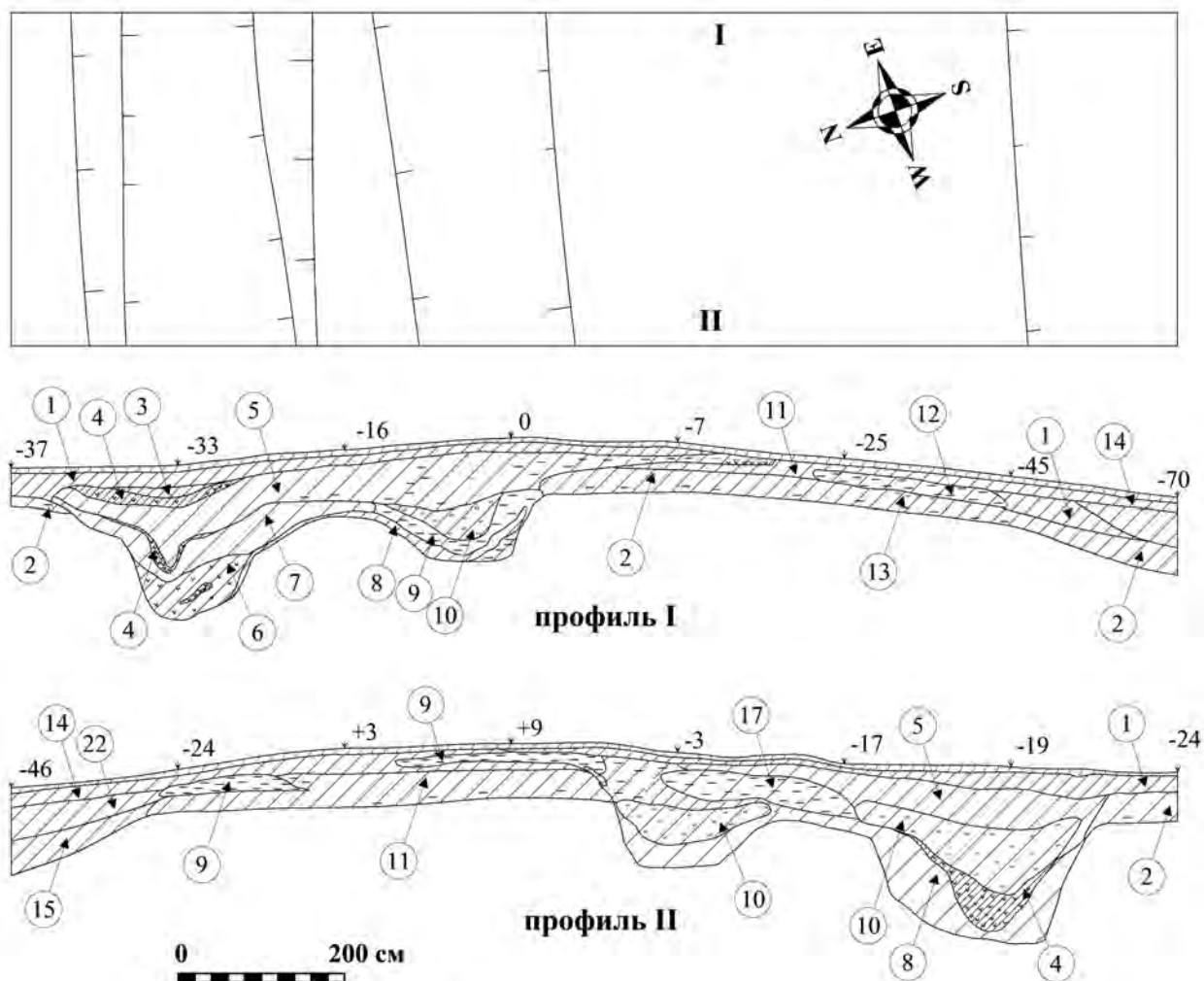

Рис. 3. План и профили участка раскопа на внешней линии укреплений.

а – дерн; б – гумусированный суглинок; в – глина; г – обожженная почва; д – зола; е – уголь.
 Почвенные слои: 1 – серо-коричневый; 2 – коричнево-серый; 3 – темно-серый; 4 – черный углистый; 5 – серый золистый; 6 – темно-серый слоистый углистый; 7 – светло-серый; 8 – темно-коричневый слоистый; 9 – желто-коричневая глина с гумусом; 10 – серый с золой; 11 – серый; 12 – серый мешаный с желто-коричневой глиной; 13 – включения обожженной почвы; 14 – коричнево-серый с комочками обожженной почвы; 15 – коричневый с комочками обожженной почвы; 16 – темно-серый слоистый с углями; 17 – желто-коричневая глина с прослойками серого суглинка; 18 – серый суглинок (погребенная почва); 19 – золистая прослойка; 20 – серый с включениями желто-коричневой глины и углей; 21 – обожженная почва и угли; 22 – коричневый.

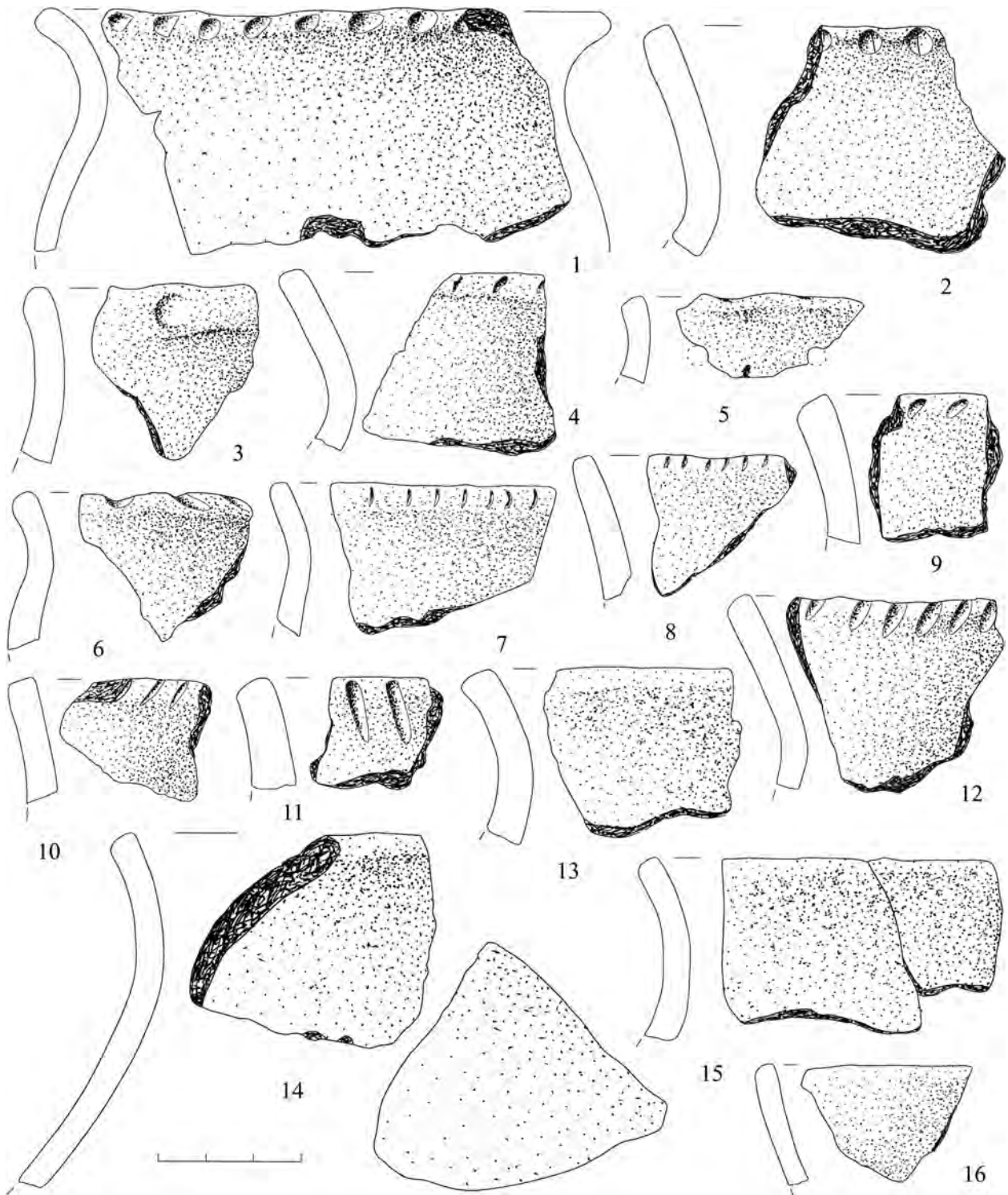

Рис. 4. Гладкостенная керамика скифского времени.

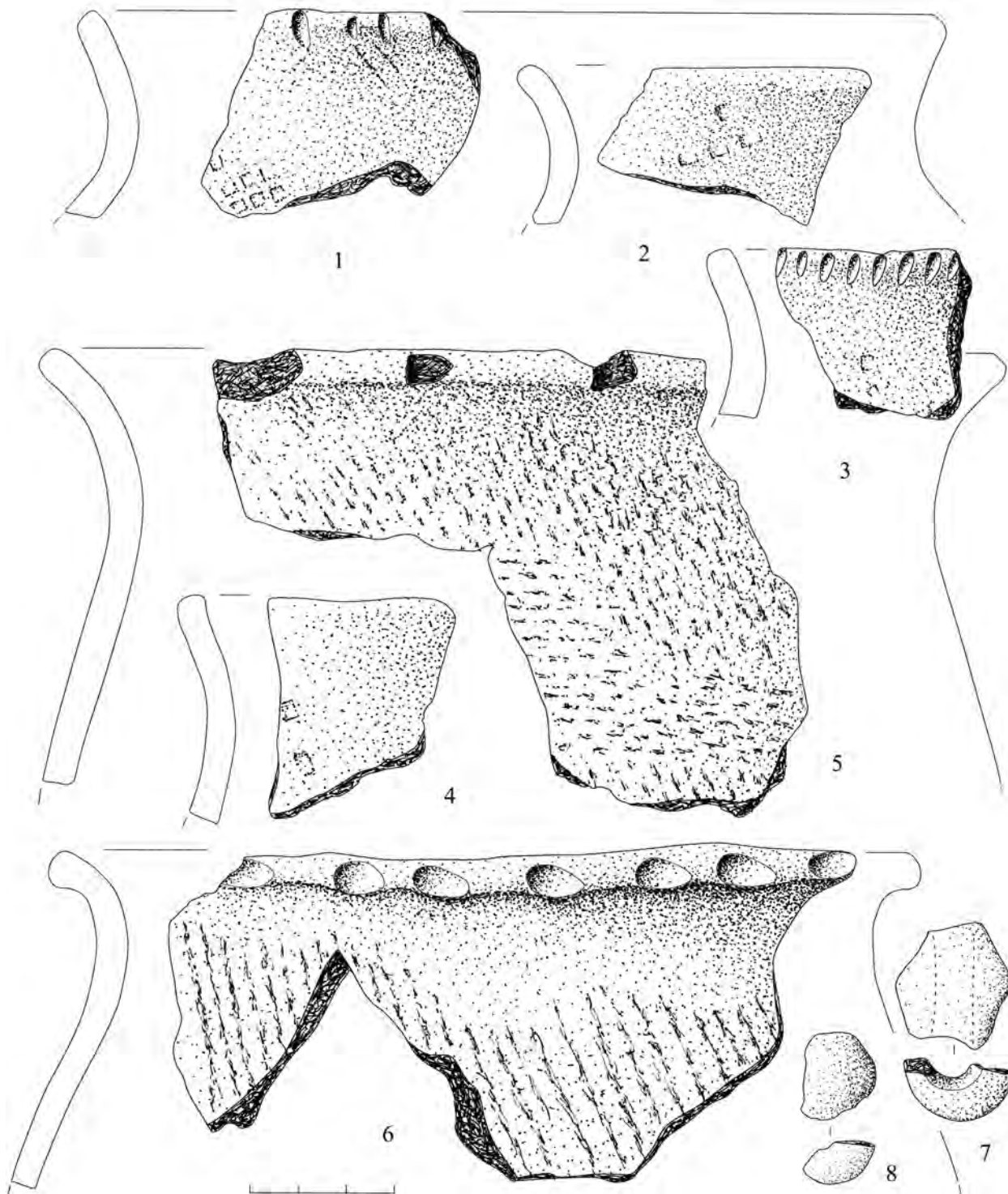

Рис. 5. «Рогожная» и «текстильная» керамика и глиняные пряслица скифского времени.

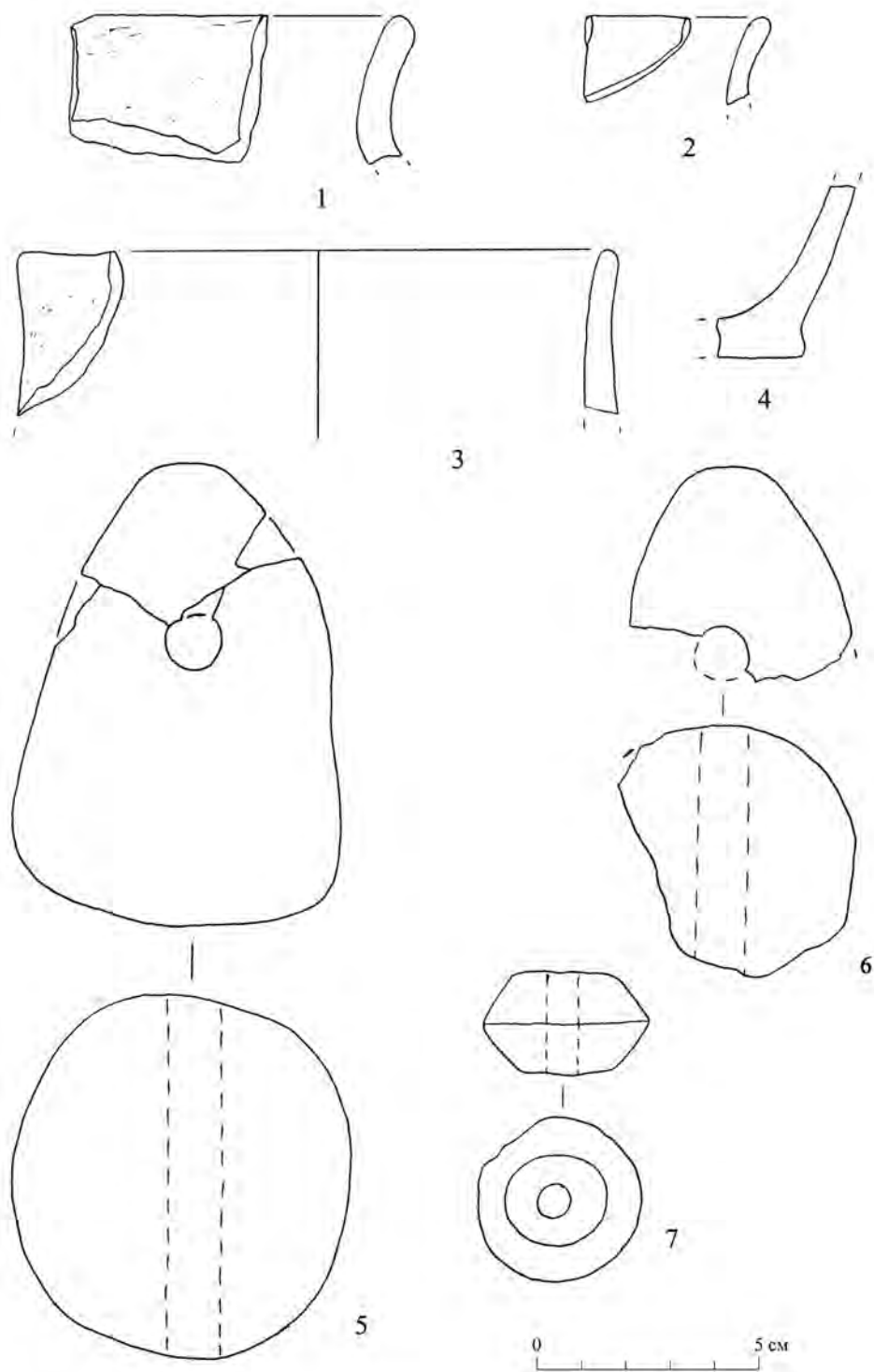

Рис. 6. Керамика гуннского времени.
1–4 – культурный слой; 5–7 – заполнение рва 3.

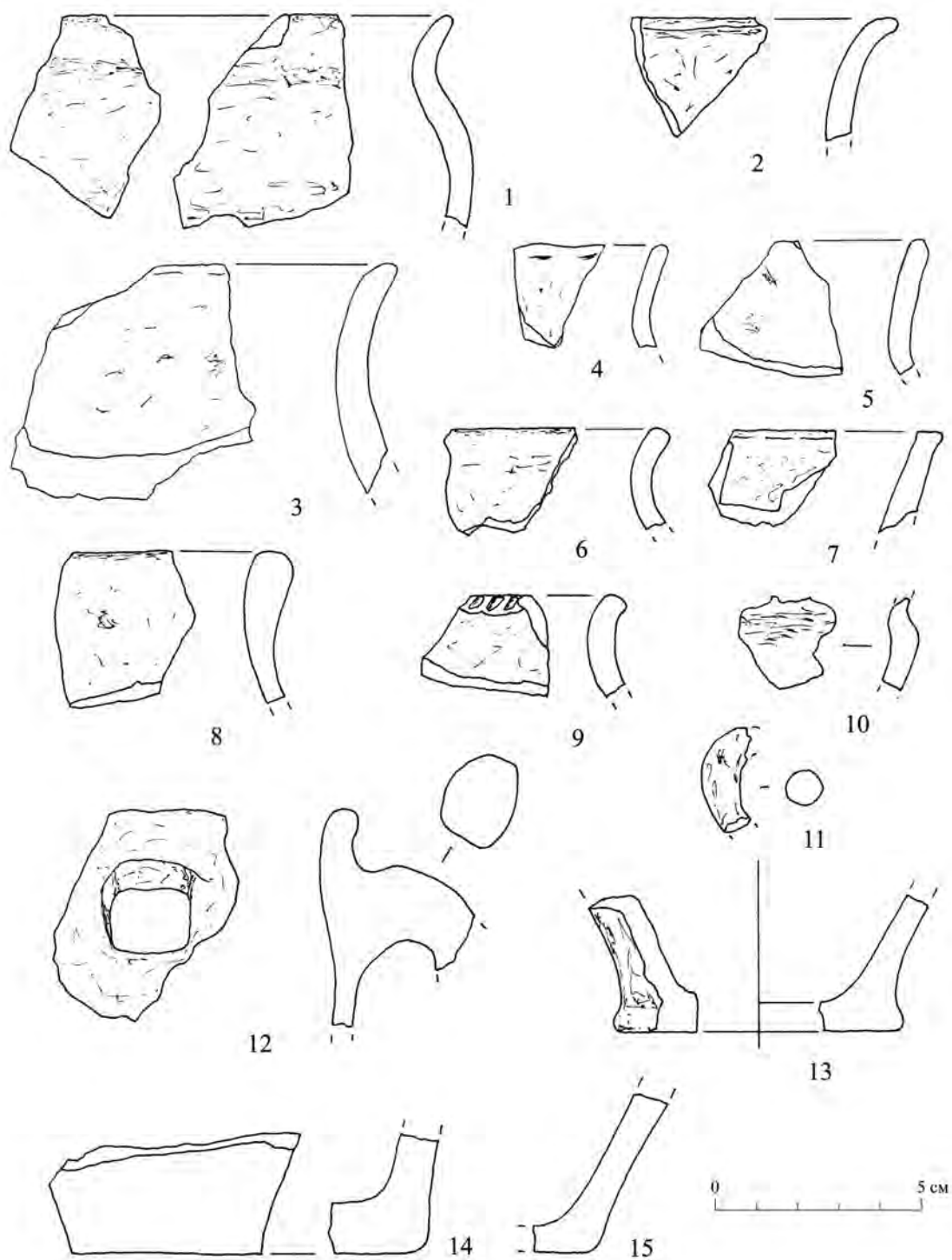

Рис. 7. Керамика гуннского времени из заполнения рва 3.

Материалы гуннского времени с поселения Упа 2 в черте города Тулы

А.М. Воронцов, Е.В. Столяров (Тула)

Ключевые слова: гуннское время, Окско-Донской водораздел, памятники типа Чертовицкое-Замятино, мощинская культура, Верхнее Подонье, фибула, крапчатые бусы, серьги с полиэдрическим окончанием.

Поселение Упа 2 в черте г. Тулы (рис. 1–3) в 2016 г. изучалось в ходе спасательных исследований при строительстве микрорайона «Время на года». Работы проводились под руководством Е.В. Столярова, площадь раскопа составила 5040 кв. м. Полученные материалы свидетельствуют о нескольких этапах бытования памятника: эпоха камня (неолит), I в. до н.э. – I в. н.э. (памятник типа Упа 2) и конец IV – V в. (поселение типа Чертовицкое-Замятино). В пахотном горизонте найдено небольшое количество круговой керамики XIV–XV вв., объекты этого времени изучены не были.

Данная статья представляет собой предварительную публикацию материалов поселения типа Чертовицкое-Замятино¹. В ней полностью приводятся планиграфия, индивидуальные находки и керамика с небольшого участка раскопа, включающего одну жилую постройку и серию хозяйственных ям (рис. 2; 5; 6; 7, 9–19; 7; 8: 1–5). Кроме того, анализируются все хроноиндикаторы из раскопа (рис. 6: 1–5, 6, 8) и некоторые важные для публикации керамические формы из других объектов (рис. 8: 9–10).

Поселение расположено на левом, пойменном берегу р. Упа, на высоте 3–7 м над урезом воды и имеет размеры 500 × 125 м (рис. 2). Его северо-восточная часть уничтожена котлованом, вырытым в 1970-е годы в рамках нереализованного проекта по выпрямлению русла р. Упы. В месте

расположения памятника река делает резкий поворот (Кривая лука, судя по названию расположенной напротив деревни, а ныне района Тулы «Криволучье») (рис. 3). Поселение было открыто в 1987 г. Р.В. Кляниным, в 1994–1996 гг. на нем проводились небольшие раскопочные исследования общей площадью около 300 кв. м (Т.В. Наумова, Р.В. Клянин, А.М. Воронцов). Основным материалом в этих раскопах были находки рубежа эр, которые послужили основой для выделения памятников типа Упа 2 (Столяров, 2012). Немногочисленные материалы гуннского времени интерпретировались как относящиеся к мощинской культуре (Воронцов, 2013, с. 55).

Культурный слой имеет мощность 0,5–0,6 м и слабо насыщен находками, скопления керамики связаны только с верхней частью объектов. Основной материал происходит из полуземлянок, судя по всему, являющихся остатками жилых построек, и из многочисленных хозяйственных ям. Выбранный для предварительной публикации участок в юго-восточном углу раскопа показателен для общей ситуации (рис. 5). На нем изучена полуземлянка (постройка 5) и расположенное вокруг нее скопление хозяйственных ям, часть из которых содержала находки (ямы 1, 5, 8, 9, 11–14, 19), а часть – нет (ямы 2, 3, 6, 15–18, 20–21). Кроме того, на этом участке присутствуют два объекта, относящиеся к рубежу эр (ямы 4 и 10) и многочисленные столбовые ямы, датировка которых затруднена.

Постройка 5 имеет прямоугольную форму, она заглублена в материк на 0,1–0,18 м. Из постройки

¹ Выражаем благодарность за консультации Игорю Олеговичу Гавритухину, Андрею Михайловичу Обломскому и Олегу Александровичу Радюшу.

происходят следующие находки: фрагмент серьги с полиэдрическим окончанием (№ 18, рис. 6: 7), пинцет (№ 17, рис. 6: 9), пять пряслиц (№ 20, 21, 24, 25, 28, рис. 6: 11–15), оплавков изделия из цветного металла (№ 23, рис. 6: 16) и фрагмент глиняного грузила (№ 26, рис. 6: 18). В заполнении был расчищен развал миски-плошки (рис. 5; 7: 3), в ходе камеральной обработки были реставрированы частично или полностью еще три формы (рис. 7: 1, 2, 4), остальной материал фрагментирован (рис. 7: 5–17).

Из всех хозяйственных ям прямоугольную форму имеет только яма 1 (рис. 5). Над ней выявлено скопление материала в культурном слое, в том числе железный серп (№ 10, рис. 6: 17), пряслице (№ 11, рис. 6: 10) и керамика (рис. 7: 18–22). Сама яма находок не содержала. Остальные хозяйственные ямы круглые, имеют диаметр около 2 м и заглублены в материк на глубину до 0,4–0,5 м. Из ямы 11 происходит фрагмент глиняного грузила (№ 55, рис. 6: 19) и керамика (рис. 7: 25–28), из остальных – только керамика (рис. 7: 23, 24; 8: 1–5).

Керамика из описанных объектов достаточно полно отражает характер материала со всего памятника. Большинство форм (рис. 7: 3–7, 18, 19, 21, 23–25; 8: 1, 6–8) принадлежат раннеславянскому компоненту, продолжающему традиции киевской культуры, который был выделен на памятниках типа Чертовицкое-Замятино А.М. Обломским (2015б, с. 296, 297, рис. 318, 319). К этой же традиции относится большинство пряслиц (рис. 6: 10, 11, 13) (Обломский, 2015б, с. 297, рис. 321) и глиняные конические грузила (рис. 6: 18–19).

Фрагменты глиняных сковород (рис. 7: 28; 8: 5) могут относиться как к раннеславянской традиции (Обломский, 2015б, с. 296, рис. 319: 15, 16, 14), так и к окскому компоненту. В приводимой выборке присутствие окского компонента плохо выражено, поэтому она была дополнена двумя лощеными сосудами, безусловно относящимися к мощинской культуре, происходящими из ям 45 и 23 (рис. 8: 9, 10).

Крупный груболепной сосуд, происходящий из постройки 5 (рис. 7: 1), может относиться как к мощинской, так и к выделяемой А.М. Обломским группе сосудов черняховской традиции (Обломский, 2015б, с. 299, рис. 326). Безусловно, к этой традиции относятся найденные в постройке 4 три жернова из туфа (рис. 4; цветная вклейка) и пряслице с рельефной орнаментацией (рис. 6: 15).

Особый интерес вызывает найденная в постройке 5 лепная лощеная миска с орнаменталь-

ным поясом в верхней части плечика, состоящим из горизонтальных линий и линии треугольников, выполненных из пролощенных полос (рис. 7: 2). Наиболее близки этому изделию вельбарские миски типа VIC по Р. Волонгевичу (Wołagiewicz, 1993, tabl. 19: 3). Миска не имеет аналогий ни среди древностей мощинской культуры, ни на памятниках типа Чертовицкое-Замятино. А.М. Обломский относит находки лепных сосудов «вельбарско-пшеворского облика» к черняховской традиции, выделяемой им в составе древностей типа Чертовицкое-Замятино (2015б, с. 299, рис. 327).

Дополняют керамический комплекс крайне немногочисленные фрагменты стенок круговых сосудов с лощеной поверхностью. По мнению А.М. Обломского, присутствие в тесте примеси известняка и характер лощения поверхности позволяют говорить о близости этих фрагментов продукции гончарной мастерской, изученной на поселении Ксизово 19 (Земцов, 2004). Более точной атрибуции препятствует отсутствие находок профильных частей сосудов.

Из раскопа 2016 г. происходит небольшая серия бронзовых и стеклянных изделий, часть которых могут быть использованы в качестве хронологических индикаторов (рис. 6: 1–9).

В постройке 5 найдены фрагмент бронзовой серьги с полиэдрическим окончанием, боковые ромбические грани которой орнаментированы врезным кружком с точкой в центре (рис. 6: 7), и неорнаментированный бронзовый пинцет (рис. 6: 9). Подобные серьги с полиэдрическим окончанием и пинцеты известны на поселениях типа Чертовицкое-Замятино (Обломский, 2015а, с. 293, 294, рис. 315: 5, 6). Их хронология определяется достаточно широко. В частности, серьги датируются в рамках конца IV–VII в. (Хайрединава, 2015, с. 102). Хронология пинцетов в настоящее время не разработана.

Еще шире датируются находки зеркал с петлей на обороте, типа найденного в слое над хозяйственной ямой 29 (рис. 6: 6). Необходимо только заметить, что подобные находки очень характерны для памятников типа Чертовицкое-Замятино (Обломский, 2015а, с. 294, рис. 316: 10–13).

В раскопе были найдены пять стеклянных бусин (рис. 6: 1–5; 6а; цветная вклейка), приводимые ниже определения для этой категории находок сделаны О.С. Румянцевой².

² Выражаем признательность Ольге Сергеевне Румянцевой за возможность привести в статье ее заключение и Анне Владимировне Мاستыковой за консультации по вопросам, связанным с определением полихромных бусин.

Три из них изготовлены из красного глухого стекла в технике навивки. Они происходят из культурного слоя (рис. 6: 3 ; ба: 3; цветная вклейка), из слоя над хозяйственной ямой 29 (рис. 6: 4; ба: 4; цветная вклейка) и из заполнения хозяйственной ямы 160 (рис. 6: 5; ба: 5; цветная вклейка). По материалам рязано-окских могильников время распространения таких находок на территории Центральной России определяется V (без его начала) – первой половиной VII в.

При этом, учитывая такие признаки, как винтообразная форма, являющаяся результатом изготовления украшения из недостаточно разогретой стекломассы (рис. 6: 3; ба: 3; цветная вклейка), выраженные следы накладки стекломассы у оснований канала и темный, коричневатый оттенок стекла (рис. 6: 5; ба: 5; цветная вклейка), две из трех находок стоит, вероятно, отнести к поздней части данного периода – не ранее конца V в. (Румянцева, 2007, с. 220). Подобные бусы неоднократно были встречены на памятниках типа Чертовицкое-Замятино в Верхнем Подонье. Наиболее представительная их серия происходит с поселения и из культурного слоя могильника Ксизово 19, а также с поселений Крутогорье и Мухино 2 (Земцов, 2012, рис. на с. 180; Румянцева, 2015, с. 247).

Две бусины изготовлены из темно-синего прозрачного стекла и имеют декор в виде полихромных пятен и крапинок, полученных методом обкатки горячей бусины по толченой стеклянной крошке (рис. 6: 1, 2; ба: 1, 2; цветная вклейка). Одна из них найдена в культурном слое (рис. 6: 1; ба: 1; цветная вклейка), другая – в заполнении ямы 71 (рис. 6: 2; ба: 2; цветная вклейка). Технология изготовления основы точно не определяется, предположительно, это навивка. Одна бусина имеет декор зеленого глухого стекла с единичными крапинками красного глухого (рис. 6: 2; ба: 2; цветная вклейка), вторая – бирюзового и белого глухого стекла (рис. 6: 1; ба: 1; цветная вклейка).

Для материалов эпохи Великого переселения народов крапчатые бусы являются хронологическим индикатором; время их наибольшего распространения определяется серединой / второй половиной V – началом VI в. (Ivanišević et al., 2006, p. 76). На памятниках горизонта Чертовицкое-Замятино они зафиксированы в слоях поселений Ксизово 19, Замятино 8 и Мухино 2, а также в погребении знатной женщины в Мухино: последняя является одной из наиболее ранних находок крапчатых бус и датируется 430–450-ми годами (Мастыкова, 2004; Мастыкова, Земцов, 2014,

с. 212; Румянцева, 2015, с. 243). Серия крапчатых бус происходят также из рязано-окских могильников (Румянцева, 2015, с. 243) и из Велегожского клада, обнаруженного в Верхнем Поочье (Мастыкова, 2015). Другая зона их концентрации выделяется на северо-западе России на памятниках культуры псковских длинных курганов (Мастыкова, Плохов, 2010).

Бусы с поселения Упа 2 не вполне типичны для горизонта эпохи Великого переселения народов. Редок (хотя и встречается) на изделиях данного горизонта декор зеленого и бирюзового (в сочетании с белым) непрозрачного стекла (Ivanišević et al., 2006, p. 73). Часть признаков, среди которых – декор в виде довольно крупных пятен, высокое качество дополнительной обработки, правильная форма, очень темный, практически черный цвет – сближают их с так называемыми пятнистыми бусами позднеримского времени (Tempelmann-Maczyńska, 1985, S. 48). Для последних, однако, характерно обычно одновременное использование в декоре более широкой цветовой гаммы. Таким образом, нельзя исключить, что бусы с поселения Упа 2 (особенно это касается находки из культурного слоя с декором белого и бирюзового глухого стекла) могли относиться и к данному хронологическому горизонту.

В заполнении ямы 46 найдена бронзовая двучленная прогнутая подвязная фибула с узкой ножкой и вертикальной стойкой для удержания оси пружины (рис. 6: 8), относящаяся к группе 16, подгруппе 2, серии 1, варианту 2 по А.К. Амброзу (1966, с. 63, 64, табл. 11: 9, 10). Фибула имеет полную сохранность, ее длина составляет 5,5 см, длина пружины – около 2 см. Единственная расположенная на головке площадка украшена гравированным орнаментом в виде косой сетки.

А.К. Амброз предлагает для фибул данного варианта датировку в рамках IV в., не исключая, таким образом, начала эпохи Великого переселения народов. Тем не менее, он отмечает, что фибулы варианта 2 более архаичны, чем находки варианта 3 (Амброз, 1966, с. 61, 63).

Среди материалов донских памятников типа Чертовицкое-Замятино полные аналогии ей неизвестны. Несколько экземпляров прогнутых подвязных фибул с узкой ножкой и вертикальной стойкой для удержания оси пружины относятся к другим вариантам; они происходят из сборов или из культурного слоя и могут быть отнесены к более раннему горизонту – памятникам типа Каширка-Седелки (Гавритухин, 2015, с. 216, 217).

На памятниках мощинской культуры Окско-Донского водораздела более раннего хронологического горизонта известны фибулы варианта 2, но они отличаются рядом деталей и представлены изделиями, типичными для черняховской культуры (Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 32–35, рис. 2, 7). От экземпляра, происходящего с поселения Упа 2, они отличаются формой сечения корпуса и наличием площадок около места подвязки.

Публикуемая фибула была найдена в заполнении хозяйственной ямы. На памятнике отсутствуют слои позднеримского времени, из которых она могла бы попасть в заполнение объекта. То есть, она связана с горизонтом гуннского времени. Необходимо подчеркнуть ее своеобразие на фоне типичных для региона черняховских по происхождению фибул варианта 2, поэтому вопрос о ее культурно-хронологической атрибуции требует отдельного исследования.

Таким образом, и постройки, и находки, и керамический комплекс с поселения Упа 2 находят полные аналогии среди материалов памятников типа Чертовицкое-Замятино. В то же время данное поселение находится на большом удалении от основной их группы. В частности, археологический комплекс Острой Луки Дона (рис. 1: 9) удален более чем на 200 км к юго-востоку, а ближайšie поселения – не менее чем на 150 км.

Существуют немногочисленные пока признаки вероятного присутствия других памятников типа Чертовицкое-Замятино в бассейне Упы. Лепной горшок (рис. 8: 11), относящийся к киевской гончарной традиции, был найден на многослойном поселении Карьер 1 при выборке обнаруженной в обрыве карьера ямы (работы С.В. Зацаринного 2006 г.³). Поселение расположено рядом

с городищем Майский (рис. 1: 5, 6). Неподалеку расположено поселение Тележенка (рис. 1: 7), разведочный материал с которого также содержит грубую лепную керамику киевской традиции.

Поселение Упа 2 находится на самой границе лесной зоны, практически среди мощинских городищ. Из числа достоверно имеющих синхронные слои наиболее близки к нему городища Супруты и Щепилово (рис. 1: 4, 8). Два мощинских городища – Майский и Таптыково – расположены южнее и восточнее поселения Упа 2 (рис. 1: 3, 5). Городище Таптыково в настоящее время полностью уничтожено, а на городище Майский масштабные работы не проводились, поэтому говорить об их хронологии в настоящее время нельзя.

В синхронных материалах мощинской культуры фиксируются культурные связи с верхнедонскими памятниками (Воронцов, 2013, с. 37–42). В частности, на городище Щепилово известна находка костяного гребня, происходящего из мастерской, изученной на поселении Замятино 8. Интересна находка клада римских фоллисов в 10 км южнее поселения Упа 2. Клад был обнаружен на городище у д. Малая Стрекаловка, имеющем слабо выраженный, возможно, недолговременный слой мощинской культуры. Согласно определению К.В. Мызгина⁴, младшей в кладе является монета императора Гонория, чеканенная между 408 и 423 гг.

Упа 2, возможно, станет первым открытым поселением типа Чертовицкое-Замятино, относящимся к новой группе на границе лесной и лесостепной зон. Наиболее велика вероятность обнаружения подобных памятников в верховьях Упы и на левых ее притоках, расположенных в лесостепи, таких, как Плава и Солова.

Литература

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР (САИ. Вып. Д 1–30). М.: Наука. 111 с.

Воронцов А.М., 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: ГМЗ «Куликово поле». 173 с.

Гавритухин И.О., 2015. Фибулы эпохи переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука в древности. Археологический комплекс па

мятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 212–240.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М., 2008. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Ред. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 28–89.

³ Выражаем благодарность Сергею Валерьевичу Зацаринному за возможность использовать неопубликованные материалы.

⁴ В настоящее время эти материалы готовятся нами к совместной публикации.

- Земцов Г.Л., 2004.** Гончарный горн на поселении Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Вып. 6) / Сост. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 67–68.
- Земцов Г.Л., 2012.** Липецкий край в III–V вв. Тула: Гриф и К. 206 с.
- Мастыкова А.В., 2004.** Стекланные бусы комплекса поселений у с. Замятино // Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Вып. 6) / Сост. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 84–88.
- Мастыкова А.В., 2015.** Стекланные полихромные и янтарные бусы Велегожского клада // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 57–67.
- Мастыкова А.В., Земцов Г.Л., 2014.** «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 234. С. 200–222.
- Мастыкова А.В., Плохов А.В., 2010.** Датировка и происхождение стекланных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова / Отв. ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвоцинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 337–357.
- Обломский А.М., 2015а.** Хронология верхнедонских памятников середины I тыс. н.э. // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 291–295.
- Обломский А.М., 2015б.** Этнокультурные и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время (вместо заключения) // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 296–308.
- Румянцева О.С., 2007.** Рязано-окские могильники. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 214–246.
- Румянцева О.С., 2015.** Бусы комплекса памятников Ксизово-17 и 19 и культурные связи населения Верхнего Подонья эпохи Великого переселения народов // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 241–269.
- Столяров Е.В., 2012.** Памятники типа Упа 2 // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 79–118.
- Хайрединова Э.А., 2015.** Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. Вып. XX / Ред. А.И. Айбабин. Симферополь: КФУ. С. 95–132.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A., 2006.** Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. 352 p.
- Tempelmann-Maczyńska M., 1985.** Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum (Römisch-Germanische Forschungen. Bd. 43). Mainz-am-Rhein. 340 S.
- Woląiewicz R., 1993.** Ceramika kultury Wielbarskiej między Bałtykiem a morzem Czarnym. Szczecin: Muzeum narodowe w Szczecinie. 202 s.

Settlement Upa 2 of the Hun period in the city of Tula

A.M. Vorontsov, E.V. Stolyarov (Tula)

Key words: Hun period, Oka-Don interstream area, sites of Chertovitskoye-Zamyatino type, Moshchino culture, Upper Don region, fibula, beads with spot decoration, earrings with polyhedral beads.

The article is a preliminary publication of the results of archaeological investigations on the settlement Upa 2 in the city of Tula, conducted by E.V. Stolyarov. The excavated area amounted to 5040 m². For the first time in the Upper Oka basin the settlement of Chertovitskoye-Zamyatino type was studied. The planigraphy, pottery and other finds from a small part of excavated territory including a dwelling house and a number of domestic pits are considered in the article. Besides, all chronological indicators and some important pottery shapes from other structures of the Upa 2 settlement are also published.

Translated by I. Grigoryan

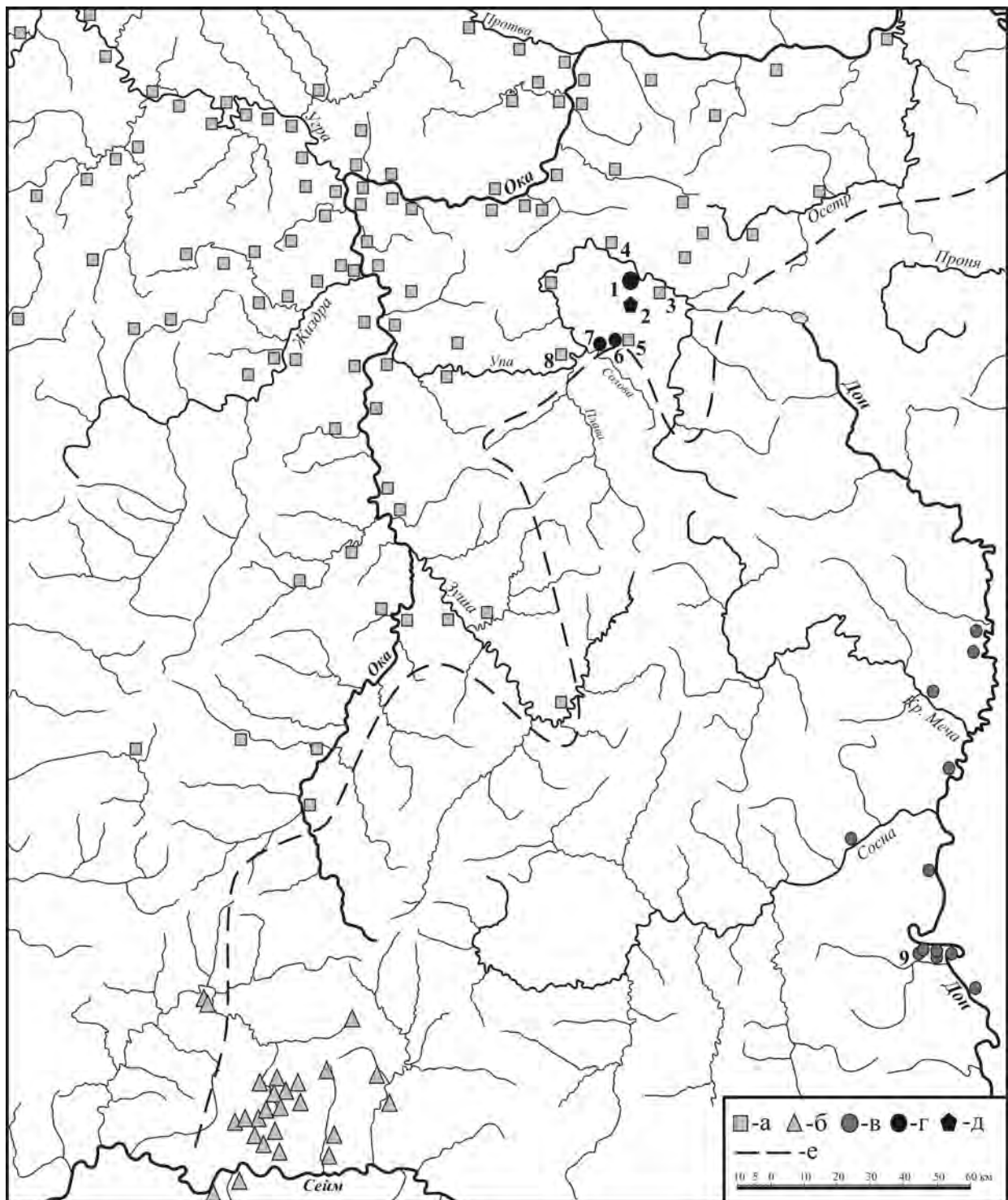

Рис. 1. Карта памятников гуннского времени на территории Окско-Донского водораздела и Посеймья.

а – городища мощинской культуры; б – памятники льговско-фатежской группы черняховской культуры; в – памятники типа Чертовицкое-Замятино; г – поселения типа Чертовицкое-Замятино в бассейне Упы; д – место находки клада римских фоллисов; е – граница лесной зоны.

1 – селище Упа 2; 2 – место находки клада римских фоллисов на городище у д. Малая Стрекаловка; 3 – городище Таптыково; 4 – городище Щепилово; 5 – городище Майский; 6 – поселение Карьер 1; 7 – поселение Тележенка; 8 – городище Супруты; 9 – группа поселений у с. Кисзово и с. Замятино.

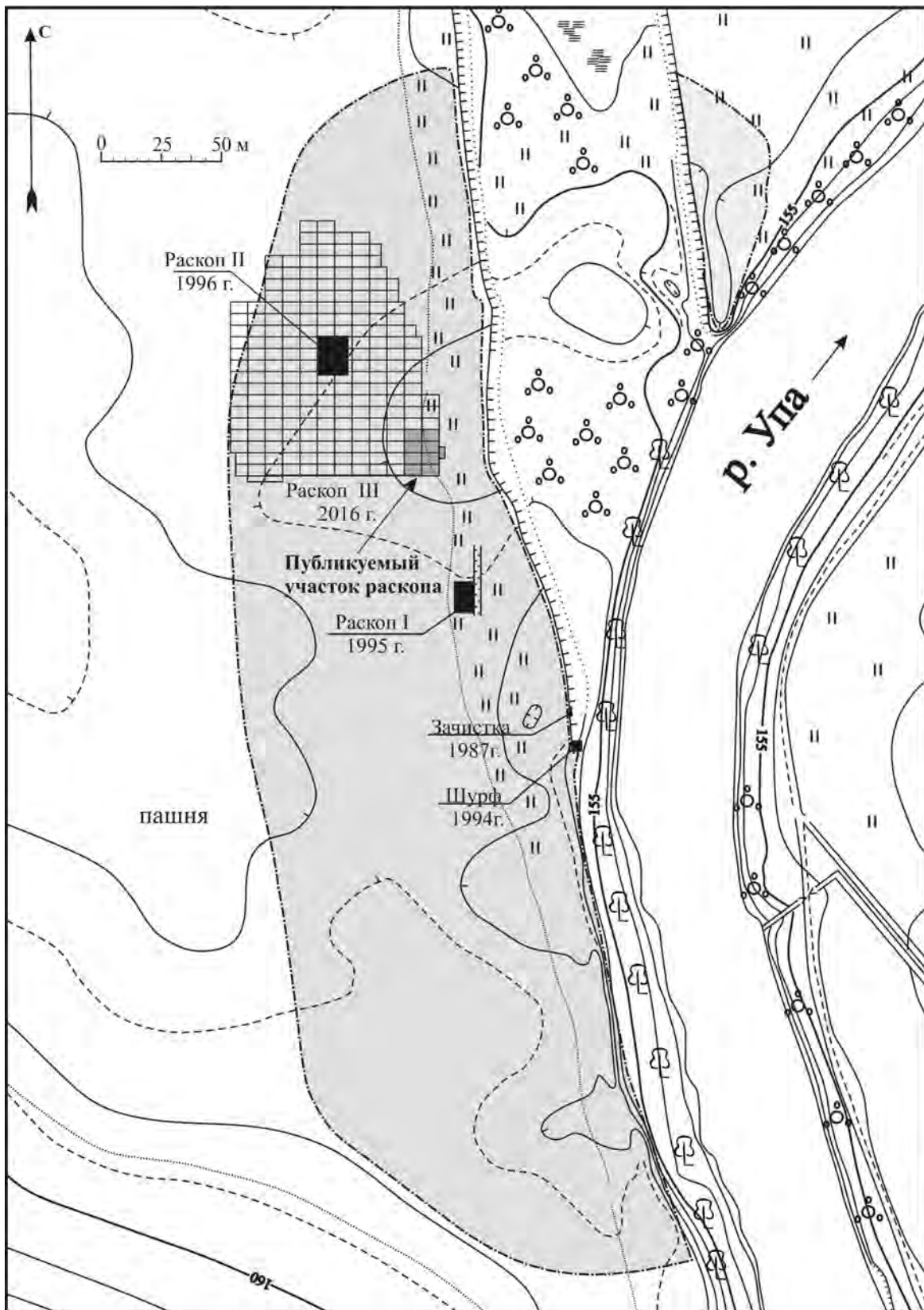

Рис. 2. Топографический план поселения Упа 2 с нанесенными раскопами. Сечение горизонталей 1 м.

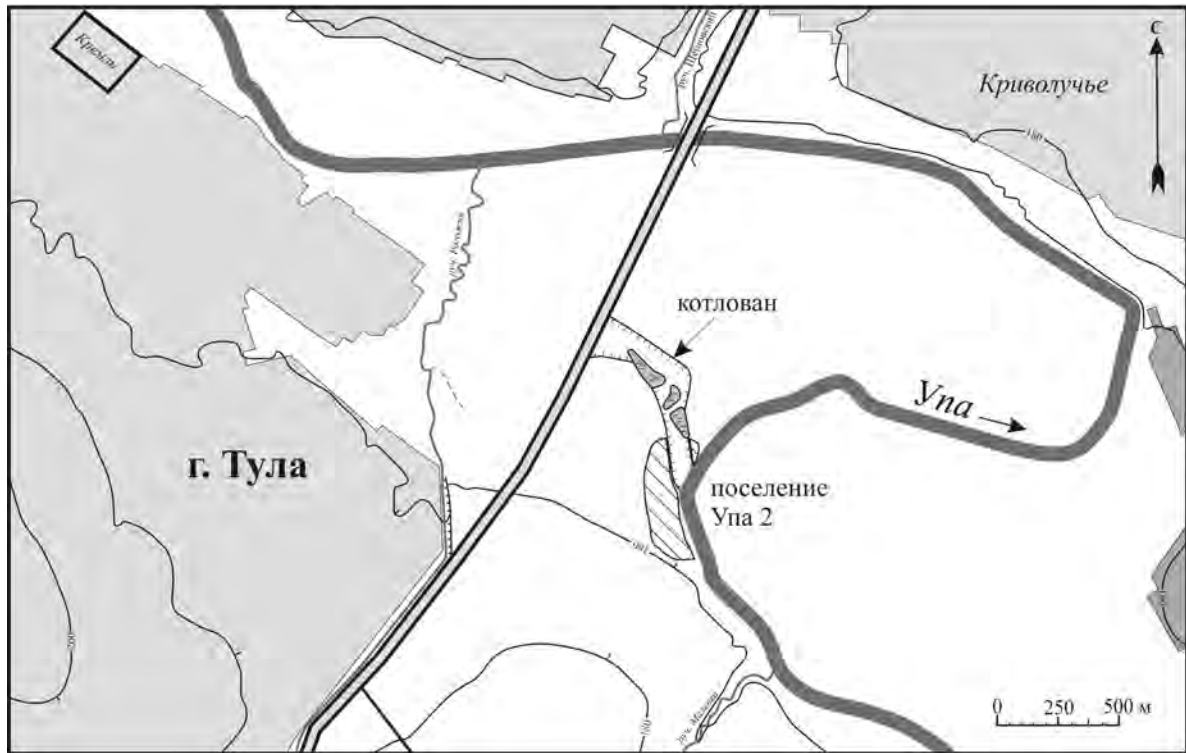

Рис. 3. Схема расположения поселения Упа 2.

Рис. 4. Жернова, расчищенные на дне постройки 4.

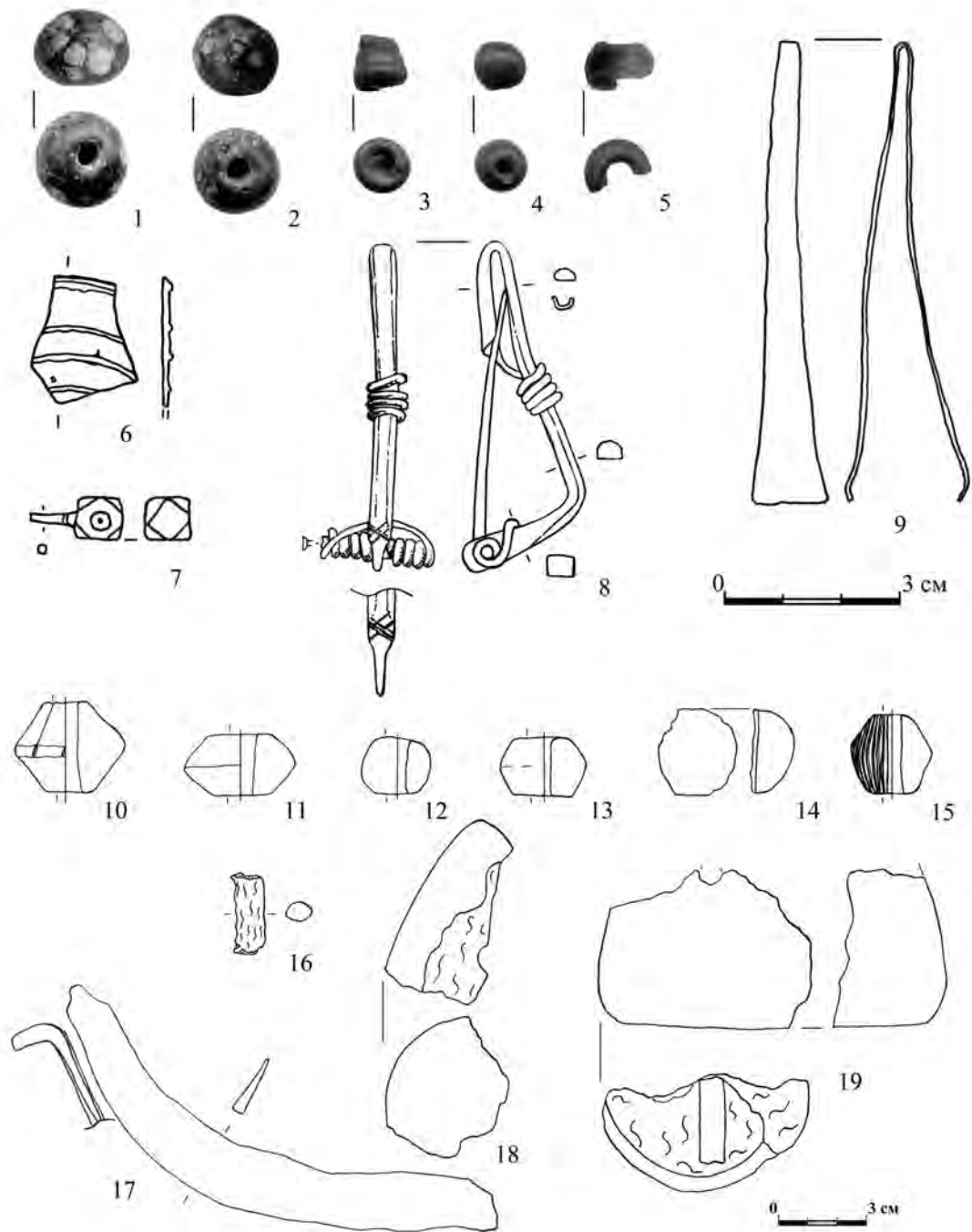

Рис. 6. Хронологические индикаторы из раскопа (1–6, 8)

и индивидуальные находки с публикуемого участка (7, 9–19).

1, 2 – полихромные бусы (№ 41, 34 в тексте и на рисунке 5); 3–5 – бусы красного глухого стекла (№ 12, 33, 51); 6 – фрагмент зеркала (№ 16), 7 – полиэдрическая серьга (№ 18); 8 – фибула (№ 43); 9 – пинцет (№ 17); 10–15 – пряслица (№ 11, 25, 28, 20, 24, 21); 16 – оплавленный предмет (№ 23); 17 – серп (№ 10); 18, 19 – грузила (№ 26, 55).

1–5 – стекло; 6 – сплав белого металла, 7–9 – бронза; 10–15, 18, 19 – глина;
16 – цветной металл; 17 – железо.

1, 3 – культурный слой; 2 – яма 71; 4, 6 – слой над хозяйственной ямой 29;
5 – хозяйственная яма 160; 7, 9, 11–16, 18 – постройка 5; 8 – яма 46; 10, 17 – яма 1; 19 – яма 11.
Рисунки и фото А.М. Воронцова.

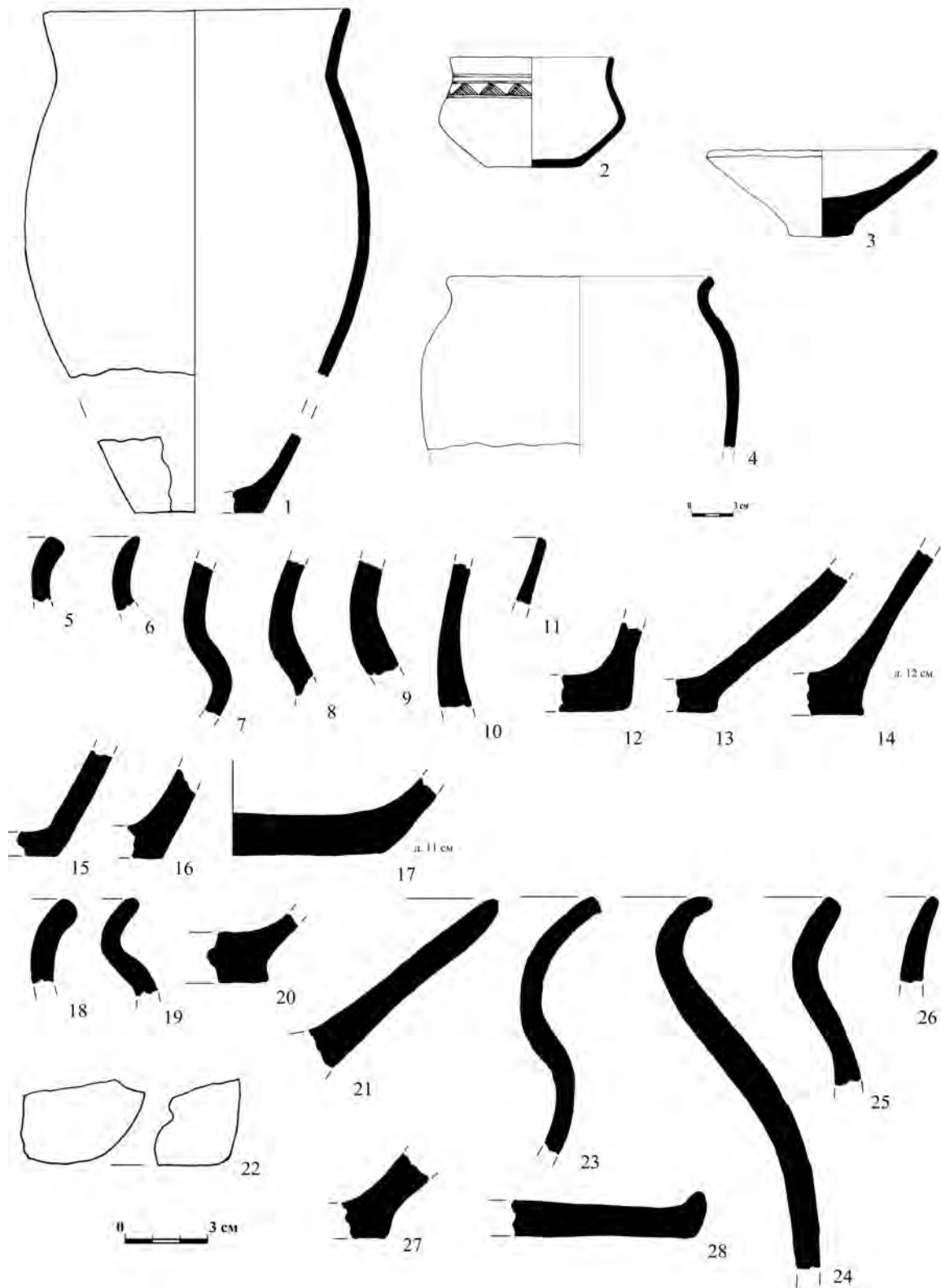

Рис. 7. Лепная керамика из объектов поселения Упа 2.
 1–17 – заполнение постройки 5; 18–22 – скопление над ямой 1; 23 – яма 5;
 24 – яма 9; 25–28 – яма 11.

1, 3–10, 12–16, 18–28 – грубая; 2, 11, 17 – лощеная.

Рисунки А.М. Воронцова.

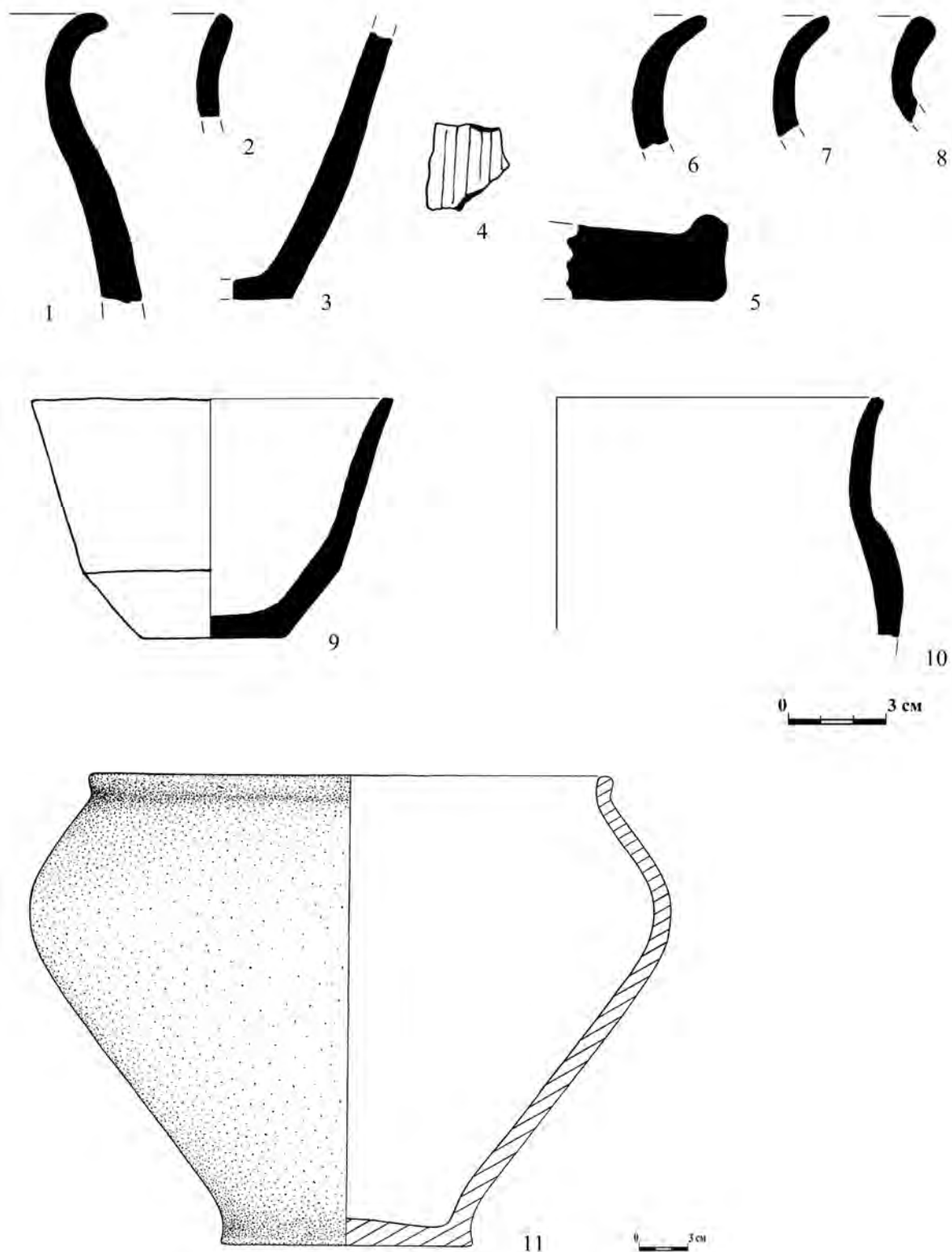

Рис. 8. Лепная керамика с поселений Упа 2 (1–10) и Карьер 1 (11).
 1–2 – яма 12; 3 – яма 13; 4–5 – яма 14; 6–8 – яма 19; 9 – яма 45; 10 – яма 23.
 1–8, 11 – грубая; 9–10 – лощеная.
 1–10 – рисунки А.М. Воронцова; 11 – рисунок С.В. Зацаринного.

О кремационных погребениях хазарской эпохи в Самарском Поволжье (по материалам Жигулевского II грунтового могильника)¹

Д.А. Сташенков, Н.П. Салугина (Самара)

Ключевые слова: грунтовый могильник, кремация, хазарское время, керамика, технологический анализ.

В 2010 г. археологической экспедицией Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина при работах на Самарской Луке были выявлены новые памятники эпохи раннего Средневековья – Жигулевское селище и Жигулевский II грунтовый могильник, захоронения на котором совершались по обряду кремации (Сташенков, 2011). Изучение этих памятников проводилось в 2010–2014 гг.

На селище и могильнике заложено по три раскопа, в результате вскрытая на каждом памятнике площадь составила 104 кв. м. Результаты исследований 2010–2013 гг. опубликованы (Сташенков, 2014). Особый интерес вызывают материалы Жигулевского II грунтового могильника, который представляет собой новый для региона тип памятников хазарской эпохи. Цель настоящей статьи – ввести в научный оборот нестандартный погребальный комплекс, изученный в 2014 г.

Жигулевский II грунтовый могильник является одним из крупнейших на Самарской Луке раннесредневековых погребальных памятников. Его площадь составляет 1,5 га. В 2010 г. на его территории были зафиксированы следы многочисленных грабительских ям. На участке их наибольшей концентрации в 2010–2012 гг. заложены раскопы 1 и 2, в которых исследованы остатки четырех разрушенных кремационных захоронений (Сташенков, 2014; 2015б). В 2012–2013 гг. в северо-восточной части Жигулевского могильника в раскопе 3 площадью 16 кв. м зафиксированы еще четыре погребения по обряду кремации. Три

из них были совершены в слое гумуса и не доходили до уровня материка. Судя по распределению кальцинированных костей, максимальные размеры могильных ям не превышали 0,4×0,4 м. Вещей в погребениях 1–3 не было.

В захоронении 4, заглубленном в материк, находились два лепных плоскодонных горшка, кальцинированные кости и скопление предметов, среди которых – железные нож и фрагменты изделия кольчужного плетения, бронзовая застежка-фибула с выпуклинами и три ошлакованные синие стеклянные бусины (Сташенков, 2014).

В 2014 г. к раскопу 3 была сделана прирезка площадью 64 кв. м (рис. 1). При снятии гумусного слоя мощностью 0,3–0,4 м найдены фрагменты лепных плоскодонных сосудов. Кости животных в раскопе единичны. Возможно, они имеются среди мелких кальцинированных костей (в основном размерами не более 1×1 см), однако на современном уровне исследования они не определимы. Немногочисленные индивидуальные находки, обнаруженные при снятии слоя, вероятно, происходят из разрушенных погребений.

В 2014 г. в раскопе 3 изучены шесть погребений, совершенных по обряду кремации на стороне. Стандартный обряд заключался в том, что в могильную яму округлой формы диаметром от 0,4–0,5 до 1 м, выкопанную в погребенной почве или незначительно заглубленную в материк, помещались очищенные от остатков погребального костра отдельные кальцинированные кости и предметы сопроводительного инвентаря, в том числе не подвергавшиеся воздействию огня. Отклонения от стандартного обряда наблюдаются

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 17-11-63602.

только в захоронениях 9 и 10, совершенных в длинных глубоких ямах.

Особый интерес вызывает погребение 5 (рис. 2–7), которому и посвящена настоящая публикация.

Погребение 5 выявлено после снятия первого пласта, при зачистке на границе квадратов 7 и 8, по наличию небольших угольков. После зачистки второго пласта по распространению угольков, среди которых к.б.н. Е.В. Пономаренко определены угли дуба (Пономаренко и др., 2015), зафиксированы примерные контуры могильной ямы. Ее очертания четко не прослеживались, выборка заполнения осуществлялась, исходя из плотности грунта.

После окончательной расчистки установлено, что погребение было совершено в яме овальной формы размерами 0,95 м по линии север–юг и 0,5 м по линии восток–запад. Яма заглублена в погребенную почву на 0,15–0,27 м. Ее стенки отвесные, дно ровное (рис. 2). Вдоль западной стенки располагались пять лепных плоскодонных горшков (рис. 6; 7; 7а; цветная вклейка). В центральной части могильной ямы, к востоку от сосудов, находилось скопление предметов, среди которых были (предположительно) набор железных инструментов (рис. 4: 6) и детали поясной гарнитуры, представленные бронзовыми накладками с сохранившимися фрагментами кожаного ремня (рис. 3). Чуть южнее первого скопления расчищены бронзовые браслет, серьги, ремненные накладки, пронизи, а также несколько стеклянных бусин (рис. 3; 4: 1–5, 7–10). В южной части ямы находились стеклянная и крупная янтарная бусины (рис. 5: 1; 5а: 1; цветная вклейка). Основное скопление бус из стекла зафиксировано в северной части захоронения (рис. 5: 2–62; 5а: 2–62; цветная вклейка). Вещи не имеют явных следов пребывания в огне. Кальцинированные кости отсутствовали. Находки угольков в нижней части заполнения могилы единичны.

Заполнение сосудов из погребения было взято полностью и разобрано в камеральных условиях. Грунт из скопления промыт; кальцинированные кости и другие находки в нем не обнаружены.

Вещевой материал и датировка погребения.

При исследовании комплекса получен выразительный вещевой набор, позволяющий надежно его датировать. Материал можно разделить на несколько категорий.

Украшения. Пластинчатый браслет (рис. 4: 1) с зигзагообразным орнаментом, у окончаний – декор в виде косоугольного креста. Диаметр 4,8 см, тол-

щина прямоугольной в сечении пластины 0,2 см, ширина 0,9 см.

Проволочные бронзовые кольцевидные серьги с заходящими концами (2 экз., рис. 4: 2, 3) диаметром 2,3 и 2,4 см. Проволочная кольцевидная серьга с несомкнутыми концами из белого металла (рис. 4: 4). Диаметр 1,6 см, толщина круглой в сечении проволоки 0,1 см. Датировочного значения серьги не имеют.

Бронзовая пронизь с четырьмя вертикально ориентированными прорезями по тулову (рис. 4: 5) находит аналогии в комплексах неволинской культуры (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, рис. 27: 6, 9 и др.). Там же встречаются и витые пронизи из граненой медной проволоки (рис. 4: 7–10).

Поясной набор представлен бронзовыми пряжкой, наконечником ремня, 12 накладками (рис. 3). Все элементы имеют напаянные шпеньки для крепления к кожаной основе.

Накладки трех разновидностей: подквадратные с прорезью в нижней части, полулунные и «коньковые». Их ширина составляет 1,7–2,3 см, толщина 0,5 см; диаметр штифта 0,2 см (рис. 3: 1–8, 10–13).

Пряжка с цельнолитым щитком в виде пятилистника и железным язычком имеет размеры 2,7 × 3,3 × 0,6 см. Она крепилась к ремню тремя шпеньками диаметром 0,2 см, вставленными в просверленные в щитке отверстия (рис. 3: 9).

Наконечник ремня прямоугольной формы с закругленным окончанием и сегментовидным вырезом у основания имеет ширину 1,7 см, длину 5,1 см и толщину 0,2 см (рис. 3: 14).

Аналогии деталям поясного набора известны в материалах салтово-маяцкой (Плетнева, 1989, рис. 86) и неволинской (Голдина, Водолаго, 1990, с. 165) культур, в древностях новинковского круга на Самарской Луке, где они датированы Г.И. Матвеевой концом VII – первой половиной VIII в. (1997, с. 86, 87, рис. 122: 5, 18).

Стеклянные бусы (61 экз., рис. 5: 2–62; 5а: 2–62; цветная вклейка) представлены как одноцветными украшениями синего (5 экз.), бирюзового (33 экз.) и зеленого (3 экз.) цветов, так и мозаичными и глазчатыми полихромными изделиями преимущественно шаровидной или бочонковидной формы (18 экз.).

Большинство бус находит многочисленные аналогии в памятниках конца VII – IX в. Поволжья (Матвеева, 1997, рис. 125), Прикамья (Голдина, 2010, рис. 22–27), Северного Кавказа и Подонья (Плетнева, 1989, рис. 65; 67).

Наиболее раннюю датировку имеет крупная янтарная бусина колесовидной формы (рис. 5: 1; 5а: 1; цветная вклейка). Аналогии ей известны в древностях азелинской и неволинской культур. В Прикамье подобные украшения (тип ХА2 по Е.В. Голдиной) датируются концом IV – VII в., а период их наиболее активного использования приходится на VI в. (Голдина, 2010, с. 62, рис. 34).

Самые узкие хронологические рамки среди бус имеет бородавчатая цилиндрическая с основной темно-красного стекла и голубыми глазками с белым ободком (рис. 5: 5; 5а: 5; цветная вклейка). Для Поволжья время наиболее широкого распространения этого типа украшений приходится на конец VII – первую половину VIII в. В комплексах более позднего времени подобные находки единичны (Сташенков, 2015а).

Редкими являются бусы-пронизы (разделители) вытянутой прямоугольной формы с тремя горизонтальными сквозными отверстиями из синего полупрозрачного стекла (рис. 5: 3, 4; 5а: 3, 4; цветная вклейка; тип IVA58 по Е.В. Голдиной). Немногочисленные аналогии этим изделиям происходят из могильников неволинской культуры Верх-Сая и Сухой Лог, где они датируются концом VII – IX в. (Голдина, 2010, с. 32, рис. 22; 37), а также из комплексов Верхне-Салтовского могильника (Шрамко, 1962, рис. 111: 24). Наличие подобных пронизей-разделителей позволяет предположить, что бусы носились тремя низками в одном комплекте, что совершенно не типично для костюма новинковских женщин на Самарской Луке (Сташенков, 2015а).

Концом VII – IX в. датируется также редкая для региона ребристая бочонковидная бусина зеленого непрозрачного стекла (рис. 5: 24; 5а: 10; цветная вклейка; тип IA24 по Е.В. Голдиной), которая находит единичные аналогии в могильниках неволинской культуры Верх-Сая и Неволино (Голдина, 2010, с. 20, рис. 22; 37).

Уникальна бусина-подвеска вытянутой каплевидной формы черного непрозрачного стекла, декорированная двумя параллельными накладными нитями белого глухого стекла (рис. 5: 2; 5а: 2; цветная вклейка).

Предметы труда и быта представлены фрагментами железного ножа с прямой спинкой и вырезанным уступом при переходе от черенка к лезвию. Датировочного значения не имеет.

Большинство рассмотренных находок относится к VII–IX вв. Исходя из особенностей комплекса и сочетания вещей, можно сузить дату,

определив время совершения захоронения концом VII – VIII в.

Необычным для Среднего Поволжья в этот период является богатый керамический комплекс погребения 5, в котором представлены сосуды разных морфологических групп.

Все пять сосудов лепные, изготовлены из формовочной массы с примесью крупного и мелкого шамота и органики. Основная их форма – плоскодонные горшки высоких пропорций с отогнутой наружу шейкой (рис. 6; 7; 7а; цветная вклейка). Орнамент представлен только защипами по краю венчика.

В захоронении присутствует миниатюрный сосуд баночной формы (сосуд 1, рис. 6: 3; 7а: 1; цветная вклейка). Выделяется из общего набора также небольшой глиняный кубок на поддоне (сосуд 2, рис. 7: 2; 7а: 2; цветная вклейка). Три сосуда представляют собой плоскодонные горшки низких пропорций, высота которых равна или незначительно превышает диаметр верхней части (рис. 6: 1, 2; 7: 1; 7а: 1, 3, 4; цветная вклейка).

Для всех изделий проведен технологический анализ по методике А.А. Бобринского (1978; 1999).

Сосуд 1 – горшковидной формы, небольших размеров (рис. 6: 3; 7а: 5; цветная вклейка). Его высота – 5,1 см, диаметр тулова – 4,8 см, диаметр дна – 3,9 см, толщина стенок – 0,7 см.

Исходное сырье составлено из смеси двух глин, находящихся в сухом состоянии. Основной выступает ожелезненная глина высокой степени пластичности, практически без песка, с очень небольшим количеством пылевидных включений. В ней в естественном виде присутствуют окислы железа в виде овальных включений ярко-бордового, почти охристого цвета; они гомогенные по структуре, мягкие, легко разрушаются иглой. Второй тип окислов железа – более твердые, имеют форму неправильных прямоугольников или трапеций. Размер железистых включений не превышает 1,5, очень редко 2 мм. Вторая глина – не ожелезненная, также без видимых включений песка, т.е. относится к разряду высокопластичных.

Состав формовочной массы. В качестве искусственно введенной примеси фиксируется только выжимка из навоза. Ее особенности: единичные фрагменты стеблей растений размером до 2 мм, сочетающиеся с семенами растений размером до 1,5 мм; жидкая или сметанообразная фракция, которая фиксируется в виде желтовато-прозрачных пленок, группирующихся по спаям.

Конструирование. В качестве основных элементов конструирования сосуда выступали лоскуты размером 2–3 см, которые наращивались по траектории, близкой к спиралевидной. Начин донно-емкостный.

Формообразование производилось в процессе конструирования путем выдавливания пальцами.

Обработка поверхностей осуществлялась мягким предметом, скорее всего тканью, местами отмечены следы заглаживания галькой. Срез венчика в одном месте залощен галькой.

Обжиг производился в устройстве типа очага. Излом стенок свидетельствует о том, что он проходил в условиях окислительной среды, были достигнуты температуры каления (650° и выше), но в зоне действия этих температур сосуд находился очень недолго (10–15 мин).

Сосуд разрушился, скорее всего, при обжиге, о чем свидетельствуют своеобразные «отскоки», которые образуются, когда недостаточно просушенное изделие ставится в обжиговое устройство, и на него начинают действовать высокие температуры.

Сосуд 2 – в виде кубка с выраженным поддоном и загнутым внутрь венчиком (рис. 7: 2; 7а: 2; цветная вклейка). Высота – 8,5 см, диаметр по обрезу венчика – 9,5 см, диаметр тулова – 10 см, толщина стенок в области венчика – 0,6 см.

Исходное сырье. Отбиралась ожелезненная глина высокой пластичности, практически без песка, по блеску фиксируется очень небольшое количество пылевидных включений.

Состав формовочной массы. В качестве искусственно введенных примесей фиксируются шамот и выжимка из навоза. Для изготовления шамота дробились сосуды, изготовленные как из ожелезненной, так и из слабоожелезненной глины. Шамот представлен крупными включениями в основном размером более 2 мм, его концентрация 1:3. Выжимка из навоза фиксируется по следующим признакам: единичные фрагменты стеблей растений размером до 2 мм и жидкая или сметанообразная фракция в виде желтовато-рыжего крупинчатого вещества, концентрирующегося по спаям.

Конструирование. Сосуд конструировался на плоской поверхности, служившей подставкой, о чем свидетельствуют остатки подсыпки песка на его днище.

Формообразование сосуда осуществлялось в процессе конструирования путем выдавливания пальцами.

Обработка поверхностей производилась инструментом с мягкой рабочей частью: с внешней стороны – кусочком кожи, изнутри – тканью. Изнутри по венчику и снаружи по венчику и плечикам сосуда фиксируется небольшой нагар.

Обжиг производился в устройстве типа очага в условиях окислительной среды, при достижении температур каления (650° и выше). Толщина осветленных слоев неодинакова: с внешней – до 1,5 мм, с внутренней – до 2,5 мм. Подобная окрашенность излома свидетельствует о том, что в зоне действия температур каления сосуд находился недолгое время (10–15 мин).

Сосуд 3 – горшковидной формы с практически вертикальным венчиком (рис. 6: 1; 7а: 1; цветная вклейка). Высота – 8,4 см, диаметр по обрезу венчика – 10,0 см, диаметр тулова – 10,5 см, диаметр дна – 7,9 см, толщина стенок в области венчика – 0,9 см.

Исходное сырье. Отбиралась ожелезненная глина высокой пластичности, практически без песка, с очень небольшим количеством пылевидных включений. В глине присутствуют естественные включения окислов железа овальной формы, ярко-бордового, почти охристого цвета; они однородные по структуре, довольно мягкие, легко разрушаются иглой. Размер железистых включений не превышает 1,5 мм.

Состав формовочной массы. В качестве искусственно введенных примесей фиксируются шамот и выжимка из навоза. Для изготовления шамота дробились сосуды, выполненные из слабоожелезненной глины. Шамот представлен крупными включениями в основном размером более 2 мм, его концентрация 1:4–1:3. Выжимка из навоза фиксируется по следующим признакам: единичные фрагменты стеблей растений размером до 2 мм, сочетающиеся с семенами растений размером до 1,5 мм; жидкая или сметанообразная фракция, которая имеет вид желтовато-рыжего крупинчатого вещества, концентрирующегося по спаям; черные блестящие пленки на отдельных участках излома.

Конструирование. Сосуд конструировался на плоской поверхности, служившей подставкой, о чем свидетельствуют остатки подсыпки песка на его днище. Кроме того, на внешней плоскости дна фиксируется слабо выраженный псевдобортик, который образуется при обработке поверхности от затеков глины. Других особенностей конструирования зафиксировать не удалось, т.к. сосуд склеен из небольших фрагментов.

Формообразование осуществлялось в процессе конструирования путем выдавливания пальцами.

Обработка поверхностей производилась мягким предметом, скорее всего, тканью или кусочком кожи. Изнутри по венчику и снаружи по венчику и плечикам сосуда фиксируется небольшой нагар.

Обжиг осуществлялся в устройстве типа очага. Излом стенок сосуда свидетельствует о том, что он проходил в условиях окислительной среды, были достигнуты температуры каления (650° и выше), но в зоне действия этих температур сосуд находился недолго (10–15 мин).

Сосуд 4 – горшковидной формы, полная форма восстанавливается с трудом (рис. 6: 2; 7а: 3; цветная вклейка). Высота – 7,4 см, диаметр по обрезу венчика – 7,9 см, диаметр тулова – 8,0 см, толщина стенок в области венчика – 0,5 см.

Исходное сырье. Отбиралась ожелезненная глина высокой пластичности, практически без песка, с очень небольшим количеством пылевидных включений.

Состав формовочной массы. В качестве искусственно введенных примесей фиксируются шамот и выжимка из навоза. Для изготовления шамота дробились сосуды, выполненные в основном из ожелезненной глины. Шамот представлен крупными включениями преимущественно размером более 2 мм, его концентрация 1:4. Выжимка из навоза фиксируется по следующим признакам: единичные фрагменты стеблей растений размером до 2 мм и жидкая или сметанообразная фракция в виде желтовато-рыжего крупинчатого вещества, концентрирующегося по спаям.

Конструирование. Начин сосуда изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой. В качестве строительных элементов как для начала, так и для полого тела служили длинные лоскуты или короткие жгуты (5–6 см), которые наращивались по спиральной траектории.

Формообразование сосуда осуществлялось в процессе конструирования путем выдавливания пальцами.

Обработка поверхностей выполнялась инструментом с мягкой рабочей частью – тканью; местами фиксируются следы от заглаживания галькой. Изнутри по венчику и снаружи по венчику и плечикам имеется небольшой нагар.

Обжиг производился в устройстве типа очага в условиях окислительной среды, при достижении температур каления (650° и выше). Толщина осветленных слоев неодинакова: с внешней стороны – до 1,5 мм, с внутренней – до 2,5 мм. В зоне

действия этих температур изделие находилось недолго (10–15 мин).

Сосуд 5 – горшковидной формы с выделенным, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 7: 1; 7а: 5; цветная вклейка). Высота – 10,4 см, диаметр по обрезу венчика – 9,5 см, диаметр тулова – 11,4 см, толщина стенок в области венчика – 0,7 см.

Исходное сырье. Отбиралась ожелезненная глина высокой пластичности, практически без песка, фиксируется только очень небольшое количество пылевидных включений (по блеску). В ней в естественном виде присутствуют включения окислов железа: овальные гомогенные включения ярко-бордового, почти охристого цвета размером до 1,5 мм и более твердые, прямоугольной формы, размером до 2 мм.

Состав формовочной массы. В качестве искусственно введенных примесей фиксируются шамот и выжимка из навоза. Для изготовления шамота дробились сосуды, выполненные как из ожелезненной, так и из слабоожелезненной глины. Шамот представлен крупными включениями в основном размером более 2 мм, его концентрация 1:4. Выжимка из навоза фиксируется по следующим признакам: единичные фрагменты стеблей растений размером до 2 мм и жидкая или сметанообразная фракция в виде желтовато-рыжего крупинчатого вещества, которое концентрируется по спаям.

Конструирование. Поскольку сосуд целый, то по косвенным признакам можно лишь отметить, что применялась налепочная технология.

Формообразование сосуда осуществлялось в процессе конструирования путем выдавливания пальцами.

Обработка поверхностей выполнялась инструментом с мягкой рабочей частью – тканью.

Обжиг производился в устройстве типа очага в условиях окислительной среды, при достижении температур каления (650° и выше). Толщина осветленных слоев с обеих сторон не превышает 0,1 мм. Подобная окрашенность излома свидетельствует о том, что в зоне действия температур каления сосуд находился очень недолгое время (до 10 мин).

Очевидно, что рассмотренные сосуды были поставлены в погребение людьми, приходившими друг другу родственниками. Это дополнительно подтверждается данными технологического анализа керамики, а именно, следующими фактами: 1) отбором для изготовления большинства сосудов одного подвида глины – ожелезнен-

ной, «жирной»; даже в случае составления глиняного концентрата в качестве основной выступала та же самая глина; 2) практически идентичным составом формовочной массы.

В то же время в составе данного родственного коллектива были группы, обладавшие несколькими навыками создания посуды, о чем свидетельствуют: 1) отбор нежелезненных или слабожелезненных глин; 2) изготовление кубковидных форм сосудов.

Нежелезненная глина зафиксирована только в смеси с железистой. Шамот был сделан из сосудов, выполненных из слабожелезистой глины; для изготовления посуды, присутствующей в погребении, она не использовалась. Это позволяет считать, что навыки отбора подобных глин существовали у населения, оставившего памятник, в более ранний период. Ко времени совершения захоронений на могильнике они остались лишь в виде реликтов.

Керамический набор Жигулевского могильника не типичен для раннесредневековых древностей Самарского Поволжья (Васильева, 1995).

В то же время погребальный инвентарь, происходящий из изученных здесь захоронений, свидетельствует, что Жигулевский II грунтовый могильник и Жигулевское селище составляют единый археологический комплекс. Эти памятники могут датироваться концом VII – IX в., следовательно, по крайней мере часть кремационных погребений на могильнике совершалась в одно время с хорошо изученными подкурганскими захоронениями новинковского типа (Багаутдинов и др., 1998; Матвеева, 1997). Отличия в погребальной обрядности позволяют говорить о том, что население, проживавшее в разных районах Самарской Луки, имело разную этнокультурную принадлежность. Материалы пока еще немногочисленных поселений хазарской эпохи, изученных в Среднем Поволжье, подтверждают это предположение (Сташенков, 2010).

Исходные районы миграции населения, оставившего памятники Жигулевского археологического комплекса, следует искать за пределами Среднего Поволжья, вероятно, на пограничных территориях Хазарского каганата.

Литература

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Самарский университет. 286 с.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Ред. А.А. Бобринский. Самара: СамГПУ. С. 5–109.

Васильева И.Н., 1995. К вопросу о технологии керамики I Новинковского могильника // Средневековые памятники Поволжья / Ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский университет. С. 75–84.

Голдина Е.В., 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск: УдмГУ. 263 с.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск: УдмГУ. С. 156–247.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Иркутский университет. 176 с.

Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет. 226 с.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука. 288 с.

Пономаренко Е.В., Пономаренко Д.С., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2015. Подходы к реконструкции динамики заселения территории по почвенным признакам // Поволжская Археология. № 1 (11). С. 126–160.

Сташенков Д.А., 2010. О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина. С. 118–127.

Сташенков Д.А., 2011. Отчет о проведении археологических полевых работ на территории Волжского, Красноярского, Ставропольского, Шигонского районов Самарской области по От-

крытому листу № 483. Самара // Архив ИА РАН. Р-1. № 39537–39538.

Сташенков Д.А., 2014. Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовом могильнике // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: АНО «Издательство СНИЦ РАН». С. 82–124.

Сташенков Д.А., 2015а. О специфике набора стеклянных бус Самаро-Симбирского Поволжья

в хазарскую эпоху // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История. С. 147–152.

Сташенков Д.А., 2015б. Раскопки в Самарской области // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 528–532.

Шрамко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков: ХГУ. 404 с.

On the cremations of the Khazar period in the Samarskaya Luka of Volga (a case study of Zhigulevskii II burial ground)

D.A. Stashenkov, N.P. Salugina (Samara)

Key words: burial ground, cremation, Khazar period, pottery, technological analysis.

The article considers an outstanding cremation of the Zhigulevskii II burial ground at the Samarskaya Luka (Samara bend, Middle Volga). This cemetery of the Khazar period is a site of a new type for the region.

The burial 5 contained significant grave goods. There were five hand-moulded pots with flat bottoms, a set of metal instruments, details of a belt-set (a bronze buckle, a strap-end, belt plates), bronze bracelets, earrings, tubular pendants, a big amber bead and glass beads. The items do not have any traces of being in fire.

Parallels of elements of the belt-set are known in the materials of the Saltovo-Mayatskaya and the Nevolino cultures, and also at the sites of the Novinkovo type in the Samarskaya Luka. The beads have analogues at the sites of the late 7th – 9th cc. in the Volga Region, the Kama Region, Northern Caucasus and the Don Region.

The unusual for the burials of the Middle Volga Region of that period is a rich set of pottery from the burial 5 where the vessels of different morphological groups are presented. The article provides a technological analysis of all the vessels carried out in accordance with A.A. Bobrinskiy method.

The burial could be dated back to the late 7th – 8th cc.

Consequently, the cremations in the Zhigulevskii II burial ground appeared at the same time as the well-known Novinkovo type burial mounds. The differences in the funeral ceremony allow suggesting that the population left sites in different districts of the Samarskaya Luka had different origin.

The population that left the Zhigulevo group of sites should origin from an area outside the Middle Volga Region, probably, from the border territories of the Khazar kaganat.

Translated by I. Grigoryan

Таблица 1. Соотношение исходного сырья и состава формовочных масс

Формовочная масса	Исходное сырье			Всего
	Глина высокой пластичности	Глина высокой пластичности с железистыми включениями	Смесь двух глин	
Выжимка	—	—	сосуд 1	1
Шамот+выжимка	сосуды 2; 4	сосуды 3; 5	—	4
Всего	2	2	1	5

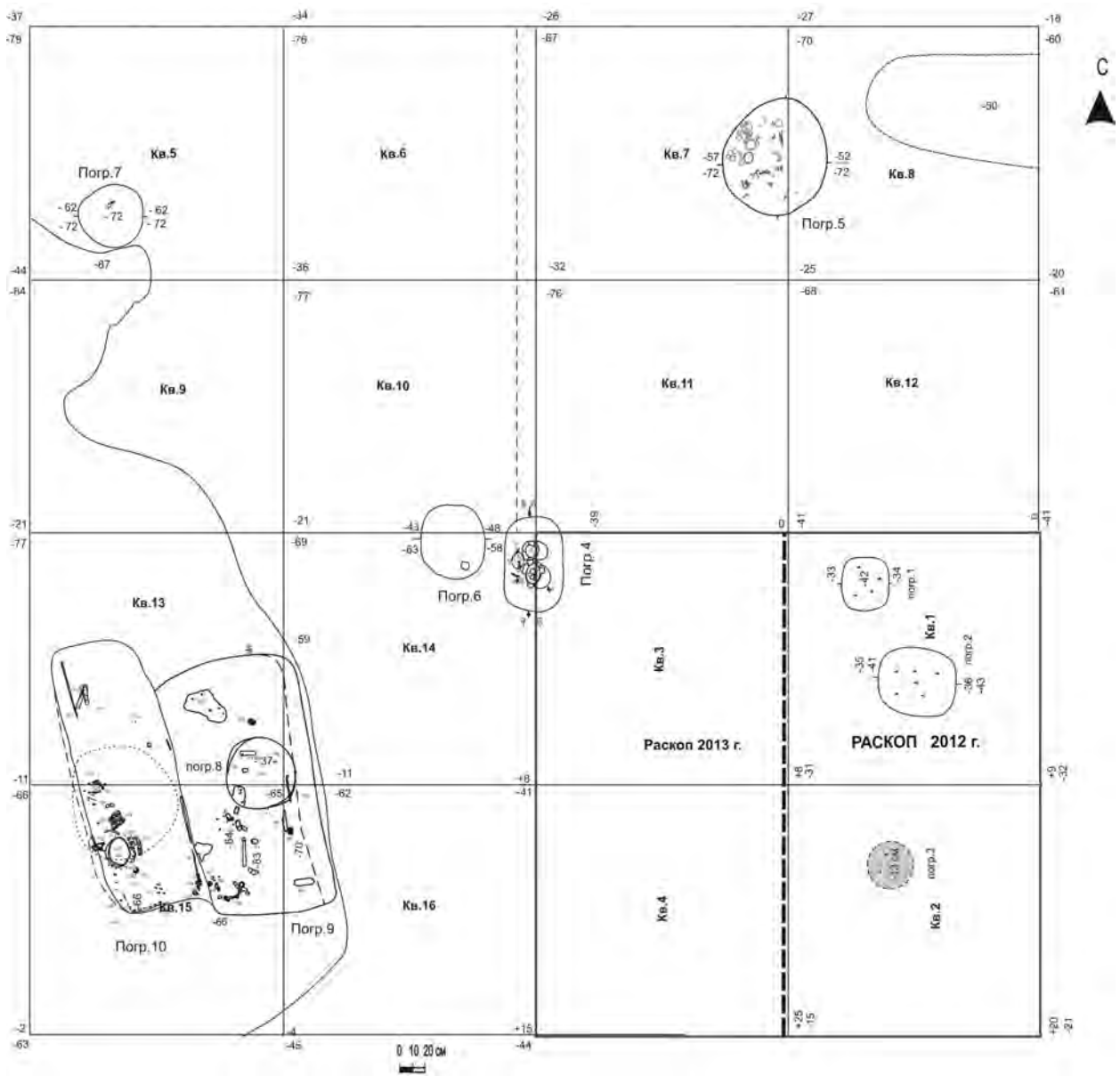

Рис. 1. Жигулевский II грунтовый могильник. Раскоп 3. Общий план.

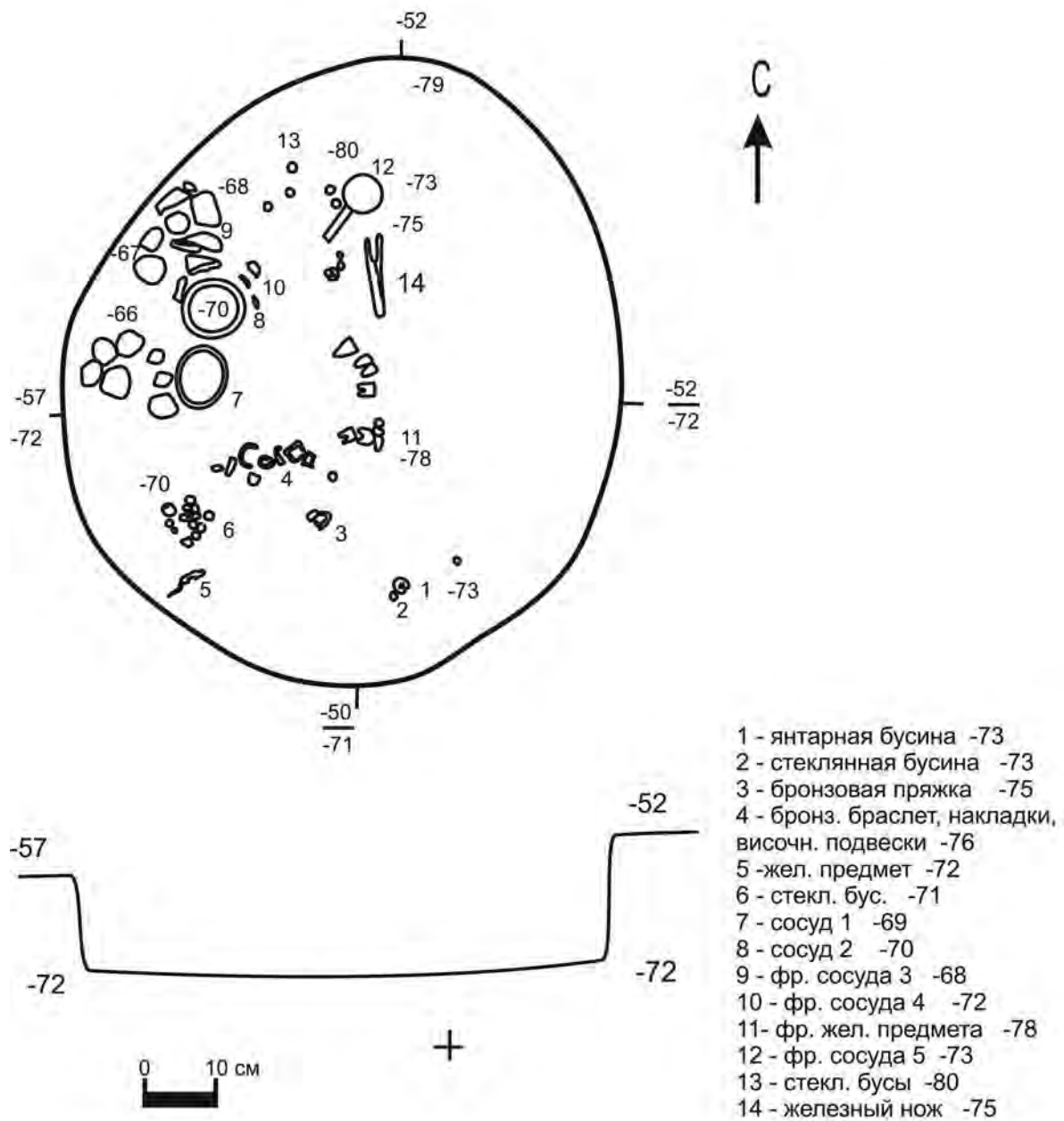

Рис. 2. Жигулевский II грунтовый могильник. Раскоп 3. Погребение 5. План.

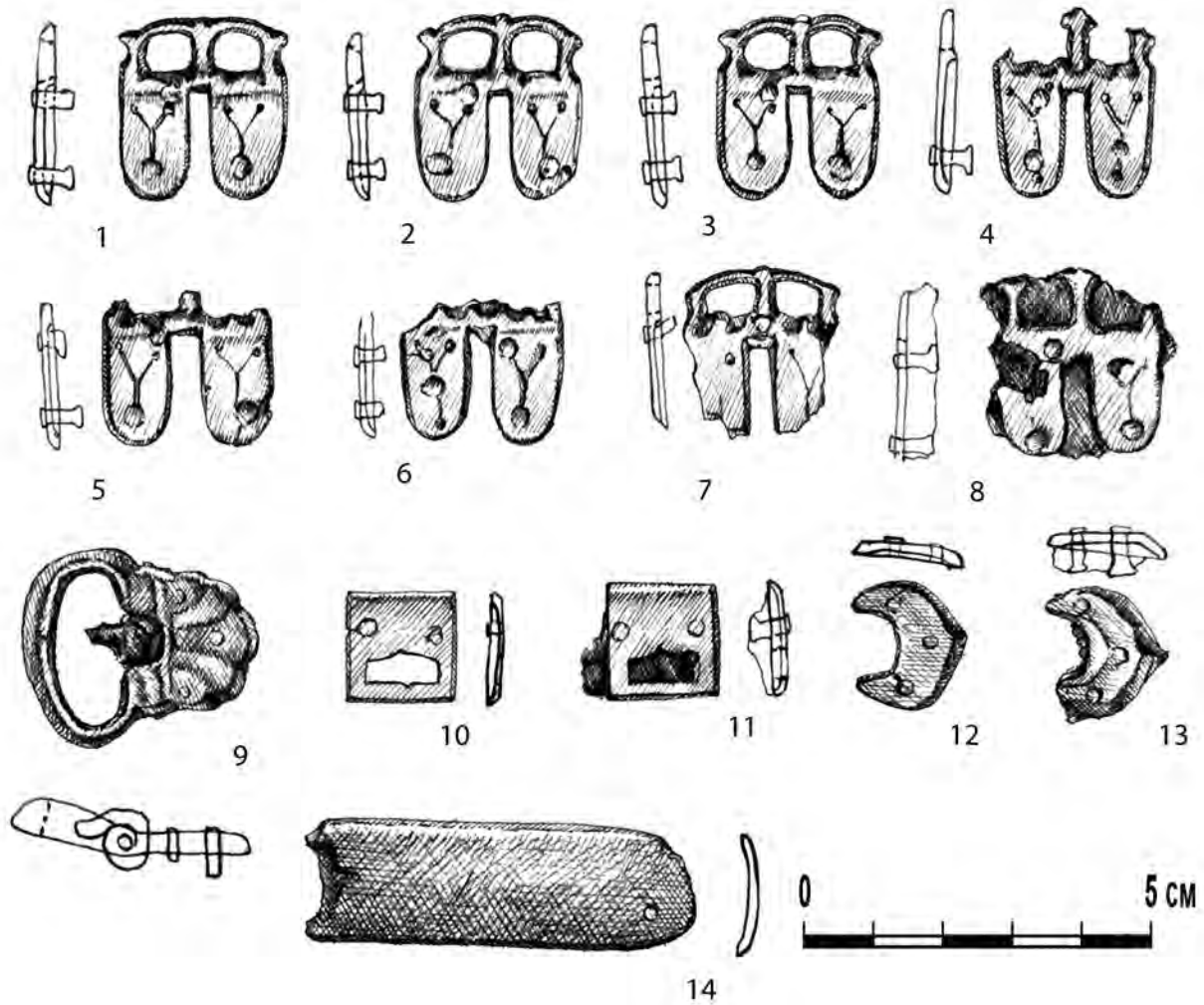

Рис. 3. Жигулевский II грунтовый могильник. Раскоп 3. Погребение 5. Поясной набор. Бронза.

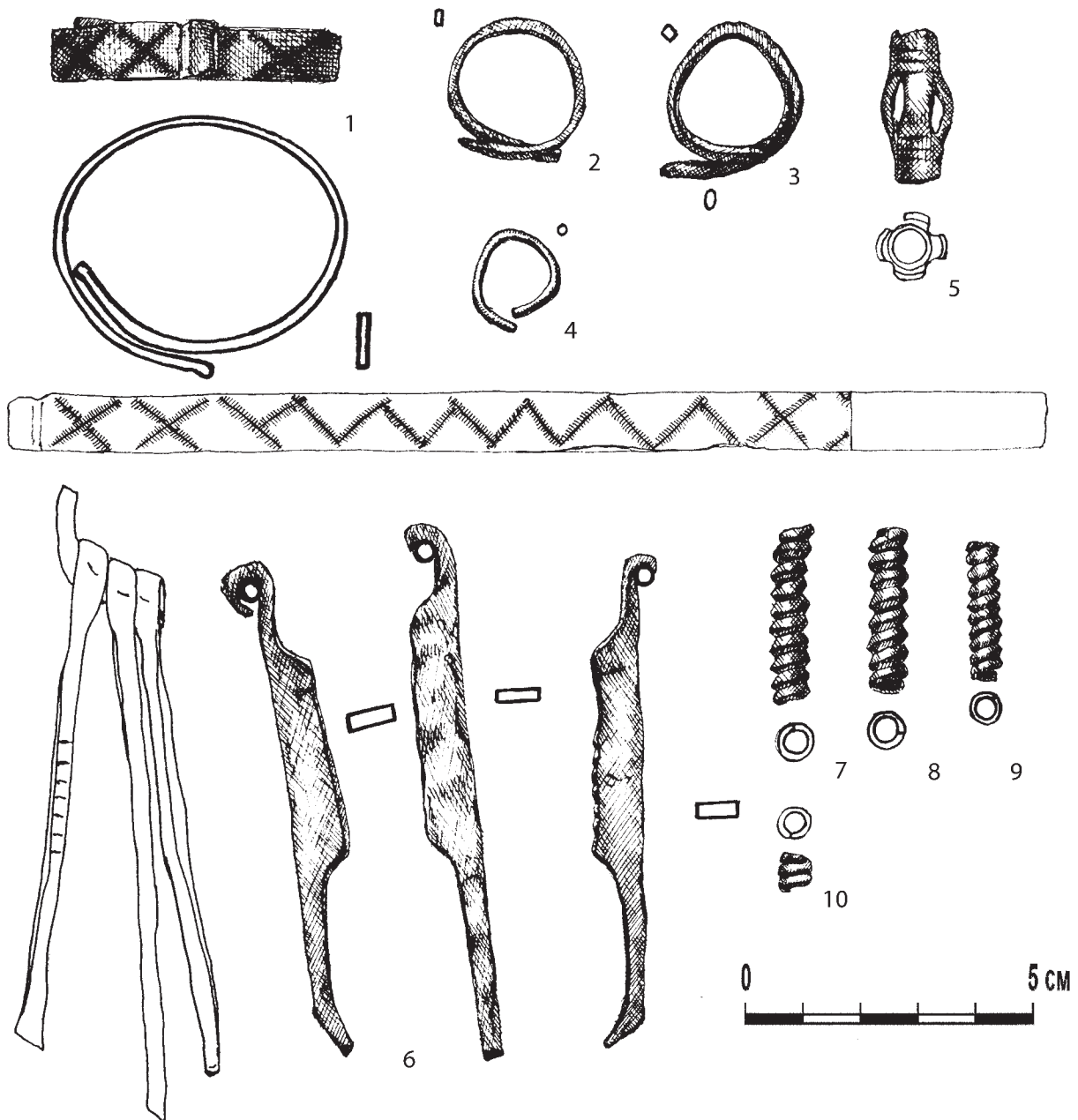

Рис. 4. Жигулевский II грунтовый могильник. Раскоп 3. Инвентарь погребения 5.
 1 – браслет; 2–4 – серьги; 5 – пронизь; 6 – набор инструментов; 7–10 – пронизки.
 1–3, 5, 7–10 – бронза; 4 – белый металл; 6 – железо.

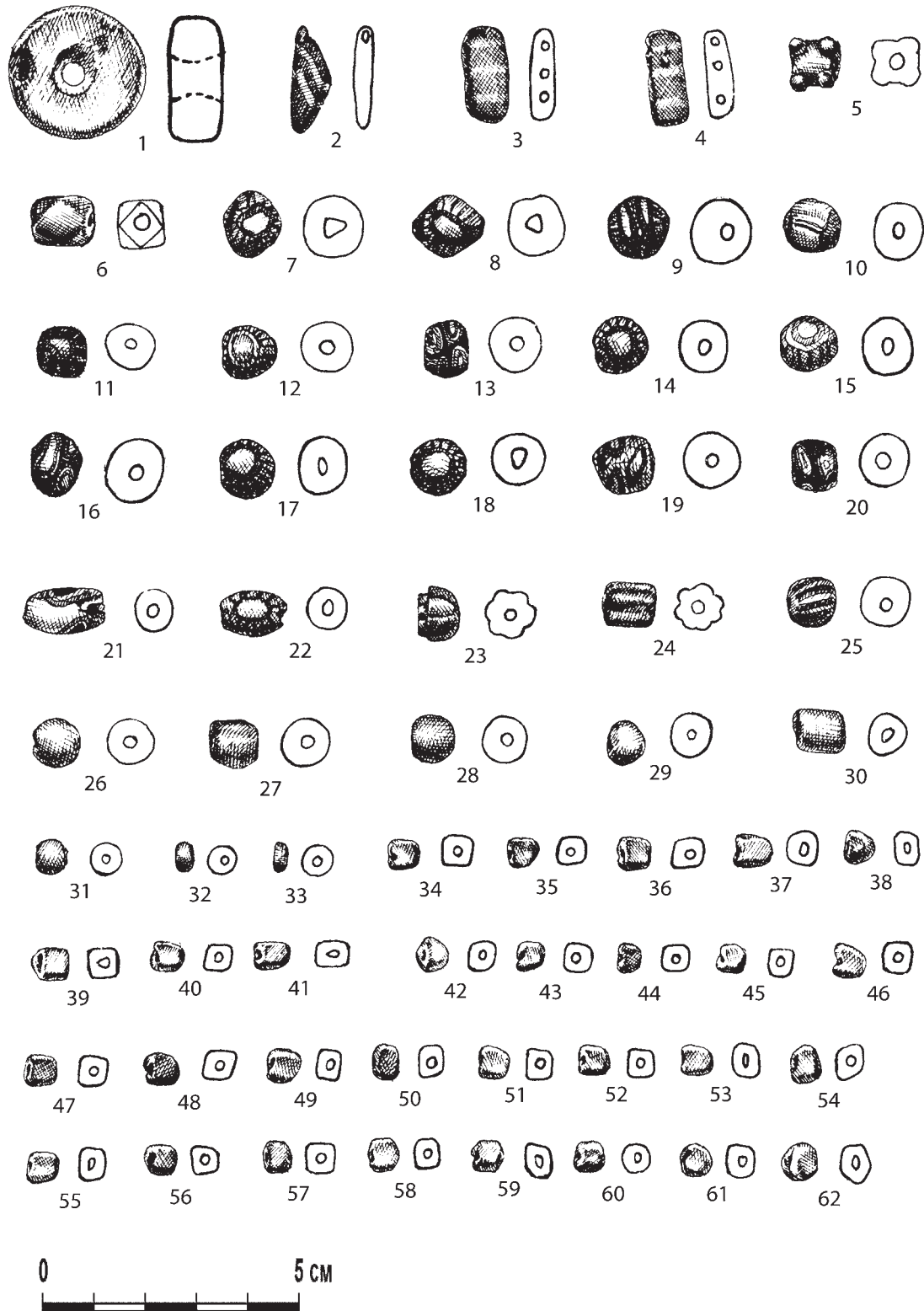

Рис. 5. Жигулевский II грунтовый могильник. Раскоп 3.
 Инвентарь погребения 5. Бусы.
 1 – янтарь; 2–62 – стекло.

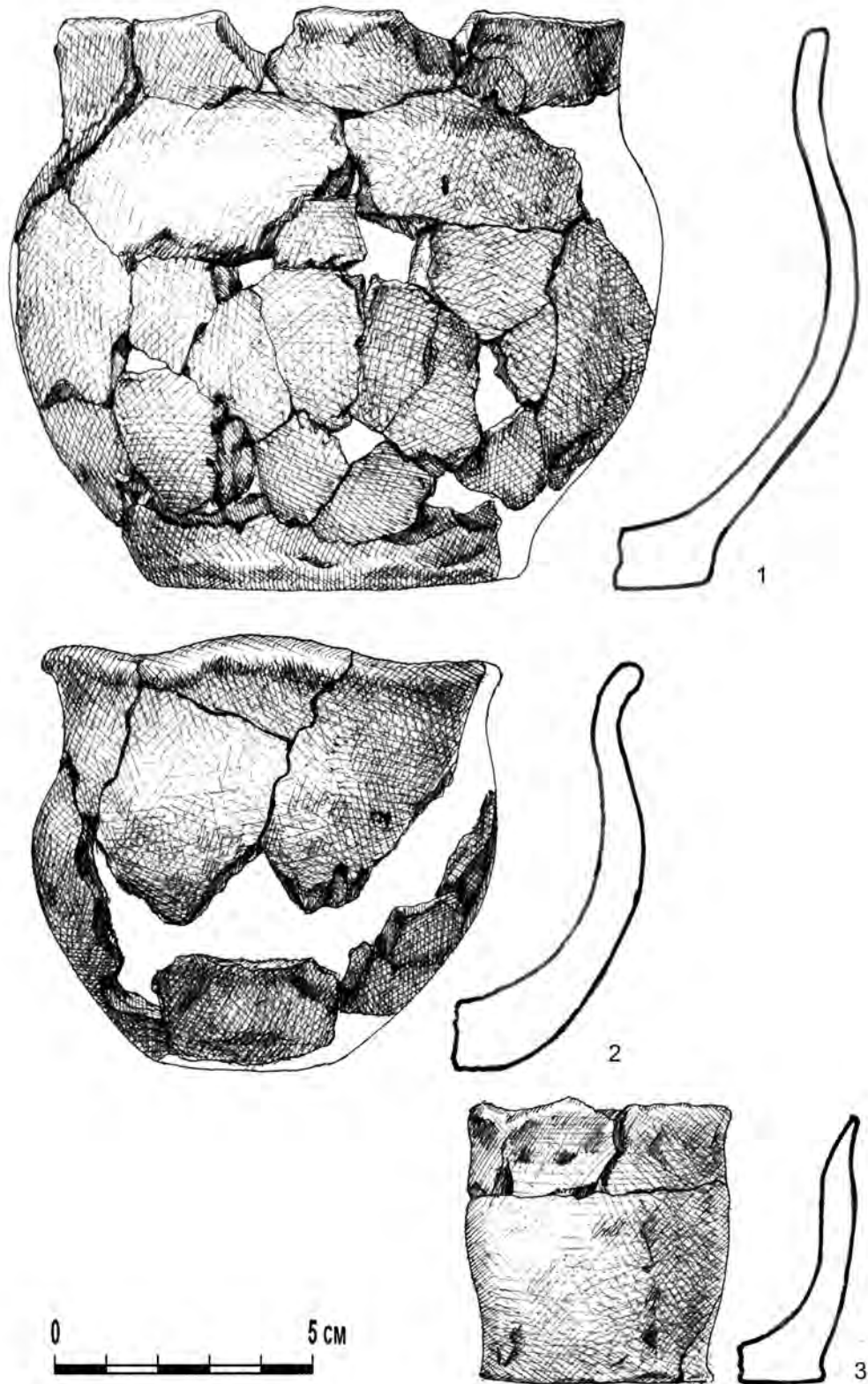

Рис. 6. Жигулевский II грунтовый могильник. Раскоп 3.
 Инвентарь погребения 5. Лепные сосуды. Глина.
 1 – сосуд 3; 2 – сосуд 4; 3 – сосуд 1.

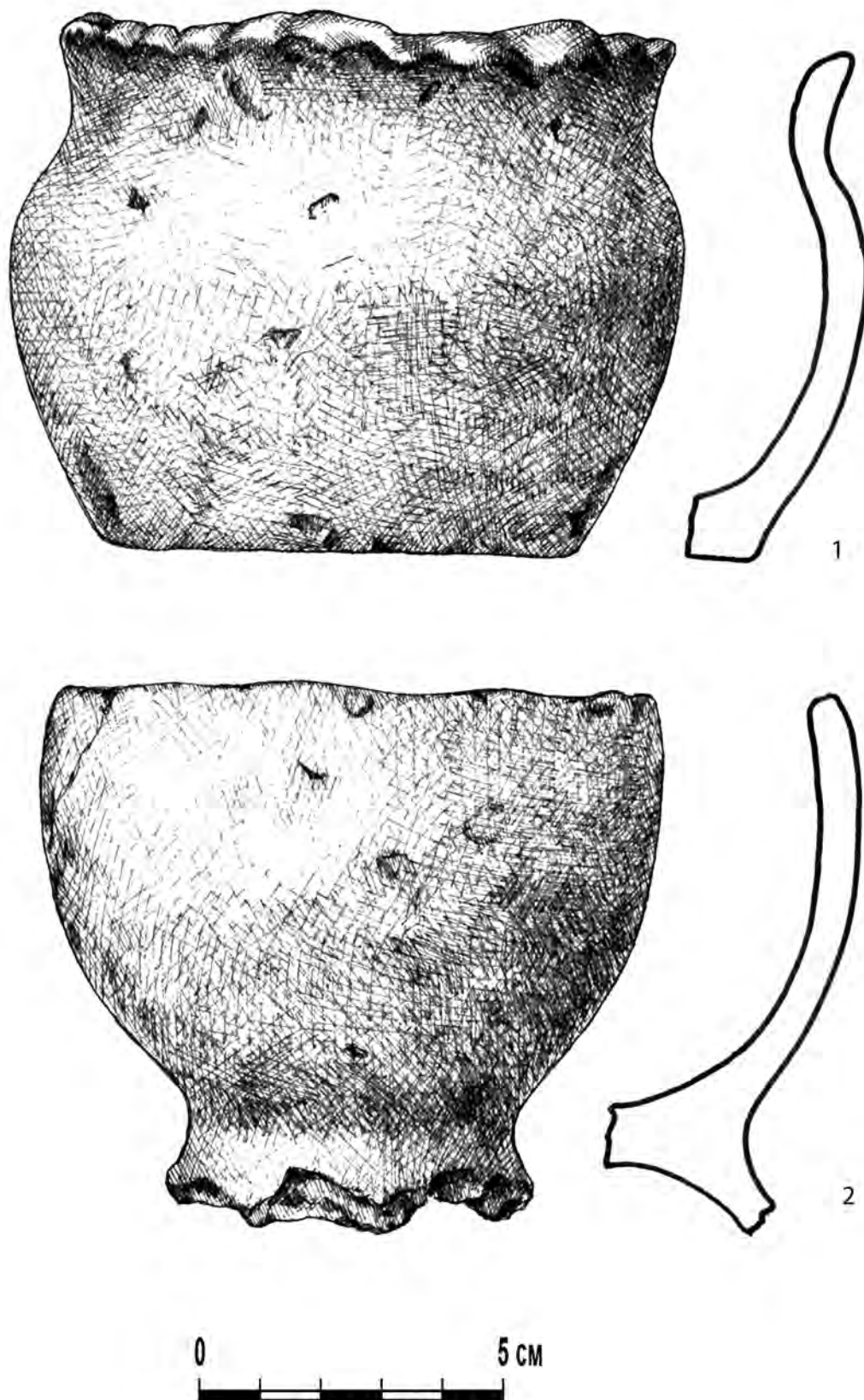

Рис. 7. Жигулевский II грунтовый могильник. Раскоп 3.
Инвентарь погребения 5. Лепные сосуды. Глина.
1 – сосуд 5; 2 – сосуд 2.

Сведения об авторах

Акимов Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории исторического факультета Воронежского государственного университета.
E-mail: denisakimov@rambler.ru

Ахмедов Илья Рафаэлевич – старший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург).
E-mail: i_akhmedov@mail.ru

Белевец Вадим Георгиевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Варшавского университета. E-mail: v.bielavec@gmail.com

Белоцерковская Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея (Москва). E-mail: beloc-irina@yandex.ru

Биркина Наталья Александровна – младший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея (Москва).
E-mail: dulebova_natalya@mail.ru

Битнер-Врублевска Анна – доктор наук (Dr. Habil.), заведующий отделом археологии балтов Государственного археологического музея (Варшава).
E-mail: abitnerwroblewska@gmail.com

Воронцов Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований Государственного музея-заповедника «Куликово поле» (Тула). E-mail: amvorontsov@gmail.com

Гавритухин Игорь Олегович – старший научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва). E-mail: gavritukhin@rambler.ru

Дробушевский Александр Иванович – кандидат исторических наук, ведущий специалист юридического факультета Международного института экономики и права (Санкт-Петербург). E-mail: adrobush@yandex.ru

Жаров Геннадий Викторович – заместитель директора ГП НИЦ «Охранная археологическая служба Украины» Института археологии НАН Украины (Киев).
E-mail: lae-oasu@ya.ru

Земцов Григорий Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. E-mail: grizem@rambler.ru

Исланова Инна Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва). E-mail: ivisl@mail.ru

Коковский Анджей – доктор наук (Dr. Habil.), профессор, научный сотрудник отдела Центрально- и Восточноевропейского Барбарикума Института археологии Университета Марии Кюри-Склодовской (Люблин). E-mail: berig1@gazeta.pl

Кренке Николай Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Московской Руси Института археологии РАН (Москва). E-mail: NKrenke@mail.ru

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва). E-mail: drkulakov@mail.ru

Лопатин Николай Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий информационно-издательской группой Института археологии РАН (Москва). E-mail: n.lopatin@gmail.com

Любичев Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. E-mail: gsae@karazin.ua

Магомедов Борис Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии ранних славян Института археологии НАН Украины (Киев). E-mail: bmagomedov@gmail.com

Макушников Олег Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории славян и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины. E-mail: makushnikov@tut.by

Медведев Александр Павлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета. E-mail: APM1950@yandex.ru

Милашевский Александр Степанович – младший научный сотрудник отдела археологии ранних славян Института археологии НАН Украины (Киев). E-mail: milan7667@gmail.com

Приймак Виктор Владимирович – ведущий научный сотрудник Историко-культурного заповедника «Бельск» (с. Котельва Полтавской обл.). E-mail: viktor.priymak@ukr.net

Радюш Олег Александрович – научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва). E-mail: radjush@mail.ru

Разуваев Юрий Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: razuvaevyd@mail.ru

Родинкова Власта Евгеньевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва). E-mail: vlasta2004@mail.ru

Румянцева Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва). E-mail: o.roumiantseva@mail.ru

Салугина Наталья Петровна – кандидат исторических наук, доцент Самарского государственного института культуры. E-mail: nsalug@gmail.com

Сташенков Дмитрий Алексеевич – кандидат исторических наук, ученый секретарь Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. E-mail: archeo@list.ru

Столяров Евгений Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологических исследований Государственного музея-заповедника «Куликово поле» (Тула). E-mail: stolarov_e@mail.ru

Тавлинцева Екатерина Юрьевна – старший научный сотрудник Музея Москвы. E-mail: tavlintseva@gmail.com

Терпиловский Ростислав Всеволодович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и музееведения Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. E-mail: arch@univ.kiev.ua

Трифуневич Станко – музейный советник Музея Воеводины (Нови Сад). E-mail: strifunovic64@gmail.com

Уваркин Степан Викторович – археолог НПО «Черноземье» (Липецк). E-mail: s.uvarkin@yandex.ru

Фурасьев Алексей Геннадьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). E-mail: fur_spb@mail.ru

Хомякова Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва). E-mail: olga.homiakova@gmail.com

Храпунов Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор Крымского федерального университета (Симферополь). E-mail: igorkhrapunov@mail.ru

Шнеевайсс Йенс – доктор философии (PhD), стипендиат программы «Феодор Линен» Фонда им. Александра фон Гумбольдта, научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). E-mail: jschnee@gwdg.de

Шультце Эрдмута – доктор философии (PhD), научный сотрудник Евроазиатского отдела Германского Археологического Института (Берлин). E-mail: Erdmute.Schultze@dainst.de

Список сокращений

АДУ	– Археологічні дослідження в Україні
АЛЛУ	– Археологічний літопис Лівобережної України
АП УРСР	– Археологічні пам'ятки УРСР
БГУ	– Белорусский государственный университет
БрГУ	– Брянский государственный университет
БФУ	– Балтийский федеральный университет им. И. Канта
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ВГПУ	– Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВОКМ	– Винницкий областной краеведческий музей
ГАЗ	– Гістарычна-археалагічны зборнік
ГДУ	– Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГМЗ	– Государственный музей-заповедник
ГРМ	– Государственный Русский музей
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДНУ	– Донецкий национальный университет
ИА АН СССР	– Институт археологии Академии наук СССР
ИАК	– Императорская Археологическая комиссия
ИА НАНУ	– Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИЯЛ УНЦ РАН	– Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
ИУ НАНУ	– Институт украиноведения Национальной академии наук Украины
ІА НАНУ	– Інститут археології Національної академії наук України
ІГ НАНБ	– Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
ІО НПУ	– Інститут історичної освіти Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова
ІКЗ	– Историко-культурный заповідник
КГОМ	– Калининградский государственный областной музей
КГОМА	– Курский государственный областной музей археологии
КГУ	– Куйбышевский государственный университет
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук
КФУ	– Крымский федеральный университет
ЛГПУ	– Липецкий государственный педагогический университет
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАБ	– Матэрыялы па археалогіі Беларусі
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МарГУ	– Марийский государственный университет
МГПИ	– Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МКАС	– Международный конгресс археологов-славистов

- МНИИЛЯИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт литературы, языка, истории и экономики
- ОНТИ ПНЦ РАН – Отдел научно-технической информации Петербургского научного центра Российской Академии наук
- ПГКМ – Пензенский государственный краеведческий музей
- ПИРО – Пензенский институт развития образования
- РА – Российская археология
- РАС – Рятівна археологічна служба
- РВМ – Рад воеводжанских музеев
- РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
- РМВ – Рад Музея Воеводины
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
- СГКМ – Сумской государственный краеведческий музей
- СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской академии наук
- СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
- СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
- СООИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
- СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
- УдмГУ – Удмуртский государственный университет
- УдмРКМ – Удмуртский Республиканский краеведческий музей
- УрГУ – Уральский государственный университет им. А.М. Горького
- УТОПІК – Українське товариство пам'яток історії і культури
- ХНУ – Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
- ЦОДПА – Центр охорони і досліджень пам'яток археології
- ЭОГРМ – Этнографический отдел Государственного Русского музея
- АА – *Archaeologia Austriaca*
- AVČR – *Akademie věd České republiky*
- BAR – *British Archaeological Reports*
- BRGK – *Berichte der Römisch-Germanische Kommission*
- BZ – *Byzantinische Zeitschrift*
- ESA – *Eurasia Septentrionalis Antiqua*
- IAE PAN – *Institut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk*
- IAUJ – *Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego*
- IAUL – *Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego*
- IAUW – *Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego*
- ІНKM – *Instytut Historii Kultury Materialnej*
- IRPA – *Institut royal du Patrimoine artistique*
- JRGZM – *Jahrbuch des Römisch-Germanisches Zentralmuseums Mainz*
- MAG – *Muzeum Archeologiczne w Gdańsku*
- PA – *Przegląd Archeologiczny*
- PMA – *Państwowe Muzeum Archeologiczne*
- RGZM – *Römisch-Germanisches Zentralmuseum*
- SA – *Slovenská Archeológia*
- SAV AÚ – *Slovenská akadémia vied. Archeologický ústav*

-
- SMB–PK/MVF – Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, Museum für Vor- und Frühgeschichte
- SPÖG – Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg
- ÚAPPSC – Ústav archeologické památkové péče středních Čech
- UMCS – Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej
- UR – Uniwersytet Rzeszowski
- VAMZ – Vjesnik Arheološkog Muzeja u Zagrebu

Содержание

<i>От редакторов</i>	7
<i>Терпиловский Р.В.</i> К 60-летию Андрея Михайловича Обломского.....	9

Археологические общности и этнокультурные процессы

<i>Дробушевский А.И.</i> Зарубинецкая культура и культура Ясторф.....	17
<i>Drobusevskiy A.I.</i> The Zarubintsy culture and the Jastorf culture.....	24
<i>Терпиловский Р.В., Жаров Г.В.</i> Проблемы исследования памятников типа Харьевка.....	27
<i>Terpilovskiy R.V., Zharov G.V.</i> Problems of studying the sites of Kharyevka type.....	34
<i>Любичев М.В.</i> Поселение Боромля 2 и культурно-хронологические горизонты позднеримского времени в Днепро-Донецкой лесостепи.....	39
<i>Lyubichev M.V.</i> The settlement of Boromlya 2 and cultural-chronological horizons of the late Roman time in Dnieper-Donetsk forest-steppe.....	47
<i>Гавритухин И.О.</i> К атрибуции славянских памятников V–VII веков на Южном Буге.....	51
<i>Gavritukhin I.O.</i> On the attribution of the Slavic sites of the 5th–7th centuries in the Southern Bug region.....	59
<i>Лопатин Н.В.</i> О тушемлинской и колочинской культурах.....	63
<i>Lopatin N.V.</i> On the Tushemlya and Kolochin cultures.....	68
<i>Приймак В.В.</i> Некоторые аспекты дискуссии об этнокультурном переломе на Днепровском Левобережье.....	70
<i>Prijmak V.V.</i> Some aspects of the discussion on ethnocultural turning-point on the Left Bank of the Dnieper region.....	78
<i>Исланова И.В.</i> О культурных трансформациях раннесредневековых древностей на Волго-Балтийском водоразделе.....	82
<i>Islanova I.V.</i> On the cultural transformations of the early Middle Ages antiquities on Volga-Baltic interstream area.....	85
<i>Шнеевайсс Й.</i> Керамика как свидетельство идентичности и культурного трансфера? Саксонская и славянская керамика VIII–X вв. в Нижнем Поэльбье.....	90
<i>Schneeweiß J.</i> Keramik als Zeugnis von Identität und Kulturtransfer? Das Beispiel der sächsischen und slawischen Keramik vom 8.–10. Jh. im unteren Elbgebiet.....	99

От археологических данных к историческим реконструкциям

<i>Кулаков В.И.</i> Происхождение некоторых элементов погребального обряда эстиев.....	103
<i>Kulakov V.I.</i> The origin of some elements of the funeral rite of the Aesthians.....	109
<i>Фурасьев А.Г.</i> О некоторых параллелях в погребальной обрядности «царских» гробниц Боспора III–IV вв. и «княжеского» захоронения Концешти.....	114
<i>Furasyev A.G.</i> On some parallels in the burial rite of Bosphorus leader's tombs of 3 rd -4 th cc. and the "prince" grave of Concesti.....	122

<i>Медведев А.П.</i> Еще раз о сарматах-лимигантах. Взгляд из Сарматии (к дискуссии с юбилеем).....	124
<i>Medvedev A.P.</i> Sarmatians-Limigantes revisited. The view from Sarmatia (to the discussion with the hero of the anniversary)	130
<i>Акимов Д.В.</i> Структура и иерархия верхнедонских поселений эпохи Великого переселения народов.....	133
<i>Akimov D.V.</i> The structure and hierarchy of the Upper Don settlements of the Migration period.....	138

**Вещевой и керамический комплекс:
хронология, распространение, производство**

<i>Коковский А.</i> О ребристых бусах (тип ТМ-171) в центрально- и североевропейском Барбарикуме	142
<i>Kokowski A.</i> Zu den sog. Melonenperlen – bspw. vom Typ ТМ.171 – im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum	148
<i>Хомякова О.А.</i> Фибулы-броши в культурах Восточной Балтии	149
<i>Khomiakova O.A.</i> Disc brooches in the East Baltic cultures.....	156
<i>Битнер-Врублевска А.</i> Невеста издалека? Импортный браслет из Кживулки под Сувалками (северо-восточная Польша).....	161
<i>Bitner-Wróblewska A.</i> A fiancée from abroad? An imported bracelet from Krzywólka near Suwałki (north-eastern Poland).....	169
<i>Макушников О.А., Радюш О.А.</i> Вещи круга выемчатых эмалей из Гомельского Поднепровья.....	173
<i>Makushnikov O.A., Radyush O.A.</i> Objects in the champlevé enameling style from the Gomel region (Dnieper basin).....	180
<i>Тавлинцева Е.Ю., Кренке Н.А.</i> Клад с городища Алтухово.....	184
<i>Tavlintseva E.Y., Krenke N.A.</i> Hoard from Altukhovo hillfort	191
<i>Румянцева О.С.</i> Рифленые формы и находки рифленого стекла с поселения черняховской культуры Комаров: к вопросу о хронологии и видах продукции стекольной мастерской.....	193
<i>Rumyantseva O.S.</i> Dip moulds and ribbed glass from the Komarov settlement: on the issue of the chronology and production of the glass workshop	200
<i>Шультце Э.</i> Керамика с чеканно-штампованным орнаментом в Войтенках 1: к вопросу о производстве гончарной посуды в черняховской культуре.....	205
<i>Schultze E.</i> Keramik mit Stempelverzierung aus Vojtenki 1. Zur Frage der Herstellung von Drehscheibenkeramik in der Černjachov-Kultur.....	210
<i>Трифуневич С.</i> Керамика, изготовленная на ручном гончарном круге, в культуре лимигантов	215
<i>Trifunovich S.</i> Pottery made on a hand-rotated wheel in the culture of the Limigantes.....	222
<i>Белоцерковская И.В.</i> Погребения с мордовскими подвесками в рязано-окских могильниках	224
<i>Belotserkovskaya I.V.</i> The burials with Mordovian pendants in Ryazan-Oka cemeteries....	231

<i>Ахмедов И.Р., Биркина Н.А.</i> Шлемы из могильника рязано-окских финнов у с. Царицыно (предварительное сообщение)	235
<i>Akhmedov I.R., Birkina N.A.</i> Helmets from the cemetery of the Ryazan-Oka Finns near the village Tsaritsyno (preliminary report).....	243

Новые археологические материалы

<i>Белевец В.Г.</i> Результаты разведочных работ на поселении Мерчицы 2 и перспективы изучения памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в белорусском Полесье	249
<i>Beljavec V.G.</i> The results of survey at Mierčycy 2 settlement. On the prospects of study on the sites of the Roman period and the beginning of the Migration period in Belarusian Polesye	258
<i>Храпунов И.Н.</i> Комплекс с перекладчатой фибулой и диким лесным котом из могильника Нейзац	262
<i>Khrapunov I.N.</i> Burial with a Cross-Barred Fibula and a Forest Wildcat from the Cemetery of Neizats	265
<i>Магомедов Б.В., Милашевский А.С.</i> Погребение 68 черняховского могильника Легедзине в Черкасской области	273
<i>Magomedov B.V., Milashevskiy A.S.</i> Grave 68 on the Legedzine cemetery of the Chernyakhov culture in the Cherkassy region.....	280
<i>Земцов Г.Л., Разуваев Ю.Д., Уваркин С.В.</i> Городище скифского и гуннского времени у с. Мухино в правобережье Верхнего Дона.....	285
<i>Zemtsov G.L., Razuvaev Yu.D., Uvarkin S.V.</i> Hillfort of the Scythian and Hun periods near the village Mukhino on the right bank of Upper Don	289
<i>Воронцов А.М., Столяров Е.В.</i> Материалы гуннского времени с поселения Упа 2 в черте города Тулы	298
<i>Vorontsov A.M., Stolyarov E.V.</i> Settlement Upa 2 of the Hun period in the city of Tula.....	303
<i>Сташенков Д.А., Салугина Н.П.</i> О кремационных погребениях хазарской эпохи в Самарском Поволжье (по материалам Жигулевского II грунтового могильника)	311
<i>Stashenkov D.A., Salugina N.P.</i> On the cremations of the Khazar period in the Samarskaya Luka of Volga (a case study of Zhigulevskii II burial ground).....	317
<i>Сведения об авторах</i>	326
<i>Список сокращений</i>	329
<i>Содержание</i>	332
<i>Иллюстрации</i>	335

Иллюстрации

К 60-летию Андрея Михайловича Обломского

Шишино. 1986 г. Фото из архива В.М. Обломской.

Липецк. Середина 2000-х годов. А.М. Обломский и А.Н. Бессуднов.

Ксизово. 2005 г. Фото из архива А.В. Ковриги.

Ксизово. 2007 г. Фото из архива А.В. Ковриги.

Санкт-Петербург. 2012 г. Международная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина. Фото из архива М.В. Жиха.

Белград. 2014 г. I Сербско-российская конференция. Слева направо: З. Стефанович, Дж. Янкович, С. Трифунович, А.М. Обломский, И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов, И.Г. Бурцев, А. Бачкалов. Фото из архива С. Трифуновича.

Москва, 2016 г. Научный семинар «Полевые исследования памятников I тыс. н. э. в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы».
Слева направо: В.В. Ставицкий, М.Е. Смирнова, О.С. Румянцева, К.А. Масленников, В.В. Миненко, А.М. Воронцов, А.М. Обломский. Фото из архива О.А. Хомяковой.

Тракай, 2016 г. 22-й Ежегодный Конгресс Европейской Ассоциации Археологов.
Слева направо: Л.А. Вязов, Ю.В. Вязова, А.М. Обломский, В.М. Обломская, В.Е. Родинкова.
Фото из архива В.Е. Родинковой.

К статье А.Г. Фурасьева

Рис. 1. Погребение Концешти. Некоторые предметы римского производства.

1 – складной стул; 2 – серебряная ваза-амфора; 3 – изображение узды северопонтийского типа на одной из фигур декоративного фриза амфоры.

Рис. 2. Погребение Концешти. Детали уздечных наборов разных типов.
1–3 – фрагменты полихромных накладок гуннского типа;
4 –накладка «поздне-северопонтийского» типа.

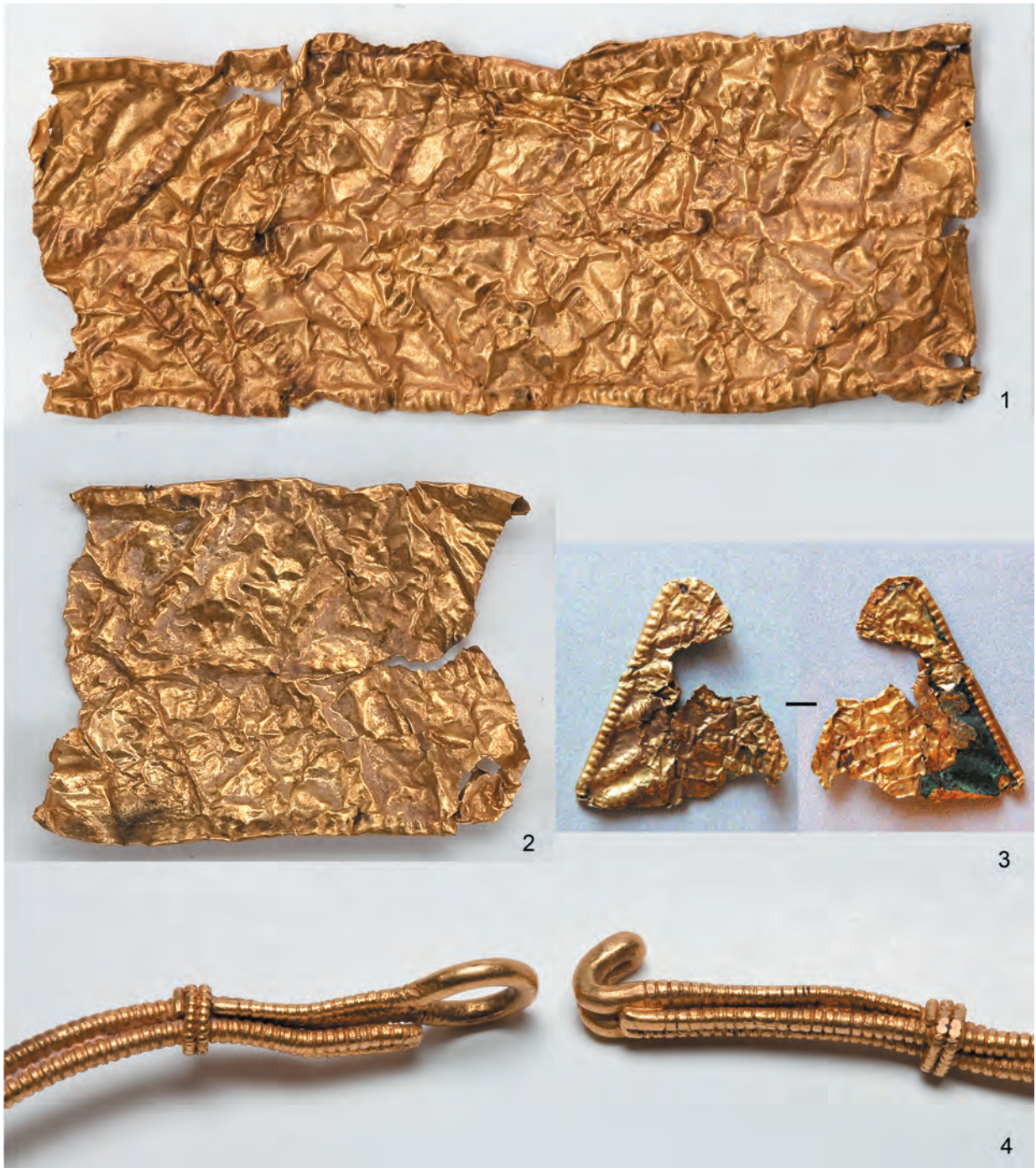

Рис. 3. Погребение Концешти.

1, 2 – золотые обкладки с тисненым «елочным» декором; 3 – треугольная тисненая бляшка с остатками медной основы; 4 – замок золотой витой гривны.

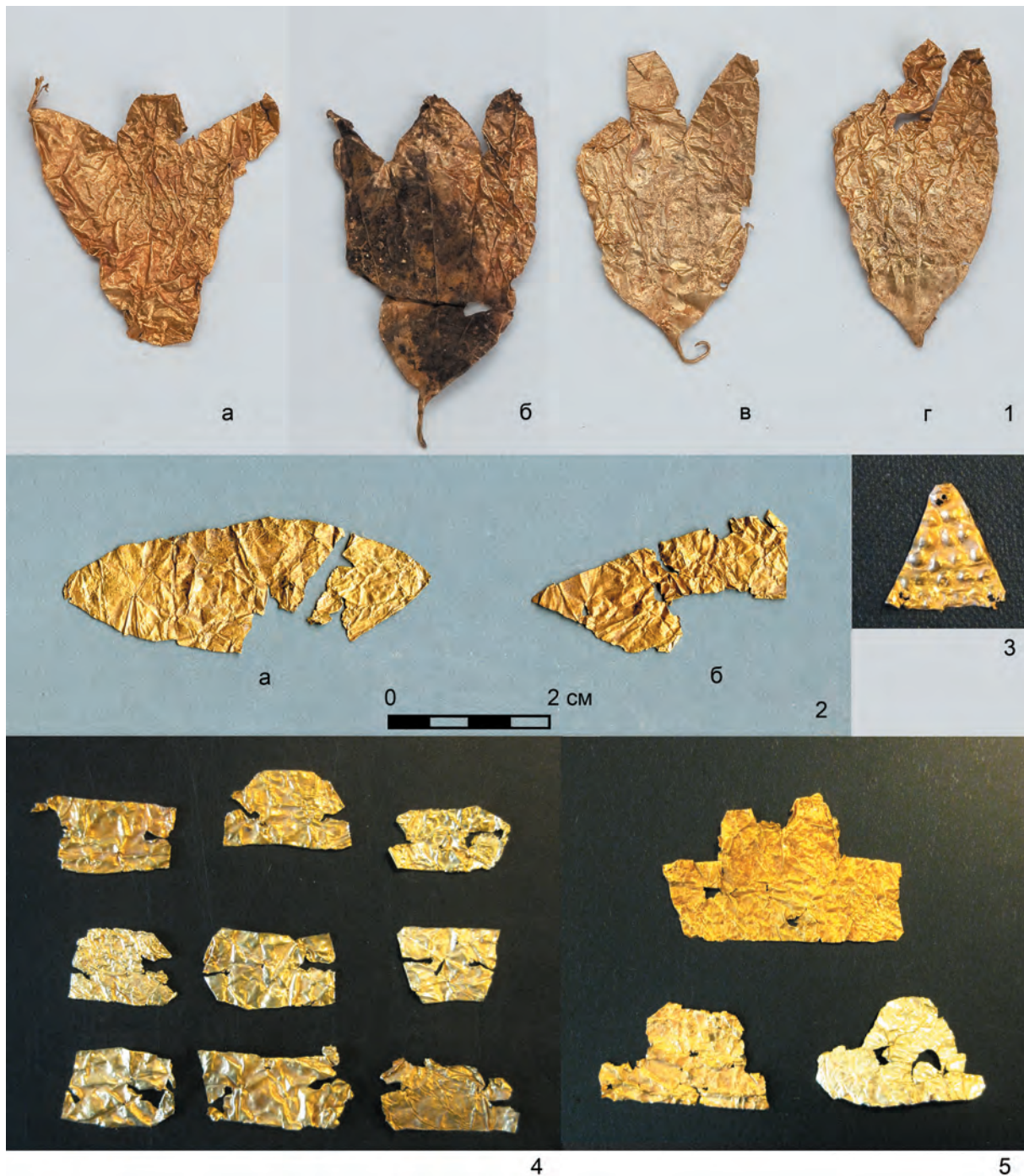

Рис. 4. Погребение Концешти. Детали погребального убранства из золотой фольги.
 1 – листики от венка-диадемы; 2 – фрагменты лицевых пластин;
 3–5 – нашивные бляшки (аппликации).

К статье А. Коковского

Рис. 1. Бусы из Иллерупа. Фото: проект «Иллеруп».

Рис. 2. Бусы из Масломенча. Фото: А. Крукемайер.

К статье А. Битнер-Врублевской

Рис. 3. Браслет из Кживулки. Фото: В. Арасимович.

К статье О.А. Макушникова, О.А. Радюша

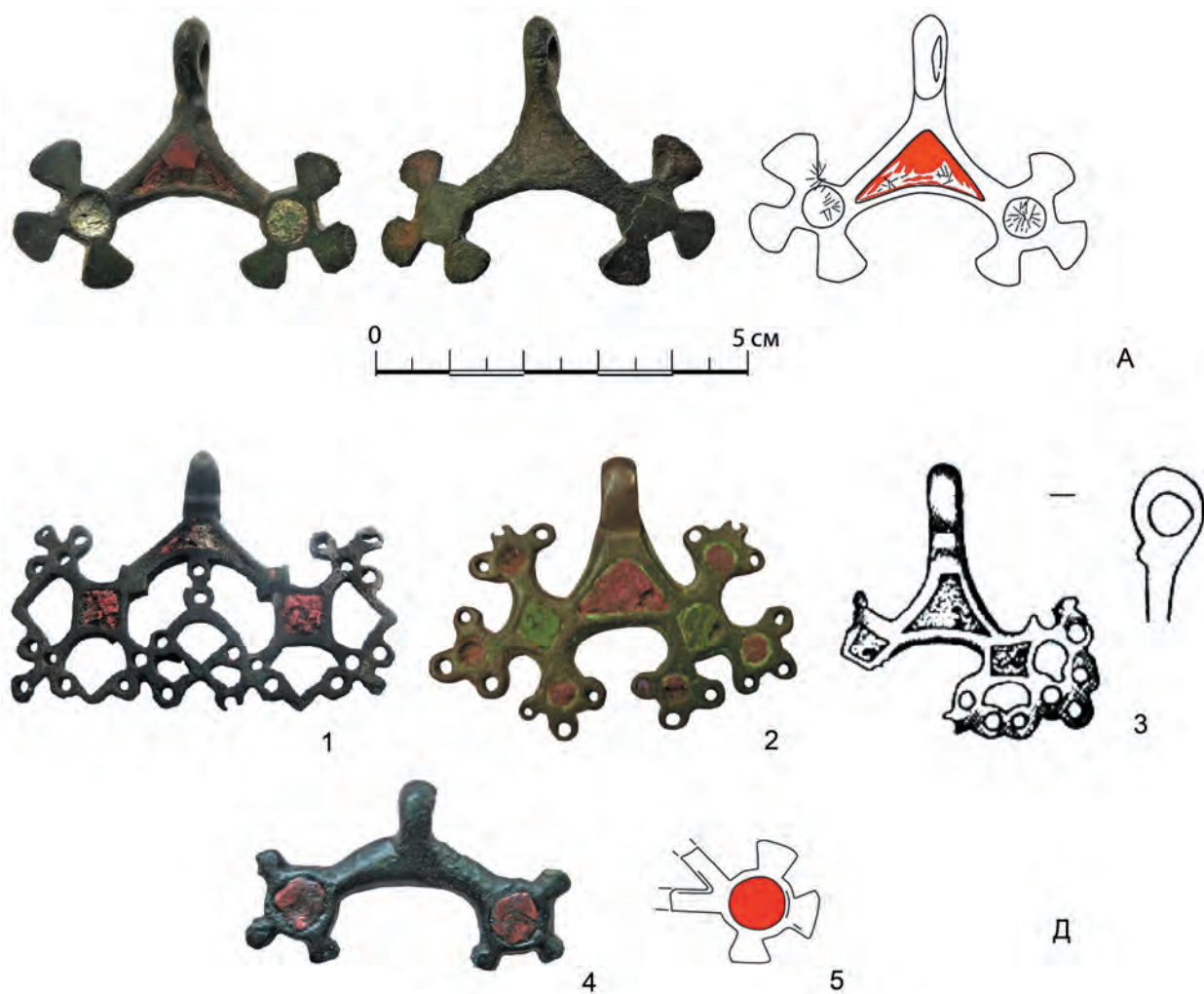

Рис. 26. Находки вещей эмалевой стилистики на территории Гомельской области.
А – Мохов, лунница из объекта 4; Д – находки из разных мест
(1 – бассейн р. Сож; 2 – Юдичи; 3 – Плесовичи; 4 – Рассохи; 5 – Присно).

Рис. 3. Находки вещей эмалевой стилистики и римских монет на территории Гомельской области.
 1 – Рудня Каменева; 2–4 – Старый Кривск; 5, 6 – Телешы; 7 – Носовичи.

Рис. 4. Находки вещей эмалевой стилистики на территории Гомельской области.
 1 – Подлесье; 2 – Гомельская обл.; 3 – Коротковичи; 4 – Старая Гусевица; 5 – Лиски; 6 – Оношки;
 7 – Огородня-Гомельская; 8 – Ветковский р-н.

К статье Е.Ю. Тавлинцевой, Н.А. Кренке

Рис. 1. Алтуховский клад. Бронзовые и стеклянные предметы.
Фото вещей и подготовка иллюстраций: В.А. Раева.

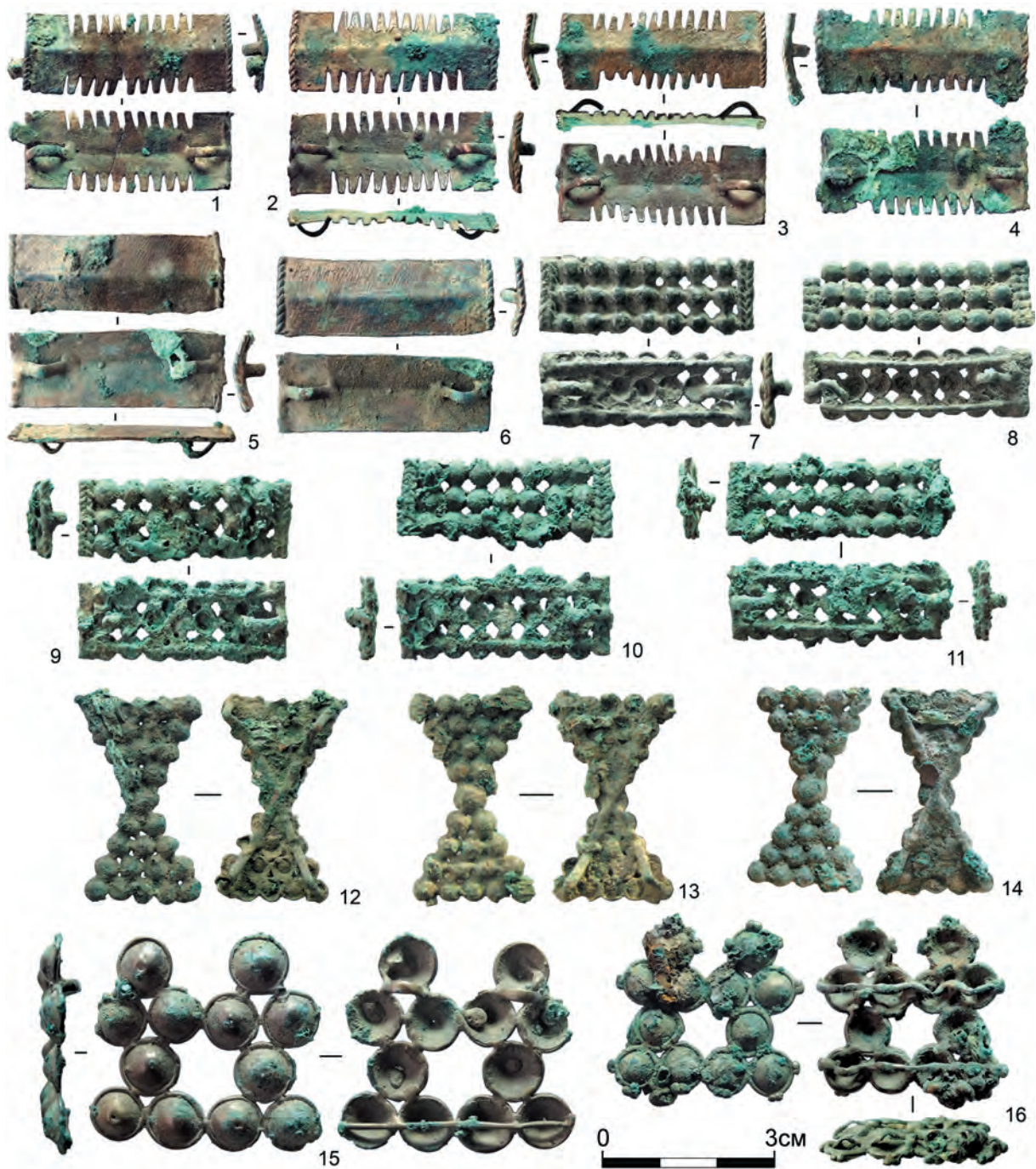

Рис. 2. Алтуховский клад. Бронзовые предметы.
 Фото вещей и подготовка иллюстраций: В.А. Раева.

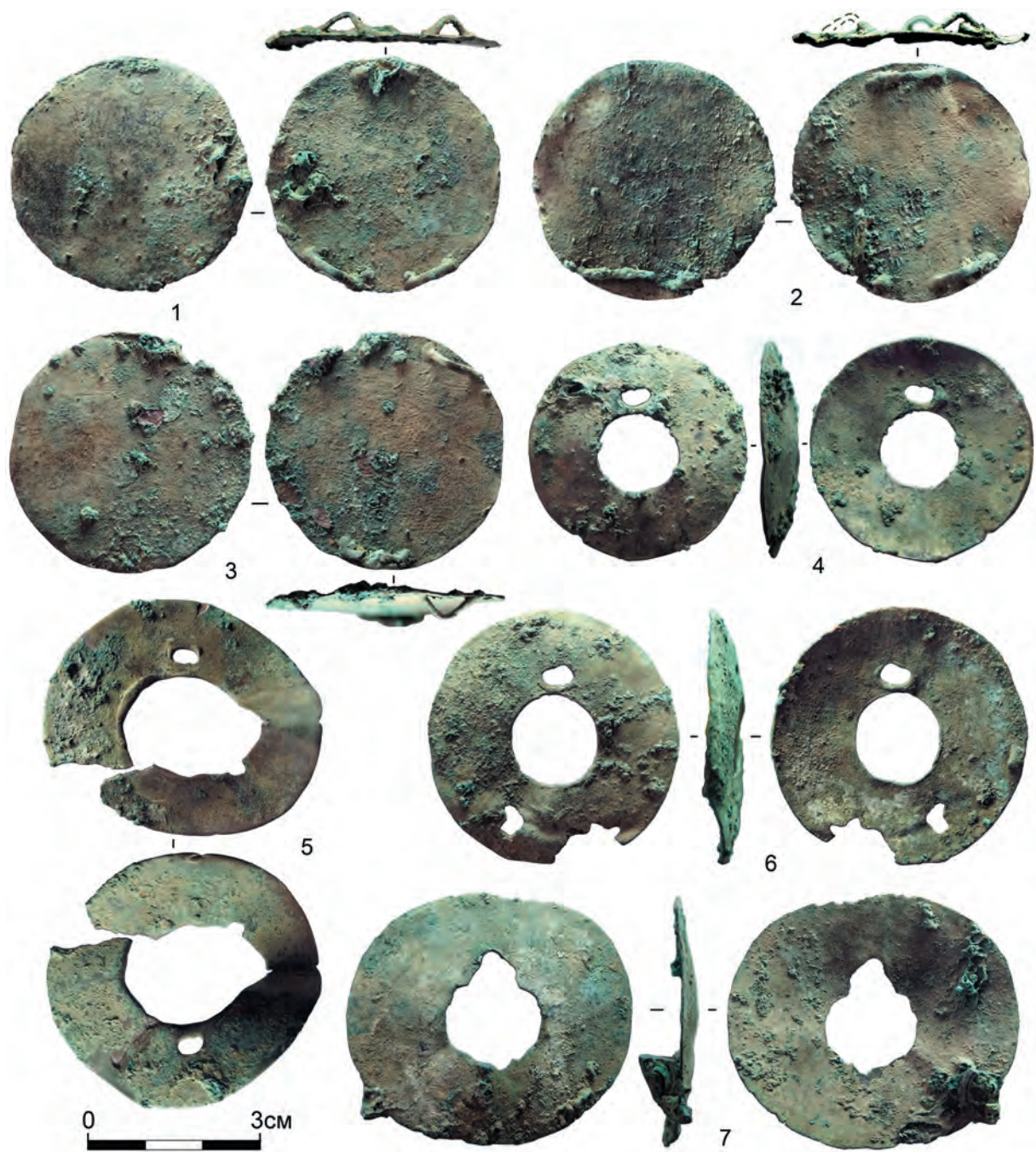

Рис. 3. Алтуховский клад. Бронзовые предметы.
Фото вещей и подготовка иллюстраций: В.А. Раева.

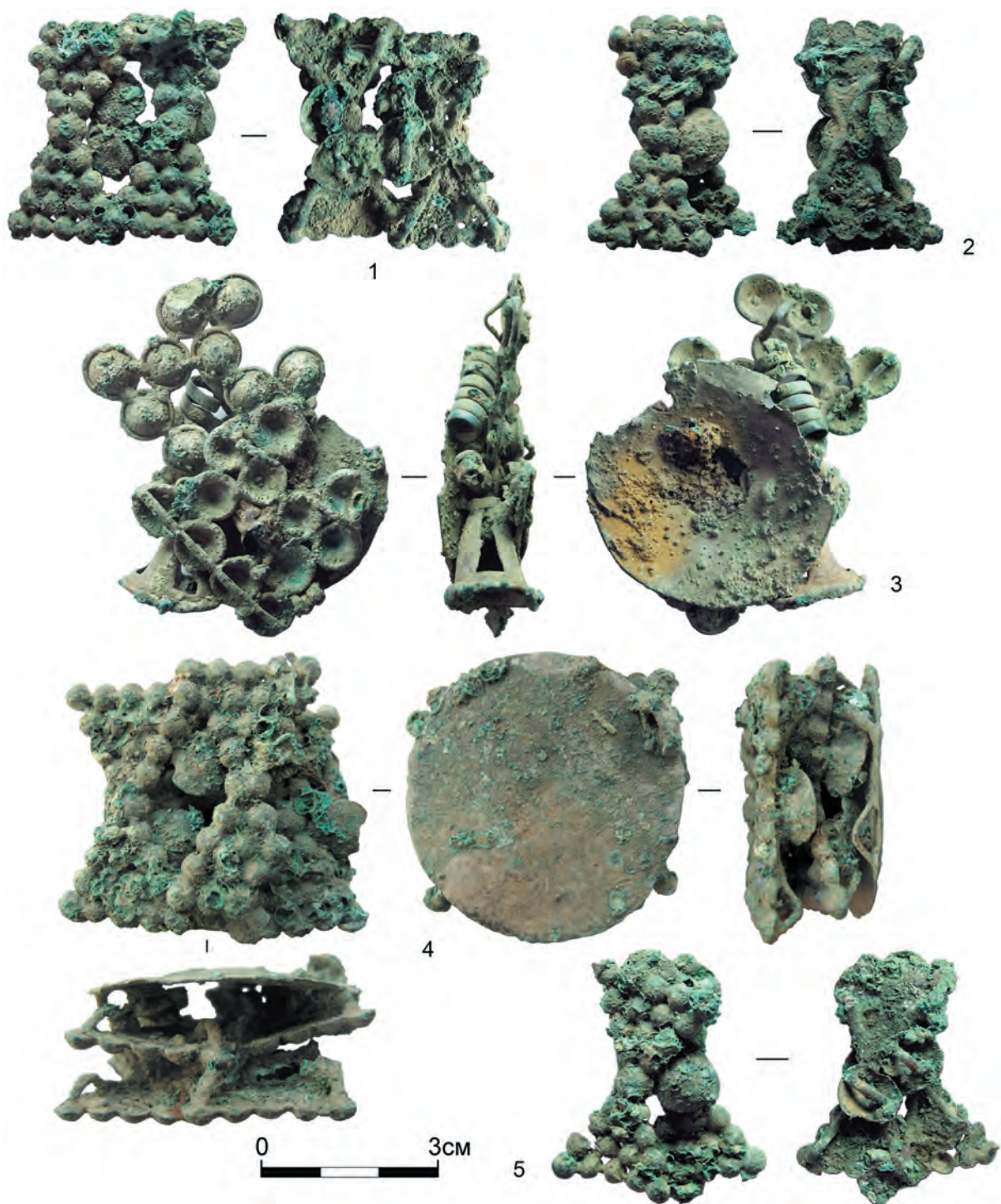

Рис. 4. Алтуховский клад. Бронзовые предметы.
Фото вещей и подготовка иллюстраций: В.А. Раева.

К статье О.С. Румянцевой

Рис. 1а. Формы для изготовления рифленых сосудов с поселения Комаров

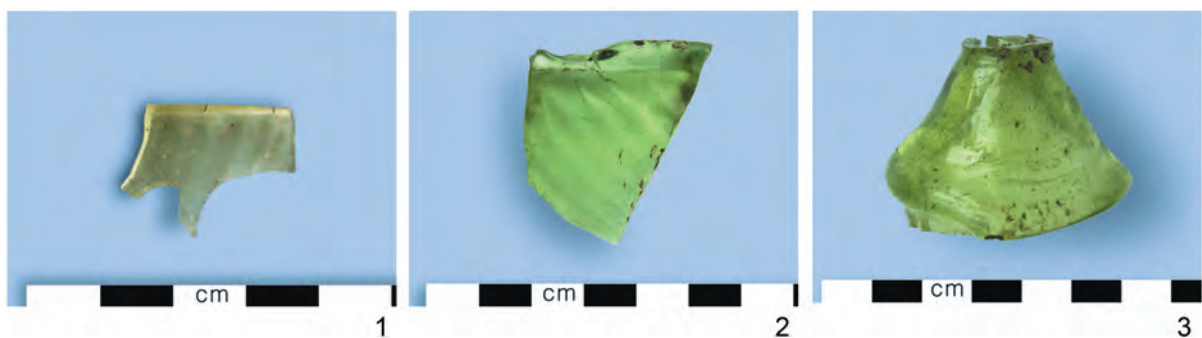

Рис. 4а. Находки из стекла с поселения Комаров. 1, 2 – фрагменты сосудов; 3 – колпачок.

К статье С. Трифуновича

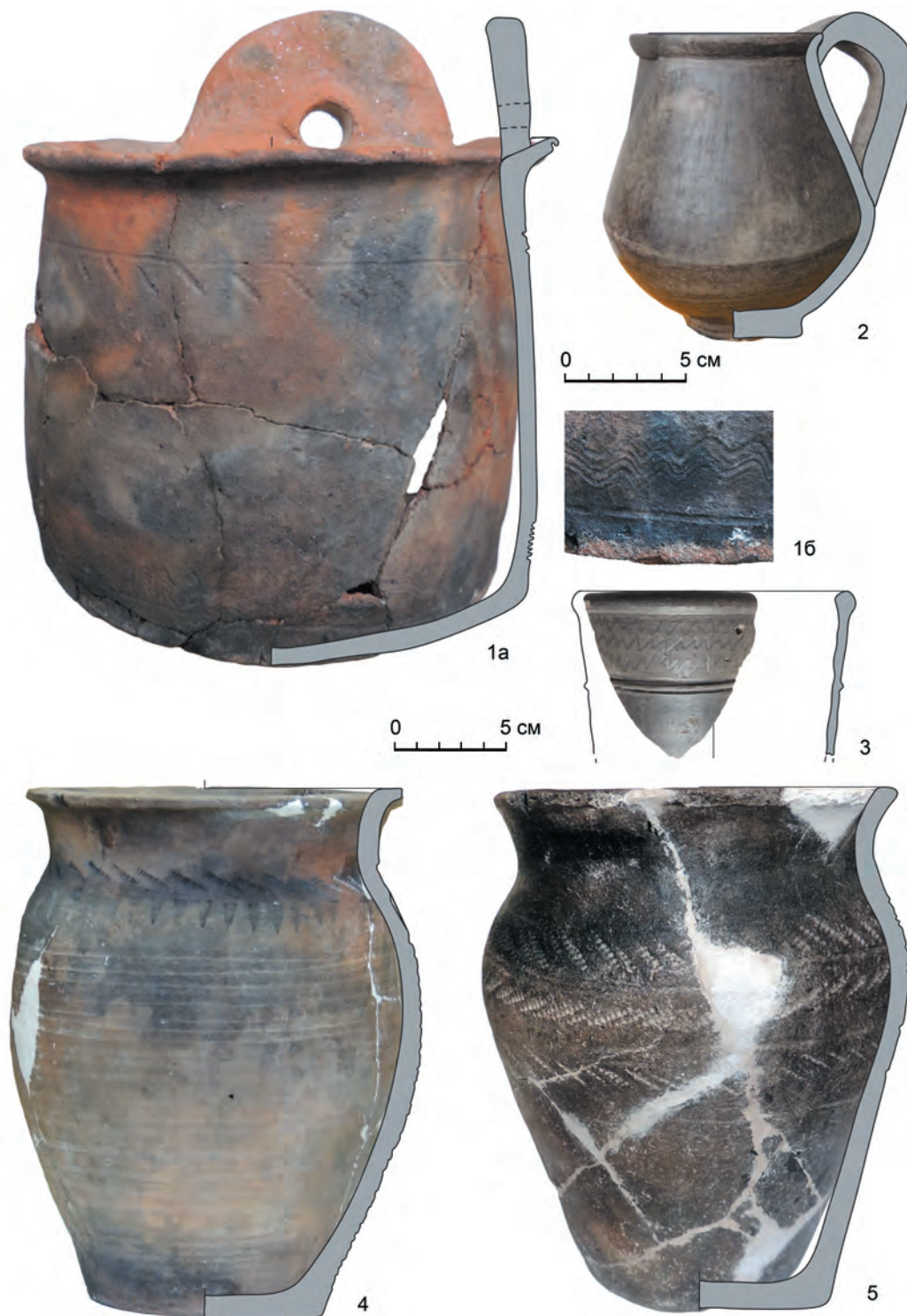

Рис. 2. Керамика, изготовленная на ручном круге.
1, 2 – Панчево-Рафинерия, объект 38; 3–5 – Чуруг-Стари Виногради
(3 – объект 157; 4 – объект 674; 5 – объект 945).

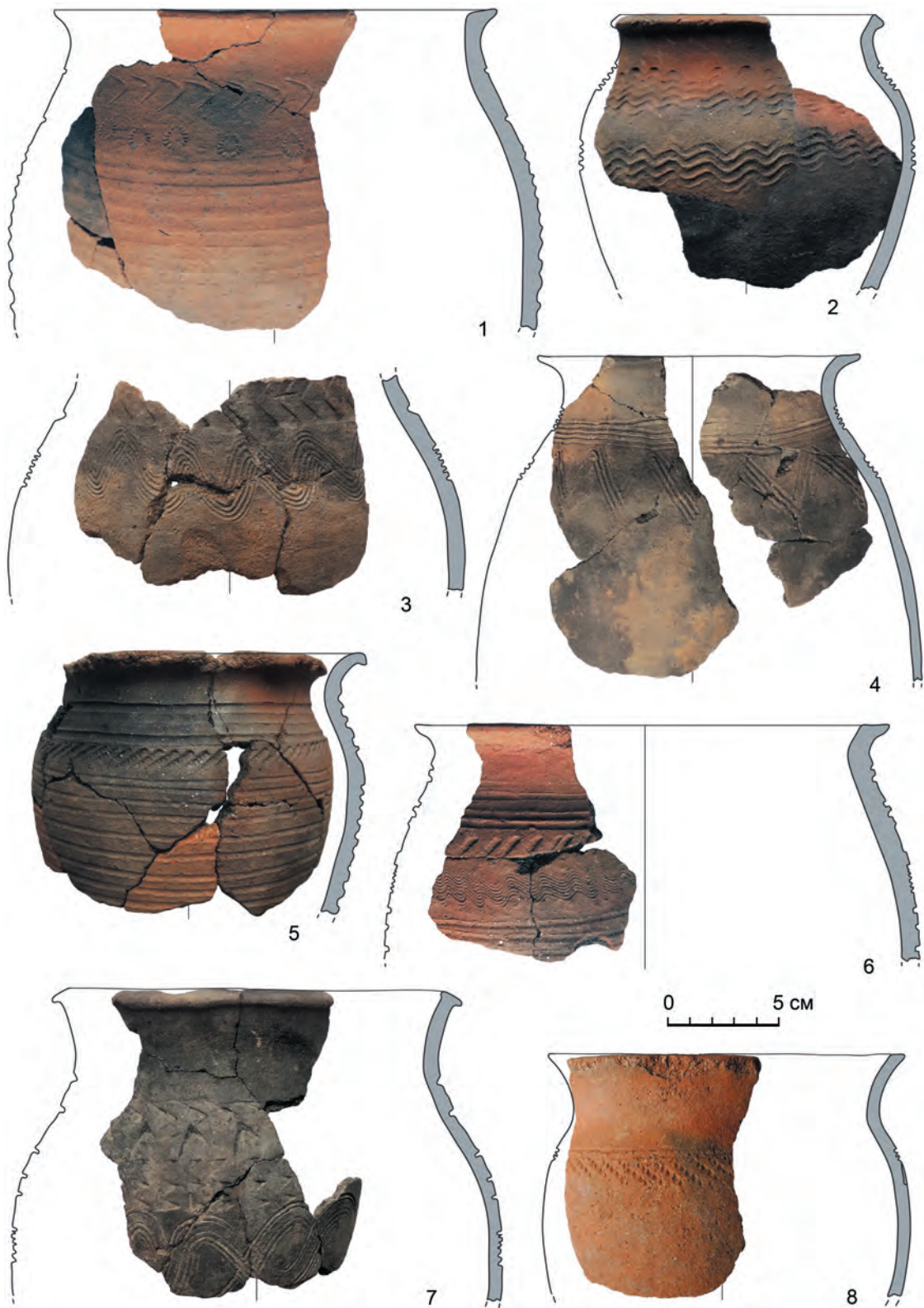

Рис. 3. Керамика, изготовленная на ручном круге. Чуруг-Стари Виногради.
 1, 2, 8 – объект 381; 3, 7 – объект 155; 4 – объект 157; 5 – объект 437; 6 – объект 479.

Рис. 4. Керамика, изготовленная на ручном круге.
 1–4 – Долово-Цигляна, объект 23; 5 – Падей-Цигляна, объект 76.

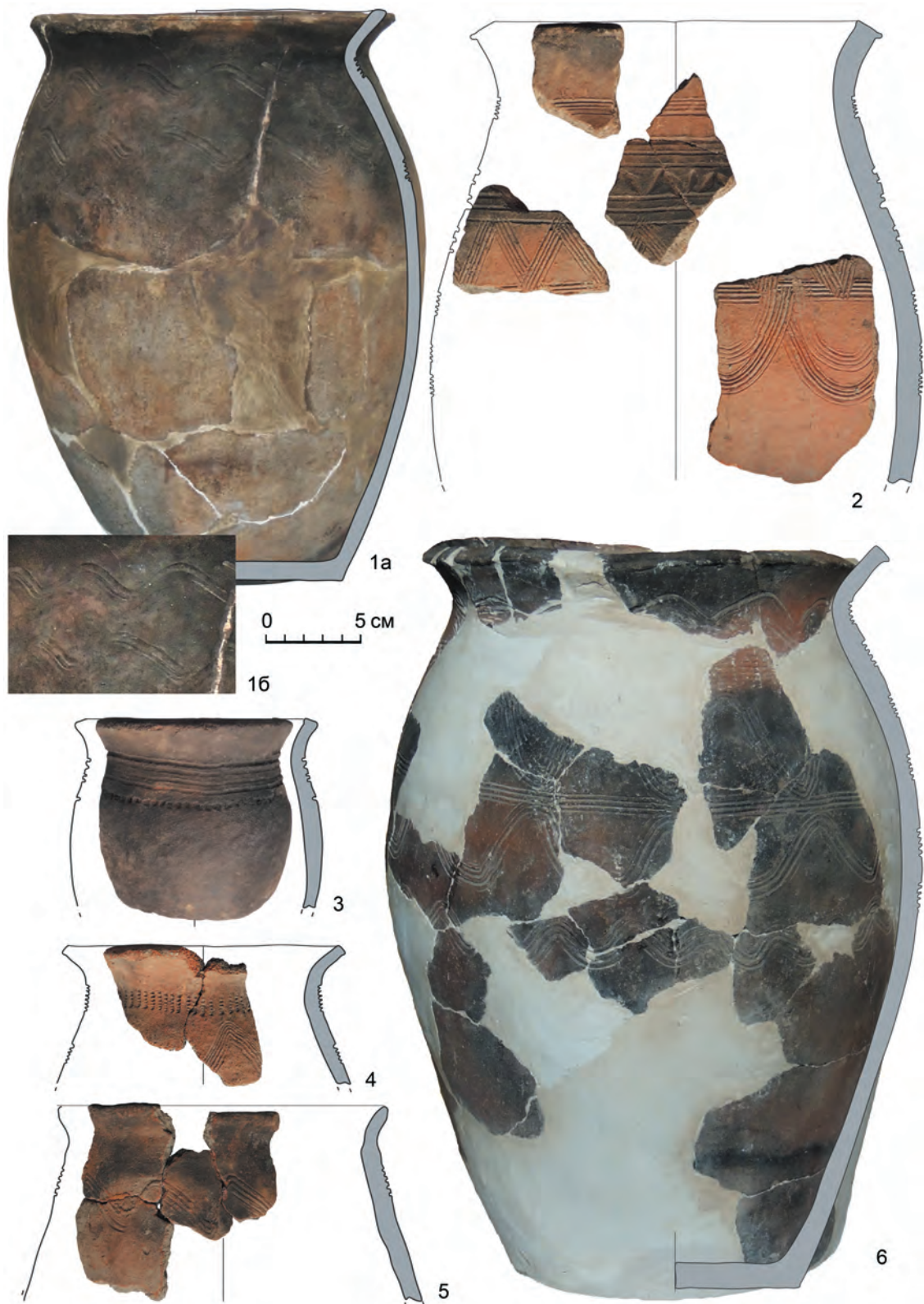

Рис. 5. Керамика, изготовленная на ручном круге. Падей-Цигляна, объект 76.

К статье А.М. Воронцова, Е.В. Столярова

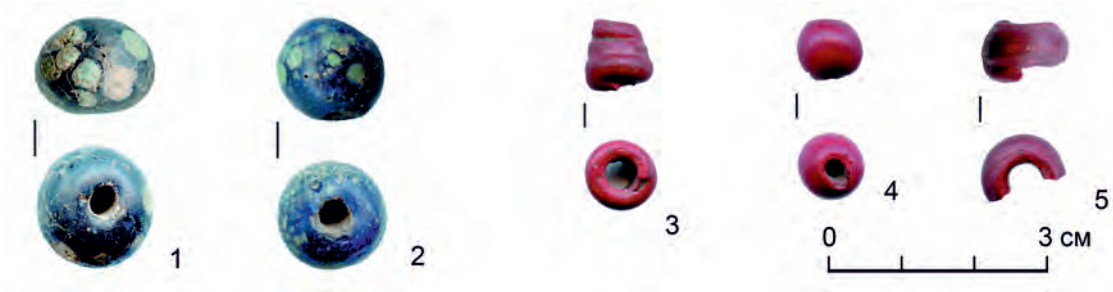

Рис. 6а. Стеклнные бусы из раскопа на поселении Упа 2

К статье Д.А. Сташенкова, Н.П. Салугиной

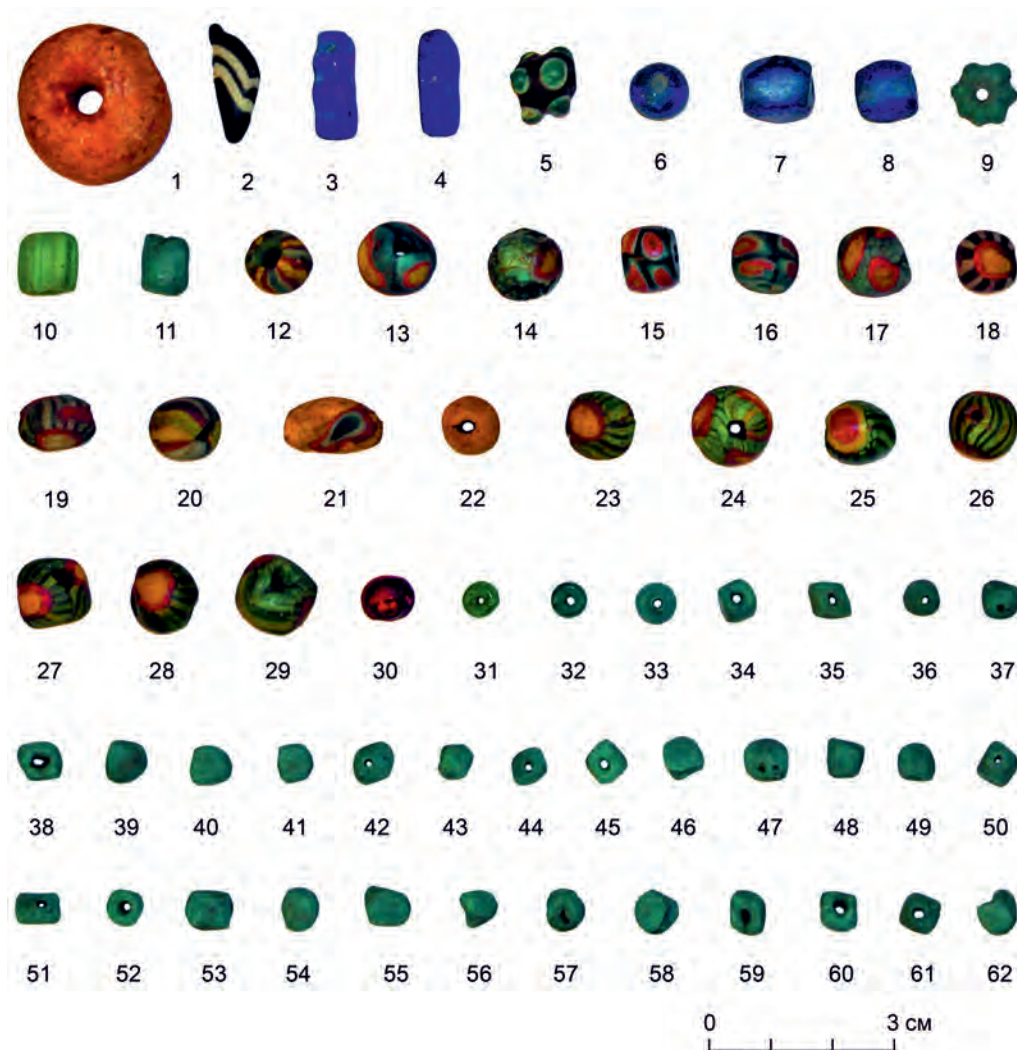

Рис. 5а. Жигулевский II грунтовый могильник. Раскоп 3. Инвентарь погребения 5. Бусы. 1 – янтарь; 2–62 – стекло.

Рис. 7а. Жигулевский II грунтовый могильник. Раскоп 3. Инвентарь погребения 5.
Лепные сосуды. Глина.
1 – сосуд 3; 2 – сосуд 2; 3 – сосуд 4; 4 – сосуд 5; 5 – сосуд 1.

На обложке – стеклянный кубок из могильника Ксизово 17А
(Задонский р-н Липецкой обл.). Раскопки А.М. Обломского
На задней стороне обложки – вид раскопа на памятнике Ксизово 17.
2007 г. Фото О.А. Горяйнова

Научное издание

**Европа от Латена до Средневековья:
варварский мир и рождение славянских культур.
К 60-летию А.М. Обломского
(Раннеславянский мир. Выпуск 19)**

Верстка: Д.И. Киселев

Подписано в печать 04.10.2017. Формат 60х84/8.
Усл.печ.л. 41,85. Уч.-изд.л. 40,7. Тираж 300 экз. Зак. № 1021

Институт археологии РАН, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Тамбовский полиграфический союз»
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А. Тел. 8 (4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru www.tps68.ru

